

Юрий Лужков

ВЛАСТИТЕЛИ,
УНИЧТОЖАВШИЕ
ВЕЛИКУЮ
СТРАНУ

Россия. XX век

Юрий Лужков

Властители, уничтожавшие великую страну

Россия. XX век

Москва
Вече

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Л 83

*В оформлении обложки использована картина
И.С. Глазунова «Мистерия XX века» (МИА «Россия сегодня»)*

В книге использованы фотоизображения МИА «Россия сегодня»

Л 83 Лужков, Ю.М.
Властители, уничтожившие великую страну. Россия. XX век / Юрий
Лужков. — М.: Вече, 2019. — 416 с.: ил.

ISBN 978-5-4484-0689-8

Знак информационной продукции 12+

В истории нашей страны в XX веке её властителями были революционеры и консерваторы, создатели и разрушители, государственники и псевдолибералы. Ни один из них не был последовательным продолжателем программы и действий предшественника, не у каждого были качества, необходимые для успешного владения. Слишком часто и слишком круто менялся курс государства, пересматривались основы политики и хозяйствования, а в итоге расплачивался за ошибки вождей великий народ.

В новой книге Юрия Лужкова повествуется о роковых ошибках, недоработках, провалах и промахах властителей России в XX веке, об их месте в истории и памяти поколений, об их роли и вине в том, что Россия не заняла в мире того места, которое могло бы по праву принадлежать ей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4484-0689-8

© Лужков Ю.М., 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019

На пороге Книги о власти

Авторское предисловие

Будущего нет в том смысле, что оно всегда впереди и всегда неизвестно. Оно приходит к нам в виде настоящего. Прошлое есть, и оно в целом всегда под рукой: изучено, реконструировано в искусстве, обильно прокомментировано. Оно нам якобы известно. Иллюзия эта жива по той причине, что в прошлом достоверно сохранён наш личный непосредственный опыт, наша единственная у каждого индивидуальная жизнь. Это — личное прошлое. Коллективное же аккумулирует опыт всего мира.

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что споров о прошлом больше, чем споров о будущем. При всей якобы открытости прошлого, в нём всегда есть тайна. Прошлое неисчерпаемо. В этом океане времени и событий мы ставим паруса под разные ветры, в разные уголки истории прокладываем курс. Можно, например, изучать проблемы исторической справедливости. Но ведь историческая справедливость чаще всего существует лишь в виде определённых, для кого-то (партии, государства, этноса, личности) выгодных трактовок. В виде идеализации чьих-то интересов. Это не эгоизм, хотя и такое случается. Это просто принятая субъектом система ценностей. Поэтому, например, одна и та же война одной стороной может восприниматься как национально-освободительная, а другой как кровавый бунт черни против цивилизаторов.

Один и тот же исторический деятель предстаёт, уйдя в прошлое, то великим преобразователем и создателем мощи государства, то патологически жестоким устройтеlem гонений на целые народы. Речь здесь не только о Сталине.

Где же правда?

В нас. Ей негде больше храниться, кроме как в сознании мира, в его памятниках разного рода — от доисторических петрографов на стенах пещер до всего, что есть наличный материальный мир, созданный человечеством: города, инфраструктура, науки и искусства, всё, что написано, изображено, напечатано, снято на плёнку, выковано, выстроено, начерчено, сказано, сохранено на всех видах носителей информации, включая сверхмощные серверы и школьные тетрадки с прописями.

Это непостижимо огромный мир, который в своей совокупности не подлежит ни адекватному восприятию, ни комплексной трактовке.

Так, но это утверждение относится только к человеку. А не к человечеству.

А ведь книги, например, пишет не человечество, а человек. Человек. И он вполне себе субъективно, как ему, по крайней мере, кажется, выбирает тему своей книги. Но это действительно всего лишь кажется. Каждая книга рождена неповторимым опытом, индивидуальным миропониманием, почти непреодолимой внутренней потребностью поделиться мыслью со своим временем. И с будущим, ибо прошлое наших книг не знает. Через миг настоящего они,

оставаясь в прошлом, адресованы будущему. Именно по этой причине автор включил в эту книгу главу «Алгоритмы лидерства», адресовав её молодёжи.

Сложным путём я пришёл к мысли написать книгу о власти.

Нет в России, да и во всём мире, человека, который не судил бы о власти, не судил бы власть или хотя бы не судачил о ней. Иногда более-менее компетентно, гораздо чаще, на массовом уровне, вкривь и вкось. Я не имею в виду добросовестных профессиональных историков или страстных любителей истории, философии, социологии и иных, сопряжённых с темой власти наук. Понятен и дорог их интерес к истории (а это всегда в огромной степени история власти) как науке и к истории как таковой. Это — неутолимый, благородный интерес исследования и познания, он даёт замечательные, хотя часто и спорные, что в принципе и неизбежно, плоды. Не менее любопытны, часто оригинальны и по-своему глубоко бывают суждения о власти, генерируемые «человеком перед телевизором», то есть теми, кто просто погружен в идеологизированный информационный поток.

Своеобразной загадкой является то, что зачастую суждения и выводы признанных авторитетных специалистов отличаются от суждений и выводов простого человека лишь лексически. И это происходит отнюдь не по причине самоочевидности обсуждаемого материала. Дело, может быть, в базисном историческом инстинкте критического отношения к власти. Этот инстинкт сформировался, как нетрудно понять, не в тепличных условиях, потому, наверное, он так точен в своих проявлениях.

Активизация этого инстинкта вызвана суровеющей неопределённостью жизни в текущем и предшествующих периодах времени, сбоем актуальных ожиданий, попыткой, опираясь на доступный информационный слой, хоть на какой-то срок вперёд углядеть, почувствовать, предвидеть ход событий. Люди пристрастны к власти, ибо они хотят верить ей — своей избраннице, ей, кому делегируют право решений, ей, которая то восхищает, то тревожит, то обнадеживает их. Бывает — обрушивает их жизнь в горнило страшных испытаний.

Размышлять о власти — дело совершенно естественное, это воздух общественной жизни, пища для упражнений ума, это у нас в России (полагаю, что и повсюду в мире) как бы межродственное ворчание.

Подлинно интересны читателям (и крайне необходимы в ситуации острого общественного интереса) эксперты по власти. Не чистокровные историки, философы или романисты в их профессиональном качестве, но именно эксперты. Знатоки, участники, очевидцы событий. Носители полной информации о власти. Люди исторического имени, оставившие в памяти народа не просто так называемый добрый след, а укоренённое представление о том, какая власть нужна для развития России, в лидере какого типа она должна быть воплощена, какими чертами и качествами оснащена. Те, кто способен сказать с в о ё слово о в л а с т и .

Я решил поработать вместе с моим читателем о власти как историческом, политическом, социальном, культурном и нравственном институте. О природе Власти, её видимой стороне и тайной (и таинственной) сути.

О пружинах Власти, её целях, методах, приёмах, технологиях. Об успехе Власти и успехе человека во Власти, носителя Власти. О том, что теми или иными своими действиями властители часто разрушают свое государство, как это было в России в XX веке.

Тема представляется если не неисчерпаемой, то уж точно заманчиво многогранной. Например, приход во Власть. Как, почему, для чего, для кого, с какими целями тот или иной исторический деятель, историческое лицо приходит во Власть.

Что делает во Власти. Как распоряжается ею.

И как теряет власть. Бывает ли свергнут, казнён, забыт, предан осмеянию или презрению — или, несмотря на это, вырастает исторически и человечески в представлении народа. Либо — укрупняется политически (пример — Дэн Сяопин). Или же — мельчает как личность, проваливается в обиды, начинает жить «в сослагательном наклонении», граждански тускнеет до неразличимости.

Как человек, побывавший во Власти, живёт потом (это на самом деле невероятно интересно, ибо жизнь после власти наилучшим образом обнаруживает глубинную суть человека). После власти каждый так или иначе занимается любимым делом. Кто творил и работал, не жалел себя, тот и в отставке творит, работает и не жалеет себя. В редких и драгоценных случаях расцветает как личность, обнаруживает новые свои достоинства и таланты, ранее заслонённые, отодвинутые в сторону потоком текущих дел.

Иначе говоря, живёт во всю силу, не будучи сражён уходом из власти, потерей власти по какой-либо причине. Такой человек — нравственно крупнее власти. Выше власти. И часто не любим властью.

Это сложная тема по той причине, что Власть сама по себе не свята и не грешна, но слишком часто и вынужденно бывает, в лице её носителей, и жёсткой, и жестокой, и милосердной, и бессердечной, и мудрой, и суетной. Власть — не отдельный ото всех нас мир.

На самом деле она есть смысловой концентрат мира и времени, некий видимый эквивалент противоречий и гармонии исторического периода.

Потому быть нравственно выше Власти невероятно трудно. Это удел избранных, а во власти ведь, как известно, «много званых да мало избранных».

Кто видел во власти всего только возможность пожить всласть, «для себя», как говорят люди, имеющие совсем уж утилитарное представление о жизни, тот и живёт «для себя», затейливо себя обслуживая. Но это — будущее забвение и презрение своего народа.

Видится целый сонм отечественных и мировых исторических персон, занимавших во власти вершинные позиции, и большинство этих персон, как бабочки на планшете, накрепко «пришпилены» к содержательной, репутационной, идейной системе координат. Этот реформатор, этот авантюрист, та — «избранница на троне», тот временщик, другой — диктатор, а вот ещё, например, и предатель Отечества.

На самом же деле всё гораздо сложнее и невероятно интереснее. Власть такой театр, где иногда основное действие разворачивается за кулисами, а не

на сцене. Где иной актёр превосходит талантом режиссёра. Где трагедия несёт в себе комическое, но ещё чаще за ровным течением сюжета в этом процессе сокрыты страсти огромного накала.

Я задумал рассказать о совести власти, искусстве власти, искусствах власти, её вершинах и пропастях. О таких вещах, как честь власти, зависимость власти, эффективность власти.

Крайне перспективной в творческом плане представлялось при создании книги сопоставление личностей, времён и опытов власти, когда героями очередных глав становились в чем-то родственные либо же во многом полярные фигуры властителей. Время — хороший оптический инструмент, он позволяет контрастно и без искажения цветов увидеть, например, такую условную «пару», как Пётр I и Екатерина II. Два лица, два образа, две ипостаси верховной российской власти — связь между ними невероятно, органически сильная, на поверхности же видится как бы сопоставление гранита и шёлка. Плотницкого топора и швейных ножниц. На самом деле это были два сильных, умных, изощрённо сложных политика, властителя, реформатора. Интересно, что между ними втиснулись несколько бездарных временщиков, этаких тонконогих политических «голштинцев», не понимающих страны, времени и собственного места.

Два пути к одной цели. Два грандиозных исторических деяния, о которых не замолкли споры и о которых и ныне есть что сказать.

Таких очевидных, а иногда и парадоксально соединённых пар — много. Так, было необыкновенно заманчиво рассмотреть деяния Крестителя Руси святого князя Владимира и Владимира Ленина. Ленин ведь тоже «крестил» Россию новой идеей, тоже пытался переменить её исторический путь.

Россия не обделена была сильными властителями, на её долю с лихвой выпало и тех, кому «корона» оказалась явно великовата... Опыт тех и других бесконечно интересен.

Книга — не только о российском опыте. Это самоочевидно, тут национальная рамка слишком многое отсекает от мировой грандиозной картины, потому совершенно непредставимо, что вне рассмотрения мог бы оказаться, например, Гитлер. Наполеон. Римские императоры. Черчилль. Мао Цзэдун. Индира Ганди.

Никого из отечественных и иностранных исторических деятелей человечество до конца не разместило в истории. Характерно, например, то необычайное общественное волнение, которое всколыхнулось у нас в России по поводу открытия в Орле памятника Ивану Грозному. Тому самому, который на картине Ильи Репина «убивает своего сына». Немалая часть противников установки памятника апеллировала в том числе и к этому убийству: нельзя, дескать, ставить памятник детоубийце. И мало кто вспомнил, что 22 апреля (в день рождения Ленина!) с ведома, а скорее всего, по решению Н.С. Хрущёва в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты гробницы Ивана Грозного и его сыновей. Исследованием было неопровержимо доказано, что царевич был отравлен ртутью или же умер своей смертью. Царский посох

не коснулся его виска. Но имя Грозный осталось в памяти людей крепче, чем Иван IV. А на Западе Ивана Грозного называют Иван Ужасный (Terrible), что совершенно искажает эту личность в глазах европейцев.

Подобных тайн история власти хранит неисчислимое множество. И о них тоже пойдёт речь.

Крупной внутренней темой книги является тема лидерства во всех его ипостасях и проявлениях. На вершине власти лидерство как раз и реализуется в самой своей полной и выразительной мере. Да, разумеется, лидерство и власть — не синонимы, но во власти нечего делать без лидерства в характере. На охоту без ружья не ходят.

Читателю, надеюсь, придётся по душе глава о том, как невероятно мудро устроена и каким роковым образом меняется власть в пчелином рою. Параллели с нашим миром были неизбежны...

Итак, дорогие читатели, перед вами небольшая, по сравнению с огромностью темы, книга о власти. Буду рад, если она окажется для вас интересной и полезной. Я написал её честным пером.

Куда ведет нас власть и зачем нужна власть

На второй вопрос легче всего ответить тем, кто никогда во власти не был. Таких людей всегда большинство. Их ответы лежат в широком диапазоне. Кто-то твёрдо убеждён, что власть нужна её носителям для свершения великих исторических задач. Другие считают, что власть нужна для обогащения государства. У третьих крепка вера в то, что всякая власть от Бога, чем оправдывается смутный или даже хаотичный смысл её действий. Четвёртые уверены, что задача власти состоит в наведении контроля и всеобъемлющего порядка. Пятые уповают на то, что власть должна дарить свободу. Шестые...

Сама же власть в лице властителя и его ближайшего солидарного круга решает одновременно множество задач, от геополитических до частных. Властитель, в идеале, — это создатель блага. Практически же он создаёт то, что считает благом: проводит реформы, разворачивает классовую борьбу, воюет или не воюет с соседями, вступает или не вступает в военные и торговые союзы. Понятно, что ни одно из этих действий не может быть окрашено позитивно или негативно без привязки в конкретным историческим обстоятельствам. То, что в одних условиях является подвигом, в других оборачивается преступлением. Множество подтверждений тому содержится в нашей и мировой истории. Так, использование подневольного труда миллионов жертв сталинских репрессий (преступление) позволило провести индустриализацию, подготовить страну к неизбежной войне и с победой закончить её в Берлине (подвиг).

Власть чаще всего самодостаточна в оценках своих реальных или мнимых достижений. В России власть подвергалась открытой критике общества лишь в начале и в конце XX века. Оба раза это заканчивалось коренным поворотом курса государства. В первом случае через революцию, во втором более мягко, малой кровью, но достаточно решительно. Что касается периода от Ленина до Горбачева, то мощный пропагандистский и в разной мере свирепый карательный аппарат без особого труда обеспечивал власти атмосферу «всенародной любви и поддержки» любых её начинаний.

Власть редко задаёт себе вопрос: зачем она нужна? Но если она не отвечает на этот вопрос, её исторические сроки сочтены. Ибо её молчание означает отсутствие цели, блуждание на маршруте, одновременную потерю идейной, политической, административной и моральной ориентации. И это относится не только к властителю и аппарату власти, но и к обществу в целом. Функция власти перехватывается у властителя ведущими за собой толпу оппонентами. Они являются, в свою очередь, ведомыми для гораздо более могущественных, чем улица сил. Современные информационно-пропагандистские полит- технологии в сочетании с внешним финансированием способны на большее, чем совсем ещё недавно казалось.

Лучший пример тому — потеря власти Виктором Януковичем на Украине, а до того в известной мере всеми его постсоветскими предшественниками на президентском посту. То же самое можно сказать о правителе Грузии «хитром лисе», «белом лисе» Шеварднадзе — бывшем министре иностранных дел СССР. Невероятно изворотливый, он действительно умел предвидеть ситуацию на несколько шагов вперёд (согласно присловию, что вовремя совершённое предательство есть предвидение), но не смог предугадать внутреннюю ползучую деградацию собственного режима, ибо не знал, куда вести Грузию. Дружил и с Москвой, и с Вашингтоном, но Вашингтон командировал в Грузию не по уму энергичного Саакашвили, а Москва дала этому резвому сменщику Шеварднадзе суровый и очень быстрый ответ на провокацию в августе 2008 года. Саакашвили же, обретя власть, предал Грузию, погрузив её в долгосрочный и бессмысленный конфликт с Россией. Дальнейшие его похождения происходили на глазах изумлённой Европы и всего мира.

Сокрыты в потемках перспективы Порошенко, бегущего за европейским автобусом вплоть до провального проигрыша на выборах 2019 года.

Констатируя всё это, мы не хотели бы уподобиться тем, кто, указывая на соринку в чужом глазу, в своём бревна не видит. Как не видеть...

В незнании властью ответа на вопрос, зачем она нужна, сокрыта тайна её дефектности. Нельзя нацеливать государство на процветание, не понимая, как, на каком пути, какими способами его можно достичь. Получается что-то вроде судорожной хрущёвской кукурузной эпопеи на пространстве от Крыма до Мурманска и от Калининграда до Хабаровска. Рождаются утопические программы построения коммунизма к конкретному сроку всего за двадцать примерно лет.

У коллективного Запада, в целом гораздо более осмысленно ведущего свои дела в течение не менее двух столетий, являются соблазны развязывания мировых войн, строительства однополярного мира, учреждения «управляемого хаоса» или, на худой конец, введения глобальных санкций и для конкурентов, и для партнёров. Результат достигается не тот, на который рассчитывали. В мире, всё более похожем на стеклянный дом, не стоит бросаться камнями.

Но это происходит. И противостоять этому почти что уже и не пытается деградирующая Организация Объединённых Наций — символ и механизм общемировой мудрости и справедливости. Маргинальной стала не только суть, но и форма происходящего в стенах ООН, а эти вещи в мировой дипломатии связаны накрепко.

Невольно возникают мысли о мировом кризисе власти, поразившем, по сути, большую часть государств планеты. Этот кризис выражается не только в экономической сфере, она на самом деле пока наиболее стрессоустойчива. Кризис — в нарастании фатального предощущения войны.

Вспомним, что европейский и мировой ландшафт в канун Первой мировой войны был гораздо спокойней и гармоничней, чем сейчас. Существовала наивная вера, что в «эпоху пулемёта» большой войны быть не может по

определению: слишком она представлялась кровопролитной. (Так сегодня абсолютное большинство считает, что понимание сторонами гарантированности взаимного уничтожения в случае ядерной войны никогда и никому не даст развязать такую войну.) Противоречия между европейскими державами в начале прошлого века не носили неотвратимого характера, мысль о необходимости начать войну с многомиллионными жертвами казалась безумной. Пока не прогремел выстрел в Сараеве.

Сейчас такой выстрел может прогреметь, например, в Сирии, в Йемене, в Ираке, Иране или на Корейском полуострове, и непонятно будет даже, кто первым нажал на курок. Европу можно поджечь на юго-востоке Украины. Есть и еще немало и «горячих точек», и мест, где удобно устроить начало апокалипсиса.

Кто будет в нём виноват? Кто, собственно говоря, тащит мир к пропасти?

Очевидно, власть. Именно власть. Те силы, которым служит власть как инструмент этих сил, назовём их словом Капитал.

Но ведь Капитал по природе своей не самоубийца. Это неутомимый труженик, производитель, интегратор, инноватор, гармонизатор мира. Эти черты не приписаны, они есть. Есть, правда, и Марксова безжалостная характеристика мотиваций и устремлений Капитала, но ведь с момента первой публикации одноимённого труда (1867 год) прошло более полутора столетий.

Фундаментальные закономерности, однако, потому и называются фундаментальными, что они не подвержены пересмотру каждые полтора века. Действие их распространяется и по вертикали, где вверху расположены процветающие национальные экономики, а внизу слаборазвитые, и по горизонтали, то есть на всём пространстве земли.

Напомним грозные умозаключения Маркса: «Обеспечьте капиталу 10 % прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы».

Речь о капитализме молодом, жадном, рвущемся к развитию, не облагороженном мировыми и национальными правилами игры. Но ведь и современный капитализм безжалостен, хотя и в десятки тысяч раз более производителен. Скажем в общем плане так: темпы роста мирового капитала значительно превышают темпы роста мирового блага, к тому же и благо это слишком уж неравномерно распределяется между государствами. Даже и в пределах одного лагеря, например Евросоюза, не говоря об общемировой динамике.

Власть той или иной страны (в принципе — каждой страны) стремится переместить свою экономику на более доходные позиции; власть некоторых стран — преимущественно бывших империй или сверхдержав — настроена и на буквальную экспансию прежних владений путём укрепления экономических связей, действия «мягкой силы», восстановления исторической справедливости (случай Крыма). Небольшие государства, за исключением историче-

ски уникальных (феномен Швейцарии), ищут себе новых господ, стыдливо называя их равноправными партнёрами.

При этом, выйдя из одной надгосударственной по отношению к своим частям формы (СССР), новые государства не полностью дееспособны, они не могут полноценно существовать в суверенном режиме. Таковы в большинстве своем постсоветские республики. Отторжение от ядра советской державы — России — обретает, если можно так сказать о геополитических процессах, истерический по форме, а в моральном аспекте и предательский характер. Переписывание истории, приписывание своему этносу всемирно-культурного значения, прямая ложь о якобы многовековом подавлении Россией множества талантливых и от природы благородных народов с твердым государственным началом — явление на постсоветском пространстве повсеместное.

Фантомное цветущее национальное прошлое, более древнее, естественно, чем совместное с Россией многовековое развитие, — это что-то похожее на «альтернативную историю», кружит головы придворным академикам, но сверх того — отцам нации, выросшим в политиков в республиканских обкомах КПСС. Из этого корня растёт новый национальный догматизм. Так, первый президент Украины Леонид Кравчук, главный идеолог ЦК КПУ на исходе советского периода истории, буквально «перебулся в воздухе», став в одночасье не только украинским националистом, но и соавтором Беловежского сговора, названного им позднее «мирным переворотом». Из Беловежья трудно, вероятно, было разглядеть грядущее кровопролитие. Кравчук, как и Ельцин, как и Шушкевич, были ослеплены блистательными якобы перспективами, где были невдалеке и президентские посты.

Примечательно, что этот процесс разбегания республик и государств имеет и другое измерение, прозорливо отмеченное гениальным Достоевским применительно к иным национальным сущностям в 1877 году: «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь именно с того, что выпросят у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают.

Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же, имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени.

Может, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед

европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее.

О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению.

Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации.

У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир, что после долгой парламентской бури пало наконец министерство в (...страну по вкусу...) и составилось новое из либерального большинства и что какой-нибудь ихний (...фамилию по вкусу...) согласился наконец принять портфель президента совета министров.

России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества...

Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство».

У Достоевского явный, нравственно справедливый (и полностью подтвержденный в конце XX века) укор славянским государствам за их предрасположенность к предательству России. Посмотрим теперь другую сторону медали: есть ли вина или хотя бы часть вины российской власти в том, что друзей и союзников последовательно теряли и Россия в дореволюционные времена, и Советский Союз, и Россия XXI века? Отчего мы буквально обречены на некую разновидность геополитического одиночества?

Ссылки на то, что в межгосударственных формированиях с участием России насчитываются миллиарды человек, не очень состоятельны: мы нужны, пока выгодны, и ни далее того. Только от отчаяния можно считать гарантированно прочными наши связи с Китаем. На земле нет более прагматичного

государства, чем Китай, нет более древней цивилизации, чем китайская, нет более изощрённого способа политического и властного мышления, чем китайские. Дружба с Китаем потенциально опасна, не дружить — остаться совсем уж одним.

Возвращаясь к исторической ретроспективе: слова Александра III «У России есть только два союзника: её армия и флот» нынче звучали в интонациях военно-державной мощи, а ведь в них слышна и историческая горечь. Собственно, почему так получилось, что у России только два союзника? И только ли у России такой их дефицит в современном мире?

Ответить на этот вопрос можно будто бы без запинки, но это иллюзорное представление. Ибо речь идёт уже не о разобщенности государств, а о разобщенности типов цивилизаций. Это более масштабный и сложный процесс. «В 80-е годы, — пишет Н. Ютанов в предисловии к знаменитой книге Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций», — успех в «холодной войне» определил два отправных пункта для идеологов Евро-Атлантической цивилизации:

- представление о том, что цивилизационный образ «условного Запада» стал в мире определяющим для современного мира и история в своем классическом формате завершена (Ф. Фукуяма);
- существование в современном мире множества цивилизаций, которые еще придется вводить в требуемый цивилизационный образ (С. Хантингтон).

Новая формула «цивилизованного» потребовала иного практического решения в системе цивилизационных отношений. И идеологами новой практики стали американцы З. Бжезинский с «Великой шахматной доской» и С. Хантингтон (с представляемой книгой). Бывший государственный секретарь США, описывая работающие геополитические технологии, назвал Россию «большой черной дырой на карте мира», а доктор Хантингтон отнес ее к православной цивилизации и практически списал на пассивную форму сотрудничества».

Вопрос на самом деле заключается в том, что Ф. Фукуяма в своих представлениях о «конце света» с треском провалился, что подтверждено с впечатляющей силой событиями самой новейшей истории. Что касается Бжезинского, то его патологическая русофобия явно победила его аналитическую мощь. Слишком сильные очки способны, в глазах ослепленного ненавистью, исказить реальность до неузнаваемости. Соперничать с ним может только Мадлен Олбрайт (вспомним пророчество Достоевского о славянах — корни Олбрайт в Чехии, Бжезинского — в Польше), прямым текстом высказавшуюся о том, что такая богатая Сибирь не может принадлежать одной, такой плохой и непослушной, России.

Хантингтон — разумнее. В зачине его книги есть такой впечатляющий пассаж: «3 января 1992 года в зале одного из правительственных зданий Москвы состоялась встреча российских и американских ученых. За две недели до этого Советский Союз прекратил свое существование, и Российская Федерация стала независимым государством. Вследствие этого памятник Ленину, красо-

вавшийся прежде на сцене аудитории, исчез, зато на стене появился российский флаг. Единственной проблемой, как заметил один из американцев, было то, что флаг вывесили вверх ногами. После того как замечание было передано представителям принимающей стороны, во время первого же перерыва ошибка была быстро и спокойно исправлена.

За годы, прошедшие после окончания «холодной войны», мы стали свидетелями начала огромных перемен в идентификации народов и символах этой идентификации. Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий — культурных. Перевернутые флаги были знаком перехода, но все больше и больше флагов развеваются высоко и гордо, а русские и другие народы мобилизуются и несут перед собой эти и другие символы своей новой культурной идентификации».

Мы еще вернёмся к этим размышлениям, но прежде полагаем необходимым сделать следующее отступление. Обозримая история человечества перенасыщена грозными пророчествами о его неминуемом и ужасном конце. Его предрекали еще египетские жрецы и христианские пророки. Мудрецы, философы и мыслители Средневековья создавали апокалипсические картины гибели мира. Многократно назывались даты Судного дня, чему и сами мы являемся свидетелями уже в XXI веке. Нострадамус, Ванга цитируются сегодня чуть ли не ежедневно, но прочитываются с излишней буквальностью и непосредственной привязкой к политическому календарю. Религиозные пророчества также ужасны.

Лишь небольшая часть такого рода предсказаний подразумевала, что человечество будет погублено в ходе природного катаклизма, большая же часть грозных версий возлагала вину на самого человека, погрязшего в пороках и грехах. Мировая этика, прежде всего религиозная, в базисной основе своей отрицала социальную практику неравенства, эксплуатации, кровопролития, угнетения, непомерного стяжания, безнравственности. Но в реальной жизни набожность сильных мира сего не мешала им творить злодеяния, если результатом их было приобретение богатства, славы, земель, рабов.

Власть в разных странах в разные времена тем самым давала пример глубочайшего морального лицемерия. Будучи по природе своей механизмом регулирования социальных процессов, она на самом деле стабильно, из века в век, проводила их разбалансировку.

Это обобщение выходит за рамки традиционного исторического анализа и устоявшихся подходов. Наша мысль заключается в том, что история мира могла бы быть более гармоничной, спокойной и созидательной, если бы изначально институт высшей власти был более совершенным и квалифицированным. Если бы он действовал по унифицированным правилам, включающим в себя механизм «защиты от дураков», как в современной сложной технике. Например, не позволял бы развязывать войны, угнетать людей, преследовать их за убеждения или национальность.

Можно предположить, что стремление египетских жрецов указывать фараонам, надгосударственное возвышение папы римского, желание православ-

ных патриархов руководить царём были проявлением необходимости морально обуздать деятельную, но безнравственную власть. Власть, однако, редко, когда сдавала без боя какие-либо свои полномочия. Да и священнослужители высшего эшелона были, по существу, неотъемлемой частью власти, её знаменосцами, вполне способными освятить и развязать, например, религиозные войны.

Нравственная квалификация власти... по нынешним временам «хоть имя дико, но мне ласкает слух оно». Является ли парадоксом то, что оценка деяний властителя после его отхода от дел и в более отдалённый период происходит с неизменным учетом моральной составляющей. Когда властитель на троне, он всегда почти «великий, мудрый, любимый», а по отрешении у него пуговицы на костюме пересчитают: не пришёл ли из жадности лишнюю, потратив на это народную копейку. Мы оцениваем так или иначе моральность властителя, полагая, что всё остальное — решения, действия, результаты — есть следствие его моральности или антиморальности.

Это не упрощение. В известной пушкинской мысли недаром нет компромисса: «...гений и злодейство — две вещи несовместные». Потому государственный гений Петра не помешал тому, что миллионы людей (а не только «реакционное духовенство») считали его Антихристом. А исторически якобы незадачливого Николая II не только православная церковь, но и десятки миллионов мирян полагают святым.

Власть претендует быть самым авторитетным учителем народа, но часто является самым плохим учеником истории.

Власть не должна думать, что в мировой пьесе все роли расписаны наперёд, что одним странам выпала участь водительствовать и процветать, а другим, как России, например, оставаться в роли региональной «бензоколонки». Есть, разумеется, глобальные закономерности, но, собственно говоря, что это такое?

Если до самого последнего времени считалось, что богатство государства обеспечивается его площадью и большими природными ресурсами, за которые столетиями шла изнурительная борьба, то каким образом в число экономических и технологических гигантов вошла небольшая, не располагающая природными ресурсами, перенаселённая Япония? Согласно какой глобальной закономерности Китай с его гипертрофированно большим, как принято считать, населением создал вторую экономику мира? Почему разгромленная во Второй мировой войне Германия стала в короткие исторические сроки ведущей европейской державой?

Почему в 2017 году ВВП Италии составил 1901,67 млрд долларов, а ВВП России всего только 1267,55 млрд? Давайте сравним территории...

Как удалось Соединённым Штатам Америки менее чем за два с половиной века стать ведущей мировой сверхдержавой?

Какие закономерности лежат в основе успехов или провалов государств?

Ещё один вопрос: почему процессы создания Европейского союза и демонтажа СССР были практически одновременными? Стремься к новому ци-

визационному уровню, мы в своей стране в одночасье развалили то, к чему Запад приблизился лишь в конце XX столетия.

Не на власти ли лежит вина за всё это? Не на болтливом ли, но не умном Горбачеве, не на энергичном ли, но заикленном на личной власти Ельцине?

Приходится констатировать, что так называемые исторические закономерности часто всего лишь описывают задним числом ход исторического процесса, выводя при этом за скобки объективную роль конкретной власти в конкретной стране в конкретный период.

Властитель — всего лишь проводник исторической энергии, прикладной инструмент движения исторического времени. Есть такая чрезвычайно убедительная версия. Складывается историческая необходимость перемен — появляется реформатор. Нужно воевать — появляется полководец. Назрела революция — тут как тут политический вождь. Хорошо, допустим. Но какая закономерность была в появлении на вершине власти сумбурного и неэффективного Хрущёва? Для чего он потребовался, этот бурный коммунистический догматик? Какие мировые тенденции привели к власти реформатора-разрушителя Ельцина?

Приходится признать, что-либо у каждой страны есть свой исторический рок, либо что слишком велика зависимость страны от качества личности во власти. И это, пожалуй, будет действительно историческая закономерность. Слишком часто, например, династические наследники власти быстро теряли нажитую отцами силу, растранили богатство нации, топили в крови народный мир.

Мы, Россия, попали в международную изоляцию во втором десятилетии нового века, но корневые её причины заложены в последних полутора десятилетиях века ушедшего. В истории нет другого примера добровольного самоубийства сверхдержавы. Что сказать — удивили, насмешили, пожинаем плоды. Попытки вернуть себе элементы прежнего статуса воспринимаются враждебно — и это естественно. Конкурент никому не нужен, борьба за рынки становится небывало жесткой, и для этого даже война не нужна. Борются не армии, а экономик, не солдаты, а деньги, и выигрыш выражается не в квадратных километрах захваченной территории, а в благополучии, процветании, финансовом, технологическом и культурном доминировании собственного государства.

А до территорий, трудно в этом сомневаться, дело всё-таки дойдёт. Китай недаром выстроил вдоль границ с Россией гирлянду городов-многомиллионников, НАТО не по случайному капризу насыщает базами близкие к нашим границам страны. США не без причин претендуют на общемировую принадлежность Северного морского пути. Не зря мировое общественное сознание приучается к достаточно спокойной реакции на гипотетическое применение ядерного оружия малой мощности. Хотя гибель от него также окончательна, как от самой мощной водородной бомбы.

Так или иначе, нет мира под мировыми оливами. И вина за это лежит на всех и каждом правительственных кабинетах, на ушедших и действующих

премьер-министрах, королях, наследных принцах, генеральных секретарях и отцах наций. Ибо ни одна пушка не выстрелит без команды, ни один военный корабль не поднимет якорь, ни один самолет не оторвется от взлётной полосы.

Этот мир управляем, но управляется он откровенно плохо, поразительно затратно, с ненужными скандалами, с бессмысленным зачастую национальным чванством и гипертрофированным самолюбием. В мире нет на самом деле не одиноких государств, нет государств всеми любимых и искренне уважаемых, нет соседствующих и при этом довольных соседом государств. Такова реальность, так живём, столько стоит тот или иной вариант частичного суверенитета, ибо полного — нет ни у кого.

Потому по возможности спокойно следует отнестись к умозаключениям Владислава Суркова, изложенным в статье «Одиночество полукровки». За изъятием некоторых частных следует согласиться с ней, но есть и необходимость комментария.

«14-й год нашего века памятен важными и очень важными свершениями, о которых всем известно и все сказано. Но важнейшее из тогдашних событий только теперь открывается нам, и медленная, глубинная новость о нем теперь только достигает наших ушей. Событие это — завершение эпического путешествия России на Запад, прекращение многократных и бесплодных попыток стать частью Западной цивилизации, породниться с «хорошей семьей» европейских народов.

С 14-го года и далее простирается неопределенно долгое новое время, эпоха 14+, в которую нам предстоит сто (двести? триста?) лет геополитического одиночества».

Нам представляется, что геополитическое одиночество, начавшееся в 14-м году является исторически комфортным временем по сравнению, например, с 41-годом, когда на нас двинулась вся Европа с Германией во главе, а прочий Запад отнюдь не торопился протянуть руку помощи. США, в частности, выжидали, кто станет проигрывать в мировой битве, чтобы присоединиться к сильнейшему. Нынешнее положение дел не в пример благополучнее: Европа тихо, но настойчиво давит на США с целью отмены антироссийских санкций. Делается это ради собственного европейского бизнеса, а не ради нашего благополучия, но факт есть факт. Убирать паруса по той причине, что ветер дует не с дружественной земли, не стоит.

Изоляцию пережило и молодое Советское государство, которое теми же Соединёнными Штатами было признано лишь в 1933 году.

После Великой Отечественной войны опустился «железный занавес», но и за ним наша страна развивалась и стала второй мировой сверхдержавой.

«В конце прошлого века стране наскучило быть «отдельно взятой», она вновь запросилась на Запад. При этом, видимо, кому-то показалось, что размер имеет значение: в Европу мы не помещаемся, потому что слишком большие, пугающе размашистые. Значит, надо уменьшить территорию, население, экономику, армию, амбицию до параметров какой-нибудь средневропейской

страны, и уж тогда нас точно примут за своих. Уменьшили. Уверовали в Хайека так же свирепо, как когда-то в Маркса. Вдвое сократили демографический, промышленный, военный потенциалы. Расстались с союзными республиками, начали было расставаться с автономными... Но и такая умаленная и приниженная Россия не вписалась в поворот на Запад».

Представляется, что этот пассаж несёт в себе не вполне точную трактовку причин распада СССР. Полагать этот процесс попыткой России войти в Европу означает слишком польстить Горбачёву. Если он и шёл в Европу, то один (в лучшем случае с группой лукавых советников), но не с руководимой им страной. Идея Европы «От Лиссабона до Владивостока» вряд ли всерьёз увлекала того, кто почувствовал себя едва не властителем мировых судеб. По той только причине, что именно он изнутри подорвал, подточил и разрушил сначала правящую партию — это абсолютную на то время «вертикаль власти», а затем, по существу, и государство. Не до Европы было торопыге...

До поры до времени идея Европы от Лиссабона до Владивостока интересовала Путина, полагавшего получить для России огромные (взаимные с Европой) выгоды от создания общей зоны свободной торговли, единого энергетического комплекса и единой системы образования и науки (всё ограничилось, однако, торопливым вступлением в ВТО, внедрением ЕГЭ в средней школе и Болонской системы в высшей школе). Многообещающими были намерения осуществлять взаимные инвестиции и технологический обмен. Всерьёз говорилось о присоединении России к Шенгену и отмене виз между Российской Федерацией и Европейским союзом. Мы давали европейцам понять, что наш вариант сближения сулит Европе независимость от слишком плотной опеки США в рамках евроатлантического партнёрства. Был интерес, это понятно, поставить Европу в большую, чем ранее, зависимость, снизить военные расходы, получить широкий доступ к европейским технологиям.

Появлялась гипотетическая возможность евроинтеграции, разом снимавшая проблемы с Украиной, Польшей, странами Балтии. Перечисленные страны, однако, не поддержали бы интеграционный процесс, поскольку их политическая и государственная идентичность зиждется на угрюмом национализме, нагнетании русофобии и наигранных страхах перед Россией. Эти «европейцы» слишком откровенно ориентированы на США, что раздражает не только фрау Меркель, но и брюссельскую бюрократию.

С точки зрения Европы Россия была нужна ей как громадный, но неравноправный топливно-сырьевой придаток, как объёмный и еще не насыщенный рынок, как возможность снизить значение военного фактора в общении с восточным соседом. При этом основным выгодополучателем становился бы Берлин, а не ревнивый к могучей Германии Брюссель (тут следует учесть, что при декларировании единства в Европейском союзе идёт достаточно жесткая «внутривидовая» борьба между «старыми» и «новыми» европейцами, да и между старинными друзьями в лице Великобритании и континентальных европейских государств).

Опасения потерять решающее, можно сказать, руководящее влияние на Европу сделало США противником «лиссабонско-владивостокского» единства. Вашингтон пугал европейцев тем, что сближение с Россией обозначает поглощение Европы. Но у США, несомненно, есть и понимание того, что, контролируя сотрудничающую с Россией Европу, они контролируют также и Россию, хотя бы секторально. Игра не закончена.

Таким образом, развал Советского Союза был обусловлен вовсе не его стремлением в Европу — этот путь для нас всегда закрыт и всегда открыт, но он предполагает всё-таки взаимную автономность и постоянную геополитическую игру с переменным успехом. Периоды потепления и сотрудничества будут сменяться периодами охлаждения отношений, но в целом никакой глобальной изоляции не будет, ибо она не выгодна.

В связи с этим сверхтяжелые задачи стоят перед российской властью, в особенности перед В.В. Путиным, на плечах которого ответственность не только за то, какой он передаст страну своему преемнику.

«Итак, Россия четыре века шла на Восток и еще четыре века на Запад. Ни там, ни там не укоренилась. Обе дороги пройдены. Теперь будут востребованы идеологии третьего пути, третьего типа цивилизации, третьего мира, третьего Рима...

И все-таки вряд ли мы третья цивилизация. Скорее, сдвоенная и двойственная. Вмещившая и Восток, и Запад. И европейская, и азиатская одновременно, а оттого не азиатская и не европейская вполне.

Наша культурная и геополитическая принадлежность напоминает блуждающую идентичность человека, рожденного в смешанном браке. Он везде родственник и нигде не родной. Свой среди чужих, чужой среди своих. Всех понимающий, никем не понятый. Полукровка, метис, странный какой-то.

Россия — это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока.

Каким будет предстоящее нам одиночество? Прозябанием бобыля на отшибе? Или счастливым одиночеством лидера, ушедшей в отрыв альфа-нации, перед которой «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»? От нас зависит.

Одиночество не означает полную изоляцию. Безграничная открытость также невозможна. И то и другое было бы повторением ошибок прошлого. А у будущего свои ошибки, ему ошибки прошлого ни к чему.

Россия, без сомнения, будет торговать, привлекать инвестиции, обмениваться знаниями, воевать (война ведь тоже способ общения), участвовать в коллаборациях, состоять в организациях, конкурировать и сотрудничать, вызывать страх и ненависть, любопытство, симпатию, восхищение. Только уже без ложных целей и самоотрицания».

Из всего этого суждения безоговорочно можно согласиться лишь с последним периодом, в котором в будущем времени описывается на самом деле

настоящее. Чего-чего, а ложных целей у нас всегда было в избытке, ну а недуг самоотрицания явлен и в этой статье. Мы переели этого самоотрицания, саморазвенчания, саморазоблачения и даже самобичевания — подобного примера самоедства нет в мировой истории, где каждая страна шьёт и порет историческое полотно исключительно таким образом, чтобы красоваться на нём, не имея на лице ни крохотной морщинки. У нас же голова до сих пор засыпана тремя слоями пепла покаяний и раскаяний, но не слабеют истеричные крики изнутри и снаружи: «Кайся! Проси прощения!»

У кого? За что? Мы, любители прощать исторические, политические, материальные и прямые финансовые долги, кому должны?

Мы на самом деле не третьестепенны, не неизлечимо больны. Но мы слишком сильно ослаблены в тот исторический момент, когда путь наш лежит в гору, на трудный подъём. И мы не разблокировали внутренние противоречия. Потому выступления президента в первые месяцы 2018 года звучат мобилизующе тревожно. Завтра будет труднее, чем сегодня.

Важно понимать, что ответственность за это в огромной мере лежит на власти.

В общецивилизационном плане необходимо подчеркнуть, что человечество вправе если не предъявить национальным властям глобальные системные претензии, то должно как минимум крепко задуматься о том, как, во имя каких явных и скрытых целей работает власть каждого государства. Что дает это государство миру и что берет у него.

Очевидно, что однополярная мировая система есть непомерная тяжесть, тащить которую пришлось бы одной мегаимперии, которая стремилась бы разложить огромный вес по спинам сателлитов. Но ей это тоже не надо, решать национальные проблемы можно не столь изнурительным образом. Отсюда следует, что возрастет межгосударственная конкуренция, что всегда сопровождается нагрузкой на власть.

Вопрос, насколько мы готовы к таким испытаниям, да еще в условиях вошедшей в практику импровизационной политики.

Но еще более серьезные трудности ожидают Россию в условиях вынужденного преодоления (или хотя бы адаптации) следующей, набирающей силу установки, сформулированной Хантингтоном: «В конце 1980-х коммунистический мир рухнул, и международная система времен «холодной войны» стала историей. В мире после «холодной войны» наиболее важные различия между людьми уже не идеологические, политические или экономические. Это культурные различия. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: «Кто мы есть?» И они отвечают традиционным образом — обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями. Не определившись со своей идентично-

стью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы».

Сказать, что это чистой воды лукавство — значит ничего не сказать. В этом гипотетическом мире уже нет идеологии (а она есть), нет государств (а они есть), нет идентичности (а она есть). Люди, оказывается, не могут использовать политику в своих интересах. Головокружительный пассаж «Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы» — это для каких социальных животных смысловая жвачка?

В такой системе ценностей нет места многонациональным государствам, ибо, по Хантингтону, люди идентифицируют себя с племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и — внимание, на самом широком уровне — цивилизациями.

Это даже не Средневековье, это поглубже и подальше, это опять забраться на деревья. Сидящими на деревьях легко управлять. Это заманчиво. Но, к счастью, утопично.

Можно легко предположить, сколько профессиональных и добровольных адептов такого миропорядка поведутся на такой зов. И с какой невероятной энергией будут добиваться они власти.

Тут следует вспомнить о корнях нынешнего представления о России, сложившегося на Западе. В 1890 году Фридрих Энгельс — кумир русских марксистов — писал, что Россия — «это огромная страна, населённая племенем, исключительным по своей однородности. Население редкое, но быстрорастущее... Это население заострено в умственном застое, лишено всякой инициативы, но в рамках своего унаследованного от предков быта может быть использовано решительно на что угодно: выносливое, храброе, покорное, привыкшее ко всем тяготам, оно представляет собой превосходнейший солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые классы решат исход боя».

Гегбельс, в 1941-м: «Невозможно себе представить, что произойдёт, если эти дикие орды наводнят Германию и Запад континента».

«Тенденция всего похода (война с СССР. — Ю.Л.) ясна: большевизм должен пасть... Большевистская зараза должна быть устранена из Европы. Против этого едва ли будут возражать Черчилль и Рузвельт... Итак: вперёд! Богатые поля Украины манят» (цитируется по книге З.Ф. Макаревича «Заговор профессоров. От Ленина до Брежнева». — Ю.Л.).

В 1942-м, о русских солдатах: «...дикари, объединённые в бандитские шайки», «их тупое упорство не следует рассматривать как воинскую доблесть».

История всё расставила по своим местам, но на нынешний день ялтинский миропорядок фактически не существует. Его демонтаж разбудил ту часть Европы, которая смотрит на Россию как на богатую землю, заселённую варварами. Варвары должны знать свое место. Но они этого дерзко не хотят, а вырезать их как индейцев не получается.

Со всей очевидностью представляется, что Россию ждут очень и очень трудные времена. Народ не может бесконечно ждать национального успеха, все время ускользающего за видимый горизонт событий. Советский коллективизм, столь комфортный для власти, становится прошлым и на глазах сменяется рыночным индивидуализмом. Такова расплата за перемены. Мы подобны спортсменам, впервые на самом деле участвующими в соревновании команд высшей лиги в новом для нас виде мирового спорта, где игра идёт по постоянно меняющимся правилам. Советского народа как субъекта истории уже нет. Есть лишь память о нём и преемственность патриотического сознания. Этого мало или, лучше сказать, недостаточно для исторического успеха.

Наступило время испытания всего, что есть Россия. В том числе её власти. Следует с горечью констатировать, что власть эта несёт в себе тенденцию хаотичной и при этом непобедительной политики. Власть — не искусна, из всего спектра возможностей и инструментов развития она никак не соберет нужный набор. Огромное давление развитого мира лишает Россию возможности свободного геополитического манёвра, большинство ходов России — вынужденные. Из этого, правда, не следует безоговорочный вывод, что они проигрышные.

Вопрос, вероятно, в том, что победа в этой мировой игре заключается не в конкурентном выигрыше какого-либо государства или блока, а во всемирном выживании и возможном общем благополучии. В терпеливом, незгоистичном налаживании нового мироустройства. Во взгляде друг на друга не через прицел, ибо никто не знает, кому на войне придется погибнуть первому, а кому второму. Да это и не важно, на всё про всё потребуются считанные часы.

Но если договоримся — впереди эпоха мирового процветания. У России есть шанс заявить о готовности сделать первые шаги в этом направлении. Пусть они будут трудными, возможно, компромиссными, чего не приемлет нынешняя российская политическая мысль. Пусть так, но вряд ли у нас есть более достойный вариант продолжения российской, а значит, и мировой истории.

Властители, уничтожавшие великую страну

*Признав реальность — не старайся её оправдать.
Это занятие для бездельников.*

Дэн СЯОПИН

«Погубит страну» — этот вердикт выносился в ушедшем XX веке, в разных обстоятельствах, каждому из одиннадцати правителей нашего государства Россия-СССР-Россия. От Николая II до Ельцина. И этот вердикт всегда имел под собой реальные обоснования.

У публицистов и политических писателей не принято начинать с обобщения, но я решил отступить от этого правила. Нужна твёрдая, ясно высказанная позиция, потому что её выбор укажет читателю «угол атаки», избранный автором. Это тем более необходимо, что в нашей книге, метафорически говоря, действительно «атакуется» власть одиннадцати правителей России-СССР- России, правивших нашей страной в XX веке. Это Николай II, Керенский, Ленин, Сталин, Маленков, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачёв, Ельцин.

Российской власти следует, по нашему убеждению, «предъявить обвинение» в том, что страна не заняла в мире то место, которого она достойна. Не поднялась на тот уровень, который ей был по силам. Сто полных лет она шла слишком противоречивым и неэффективным путём. Пришла в новый век, не укрепившись благотворной, казалось бы, демократией и не сумев создать естественный синтез мирового и советского, отнюдь не целиком неудачного опыта. Между тем этот синтез мог бы определить не только содержательную сторону национальной идеи, но и дать механизм роста страны во всех существенных составляющих динамичного развития.

Намеренная острота постановки вопроса необходима по той причине, что огромному числу печатных «историй государственного успеха», которые, как принято считать, тонизируют сознание и мобилизуют общество, должно же противостоять соразмерное количество излечивающих и поучительных исследований о потерях, упущениях, ошибках и преступлениях власти.

Ибо сладкое лекарство анестезирует, а горькое лечит.

Итак, размышляя о власти, правящей Россией в XX веке, я пришёл к одному из самых тяжёлых и, пожалуй, самых важных обобщений: российская власть, от Николая II до Ельцина включительно, последовательно уничтожала страну или же, что равнозначно, ослабляла её, дробила, подрывала народные силы, всячески, преступно ошибалась и столь же преступно недорабатывала.

Понимаю, что звучит это непривычно, парадоксально, но, увы, горькое обобщение достоверно подтверждено ушедшим веком. Простая линейная историческая хроника и самый краткий перечень действий власти убеждает в этом с такой

неопровержимостью, что душу охватывает трагическое чувство, а разум не может смириться с беспощадным диагнозом. Кажется, что лучше отложить перо, смолчать или хотя бы «сгладить углы», но дело в том, что родившаяся мысль уничтожена быть не может. Тема громадна, ракурс сознательно избран острый (не острее жизни, однако), и, конечно, всё это заслуживает более капитального осмысления. Тем не менее краткое, в рамках этой книги, исследование в любом случае полагаю необходимым представить. Используемый мною способ анализа материала с лапидарной краткостью описан советским академиком Б.Я. Владимирцевым: «Я хочу понять, как и почему всё это произошло?»

С термином «как» всё гораздо яснее, чем с «почему». Двадцатый век, как говорится, задокументирован, подробно описан, заархивирован. Он и осмыслен далеко не поверхностно, хотя, надо сказать, и противоречиво, но это неизбежно. Важно, очень кратко в данном случае, выделить в действиях власти то, что тормозило развитие государства или же убивало, уничтожало страну, её потенциал.

Никого из российских властителей не вычеркнуть из истории, ни над кем из них не следует, как это сейчас часто допускается, издеваться. Разговор нужен серьёзный. (Какая человеческая боль и обида прозвучала в просьбе А.Ф. Керенского, высказанной советскому журналисту Генриху Боровику в 1966 году во время интервью: «Господин Боровик, ну скажите там, в Москве, — есть же у вас умные люди! Ну не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!» Генрих говорил, что эта версия «жгла ему (Керенскому) сердце и через пятьдесят лет». Да, в женском платье не бежал, но истинная и огромная роль Керенского в разрушении России выяснилась лишь спустя десятилетия...)

В начале этого очерка хочу всячески отстраниться от того направления историко-политической публицистики (а по мне так, пожалуй, самой настоящей лженауки), которое называется «альтернативная история». Я не фантаст, ищущий необыкновенных сюжетов, понимаю, что можно подразумевать за словами «уничтожение страны» и что это есть не слишком уж одномерный процесс.

Дело в том, что регресс и прогресс страны подобны аверсу и реверсу монеты — это две стороны единого целого. При этом имеет значение «цена монеты» — «цена государства», страны, а эта цена могла бы быть на сегодня неизмеримо выше существующей. Потому и следует по возможности беспристрастно обдумать обозначенную тему в поучение и назидание и нынешней властной элите и, это гораздо важнее, идущим ей на смену. И, собственно говоря, поэтому беспристрастно задаю себе вопрос: что же такое уничтожение страны?

Посмотрим для начала данные по размерам территории и численности населения нашего Отечества на конец XIX — начало XX века.

Географическое положение Российской империи: 35°38'17" — 77°36'40" северной широты и 17°38' восточной долготы — 169°44' западной долготы.

Территория Российской империи к концу XIX века составляла 21,8 млн км² (это одна шестая часть всей земной суши). По площади Россия была вторым,

после Британской империи, государством мира. И это без учёта Аляски, входившей в состав России с 1744 по 1867 год и имевшей площадь 1 717 854 км².

Население Российской империи на 1914 год составляло, по данным МВД (без учёта Финляндии), 175 137 800 человек. Управление главного врачебного инспектора МВД, которое вело статистику рождений и смертей, давало другую цифру: 166 650 000.

Население СССР на 1926 год составляло 147 028 000 человек. Всего за двенадцать лет, считая с 1914 года, более двадцати миллионов людей были «сожраны» Первой мировой войной, революциями 1917 года и Гражданской войной. И кто возьмётся утверждать, что в этих безвозвратных потерях нет вины Николая II, Керенского и Ленина.

Это не спрямление темы. Статистика нужна не для того, чтобы «подпереть» её вывод, представленный в начале очерка. Хочется в самом прямом смысле поставить вопрос об ответственности власти. Это не прокурорский и тем более не адвокатский подход. Это, если угодно, подход потерпевшего (народа) — потерпевшего от неумелых, непродуманных и преступных действий власти.

О Николае II

Падение российского самодержавия символически началось с Ходынской трагедии, произошедшей ранним утром 18(30) мая 1896 года в северо-западной части тогдашней Москвы, на столичной окраине (сейчас здесь начинается современный Ленинградский проспект). Днями ранее, 14 (26) мая, состоялась коронация последнего российского императора Николая II. На Ходынском поле площадью около квадратного километра собрались за царскими гостинцами многие тысячи людей. В давке погибло 1379 человек, покалечены были более 900. Памятную коронационную эмалированную кружку с вензелями их величеств с тех пор прозвали «Кубок скорбей».

Кубком скорбей (Ходынка) начиналось и Кубком скорбей (Псков, где Николай II подписал 2 (15) марта 1917 года Манифест об отречении от престола) закончилось правление Николая II. Последняя капля царской крови упала в этот кубок в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь расстрела царской семьи (ночь с 16 на 17 июля 1918 года).

Правление Николая II взрастило его оппозиционеров — организаторов государственного переворота. В их числе были лидеры представленных в Думе политических партий, много крупных военных, верхушка буржуазии и даже некоторые члены императорской фамилии, в которую входило на момент коронации 60 человек. Эти силы предполагали после отречения царя регентство его младшего брата Михаила над законным престолонаследником — несовершеннолетним, неизлечимо больным сыном Николая II Алексеем. Регентом над регентом должен был стать национальный (и мировой) капитал, сращённый с государственной бюрократией.

Такова, если взглянуть поглубже, коренная причина Февральской революции. История, однако, распорядилась иначе. Царь отрёкся в пользу Михаила, Михаил от престола отказался.

Широко бытовало мнение, что Николай II был слабым, безвольным царём. Что же, к тому есть основания: ведь сильный властитель не гнётся перед оппозицией, а разными способами и средствами её изничтожает, и тому в нашей истории не счесть примеров. Сильный и умный властитель переигрывает оппозицию — есть и такого рода прецеденты. Делает оппозиционеров сторонниками — случалось и это. Николай выбрал жертвенный путь: понимая, что власть ушла из его рук, он не замарал их кровью. Ни до поры до времени шумных, но не очень деятельных оппозиционеров, ни тех, кто уже открыто встал против его власти.

Можно бесконечно долго спорить о том, был ли он силён во внешней политике и если бы был силён, то вступила ли бы Россия в Первую мировую войну и как развивались тогда события. Он вступил, был втянут в неё в силу многих исторических закономерностей. Россия в составе Антанты одержала, по существу, в этой войне победу, но понесла невиданные до того человеческие жертвы. Мировая война оказалась отличной стартовой площадкой для революции.

Ниже приводятся данные потерь Русской армии в Первой мировой войне, по различным источникам (данные Главного управления Генерального штаба Русской армии от 3 октября 1917 года; данные ЦСУ СССР 1925 года; расчёты Н.Н. Головина, опубликованные в 1939 году).

Источник	Погибло солдат и офицеров	Ранено солдат и офицеров	Пленные солдаты и офицеры
Данные ГУ Генерального штаба, 3.Х.1917 г.	511 068 убитых и 264 301 пропавший без вести, всего = 775 369	3 223 508	2 043 548
Данные ЦСУ СССР, 1925 г.	626 440 [Комм. 2] убитых и 228 828 пропавших без вести, всего = 855 268	2 754 202 [Комм. 3]	3 409 443
Расчёты Н.Н. Головина, 1939 г.	1 300 000 [Комм. 4]	3 850 000 [Комм. 5]	2 417 000

По данным западных источников, к моменту выхода из войны общие потери Русской императорской армии составили 1,7 млн убитыми и умершими от ран; 4,95 млн ранеными и 2,5 млн военнопленными.

Многое потеряв в той войне, Россия ничего не получила. Николая называли «кровавым» ещё до революции (в память о Ходынке и 9 января 1905 года), упорно прилепляли ему эту кличку большевики в период Первой мировой войны (у нас с такими определениями задержки не бывает), а уж после неё в

течение советских десятилетий его и вовсе не щадили. Что касается Ходынки, то в вину государю ставят банкет в посольстве Франции, где Николай с супругой якобы беспечно веселились в вечер дня трагедии. На самом деле был совершён неизбежный максимально краткий протокольный визит. Демонстрация 9 января была провокационно устроена большевиками, царя в городе в этот день не было, приказа стрелять он не отдавал. Поп Гапон после демонстрации прятался на квартире (не удивляйся, читатель) «буревестника революции» Горького.

У мировых войн и революций более сложные и запутанные причины, чем спрямлённо и одномерно писалось в советских учебниках. Власть в этих процессах — лишь одна из нескольких участвующих сторон. К тому же власть (всегда виноватая перед народом) и её носитель — властитель не полностью идентичны. Даже абсолютная власть несёт в себе воздействие чужой воли. И монархи, и генеральные секретари, и президенты играют иной раз по чужим правилам.

Речь идёт о том, что великим (хотя бы по масштабу деяний) правителем становится тот, кто эти правила пишет, а не тот, кто им подчиняется. Ленин, например, писал новые правила (часто кровью), Николай жертвенно подчинился старым. И не только в силу характера, но скорее в силу направленности личности на абстрактно понимаемое добро. В том числе и в политике, которая, в идеале, должна бы быть моральной, но в реальности слишком часто полагает мораль старой ветошью.

Ленин: «Мы в вечную нравственность не верим, и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма...»

Гитлер: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью». «Десять заповедей утратили свою актуальность. Совесть — еврейское изобретение, это недостаток, как обрезание».

Ленин истово верил в коммунизм, достигаемый через ничем не ограниченное насилие, через диктатуру пролетариата, через «мировой пожар». Гитлер строил вечный, как ему казалось и хотелось, Третий рейх, через планируемое и частично осуществлявшееся в соответствии с безумной программой уничтожение целых этносов и многих государств. Это была не только теория, но и реальная практика.

По иронии исторических судеб творение Гитлера было уничтожено творением Ленина. Первое (фашистская Германия) рухнуло в конце первой половины XX века, второе (СССР) было демонтировано в конце его второй половины.

Российская империя прожила, растя и развиваясь, более трёхсот лет. Могла бы и больше. В крахе её есть доля вины Николая II. И эта доля значительна. Основное её содержание: отставание от требований жизни в необходимых реформах власти, в земельной реформе, архаичность и неэффективность государственного управления, слишком высокая внушаемость в вопросах политики, слишком высокая (традиционная для России) доверчивость к Европе

и, наконец, столь сложный фактор, как Распутин, — пример недопустимости обретения сторонним лицом власти над властителем в духовной сфере. Ибо духовная (не в аспекте веры) власть над личностью быстро экстраполируется в область принятия властных государственных решений.

Николай II не способен был ни предвидеть будущее, ни планировать его.

В 2000 году Романов и казнённые большевиками члены его семьи были причислены Русской православной церковью Московского патриархата к лику святости «царственные страстотерпцы». Богом Император прощён.

Прощён ли Россией?

Что же касается собственно воли и силы характера царя, то прислушаемся к свидетельству русского историка и публициста Сергея Сергеевича Ольденбурга, осуществившего, по свежим следам, капитальное исследование о жизни и деятельности царя «Царствование императора Николая II». (Книга охватывает период 1894 — 1917 годов — от восшествия на престол императора Николая II до его отречения в феврале 1917 года. Первый том книги вышел в 1939 году, второй — через десять лет.)

«Государь, — пишет Ольденбург, — имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался и зачастую в конце концов добивался своего. Иное мнение было широко распространено потому, что у Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка... Мягкость обращения, приветливость, отсутствие или по крайней мере весьма редкое проявление резкости — та оболочка, которая скрывала волю Государя от взора непосвященных — создала ему в широких слоях страны репутацию благожелательного, но слабого правителя, легко поддающегося всевозможным, часто противоречивым, внушениям. ...Между тем такое представление было бесконечно далеко от истины; внешнюю оболочку принимали за сущность. Император Николай II, внимательно выслушивавший самые различные мнения, в конце концов поступал сообразно своему усмотрению, в соответствии с теми выводами, которые сложились в его уме, часто — прямо вразрез с дававшимися ему советами. ...Но напрасно искали каких-либо тайных вдохновителей решений Государя. Никто не скрывался «за кулисами». Можно сказать, что Император Николай II сам был главным «закулисным влиянием» своего царствования».

Уинстон Черчилль оставил нам такую оценку дела и личности царя: «В марте (1918 года. — Ю.Л.) Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа беспорна. <...> Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна. <...> Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании? <...> Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв

русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли?»

Для полноты палитры оценок приведём фрагмент статьи, посвящённой Николаю II, из 1-го (1939 год) издания Большой Советской энциклопедии: «Николай II был так же ограничен и невежествен, как его отец. <...> Присущие Николаю II черты тупого, недалёкого, мнительного и самолюбивого деспота в период его пребывания на престоле получили особенно яркое выражение. <...> Умственное убожество и моральное разложение придворных кругов достигли крайних пределов. Режим гнил на корню. <...> До последней минуты Николай II оставался тем, чем был — тупым самодержцем, неспособным понять ни окружающей обстановки ни даже своей выгоды. <...> Он готовился идти (сохранена орфография оригинала. — Ю.М.) походом на Петроград, чтобы в крови потопить революционное движение и вместе с приближёнными к нему генералами обсуждал план измены».

Ленин о Николае II в многочисленных статьях не высказывался, известна единственная, ему принадлежащая, характеристика царя как крупнейшего землевладельца, и только. В жизни они никогда не встречались, царю о Ленине ввиду его эмигрантской политической ничтожности и даже безвредности до 1917 года вряд ли даже докладывали. К казни царя Ленин, скорее всего, имел прямое отношение, сочтя расправу политически необходимым делом. Мемуарные свидетельства на этот счёт никем не опровергнуты.

Говоря обо всём этом, мы не собираемся отступить от идеи данного очерка: все российские и советские правители XX века должны были быть более эффективными, каждый из них сотворил множество ошибок, на совести большинства есть прямые преступления, даже с миллионными жертвами. Есть такие драматические ошибки и у Николая II.

Первой и главной из них можно назвать отсутствие у последнего российского царя интуитивного чувства истории, глухота к её грозным сигналам, унаследованная трехсотлетняя убеждённость в незыблемости монархии. Огрубляя, можно назвать это его качество политической слепотой в сочетании с человеческой добротой и личной жертвенностью. Самодержец не отличался прозорливостью мудреца, решительностью вождя, некоторой, необходимой для лидера, любовью к власти и жадной власти как инструмента действия. Да и что ему было любить и жаждать её, ему — законному властителю империи. Но ведь Пётр I и любил, и жаждал власти. Ленин боролся за власть с иезуитской ловкостью и бойцовским бесстрашием, не брезгуя абсолютно ничем — ни гениальным манёвром, ни жестокостью, ни беспринципностью. Сталин держал власть руками, как железными клещами. Ельцин ни в пьяном угаре, ни при болезни не расставался с современным символом власти — «ядерным чемоданчиком». Лишь однажды, перед погружением в наркоз (операция на сердце), Ельцин передал его Черномырдину. Первыми его словами после выхода из наркоза были слова, обращенные к Черномырдину: «Верни мне чемоданчик».

Николай свою власть, повторю, не любил и не берёг. Цену за это он заплатил смертельную, а с ним вместе такую же цену за падение империи заплатил и народ.

Ленин и Николай II — антиподы от А до Я; Николай II невольно пролил кровь, постепенно утрачивая власть, Ленин — захватывая её революционным наглым хапком, не считаясь с жертвами. Оба они навсегда останутся в истории противоречиво оценёнными, оба стали символами противостояния белых и красных, традиционной российской и новой советской империй, обоих до сих пор воспевают и проклинают.

О Керенском

Несколько фактов, имеющих символическое значение. Судьбы Александра Керенского и Владимира Ульянова имеют общее начало: родились они в один день — 22 апреля, но по разным стилям — Ленин по-новому, Керенский по-старому. Отцы их были учителями и знали друг друга. Будущие диктаторы появились на свет в Симбирске и учились в одной гимназии, где отец Керенского служил директором.

Прожив после революции долгих пятьдесят три года, Керенский скончался, а фактически покончил жизнь самоубийством в больнице в Нью-Йорке в 1970 году — это был год столетия со дня рождения Ленина. Сочтя Керенского виновником краха России, нью-йоркские русская и сербская православные церкви отказались его отпевать.

В советской историографии, а в особенности в массовом сознании, период между Февральской и Октябрьской революциями отложился несколько однобоко: большевики мудро маневрировали, Ленин с гениальной точностью определил дату взятия власти, а Керенский в качестве какого-то политического шута переживал перманентную растерянность. Между тем Керенский, по его словам, оказался «между молотом корниловцев и наковальней большевиков». К тому же он действовал в условиях двоевластия, когда нелегитимные Советы обрели нарастающую силу одновременно с ослаблением Временного правительства. Исторический миф, до крайности похожий на правду, воспроизводит обещание Корнилова «повесить на первом столбе Ленина, а на втором Керенского».

Шутов, однако, не вешают. Вешают диктаторов. Став, после череды занимаемых постов, в одном лице Верховным главнокомандующим и председателем Временного (как корабль вы назовёте, так корабль и поплывёт) правительства, поставив себя во главе так называемого «Делового кабинета» — Директории, Керенский действительно превратился в диктатора и объявил, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, о провозглашении России демократической республикой. Был создан консультативный орган — Временный совет Российской республики (Предпарламент), от которого Керенский потребовал полной поддержки действий правительства. Предпарламент принял

в ответ ничего не значащую уклончивую резолюцию, после чего Керенский выехал на фронт для встречи войск, которые должны были встать на сторону его правительства.

Политическая инициатива была им окончательно утеряна — по многим причинам и обстоятельствам. В политике это вещь отчасти допустимая, во власти — губительная.

Период между двумя революциями был политически невероятно плотен; нам важно понять, что и в гражданско-обывательском сознании, определяющем в исторических судьбах больше, чем обычно принято думать, это было время небывалое. Нет больше царя! Рухнула проклятая монархия, мешавшая и многочисленным партиям, и промышленникам, и военным, и крестьянству, и пролетариям, и землевладельцам, и думцам, и бюрократам, и молодёжи — и всем им казалось, что причина их проблем — это ненавистный царь. Иные мнения не прорывались сквозь шум всеобщей радости.

Разочарование пришло скорее, чем ожидали. История совершила свой следующий шаг, оставляя в прошлом не только Николая Романова, но и весь уклад жизни, всю симфонию богатейшей российской действительности, все перспективы быстрого послевоенного развития с обретением новой российской мощи.

Революции всегда закономерны, говорила нам советская историческая наука. В глобальном смысле — да, отработавший свой ресурс строй должен сменяться другим, более динамичным и прогрессивным. Это и произошло в России.

А почему не произошло в Европе? Капитализм (обобщённое название) как был там сто лет назад, так и остаётся. Русские смертельно напугали западный капитал, крутанув красное колесо своей революции. Было принято масштабное решение наладить социальный мир — и жива, и процветает старушка Европа.

Николай выпустил из рук штурвал власти — и он обратился красным колесом.

В чём историческая вина Керенского перед Россией?

В том, что, не будучи вождём по сути, нельзя брать в руки полномочия вождя: они всё равно не будут реализованы.

В том, что властитель должен прозревать опасности, квалифицируя их по степени угрозы для страны, а не впадать в иллюзии, ибо они сжигают власть быстрее огня.

Властитель, не обладающей чувством исторической перспективы вольно или невольно подталкивает государство к хаосу.

«Главные проблемы, — говорит профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук Борис Миронов, — начались именно после Февральского переворота. Либерально-демократическая оппозиция, которая заваривала кашу, оказалась не готова к тому, чтобы проводить адекватную обстоятельствам политику и нести ответственность за страну. Милюков, Керенский и прочие господа обвиняли в трусости и слабости

Николая, но сами, придя к власти, повели себя еще хуже. Временное правительство решило во время войны проводить демократические преобразования, привлекая широкие «общественные силы» для решения государственных задач. Однако вследствие поспешных преобразований всех царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок была парализована или затруднена работа государственных и частных служб, промышленных предприятий, транспорта, судов и органов охраны правопорядка. Наступил тотальный институциональный кризис. В результате за восемь месяцев был нанесен сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, эффективности управления; началась анархия, развалилась армия, выросла преступность. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране, привела к новому взрыву революционных страстей и породила октябрьское восстание — слишком уж очевидным оказалось несоответствие между действительностью и ожиданиями от свержения монархии.

Большевики умело воспользовались моментом, хотя до февраля даже Ленин не верил, что доживет до революции. В отличие от кадетов и прочих слюнтяев они сумели не только захватить, но и удержать власть, которая валялась под ногами. Это повлекло за собой позорный выход из Первой мировой и спровоцировало гражданскую войну. Но большевикам удалось железной рукой восстановить общественный порядок. При этом они имели поддержку лишь в крупных городах, среди рабочих, провинцию революционная волна долго не затрагивала, там люди жили иными заботами».

Всё это, увы, не абстракции, а концентрат, это диагноз для Керенского и Ленина, подтвердивших своим драматическим правлением древнюю мудрость: благими намерениями вымощена дорога в ад.

О Ленине и других

Для России, положившей на алтарь своей революции огромные жертвы, ужасающе губительна была кружившая голову вождя и его соратников безумная, иначе не скажешь, идея мировой революции. Фанатизм Ленина застил даже его политически ориентированный интеллект. Достаточно вспомнить, что революционный взрыв он предполагал устроить даже в сверхблагополучной, относительно других стран Европы, Швейцарии. Признаками мировой революции он считал всплески антивоенной, а местами и профсоюзно-экономической (борьба за права рабочих) активности в Германии, Венгрии, Италии, Испании, Англии, Америке и Японии, не обходя своим вниманием и исключительно аграрные на тот момент (1919 год) Иран, Индию и Китай. Наскоро собрав крайне скудную по представительству международную конференцию, Ленин назовёт его III Коммунистическим интернационалом. Далее Коминтерн будет сосать из России материальные соки и выкачивать колоссальные финансовые потоки ради якобы неизбежного торжества коммунизма во всём мире. Большая же часть этих средств раство-

рилась на самом деле в бездонных карманах международных авантюристов и политических проходимцев.

«...Победа коммунизма во всей Европе совершенно неизбежна... Движение идет так головокружительно быстро, что можно с уверенностью сказать: через год мы начнем забывать, что в Европе была борьба за коммунизм, ибо через год вся Европа будет коммунистической. Натиск против твердынь капитализма начался. Революция уже наступила!»

Это, читатель, говорил не Ленин, это говорил на коминтерновской конференции товарищ Зиновьев. Вернее, кричал с трибуны. Вне истерики, несомненно, такие мысли и идеи невозможны к озвучиванию. Ленину истерика пришлось по душе, не отверг её и разум. Сработал принцип «Главное ввязаться в драку, а там посмотрим». Нетрудно предположить масштабы революционного кровопролития, воистину мировые, пойдя тогда история по ленинскому пути. Не срослось. К счастью для Европы, но не для России.

«Нынешние российские коммунистические руководители, — пишет Леонид Млечин в книге «Десять вождей», — хотя стыдливо отмежевываются от феномена мировой революции. В программе Коммунистической партии Российской Федерации, принятой в 1994 году, утверждается: «Лжекоммунисты призывали превратить молодую республику в базу экспорта революции, в горячий материал для «мирового пожара». То ли лидеры нынешних коммунистов не читали Ленина, то ли, как всегда, надеются на «короткую» память людей. Записав Ленина — нечаянно — в «лжекоммунисты», авторы программы посчитали, что они отмежевались от идеи мировой революции, стоившей стране столь великих жертв... Но именно Ленин, человек, которому мы все верили, загнил миллионы химерой: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена...»

Повторяю, не срослось. Эксперимент, однако, был оплачен гигантскими человеческими жертвами, огромным отставанием созданной на крови Советской России от развитой капиталистической Европы и США. Это отставание, особенно технологическое, копилось и раньше, задолго до Октябрьского переворота (так большевики до 1927 года — десятой годовщины Октября — называли Октябрьскую революцию), но и революция жёстко притормозила, если на несколько долгих лет не остановила полностью, тот процесс стремительного экономического развития, который дал России великолепные темпы прогресса уже к 1913 году. На этот излюбленный статистиками и историками год пришлось 300-летие дома Романовых.

Главной датой XX века стал, однако, не тринадцатый, а 1917 год. Владимир Ильич Ульянов (Ленин) — великий революционер (по другим определениям, немецкий шпион, палач народов, вождь мирового пролетариата, самый человечный человек, гений, недоучка от философии — и это всё о нём) как будто обрёл, единственный в истории, ту точку опоры, которая позволила ему перевернуть мир. Он и впрямь перевернулся: в России слетели с кремлёвских башен золотые царские орлы, на их месте размещены были красные масонские пентаграммы, быстро налившиеся не масонским содержанием. На карте

мира появилось огромное Советское государство, выдержавшее иностранные интервенции и Гражданскую войну. Это государство победило немецкий (европейский и японский) фашизм — при временной и ограниченной поддержке части западного мира. Это государство достигло огромных темпов развития экономики, промышленности, науки, образования и культуры, стало второй на планете сверхдержавой — при Сталине и его преемниках, властвовавших в им созданной социалистической империи и его же проклинающих. Два последних советских властителя — Горбачёв и Ельцин — с клинической энергией способствовали погублению этого Советского государства.

В память о нём остались рубиновые звёзды на башнях Кремля да то материальное наследие СССР, которое хотя и расположено в территориально усечённой двумя умельцами России, но уже не полностью России принадлежит. Остался мавзолей, осталась во многих своих элементах среда — предприятия и архитектура, литература и искусство, наука и инфраструктура, памятники и награды. Всякая эпоха не уходит бесследно. От СССР остались память и опыт; опыт нельзя огульно перечёркивать, память не следует предавать снисходительному забвению. Стыдно будет перед детьми и внуками. Перед всем миром.

Парадокс в том, что, приходя на смену тирану, следующий за ним властитель начинает транжирить нажитой опыт, богатство, а заодно и авторитет власти с неудержимой и необъяснимой энергией. Хрущев получил в наследство от Сталина хоть и предельно уставшую, но вполне дееспособную и готовую к энергичным и плодотворным действиям власть в лице КПСС. Партия устала от репрессий — этот пресс с неё Хрущев снял. Но в считанные годы партия устала от метаний, бессистемности, удивительно неэффективной своеобразной крутости Никиты. Высший же партийный эшелон был солидарен с партией в вынесенном Хрущёву вердикте: погубит страну.

К тому и шло. Повторю уже прозвучавшую мысль: этот вердикт выносился в разных обстоятельствах каждому из десяти правителей нашего государства Россия-СССР-Россия. От Николая II до Ельцина.

Брежнев, сбросивший Хрущева с партийно-государственного трона, был властителем мягкосердечным, умным, не очень понятным до сих пор. Его характер и интеллект перестали что-либо значить в связи с годами тяжелых болезней и фактического ухода от дел. Весьма авторитетный в начале и середине правления, он стал в конце концов номинальной и осмеиваемой фигурой, подготовившей фактически состояние острой необходимости реформ, но предельно ослабившей ту силу, которой, согласно политической логике, следовало эти реформы возглавить. Сила эта — правящая партия.

Ничего уже не значили и ничего не могли сделать больные властители Андропова и Черненко, а когда за дело взялся невероятно энергичный Горбачев, то весь горячий пар у него «ушёл в свисток».

Соревнование Горбачева и Ельцина разрушило Советский Союз. Два этих деятеля нанесли нашему Отечеству неисчислимый вред, лишив его статуса и кондиций сверхдержавы.

Разумеется, СССР рухнул по множеству совокупных причин. Но в этом множестве есть одна, на мой взгляд, капитальнейшая — это историческая нежизнеспособность ленинского проекта. Допускаю высокую вероятность именно этой причины. Парадокс в том, что для осуществления ленинского советского проекта и временного, как оказалось, закрепления в истории Сталину пришлось совершить что-то, сильно напоминающее контрреволюцию. В частности, отказаться от идеи мировой революции и (свято место пусто не бывает) заменить её вынужденным для Советского государства созданием в Восточной Европе социалистического лагеря. Не будь его — третья мировая война могла бы разразиться еще до 1950 года.

Нежизнеспособность ленинского проекта подтверждена накопленными в советской империи центробежными силами, сработавшими как катапульта при катастрофе, когда появилась, при Горбачёве и Ельцине, возможность разбежаться по национальным квартирам.

В «Капитале» Маркса есть слова, которые большевиками воспринимались как индульгенция: «Насилие — повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым». А понимать их следовало бы как констатацию, причём нестандартную, ибо история породила неисчислимо много позитивного и без насилия. (К слову, задача реальной повивальной бабки в процессе рождения ребёнка — облегчить страдания, а не усилить их.)

Ленин объявил основной задачей захват власти любыми средствами. Таковыми оказались вооружённый переворот, репрессии, беззаконие (под лозунгом «революционной необходимости», когда речь шла о собственности и «революционной законности», когда речь шла о репрессиях), безжалостное подавление политического разномыслия, тотальный грабёж национального богатства с последующим щедрым спонсированием так и не случившейся мировой революции. Диктатура пролетариата как форма и способ правления принесла стране неисчислимые бедствия и потери.

Сторонники, соратники, единомышленники Ленина, на плечи которых он возложил практическое воплощение своих идей, чёрной работы не боялись. Не боялись и «красной», как, например, «демон революции» Троцкий, прославившийся личным участием в расстрелах. И Сталин, расправившийся в порядке конкуренции за власть с набиравшим силу Кировым — тоже ведь верный ленинец, переосмысливший, правда, главные ленинские замыслы и устремления. Многомиллионные жертвы — и не только 37-го года, но и периода коллективизации крестьянства — это на чьей совести?

Ленин превратил партию — свободное, по идее, собрание политических единомышленников, сторонников одной цели — во властный отряд, командная часть которого собрала в своих руках всю без остатка государственную власть, а вслед за тем неизбежно делегировала её одному человеку. Но делегирование это было формальным, ибо наступало на протяжении советских десятилетий после того лишь, как очередной партийный деятель прибирал власть к рукам в результате совсем недемократических процессов. Вождь для партии (то есть для «ума, чести и совести нашей эпохи»), а значит, и для всего народа всегда спускался «сверху».

При этом партия стала регулировать работу «социального лифта» — без партбилета пробиться в жизни на более-менее значимые позиции могли считанные единицы. Отсюда начался и принял огромные масштабы приток в партию карьеристов, которые от бескорыстного служения коммунистической идее были бесконечно далеки. Поэтому представляется наивным удивление, что КПСС рухнула едва не в одночасье, что никто не пошёл защищать свой райком и свой ЦК. Партии не было. А бегство из неё приняло массовый и демонстративный характер.

Трансформация партии в политический орден погубила хилую советскую демократию; её отдельные признаки робко проступали в институте Советов, но до самого распада СССР Советы были строжайше подчинены партии — не менее строго, чем, скажем, полностью декоративные профсоюзы.

Задавлены на многие годы были открытые политические дискуссии, необходимые для нормального (насколько это возможно при однопартийной системе) развития политической мысли и государственной социальной практики.

Вина Ленина перед Россией (а результат её — все жертвы и потери, свершившиеся при его правлении и продолжившиеся в течение десятилетий следования ленинскому курсу) заключалась в том, что коммунистический проект оказался, в ленинском его варианте, принципиально не реализуемым ни при каких обстоятельствах и нигде в мире. Кивки нынешних коммунистов на современный Китай ничего не доказывают — эта страна развивается по-своему никем не пройденному и ни у кого не скопированному пути. Нынешнее обилие левых партий не должно и не может восприниматься как подтверждение актуальности ленинского пути и в особенности ленинских методов. Левое движение — исторически необходимый и неизбежный противовес торжеству (часто хамскому) рыночной, либерально-демократической идеологии. Она, эта идеология, не то, что не без греха, она в политическом преломлении и в практической реализации бывает преступной («У вас есть нефть, значит, у вас нет демократии. Мы вылетаем вас бомбить ради вашей свободы»). Но она изворотлива, живуча, мобильна, экономически эффективна. Принцип «отнять и разделить» не выступает здесь на поверхности, хотя глобально присутствует, особенно когда речь идёт о природных ресурсах. Идеальная коммунистическая идея прекрасна, спору нет, но на ней слишком много крови. Как, впрочем, и на любой социальной идее цивилизационного масштаба.

Совершенно непонятно, каким может быть выход из современного мирового политического и экономического кризиса, если революционный (левый, коммунистический) путь в реальности невозможен, а эволюционный для множества стран недоступен ввиду накопленных внутренних противоречий. И того же, повсеместно распространённого в мире несовершенства власти.

Великие и неоспоримые достижения советского строя не есть заслуга Ленина. В гораздо большей мере это результат концентрации всех народных сил под властной волей диктатора Сталина, а позднее, когда количество этих усилий перешло в уверенное качество, инерцией набранного темпа развития.

Инерция, однако, не есть постоянная величина. Партия во второй половине века последовательно мутировала, идейно существовала в плену консерватизма, да и то худого, как ведро: например, когда-то гремевший интернационализм позднее в республиках тихо и настойчиво вытеснялся национализмом. Искренний революционный аскетизм и вынужденная сдержанность партийного потребления сталинского периода заменились при Брежневе жирным кормлением партийных бонз с ладони теневой экономики. Ельцин в одном с народом трамвае ездил недолго: обретя власть, он дал своей рати волю жрать в тридцать три жадных горла. Между тем государственное тело покрывалось сеткой морщин и глубоких трещин, пролегших по административным границам СССР.

Власть, внешне похожая до какого-то времени на крепкий спелый здоровый орех, тихо выгнивала изнутри. Для того чтобы развалить страну, оказалось достаточно сговора трёх случайных, по существу, людей, попавших во власть по стечению обстоятельств. Эти трое были: провинциально-хитроватый украинец Кравчук, бесцветно-простоватый белорус Шушкевич и быковато-напористый русский Ельцин.

Каждый из них, вступая в ленинскую Коммунистическую партию Советского Союза, писал в заявлении, что хочет быть в первых рядах строителей коммунизма.

8 декабря 1991 года Ленин перевернулся в гробу — в этот день эти люди подписали Беловежские соглашения.

Творение Ленина — Сталина перестало существовать.

Навсегда, как ему казалось, разгромив Сталина, Хрущёв и все последующие правители продолжали ехать в том историческом локомотиве, который Сталин собрал, поставил на рельсы и придал ему мощное ускорение. Вся чистота коммунистической идеи, все заклинания о приверженности правде и справедливости, о принципиальности и мужестве — всё это было опровергнуто коммунистами СССР в тот момент, когда, как по команде «все вдруг», вчерашние захлёбывающиеся от верноподданнического преклонения и восторга люди стали с энтузиазмом крушить кумира — Сталина.

Понять их было можно, впрочем: сказали тиран, значит, тиран. Не сказали тиран, значит, не тиран. Партия научила народ колебаться в соответствии с её линией. И научил её этому не кто иной, как Иосиф Сталин. Тот, кто, создав действительно сильное государство, стал на старости лет презирать своих соратников, предрекая им политическую ничтожность (что во многом и оправдалось). Кто боялся своих охранников, тридцать три раза проверенных на лояльность и преданность. Кто стал ненавистен всему высшему властному ареопагу.

Говорить о недостатках, пороках, ошибках и преступлениях Сталина в рамках этого очерка особой необходимости нет. Со времён Хрущёва каждое

новое поколение получает сильную прививку ненависти к тому, на чьей совести кровь миллионов людей. Книги, фильмы, телевидение — всё это слилось в обличительный поток, и, разумеется, не без причин. Коренная вина Сталина доказана и заключается в том, что, перемалывая невинных в мясорубке репрессий, Сталин убивал то, что строил, — великую страну. Не понимать этого — означает быть слепым.

Но и безоговорочно признать, что у него и у этой великой страны не было врагов, было бы либо откровенной ложью, либо доходящей до глупости наивностью. Были враги — была и борьба. Была, в конце концов, Вторая мировая война — против СССР. Известен её результат.

Миллионы и миллионы людей в России и во всём мире никогда не согласятся с бесчестным замалчиванием роли Сталина в достижении Великой Победы. Когда властитель страны — наследницы Победы, нашей России, — не позволяет в День Победы разместить портреты Сталина в местах встреч ветеранов Великой Отечественной войны — это не делающий чести и абсолютно ничем не оправданный поступок. Главнокомандующий не должен оскорблять ветеранов. Президент не имеет права на историческое беспамятство. И когда Президент России Медведев запрещал в День Победы упоминать имя человека, с которым народ связал свою победу в Великой Отечественной войне, он не задумывался, похоже, какую оценку история и народ дадут его правлению.

О Сталине, повторю, нет смысла сейчас, в нынешней информационной ситуации, детально говорить в критическом или позитивном аспекте. Всё уже сказано — и не только критиками Сталина, но и теми, кто стремится не к позиционному тактическому лояльному его пониманию, а пробивается в своих исследованиях к действительно объективным выводам. Думаю, устраивающий все стороны баланс объективности не будет достигнут ни в этом, ни в следующем веке. Дальше заглядывать воздержимся, хотя опыт показывает, что угли истории обжигают и через ряд столетий. Достаточно вспомнить хотя бы Сократа — властителя не земель, а «государства мысли», а из тех, кто поближе и родственнее нам, — Ивана Грозного и Петра I. Консенсус по роли и значению этих фигур, да и большинства значимых исторических деятелей, не достигнут и поныне. Мы даже святого князя Владимира Великого до сих пор, и с новой энергией, с Украиной делим: наш ли он, российский, или их, украинский. Глупо это и пошло, а, на мой взгляд, в контексте этого очерка ещё и преступно, но это есть.

Ситуация на самом деле для России драматичная: в нашей стране одновременно существует несколько вариантов отечественной истории. Мы не согласны ни с прошлым, ни с настоящим, ни даже с будущим. И в таком случае какое будущее нас ждёт? Что мы строим, мы — страна без идеологии? Сколько лет или десятилетий нужно будет «ручное управление» государством, которое на переходных этапах бывает необходимым, но на стратегическом протяжении пути становится тормозом развития?

Что касается Сталина, то, полагаю, оценки его преступлений и достижений, его личности и его действий в интегральном результате сгруппировались

в двух сложно взаимодействующих сферах: моральной и рациональной (примем эти условные определения).

Моральная буквально, и не без оснований, вопиёт: преступник, палач, исчадие ада! Рациональная сфера хладнокровно настаивает: созидатель и победитель! И эти сферы не склонны к компромиссу. И с этим ничего не поделаешь, особенно если учесть странную особенность отечественного способа восприятия наших властителей. Заключается она в критической избирательности: мы сильнее всего, а часто и несправедливее критикуем тех из них, кто добился значительного исторического результата. В подтверждение сказанного к ранее названным добавлю имя Екатерины II, а в XX веке — имена Ленина и Сталина.

Гораздо более сочувственно относится общественность, в особенности так называемая прогрессивная, к Николаю II, Керенскому, Хрущёву. То снисходительна, то безжалостна она к Брежневу, но зато с придыханием и безоговорочным обожанием смотрит на Горбачёва и Ельцина.

В чём причина такой ориентированности и такой избирательности — тайна сия велика есть. Возможно, это некий стихийный, коллективный поиск консенсуса и равновесия.

Разброс рациональных оценок исторических властителей столь же велик, как и моральных. Вопрос только в том, что моральная оценка слишком часто или же преимущественно не имеет единиц измерения, рациональная же оперирует точными показателями. Само по себе это не даёт ей никакого преимущества, потому что людей, с одной стороны, «эмоции захлёстывают», а с другой — на людей «цифры давят», и за этими цифрами не различить простого человека. А он-то как раз и творец, и созидатель, и жертва истории, и безгласный «винтик» — и как его только власть ни величала, да и он в долгу не оставался.

Позиция народа по отношению к власти всегда была крайне требовательной, но всё же менее жесткой, чем позиция власти по отношению к народу. И пусть никто не обманывается льстивой советской фразой «депутат — слуга народа»: когда так говорили и писали на плакатах, то, конечно, имели в виду не только честных улыбчивых депутатов, а власть в целом. С другой стороны, лозунг «Партия есть ум, честь и совесть нашей эпохи!» скрыто подразумевал не всю партию, а ту её часть, что стояла во время праздничных демонстраций на мавзолее и смотрела на собственные портреты, которые трудящиеся несли по Красной площади.

Десятилетиями несли, пока Горбачёв не дождался плакатов «Уж не стало горького и пропало сладкое, что же ты наделала, голова с заплаткою!» и «Спасибо партии родной за то, что стало со страной!». С такими плакатами трудящиеся прошли по Красной площади на Первомайской демонстрации 1990 года.

Пресловутое единство партии и народа рухнуло — и не по вине народа, ибо за всё плохое, драматическое, нелепое несут ответственность власть и главный властитель. Была такая романтическая формулировка у героических комсо-

мольцев или чекистов в забытых ныне романах: «Мы в ответе за всё, что было при нас».

Какой-либо властитель повторил её вслух? Ельцин, помнится, обещал лечь на рельсы, если жизнь станет хуже... Никому, разумеется, такие буквальные жертвы не нужны, но и такими словами разбрасываться не следует. Люди смеются.

А смеялись они после Сталина над каждым — от Хрущёва до Ельцина включительно. И это был большей частью горький смех.

В этой книге немало страниц посвящено времени правления Горбачёва и Ельцина. Описывая этот период, мне довелось опираться в том числе и на содержательный собственный опыт действующего политика, и на опыт крупного хозяйственника, и на все весьма политически насыщенное время руководства Москвой. Повторяться в пределах одной книги невозможно. Потому буду предельно краток в оценке двух последних в XX веке властителей нашей страны.

Первого — Горбачёва — можно исчерпывающе охарактеризовать строками Александра Пушкина:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

Пушкин писал о запутавшемся в реформах Александре I, игравшем в своё время две роли одновременно — консерватора для Европы и либерала для России. Горбачёв с его «новым мышлением для России и для всего мира» играл роль либерала для коллективного Запада и смесь консерватора и либерала для своей страны. Политически не погибнуть в такой игре невозможно. Но зато возможно по завершении её продлевать имитацию участия в политике в качестве якобы мудреца в отставке.

Более позорного исхода из власти не было ни у кого из властителей нашего государства в XX веке. Горбачёв не заслужил не только благодарной памяти, но даже высокой драмы исхода, потому что мучительный, но благородный путь — не для него. Его путь — это лукавое и двусмысленное сидение в Форосе (одно из значений этого слова на старогреческом языке — обрыв). Его путь — это театрализованное представление возвращения из Фороса в Москву, когда якобы узник путчистов спускался в сиротской курточке по трапу самолёта. Его путь — это зловещее стариковское ворчание насчёт того, что «в России много Каталоний» — не по вашей ли, ничем не искупленной вине, наш первый и последний президент СССР, их так много, этих потенциальных российских каталоний?

Перестройка, демократия, гласность, обновлённый социализм, новое мышление — всё это было Горбачёвым сознательно или бессознательно перевернуто с ног на голову, и это обрекло СССР на распад. Совершилась при нём и Ельцине не только нелепая по форме, но и г л у п е й ш а я революция. Глупейшая потому, что она стала самым разрушительным, самым безобразным, самым разорительным для страны, самым минирующим будущее способом перехода на новые пути.

Тот, кто думает, что все трагические последствия распада СССР уже произошли, горько ошибается.

Тот, кто утверждает, что 90-е подарили нам лучшую из возможных перспектив, цинично обманывает.

Тот, кто молится на революцию, не отличает воду от крови, а поражение — от победы. Таких у нас много.

В США, Великобритании, Японии, Китае революций не будет. В России?

А в России не исполнено ни одного из обещаний, которые щедро раздавались в 90-х годах. Ни одного.

И нам теперь предстоит труднейшая работа по выводу России в число наиболее развитых стран мира, притом, что из этого клуба мы вышли сами, ведомые Горбачёвым и Ельциным. Под аплодисменты мировой публики, как пьяница из ресторана: с дракой, в разорванном пиджаке и в грязной рубахе, без часов и кошелька. Обновлённые, так сказать...

Проделав краткий и, конечно, субъективный (в силу права на собственную позицию) аналитический обзор истории правления в XX веке в нашей великой и многострадальной стране, хотел бы дополнить написанное некоторыми дополнительными соображениями.

Население СССР на последний в его историческом существовании 1991 год исчислялось цифрой в 289 943 000 человек. Далее произошла катастрофа государства, обернувшаяся до сих пор неподсчитанными потерями.

К мыслям о крушении Российской империи все мы вернулись в апреле 2005 года, когда Президент России В.В. Путин заявил, обращаясь к Федеральному собранию Российской Федерации: «Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию».

Территория преемницы СССР — России — составляет 17 098 246 кв. км. Сопоставим это (пусть даже политически некорректно) с размером территории Российской империи: 21,8 млн кв. км.

Более четырёх с половиной миллионов квадратных километров — куда делись? Они, разумеется, не испарились, их не поглотил глубокий океан, не

залила огненная лава. На них «прописаны» теперь суверенные независимые государства.

Известно, даже самые стабильные империи рано или поздно распадаются. Только вот существует убеждение, которое, в отличие от феномена судьбы империй, только крепнет: если бы не Горбачёв и Ельцин, СССР мог бы быть трансформирован в современное демократическое процветающее и могучее государство. И немалая часть его мощи определялась бы тем промышленным, экономическим, научным и кадровым потенциалом, который был бездарно сброшен, как ненужный якобы баланс, с государственного, едва не потонувшего корабля.

А это был не баланс, это было горючее, это был капитал, это был залог серьёзного развития. Материальную его часть сноровисто прибрали к рукам (как раз на залоговых аукционах) шустрые «дети царя Бориса». Гора (богатейшее государство) родила несколько десятков жирненьких грызунов, ничего в жизни не построивших и не создавших, ничем, кроме алчности и авантюризма, не запомнившихся. Они встречались на моём пути, искали союза со мной, предлагали не брезговать предательством, но я побрезговал ими. Был и буду противником их прихода во власть.

Продолжая размышлять о том, что могло, но не стало реальностью, утверждаю, что обновлённый Советский Союз был бы фактически лишён того, что можно условно назвать имперской функцией подавления. Она не была доминирующей и в том зрелом, послевоенном Советском Союзе, в котором у старшего поколения прошли многие десятилетия жизни. Старшее, да и среднее поколения в обратном не убедишь: было бы естественным и молодым разделять нашу выстраданную и доказанную жизнью позицию.

Не факт, что и населению нынешних новых государств жилось бы в том обновлённом Союзе хуже, чем сейчас. Обретя вождеденную свободу (которой в современной России больше, пожалуй, чем у соседей), многие молодые государства мгновенно лишились суверенитета, за который так усиленно высказывались. Не видно и особого материального изобилия, и высоких темпов роста экономики, а кое-где не видно и самой экономики. Национальное государство не становится автоматически процветающим государством — вот в чём суть. Обретя свои национальные интересы, не стоит рассчитывать, что для остального мира они будут величайшей ценностью. Это та «торба», с которой по мировому рынку следует ходить умеючи. И ни в коем случае не следует ни сдавать их в аренду, ни торговать ими — результат будет заведомо отрицательный, в чём некоторые наши излишне горячие соседи имеют возможность убедиться настолько глубоко, что никак не перестают менять власть путём кем-то проплаченных регулярных беспорядков.

Частный вывод из сказанного заключается в том, для нас, впрочем, очевидном факте, что не только в России, но и во многих государствах мира в течение их долгой истории власть разрушала собственные страны — в том смысле, что не обеспечивала максимально возможного уровня развития. То же самое относится и к новым государствам.

У истории нет сослагательного наклонения, не спорим. Зато оно есть у мысли и в этой привязке имеет полное право на воплощение в анализе когда-то возможных вариантов. Скажу больше: задача власти как раз и заключается в изучении вариантов, выборе лучшего из них и квалифицированном, безубыточном (в смысле народонаселения и территории) его воплощении. Веду к тому, что одним из этих вариантов было сохранение и развитие Советского Союза.

Здесь надо сделать важное отступление. Оно заключается в том, что между народом и властью стена, конечно, высока, но она не монолитна. Наши советские вожди — из народа. Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачёв и Ельцин вышли из гущи народной. Ленин, правда, считается потомственным дворянином, но ведь родился Владимир Ульянов до пожалования потомственного дворянства (1882 год) его отцу Илье Николаевичу Ульянову, Ленин не был старшим сыном. Так что фактически Владимир Ульянов по социальному происхождению из интеллигентов-разночинцев.

Происхождение человека — не пустой звук. В высокие кабинеты властители вносили свой индивидуальный генетический социальный опыт — и это был опыт народный. И, стало быть, в формуле власти, в её технологиях, в её целях так или иначе проступала народная социальная мораль.

Речь идёт о трудной для восприятия мысли, что народ отвечает за власть не только потому, что поддерживает её (это и против убеждений делается, под непреодолимым давлением), но и потому, что власть зачастую воплощает не самые лучшие традиции и черты. Что, например, французы в их революционные периоды, что мы во время наших революций лютовали избыточно, а если вспомнить европейское и наше Средневековье и все эти бунты и восстания, то доказательств неидеальности, мягко говоря, народа найдётся с избытком. И не имперское устройство тому виной, хотя оно тоже формировало народный характер и тип.

Российская империя и СССР были империями и, по логике мировой истории, неизбежно распались — как и Римская, и Британская, а гораздо ранее того — Монгольская (она же Степная, Орда, царство Ордынское, Ордынская империя, держава Чингисидов). Само обилие названий Монгольской империи есть косвенное подтверждение её сопротивления исторической энтропии. Тем не менее мало что осталось от Монгольской империи...

Британская империя стала, утратив территории, над которыми никогда не заходило солнце, империей мирового языка, одно время — финансовым центром мира, в разной степени эффективности — технологическим и научным цехами человечества. В настоящее время всё это нивелировано развитием других государств и глобализацией.

Российская империя проросла в будущее хотя и уменьшившейся, но всё же громадной территорией, и в огромной мере «территорией» великой русской культуры и действительно уникальным сплавом этносов в едином государстве. Сплав этот был обеспечен преимущественно мирным способом колонизации территорий, а в советское время забвением интересов русского национального ядра в пользу республик, получивших в кратчай-

шие исторические сроки беспрецедентное развитие от появления первого национального алфавита до создания и работы национальных академий наук. Оглядываясь на недавнее былое, трудно удержаться от эмоций в адрес тех, кто в 90-х всеми средствами выжимал русских из своих республик, а в нулевые и десятые вновь прихлынул в русские города и веси в поисках работы и русского рубля.

Основной же феномен СССР заключался в сложнейшем и перспективном социальном эксперименте, творимом в силу исторических обстоятельств «вслепую», без чертежей и всё же давшем уникальные результаты высочайших темпов развития и одновременно стремительного накопления как внутренних противоречий, так и внешнего сопротивления молодому гиганту. Сопровождалось всё это, не будем забывать, огромными жертвами.

Объективности ради следует признать, что и Монгольская, и Британская империи в этом смысле на диете не сидели и по степени лютости, как и по масштабам репрессий, вряд ли, если получше подсчитать, уступали СССР. Но при этом важное отличие Британской империи от Советской заключается в том, что британцы себя, по крайней мере, миллионами не губили.

Винить (не буду подбирать политкорректного глагола) власти России XX века, включая последнего царя и первого российского президента, следует, в частности, в том, что в двух разных вариантах империи не были заложены работоспособные механизмы устойчивого развития и сохранения общественно-политического строя.

Российская государственность веками поддерживалась и укреплялась преемственностью власти. На ранних её этапах всякое бывало, как, впрочем, и везде в Европе (и нет никаких сомнений, во все стороны света от нас), но спасала огромность территории и неспособность соседей переформатировать Россию военными средствами. Попытки 1812 и 1941 годов это подтвердили, в более ранние времена ничего не получилось ни у Орды, ни у поляков, ни у шведов. Первая мировая война в военном смысле тоже не принесла России поражения, хотя и ослабила её. Россию ослабила, а Германию едва не раздавила тяжестью поражения, Версальским договором и Марксовым «призраком коммунизма». Прекратила своё существование Австро-Венгрия, и это, пожалуй, было беспрецедентным крушением.

Триста романовских лет империя держалась династией — и к началу века это был уже одряхлевший институт правления.

Советский же период был периодом скрытой борьбы за власть, а после Сталина — всё более откровенной, беспощадной до крайней жестокости, а в недавний период Горбачёва — Ельцина — бесстыдной, безрассудной, и потому губительной для страны.

Не убеждает горькая ирония формулировки Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Горбачёв, возможно, и хотел «как лучше», но действовал так, как мог бы действовать «засланный казачок», да к тому же был управляем предателем Яковлевым А.Н., стремившимся не просто к развалу СССР, но и к разорению исторической России.

Ельцин же в пьяном угаре и вовсе спутал государство и власть. Этой жёсткой констатацией пока ограничусь.

Империи распадаются. Если это происходит медленно — распад происходит в силу закономерностей развития. Если одномоментно — ищите причину, не обходя версию слабости и предательства власти.

Так или иначе, эра империй позади. Для большинства читателей будет, думаю, интересно узнать, что формально последняя и единственная в мире империя — это Япония. Слово «формально» не является здесь случайным: император не властвует. И тем не менее в Японии трон занимает император, в Англии — королева.

Помешало ли это названным странам быть в числе наиболее развитых и богатых?

Вопрос этот — к тому, что путь к успеху у государств, как и у людей, всегда разный.

Нам, России, ещё предстоит научиться благотворному национально-государственному эгоизму — умению ставить свои интересы в абсолютно приоритетный ряд. Нам не распасться надо, ибо и эта угроза не абстрактна. («Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию». В. Путин). И не только для Европы с её брекситом, её разноголосьем в Европарламенте, её сепаратистскими тенденциями. Рядом у нас Украина — сестра родная, пустившаяся в поход по своему шляху, и неизвестно ещё, куда он её приведёт, но что она останется рядом с Россией, а Россия рядом с её проблемами — это факт. Наши соседи на землях СССР один за другим переходят на латиницу, а это значит — меняют свой язык, утрачивают или трансформируют свою идентичность — и это, как говорится, очень плохая новость. Мир копит проблемы, как скупец копит деньги, но на эту монету ничего нельзя купить.

Мы, Россия, чтобы добиться в этом мире успеха, должны небуквально, разумеется, теми же методами повторить то, что удалось сделать в 30-х годах — «сжать» время и в кратчайшие сроки преодолеть своё технологическое отставание, избавиться от углеводородной зависимости, дать миру нечто уникальное и востребованное, явить человечеству новый способ бескровного, невоенного пути разрешения старых и новых противоречий.

В.В. Путину принадлежат пророческие слова: «Россия обречена быть великой державой, или ее не будет вовсе».

Не согласен. Второй вариант мы должны исключить. Мы — народ России. И это задача сегодняшнего поколения.

Три жизни властителя

Высшую власть в нашей стране в XX веке (мы возьмём эти временные рамки) властители обретали и теряли по-разному, по-разному ею пользовались, с разными результатами заканчивали свои властные сроки. В истории и в памяти народа властители разместились в разных «клеточках», на разных «досках почёта» (или, напротив, «позора»), но, за малым исключением, ни одно из имён первых лиц до конца не уходит из сферы внимания, не размывается в сумерках общественного забвения.

Всё строго наоборот: имена властителей звучат порой с громкостью иерехонских труб, их личности, опыт и заслуги либо несоразмерно превозносятся и преувеличиваются, либо критически уничижаются. Тут всегда дефицит объективности. Вокруг этих имён всё что угодно, кроме тишины. Внимание общества распространяется даже и на подробности быта, кухни, индивидуальных привычек; здесь, на этом поле, взвешиваются какие-то нюансы устройства личности властителя. Особая, лакомая и часто бестактно трактуемая тема — медицинская: диагнозы, болезни, состояние, какие принимает лекарства, где лечится и пр.

И, конечно, всех интересует семья — её центральное ядро и её периферия, взаимоотношения, конфликты, нравы, — тут публика жадно домогается подробностей и пикантностей.

Составлены дискуссионно-политические и часто довольно достоверные психологические портреты лидеров в их тесной привязке к стилю руководства, а также и к иным, частным, сферам жизни, но главное — к результатам работы во власти.

Властитель прекрасно понимает, что лучи общественного внимания сходятся на нём не без уважительных причин. У царя зуб заболит — у народа кости трещат. Съездит царь за океан — всю свою державу кукурузой засеет. Соберутся коммунистические вожди в лесу выпить — империя распадается. Мучат слабого властителя собственные комплексы — он сильных работников беспричинно с работы гонит, да так сурово бровки насупит, что народ только диву даётся: ишь ты какой крутой!

Это не шутки, уважаемый читатель, это горькая ирония, обращённая к нашей истории.

Уходя от иронического тона, заметим, что общество имеет право рассматривать жизнь властителя под микроскопом. Это ответ на тот способ оценки общества, которым пользуется сам властитель: он смотрит не на каждого в своём народе, а на народ целиком. Ибо решает проблемы каждого в народе, видя их как типические, общие, касающиеся большинства или как минимум больших групп населения. Этим группам в разные времена доставалось крепко, а малой их частице — человеку — и до смертной тоски. Вот я, думал такой человек в коллективизацию, я — природный хлебобоб, все руки в мозолях,

а меня в кулаки пишут! Меня на севера погнали на погибель мою! Как же так! Неужель товарищ Сталин обо мне не знает?

Товарищ Сталин о тебе, хлебороб, ничего не знает. Он — про классы думает. Не школьные, а те, антагонистические, как Маркс — Энгельс — Ленин учили. А ещё он думает, что надо прищемить бывшего «любимца партии» Н. Бухарина с его, понимаете ли, idiotским лозунгом «Обогащайтесь!», обращённым к крестьянину.

Не для того мы революцию делали, Николай, думает Сталин, чтобы крестьянин обогащался. Мы её делали, чтобы богатых не было. А тебя, Николай, мы немножко расстреляем.

Такая, не столь уж и гротескная, реконструкция мыслей товарища Сталина не приходила ли в голову сотням тысяч бухаринцев, да и миллионам «кулаков», уничтоженных Сталиным во имя индустриализации?

Есть, однако, ещё одна тема из разряда главных, ещё один «угол атаки» нашей авторской мысли: а что же думает властитель о своей жизни во власти и жизни после власти? И третий вопрос: что думает о нём народ? Ответ на этот вопрос есть содержание третьего этапа (во власти и в послевластии) в судьбе властителя.

На вершине власти он всё равно остаётся индивидуальной личностью, человеком, имеющим свой личный внутренний мир, своё человеческое «я», какие-то свои собственные размышления и предположения, которые никогда не попадают в его публичные выступления и только в самых редчайших случаях мельком отразятся в дневниках (если властитель ведёт дневники).

Он думает о будущем.

В этом предложении, уважаемый читатель, нет ни одной нотки пафоса, как это может показаться. Он думает о том будущем, которое начнётся для него после отставки (ухода по болезни, в результате выборов, после госпереворота, по возрасту, по приговору).

Вариантов ухода у властителя меньше, чем кажется на первый взгляд, к тому же история не всегда предпочитает комфортные обстоятельства.

Он думает о том, что останется после него: ослабленная ли и опозоренная держава, укрепившаяся и изобильная страна, могучая — врагам на зло, друзьям на радость — империя или потерявшее территории и обедневшее населением квазигосударство — что останется после него?

Оглядывая XX век, мы имеем об этом далеко не приблизительное представление, но не будем спешить с выводами — у нас есть сейчас возможность поразмышлять за пределами принятых утверждений.

Властитель думает о том, как народ и следующий властитель будут к нему относиться потом, после того как он оглянется в последний раз на свой рабочий стол, навсегда покидая свой кабинет.

Войдёт ли он в Историю или попадёт в историю, как попадают в «историю» комические персонажи обычной жизни?

Будем справедливы, ни одного отечественного правителя XX века судьба не обделила местом в Истории: вопрос в том, каково это место. Громад-

ное, если говорить, например, о Ленине, либо промежуточно-серое, если вспомнить Черненко, о котором, признаться, ничего масштабного и не задержалось в памяти потомков, но тому свои сложные причины. Двигаясь по хронологии властвования, мы ещё поразмышляем об этой по-своему интересной фигуре.

Будем, однако, справедливы: самой своей аморфностью, страшной тяжестью бессильной бездеятельности К.У. Черненко обессиливал государство, приближал его бесславный крах — катастрофу цивилизационного масштаба. Ибо бессилие Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР — это бессилие всей власти, озабоченной при таких обстоятельствах лишь одним — как выжить и сохраниться. И вот это-то бессилие парадоксальным образом и обессмертило, для историков хотя бы, имя Черненко. А повлияло оно в итоге — на судьбы миллионов.

Правитель думает и о самых, при его-то масштабе, простецких вещах — оставят ли ему квартиру и дачу. С учётом специфической крутости века в целом и российских властных традиций в частности — вопрос вроде и несправедливый. Им задавался, например, «лично Леонид Ильич Брежнев» (определение «лично» в те годы льстиво приклеилось к ф.и.о. Генерального секретаря) — и задавался неспроста. Отправив в отставку (но не расстреляв, что не совсем тогда исключалось) своего предшественника Н.С. Хрущёва, Брежнев не перегрузил его жизненными благами, а усадил на скромной даче, обеспечив неназойливым, но тщательным контролем по всему периметру.

Вряд ли Леонид Ильич Брежнев не предполагал чего-то в этом роде и для себя — как вероятную возможность. Жизнь, правда, не соратники, обошлась с ним милосердно, закончившись без слишком затянувшегося расставания. Он, как тогда говорили, ушёл из жизни, не отходя от кремлевской стены. Позора и деградации семьи он, к счастью, уже не увидел.

Брежнев просился в отставку — товарищи не пустили. Они — «ленинское Политбюро ЦК КПСС» — готовы были ему, как гоголевскому Вию, веки поднимать (что, по существу, и делали), лишь бы значился, лишь бы показывался хоть иногда на экране телевизора, лишь бы держал на усталых плечах пудовый, от чешуи орденов, пиджак.

И всё-таки. И всё-таки беспокойно задаваться вопросом о квартире и даче после отставки было ли уместно лидеру великой державы, с чьим именем прочно связано понятие политики разрядки напряжённости, чья подпись стояла в качестве едва ли не основной под Хельсинским актом 1975 года?

За ним, разумеется, и «застой» (некоторых экономических рубежей которого мы и по сей день не достигли), но за ним и самая, очевидно, спокойная пора жизни населения страны — это после сталинского культа личности и в преддверии горбачёвского культа бестолковости.

Вопросы властного прошлого и частного настоящего, которые мы обозначили, томили, если не сказать, терзали и Хрущёва на вечерней заре его жизни. Ответом на них стали надиктованные на магнитофон и позднее изданные сначала на Западе, а потом у нас воспоминания.

К ним мы ещё вернёмся в той части книги, где более подробно будут рассмотрены варианты ответов на эти вопросы в применении к отечественным властителям ушедшего века.

Что там дальше будет, потом — вопросы страшные для того властителя, кто знает о себе: при мне жизнь народа не стала лучше.

Отбросив частности, уверенно, твёрдо, обоснованно можно сказать: единственный критерий долгой и благодарной памяти о правителе — это критерий результатов его правления в пересчёте на единицы блага для человека. Остальное подверстывается, если лежит в позитивной плоскости, и легко отсекается, если в негативной.

Хрущёв разоблачил сталинизм; простится ли Хрущёву в связи с этим чехарда в экономике, хаотичные реформы, разрушительные импровизации в системе управления, а в результате — голые полки в магазинах?

Никогда ему это всё не простится. Как не простится и карикатурное воспроизведение собственного культа личности. Про оригинал-то (Сталина) говорилось ведь: «Был культ, но была и личность» (слова принадлежат Шолохову) — к Хрущёву эта мысль в уважительной интерпретации относится по-другому. Ибо, спасая от вины, спасая одновременно и соратников из высшего эшелона власти, он на XX съезде партии не принял ведь и на себя ту долю ответственности, которая подтверждена его подписью на документах репрессивного характера. Как не сделал этого никто вообще.

Это и понятно. Вариантов было немного, чтобы не ставить подпись рядом с другими подписями, один из них — выйти и застрелиться. Либо каким-то образом (каким только?) уйти из власти к станку на завод, но это вряд ли позволили бы сделать. Да и от станка они все отвыкли. Время, что говорить, было плотоядное: кто не с нами, тот против нас. Не говоря уже о том, что «если враг не сдаётся, его уничтожают». А враг ты или не враг — не тебе решать.

Сталин прекрасно понимал, кого он поднял на олимп власти. Не конкурентов себе, во всяком случае. По Мандельштаму:

*А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина И широкая грудь
осетина.*

Простится ли Сталину раскулачивание крестьянства, 37-й год, депортация народов? Нет, хотя если не оправдания, то объяснения логики репрессий предъявлены: ограбить крестьянство, например, было необходимо, чтобы за его счёт произвести индустриализацию.

Оправданий прямого действия — безусловных — нет, но в исторический зачёт всё-таки навсегда принята Великая Победа, и я не собираюсь дискутировать на тему роли Сталина в достижении этой победы; мы не имеем права спекулировать нашей историей.

Кто из наших правителей думал о своей «жизни» в сознании общества после последнего рубежа, мы не знаем, подразумевая всё-таки как достоверный такой вариант ответа: думали все.

Кто из них ошибался в самооценке — абсолютно неизвестно, но размышлять на эту тему не возбраняется.

Каков главный критерий благодарной памяти о правителе, мы предварительно определили. Основной и более предметный разговор ещё впереди.

У правителя три жизни: во власти, после власти — «на отдыхе» — и в представлении о нём народа после ухода из жизни.

Принципиальный и крупнейший критерий благодарной памяти, повторим, один — стала ли жизнь народа и страны лучше при его правлении или не стала.

Общая принципиальная картина добавляется множеством полутонов, оттенков, подробностей, деталей, частных, исключений, но это всё — завитки речных струй на протоках, а главное русло — оно всё-таки одно, стрежень — один.

Наша книга не претендует, разумеется, на статус профессионального исторического исследования, нам, как говорится, чужого не надо. Книга ориентирована на широкие круги читателей, в особенности на молодёжь, ищущую «делать бы жизнь с кого». В широком смысле слова в России (да только ли в одной России) всегда недоставало во власти тех, кого можно было бы назвать «идеальным властителем». Их и не бывает. Но дело в том, что могучий властитель создаёт могучую когорту единомышленников и проводников своей воли на всех этажах общества. Он делегирует им часть своей воли и часть власти. В России у нас недостаёт подлинных лидеров — квалифицированных стратегов развития в условиях исторической турбулентности, на которую обречено человечество.

Речь идёт не только о виртуозном владении инструментарием руководителя-стратега-властителя, это как раз поддается изучению и обучению. Речь — о самом зерне лидерства, о составе этого центрального звена — искусства властвовать. Об особом даре власти. Особом понимании собственной миссии. О том, почему одни лидеры переживают триумф, а другие трагедию или забвение.

Возможно, среди читателей книги окажется и будущий руководитель нашего государства, и потенциальные губернаторы, министры, экономисты, олигархи, директора концернов, капитаны отраслей, великие учёные, крупные кинорежиссёры и писатели — те, кого мы называем элитой, лидерами. Совершенно точно, что среди читателей есть действующие и будущие руководители с перспективой роста — те, кто стал на самую первую ступеньку социального лифта.

Нам интересны все наши читатели без исключения, и потому мы решили на некоторые поставленные вопросы ответить в этой главе, посвящённой отечественным властителям XX века.

Юбилейный, 2017 год хотя и изобиловал дискуссиями, но по накалу общественных страстей вряд ли приближался к 1917-му. И тому есть два, по крайней мере, объяснения. Первое: век назад страсти эти были общественно-политическими, с явным упором на политическую составляющую. Общество, а по Ленину — «массы», были приведены в действие тогда, когда ими «овладела идея». Она не с неба упала, это понятно. Очевидной целью целого фронта политических сил было свержение монархии, которая в итоге и рухнула, но отнюдь не сама по себе и не только от накопленной дряблости. Архивы открыты, документы свидетельствуют: в наш российский костёр подкидывали дровишек не только отечественные борцы за счастье народное (как они его понимали). Российский периферийный капитализм ни при каких обстоятельствах не мог не быть опекаем тогдашним мировым империализмом, и о бескорыстии этой многосторонней опеки речь идти не может.

Это касается и Февральской революции, и Октябрьского переворота (для политического приличия названного революцией лишь в 1927 году).

Объяснение второе: те страсти горели на кровавом фоне Первой мировой войны. «Фон» этот служит, собственно, передним историческим планом, а что там за ним делалось — это мы узнали гораздо позже и в несколько этапов: сначала в трактовке советской исторической науки, позднее глазами западных исследователей, а в настоящее время черпаем из новейших исследований отечественных историков.

Надо сказать, что действительно ясной картины тех событий, изученных едва не в почасовом и поминутном режиме, всё-таки не существует. Ибо совокупность фактов ещё не картина, а всего-навсего палитра; картину создаёт верная концепция и беспристрастная трактовка политического процесса.

Но чего нет — того нет и вряд ли будет и ещё через сто лет. В начале 2017 года вышел на экраны блокбастер «Викинг», созданный на литературной основе Повести временных лет. Тотчас вспыхнула дискуссия, и не о фильме, а о тех самых легендарных временах, когда наши пращуры становились христианами. Эта дискуссия — всего лишь «верховой пожар», это задымились сухие листья, а материковый лес исторических концепций и мнений — тот горит и не гаснет в течение долгих столетий.

Горячие споры вспыхнули и после открытия в Орле памятника Ивану Грозному. Душегуб, палач, развратник, деспот — одна аттестация. Строитель государства, успешный реформатор, мудрый правитель, подавивший смуты, — вторая аттестация.

Между этими мнениями болтается широко обнародованная глупость невежественного либерального публициста, укоряющего Грозного за то, что опричники и опричнина уничтожили-де русское дворянство.

На самом деле русское (российское) дворянство как раз и выросло из среды опричников и из института опричнины. Можно ради установления

истины сравнить фамилии опричников и дворян — они весьма часто совпадают.

Оппоненты чуть ли не стенка на стенку сгрудились, а ведь Иван Грозный оставил этот мир 18 (28 марта) далёкого 1584 года. Что уж говорить о каком-то одном веке, о периоде с 1917 по 2017-й, тут, может быть, все споры еще впереди.

Памятник Грозному обживается в том городе, который был основан по его повелению. Есть в России и памятники Ленину — мнится, что в этом явлена наша политическая и культурная зрелость, отвергающая языческую бескомпромиссность свержения былых кумиров. Памятники — не всегда награда тем, в честь кого они воздвигаются. В большей мере это знак памяти о прошлом, часто — средство выражения признательности и благодарности исторической личности, а в иных и нередких случаях — некое смысловое послание потомкам.

Придётся признать, что так называемую историческую правду составляет вся совокупность действительно противоречивых исторических источников и концепций. За каждой из них — не только та или иная исследовательская школа, но и интересы общественных и государственных сил. Идеологий.

И хотя мы в России в принципе избавлены по нашей Конституции от какой-либо идеологии (что является, на наш взгляд, беспримерной и позорной глупостью), но свято место, к счастью, пусто не бывает. Когда разгоняют над страной дым отжившей большевистской идеологической доктрины, воздух всё-таки остаётся, и в нём положенный 21 % кислорода, без которого не выжить. Пусть (с огромной натяжкой будем считать), 21 % и есть реальная, исторически обусловленная идеология — не по качеству определяемая, а по силе действия. В этом случае возможно согласиться с Солженицыным, что наша идеология должна быть сосредоточена в идее сбережения народа.

Возьму на себя смелость расширить формулу до следующих пределов: идеология России есть задача сбережения народа, Отечества и мира.

Это триединство составляет не только устойчивую, но и всемирно значимую и привлекательную конструкцию, ибо если сбережение (в форме развития) народа и Отечества есть цель очевидная и прагматичная, то цель сбережения мира обеспечила бы России нравственное лидерство в семье государств.

Оно по плечу нам, как по плечу (в аспекте экономической мощи) США, Китаю, Европе. Мы не утописты, а реалисты, потому сбережение мира будем рассматривать хотя бы как приглашение к миру без войн. Список того, что стало бы более полным содержанием понятия «сбережение мира», не так трудно представить: мир без голода, без разрушения природной среды, без мучительных болезней, без нищеты и, главное, без насилия над личностью.

Заметим, что реализация, даже неполная, этого замысла избавила бы мир и от кровопролитных революций.

Характерно, что как приглядишься повнимательнее, так увидишь здесь контуры коммунистической доктрины, практические последствия воплоще-

ния которой были для России не только неоднозначными, но зачастую и кровавыми.

Тем не менее в нашем государстве представленный вариант включает в себе задачу как для власти, так и для народа; не в подобном ли единстве целей залог прочности и гармоничности государства? И не эта ли цельность является лучшей и прочнейшей гарантией от разрушительных революций.

В ушедшем веке революции снесли в России трёх правителей: Николая II, Александра Керенского и Михаила Горбачёва. Для одной страны это много (в том, что это одна страна под разными именами, мы сомневаться не станем). Иные политические реформы у нас по необъятности воздействия соотносимы с революциями; так, XX съезд Коммунистической партии положил неотменимое начало краху СССР. Понимание этого, казавшееся не столь давно не только не очевидным, но, пожалуй, что и вредным (в результате XX съезда коммунистические и левые партии Европы потеряли для людей привлекательность и стали деградировать), по прошествии времени прочно утвердилось в умах. Более того, негативно окрашенным оказался не только образ КПСС, но и образ СССР, победившего фашизм, а по наследству и историческому родству — и современной России.

Возможно, сопоставления такого уровня в научном смысле вещь сомнительная, но писатель-публицист — не историк-академик, потому сопоставления, в привязке к хронологии, неизбежны. На практическом уровне они генерируются всё тем же принципиальным вопросом о власти — не в ипостаси, к счастью, её скоропалительной смены или, не приведи Господь, насильственного свержения. Речь о вековых проблемах — о качестве власти, её целях и методах достижения этих целей. О результатах работы власти в определённом периоде. О результатах для самой власти и результатах для народа — ясно, что это не буквально совпадающие вещи. Они, по большому счёту, и не могут совпадать, ибо в идеале народ живёт для себя, а власть должна жить для народа и не править, а служить.

Сказать, что так было всегда, мы, являясь честными гражданами, не можем. Идеал недостижим по определению, идеал — это звёзды на небе, по которым мореплаватель прокладывает курс. И лежит он не к небесным сферам, а в порт приписки, обозначенный на карте.

Не дерзая ответить на поставленные вопросы исчерпывающим образом, мы обратимся к размышлениям о российских властителях XX века, чтобы по возможности объективно взвесить их вклад в историю нашего государства и приблизиться к пониманию философии жизни во власти. Разобраться в том, что даёт власть самим властителям и народу страны и что она отнимает и у властителя, и у народа.

Речь пойдёт о Николае II, А.Ф. Керенском, В.И. Ленине, И.В. Сталине, Г.М. Маленкове, Н.С. Хрущёве, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропове, К.У. Черненко, М.С. Горбачёве, Б.Н. Ельцине.

Для полноты информации приведём полный список фактических и формальных руководителей государства в XX веке. Этот список наводит на опре-

делённые выводы о том, что власть — «разборчивая невеста». Это, однако, самая мягкая, едва ли не нежная трактовка причины сменяемости верхов. Более жёсткая гласит, что власть без борьбы не даётся и часто это, по приписываемому Черчиллю определению, «схватка бульдогов под ковром».

Годы правления		
(1894-1917)	Царь Николай II	
<i>Главы Временного правительства</i>		
(1917-1917)	Львов Георгий Евгеньевич	
(1917-1917)	Керенский Александр Федорович	
	<i>Верховный правитель России</i>	
(1918-1920)	Колчак Александр Васильевич	
	<i>Руководители Советского государства</i>	
(1917-1924)	Ленин Владимир Ильич	
<i>Формальные руководители Советского государства</i>		
(1917-1917)	Каменев Лев Борисович	
(1917-1919)	Свердлов Яков Михайлович	
(1919-1919)	Владимирский Михаил Фёдорович	
(1919-1946)	Калинин Михаил Иванович	
(1946-1953)	Шверник Николай Михайлович	
(1953-1960)	Ворошилов Климент Ефремович	
(1960-1964)	Брежнев Леонид Ильич	
(1964-1965)	Микоян Анастас Иванович	
(1965-1977)	Подгорный Николай Викторович	
(1977-1982)	Брежнев Леонид Ильич	
(1982-1983)	Кузнецов Василий Васильевич	(и. о.)
(1983-1984)	Андропов Юрий Владимирович	
(1984-1985)	Черненко Константин Устинович	
(1985-1985)	Кузнецов Василий Васильевич	(и. о.)
(1985-1988)	Громько Андрей Андреевич	
(1988-1991)	Горбачёв Михаил Сергеевич	первый и последний президент СССР
<i>Генеральные секретари ЦК РКП(б), ВКП(б), КПСС</i>		
(1922-1953)	Сталин Иосиф Виссарионович	
(1953-1964)	Хрущёв Никита Сергеевич	
(1964-1982)	Брежнев Леонид Ильич	
(1982-1984)	Андропов Юрий Владимирович	
(1984-1985)	Черненко Константин Устинович	
(1985-1991)	Горбачёв Михаил Сергеевич	
	<i>Президенты Российской Федерации</i>	
(1991-1999)	Ельцин Борис Николаевич	

Примем во внимание и то, что власть любой степени концентрации, вплоть до тирании, никогда не бывает единоличной. Более того, чем больше она концентрируется в одних руках, тем менее эти руки способны её удержать. Они, образно говоря, не справляются с тем весом, который упал на руки правителя. Красноречивой метафорой такой невыносимой нагрузки в известном роде

является страх Сталина перед собственными охранниками, расставленными в кремлёвских коридорах: который из них выстрелит в спину. За охранниками ведь символически «стояли» (подразумевались) политические... соратники? конкуренты? враги?

Сталин полагал, что враги. Ошибался? Вряд ли.

Сталин в своё время пускал по кругу на подпись не только указы о снижении цен, но и расстрельные списки. Соратники нужны тирану не для того, чтобы делить власть. Он щедро делит с ними только ответственность, переводя её по мере необходимости в категорию прямой вины за преступления главного руководителя. Главу НКВД Г.Г. Ягоду (расстрелян) сменил на боевом карательном посту Н.И. Ежов (расстрелян), Н.И. Ежова сменил Л.П. Берия (расстрелян после смерти Сталина — не по сталинскому решению).

Неоспоримо не только то, что три сталинских «силовика» не были лично безгрешны, но и то, что они были исполнителями воли вождя всех народов и корифея всех наук. Это к вопросу о пропорциональном дележе вины.

То же касается огромного числа секретарей республиканских ЦК, обкомов, горкомов и райкомов партии, крупных советских работников, целой когорты военачальников... какую категорию руководителей ни возьми — смертельный ураган никого не обошёл.

Вспомним приснопамятный «съезд победителей» — трагически знаменитый XVII съезд ВКП(б). «Из 1956 делегатов... 1108 были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях (56,6 %)\», — говорил Хрущёв в закрытом докладе на XX съезде партии — цифры эти потрясли делегатов и сами по себе, и фактом их обнародования.

Не менее красноречивы и данные, приведённые М.С. Восленским: «...В том числе были, по официально принятому термину, «незаконно репрессированы» 97 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранного на XVII съезде (из общего числа 139 человек); кроме того, 5 покончили жизнь самоубийством и 1 (Киров) был убит в результате покушения. Из этих 97 уничтоженных (почти 70 % состава ЦК) 93 были ликвидированы в 1937 — 1939 гг. Убивали их зачастую целыми группами: более половины из них были рас-стреляны за 8 дней».

Кадровая политика Сталина... «В расход» пошли не одни только старые большевики с дореволюционным членством в партии, работавшие с Лениным, но и множество представителей категории сталинских выдвиженцев, птенцов его гнезда — зачем?

Какой меры сверхпреданности он добивался, какой степени самоотдачи в труде? Нет ответа, ибо предел и даже «запредел» были уже достигнуты. Добивался он другого — великого страха, ужаса не перед действием даже, а перед одной только мыслью о каком-то действии против Сталина.

Были и более благополучные варианты: Анастас Иванович Микоян отслужил во власти «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича» и был даже в 1964 — 1965 годах формальным руководителем Советского государства, пока не сдал его на долгие годы Подгорному.

Грозным и трагическим знаком видим мы тот исторический факт, что XX век ознаменован был бессудным расстрелом императора России Николая II.

Последующие правители нашего государства покидали этот мир «после тяжёлой продолжительной болезни», то есть по-человечески; что-то, значит, меняется в России в лучшую сторону и в этой специфической области. Версия же о том, что Сталина «помогли умереть», пока в юридическом аспекте версией и остаётся.

Вернёмся, однако, в начало — первую половину века, в те времена, когда заканчивались исторические сроки династии Романовых. И пусть своеобразным эпиграфом к этой части главы будет державинская ода «Властителям и судиям»

*Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны Сирот и
вдов не оставлять.
Ваш долг: спасать от бед невинных.
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.
Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с дров увядший лист падет!
Ивы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!
Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!*

Написанная в 18... году, к началу века XX ода звучала грозно-пророчески. Не знаю, читали ли её последующие правители России. Если не читали, то это следует считать их упущением.

Рекорды промышленно-экономического развития 1913 года (на побитие которых любили ссылаться советские пропагандисты) пришлось на так называемые годы реакции, плотно примкнули к ним, а реакция была на русскую революцию 1903 — 1905 годов.

Первая русская революция пошатнула трон, Февральская, 1917 года, опрокинула его, Октябрьская революция убила царя, царицу, наследника и дочерей, а также и всех, кто был в то время рядом с ними (кроме поварёнка Седнёва).

Наша история куда драматичнее, зловеще прихотливее и символичнее творений любого гения. Вспомним хотя бы тот факт, что последний царь династии Романовых принял смерть в доме, который назывался Ипатьевским, — Ипатьевским же назывался и монастырь недалеко от Костромы, где за 305 лет до трагической развязки был совершён обряд призвания на царство первого из Романовых — Михаила.

При нём была закончена русская Смута; при Ельцине, разрушившем Ипатьевский дом, полыхнула такая смута, которая погребла под собой СССР.

Существует версия, что инженер Ипатьев купил дом заранее с умыслом назвать его Ипатьевским, дабы тем самым сознательно создать пару с названием монастыря, а уж потом именно здесь пусть новые власти в назидание населению и из соображений каббалистики свершат свою казнь.

Знали сами арестанты, в какую тюрьму их поместили? Из дневника императора Николая II (17.4.1918 г.): «Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с кот. мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева».

Из дневника императрицы Александры Федоровны (18.04.1918): «Среда. Дом Ипатьева».

Понимали они зловещую символику названия дома и свой трагический исход? Несомненно. За 5 лет до того Россия широко праздновала 300-летие дома Романовых. Ипатьевский монастырь был одним из центров торжеств.

В ночь на 17 июля Романовых расстреляли в подвале. Через пять дней Ипатьеву вернули ключи от дома. А вскоре Екатеринбург заняли белые. Адмирал Колчак создал комиссию по расследованию убийства. Возглавил ее генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. «Это было планомерное, заранее обдуманное и подготовленное истребление Членов Дома Романовых и исключительно близких им по духу и верованию лиц, — сделал вывод генерал. — Прямая линия Династии Романовых кончилась: она началась в Ипатьевском монастыре монастыре Костромской губернии и кончилась — в Ипатьевском доме города Екатеринбурга» (Е. Черных. Комсомольская правда, 8.12.2011).

Так что, говоря о Николае II, не оставим вниманием и Бориса Ельцина, очень уж значимые закономерности проявляются при сопоставлении двух этих имён. Николай II ведь тоже, мягко говоря, причастен к краху Российской империи и немало, вольно или невольно — другой вопрос, способствовал этому краху.

«26 июля 1975 года из КГБ в ЦК КПСС ушла секретная записка № 2004-А «О сносе особняка ИПАТЬЕВА в городе Свердловске».

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи РОМАНОВЫХ и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца ИПАТЬЕВА в г. Свердловске. Дом ИПАТЬЕВА продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного Управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов. В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом ИПАТЬЕВА станет объектом их серьезного внимания. В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города. Проект Постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности АНДРОПОВ».

30 июля Политбюро рассмотрело записку, единогласно проголосовав «за». 4 августа появилось Постановление ЦК КПСС № П185.34.

«Совершенно секретно.

О сносе особняка Ипатьева в гор. Свердловске.

1. Одобрить предложение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР, изложенное в записке № 2004-А от 26 июля 1975 г.

2. Поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка Ипатьева в порядке плановой реконструкции города».

Дальнейшее известно из воспоминаний Ельцина: *«Вдруг я получаю пакет секретный из Политбюро — уничтожить дом Ипатьева. Сопrotивляться было невозможно. И вот собрали технику и за одну ночь разрушили... В середине 70-х я воспринял это решение достаточно спокойно. Просто как хозяин города. Лишних скандалов тоже не хотел. К тому же помешать этому я не мог — решение высшего органа страны, официальное, подписанное и оформленное соответствующим образом. Не выполнить Постановление Политбюро? Я, как первый секретарь обкома, даже представить себе этого не мог. Но если бы даже и ослушался — остался бы без работы. Не говоря уж про все остальное. А новый первый секретарь обкома, который бы пришел на освободившееся место, все равно вы-полнил бы приказ». На самом деле дом ломали ДВА дня, а не ОДНУ ночь. Ну тут Ельцин мог запамятовать, допустить ошибку в мемуарах. Но есть более серьезная нестыковка, которую провалами памяти не объяснить. Крушить дом стали 22 сентября 1977 года. Через ДВА ГОДА после решения Политбюро. Так долго шел секретный пакет из Москвы на Урал?*

Да нет, пакет пришел сразу. К первому секретарю Свердловского обкома КПСС Якову Рябову. Однако тот не взял под козырек, не исполнил приказ. Почему? Звоню ветерану партии.

— А чего мне было торопиться? Он стоял в низине, никому не мешал. Я своим подчиненным сказал, мол, когда сделаем полный план реконструкции всего микро-района, будем проводить там дорогу, а дом мешает дороге, тогда и решим.

— Ходят слухи, Рябов тогда до Брежнева дошел, Соломенцева подключил, спасая дом.

— Никуда я не ходил! Сдался мне этот дом!

— А что, Яков Петрович, при Ельцине план реконструкции микрорайона сделали?

— Нет, конечно! Выслужиться он решил перед Москвой. Он же всегда в Москву врался на большой пост. Разрушитель! Не хочу даже слышать о нем!

Возможно, ветеран что-то скрывает до сих пор. Но факт есть факт. При Рябове Ипатьевский дом устоял. Послушник не потерял работу, как пугал себя и читателей Ельцин. Наоборот, его взяли в Москву секретарем ЦК. Правда, долго в Кремле Яков Петрович не удержался. Пав жертвой аппаратных интриг, ушел в Госплан первым замом.

Зато оставшийся вместо Рябова хозяином Свердловской области Ельцин быстро ликвидировал Ипатьевский дом. Многие сейчас сомневаются: а получал ли вообще Борис Николаевич секретный пакет из Москвы? Есть устойчивое мнение, что он сам инициативу проявил. А забывшая про дом Москва его поддержала. Правду в ближайшие годы мы вряд ли узнаем. Да по большому счету и не важно, кто был инициатором. Важно, что после той ликвидации Андропов Ельцина приметил. И взял на карандаш. Став генсеком, решил включить Ельцина в свою команду.

Говорят, Ельцин был сильным и мужественным человеком. Если это так, то надо признать, что у понятий силы и мужества, которые между собой и без того нетождественны, слишком много синонимов, а иногда они носят практически противоположный смысл.

Хорошо помнится, как в разгар трудов по воссозданию храма Христа Спасителя Борис Николаевич позвонил мне, в ту пору мэру Москвы, и настоятельно потребовал остановить работы по храму. Я этого делать не мог и не хотел, зная о том духовном подъеме, с каким относились к восстановлению храма москвичи, да и вся Россия.

История распорядилась так, что воссозданный храм освящался как раз в те минуты, когда Борис Николаевич Ельцин объявил об отставке.

Добровольно уходил. Не под давлением обстоятельств и без нажима недавних ещё полноценных верноподанных, не под угрозами и невероятным политическим шантажом, как это было у Николая II.

Да, первый Президент России уходил добровольно, только Россия была далеко не та, которая должна бы быть, ни положи он все свои немалые, надо сказать, силы в борьбе за власть. Ельцинская борьба за власть объективно стала одной из главнейших причин разрушения государства, создававшегося пращурами, предками, дедами и отцами нашими не триста романовских и восемьдесят с гаком советских лет, а в течение многих веков.

Многое ему, наверно, простится за напутствие преемнику: «Берегите Россию».

Известно, история (как наука) слишком часто вынужденно или добровольно прогибается перед политикой. Современное трактование Беловежских со-

бытий и решений включает в себя то соображение, что в 1991 году коллективный Запад якобы перестал видеть в демонтированном СССР неприемлемую военную угрозу и это стало благом и для мира, и для России. Но вот прошло уже более четверти века — и мы, положив руку на сердце, оказались как минимум в преддверии новой холодной войны. И ужас снова стучится в двери. Выходит, проложить курс в спокойное будущее всё-таки гораздо труднее, чем росчерком пера, руша собственную Конституцию, развалить державу.

Так стоило ли? Уйти от этого вопроса мы не можем, какие бы убеждения нами ни владели: коммунистические, демократические, либеральные, монархические (от националистических и фашистских россияне в огромном и подавляющем большинстве всё-таки избавлены).

Ельцин был одержим борьбой за власть, он был «заточен» на эту борьбу, он в самые сложные моменты своего политического пути руководствовался ленинской формулой: «Главное — ввязаться в драку, а там посмотрим».

Фактически на этой же довольно зыбкой платформе стоял и Горбачёв, никоим образом не предполагавший, хотелось бы в это верить, к какому финалу, ввязавшись в «драку», приведёт он Советский Союз. В поздние годы проскальзывали у него признания, что он едва не с молодых лет готовился одолеть зверя по имени «коммунизм», для чего и пробивался на самый верх, но верится этому мало.

Туг произошёл «случай Зиновьева»: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию». (Хотя случай Зиновьева как таковой, как индивидуальный, всё-таки сложнее: в юности он мечтал совершить покушение на Сталина, а в зрелые годы, уже всемирно известным философом с опытом эмиграции на Запад, разочарования в Западе и возвращения в Россию, — в зрелые годы Зиновьев стал защитником Сталина и назвал «реальный коммунизм» вершиной российской истории.)

Парадокс или закономерность в том, что такого или аналогичного рода эволюция происходит с частью российского общества, с теми, по существу, людьми, которые приходили в начале 90-х на миллионные демократические митинги на Манежную площадь столицы.

Что такое эта своеобразная реинкарнация культа Сталина — историческая инерция, консерватизм, прозрение, усталость от политики, в которой люди снова стали только объектами власти? Или — тоска по социальной справедливости, слишком очевидно попираемой при декларируемой нацеленности власти на её достижение?

В любом случае внешне мягкое, а по сути, насильственное изъятие Сталина из исторического сознания, едва ли не из истории, принято быть не может именно общим, коллективным сознанием. Вспоминаются в связи с этим неуклюжие кремлёвские запреты разместить в Москве в местах сбора ветеранов войны в День Победы несколько портретов Сталина. Или он не был Главнокомандующим?

Народная мифология не может не осмыслять столь значительные явления, как Сталин и сталинизм, ибо, соглашусь с Ю.С. Пивоваровым, «вообще сталинизм структурно был схож с христианством. Бог-Отец — Ленин, Бог-

Сын — Сталин, Бог-Дух Святой — Идеология (Маркс, Энгельс — пророки, «крестители»), Церковь — Партия».

Это всё возможно изъять, вычеркнуть, забыть? Или возможно ли помнить частично, фрагментами: «Тут помню, тут не помню»?

Историческая наука субъективна, другой она и быть не может, и оспорить это утверждение невозможно. Субъективна и в особенности избирательна и человеческая память. А вот народная память, национальная память вмещает всё. Это океан, куда впадают все реки, где в геологических пластах фактов откладывается История.

Мы рассматриваем вопрос о власти, и потому без темы Сталина и сталинизма не обойтись. Речь о том впереди. Сейчас — о начале XX века. О Николае II.

Николай II

Он никогда не боролся за власть. История его правления известна, изучена, зафиксирована в миллионах источников — и всё же неясна до конца его личная, его — императора — мера ответственности за медленное, но исторически мгновенное сваливание громадной державы в хаос, смуту, войну, революцию, окончательное разрушение.

Мы намеренно называем этот процесс скоротечным, ибо время сжато не только на страницах учебников. Это только у частного лица жизнь идёт подробно, минутами. И если события колоссального драматизма тесно громоздятся в жизни их участника или свидетеля, то это вовсе не значит, что г о д ы л е т я т. Годы Первой мировой войны тоже не летели, как птицы, они медленные были, потому что мучительные, тяжелейшие, с миллионами смертей. В истории России никогда ранее ещё не бывало столько военных человеческих жертв на протяжении нескольких лет, как в годы Первой мировой войны.

А начиналось всё державно и благостно. В конце октября 1894 года Николай II вступил на престол, будучи готовым, по ряду признаков и кондиций, властвовать над империей. Тому способствовали образование, воспитание, знание языков, понимание армии изнутри, личное благородство, административный опыт, приобретённый в качестве главы строительства Великого Сибирского пути. Назначение было произведено по воле отца Александра III. Оказалось, что отец не ошибся в сыне. «Наследник цесаревич очень увлёкся этим назначением, принял его близко к сердцу... Уже через несколько заседаний он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивило, т.к. император Николай II — человек несомненно быстрого ума и быстрых способностей; он вообще всё быстро схватывает и быстро понимает».

Слова эти принадлежат Сергею Юрьевичу Витте, именно с ним Александр III обсуждал строительство новой железной дороги, и именно Витте, в качестве министра, инициировал назначение Николая Александровича Романова на, скажем так, практический пост.

Приведённая оценка качеств цесаревича охватывает, как мы видим, исключительно интеллектуальную составляющую, ничего не сообщая о волевых, властных качествах Николая Александровича. Это нетрудно объяснить как соображениями придворной этики, так и общим недостатком в империи тех, кто мог и хотел «истину царям с улыбкой говорить». Витте с этим тоже не спешил.

Ладно, можно было бы и без улыбки, и даже полезнее было бы, но умолчание о волевых кондициях характера наследника престола означало, на наш взгляд, прежде всего дефицитность этих кондиций. Руководить строительством — не царствовать на троне; воля царя неоспорима, воля начальника строительства обсуждается и должна обсуждаться специалистами хотя бы.

Николай II

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия • XX век

В том, конечно, случае, если наследник действительно руководил, а не представлял.

Невольно приходит на ум сравнение с Петром I — тот и плотником был изрядным, и инженером, и литейщиком, и полководцем, и даже зубы клещами удалял, но прежде всего — он был Царём, и никто никогда не называл его «мягким» или, паче того, безвольным.

Последний российский император подобными определениями был осыпая едва ли не в каждый день своего трагического царствования. Царствование это было переполнено состоянием внутреннего сомнения, нерешительности, растерянности, расслабляющего сознания мистицизма... внутренней причиной личного порядка была, очевидно, страшная болезнь сына — гемофилия (несвёртывание крови), полученная по генетическому «наследству» через прабабушку — английскую королеву Викторию.

Это, однако, описание *со стороны*, условная констатация, приводимая здесь как свидетельство устоявшейся точки зрения.

Незадолго до коронации будущий царь совершил продолжительное путешествие морем — так, согласно тогдашним представлениям и традициям двора, должно было завершаться образование наследника. В японском Киото наследник подвергся нападению вооруженного шашкой японского фанатика. (Спустя долгие десятилетия окровавленная рубашка Николая Александровича Романова, сохраняемая в Японии как реликвия, позволила предоставить генетический материал для идентификации останков расстрелянного большевиками царя.)

Это, пожалуй, был плохой знак, символически предвещавший войну с Японией; Россия в этой войне потерпела унизительное поражение, что и стало катализатором растущего недовольства самодержавием.

Мы не будем слишком прямолинейно связывать столь разномасштабные события и процессы. Заметим, однако, что подобным связыванием было крайне озабочено российское общество. В течение всего царствования «левые», «правые» и прочие по всему политическому спектру искали и без труда находили уязвимые места в личности царя. При дарованных манифестом свободах делать это в печати было не только легко и просто, но и политически выгодно.

Царь вся Руси становился гражданином Романовым задолго до отречения. Отказ, в любой форме, от всей полноты самодержавной власти означал не уменьшение её объёма, а её качественную перемену. И добро бы элементы этой власти передавались эффективным и, главное, конструктивным институтам государства и общества. В реальности манифест был брошен Николаем II в революционный костёр, ставший в считанные годы пожаром. Дальше, в развитие, разрушителями самодержавия планировалось уже несусветное и безумное: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

«17 (30) октября 1905 года был опубликован манифест императора Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», который декларировал дарование гражданам России политических свобод, непри-

косновенность личности, расширение избирательного ценза при выборах в Государственную Думу. Манифест 17 октября 1905 года был подготовлен председателем Совета министров Российской империи С.Ю. Витте, считавшим конституционные уступки единственным средством разрядить революционную атмосферу в России.

Манифест 1905 г. был издан императором Николаем II под давлением нарастающей революционной ситуации: массовых забастовок и вооруженных восстаний. Этот манифест удовлетворил либеральную общественность, так как это был реальный шаг к переходу к ограниченной конституционной монархии. Либералы получили возможность оказать влияние на власть через парламент. Этот манифест считается началом союза российской монархии и парламентаризма. Манифест закреплял свободу совести, слова, собраний и сходов; привлечение к выборам широких слоев населения; обязательный порядок утверждения Государственной Думой всех издаваемых законов.

Надо сказать, что идея «демократизировать» Российскую империю уже давно витала в обществе. Уже не раз рождались конституционные проекты, которые должны были реформировать Россию «сверху». Среди западников (ведущей части российского образованного общества) «конституционные мечтания» были ведущей идеей и постепенно они радикализировались. Таким образом, в Российской империи периода XIX — начала XX в. было две основных идеи «демократизации» России. «Сверху» изменить существующий строй хотели некоторые императоры, представители правящей династии и высшие сановники. Они хотели эволюционным путем устроить в Россию конституционную монархию по образцу Англии. То есть они также следовали примеру Запада и были западниками, но не хотели волнений и смуты. В то время как представители прозападной общественности мечтали о том, что главной ветвью власти в России будет законодательная — парламент. Они желали ликвидировать самодержавие. Об этом мечтали как декабристы и разночинцы, так либералы и социалисты конца XIX — начала XX в. Это расхождение в видении будущего России, причём на основе западных концепций, в итоге и привело к катастрофе Российской империи и всей русской цивилизации, которую спас только новый, советский проект» (А. Самсонов. Военное обозрение. 13 окт. 2015 г.).

Невозможно, однако, согласиться с тем, что катастрофа Российской империи была одновременно и катастрофой российской цивилизации. Она, наша национальная цивилизация, была, есть и, мы убеждены в этом, не просто будет, но будет развиваться.

Катастрофой российской цивилизации не стал и распад Советского Союза. Да, если посмотреть на карту, то Россия основательно сжалась с того времени, когда в её составе были Польша и Финляндия (Николай II именовался тогда и как «царь Польский... царь Финляндский»), но ведь карта мира изменялась не только в российской своей части. Национальные цивилизации при этом никуда не делись.

Империи имеют свой отпущенный им срок исторической жизни, и он много короче срока жизни национальных цивилизаций. Так, утратив коло-

ниальные владения, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии в полной мере сохранило и укрепило английскую цивилизацию. Так, перестав быть метрополией, Французская Республика остаётся центром французской цивилизации.

К некоторому сожалению, у нас в России рецидивом самодержавности сознания является статичное до безразличия отношение к зарубежной части русской цивилизации, или, как теперь говорят, Русскому миру, простирающемуся далеко за границы как таковые, но слишком слабо развиваемому Россией. Редкими репортажами по ТВ о визитах особ из рода Романовых на историческую родину положение не поправишь. «Мягкая сила» фактически отключена, народная дипломатия никогда всерьёз и не задействовалась. Потому самое нелепое, что можно только написать о нашей стране, находит отклик в мировой аудитории; принцип «одно слово правды мир перевернёт» здесь не работает. А ведь мы — не Российская империя, не Советский Союз, которые были пропорционально ушедшим в прошлое периодам их существования едва ли некратно сильнее современной России. Мы-то далеко вперёд пропустили США, Китай и объединённую Европу.

Военный паритет, активная роль в международных делах — это паритет частичный, эта роль быстроменяющаяся. Хотя, никто не спорит, сила остро необходима в современном мире. Так, впрочем, и всегда было.

Мы привыкли быть огромными, постепенно отвыкая быть великими. Мы становимся грозными, но перестаём быть привлекательными. Движение в этом направлении грозит коррозией государства, если будет продлено даже на относительно обозримые сроки. Или же обернётся его расцветом, если прозреем и усилимся во все стороны. Мы говорим не об азимутах и границах, а об экономике, гуманитарной сфере, ответственной внутренней и мудрой внешней политике. Всё зависит от качества власти.

Возвращаясь к личности Николая II, не присоединим безоговорочно свой голос к хору непрестанно повторяющих: слабый, слабый, слабый...

Не примем множество давивших на самодержца сил за бессилие самодержца.

Начнём с того, что «слабый» не осуществляет реформы власти, ослабляющие его собственную власть, чтобы в полную силу набрало голос общество, появилась реальная политическая конкуренция. При слабом властителе государство не получает небывалых темпов развития. Слабый, в конце концов, слишком боится стать жертвой расковавшихся сил и взывавших страстей. Николай II, отречьшись, едва ли не понимал, что его ждёт, но принял мученический венец. Слабый на это не способен.

Из дневника Николая II об обстоятельствах его отречения от престола.

«Утром пришёл Рузский и прочёл свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно моё отрече-

ние. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ часа пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!» (цитируется по изданию «Политическая история России XX века». М., 1991. С. 187).

Проводя реформы на фоне огромного культурного, образовательного и научного подъёма, развития общественного самоуправления, всяческого урезания былого и как бы естественного произвола, развития института свободной прессы и мысли — это, если говорить в крупном формате, было связано с именем Николая II и осуществлялось ни в коем случае не вопреки его воле и разуму.

Можно ли в таком случае продолжать повторять: слабый царь, слабый...

Объективно он модернизировал страну; рухнула она, не с горы катясь, а на пике концентрации всех своих сил и одновременно на пике концентрации всех антимонархических сил. Ведь если «Кругом измена и трусость и обман», тогда только одного этого хватит, чтобы повалить сколь угодно сильного. Что и было сделано.

Логика исторического времени не линейна как хронологическая таблица. В таблице, да, там упорядоченная последовательность смены первых лиц представляется и закономерной, и естественной, и исторически обоснованной. За этой упорядоченностью описательностью скрываются общие закономерности, огромные части и агрегаты колоссальной государственной машины, которую движет энергетика исторических процессов... Всё так, но какова же роль монарха, шире — властителя — во всей этой механике?

Россия рухнула, потому что царь оказался слабохарактерным?

Россия была разрушена, потому что стала слишком конкурентоспособной?

Монархический строй был свергнут новыми общественно-политическими силами?

На все эти вопросы можно ответить одним словом: да.

Но ведь это одно слово, сколь угодно широко понимаемое, не вмещает в себя важнейшего, на наш взгляд, аспекта в череде других важных аспектов, а именно: качество уходящей, свергаемой власти и качество нарождающейся, свергающей власти.

Понятие качество власти гораздо шире и объёмнее того, что определяется как личные кондиции властителя, его черты, мера его трудолюбия и пр. — это дела прикладного порядка.

Качество власти, в нашем понимании, есть её способность осмыслить, смоделировать и фактически возглавить эволюционный по характеру процесс обновления и модернизации всех институтов государства, иначе говоря — запрячь красного коня революции в рабочую упряжь.

Если это не получается — властитель будет сметён, будь он каких угодно твёрдых убеждений, обладай каким угодно сильным характером. Сметают и сильных, особенно когда за дело берётся ещё более сильный и жестокий, как в случае с Лениным. Против действительно сильных-то и строится интрига, со слабыми договариваются.

Против вождя, а Ленина очень быстро нарекли вождём мирового пролетариата, не выстоять ни очередному монарху, ни гнилому снизу доверху Временному правительству. Монархи, если им не мешать, спокойно сменяют друг друга, вожди — врываются в историю, кроя её на свой лад.

(Хотелось бы подчеркнуть, что мы не запутались в хронологии событий и не забыли последовательность русских революций. Дело в другом: разгоняя позднее Учредительное собрание, Ленин боролся, конечно же, и с гипотетической возможностью реинкарнации самодержавия. Не назавтра, не через месяц, но в какие-то близкие сроки это было возможно. Временное правительство и Учредительное собрание были и в самом деле временными, но смениться они могли бы не обязательно диктатурой пролетариата, но и возрождённой монархией.)

Про отсутствие сослагательного наклонения в истории повторять не будем, потому хотя бы, что расстрел монаршей семьи, включая наследника престола, был запрограммирован в том числе и страхом большевиков перед возможной реставрацией монархии хотя бы на короткое время, перед тем как навсегда кануть в историю.

Представляется, что дело в конечном счёте заключается в том, что мера добровольности Николая II, явленная в его отречении, гораздо больше меры вынужденности. Хотя, конечно, и вынужденность была безысходной. Он понимал, что не сможет далее продлить историческое время монархии, потому что оно закончилось.

Российская власть ничего не смогла противопоставить технологиям революции, её поджигающему огню, её яду, пущенному по капиллярам общества.

27 марта было принято, а 28-го опубликовано воззвание (есть ли среди актов любой власти что-то более аморфное, чем *воззвание*?) Временного комитета Государственной думы. Взывают — от беспомощности.

«Отъ Временного Комитета Гос. Думы.

Временный Комитет членовъ Государственной Думы при тяжёлыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашѣль себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственного и общественнаго порядка. Сознавая всю ответственность принятаго имъ решенія, Комитете выражаете увѣръренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задаче созданы новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его доверіемъ.

Председатель Государственной Думы

М. Родзянко.

27-го февраля 1917 г.».

Это вот *воззвание* было никем не исполнено и никому не нужно по той причине, что, как и иные документы переходных властей, ничего уже не значило после отречения Николая II. Так же ничего не значили никакие приказы и распоряжения всех главнокомандующих, подталкивающих царя к отречению тем, что они все согласились с проектом манифеста. Манифест ведь был из Ставки прислан царю, из того чрезвычайно ответственного органа военной власти, который должен был бы в полном составе вместе с адъютантами и денщиками голову сложить за царя и Отечество. В итоге получилось, что, предав царя, потеряли Отечество. Правда, головы большинства из них вскоре всё равно упали с плеч — занималась заря революции, а там не замедлила со сбором миллионов жертв и Гражданская война, а дальше, о чём никто тогда и думать не мог, развернул широкие плечи Царь Террор.

Николай II отрекался от власти, избавляя тем самым от непосильного бремени власти юного больного сына и полагая, что она перейдёт, как сказано в манифесте, «Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ».

«Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано «НИКОЛАЙ».

День 2 марта, 15 час. 1917 г.

г. Псков

Скрепил Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант Граф Фредерикс».

Не далее, как на следующий день был обнародован следующий документ за подписью Михаила:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Приложение къ № 18 Под Губ. Вѣд. 1917 г.

Цѣна 6 коп.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
 ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
 ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
 И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработать Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя внутреннія волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогое Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совмѣстно со славными Нашими Союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ соизвети облегчить Народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передѣлемъ наследіе Наше брату Нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ имъ установлены. Принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанийъ и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Данъ 9 марта 16 числа 1917 г.

Городъ Царскъ.

Генералъ-Адъютантъ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Графъ Фредерикъ.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всехъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основе всеобщаго, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собраніе своимъ решениемъ об образе правленія выразитъ волю народа.

3 марта 1917 г.

Подписал: Михаил

Петроградъ».

Это была капитуляция на милость победителя.

Страна дрейфовала в хаос, капитанский мостик был пуст, флаг был спущен. Гражданин Романов 9 марта прибыл в Царское Село, где воссоединился с семьёй в качестве арестованного. Скромное меню их обедов публиковалось в печати, дабы Россия видела: ненавистные дармоеды не жируют. Великие княжны работали наравне с прислугой. Бывший царь вместе с солдатом из охраны пилил дрова.

Приведём здесь фрагмент из дневниковых записей, сделанных Николаем Романовым в начале роковых его дней. Первая из них датируется следующим после отречения днём.

«3-го марта. Пятница

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилёв. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9^{1/2} перебрался в дом. Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4-го марта. Суббота

Спал хорошо. В 10 ч. пришёл добрый Алек. Затем пошёл к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую мама, прибывшую из Киева. Повёз её к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная — холод и метель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 час. поехал к обеду к мама и просидел с нею до 11ч.

6-го марта. Понедельник

Утром был очень обрадован, получив два письма от дорогой Аликс и два письма от Мариш. Их привезла жена кап[итана] Головкина л.-гв. Финляндского полка. Погулял в садике. Мама приехала к завтраку. Посидели вместе до 3 ч. Гулял; опять началась метель. После чая принял Williams. К 8 ч. поехал к мама в поезд.

7-го марта. Среда

Последний день в Могилёве. В 10 ч. подписал прощальный приказ по армиям. В 10^{1/2} ч. пошёл в дом дежурства, где простился с со всеми чинами штаба и управлений. Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к мама в вагон, позавтракал с ней и её свитой и остался сидеть с ней до 4^{1/2} час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилёва, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо.

8-го марта. Четверг

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в 11 ч. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца, внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то

прапорщики! Пошёл наверх и там увидел душку Алике и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Мариш, у кот[орой] корь недавно началась. Завтракали и обедали в игральной у Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Валей Долг, [оруковым] и поработал с ним в садике, т.к. дальше выходить нельзя! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе.

9-го марта. Пятница

Спали хорошо. Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все вместе, радует и утешает. Утром принял Бенкендорфа, затем просматривал, приводил в порядок и жёг бумаги. Сидел с детьми до 2 час. Погулял с Валей Долг.[оруковым] в сопровождении тех же двух прапорщиков — они сегодня были любезнее. Хорошо поработали в снегу. Погода стояла солнечная. Вечер провели вместе.

10-го марта. Суббота

Утром принял Бенкендорфа, узнал от него, что мы останемся здесь довольно долго. Это приятное сознание. Продолжал сжигать письма и бумаги. У Анастасии заболели уши, — то же, что было с остальными. От 3 ч. до 4 ч. гулял в саду с Валей Д[олгоруковым] и работал в саду. Погода была неприятная, с ветром, при 2° мороза. В 6.45 пошли ко всеобщей в походную церковь. Алексей принял первую ванну. Зашли к Ане и Лили Д.[ен] и затем к остальным».

Эти записи — не царя. И даже не бывшего царя. Они принадлежат перу человека, находящегося в глубочайшей прострации, спрятавшегося в раковину быта, забившегося в дальний угол семейной гостиной. В таком углу хорошо уединиться вдвоём с депрессией. А можно наедине с раздумьями, которым не место в частном дневнике.

Будем исходить из второго.

В мировой истории не сосчитать не только отречений, но и последующих казней самодержцев. Не претендуя на выявление закономерности, скажем, что в целом ряде случаев до такого исхода дело бы не дошло, решился самодержец пролить кровь врагов его власти. Такое ведь тоже бывало — волнения, бунты, восстания безжалостно подавлялись. Ленин, Сталин, да даже и Хрущёв (события в Новочеркасске) перед кровью в смущении не останавливались.

Дальнейшие события, включающие в себя роковое путешествие на Урал, известны до деталей, многократно описаны. Тайное давно стало явным. Когда до Москвы дошло известие о расстреле царской семьи, Троцкий спрашивал у Свердлова: «А кто решил?» — «Мы решили, — ответил Свердлов. — Ильич считал, что нельзя оставлять их живыми, особенно в нынешние времена». Троцкий свидетельствовал: «Некоторые думают, что Уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это неверно. Постановление было вынесено в Москве».

В Москве в своё время принималось последнее решение и об убийстве Троцкого. Царя ли винить в его смерти? Нет, путёвку на погост Троцкому выписал «чудесный грузин», как однажды в письме назвал Ленин Сталина.

Итоги царствования Николая II даже и в самом сжатом виде¹ позволят нам сформировать представление о *трёх жизнях* последнего русского самодержца.

Отношение к личности последнего русского императора настолько неоднозначно, что единого мнения об итогах его правления просто не существует. Противостоят одна другой православно-патриотическая и либерально-демократическая точки зрения.

С точки зрения первой из них Николай II и его семья — идеал нравственности, образ мученичества; его правление — вершина экономического развития России за всю ее историю.

Для других Николай II — слабая личность, безвольный человек, не сумевший уберечь страну от революционного безумия, всецело находившийся под влиянием жены и Распутина; Россию же в период его правления видят экономически отсталой.

Изложим православно-патриотический взгляд.

В 1950-х годах в русском зарубежье появился доклад русского писателя Бориса Львовича Бразоля (1885 — 1963). Во время Первой мировой войны он работал в русской военной разведке. Доклад Бразоля носит название «Царствование Императора Николая Второго в цифрах и фактах. Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам». В начале этого доклада приводится цитата известного экономиста того времени Эдмона Тери: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти также, как они шли с 1900 по 1912, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» (журнал «Economist Europten», 1913 г.). Приведем некоторые данные из этого доклада.

Накануне Первой мировой войны народонаселение Российской империи составляло 182 млн человек, причем за время царствования императора Николая III оно увеличилось на 60 млн.

Императорская Россия строила свою бюджетно-финансовую политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса.

В царствование императора Николая II, законом 1896 года, в России была введена золотая валюта. Устойчивость денежного обращения была такова, что даже во время Русско-японской войны, сопровождавшейся повсеместными революционными беспорядками внутри страны, обмен кредитных билетов на золото не был приостановлен.

До Первой мировой войны налоги в России были самыми низкими во всем мире. Бремя прямых налогов в России было почти в 4 раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов в России было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

¹По материалам сайта ИСТОРИЯ РОССИИ.

В период между 1890 и 1913 годами русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза. Причем нужно отметить, что рост количества новых предприятий достигался не за счет появления фирм однодневок, как в современной России, а за счет реально работающих фабрик и заводов, которые выпускали продукцию и создавали рабочие места.

В 1914 году в Государственной сберегательной кассе было вкладов на 2 236 000 000 рублей, то есть в 1,9 раза больше, чем в 1908 году.

Эти показатели чрезвычайно важны для понимания того, что население России было отнюдь не бедное и значительную часть своего дохода сберегало.

Накануне революции русское земледелие было в полном расцвете. В 1913 году в России урожай главных злаков был на треть выше такового же Аргентины, Канады и Соединенных Штатов Америки, вместе взятых. В частности, сбор ржи в 1894 году дал 2 млрд пудов, а в 1913 году — 4 млрд пудов.

В царствование императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза сельскохозяйственных продуктов из России в Англию (зерна и муки). В 1908 году было вывезено 858,3 млн фунтов, а в 1910 году — 2,8 млрд фунтов, то есть в 3,3 раза.

Россия поставляла 50 % мирового ввоза яиц. В 1908 году из России их было вывезено 2,6 млрд штук стоимостью 54,9 млн рублей, а в 1909 году — 2,8 млн штук стоимостью 62,2 млн рублей. Вывоз ржи в 1894 году составил 2 млрд пудов, в 1913 году — 4 млрд пудов. Потребление сахара в этот же период повысилось с 4 до 9 кг в год на одного человека (тогда сахар был очень дорогим продуктом).

Накануне Первой мировой войны Россия производила 80 % мировой добычи льна.

В 1916 году, то есть в самый разгар войны, было построено более 2000 верст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый океан (порт Романовск) с центром России. Великий Сибирский путь (8536 км) был самым длинным в мире.

Надо добавить, что русские железные дороги, по сравнению с другими, для пассажиров были самыми дешевыми и самыми комфортабельными в мире.

В царствование императора Николая II народное образование достигло необыкновенного развития. Начальное обучение было бесплатным по закону, а с 1908 года оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10 000 школ. В 1913 году число их превысило 130 000. По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в начале XX века первое место в Европе, если не во всем мире.

В период правления Николая II правительство Петра Аркадьевича Столыпина осуществило одну из самых значимых и самых блестящих реформ России — аграрную реформу. Она связана с переходом формы собственности на землю и земельного производства от общинного к частно-земельному. 9 ноября 1906 года был издан так называемый «Столыпинский закон», кото-

рый позволял крестьянину выходить из общины и делаться индивидуальным и наследственным собственником земли, которую он обрабатывал. Закон этот имел огромный успех. Тотчас же было подано 2,5 млн прошений о выходе на отруба от семейных крестьян. Таким образом, накануне революции Россия была уже готова превратиться в страну собственников.

За период 1886 — 1913 годов экспорт России составил 23,5 млрд рублей, импорт — 17,7 млрд рублей.

Иностранные инвестиции в период с 1887 по 1913 год увеличились с 177 млн рублей до 1,9 млрд рублей, то есть в 10,7 раза. Причем эти инвестиции направлялись в капиталоемкое производство и создавали новые рабочие места. Однако, что очень важно, российская промышленность не было зависима от иностранцев. Предприятия с иностранными инвестициями занимали всего 14 % от общего объема капиталов русских предприятий.

Отречение Николая II от престола явилось величайшей трагедией в тысячелетней истории России. С падением самодержавия история России покатила по пути беспримерного злодеяния царубийства, порабощением многомиллионного народа и гибелью величайшей в мире Российской империи, самое существование которой было залогом всемирного политического равновесия.

Либерально-демократическая точка зрения сводится к следующим основным положениям.

Когда Николай II пришел к власти, он не имел никакой программы, кроме твердого намерения не уступать своего самодержавного могущества, которое передал ему его отец. Решения он принимал всегда единолично: «Как я могу сделать это, если это против моей совести?» — это было то основание, на котором он принимал свои политические решения или отклонял предложенные ему варианты. Он продолжал проводить противоречивую политику своего отца: с одной стороны, он пытался добиться социальной и политической стабилизации сверху путем сохранения старых сословно-государственных структур, с другой — политика индустриализации, проводимая министром финансов, приводила к огромной социальной динамике. Русское дворянство начало массированное наступление против проводимой государством экономической политики индустриализации. Отстранив Витте, царь не знал, куда следует держать путь. Несмотря на некоторые реформаторские шаги (например, отмену телесных наказаний крестьян) царь под влиянием нового министра внутренних дел Плеве принял решение в пользу политики всемерного сохранения социальной структуры крестьянства (сохранение общины), хотя кулацким элементам, то есть более богатым крестьянам, был облегчен выход из крестьянской общины. Царь и министры не сочли необходимыми реформы и в других областях: в рабочем вопросе было сделано лишь несколько незначительных уступок; вместо того чтобы гарантировать право на забастовки, правительство продолжало репрессии. Политикой стагнации и репрессий, которая одновременно в осторожной форме продолжала начатую экономическую политику, царь не мог удовлетворить никого.

На собрании представителей земств 20 ноября 1904 года большинство потребовало конституционного режима. Объединившиеся в оппозиции силы прогрессивного поместного дворянства, сельской интеллигенции, городского самоуправления и широких кругов городской интеллигенции начали требовать введения в государстве парламента. К ним присоединились петербургские рабочие, которым было разрешено образовать независимое объединение, возглавлявшееся попом Гапоном, они захотели подать петицию царю.

Отсутствие общего руководства при уже фактически уволенном министре внутренних дел и царе, который, как и большинство министров, не понимал серьезности ситуации, привело к катастрофе Кровавого воскресенья 9 января 1905 года: армейские офицеры, которые должны были сдерживать толпу, в панике приказали стрелять по мирным людям. 100 человек были убиты и предположительно более 1000 ранены. Рабочие и интеллигенция отреагировали стачками и демонстрациями протеста. Хотя рабочие большей частью выдвигали чисто экономические требования и революционные партии не могли играть важной роли ни в движении, возглавляемом Гапоном, ни в забастовках, последовавших за Кровавым воскресеньем, в России началась революция.

Когда революционное и оппозиционное движение в октябре 1905 г. достигло высшей точки — всеобщей стачки, практически парализовавшей страну, царь был вынужден вновь обратиться к своему бывшему министру внутренних дел, который благодаря очень выгодному для России мирному договору, заключенному им с японцами в Портсмуте (США), приобрел всеобщее уважение. Витте объяснил царю, что он должен либо назначить диктатора, который жестоко боролся бы с революцией, либо гарантировать буржуазные свободы и выборную законодательную власть. Николай не хотел топить революцию в крови.

Таким образом, принципиальная проблема конституционных монархий — создание баланса власти — обострилась в результате действий премьер-министра. Октябрьский манифест (17.10.1905 г.) обещал буржуазные свободы, выборное собрание с законодательными полномочиями, расширение избирательного права и, косвенно, равноправие религий и национальностей, но не принес стране умиротворения, которого ожидал царь. Он скорее вызвал серьезные беспорядки, вспыхнувшие в результате столкновений между лояльными царю и революционными силами и приведшие во многих регионах страны к погромам, направленным не только против еврейского населения, но и против представителей интеллигенции. Развитие событий с 1905 года стало необратимым.

Однако в других областях происходили положительные изменения, которые не были заблокированы на политическом макроуровне. Темпы экономического роста снова практически достигли уровня 90-х годов. На селе столыпинские аграрные реформы, имевшие целью создание частного владения, начали развиваться самостоятельно, несмотря на сопротивление со стороны крестьян. Государство целым пакетом мероприятий добивалось широкомас-

штабной модернизации в сельском хозяйстве. Наука, литература и искусство достигли нового расцвета.

Но скандальная фигура Распутина решающим образом способствовала потере престижа монарха. Первая мировая война безжалостно выявила недостатки системы позднего царизма. Это были в первую очередь политические слабости. В военной области к лету 1915 года удалось даже стабилизировать положение на фронте и наладить снабжение. В 1916 году, благодаря наступлению Брусилова, русской армии принадлежала даже большая часть территориальных завоеваний союзников перед началом краха Германии. Тем не менее в феврале 1917 года царизм приближался к своей гибели. В таком развитии событий был в полной мере виноват сам царь. Поскольку он все больше хотел быть собственным премьер-министром, но не соответствовал этой роли, то во время войны никто не мог координировать действия различных институтов государства, прежде всего гражданских с военным.

Временное правительство, сменившее монархию, сразу же взяло Николая и его семью под домашний арест, но хотело разрешить уехать ему в Англию. Однако английское правительство не торопилось с ответом, а Временное правительство уже было недостаточно сильным, чтобы противостоять воле Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В августе 1917 года семью перевезли в Тобольск. В апреле 1918 года местные большевики добились их перевода в Екатеринбург. Царь переносил это время унижений с большим спокойствием и надеждой на Бога, которая перед лицом смерти придавала ему неоспоримое достоинство, но которое и в лучшие времена порой мешало ему действовать рационально и решительно. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года императорская семья была расстреляна. Либеральный историк Юрий Готье с холодной точностью высказался, узнав об убийстве царя: «Это развязка еще одного из бесчисленных второстепенных узлов нашего смутного времени, и монархический принцип может только выиграть от этого».

Парадоксы личности и царствования Николая II можно объяснить объективно существовавшими противоречиями российской действительности начала XX века, когда мир вступал в новую полосу своего развития, а у царя не хватило воли и решимости овладеть ситуацией. Пытаясь отстоять «самодержавный принцип», он маневрировал: то шел на небольшие уступки, то отказывался от них. В результате режим загнивал, толкая страну к пропасти. Отвергая и тормозя реформы, последний царь способствовал началу социальной революции. Это следует признать и при абсолютном сочувствии к судьбе царя, и при категорическом его неприятии. В критическую минуту Февральского переворота генералы изменили присяге и принудили царя к отречению.

Николай II сам выбивал почву из-под своих ног. Он упрямо защищал свои позиции, не шел на серьезные компромиссы и этим создал условия для революционного взрыва. Не поддержал он и либералов, стремившихся предотвратить революцию в надежде на уступки царя. И революция свершилась. 1917 год стал роковым рубежом в истории России (по материалам сайта ИСТОРИЯ РОССИИ).

...Таковы, читатель, основные концептуальные оценки личности Николая II и его правления. Две представленные точки зрения в чём-то сходятся, а во многом противоречивы. Наше убеждение состоит в том, что история правления Николая II должна была стать величайшим назиданием и уроком для тех, кто после него в течение XX века принимал власть в России и терял её.

В том, как это происходило, нет не то, что политической культуры, исторической традиции, государственно ориентированного замысла — нет даже должных политических приличий. Ленин? Сталин? Маленков? Хрущев? Брежнев? Андропов? Черненко? Горбачев? Ельцин? Кто из них пришёл достойно, достойно поработал и достойно ушёл?

Постфактум всё объясняется историческими закономерностями, наступлением новых этапов развития и многими иными причинами, но ведь по факту-то — кем из них восхищаться, кем гордиться, с кого брать пример лидерам России в её будущем?

Если подняться на духовные высоты, то следует признать, что Николай II закончил свой путь мученический и, потеряв монаршую власть, не потерял хотя бы человеческого достоинства. Мало кому из бывших властителей это удалось в куда менее драматичных обстоятельствах.

В народном же сознании образ царя-мученика навсегда заслонил образ царя-реформатора, царя-труженика. Хорошо хоть, что не задержались в памяти поколений карикатуры из газет начала XX века и мусорные горы глумливой большевистской лжи о последнем российском императоре.

О династии Романовых и её уходе с исторической сцены было сказано так:

*Судьба одних была страшна,
Судьба других была блестяща,
И осеняла всех одна
Россия сказочная чаща.*

*Но император сходит с трона,
Прощая всё, со всем прощаясь,
И меркнет русская корона,
В февральскую скатившись грязь.*

Георгий Иванов

После Февральской революции русские головы недолго кружило пафосное утверждение «Тыл победил династию, фронт победит врага». Войска воевать не хотели. Да и как воевать, если в тогдашних газетах разворачивались публичные дискуссии о том, когда именно, в какой день и где начинать наступление. Подниматься или не подниматься в атаку на врага, солдаты решали

прямо в окопах, проводя для этого собрания. Верховодили на них отнюдь не монархисты. Армия разложилась. Россия приближалась к октябрю.

В XX веке завершили свой долгий путь многие монархии. Сейчас на планете более 230 государств, монархическая форма правления действует в 41 из них. Из этих 41 в Европе — 12. Общим для них признаком является достаточно высокий уровень жизни, подверженный, конечно, колебаниям. Монархии трансформировались, они, проще говоря, ни в одной стране Европы не являются абсолютными, даже в Монако и Лихтенштейне. Разве что в Ватикане, но это совсем другая история.

Прибавим к этому, что «монархия — это не только форма правления, это совокупность определенных идей государственного, духовного и общественного порядка. Монархия характерна принципами единоначалия, наследственной власти и первенством нравственного начала. В православии монарха воспринимали как человека, посланного Богом для служения своему народу. К этому можно добавить, что монархия представляет собой универсальную форму организации нации, которая, по сути, может сосуществовать с большинством современных общественно-экономических и социально-политических моделей. Но на протяжении десятилетий либералами и социалистами планомерно проводится мысль, что монархия — это отжившая и устаревшая форма правления, которую должна сменить республиканская, более совершенная форма.

В доказательство этому высказываются различные соображения. Во-первых, многие государства мира уже отказались от монархии или сохраняют её по инерции. Монархи в подобных странах являются только «красивой традицией», не играя никакой существенной роли во внутренней и внешней политике своих государств. Во-вторых, доказательством «регрессивности» монархии служит тот факт, что после её падения не было никаких попыток вернуться к ней. У этих теорий много приверженцев. Но нельзя однозначно сказать, что монархия — это зло, поскольку многие европейские монархии занимают лидирующие позиции в мире.

Некоторые эксперты, обсуждая пользу и вред монархии, приводят в пример Англию, Испанию, Швецию и Норвегию. Эти страны сохранили нормальный монархический режим, а монархи в них не являются только символическими фигурами, действительно управляя государством. Сторонники того, что в этих странах монархи обладают реальным авторитетом, ссылаются на основные законы государств, согласно которым монархи обладают серьезными властными полномочиями. Так, например, королева Великобритании назначает правительство, имеет право распустить парламент, ни один законопроект, который был принят парламентом, не считается действительным без подписи монарха. Их оппоненты заявляют в ответ, что все эти положения — не более чем формальность, поскольку власть в действительности находится в руках партийной олигархии. Монархи же должны нести в народ высокую нравственность и быть авторитетами в обществе» (по материалам портала Pravda.ru).

Так или иначе, но монархии из истории не выбросить, они в течение многих веков исправно делали свою историческую работу, в том числе и в Рос-

сии. У нас монархия была уничтожена под корень, затем она сменилось «диктатурой пролетариата» в лице Ленина, «культом личности» в лице Сталина, «волонтаризмом» в лице Хрущёва... Весь российский XX век как на ладони: смотрите на него, будущие капитаны российского корабля, изучайте, делайте выводы.

История не закончилась, у вас есть свой шанс послужить России и миру.

И еще несколько слов в завершение этой главы. Не без зависти смотрит русский человек на ту же Англию: и страна прекрасная, и королеву подданные хранят со всей общенациональной любовью, и любовь эта насыщена величием нации. Почувствовав и оценив наступившую слабость либерально-демократического Евросоюза, монархическая страна решила отчалить от него, хотя сделать это трудно.

6 февраля 2017 года Елизавета II пересекла 65-летний рубеж пребывания на престоле, возглавляя всё это время не только Великобританию, но и Содружество наций, в котором государств больше, чем республик в бывшем СССР. Оно объединяет 17 стран, а королева является почётным главой каждого из них, в том числе Австралии, Канады, Новой Зеландии...

Наш гимн, начинавшийся словами «Боже, царя храни!», был втоптан в февральскую грязь, залит российской кровью, Гимн Великобритании — «Боже, храни королеву» — гордо звучит по миру.

У нас в XX веке не получилось сохранить не только испытанную форму правления, но и своё государство, монархами построенное.

Понимание этого должно, как нам представляется, повлиять на то, каким курсом пойдёт страна в своём развитии.

Продолжим эту мысль, исходя из того, что наша книга обращена к будущим российским лидерам. Кому-то из них доведётся вести страну после окончания президентства В.В. Путина, позднее его преемника сменит новый лидер, затем властный цикл продолжится. То же самое будет происходить на всех уровнях власти. Будут завершаться политические и иные карьеры, будет осуществляться ротация руководства, а новые задачи, которые непременно встанут перед Россией, потребуют новых идей, подходов и, главное, новых лидеров и новых исполнителей. Им надо двигаться вперёд и, соответственно, смотреть вперёд. Иначе не бывает, в этом смысл института власти, если только власть не начинает заниматься обслуживанием самой себя (в чём, впрочем, ни одна власть никогда и нигде не признавалась).

Суть дела, однако, в том, что власти нужен «круговой обзор», а не только прожекторная нацеленность в перспективу лет и процессов. Нужно, в частности, глубочайшее знание пути, пройденного предшественниками, нужны их огромный опыт, мощно развитый инстинкт противодействия авантюрам и, конечно же, их знания.

Знания есть, разумеется, дело наживное — их можно обрести, грубо говоря, за счёт недосыпания. Мудрость не подстегнёшь, не подкормишь витаминами роста, она не есть приложение к должности. Этот плод растёт исключительно в Саду Времени, Опыта и Масштаба Личности.

Чаше всего у действующих властей не хватает, по разным причинам, желания опереться на эту накопленную мудрость, на этот испытанный опыт, да, в конце концов, и на бескорыстие тех, кто, завершив официальную карьеру, продолжает жить интересами страны и народа.

Но ведь и для власти время идёт без остановки, а потому вчерашнее «вперёд», понимаемое как «вперёд к новым успехам», постепенно трансформируется в гораздо более деликатное по форме, но беспощадное по существу «вперёд, к завершению полномочий».

Когда наступает этот день, появляется время оглянуться назад, вспомнить и подумать о том, как исполнял ты свой долг, что ты дал стране, что тебе говорили вслух и что о тебе думали на самом деле.

Ленин

Последний российский император был бессудно казнён в подвале и даже простой могилы не удостоился сразу после мученической смерти. Первого российского коммунистического вождя тоже не погребли по православному или иному обряду, а на языческий манер забальзамировали и выставили на всеобщее обозрение в мавзолее у кремлёвской стены.

Было такое определение, родившееся в возобновлённой империи в её советской версии: сгорел на работе. Да, так и есть, Ленин предельно истощился, разрушил здоровье, истратил себя, положив силы, годы и саму жизнь на алтарь революции.

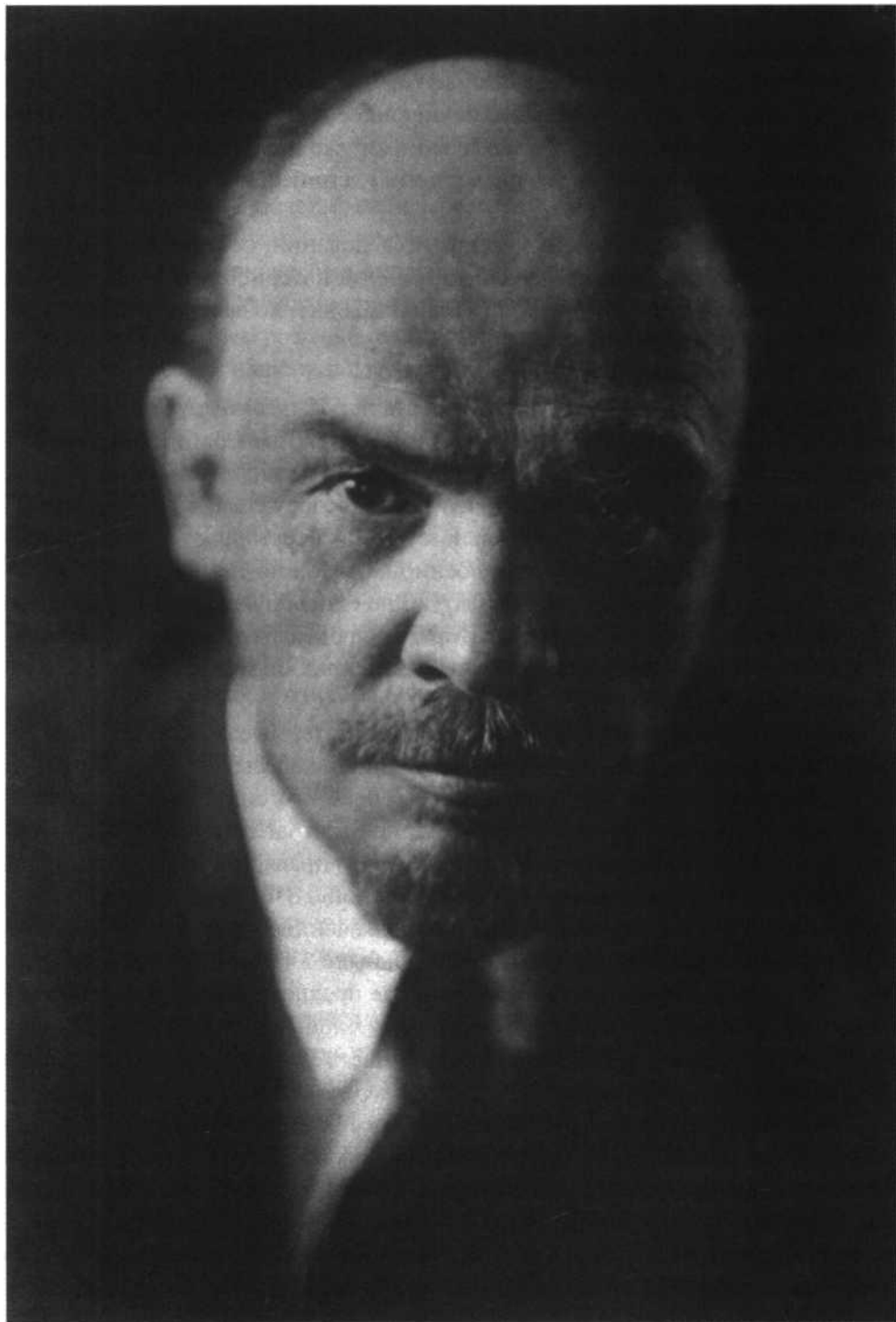
Что такое был этот алтарь, о какой революции мечтал и какую революцию творил Ленин — разговор впереди.

*Коротка
и до последних мгновений
нам
известна жизнь
Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина надо
писать и описывать
заново.*

Своеобразный эпиграф из поэмы «Владимир Ильич Ленин», принадлежащей перу Владимира Маяковского, потребовался, чтобы в рамках книги о власти, адресованной будущим лидерам, предварить, в соответствии с замыслом, нашу попытку «писать и описывать заново» жизнь Ленина. Как помнит читатель, временные рамки повествования охватывают XX век, цель наша — хотя бы кратко осветить тему трёх жизней властителя, имея в виду жизнь во власти, жизнь после власти и жизнь в памяти народа.

Три этих состояния полностью охватывают главное: что дал властитель своей стране, народу, миру, чем ответила ему сменившая его новая власть, каким войдёт он в историческую память народа.

Притом что изучению деяний Ленина и течению его жизни от детских лет до ранней кончины посвящены многие тысячи исследований, осуществлённых во многих странах мира, притом что по всей планете ему то ставят, то сносят памятники, притом что так называемое ленинское учение признаётся то гениальным, то философски ничтожным и идейно бедным, то победительным, то разрушительным — при всём этом сущностно, а не по биографическим хроникам невероятно трудно ответить на вопрос о трёх жизнях Ленина.

В.И. Ульянов (Ленин)

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия • XX век

О жизни после власти. Об этом периоде, вобравшем в себя болезнь вождя, кремлёвские интриги и подковёрную битву за власть, попытки Ленина направить партию по им избранному пути, — обо всём этом вслед за западными исследователями написали и наши философы и историки, драматурги и писатели, документалисты, а вслед за ними уже и фантасты разного рода, и даже (можно ли было себе это представить!) ленинская тема была воплощена в жанре фэнтези.

Что же касается огромного массива исследований, освещающих жизнь и деятельность вождя с самого начала до момента потери власти — то это ведь жизнь именно вождя, а вождизм есть хотя и главная, но далеко не единственная ипостась личности властителя.

Всё началось задолго до Февраля и Октября.

«Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами... С другой стороны — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побеждённая... Что же тут удивительного, что императоры отдали на разграбление своей России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую, не способную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение» (*Герцен А.И. Письма издалика: Избранные лит. крит. ст. и заметки. М.: Современник, 1984. С. 208.*)

Герцен, как можно судить по этой ёмкой цитате, мыслит категориями более объёмными, чем даже излюбленные Лениным классы.

Герцен скорбит и преисполнен чувством гнева, но в силу объективных причин не договаривает, потому что ему не дано было заглянуть за горизонт событий. Февраль 1917-го случился не потому, что правящий класс отдал «Русь мужицкую» на разграбление «России придворной». В Феврале рухнули и Русь, и Россия — и это было одно государство, подточенное извне и снаружи, причём есть основания считать, что погубители были в тайном, но прочном сговоре (не в угоду «теории заговоров» это наше предположение, хотя практику заговоров едва ли кто решится опровергнуть). Лишнее подтверждение тому — незадолго до Февраля выраженная убеждённость Ленина, что при его жизни революция вряд ли произойдёт.

Произошла. А вслед за тем прибыл в Россию и знаменитый ленинский «пломбированный вагон» — неприглядная подоплёка этого путешествия за счёт германского генштаба достаточно ясна на нынешний день. Только реликтовые большевики донныне рисуют её в благородно-революционных тонах, в то время как в реальности упомянутый вагон доставил в Россию, образно говоря, ад кромешный. И творцом его был Ленин.

«Если в Феврале, — писал А.И. Солженицын, — было мало крови и насилия и массы ещё не раскалились, — то всё это ждало впереди: и вся кровь, и всё насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни... Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года — вполне

уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными крестьянскими восстаниями, и искусственными большевистскими голодами по 30, по 40 губерний — и может быть за- кончилось лишь искоренением крестьянства в 1930 — 1932 и перетряхом всего уклада первой пятилетки. Так вот и катилась революция — пятнадцать лет», — заключает Солженицын.

Не закончилось, добавим мы, и через пятнадцать лет: Сталин был достойным учеником Ленина, и это утверждение не противоречит другому: Сталин, дескать, только на словах был продолжателем ленинского дела, на самом же деле он просто возродил империю в советском варианте.

Ленин был гением разрушения, осознающим себя как гений созидания.

«Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче завтра, каждый день может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Но надо идти дальше и до конца. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Неизвестно, исследовали ли этот знаменитый ленинский пассаж квалифицированные психиатры. А надо бы. Зато известно, что историки советской школы полагали эти горячечные, едва не истерические утверждения гениальными.

Что же на самом деле? На самом деле народы своё оружие не обратили против эксплуататоров-капиталистов. На самом деле крах европейского капитализма не наступил и по сей день и вряд ли наступит. Про занявшуюся якобы зарю всемирной революции промолчим, бред не требует комментариев. А сомнений в том, что это бред, охвативший головы «комиссаров в пыльных шлемах», на нынешний день нет. Ибо даже представить невозможно, что принесла бы человечеству всемирная революция и неизбежная всемирная гражданская война.

Случайно ли Пётр Струве назвал Ленина «мыслящая гильотина»...

Слова были безумны, дела кровавы. Существуют и полярные точки зрения: слова и мысли гениальны, дела величественны и прекрасны. Эти утверждения нынешние старшие российские поколения впитывали с момента получения октябрьской звёздочки. Опровергать историческое значение ленинского дела мы не собираемся, осмысливать его полагаем нашим долгом, сформировавшимся, дополним, в том числе в рамках замысла книги о власти.

Народ в развязанной в России Гражданской войне был разделён на два лагеря, норовя на самом деле просто-напросто выжить. «Народ, то есть большинство «простонародья», во время гражданской войны было в стороне от обоих лагерей (когда Добровольческая Армия покидала в конце декабря 1919 г. Ростов, простонародье злорадствовало, а когда Кутепов через несколько недель снова занял временно тот же Ростов, то же простонародье ликovalo

самым подлинным образом и приветствовало его, как освободителя. Гражданская война была состязанием двух меньшинств при политическом безразличии народа, то есть большинства простонародья, «настроения» которого колебались так же, как колеблется погода» (*Струве П.Б.* Мосты: Сборник статей к 50-летию русской революции. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1967. С. 205).

Не было ли это одним из вариантов глубинного интуитивного ответа народа на ныне широко известные, а ранее практически не цитируемые (приписываемые Ленину) слова: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать». Вождя процитировал в своих воспоминаниях Георгий Соломон, ленинский соратник и один из первых «невозвращенцев» советского периода. («Примерно столетие тому назад отпрыск почтенной дворянской фамилии Исецких, соблазнившись сладкой мечтой переустройства мира, близко сошелся с лидерами социал-демократического движения России. За блестящий ум и образованность Георгий Соломон (Исецкий) пользовался и у Ленина, и в партии безусловным авторитетом, что вызывало злобную зависть, особенно в кругах большевистской верхушки Петрограда. Но отнюдь не это обстоятельство привело правоверного социал-демократа Соломона после 1917 года на путь инакомыслия. Способствовали тому безграничная наглость, цепная коррупция в кремлевских коридорах власти, разграбление национальных богатств страны и абсолютная аморальность в быту целого ряда деятелей из числа кремлевских вождей» (цитируется по: *Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. М.: Современник, 1995).

В изложении Соломона радикальное суждение Ленина прозвучало во время их личного разговора. «— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров «Утопия», только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова «Утопия» здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А... вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции...»

Правду о большевистской власти Георгий Соломон смог сказать, став недостижимым для неё. Его невозвращение в Советскую Россию не было побегом от трудностей — крупный советский сановник, он располагал немалыми материальными возможностями. Соломон бежал от подлости правящего класса «верных ленинцев», от того состояния дел, которое Михаил Булгаков устами профессора одного из героев повести «Собачье сердце» профессора Преображенского охарактеризовал как «кабак».

Кто же этот кабак учредил?

Наш вопрос — не излишне прямой, и вот почему: если все «достижения» — дело гения и воли вождя, то не будет ли естественным полагать, что

и все провалы, преступления, мерзости введённого им режима тоже есть его «достижение»?

Что им двигало?

Широко известен апологетический очерк Максима Горького «В.И. Ленин» (и мы ещё вернёмся к его тексту, ныне значительно потускневшему), гораздо меньше знают горьковское воззвание к рабочим, опубликованное им в газете «Новая жизнь» 23 ноября 1917 года. Надо ли говорить, что газету, мужественно отстаивавшую свои позиции, вскоре запретили, как, впрочем, и всю небольшевистскую печать.

«Вниманию рабочих!

Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото».

И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине деятельности, очевидно, убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей, вроде А.В. Карташова, М.В. Бернацкого, А.И. Коновалова и других.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот, грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина — Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны.

«Послушание школьников и дурачков», идущих вместе за Лениным и Троцким, «достигло высшей черты», — ругая своих вождей заглазно, то уходя от них, то снова присоединяясь к ним, школьники и дурачки, в конце концов, покорно служат воле догматиков и все более возбуждают в наиболее темной массе солдат и рабочих несбыточные надежды на беспечальное житие.

Вообразив себя наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, совершая разрушение России — русский народ заплатил за это озерами крови.

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы: двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он являлся одною из наиболее крупных фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс.

Ленин — «вождь» и русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу.

Измученный и разоренный войной народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его.

Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, неведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты.

Рабочий класс для Лениных то же, что для металлста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?

Он работает, как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революции. Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции».

Горький писал о Ленине не с чужих слов, не в пересказе были ему известны и обстоятельства Октябрьской революции (которую сами её творцы целых десять лет до 1927 года называли переворотом).

В горьковской жёсткой и непримиримой критике, которая была, по существу, диагнозом тяжелейшей политической болезни, проявилась не интеллигентская истеричность, не якобы робость Горького перед революционной стихией, а трезвое понимание безжалостности революции — и именно здесь содержится ключевой момент для понимания и Ленина, и всего им совершённого.

Имя и дело В.И. Ленина возвеличивали практически до распада СССР; когда этот распад произошёл, получила хождение версия, что виной всему — то государственно-территориальное устройство, основание которому Ленин и положил. Названо это было — «мина замедленного действия». В свой срок центристские силы разорвали СССР на составные части.

В этом суждении есть резон. Опровергнуть его полностью не представляется возможным, восхититься им как неким великим достижением — нет достаточных оснований.

Так или иначе, Советский Союз был демонтирован гораздо быстрее (в собственно событийной части), чем Российская империя. Какие-то психологические черты и приметы характера Николая II были, будто по линии крови, переданы Горбачёву, но не эти черты позволили совершиться двум российским катастрофам всемирно-исторического значения. Нет ни оснований, ни предпосылок, ни фактов, что царь сознательно вёл Россию к краху, зато борьба Горбачёва с коммунистической идеологией, а она была идейным фундаментом СССР, — дело самоочевидное.

СССР был обречён с момента отмены 6-й статьи Конституции СССР; Российская империя повалилась в пропасть после манифеста об отречении от 2 марта 1917 года.

Говоря об этом, мы прекрасно помним, что к Февральской революции Ленин непосредственного отношения не имел, более того — он воспринял её как некую невероятную неожиданность. Тем не менее, пожалуй, лишь Солженицын «вернул» в нашу историю Февральскую революцию. Будто забыв о ней, историки все лавры свержения царизма положили к подножию памятников Ильичу.

Потому, говоря о культе личности Сталина, признаем, что существовал и культ личности Ленина — это невозможно отрицать, если не отказаться от принципа добросовестности мысли. Причём культ личности Ленина пережил культ личности Сталина. Наука трезво оценила понятие «роль личности в истории», идеология через эти трезвые оценки переступила, не споткнувшись. Потому до самого 1956 года в умы вбивалось величие и гениальность «дела Ленина — Сталина». И одновременно утверждалось, что миром правят исторические закономерности, а не личности во власти.

С нашей точки зрения, проблема носит схоластический характер. Непосредственно историю творят всё-таки именно личности; для любого государства важно, КТО стоит во главе его, ибо один властитель способен погубить, а другой способен спасти страну — и это в равных обстоятельствах.

Замах Ленина на всемирную революцию был, что говорить, громаден — но громаден лишь по масштабу. Бессмысленность так называемой всемирной революции гением никогда не осознавалась. Скажем более того: гений, лишённый морали, обречён на совершение преступления.

Совершил ли его Ленин?

В России — да, совершил. В противном случае для утверждения большевизма не потребовался бы массовый и кровавый государственный террор, не вспыхнули бы по всей стране массовые крестьянские восстания, подавляемые с беспрецедентной жестокостью, не развернулась бы война на уничтожение целых классов, не разгорелась бы кровопролитная Гражданская война.

На долгие десятилетия страна попала под диктатуру партийной бюрократии — этого бича и гробовщика любого недемократического строя.

Мы ни на минуту не подвергаем здесь сомнению великие достижения СССР, мы ясно понимаем, что идея коммунизма выглядит нравственно безупречной (не случайно этическая её составляющая, изложенная в Моральном кодексе строителя коммунизма, едва не буквально совпадает с десятью заповедями), но эта идея вбивалась в живую жизнь с палаческой жестокостью. На деле никакого коммунизма никогда и нигде не строилось. Для реализации великолепной самой по себе утопии необходим такой уровень экономического, материального, научно-технического и культурного развития, который вряд ли достигим где-либо и когда-либо. И это без учёта так называемого человеческого фактора, который наиболее полным образом проявляется, возможно, в сфере частной собственности, обретая здесь приметы и характеристики непреодолимой силы.

Идея коммунизма этична, но нереалистична. Кажущаяся столь естественной, она при попытках реализации обращается в варианты военного ком-

мунизма, ни дня не может обойтись без насилия, неизбежно поручается для практического руководства неэффективной бюрократической страте.

Понимал ли всё это Ленин?

Бесспорно. Коренная его ошибка (вернее, как ни странно это звучит, сознательно осуществляемый курс) заключалась в том, что покорение коммунистических высот можно осуществить методом принуждения, то есть через применение ничем не ограниченной власти.

Высшей её формой были отнюдь не Советы. Диктатура пролетариата — вот та форма правления, которая, будучи кровавой сама по себе, и насаждалась же кровавыми методами. Характерно, что на практике диктатура пролетариата атомизировалась до отдельных диктатур отдельных комиссаров, начальников, председателей и просто «человека с ружьём». Опыт такой диктатуры вписан в историю России как инструмент политически мотивированного преступления против населения страны.

Рассылая многочисленные распоряжения, которыми предписывалось «расстрелять» и «повесить» (и эти распоряжения проводились в жизнь даже и с перебором), думал ли Ленин о том, как оценят потомки его деяния. Войну империалистическую (всё-таки — за Отечество) Ленин перевёл, как и задумывал, в войну гражданскую. Землю крестьяне получили, но почему же тогда они поднимали по всей России непрерывные бунты? «Заводы — рабочим!» — звучало громко, но только заводы остановились, поскольку «спецов» сгоряча едва не всех перебили, свято исполняя заветы классовой борьбы.

Память о великом, гениальном, гуманном, прозорливом и пр. и пр. и пр. Ленине сформирована была невиданной доселе апологетикой, непрерывной, в течение десятилетий, пропагандой, вовлечением в эту пропаганду литературы, театра, кино, науки, монументальной, по определению Ленина, пропаганды, безудержным легендированием и мифотворчеством жизни и личности вождя. Написано о нём, по некоторым подсчётам, чуть-чуть меньше, чем об Иисусе Христе, так ведь и времени после казни Христа и смерти Ленина прошло не одинаковое количество лет. Горы книг написаны, собственно же Ленин как личность, как политический деятель прочно забыт в российском народе. Остался для одних как символ справедливости, для других как разрушитель государства.

Особой справедливости Россия от него не дождалась, какая уж справедливость при ничем не ограниченной диктатуре пролетарского класса, государство же, да, было разрушено.

Едва ли не самым показательным свидетельством краха всей революционной затеи было введение НЭПа «всерьёз и надолго», по определению Ленина, и в таком случае не может не встать вопрос о том, стоило ли городить на крови эту самую революцию, да еще и сладко предчувствовать её в мировом масштабе?

Символично, что и план ГОЭРЛО, по поводу которого много здравниц было озвучено в подтверждение ленинской гениальности, разработан был еще до Февральской революции.

Эта книга на место в исторической науке не претендует, а потому мы можем предложить для читательского размышления такую мысль: что было бы с

Россией, если бы не предательство царского окружения, если бы Николай не отрёкся от трона, если бы Россия победила в Первой мировой войне (это — не фантастическая возможность)? На каких путях развивалось бы наше государство, сумевшее ведь в начале XX века выйти в число стран — мировых лидеров. Д.И. Менделеев прогнозировал, что в России к 1941 году должно было проживать 400 миллионов человек.

Помешал ли такому развитию событий В.И. Ленин? На это ответить невозможно по той причине, что свершившееся — свершилось, переделать ничего нельзя. Ясно одно: даже к счастью невозможно принудить через насилие, что уж говорить, что насилием счастье не создаётся в принципе. Правда ведь состоит в том, что Сталин не был продолжателем дела Ленина — в практическом сталинизме как методе строительства государства мало что оставалось от практического ленинизма по той хотя бы причине, что Сталин не строил государство через принцип его разрушения «до основания».

Сталин не отложил насилие в сторону как отслуживший и ненужный инструмент, он сделал насилие более избирательным и адресно нацеленным. Насилие стало инструментом создания экономической мощи страны, подавления любого инакомыслия, утверждения культа личности вождя.

Тем не менее насильственная модернизация страны, проведённая впервые Петром I, была осуществлена в XX веке с колоссальным размахом и с огромными же потрясениями. Достижения развитого СССР впечатляют; цена их — непомерно высока, и оплачена она не только трудом, это можно было бы принять, но и кровью.

Непосредственно после периода ленинского правления страну спасло решение Сталина о возможности строительства социализма в одной стране. В одной, а не во «всём мире». И без всяких уже коминтернов, высосавших из России при Ленине миллиардные богатства ради «освобождения всего человечества». Если бы изнуряющая Россию гонка за общемировым счастьем не была остановлена в конце 1924 — 1925 году, то бескрайние ей просторы легли бы под сапог интервенции гораздо более страшной, чем только что закончившаяся.

Политический путь Ленина завершился грызнёй за власть, развязанной его преданными соратниками. Человеческая жизнь завершалась трагически: окружение ждало, когда перестанет биться его сердце, навалившиеся болезни лишили его не только сил, но и языка и деятельного разума.

Кинохроника и подцензурные воспоминания донесли до нас атмосферу всенародной и общепартийной скорби, распространившейся по городам и весям, но ничего не сообщали о том, что Ленин в огромных массах народа воспринимался как антихрист. Партия осознавала, что Ленин ей нужен как икона верующим — так казалось на первых порах, но оказалось, что только икона дела не спасёт. Создали религию, со всеми её атрибутами, обрядами, традициями, иные из которых не оставлены и в XX веке. И речь не только о современных коммунистах, но и о том укоренённом до сих пор убеждении, особенно старшего поколения, что Ленин спас Россию, что был он борцом за

равенство и права простого народа, что без него Россия чуть ли не исчезла бы с лица земли, а его учение — спасение для всего человечества.

Мы прекрасно понимаем, что в марксизме (некоторые положения которого Ленин в своё время отвергал без какого-либо к ним почтения) есть сильное рациональное начало, мы знаем, что в современном мире назрели тяжёлые противоречия и генерируются новые угрозы существующему порядку вещей, но слишком очевидно, что ленинский путь кровавого насилия для решения общемировых и национальных проблем не эффективен. Согласитесь, это весьма и весьма корректное определение. На самом деле по прошествии времени ленинские пути и методы преобразования России следует считать преступными.

При Сталине гулял по стране миф о том, как по ночам Ленин выходит из мавзолея и, никем не признанный, простенько одетый, ходит да ездит по Москве и окрестностям, смотрит, как живёт народ, видит, что Сталин крепко закрутил гайки, нарушил ленинские указы — и строго судит Сталина.

Когда не стало Сталина, такой же миф был создан и о нём, справедливом, строгом и притом добром и сердечном, отце народов, которому ох как не нравится хрущёвская бестолковщина. Сталин в этом мифе тоже бродил по городам и весям, его тоже никто не узнавал, но знающие люди говорили: вернётся он однажды, наведёт порядок.

Извечная тоска русского (да и только ли русского) народа о порядке, который кто-то умный и строгий придёт да и наладит, — эта тоска расслабляет народ, с одной стороны, а с другой — бессмысленно ожесточает его. Монархическая традиция нагружать властителя полной мерой ответственности за правильное устройство жизни, пресечённая революцией, была реинкарнирована в двух наслоившихся один на другой культах личностей Ленина и Сталина. Затем она была карикатурно воспроизведена в правлении Хрущёва, но далее содержанием не наливалась.

Произошло гораздо худшее: колоссальная пассионарная энергия народа растратилась в революциях, войнах и конфликтах XX века в такой громадной мере, что возместить её, сгенерировать былую мощь невероятно трудно. Никто не знает, на сколько циклов зарядки рассчитан аккумулятор пассионарности — нет точки обзора, с которой можно было бы заглянуть за горизонт событий, нет «оптики», чтобы получить достоверную картину.

У нас велик опыт побед, но велик и опыт поражений, и в особенности — опыт разочарований, и прежде всего — в вождях. За малой частью российское общество, разочаровавшись царём, с ликованием встретило Февральскую революцию; Октябрьский переворот осуществился на первых порах тихо и некровопролитно; мало кто думал тогда и о том, что казнь царя и семьи есть преступление — это была просто смерть в числе многих тысяч бессудных смертей.

О Ленине скорбели, большей частью в столицах, Сталина, когда пришёл его срок, проводили с рыданиями (другая часть народа по «усатому» слёз совсем не тратила), о кончине Хрущёва не сразу сообщили газеты, а похороны его были «закрытыми». Один за одним ушли в мир иной Брежнев, Андропов

и Черненко — по одному протоколу, на одном артиллерийском лафете. Первый президент России масштабной народной скорби удостоен не был. Ныне он — в поле объективного анализа историков, выводы отложены на будущее, но бесспорно, что распад СССР воспринимается в огромной мере как личная «заслуга» Б.Н. Ельцина. Не будь его согласия на это беспрецедентное деяние, Кравчук и Шушкевич уехали бы из Беловежской Пуши несолоно хлебавши.

Если же распад СССР был предопределён, то он мог и должен был пройти в цивилизованных рамках, путём содержательных переговоров и осмысленных компромиссов, а не со скоростью разрушения Ипатьевского дома.

Об этом разрушении секретарь Свердловского обкома партии Ельцин сообщил, естественно, в ЦК КПСС. О конце СССР первый президент России доложил президенту Соединённых Штатов Америки. Такого позора Россия в своей истории никогда не переживала.

Забвение Николая длилось, по существу, до того дня, когда не стало СССР — за этой чертой тотчас, как по сигналу, явились на сцену добросовестные историки, произошли поиски останков жертв Ипатьевского дома, а впоследствии царь и члены его семьи были канонизированы Русской православной церковью как святые великомученики.

Ленин сразу после смерти был забальзамирован в прямом и переносном смысле; культ его был частью государственной идеологии, и сохраняется он, в узкопартийном варианте, даже и поныне.

Сталин, соперничавший при жизни с посмертной славой Ленина, был посрамлён верными соратниками; вождь, упокоенный вначале в мавзолее рядом с Лениным, был перемещен к кремлёвской стене.

Культ личности Сталина частично сохраняется и по сей день — в тех его элементах, которыми оцениваются некоторые объективные обстоятельства жизни и деятельности, а также в массовом сознании, имеющем склонность противопоставлять прошлое и настоящее, отдавая предпочтение прошлому — прежде всего печально знаменитому сталинскому «порядку», но в немалой степени и индустриализации, и росту экономики, а самое главное — роли Сталина в Великой Победе над фашизмом.

Хрущев обрёл последнее пристанище на Новодевичьем кладбище; памятником ему стала скульптурная двухцветная (чёрно-белая) композиция, созданная Эрнстом Неизвестным, гонимым ранее лично Хрущёвым. Лишение его всех постов в 1964 году было воспринято с громадным облегчением; страна продолжила развитие.

Брежнев, Андропов и Черненко со всем возможным протокольным пиететом похоронены у кремлёвской стены; после К.У. Черненко кремлёвский погост никого уже не принял.

О Брежневе в народе помнят в основном по-доброму; про него при жизни ходило множество анекдотов, часть которых он наверняка знал; насмешки посыпались на голову глубоко уже больного человека, одержимого наградоманией. Период его правления был, очевидно, наиболее спокойным для народа, в особенности на фоне недавних предшествующих потрясений и испытаний.

К Ю.В. Андропову отношение народа скорее уважительное, ясно слышится и сожаление, что срок его правления оказался краток, а потому ничего не удалось сделать с коррупцией, расцветшей при благодушном Леониде Ильиче.

Имя и дела К.У. Черненко интересны только историкам.

Это отступление понадобилось нам, чтобы снова вернуться к Ленину.

О действиях людей, особенно государей, писал Никколо Макиавелли, заключают по их результату. Всё, нам кажется, несколько даже сложнее, чем трактовал лукавый Никколо, потому как результат действий властителя, во-первых, невозможно взвесить до необходимой точности, во-вторых, всякие заключения по этой сложной теме делаются не только непосредственно после свершённых действий, но и на протяжении последующего, иногда весьма протяжённого времени, которое эти оценки способны менять коренным образом. Поясним данную мысль нижеследующим примером.

Работая над этой главой, невозможно было обойтись без цитат из Горького, одна из них, резко-критическая по отношению к Ленину, приведена выше, вторая будет приведена ниже. Она взята из некогда знаменитого горьковского очерка «В.И. Ленин». Немалая часть этого сочинения посвящена долговому рассказу о том, как Ленин воевал в политическом поле один против всех — когда-то это читалось за правду, ныне всего лишь поясняет принцип безжалостности, да и беспринципности, Ленина в борьбе за собственную абсолютную власть. Горький пространно разъясняет, почему отказался от прежних своих взглядов на революцию, много и неубедительно рассказывает о вредности крестьянской массы. Самое же потрясающее в очерке — апологетика насилия.

Как-то оправдательно объяснить её не представляется возможным. Нам, во всяком случае, не кажется и необходимым, ибо «написано пером — не вырубить топором». У пролетарского литературного гения было развитое воображение; силой, видимо, этого возбуждённого воображения и рождены были следующие строки: «Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение.

В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения души», я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастиям, горю, страданию людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм. Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнёта самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства

вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для себя, делать же её плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь.

Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство неприимиримой, неугасимой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустраняемая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя.

...Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее. К тому же надо принять во внимание, что с развитием «цивилизации» — ценность человеческой жизни явно понижается, о чём неоспоримо свидетельствует развитие в современной Европе техники истребления людей и вкуса к этому делу.

Но скажите голосом совести: насколько уместно и не слишком ли отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они, в течение четырёх лет позорной общеевропейской бойни, не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну? Ныне «культурные нации» оказались разбиты, истощены, дичают, а победила общечеловеческая мещанская глупость: тугие петли её и по сей день душат людей».

Хочется после этого сказать: побойтесь Бога, Алексей Максимович! В. И. Ленин призывал превратить войну империалистическую (которая так или иначе вскоре закончилась бы и, скорее всего, миром без дальнейших жертв) в войну Гражданскую — самую кровавую, страшную и многожертвенную.

О ненависти Ленина к несчастьям — двусмысленно звучит; человеческие несчастья это, в услужливой горьковской трактовке, расходный материал исторических процессов, осуществляемых тов. Лениным. Почему бы и не ненавидеть их, эти омрачающие картину несчастья, страдания и мучения.

Сталин, по некоторым сведениям, хотел, чтобы Горький и о нём написал бы нечто подобное тому, что было написано о Ленине. Сталину повезло: в наше время, с нашего исторического расстояния очерк о Ленине воспринимается как натужно-сусальное сочинение, адаптированное к уровню самого неискущённого читателя, которому недоступны смыслы, сокрытые между строк.

Не хочется даже говорить о русофобских интонациях очерка; тут Горький старательно подпекает Ленину, не раз и не два в злобе своей поносившему Россию и решившему осчастливить её штыками латышских стрелков-наёмников и их классовых братьев-наёмников-китайцев.

По современному прочтению очерка по-человечески жаль Горького только один раз — когда он рассказывает, как ленинский финансовый доверенный авантюрист Парвус присвоил его, Горького, деньги, а заодно и деньги, пожертвованные Горьким в пользу партии, прокутив их в долгом приятном путешествии с какой-то очаровательной красавицей.

Партия на эти шалости Парвуса посмотрела легко, говорил же Маркс, что ничто человеческое ему не чуждо, чего ж и Парвусу не погулять. Горький же был кровно обижен, но очерк, ныне совсем по-другому читаемый и понимаемый, всё-таки написал. Терзают, как говорится, смутные подозрения, что Горький на такого рода проницательное прочтение в конечном счёте и рассчитывал.

Исключить этого нельзя: классик пролетарской литературы был в своих делах не менее затейлив, чем создатель диктатуры пролетариата.

Время, выходит, всему даёт свои точные оценки, в том числе и собственно первоначальным оценкам.

Приведём здесь цитату из Куприна; образ и дело Ленина писатель-реалист трактует всё-таки глубже и вернее, чем создатель метода социалистического реализма. «Я говорю о Ленине. Ему ничего не нужно. Он умерен в пище, трезв, ему все равно, где жить и на чем спать, он не женолобец, он даже равнодушно хороший семьянин, ему нельзя предложить в дар чистейший бриллиант в тридцать каратов, не навлекая на себя самой язвительной насмешки...

Люди без воображения не могут не только представить себе, но и поверить на слово, что есть другой соблазн, сильнейший, чем все соблазны мира, — соблазн власти. Ради власти совершались самые ужасные преступления, и это о власти сказано, что она подобна морской воде: чем ее больше пить, тем больше хочется пить. Вот приманка, достойная Ленина.

Но есть власть и власть...

Русский мужик (продолжаю басню о хохле) сказал: «А я если бы был царем, то сел бы на улице, на завалинке, и кто мимо идет, так я его по морде, кто мимо — по морде».

Это уже, несомненно, высшее проявление власти, центральное утверждение своего «я».

Увы! Этого наивного мужичьего исповедания власти не избегли даже такие умные (извиняюсь перед г. Троцким за сближение) люди, как Керенский и Троцкий. С конца февраля по конец апреля мы только и слышали: «Я — Керенский, я — присяжный поверенный, я — социалист-революционер, я — министр юстиции, я — Верховный Главнокомандующий! Адрес — Зимний дворец!»

Троцкий властвовал энергичнее, в образном библическом стиле: он разорял дома и города до основания и разметывал камни, он предавал смерти до третьего поколения, он наказывал лишением огня и воды... но инстинктивный такт — он говорил не «я», а «мы». После речей в Петербурге и Москве коммунисты и коммунистки выносят его на руках и он спокойно раздает для поцелуев свои волосатые руки...

Но растраченное «я» уже не «я». Один Пушкин из всех мировых поэтов понял, что такое сгущенность, апогей власти, когда он создал Скупого Рыца-

ря. Властвовать, оставаясь по внешности безвластным; хранить в подвалах, или в душе, неиспользованную, не захваченную толпой и историей потенцию власти, как хотел бы гениальный изобретатель — в платиновом сосуде кусочек вещества, способного взорвать весь мир; знать, что *могу*, и гордо думать: *не хону*... Нет, право, такая власть — великое лакомство, и оно не для хамов.

И в Ленине — не в моем, воображаемом, а в настоящем, живом Ленине — есть, они проскальзывают, эти героические черты. Так, одно время он усиленно готовил на кресло президента РСФСР тупого, заурядного человека *Калинина*, с лицом старообрядческого начетчика и с простой тверской душой — свою марионетку под видом всероссийского старосты. Так он присутствовал на своем собственном пятидесятилетием юбилее. Его не было — он почивал на облаках, — пока товарищ Луначарский и т. Ногин равняли его с Марксом, а т. Горький со слезами на глазах заявил, что Петр Великий — это лишь малюсенький Ленин, который и гениальнее, и всемирнее варвара-царя. Но когда у агитаторов заболели от усердия челюсти, он вышел, как всегда скромно, беспритязательно и опрятно одетый, улыбнулся своей язвительной улыбкой и сказал: «Благодарю вас за то, что вы избавили меня от необходимости слушать ваши речи. Да и вам советовал бы в другой раз не тратить столько времени на пустое словоизвержение...»

Властвовать, не будучи видимым, заставлять плясать весь мир, сваливая музыку на всемирный пролетариат, — да, вероятно, радостно и щекотно об этом подумать, когда ты один лежишь в своей постели и знаешь, что твоих мыслей никто не подслушивает.

И моему пониманию очень ясен и доказательно дорог такой маленький анекдотический штришок.

Ленин выходит из своего скромного помещения (в комендантском крыле Кремлевского дворца) в зал заседаний. Рабелепная толпа... Никаких поклонов нет, но есть потные рукопожатия и собачьи, преданные улыбки. Слова «товарищ Ленин» звучат глубже, чем прежде «ваше величество»...

— Товарищ Ленин, если говорить по правде, то ведь только два человека решают сейчас судьбы мира... Вы и Вильсон.

И Ленин, торопливо проходя мимо, рассеянно и небрежно:

— Да, но при чем же здесь Вильсон?

Но есть и самая последняя, самая могучая, самая великая форма власти над миром: это воплощение идеи, слова, голого замысла, учения или фантастического бреда — в действительность, в плоть и кровь, в художественные образы. Такая власть идет и от Бога, и от Дьявола, и носители ее или творят, или разрушают. Те, которые творят, во всем подобны Главному Творцу: все, совершенное ими, исполнено красоты и добра. Но и черный иногда облекается в белые одежды, и в этом, может быть, его главная сила и опасность. Разве не во имя светлого Христа были: инквизиция, Варфоломеевская ночь, гонение на раскольников и уродливая кровавая секта.

Ленин не гениален, он только средне умен. Он не пророк, он лишь безобразная вечерняя тень лжепророка. Он не вождь: в нем нет пламени, легендарности

и обаяния героя; он холоден, прозаичен и прост, как геометрический рисунок. Он весь, всеми частицами мозга — теоретик, бесстрастный шахматист. Идя по следам Маркса, он рабски доводит его жестокое, каменное учение до пределов абсурда и неустанно ломится еще дальше. В его личном, интимном характере нет ни одной яркой черты — все они стерлись, сгладились в политической борьбе, полемике и односторонней мысли, но в своей идеологии он — русский сектант. Да, только русские удивительные искатели Бога и правды, дикие толкователи мертвой буквы могли доводить отдельные выражения Евангелия до превращения их в ужасные и нелепые обряды: вспомним скопцов, самосжигателей, бегунов и т.д. Для Ленина Маркс — непрекаем. Нет речи, где бы он не оперся на своего Мессию как на неподвижный центр мироздания. Но, несомненно, если бы Маркс мог поглядеть *оттуда* на Ленина и на русский сектантский, азиатский большевизм — он повторил бы свою знаменитую фразу: «Pardon, monsieur, je ne suis pas marxiste» (Извините, месье, но я не марксист).

Для Ленина не существует ни красоты, ни искусства. Ему даже совсем не интересен вопрос: почему это некоторые люди приходят в восторг от сонаты Бетховена, от картины Рембрандта, от Венеры Милосской, от терцин Данте. Без всякой злобы, со снисходительной улыбкой взрослого он скажет: «Людам так свойственно заниматься пустяками... Все они, ваши художественные произведения — имеют ли они какое-нибудь отношение к классовой борьбе и к будущей власти пролетариата?»

Он одинаково равнодушен ко всем отдельным человеческим поступкам: самое низменное преступление и самый высочайший порыв человеческого духа для него лишь простые, не веские, не значащие факторы. Ни прекрасного, ни отвратительного нет. Есть лишь полезное и необходимое. Личность — ничто. Столкновение классовых интересов и борьба из-за них — все.

К нему ночью, в Смольный, приводят пятерых юношей, почти мальчиков. Вся вина их в том, что у одного при обыске нашли офицерский погон. Ни в Совете, ни в Трибунале не знают, что с ними делать: одни говорят — расстрелять, другие — отпустить, третьи — задержать до утра... Что скажет товарищ Ленин?

Не переставая писать, Ленин слегка поворачивает голову от письменного стола и говорит: «Зачем вы ко мне лезете с пустяками? Я занят. Делайте с ними, что найдете нужным».

Это — простота. Это — почти невинность. Но невинность более ужасающая, чем все кровавые бани Троцкого и Дзержинского. Это тихая невинность «морального идиотизма».

Во всяком социалистическом учении должно быть заключено зерно любви и уважения к человеку.

Ленин смеется над этим сентиментальным утверждением. «Только ненависть, корысть, страх и голод двигают человеческими толпами», — думает он. Думает, но молчит.

Красные газетчики делают изредка попытки создать из Ленина нечто вроде отца народа, этого доброго, лысого, милого, своего «Ильича». Но попытки не удаются (они закаменевают в искательных, напряженных, бес-

цельных улыбочках). Никого лысый Ильич не любит и ни в чьей дружбе не нуждается. По заданию ему нужна — через ненависть, убийство и разрушение — власть пролетариата. Но ему решительно все равно: сколько миллионов этих товарищей-пролетариев погибнет в кровавом месиве. Если даже, в конце концов, половина пролетариата погибнет, разбив свою голову о великую скалу, по которой в течение сотен веков миллиарды людей так тяжело подымались вверх, а другая половина попадет в новое неслыханное рабство, он — эта помесь Калигулы и Аракчеева — спокойно оботрет хирургический нож о фартук и скажет:

— Диагноз был поставлен верно, операция произведена блестяще, но вскрытие показало, что она была преждевременна. Подождем еще лет триста...»

Какая кара могла ждать Куприна в Советской России после публикации этого беспощадно жёсткого портрета Ленина? Читатели старшего поколения знают, возможно, правильный ответ, для молодёжи назовём его: никакая.

Более того, в августе 1936 года полпред СССР во Франции В.П. Потёмкин обратился к Сталину с предложением вернуть А.И. Куприна на родину, а уже 23 октября Политбюро ЦК ВКП(б) выпустило решение «разрешить въезд в СССР писателю А.И. Куприну».

Сталин голосовал «за».

Старый, больной, бессильный Куприн потребовался вождю (как ранее Горький), чтобы мир увидел, как враги (жёсткие критики) Ленина и большевизма признают свои ошибки и как великодушна советская власть, возвращающая их в СССР, окружающая теплом и заботой.

Читал ли Сталин статью Куприна о Ленине? Безусловно, это был вдумчивый, внимательный и усердный читатель. Русское литературное зарубежье находилось в зоне его пристального внимания, и всё талантливое, что там имелось, он не прочь был видеть в СССР. Об этом свидетельствуют неоднократные попытки вернуть Бунина, получившего в 1933 году Нобелевскую премию, автора знаменитых «Окаянных дней». С Буниным не вышло. Зато получилось с Алексеем Толстым, и тот создал крупный роман «Пётр Первый», ясно апеллировавший к классовому сознанию читателя и помогающий этому читателю понять, что Сталин в своей жестокости вровень с Петром, но жестокость эта — ради государственного блага то есть — исторически оправданна.

Тиранам нужна литература, нужно искусство, нужно эстетическое оформление их деяний, нужна апологетика — Сталин это понимал; он и литературу понимал гораздо глубже Ленина.

Ленин же, в этом отношении «глуховатый» на ухо, шёл, как и в политике, самым прямым, если не сказать топорным, путём: искусство для него было менее ценным, чем пропаганда и агитация, получившие огромный размах первоначально именно при Ленине. Искусство, по версии Ленина, нужно было по завершении революции и победы социализма подвергнуть за ненадобностью операции «чик-чик».

Приведём здесь авторитетное свидетельство Н. Бердяева: «Ленин философски и культурно был реакционер, человек страшно отсталый, он не был даже на высоте диалектики Маркса, прошедшего через германский идеализм. Это оказалось роковым для характера русской революции: революция совершила настоящий погром высокой русской культуры» (*Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии)*). Париж, 1979 — 1983. С. 172).

Эти различия между Лениным и Сталиным ныне не столь существенны, но они многое объясняют. Кое-что мы можем и додумать, вообразить, исходя из того, что знаем наверняка. Воображение же рисует такую картину: Сталин читает Куприна (о Ленине) и понимающе улыбается в прокуренные усы.

Уж кто-кто, а Сталин знал, каким был Ленин.

Видел его бесчисленные и бесконечные ошибки, горячечный самообман, бешеную любовь к власти, абсолютную уверенность в непогрешимости коммунистической идеи, равнодушие к крови, авантюризм и в особенности — тот особый род гениальности, которая заключается в способности любыми способами и средствами подчинить себе всё и всех.

Что же, ученик оказался достойным учителя. И хорошо отблагодарил его. «За годы советской власти именем Ленина было названо свыше 40 городов и других населенных пунктов, построено и оборудовано 51 553 ленинских музеев, мемориальных домов, квартир-музеев и комнат-музеев — 1541. Памятники, бюсты и мемориальные доски вождю были установлены в 2176 городах, в более 4000 поселках городского типа, в 42 000 сельских Советах, общественных местах, учреждениях и на производствах. Исчисляются они в миллионах» (*Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М.: Вече, 1999*).

К этому, собственно говоря, и свелась народная память о борце за светлое будущее всего человечества, гениальном вожде мирового пролетариата, «самом человеческом человеке».

Большая часть этих памятников цела и поныне, иные покинули свои пьедесталы. Они сами по себе стали частью нашей истории, такой, какой она сложилась в России в XX веке.

Оставим потомкам решение их судьбы, равно как и беспокоящий общество вопрос мавзолея.

Несколько выводов в заключение этой части главы.

Всякая власть, и в особенности насильственная, в начальный период своего действия имеет поддержку в народе.

Демагогия власти обретает форму правды и вес истины в обстоятельствах идеологического прессинга.

Всякая неправедная власть создаёт миф о себе.

Всякий миф вначале укореняется в официальной версии народного сознания в некритическом режиме.

Всякий миф о величии преступной власти заканчивается его полным и безжалостным развенчанием.

Апология неправедной власти неизбежна, развенчание — неотвратимо.

Сталин

В год столетия Октябрьской революции и позднее в России с новым и очень глубоким интересом изучаются её причины, история, механизмы и последствия. Корни такого интереса очевидны: революций у нас было много, результаты их, мягко говоря, противоречивы. В связи с этим: обречена ли Россия и в будущем на столь же радикальные революционные периодические трансформации, а стало быть, и на все те неисчислимые страдания, которые приносит л ю б а я революция? Хватит ли сил на то, чтобы в очередной раз пролить кровь, свалить памятники, ухватисто перераспределить национальные богатства и начать бороться самим с собой в собственном доме?

Эти вопросы — не из области мрачных алармистских фантазий. По существу, идея революция (конечно, давно назревшей и справедливой, которую народ заждался — других ведь и не бывает, сто лет нам так говорили) так или иначе владеет умами нынешних ультралевых и ультраправых. (Считается, что их немного, но так и большевиков было вначале одна горсть.) И это в тех условиях, когда нужен и продуктивен исключительно эволюционный путь развития. Когда система ещё только настраивается, причём в режиме не просто естественной конкуренции, но и усиливающегося, к сожалению, противостояния с коллективным Западом. На вопрос о природе этого противостояния у сторон всегда есть готовые ответы, но не будем торопиться. Отметим лишь, что как внутренние, так и внешнего порядка противоречия всегда неизбежны, но разрешать их можно разными средствами и инструментами. А лучше, разумеется, не допускать, но это — слишком благое пожелание.

В самой огромной мере выбор этих средств и инструментов есть задача и функция власти и властителя. И эта задача слишком часто с фатальной периодичностью решается столь неумело, что лишь усугубляет приход нового и хотя и по-разному, но всякий раз радикального в своих проявлениях режима властвования. Таков был наш XX век.

В этом ушедшем веке глобально и всеобъемлюще реализовали себя три властителя: Николай II, Ленин и Сталин. При Николае Россия добилась высшего уровня и высших за всю историю династии Романовых темпов развития. Поднявшись на высоту в 1913 году, романовская Россия, однако, рухнула в 1917-й. (1913 год не случайно был своеобразной реперной точкой советской статистики сопоставлений, оперирующей этой датой как точкой отсчёта для сравнения экономики самодержавия и экономики социализма, и не всегда в пользу последней.) Ленин, окончательно разрушив прежнее государственное устройство, подготовил почву для строительства социализма, при этом измотав и измучив страну в горниле Гражданской войны. Сталин жесткими и жестокими авторитарными, а порой и диктаторскими методами провёл колоссальную модернизацию государства, возродив, по сути, империю в её со-

ветском исполнении. И в этом своём качестве Сталин не был политически не самостоятельным наследником Ленина.

В житейском рациональном сознании наследник чаще всего означает приобретатель. Признаем, что приобретения Сталина были огромны, но невысоки качеством, ибо страна была разрушена тем, кто сумел-таки превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Настоящими же, реальными приобретателями были Маленков, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачёв. Особняком стоит Ельцин — воплощённый нелепый антипод всего позитивного, что хоть в какой-то мере было у его предшественников.

В нашем сознании существует наслоение мифов, фактов, концепций, предполагаемых вариантов развития страны; все эти варианты так или иначе персонализированы. Ведь и обозначенный и реализуемый в новом веке курс Путина есть именно курс Путина, а не Ельцина и тем более не Медведева. Курс Трампа — не курс Хилари Клинтон, приди она к власти в США. Курс Мао Дзэдуна и Дэн Сяопина не продолжен буквально курсом Си Цзиньпина.

Заглядывая за горизонт событий, мы не знаем, какой, например, будет Россия в середине XXI века (при условии, что не произойдёт третья мировая война). На дальнюю перспективу — какую модель развития, условно обозначенную именем одного из исторических правителей России, примет наша страна?

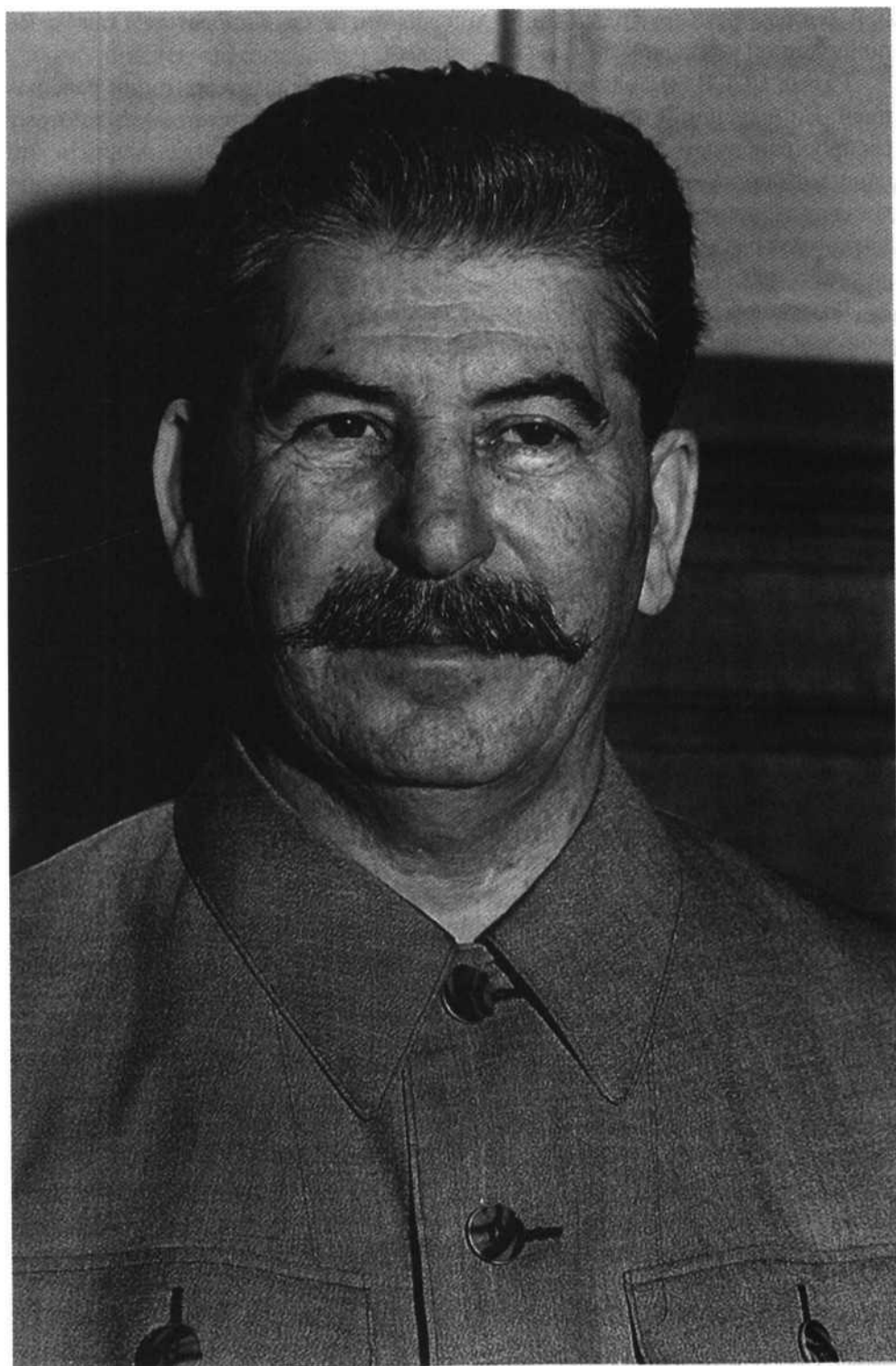
Этот вопрос, собственно, и есть главная пружина нашей книги, главная тема размышлений и главная их внутренняя задача. Этот вопрос не может не волновать ни современников, ни то ближайшее поколение, которое ныне вступает в жизнь и унаследует страну в том её виде и качестве, которое будет обеспечено.

В самом жёстком виде вопрос стоит так: не грозит ли государству новый Сталин? Или не ожидает ли общество нового Сталина?

История, преподнося свои впечатляющие уроки, не сдаёт нам зачёты. Она, скорее, устраивает нам экзамен: чему мы научились, какие сделали выводы, как относимся к правителям и как оцениваем наших правителей. Такого рода оценка «трёх жизней правителя» не является интеллектуальной забавой; в оценках явлен запрос на тип правления. И этот запрос подспудно, но настойчиво требует воплощения. Он чутко реагирует на современность, он может меняться, но он, безусловно, представляет собой определённый вид социальной энергии и, опосредованно, политической силы.

Мы наследники всей нашей истории, но прежде всего, по законам хронологии, истории Советского Союза, в которой у Сталина в череде правителей главенствующее, по сути, место.

В прошедшем веке у СССР была, философски говоря, человеческая судьба, да и срок жизни тоже человеческий, если вести отсчёт по физическому, с 1917-го, а не по политическому, с 1922 по 1991-й, календарю. Для империи или сверхдержавы такой срок трагически короток, в нём явно не помещаются все циклы развития, весь потенциал вероятного эволюционного пути, случись такой на самом деле. У нас же, в российской реальности, пылкая революционная молодость страны сменилась зрелостью, когда накопленные силы пригодились для роста и преодоления самых тяжелых испытаний, для трудовой осмыслен-

Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин)

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия • XX век

ной деятельности и наращивания социального блага. Старость же оказалась подточенной неизлечимыми, увы, болезнями.

Развал СССР был одновременно и последней на его территории революцией. На нынешний день результаты её совершенно не впечатляют, а потому распространённым убеждением становится желание навсегда прервать эту нашу революционную традицию. Есть, правда, и другие мнения, как нетрудно догадаться, принадлежат они противостоящим и иногда и парадоксально сближающимся радикальным политическим течениям крайне левого и ультралиберального толка.

Возвращаясь к СССР: осмысляя Октябрьскую революцию, советская историческая наука первоначально подходила к вопросу просто, если не догматически: все достижения являются результатами революции, все недостатки — пережитками прошлого, наследием царского режима? Схема была прочной, пока не оказалась объективно вульгарной. В общем плане она переставала быть пропагандистски убедительной после Второй мировой войны, когда диалектически противоречивые ленинские тома уже никак не могли объяснить ход исторических судеб Отечества в изменившемся до неузнаваемости мире. И изменился он в том числе (и в огромной мере) в силу стремительных темпов научно-технического прогресса, а также и по причине естественного и в итоге преобладающе успешного течения дел в большом количестве стран мира, которые и после образования социалистического лагеря остались во всех смыслах за его пределами. Речь идёт, понятно, о «коллективном Западе», сумевшем гибко приспособиться к новым вызовам и новым условиям.

Границы не могут остановить диффузию идей, «железный занавес», кто бы его ни опускал, был проницаемым, мысль без особых затруднений переливалась и поверх барьеров. Влияли мы (СССР), влиял и Запад. Более того, само наличие разделительных полос стимулировало встречный интерес к жизни «по ту сторону».

Тема такого взаимовлияния в этой работе не главная, но она остро интересует нас в контексте философии и практики власти; конкурировали ведь не только государства, не только, глобально, два типа мироустройства — конкурировали и собственно институты власти, и властители.

Что показала Вторая мировая война? Первое в мире социалистическое государство не рухнуло в этой войне, где ему противостояла, по существу, вся Европа, но вышло из неё победителем — главным в закрытом клубе победителей. Народ подарил Победу Сталину, Сталин ответил знаменитым тостом, по поводу которого страсти кипят и поныне: был ли мудрым, был ли справедливым или же просто хорошо пришёлся к месту и ко времени. Так или иначе, он обрёл вес и значение мифа, а миф воздействует на сознание гораздо глубже, чем любое идеологическое постановление, которыми изобилвала сталинская эпоха.

Сталинский тост не был пространной речью, но занял около получаса времени, поскольку часто прерывался продолжительными аплодисментами. Прозвучал он 24 мая 1945 года в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца на торжественном приёме в честь командующих войсками Красной армии.

В газетах был опубликован отредактированный Сталиным текст, несколько отличающийся от стенограммы.

Свидетельства и документы

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».)

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты.)».

Оставим без внимания версии о том, что это было некое программное заявление, или сильный политический ход, или стремление принизить другие народы. Всё это не выдерживает, на наш взгляд, элементарной критики, потому что не соответствует действительности. Несравненным мастером принизить именно русский «великодержавный» народ был Ленин, Сталин же «принижал», не вникая особенно в национальные отличия. Политической программой сталинская здравица тоже не была — политические программы не обращены в прошлое, они его, как правило, жестко анализируют и иногда резко отвергают. О каком-либо послевоенном особом пиетете собственно к русскому ядру государства речи быть не могло, достаточно вспомнить темпы послевоенного развития РСФСР и национальных республик.

Важным на самом деле является то, что Сталин ни слова не сказал о коммунистической, якобы всепобеждающей идее, признав то, что Победа была обеспечена всей силой традиционного патриотизма. Официальная идеология в её

агитационно-пропагандистском воплощении послужила для вековой идеи народного патриотизма лишь формальной оболочкой.

Никоим образом не откажешь Сталину в обострённом историческом чутье, если вспомнить о том, что ещё до войны патриотическая идея стала звучать во весь голос. Параллельно с интернационалистской риторикой из искусственно созданного большевистского забвения были возвращены имена великих русских полководцев. Были сняты выдающиеся киноленты об Александре Невском, Иване Грозном и Петре I, возродилась любовь к отечественной оперной и театральной классике, с небывалым размахом проведена была в 1937 году просветительски значимая «пушкинская кампания» в связи со столетием гибели поэта. Торжества, правда, пришлось на разгар массового террора, о котором будет ещё сказано. Всё это, к глубокому сожалению, сопровождалось фронтально развёрнутой борьбой с «чуждым народу формализмом в искусстве», с «левацки-ми уклонами», проявлениями конструктивизма. Востребован был социалистический стиль, наиболее полно явленный в так называемом «большом стиле».

Цена Победы была громадной, ошибки власти, особенно в предвоенные месяцы и в первый период войны, могли фактически привести к катастрофе; по прошествии десятилетий твёрдо признано, что сияние Победы не заливают светом радости горе утрат. И всё-таки у страны-победителя был вождь, у Красной армии был Главнокомандующий, и не в Берлине праздновали победу Гитлера, а в Москве — Победу СССР, победу народа, победу Сталина.

Как ни относиться к нему, какой политической конъюнктурой ни оправдывай режим искусственного забвения, отрицать сказанное невозможно. Нельзя власти быть на уровне героя кинокомедии, который повторяет «тут помню, тут не помню». Избирательная память мстит её апологетам. (Это ведь случилось в свой срок и со Сталиным: если при его жизни о миллионах жертв репрессий царило официальное молчание, то по прошествии времени скорбные их тени вызывают к неспящей исторической памяти, которая — да будет справедлива.) В своё время, в период президентства Д.А. Медведева, мне, в качестве мэра Москвы, пришлось встать на защиту этой памяти в буквальном смысле слова. Речь идёт о запрете разместить несколько портретов Сталина в местах сбора ветеранов на юбилейных победных торжествах. Запрет был категорическим и непреодолимым, свою позицию, полностью совпадающую с позицией ветеранов Великой Отечественной войны, я аргументированно изложил в письме Д.А. Медведеву. Уроженец Ленинграда, появившийся на свет в год 20-летия Победы, остался непреклонен.

Свидетельства и документы

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»

В.И. Ленин

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают»

Черчилль У. Речь в палате общин 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина

*А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек, — деянье:
Поступок, ростом с шар земной.
Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел.
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.
За этим баснословным делом
Уклад вещей остался цел.
Он не взвился небесным телом,
Не исказился, не истлел.
В собранье сказок и реликвий,
Кремлем плывущих над Москвой,
Столетия так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой.
Но он остался человеком
И если, зайцу вперерез
Пальнет зимой по лесосекам,
Ему, как всем, ответит лес.*

Борис Пастернак

В 1936 году «Известия» опубликовали статью Николая Бухарина, в которой автор позволил себе издёвку над отсталыми народами Российской империи, а русских назвал нацией Обломовых. Ответом была статья в «Правде» за подписью её редактора, убеждённого соратника Сталина Льва Мехлиса. Приведём цитату из этой, безусловно санкционированной Сталиным, статьи. «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране обломовщина была самой универсальной чертой характера, а русский народ был нацией Обломовых. Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Менделеев, Чернышевский, народ, совершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, такой народ называть нацией Обломовых может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что говорит».

Далее Мехлис отмечал, что оценки Бухарина схожи с оценками фашистской пропаганды, которые причисляли русских к расово неполноценным народам. К слову, жизнь и дело Николая Бухарина (который только в логике политической расправы стал идейным «врагом народа»), его вклад в развитие страны, который потенциально мог бы изменить её историю, его идейная и политическая борьба, наконец, трагедия его смерти — по-своему величественны. Это наше мнение противоречит устоявшемуся представлению о Бухарине как безвольном и послушном последователе Сталина, колебавшемся «вместе с курсом партии». Сталин не из каприза прервал сначала политическую, а вслед за тем и человеческую, физическую, жизнь Бухарина. Против мелкого врага, даже решив с ним расправиться, не громоздят столь чудовищных и одновременно фантастически нелепых, зато уводящих в сторону обвинений, какие были брошены Бухарину. Главный его обвинитель А.Я. Вышинский заявил на судебном заседании 11 марта 1938 года следующее: «Литературно-философские упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается укрыться от своего окончательного разоблачения. Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи несовместные! Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толчёным стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как разmozжить ей голову разбойничьим кистенём!»

Вспомним, однако, что не кто иной, как Бухарин, справедливо говорил, что «нищий социализм — это плохой социализм». (Говоря о современности, можно сказать, что нищий капитализм — это плохой капитализм.)

Приговор Бухарину был приговором альтернативному курсу развития страны, он влился в широкое русло обвинений всякого рода «левым» и «правым» уклонам. Это был также жестокий способ утверждения политического владычества ради реализации собственного курса, направленного на создание экономической мощи страны и монолитного идейно-политического единообразия в рядах партии.

Парадокс в том, что, тактически необходимое на известном этапе, это сталинское железобетонное единство впоследствии сковало партию настолько,

что лишило её способности генерировать новые идеи и методы работы, соответствующие меняющейся действительности. Оберегаемое как зеница ока, это единство позднее выродилось в утрату интеллектуального потенциала партии, перепоручившей выработку курса, стареющему от состава к составу Политбюро во главе с очередным первым или Генеральным секретарём.

Очередной «первый», он же Генеральный, стал последним. Партийная и государственная карьера коммуниста Горбачёва закончилась катастрофой. С его именем и с именем его врага и ниспровергателя Ельцина связана и катастрофа СССР. Какие на самом деле мысли и чувства человеческого плана властвуют ныне в его сознании — дело его совести и разума. Факт в том, что ни одна сколько-нибудь значимая партия, ни одно политическое или общественное движение не то что не сделали Горбачёва своим лидером, но даже не включили в свои ряды.

Свидетельства и документы

Документы Горбачев-фонда, созданного первым президентом СССР Михаилом Горбачевым, были найдены в особняке напротив Букингемского дворца в Лондоне, в который самовольно вселилась группа сквоттеров. Как пишет Guardian, здание стоимостью в 14 млн фунтов стерлингов был занят группой, известной как «Автономная нация анархистов-либертарианцев», вселяющейся в пустующие объекты недвижимости класса «люкс», чтобы привлечь внимание к проблемам бездомных.

Семиэтажное здание по адресу Букингем-гейт, 19 принадлежит банкиру из Бахрейна Абдулрахману Альджасми. Ранее в нем располагались офисы Международной ассоциации по связям с общественностью (International Public Relations Association), одним из клиентов которой был первый и последний советский президент.

По данным издания, обследуя комнаты особняка, сквоттеры обнаружили часть архивных документов Горбачев-фонда. В их числе конфиденциальные письма, подписанные самим Михаилом Горбачевым. В основном речь идет о письмах транснациональным корпорациям с просьбой о спонсорстве. Как уточняет РИА «Новости», адресаты, в числе которых компании Shell, British Airways, HSBC, BT и Virgin Hotels, ответили отказом на предоставление финансовой помощи.

Ива Любомулова, сайт ЕРМАК ИНФО,

26 февраля 2017 г.

Представляется, что сразу после окончания войны в сознании Сталина начал вызревать замысел оставить за партией лишь идеологическую сферу, отстранив её от практического управления всеми делами государства. Идеиных партийцев должны были на верхах партии сменить квалифицированные государственники-технократы. В свой срок, осознав это, громадная партийная бюрократия, постепенно привыкшая всем руководить, ни за что непосредственно не отвечая, сначала интуитивно, но затем осмысленно и сплочённо встала против таких намерений стеной. (Характерно, что ту же «антипартийную» направленность имела инициатива Хрущёва о разделении обкомов на промыш-

ленные и сельские, а также об учреждении совнархозов, но в силу известной хаотичности реформ Хрущёва не задалась и эта.)

Известный американский исследователь М. Малиа пишет, что «...в 1953 году в партии состояло 6,9 млн человек. Она твёрдо была на пути к тому, чтобы стать партией номенклатуры, где доминировала бы управленческая элита... Однако эта новая корпоративная элита партии... ещё слабо проявляла себя из-за её абсолютной подчинённости Сталину и опеки над ней со стороны госбезопасности. К моменту падения Хрущёва в партии состояло 11 млн 750 тыс. человек и она уже окончательно превратилась в партию номенклатуры — корпоративную организацию управленческой элиты. Одновременно с падением Берии она освободилась от опеки госбезопасности, а также... и от собственного вождя... В отсутствие террора Генеральный секретарь держал ответ перед «кадрами», а не наоборот, как это было при Сталине» (цитируется по книге Ю.С. Пивоварова «Русское настоящее и советское прошлое». — Ю.Л.).

Отмеченная соподчинённость нам представляется сомнительной, это, что ни говори, взгляд со стороны. Полностью хвост собакой не крутил ни при Хрущёве, ни при Брежневе. Более точным было бы сказать, что Хрущёв, волей-неволей возобновляя сталинское единоначалие, не мог насытить его содержательно, компрометировал, по существу, партию, а потому и был устранён. Всенародной скорби, хотя бы и официально имитируемой, не наблюдалось даже в его угрюмо и неловко скомканые партией траурные дни. Их, собственно, и не было как таковых.

Подлинный же, всеобъемлющий политический, а вслед за тем и административный крах заслужил последний Генеральный секретарь ЦК КПСС и первый президент СССР Михаил Горбачёв, «целившийся» в коммунизм, а попавший в Россию. Уходя в политическое небытие, он утащил за собой и партию, и СССР: в роковые дни в стране не нашлось коммунистов, готовых хотя бы защитить КПСС и Советский Союз.

Сталинский период нашей истории оставил после себя столь громадное и противоречивое наследие, что и благостные мифы, и острые суждения публицистов, и глубокие исторические исследования ещё много десятилетий будут неизбежно находиться в дискуссионной зоне. Чаще всего это объясняется глобальным характером культа личности Сталина, но в таком объяснении слишком очевиден схематичный и упрощённый подход. Дело в конечном счёте не в том, что культ Сталина был масштабно материализован, хотя сам по себе этот масштаб массивно и непрерывно воздействовал на общественное сознание. Дело всё-таки — в объёме исторической работы народа, породившей культ того, за кем кому по исторической же традиции записаны все достижения всего народа. Грехи, провалы и ошибки объект культа всегда знал, за кем записать. Дело также и в том, какое наследство было принято Сталиным и какое он оставил после себя.

Свидетельства и документы

«Суть исторических достижений Сталина состоит в том, что он принял Россию с сохой, а оставляет её с ядерными реакторами. Он поднял Россию до уровня

второй индустриальной державы мира. Это не было результатом чисто материального прогресса и организации. Такие достижения не были бы возможны без всеобъемлющей культурной революции, входе которой всё население посещало школу и весьма напряжённо училось».

«The Manchester Guardian» 6 марта 1953 года

«Известно, что при жизни Иосифа Сталина всё, что касалось его биографии, не могло быть предметом обсуждения, исследования и даже изложения со стороны какого-либо отдельного историка. Этим вопросом могло заниматься лишь учреждение — ИМЭЛ (Институт Маркса, Энгельса, Ленина) при ЦК ВКП (б), где в составе ЦП А (Центрального партийного архива) находился фонд Сталина, выделенный в особое, тщательно засекреченное хранение. Фактически никаких исследований по этому фонду не велось, пока был жив сам Сталин, а после его смерти институт, преобразованный на короткое (1954 — 1955 годы) время в ИМЭЛС, так и не успел развить исследовательскую деятельность в отношении жизненного пути Сталина, так как решения XX съезда КПСС, осудившие культ личности Сталина, привели в 1956 году к новой реорганизации института в ИМЛ (Институт марксизма-ленинизма) и к свёртыванию предполагавшейся ранее работы по окончанию Собрания сочинений И.В. Сталина.

Многие историки справедливо считают, что работа над собранием могла бы прояснить многие неосвещенные стороны его биографии. Но ни в 60-х, ни в 70-х, а тем более в 1980-х годах работы по исследованию деятельности Сталина были по разным причинам запрещены. А волна «развенчания сталинизма», возникшая во второй половине 80-х годов, сконцентрировала весь интерес исследователей лишь на материалах, касающихся борьбы Сталина против его политических противников внутри партии, к процессам 1930-х годов, к репрессивным действиям ГПУ и НКВД».

Мясников А.

«XX век. 1917 — 1953 годы. Время великих ожиданий».

*..И Вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля,
Как пышно залита лучами
Преображенная земля.
И с самой середины века,
Которому он имя дал,
Он видит сердце человека,
Что стало светлым, как кристалл.*

*Своих трудов, своих деяний
Он видит спелые плоды,
Громады величавых зданий,
Мосты, заводы и сады.*

*Свой дух вдохнул он в этот город,
Он отвратил от нас беду, —
Вот отчего так тверд и молод
Москвы необоримый дух.*

*И благодарного народа
Вождь слышит голос:
«Мы пришли
Сказать, — где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли».*

Анна Ахматова

Характерно, что фраза о сохе и атомных реакторах вошла позднее в авторитетнейшую Британскую энциклопедию. Собственно же культ в непосредственном его виде реализовался в том, что вслед за ленинианой и параллельно ей ещё при жизни вождя возникла сталиниана — колоссальный корпус литературных и драматургических сочинений, научных трудов, журналистских статей, документальных и художественных кинофильмов, спектаклей, картин, скульптур. Имя Сталина было увековечено в тысячах названий городов и населённых пунктов, проспектов, улиц и площадей, заводов и фабрик, кораблей, предприятий, колхозов и совхозов, воинских частей, пограничных застав и всего, что может носить имя человека, носившего от рождения фамилию Джугашвили.

Описаны его привычки, пристрастия — от культурных до кулинарных, не говоря уж о политических, созданы бесчисленные воспоминания соратников, охранников, современников, собеседников, свидетелей, участников событий, очевидцев и тех, кто просто «Сталина видел». Согласно одному из таких свидетельств, на политический верх поступило однажды предложение переименовать солнце, чтобы оно называлось Сталин, но предложение не получило поддержки: невозможно было сказать, что Сталин вечером «сел».

Если это исторический анекдот, то он не мог не появиться: и проклинаемый, и обожествляемый предмет культа мощно стимулирует воображение.

Свидетельства и документы

«В умении оправдывать свои деяния и добиваться их одобрения Сталин равным образом преуспел и за пределами страны. В течение долгого времени многие западные комментаторы были более склонны — лишь отчасти отличаясь друг от друга в терминологии — хвалить его за индустриализацию России, нежели осуждать за террор. Таким образом, сталинская эпоха в значительной степени интерпретировалась как эпоха великих социальных перемен, стремительной динамики, перехода от сельскохозяйственной экономики к индустриальной. И в некотором смысле это верно. При Сталине Советский Союз действительно стал великой индустриальной державой. Действительно произошел отток его населения из деревень. Была в полном объеме отстроена централизованная социалистическая система. И при этом у советской экономики был относительно высокий темп роста. Согласно со-

ветской официальной статистике национальный доход увеличился вчетверо в годы первых пятилеток, ежегодно давая прирост почти в 15 процентов. Это потребовало перемещения больших масс людей — за тринадцать лет число городских жителей удвоилось. С 1928 по 1940 годы годовое производство электроэнергии выросло с 5 миллиардов киловатт до 48,3 миллиарда, производство стали — с 4,3 миллиона тонн до 18,3 миллиона; производство станков возросло с 2 тысяч до 58 400 в год; автомобилей стали выпускать не 8 тысяч в год, а 145 тысяч. В канун войны промышленность составляла 84,7 процента всей советской экономики. Даже если эти цифры и преувеличены официальной статистикой, то факт, что советская экономика добилась больших успехов, отрицать не приходится».

Бжезинский 3.

«Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке»

Культ — что это было? Идеологическая кампания, проявление всенародной любви, замещение вакуума после революционной «отмены» Бога, российская жажда сильной, но справедливой руки, ещё что-то, зиждившееся на странной, но от этого не менее реальной смеси страха и преклонения?

Видимо, перечисленные основания всего этого, получившего название «культ личности Сталина», имело место. Культ был, и был настолько, по разным причинам, укоренённый, что существует, изменяясь, и по сей день. Доклад Хрущёва на XX съезде партии с этим культом покончить не мог по определению, ибо культ в своих значениях и определениях не равен провозглашённой Хрущёвым полярно противоположной партийной трактовке жизни и деятельности властителя. Культ властвует не в «партийном секторе» сознания, вынужденно или добровольно подчинённого курсу партии, он — шире и глубже, он не в секторе, а во всей сфере сознания, в период накала — в абсолютно некритическом режиме.

С культом Сталина происходят странные вещи: он имеет свойство возрождаться, видоизменяться, набирать некое новое значение и звучание. Массированные разоблачения сталинских злодеяний сначала потрясли общественное сознание и навсегда, казалось, покончили с благодарностями и восхвалениями, но постепенно, шаг за шагом, культ снова прорастает на российских просторах. Более того, то, что можно определить как антикульт, есть своеобразное его продолжение. Со Сталиным Россия никак не может расстаться, иные его разоблачители как бы срослись с ним в своей обличительной страсти.

Культ заканчивается не тогда, когда его отменяют, а тогда лишь, когда поле народной памяти зарастает травой согласия и забвения. Растёт она медленно, но это поле приносит свой урожай. Расширяя метафору, скажем, что и идеологические агрономы не ленивы: кому-то Сталин нужен для борьбы с «антинародным путинским режимом», кто-то ассоциирует Сталина со всей Россией, которая, дескать, и азиатская, и коварная, и жестокая, другие молятся на Сталина как на наиболее эффективного модернизатора государства. Хранят память о своём Главнокомандующем ветераны Великой Отечественной войны.

В это же время в безымянных захоронениях, в рвах, в мёрзлой колымской земле, по берегам Беломорканала, в тысячах городов, где кипели сталинские стройки, в земле полигонов вокруг этих городов покоятся миллионы расстрелянных, загубленных, уничтоженных непосильной работой людей. Им не поставлены памятники, разве что монумент работы Эрнста Неизвестного на Колыме да Соловецкий камень в Москве. И по всей огромной нашей стране в миллионах семей проклинают Сталина. И в миллионах же семей считают его великим человеком. И часто — это одни и те же семьи, хотя и не одни и те же люди. Это — одна страна, одно государство, одна история — и две несогласные, непримиримые, разъединённые памяти.

Так продолжается Сталин.

Свидетельства и документы

«Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937 — 1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т.п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранных этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета. Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937 — 1938гг.) 98 человек, то есть 70 процентов.

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса). Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, большинству участников XVII съезда партии».

Из доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС

«Бутовский полигон — крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий. Сегодня известны имена 20 760 человек, здесь убиенных. Эти люди были расстреляны в течение очень короткого периода времени, с августа 1937 г. по октябрь 1938-го, а полигон функционировал с 34 по 53-й год...»

Те, о ком мы знаем, — мужчины и женщины в возрасте от 14 до 82 лет, представители 73 национальностей, всех вероисповеданий, всех сословий, но большинство из них простые рабочие и крестьяне — русские православные люди.

Около 1000 человек, из числа погребенных в Бутово, пострадали как исповедники Православной Веры, более трехсот, сегодня прославлены в лике святых».

По материалам сайта «Бутовский полигон — Русская Голгофа»

После недолгого упокоения в мавзолее, где Ленин ныне в одиночестве, гроб с телом Сталина был захоронен у кремлёвской стены. Это произошло в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года. Над могилой установлен гранитный бюст. В дни революционных праздников сюда несут венки и букеты. Революционные гвоздики лежат и по будням. Огромное количество памятников Сталину демонтировано в нашей стране, государствах СНГ, в странах бывшего социалистического лагеря. Множество этих памятников и бесчисленное количество бетонных и гипсовых бюстов было разрушено. Часть их закопана в землю — в многострадальную нашу землю, приютившую в конце концов останки жертв и палачей, трусов и героев, вождей и простых людей сталинской эпохи.

У каждого ушедшего человека, не только у властителя, есть те три жизни, о которых эта книга. Они разные по масштабу, эти три жизни, но они — у каждого. Есть они и у Сталина. Сталинский «трилистник» — из наиболее известных, наиболее спорных и наиболее нуждающихся в осмыслении. Оно осуществляется в наше время в интенсивном режиме и во всех направлениях и часто, в силу закономерностей развития общественной мысли, «затачивается» под насущные идеологические потребности. Произведения искусства в этом смысле хотя и заведомо тенденциозны, но практически безгрешны — художник тем и интересен, что его позиция всегда субъективна, в то время как историк по кодексу профессии обязан быть объективным.

Многим ли по плечу такая обязанность? Увы, нет. Тем не менее массив исследований содержит в себе не только огромный фактический материал, но и множество оценок, которые в совокупности приближают нас к объективному пониманию предмета исследований.

У нас с вами, уважаемый читатель, есть право размышлять без оглядки на идеологические доктрины, исходя лишь из собственных убеждений и решая нами поставленную задачу познания власти.

Итак, три жизни Сталина.

Свидетельства и документы

«Я был убежденным антисталинистом с возраста 17 лет. Мы даже приступили к подготовке покушения на Сталина. Если в 1939 г. меня осудили бы к высшей

мере наказания, это было бы справедливо. Теперь, обдумывая весь этот век, я подтверждаю: Сталин был самой великой личностью XX века, самым великим политическим гением...

К стыду своему, должен признаться, что я отдал дань такому отношению к Сталину как к руководителю страны в годы подготовки к войне и в годы войны, когда был антисталинистом и очевидцем событий тех лет. Прошло много лет учебы, исследований и размышлений, прежде чем на вопрос «А как бы поступал ты сам, окажись на месте Сталина?» я ответил себе: я не смог бы поступать лучше, чем Сталин.

А. Зиновьев «Триумф сталинизма»

«Я сознаю, что подходил к Сталину с некоторым подозрением и предубеждением. В моём сознании был создан образ очень осторожного, сосредоточенного в себе фанатика, деспота, завистливого, подозрительного монополизатора власти. Я ожидал встретить безжалостного, жестокого доктринёра и самодовольного грузина-горца, чей дух никогда полностью не вырывался из родных горных долин... Все смутные слухи, все подозрения для меня перестали существовать навсегда после того, как я поговорил с ним несколько минут. Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нём нет ничего тёмного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России.»

Герберт Дж. Уэллс

«Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено...»

Де Голль Шарль. Военные мемуары. Кн. II

Даже по этим разрозненным, очень коротким, принадлежащим перу разных людей цитатам видно, что авторитет Сталина был во всех смыслах огромным. Согласимся, что ничто огромное не бывает случайным. Учтём, что не менее известные миру люди оставили о Сталине прямо противоположные, резко критические и при этом аргументированные оценки и мнения. Они в этой книге будут в соразмерной пропорции приведены. Мы же попытаемся найти корни явления там, где они и бывают в природе, то есть поглубже, а конкретнее — в российской истории.

Сталин не первый в ней тиран и реформатор, его часто, с разной степенью обоснованности, ставят в один ряд с Иваном Грозным и Петром I. Вообще же огромное государство создавалось как бы вопреки объективным предпосылкам, главная из которых в том, что изначально нам достались преимущественно северные края с не самым благоприятным климатом. Образно говоря, Гольфстрим нас никогда не обогревал, но всегда студил нас Северный Ледовитый океан. Для любой экономики плохой климат есть самый неблагоприятный фактор. Корот-

кое сельскохозяйственное лето, скудные земли, междоусобицы, нестроения, бедность — а Россия всё же ширилась, и крепла, и отражала набеги, и входила во вражеские столицы под победным флагом. В высшей фазе своего развития это была мировая сверхдержава. И мы не ошибёмся, если скажем, что в огромной мере все достижения нашей многострадальной Родины обеспечены не чем иным, как напряжённым трудом, великим терпением, горячим патриотизмом, самоотверженностью нашего народа.

Традиция предписывает восхищаться этими качествами, и мы их ставим в ряд неоспоримых достоинств. Но возникает вопрос к власти, руководящей этим народом: а каково качество правления у этой власти? Каков её коэффициент полезного действия? Какие реформы задумывала и как их проводила власть?

И ещё одно: не прикрывала ли власть свои ошибки величием тех свершений, за которые заплатил, чаще всего с переплатой, наш народ?

Думается, вопрос отчасти риторический. Во-первых, цена до точности никогда не известна, во-вторых, награждая и превознося саму себя, власть щедро славословила и народ, и это — так устроено общественное и личное сознание — морально компенсировало даже и самые тяжёлые издержки. О жертвах мы пока здесь не говорим.

Помимо этого, под небом всегда не одно, а несколько поколений, и у каждого из них свой опыт, и, стало быть, возможность объективного сравнения. Хрущёв разоблачал культ личности Сталина, но что значили эти разоблачения для старшего поколения тружеников и победителей, если при Сталине вскоре после войны карточки были отменены, а Хрущёв ввёл их без всякой войны. Нетрудно догадаться, в чью пользу счёт, у значительной по крайней мере части населения.

Россию населяет народ-государственник, так сложилось исторически, а понятие государственности объективно включает в себя мобилизационную составляющую. Она понятна и приемлема, особенно в трудные времена: много ли у нас было лёгких.

В начале XX века впервые в истории России, пишет один из наиболее объективных биографов Сталина Станислав Рыбас, авторитет власть предприняла попытку изменить режим развития с мобилизационного на демократический, что привело страну к катастрофе. И тогда культурные и мировоззренческие противоречия различных групп русского населения стали топливом Гражданской войны и смуты. Монарх вместе с семьёй был убит, политические элиты разгромлены, петербургское ядро, носитель имперской культуры, рассеяно.

Дальше произошло невероятное: точно так же, как и после Смуты 1612 года, Российское государство под флагом Советского Союза было восстановлено. Руководителем этого процесса стал И.В. Сталин. Он воссоздал прежний, эллинистический тип государства (политическая власть и собственность неразрывно связаны и управляются авторитарно). Россия при нем в мобилизационном режиме провела поразительную по результативности модернизацию и стала второй державой мира. Его жестокость, подозрительность и другие мрачные черты вторичны по отношению к историческим обстоятельствам. Он повторил

то, что до него сделали Иван III, Иван Грозный, Петр Великий, десницы которых были тяжелы для народа.

Однако после смерти Сталина из-за присущих такому типу власти внутренних напряжений и отсутствия механизма согласования интересов элит (и соответственно — демократизации) СССР распался.

Совершенно справедливо, что «провалы политики Николая II, Горбачева и Ельцина, пытавшихся резко сменить механизм власти, произошли потому, что они не понимали этого кода и ожидали, что быстрая демократизация отношений власти и элит сделает Россию подобной Америке или Великобритании. Но как только элиты получали власть, страна начинала расплываться».

Можно ли назвать случайностью и проявлением злой воли великих князей, царей и императоров их многовековую борьбу с собственной политической элитой за укрепление единства государства? В истории бывают разного рода случайности, но длящейся тысячу лет случайности быть не может.

Россия никогда не была единой. В ней существовало по меньшей мере три России: одна воевала с внешними врагами и администрировала, вторая кормила государство, третья постоянно уходила из-под нестерпимого давления власти и бунтовала».

Выводы историка продолжим собственным парадоксальным на первый взгляд суждением: Сталин — властитель, очевидно, небывалого типа, поскольку при его правлении и его волей репрессиям подверглись все эти «три России», а не только та, которая до поры до времени бунтовала. Свои сроки и казни получили миллионы администраторов всех уровней, партийцев всех рангов, рабочих, крестьян и интеллигентов и, само собой, всякого рода действительных или мнимых оппозиционеров, действительных или мнимых «врагов народа».

Одной из задач террора было обеспечение дешёвой рабочей силой множество строек, развернувшихся по всей стране; карта ГУЛАГа фактически совпадает с картой этих строек. Парадокс в том, что террор набрал такую мощь, что подгребал рабочую силу в одном месте, чтобы использовать её в других местах, шли, по существу, «встречные поставки». Так, насельниками ГУЛАГа стали около миллиона жителей столицы, а для того, чтобы разобрать руины взорванного храма Христа Спасителя и возвести на его месте грандиозный дворец, многие тысячи крестьян были полудобровольно завезены в Москву. В прямом смысле узниками они не были, а вот, например, главное здание МГУ на Ленинских горах возводилось во многом руками заключённых. В столице действовали и знаменитые «шарашки», где в фактическом заключении по липовым делам работали сотни конструкторов (включая выдающихся), инженеров, техников и специалистов множества профессий.

В это время объективно нарастала мощь экономики, набирала темпы индустриализация, перевооружалась армия, формировалась молодая советская техническая, научная и творческая интеллигенция. Социальные лифты поднимали для активного государственного строительства миллионы людей по всей стране.

Свидетельства и документы

«Не теряя времени, он приступил (в какой-то мере был вынужден к тому, ибо ход подобных процессов неумолим и неизбежен, тут одна из причин, почему его враги оказались столь слабы) к величайшей из всех промышленных революций. «Социализм в одной стране» должен был заработать. России в десятилетия предстояло сделать примерно то же, на что у Англии ушло 200 лет. Это означало: все шло в тяжелую промышленность, примитивного накопления капитала хватало рабочим лишь на чуть большее, чем средства пропитания. Это означало необходимое усилие, никогда ни одной страной не предпринимавшееся. Смертельный рывок! — и все же тут Сталин был совершенно прав. Даже сейчас, в 60-е годы, рядом с техникой, не уступающей самой передовой в мире, различимы следы первобытного мрака, из которого приходилось вырывать страну. Сталинский реализм был жесток и лишен иллюзий. После первых двух лет индустриализации, отвечая на мольбы попридержать движение, выдерживать которое страна больше не в силах, Сталин заявил:

«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! (Старую Россию)... непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь».

...Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Поньше на это никому из умеренно беспристрастных людей возразить нечего. Индустриализация сама по себе означала лишения, страдания, но не массовые ужасы. Коллективизация сельского хозяйства дала куда более горькие плоды. Осуществление грандиозной индустриализации требовало больше продуктов для городов и меньше работающих на земле. Крестьянское хозяйство для того не подходило. Нам в Англии повезло: наша аграрная революция, или система сельскохозяйственного совершенствования (куда вошли и огораживания — это темное пятно, оставшееся в исторических хрониках и народной памяти, — в конечном счете все же бывшие необходимыми), предшествовала революции промышленной, а потому в целом было легче снабжать продуктами растущее промышленное население.

В Советском Союзе оба процесса приходилось осуществлять в одни и те же месяцы, в те же самые два-три года. С чудовищными человеческими потерями. Пелый класс богатых крестьян (кулаков, то есть фермеров, использовавших наемных рабочих) был стерт лица земли. Миллионы бедных крестьян, в том числе и часть шолоховских казаков, голодали и мерли от истощения. Рука не поднимается писать об этом в сдержанных и отрешенных выражениях.

От деревянных сох к атомным реакторам. Мрачная история Сталина. Триумфальный взлет России. Страшная цена для целого поколения. Удивительно, во

всяком случае, для меня, что человеческие существа могут быть столь жизненной. Многие русские, мои сверстники, вынесли гражданскую войну, Сталина, войну с Гитлером — испытали то, что нам и представить себе невозможно. И все же они согревают душу неуничтожимой русской надеждой. Что-то из мрака прошлого они, конечно, забыть не в силах, но после всего — они устремляют взор на своих детей и в будущее своих детей».

Чарльз Сноу («Завтра», 1994 г.)

*А случилось дело так:
Как-то ночью странную
Заявился к нам в барак Кум со всей
охраню.*

*Я подумал, что конец,
Распрощался матерно...
Малосольный огурец Кум
жевал внимательно.*

*Скажет слово и поест,
Морда вся в апатии.
«Был, — сказал он, — говны, съезд
Славной нашей партии.*

*Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Геня».*

*Кум докушал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»*

*Полный, братцы, ататуй!
Панихида с танцами!
И приказано статуй
За ночь снять на станции...*

Александр Галич

МАО

Когда Мао Цзэдун был у Сталина, он попросил разрешения поселить 20 миллионов китайцев на советском Дальнем Востоке.

— У меня своих 200 миллионов хватает, — ответил Сталин.

«ИВАН СУСАНИН»

В Большом театре готовили новую постановку оперы Глинки «Иван Сусанин». Послушали члены комиссии во главе с председателем Большаковым и решили, что надо снять финал «Славься, русский народ!» — церковность, патриархальщина... Доложили Сталину.

— А мы поступим по-другому, — сказал Сталин, — финал оставим, Большакова снимем.

СЕКРЕТАРИ

...Сталин позвонил в Союз писателей, но его не смогли соединить ни с Фадеевым, ни с Сурковым — ни с кем из руководства. Отвечали только их секретари. Сталин спросил у членов Политбюро:

— Почему погибла Римская империя? — И сам ответил: — Потому что ею стали управлять секретари!

И БУДЕННЫЙ...

Сталин отправился отдыхать на Кавказ. Его сопровождали соратники. Поезд остановился в Ростове-на-Дону. Было это в начале тридцатых, и с охраной еще не очень усердствовали. Из вагона вышел Ворошилов. Народ на перроне не ожидал явления наркома обороны и охнул от изумления:

— Ворошилов!!!

За ним вышел глава правительства, и еще более опешивший народ воскликнул:

— Молотов!!!

Ну а когда на перроне появился Сталин, тут уж люди как бы сами собой выстроились и зааплодировали. Сталин, как обычно, поднял руку, приветствуя и в то же время останавливая овацию. Когда шум утих, из тамбура внезапно показался замешкавшийся Буденный. И на перроне какой-то казачок воскликнул:

— И Буденный, е... т... м...!

Казалось, что после выхода Сталина уже ничего не могло случиться — ан нет! Все дружно захохотали, в том числе и сам Сталин. С тех пор, когда сталинское руководство собиралось вместе и появлялся Семен Михайлович, Сталин неизменно говорил:

— И Буденный, е... т... м...!

«БУДЕТ НЕФТЬ...»

Во время войны Сталин поручил Байбакову открытие новых нефтяных месторождений в довольно короткий срок. Когда Байбаков возразил, что это невозможно, Сталин ответил:

— Будет нефть — будет Байбаков, не будет нефти — не будет Байбакова!

Вскоре были открыты новые месторождения в Татарии и Башкирии.

ВАННИКОВ

Ванникова в войну внезапно освободили из заключения, привезли к Сталину, и тот назначил его наркомом. Ванников сказал:

— Завтра я явлюсь в наркомат, вчерашний зэк. Какой у меня будет авторитет среди подчиненных?

— О вашем авторитете мы позаботимся, — ответил Сталин, — нашёл время сидеть!

Утром, когда Ванников приехал на работу, на его столе лежала «Правда» с Указом о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

ПРОЦЕНТ ТОЧНОСТИ

Сталин спросил у метеорологов, какой у них процент точности прогнозов.

— Сорок процентов, товарищ Сталин.

— А вы говорите наоборот, и тогда у вас будет шестьдесят процентов.

ОТВЕТ ЧЕРЧИЛЛЮ

На переговорах шли споры о послевоенных границах, и Черчилль сказал:

— Но Львов никогда не был русским городом!

— А Варшава была, — возразил Сталин.

ОТВЕТ ГАРРИМАНУ

Гарриман на Потсдамской конференции спросил у Сталина:

— После того как немцы в 1941 году были в восемнадцати километрах от Москвы, наверно, вам сейчас приятно делить поверженный Берлин?

— *Царь Александр дошел до Парижа,* — ответил Сталин.

Феликс Чуев «Живой Сталин»

В 1984 году только что принявший пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропов сказал то, чего никто из его предшественников не мог сказать и в страшном сне: «Мы не знаем страны, в которой живём». Все они полагали, что уж что-то, а страну-то они знают. И все они роковым образом ошибались в этой убежденности.

Свою страну мы не знаем и сегодня. И не только потому, что до сих пор остаются засекреченными многие документы и целые фонды, не только потому, что жизнь громадного государства во всём её многообразии не может быть документально зафиксирована во всех подробностях, и даже не потому, что общественные науки, в том числе история и социология, у нас недостаточно развиты. Причины ещё и в том, что настоящее, которое находится у нас перед глазами, изменчиво, многослойно, динамично, турбулентно и малопредсказуемо. Но это ещё «полбеды». Как ни парадоксально, но изменчиво и прошлое — как в представлении людей, так и в отражении современной исторической наукой.

Осознание такого положения стало побудительным мотивом создания этой книги. Обозревая прошлое через оптику публицистики, мы самокритично-

тично осознаём, что это всё-таки не самый, может быть, точный измерительный инструмент, не идеальные весы. Но позиция публициста, стремящегося к объективности, имеет некоторые неоспоримые достоинства. Одно из них содержится в жизненном и политическом опыте, которым располагает автор, в свободе от давления любого официального курса, в решительном отказе однобоко следовать либо обличительным, либо комплементарным концепциям. Публицист свободнее историка. Это позволяет, по крайней мере, быть честным перед читателем, перед собой, а также перед теми, кто стали героями этой книги.

Размышляя о том, ЧТО объективно сделал Сталин, как оценивались его деяния при его жизни и какая память осталась о нём в народном сознании, мы обнаруживаем в принципе понятную, пусть не совсем полную на нынешний день картину. Она, в самом сжатом виде, заключается в том, что достижения государства при Сталине были достигнуты не лучшими методами и средствами, часто преступными. Страна жила в мобилизационном режиме, многочисленные издержки которого в известной мере компенсировались успешным ходом развития народного хозяйства, умелой, хотя и прямолинейной позитивной по тону и содержанию пропагандой. В фундамент невероятного рывка вмурованы миллионы жертв сталинского режима. Преступления Сталина никогда не будут забыты и прощены.

«Зеркально» никогда не будут забыты и великие победы народа, превращение в немыслимо короткие сроки отсталой аграрной страны в могучее индустриальное государство, вторую сверхдержаву мира.

Пути к этому, теоретически говоря, могли быть и иными, более гармоничными, менее затратными, не ж е р т в е н н ы м и , но история пошла по той дороге, которую указал Сталин. И это неоспоримый факт.

Столь же неоспоримой является выдающаяся роль Сталина в достижении Победы в Великой Отечественной войне. И по сию пору представляется этически сомнительным запрет на размещение портретов Сталина в местах проведения юбилейных победных торжеств.

Чего было бояться современной власти? Возрождения культа Сталина? Об этом не приходится говорить сколько-нибудь серьёзно — и эта мысль не требует доказательств. От культа мы, надеемся и уверен, привиты навсегда. Тогда, действительно, чего бояться? Что якобы будут прощены его преступления? Нет, не будут. Что грозный вождь оживёт и начнёт расспрашивать, куда делся СССР и почему Россию грызёт коррупция? Нет, не оживёт, не спросит. Да мы зато сами это спрашиваем едва не каждый день. И не получаем покамест полноценного ответа.

Потому не будем только проклинать или только отдавать справедливое должное Сталину. Будем помнить, будем доискиваться до самой окончательной правды. В том числе, а в научном смысле и прежде всего, усилиями отечественной и мировой исторической науки. И публицистики. И литературы.

*Мы звали — станем ли лукавить? —
Его отцом в стране-семье.
Тут ни убавить,
Ни прибавить, —
Так это было на земле.*

*То был отец, чьё только слово,
Чьей только брови малый знак —
Закон.
Исполни долг суровый —
И что не так,
Скажи, что так...*

*О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...*

*А что подчас такие бури
Судьбе одной могли послать,
Во всей доподлинной натуре —
Тебе об этом лучше знать...
Но в испытаниях нашей доли
Была, однако, дорога Та непреклонность
отчей воли,
С какою мы на ратном поле
В час горький встретили врага...*

*И под Москвой, и на Урале —
В труде, лишениях и борьбе —
Мы этой воле доверяли
Никак не меньше, чем себе.*

*Мы с нею шли, чтоб мир избавить,
Чтоб жизнь от смерти отстоять.
Тут ни убавить,
Ни прибавить, —
Ты помнишь всё, Отчизна-мать.*

А.Т. Твардовский «За далью даль»

В память врезался пример, дающий ясное представление о том, как нам оценивать жизнь и дела правителей, ушедших в историю. Когда Дэн Сяопина спросили о роли Мао Цзэдуна в судьбах Китая, от него ждали слов осуждения и гнева. Политик и мудрец должен был ответить, как мог бы ответить человек,

у которого режим Мао отнял свободу, здоровье и жизнь сына. Дэн Сяопин пережил именно такие утраты, потеряв к тому же все свои посты и превратившись, волей Мао, во «врага китайского народа».

Дэн Сяопин ответил, что Мао нельзя оценивать только в чёрных или только в белых тонах. У него были ошибки и преступления, но были и огромные достижения. Мао много сделал для того, чтобы Китай стал великим государством. Поэтому его славные дела — это семьдесят процентов его наследия. А тридцать процентов — ошибки и преступления.

Это суждение выдающегося государственного деятеля — ещё один «китайский урок» сегодняшней России и её политическим верхам.

Наше прошлое сталинского периода слишком величественно и слишком трагично, чтобы отмахиваться от самого имени Сталин. Поступая таким образом, мы обесцениваем великие народные страдания и неисчислимы жертвы.

История этого не прощает.

Всё связанное со Сталиным, включая его реальный и медийнохудожественный образ, его свершения и преступления, его политический инструментарий, его тактику и стратегию — всё это давно отслоилось от собственно личности совершенно обычного с виду невысокого, рябого, нисколько не величественного человека в полувоенном кителе, с трубкой в руке. Более шестидесяти лет его нет среди живых. Старшее поколение помнит, как из школьных классов, из помещений красных уголков, из начальственных кабинетов, с улиц и площадей постепенно исчезали портреты Сталина. Потом очень быстро пришла пора сноса памятников, радио не передавало песен о Сталине, зато больше стало песен о Родине.

Шли годы, ниспровергатель Сталина Никита Хрущёв и сам был отстранён от власти и, по существу, забыт. Сталин же — нет, не забыт. Всеми, что связано с его именем, забвение не грозит. Хочу подчеркнуть для того, чтобы быть правильно понятым, что я ни в какой мере не являюсь «сталинистом», более того, полагаю, что таковых в чистом виде давно уже не существует. И это справедливо. Нет, в полном смысле понятия, и культа личности Сталина, потому что культ, с одной стороны, это нечто цельное, без швов, литое, тяжелое и давящее, а с другой — пламенно-торжественное, пафосное, сверхэмоциональное.

В массовом общественном сознании Сталин равновесно, с какими-то колебаниями, сохраняется в двух полярных ипостасях: гений и злодей. Те, кто до сих пор видят в нём только гения, вынужденного, в силу тяжелейших исторических обстоятельств, править жёстко и жестоко, часто преступно, никогда не признают злодейства его дел и мыслей. Те, кто никогда не простит Сталину его преступлений, да это и невозможно, те никогда не признают, что Сталин был выдающимся лидером государства. Эти две позиции никогда не примирятся между собой.

В истории не так много правителей, чья посмертная судьба складывается аналогичным образом, но они есть. Парадокс в том, что из крупнейших российских правителей никто не воспринимается, даже через десятилетия и столетия,

как безусловно «светлый» или безусловно «тёмный». Это нельзя считать некоей мистической российской загадкой, тайной русской души.

Это — реальность, и вопрос только в том, что будет дальше; прошлое уже состоялось. Наша память потому по природе своей обращена в прошлое, что она работает на будущее, а потому заботливо и скрупулёзно сохраняет информацию о пройденном пути, предполагая, что предупреждённый не наступит на грабли. Мы полагали бы свою задачу исполненной, если бы и эта книга прозвучала как такого рода предупреждение в ряду равных или более громких.

Сталин давно уже на суде истории, но вопрос в том, что о злодейской и несправедливой природе культа личности Сталина страна узнала в одночасье на партийном съезде, а до этого культа как преступления, получается, не было. Или было? А если культ был преступлением, то это же был культ партии, культ коммунизма-социализма-ленинизма-марксизма, а коротко говоря — культ системы власти. Так сказать, коллективное творчество, единый порыв, мощь идеи, овладевшей массами.

Мы это к тому говорим, что, пустив в оборот понятие культа личности Сталина, соратники его по-быстрому ушли от своей части ответственности, а они были ею отягчены до предела. Сталин, как мы понимаем, — это в большей степени историческое явление, чем, собственно, индивидуум, Сталин — это коллективное партийное целое. И тем более целое и целостное, что как в символе воплощено было в Иосифе Джугашвили.

Он едва переступил середину века, но, конечно, сохранится в веках. Время от времени его образ становится индикатором состояния дел в стране; сейчас, например, много говорится об эффективности мобилизационного проекта для России, о том, что нам, как Советскому Союзу перед Второй мировой войной, предстоит, чтобы не проиграть в мировой конкуренции, «пробежать» за считанные годы ту дистанцию, которую наиболее развитые страны одолели за десятилетия. Довольно распространены сейчас, на фоне огромного социального расслоения, суждения о примерной скромности и даже аскетизме вождя, не любившего слишком уж часто менять старые сапоги на новые. Устойчива убеждённость, что Сталин прекрасно разбирался в кадрах, умело их ковал, решительно выдвигал, заботливо опекал, строго с них спрашивал. Оно, конечно, так, но как получилось, что в итоге Сталин перестал доверять, и не без оснований, ближайшим своим соратникам. Как он их сумел, ближайших, проглядеть при его-то такой удивительной мудрости в работе с кадрами.

Так или иначе, Сталин является, как это ни удивительно, оппонентом любой, после него, власти. Для общественного сознания это комфортно — иметь такой своеобразный индикатор. И индикатор этот используют в своих целях как горячие сторонники, так и возбуждённые оппоненты любой российской власти. Включая действующую.

И это, повторим, российская реальность, а не российская метафизика. Был постепенно заканчивающийся ныне период, когда таким индикатором для сравнения являлся коллективный Запад; он, конечно, и далее будет в какой-то мере сохранять это своё значение. Запад был для нас (не для всех, разумеется) и

эталонем культуры, и образцом демократии, и воплощённой социальной справедливостью, и щедрым социальным благом, и явным технологическим совершенством. Ныне мы, проехав от станции Эйфория до станции Трезвый Взгляд, поостыли в своих восторгах, что, конечно, гораздо для нас полезней: учиться надо сосредоточенно и цепко, вдумчиво и даже въедливо, ни в коем случае не допуская излишнего восхищения и наивного пафоса.

Это всё пишется на заметку будущим лидерам, чтобы не было искуса впасть исключительно в кислотную самокритичность вплоть до потери достоинства, лучше поглубже изучать и сравнивать свой и чужой опыт.

Опыт Сталина более чем поучителен; жаль, право, что плохо изучается. Изучать ведь — не означает восхвалять, изучать надо, отложив эмоции в сторону, хоть это и трудно, всё наследие в целом, а не одни только преступления и ошибки.

Такого рода изучение гораздо более эффективно в деле избавления от каких-либо рецидивов сталинизма.

Посвятив эту часть книги теме трёх жизней властителя, мы видим, что второй, в принятой нами формуле, жизни — то есть жизни после власти — у Сталина не было. Жизнь и власть он утратил одновременно. Иначе это и не могло быть: в созданной им системе властвовать должен был один и бессменно. Один он и отвечает за всё, имея привилегию спросить с каждого. У Хрущёва руль вырвался из рук, потому что курс менялся слишком часто и всегда непредсказуемым образом; команда решила, что так он, пожалуй, опрокинет корабль кверху килем. Брежнев тоже был один — в одиночестве обесмыслившегося правления, нужный соратникам как фигура для списывания всех недостатков.

Будущий лидер, не сотвори такой ошибки!

Третья жизнь Сталина длится, и конца ей не видно. В памяти, мы писали об этом, он един в двух лицах. Повторим также и то, что он необходим России как точка отсчёта, как та граница, переступать которую нельзя, немислимо, преступно. В имени его — много смыслов. Эхо его жизни прозвучало на наших страницах, в приведённых свидетельствах политического, документального и мемуарного жанра. Огромный массив информации по теме Сталина ныне широко доступен. Нам обращаться к большему числу источников было бы нецелесообразно; это не биография, не научная монография.

Это — суждение для самостоятельно думающих людей, для тех, кто в свой срок примет Россию. Вам, лидеры, нужен весь совокупный опыт, всё богатство мнений, вся острота и оригинальность мысли. У вас — большой путь, и пусть он будет успешнее, чем у главных героев этой книги.

Маленков

С 5 марта 1953 года по 8 февраля 1955 года председателем Совета Министров СССР был Георгий Максимилианович Маленков. В памяти потомков его имя ушло сначала в тень колоссальной фигуры Сталина, а затем одиозного реформатора Хрущёва. Заслуги Маленкова забыты, похоже, навсегда, как, впрочем, и его преступления.

Мы вспоминаем о достижениях и преступлениях Маленкова не ради запоздалых прославлений или проклятий в его адрес, а для того, чтобы на этом поблекшем, но удивительно содержательном примере представить некоторые властные традиции советского периода. История ведёт всякому делу властителей более или менее строгий учёт, архивы хранят задокументированную память. А в народной памяти — у людей старших поколений — о Маленкове осталась разве что только частушка — то ли плод народного творчества, то ли запущенный сверху идеологически выверенный посыл: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». И еще одна присказка: «Как явился Маленков, так наелись мы блинков». Оба рифмованных высказывания носят, заметим, позитивный характер. И тому есть веские основания.

Верный соратник вождя (иначе как бы Маленков попал в высший эшелон власти), он занимал в партийно-властной иерархии столь высокое место, что в октябре 1952 года исполнил символически и фактически значимое поручение Сталина: произнёс вместо него Отчетный доклад на XIX съезде ВКП(б) — КПСС. Это был на первый взгляд абсолютно ясный и чёткий сигнал о решении Сталина относительно будущего наследника поста властителя советской державы. Не думать об этом Сталин не мог, ибо умел смотреть в будущее трезвыми глазами, в отличие от некоторых советских властителей более поздних времён.

Другой вопрос, что в отношении вероятных наследников его власти Сталин явно колебался. Что ж, сомнение есть часть раздумий. Никто и никогда не скажет, понимал ли Сталин, что своей беспощадной волей он настолько подавил ближайшее окружение, из которого только и мог быть явиться наследник, что наследником в полной, сталинской мере, в преемственности модели власти, таковой быть не может. Неимоверно тяжела ноша. Не было в окружении Сталина такого руководителя, которому шапка власти была бы как раз по голове.

И еще одно: коллективный наследник — Политбюро в лице его членов — ни вместе, ни порознь и не собирались следовать воле того, чья смерть обозначала для них освобождение от возможной смертельной угрозы, к которой, по ощущениям окружения, шло дело в голове у Сталина.

Вождь время от времени как бы проговаривался о том, что нужно еще раз почистить партию. Всем был памятен страшный итог «съезда победителей», прошедшего в 1934 году. Большая часть его делегатов была репрессирована и расстреляна...

Георгий Максимилианович Маленков

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия. XX век

Если верить распространившимся тогда слухам, то сразу после смерти Сталина, едва не в этот же день, Маленков занял в Кремле сталинский кабинет. Он оказался на недостижимой ни для кого более властной ступени, но был с позором и унижениями низвергнут с неё всего через четыре с небольшим года. В июне 1957 года на пленуме ЦК КПСС Маленков был выведен из состава ЦК партии и отправлен в фактическую ссылку на должность директора электростанции в Усть-Каменогорске, затем стал директором теплоэлектростанции в Экибастузе. В ноябре 1961 года его исключили из партии. Это был «привет» от бывшего соратника, друга и соседа Никиты Хрущёва, и до конца жизни, в отличие, например, от Молотова, его так и не восстановили в её рядах. Расставание с партией совпало по времени с отправкой на пенсию. Став пенсионером, Маленков жил на частной даче, а потом в двухкомнатной квартире.

Последнюю в жизни квартиру, тоже двухкомнатную, на Фрунзенской набережной, ему выделили по распоряжению Андропова. Бывший заместитель заведующего секретариатом Совнаркома СССР Михаил Смиртюков позднее вспоминал, что Маленков не добивался ни прибавки к пенсии (Молотову и Кагановичу её не раз повышали), ни пропуска в кремлевскую столовую. В Кремле никогда и ни по какому поводу не появлялся. Его никто туда не приглашал, а просить встречу с кем-либо он не считал для себя возможным. Любая просьба о встрече означала бы, что он простил своих гонителей, коли пришёл к ним на поклон, а этого не было.

Пройдём же, читатель, по этапам его жизни — удивительной по насыщенности, невероятно динамичной, крайне сложно выстроенной и, конечно же, показательной поучительной для лидеров настоящего и будущего.

Имевший в своем роду священника и полковника (а брат его отца был даже контр-адмиралом), Георгий Маленков призвался в Красную армию в 1919 году, сразу по окончании классической гимназии, в апреле 1920 года вступил в РКП(б), после чего быстро вырос от политработника эскадрона до уровня Политуправления Восточного и Туркестанского фронтов. Старшие сёстры матери жены, библиотекаря агитпоезда Туркестанского фронта Валерии Голубцовой, знали Ленина еще по марксистским кружкам 1890-х годов. Одна из сестёр была замужем за Кржижановским, чьё имя было связано с планом ГОЭРЛО (разработанным, правда, в основе своей еще до революции). Существует мнение, что такое родство повлияло на выбор Маленковым места учёбы. Это был электротехнический факультет МВТУ. Супруга студента-коммуниста работала в орготделе ЦК партии.

Возглавив партийную организацию института, Маленков энергично проводил чистки троцкистской оппозиции, то есть выбрал для себя «правильную сторону истории». Есть свидетельства, что Георгий Маленков достиг кое-каких успехов и на научном поприще, но научная его стезя была фактически прервана после перехода на работу в аппарат ЦК партии.

В 1927 году он становится техническим секретарем Политбюро ЦКВКП(б). Не стоит думать, что эта должность была такой уж технической, то есть незначительной, поскольку через три года Маленков возглавляет один из отделов

Московского обкома партии, руководимого в тот период зорким на дельных работников Кагановичем.

Дальнейший его рост был стремительным даже для того динамичного времени. Отметим, что кадровая динамика обеспечивалась в том числе и многочисленными вакансиями, появлявшимися как следствие репрессий против партийных, советских и всех других категорий руководителей.

Позднее, в 1934 — 1936 годах, Маленков был заместителем набравшего силу Ежова — главного кадровика партии. Поднимаясь выше, Ежов передал Маленкову руководство отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).

Массовым репрессиям 1937 года предшествовала кампания проверки и обмена партийных документов. Это была, с одной стороны, реформа системы учета кадров и одновременно чистка рядов. Витал над страной сталинский лозунг «Кадры решают всё», а проверка всех этих кадров началась летом 1937 года.

Вместе с Ежовым, Кагановичем, Микояном и другими столь же крупными деятелями Маленков был фактическим организатором массового террора в ряде регионов страны, в том числе в Армении, Белоруссии, Грузии, Свердловской и Новосибирской областях, а также в Таджикистане и Татарской АССР.

Классический кадровик превратился в того, кому было вменено в обязанность искать и находить врагов народа, и таковых, в огромном большинстве своём скорее всё-таки мнимых, нежели подлинных, обнаруживались десятки тысяч. На допросах некоторых из них Маленков присутствовал... И, видно, репрессивную работу Маленков делал хорошо и уверенно, поскольку Ежов готовил для него должность своего заместителя на посту народного комиссара внутренних дел. Хрущёв позднее вспоминал (Хрущёв Н.С. Воспоминания. Кн. 1. М., 1999) о том, что Сталин не поддержал Ежова: «Да, конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК и сейчас же возникнет вопрос: кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете».

Прервём рассказ о партийной карьере Маленкова. Зададим вопрос из числа крайне трудных для ответа: почему и для чего в системе советской власти, в том числе в партии, не говоря уж о силовых структурах, все, за редчайшим исключением, руководители крупного уровня были в тот период буквально повязаны кровью жертв репрессий? В нравственном смысле они, организаторы и исполнители репрессий, тоже ведь становились жертвами этих же репрессий, ибо разве что только монстр мог якобы не понимать их незаконность и невиданную жестокость. Совесть тоже может быть палачом того, у кого она есть. «И мальчики кровавые в глазах» — это было сказано задолго до репрессий 30-х годов. Многие же из числа подписывавших расстрельные списки сами вскоре попадали в такие же.

Как в моральном смысле искупалась неискупаемая вина? Очень часто — неутомимой, буквально на износ, безжалостной к себе и людям работой «на благо народа». Многие оправдывали себя присказкой «Лес рубят — щепки летят». Кто-то опирался на ленинские постулаты о вынужденной жестокости

классовой борьбы (градус которой Ленин повышал, нисколько не оглядываясь на мораль, объявленную буржуазной).

Сталинский подход заключался в том, что чем лучше пойдут дела в Советском Союзе, тем сильнее будет накал классовой борьбы, тем подлее и страшнее будут враги, а потому их надо безжалостно истреблять.

Сплёлся в сознании невиданный клубок страха, иллюзий, лжи, фанатизма, безвыходности, неотвратимости зла — и показалось, что надо быть его частью, а не его жертвой.

Жертвами становились вчерашние товарищи, испытанные бойцы, преданные коммунисты, умелые организаторы — это из числа верхушки, а ГУЛАГ под завязку набивался теми, кто знал в жизни одну только личную власть — над рабочим инструментом, над своими мышцами, навыками и умениями. Прочее было отнято.

Всегда в истории России, и в XX веке тоже, с подвигом соседствует подлость. Всегда находятся те, кто грудью закроет вражескую амбразуру, и те, кто выстрелит в затылок у расстрельной стены. И все властители наши были в XX веке волей-неволей в большей или меньшей мере не только созидателями мощи государства, но и погубителями великой России. Без преступлений либо без преступных ошибок не обошелся ни один из них.

И Маленков не исключение.

*Хочу в глаза им посмотреть,
И бездну не боюсь увидеть.
Лишь обретая правды твердь,
Поймём, любить ли, ненавидеть,*

*И мы не отведём глаза
От ваших глаз, на нас смотрящих,
Властители. И пусть слеза
Как линза будет в настоящем,*

*Чтоб видеть прошлое ясней,
Чтоб прояснились все детали.
И стали ясны лет и дней,
И судеб смысл. И века дали.*

Увы, но посмотреть в глаза ушедшим властителям невозможно. Величие их, а точнее мера их вклада в историю, определяется, как ни дико это звучит, в том числе и числом жертв, количеством народа, сгубленного в период их правления. И это относится не только к России, что, полагаем, не требует особых доказательств.

И это не тот случай, когда можно сказать, что властитель подобен хирургу, который тоже ведь проливает кровь, но — ради излечения и спасения. Репрессии всё-таки — явно не тот случай.

Что и кого спасали последовательно Ельцин и Горбачёв, виновные так или иначе в своей доле людских смертей и народных страданий? Нет ответа.

Давайте предположим, что Маленков, едва не автоматически становившийся преемником Сталина, показался уходящему вождю тем человеком, который будет олицетворять собой хоть на какое-то время компромисс руководящей когорты. Однако коварный сверх меры (хотя какая тут может быть мера!) Сталин недооценил коварство тех своих учеников и ставленников, которые по замыслу вождя могли бы составить коллективное руководящее ядро. Коллективизму на вершине власти никогда нет места — это, увы, закон. Атрадиция «века-волкодава», как определил его Мандельштам, неуклонно предписывала конкурирующим фигурам борьбу до конца.

Существует множество свидетельств, не говоря уж о версиях, что в случае захвата власти товарищем Берией многие из числа ближайшего окружения Сталина не долго задержались бы и во власти, и в жизни.

Расправы после или во время отставки боялся и Хрущёв, и небезосновательно.

Что касается Маленкова, то вопрос потери им власти был делом техники: ресурса, чтобы удержать её в руках — волевого и силового, — у него не было.

...Вернёмся, однако, к ровной линии биографической канвы, восходящей, как мы увидим, линии.

Когда кровавая работа была в основном (но не полностью) закончена, Сталин аккуратно перевалил вину за репрессии на Ежова и его команду в Наркомате внутренних дел. В начале 1938 года на январском пленуме ЦК партии Маленков выступил с докладом «О недостатках работы парторганизаций при исключении коммунистов из ВКП(б)», в августе того же года еще с одним докладом под названием «О перегибах». Ежову было поставлено в вину уничтожение преданных делу партии коммунистов. Вместо союза Ежов — Маленков возник союз Берия — Маленков.

Бывшего своего начальника и покровителя Маленков увидел арестованным в его же, Маленкова, кабинете, и сделал это Берия с привлечением некоторого числа «специально обученных людей» не из числа, естественно, ежовских кадров. Их уже активно зачищали, подводя кого под расстрел, кого под заключение в тех краях, куда ссылали совсем ещё недавно так называемых кулаков, то есть наиболее квалифицированную и работающую часть крестьянства.

Став в том же 1939 году членом ЦК ВКП(б), он вскоре стал уже членом Оргбюро ЦК.

Военные годы потребовали полной отдачи сил. Работы было невпроворот, от кадровых вопросов до стратегических военных операций, в разработке которых Маленков принимал активное участие. Член Главного военного совета РККА и Государственного комитета обороны, куратор авиационной и ракетной тематики, руководитель «маленковских комиссий», он бывал и на фронтах, и в цехах оборонных заводов, занимался репарациями от Германии Советскому Союзу, руководил Комитетом по восстановлению освобожденных районов.

С марта 1946 года Маленков стал фактически заместителем Сталина по партии, но немного позднее он был выведен из состава Секретариата ЦК ВКП(б) за имевшиеся или мнимые недостатки в организации работы авиационной промышленности.

Очень быстро, однако, положение стабилизируется, и происходит реинкарнация Маленкова в качестве секретаря ЦК партии и заместителя председателя Совета Министров. Руку к этому приложил, в хорошем смысле слова, Лаврентий Берия, на то время друг и сподвижник Маленкова. Вторым человеком в партии, Маленков отвечал за работу парторганизаций, тем самым контролируя партийных начальников, а когда скончался Жданов, Маленкову было поручено вести вопросы идеологии и, как ни странно это выглядит, вопросы сельского хозяйства.

В 1949 году происходит так называемое «Ленинградское дело» — позорное пятно в судьбе Маленкова и трагическая, а для многих партийных ленинградских руководителей последняя страница их честно прожитых жизней.

«Ленинградцы» были после войны близки к Сталину, он выдвигал их на высокие посты (так, Воскресенский стал председателем Госплана СССР). Такое развитие событий не устраивало Маленкова и Берию, и потому в феврале

1949 года началась разработка так называемой ленинградской враждебной антипартийной группировки. Сталин не только не возражал, но и, то ли ослепленный патологической подозрительностью, то ли движимый принципом «разделяй и властвуй», дал указание об арестах руководителей Ленинграда. Всё это, включая судебные процессы над ними, было окутано тайной. Казалось, время в стране пошло вспять, к 1937 году. Были осуждены и расстреляны 1 октября

1950 года через час после оглашения приговора председатель Госплана СССР Вознесенский, председатель Совета министров РСФСР Родионов, секретарь ЦК ВКП(б) Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома Попков, второй секретарь Капустин, председатель Ленгорисполкома Лазутин.

Преступление их состояло в обсуждении необходимости создания в РСФСР Российской коммунистической партии по типу республиканских партий во всех, кроме РСФСР, республиках.

Маленков выказал нездоровое усердие при раскручивании так называемого дела Антифашистского еврейского комитета. Вершилось оно втайне и преступно, но в 1988 году Комиссия Политбюро ЦК КПСС установила, что вина за незаконные репрессии лиц, которых сочли виновными по этому сфабрикованному делу, лежит на Маленкове.

Партию парализовал страх перед Маленковым и Берией.

При поддержке Берии Маленков в начале марта 1953 года возглавил правительство СССР. За Хрущёвым, куда более волевым и политически и человечески хитрым и искушённым деятелем, осталось партийное руководство. В борьбе против Берии поддержал Маленков Хрущева, второй раз поспособствовав лишению свободы своих прежних друзей и соратников.

Рост влияния Хрущева Маленков остановить не смог, Хрущеву же была нужна вся полнота власти в стране. Поводом для жесткого «наезда» на Ма-

ленкова стало признание им в специальном письме тяжелого положения дел в сельском хозяйстве. Маленков лишился своих высоких постов, его отдвигали от дел и власти. Объединившись с Кагановичем и Молотовым, Маленков на заседании Президиума ЦК получил поддержку со стороны Булганина, Ворошилова, Первухина, Сабурова, Шепилова.

На последовавшем вскоре пленуме ЦК Хрущёв взял реванш: «антипартийная группа» потерпела сокрушительное поражение.

Иначе и быть не могло: ведь в недавнем мае Маленков инициировал ликвидацию так называемых «конвертов» для партийного руководства — это были солидные и никак не облагаемые деньги, с которых не брались даже членские взносы. Воцарившийся Хрущёв немедленно вернул их, да еще и с компенсацией за пропущенные месяцы.

В общественном сознании прочно утвердилась репутация Хрущева как принципиального борца с культом личности Сталина. На самом деле эту борьбу начал Маленков, заявив о существовании культа личности Сталина и необходимости покончить с гонениями на кадры, а также отменить решение Сталина об увеличении на 40 млрд рублей сельхозналога в 1953 году.

В число предложений и инициатив Маленкова входила идея снижения сельхозналога в два раза, списания недоимок прошлых лет, разворачивание борьбы с привилегиями партийного аппарата, против его обююкрачивания. Он выдвинул на повестку дня тезис о мирном сосуществовании двух общественно-политических систем, развитии легкой и пищевой промышленности, требовал покончить со взятками и отступлением коммунистов от моральных норм.

Инициативы были невиданными по новизне. Для партийной бюрократии Маленков стал врагом.

Между тем, пойдя страна по намеченному пути, она была бы избавлена от бездарного и разорительного хрущёвского правления.

Начались годы унижительной ссылки на периферии Казахстана. Возвращение в Москву было воспринято сломленным Маленковым и его женой как спасение.

В старости Маленков стал прихожанином деревенской церкви в дачном Кратове. Сталин в ранней юности пел в церковном хоре, Маленков — его бывлой соратник — пришёл в церковь на вечерней заре своей жизни.

...Весь XX век в нашем Отечестве кипела борьба за власть. В этой борьбе не было правил, принципов, приличий, норм и здоровых традиций. Эта борьба издёргала народ, в результате её погибло множество людей, были загублены плодотворные идеи, выстраивались ложные иерархии, разрушались судьбы, вне власти часто оказывались лучшие работники, руководители, стратеги развития, готовые и умеющие трудиться во славу и во имя процветания Отечества.

Какие ещё уроки нужны тебе, великий, талантливый, терпеливый и трудолюбивый, многострадальный российский народ?

Какая нужна тебе жизнь? Какая власть?

Ответь.

Хрущёв

Для начала несколько фактов из жизни Никиты Сергеевича Хрущёва. В юности слесарь Никита Хрущёв планировал уехать в Соединённые Штаты Америки.

До революции ищущий себя в политике Никита Хрущёв побывал эсером и меньшевиком. В партию большевиков вступил в 1918 году.

После революции, в 1923 году, Хрущёв, по его признанию, «допускал колебания троцкистского характера».

В течение многих лет Хрущёв был чрезвычайно усердным, нерассуждающим исполнителем воли Сталина. На его совести репрессии на Украине и в Москве.

Приняв путём сложнейших интриг бразды правления партией по смерти Сталина, он стал его беспощадным разоблачителем и ниспровергателем. (Сейчас трансформации такого типа называют искусством «переобуться в воздухе»; во времена Хрущёва его современники ломали голову, подвиг или предательство он совершил. Вопрос до сих пор остаётся открытым, перейдя частично в философскую плоскость.)

Хрущёв впервые в советской истории дал обществу вдохнуть воздух свободы, освободив от заключения и вины миллионы соотечественников.

Хрущёв так или иначе разрешил Суэцкий, Берлинский, Ближневосточный, Дальневосточный, Карибский кризисы. Постепенно он «приучил» мир к тому, что СССР — сверхдержава, ибо влияние её распространилось далеко за пределы учреждённого Сталиным социалистического лагеря и обрело общемировой вес.

Хрущёв «вынес» Сталина из мавзолея на Красной площади и, единственный из всех советских вождей, не удостоился не только ниши в кремлёвской стене, но даже официального некролога и похорон по государственному протоколу.

Никита Сергеевич Хрущёв занимал пост первого секретаря ЦК КПСС с 1953 по 1964 год.

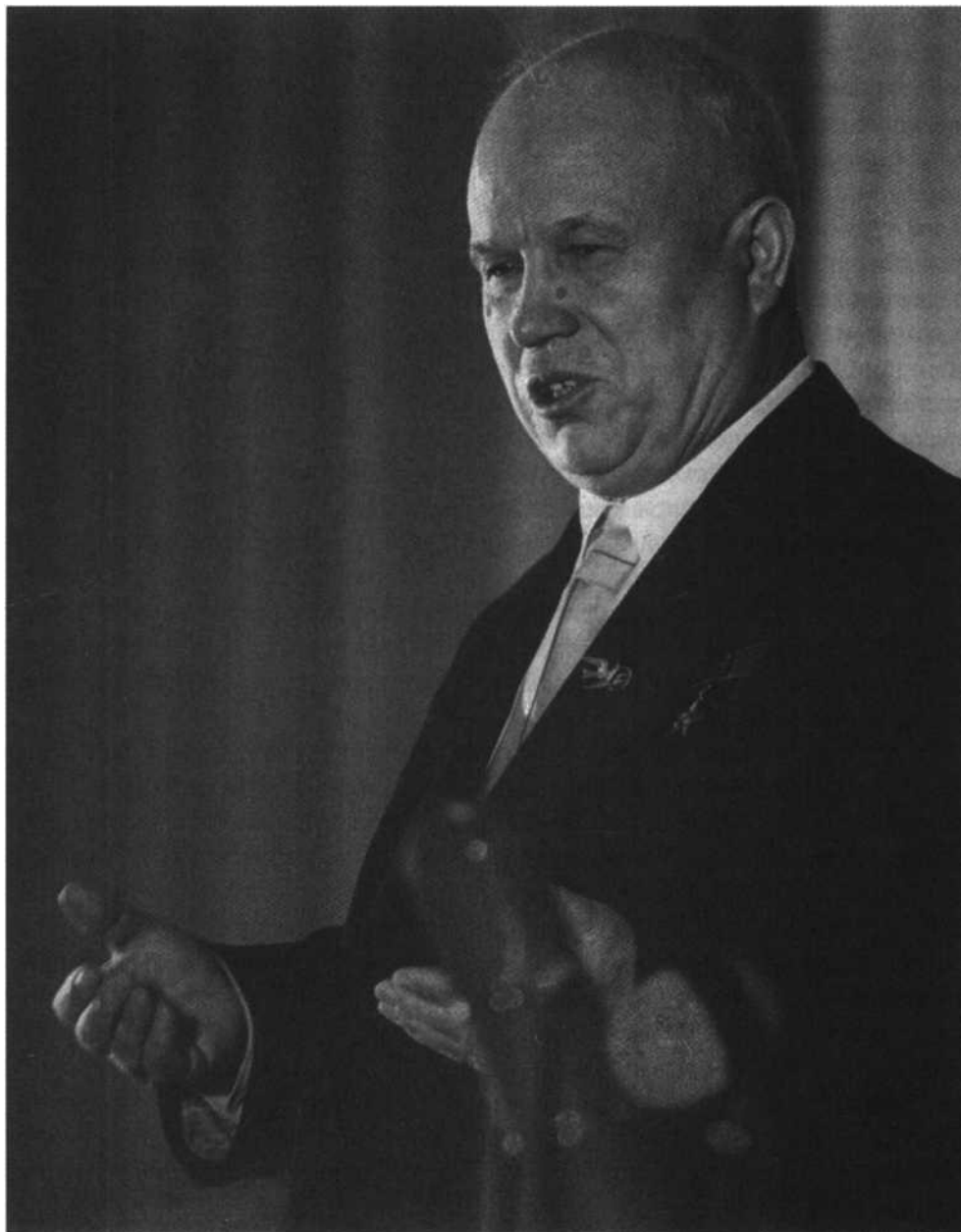
После отставки Н.С. Хрущев, пенсионер союзного значения, пребывал на даче фактически под домашним арестом.

После установления памятника на его могиле Новодевичье кладбище было надолго закрыто для посетителей.

Имя его многие годы оставалось под негласным запретом.

Споры о Хрущёве, его личности, его времени и его делах не утихают по сей день. Сталинист и либерал, бескомпромиссный реформатор и упёртый консерватор, миротворец, поставивший человечество на грань ядерной войны, — это один и тот же человек.

Из всех периодов советской истории период пребывания Хрущёва на вершине власти был едва ли не самым противоречивым. Когда вдумываешься в

Никита Сергеевич Хрущёв

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия. XX век

факты, то ясно видишь не только детали его жизни и особенности личности, а скорее, некий оттиск времени, объёмисто вместившего в себя миллионы судеб, скроенных по множеству лекал истории XX века. Лекала эти не несли в себе признаки выверенного эталона, они менялись самым причудливым образом в течение фактически целого столетия. Крутые линии этих лекал возносили и низвергали...

В этом столетии, и при Хрущёве тоже, сотни миллионов людей в России меняли (либо скрывали) политические взгляды. Войны, революции, разного рода реформы самым невероятным, часто трагическим, часто хаотическим образом перепутывали пути и судьбы людей. Как никогда ранее, не имели люди «при портфеле» (и при партбилете) столько должностей и мест работы. Людей не переводили с должности на должность, их «бросали» — на штурм, на аврал, «ради целесообразности», в силу необходимости. Себе эти люди не принадлежали. В течение многих лет советское крестьянство было прикреплено к земле едва ли не крепче, чем при крепостном праве. При этом организованные потоки трудовой миграции из конца в конец страны были постоянными и массовыми.

В этом ушедшем веке бывало время, когда человек одновременно боялся своего прошлого, настоящего и будущего. И бывало время, когда он гордился прошлым, чувствовал себя в достойном настоящем и с надеждой смотрел в будущее.

В этом великом и трагическом столетии был убит последний царь, уничтожены миллионы людей в революционном терроре, Гражданской войне и разгуле репрессий. Страна выстояла и победила в Великой Отечественной войне. Пережила высший экономический, научный и культурный подъём. Распалась, образовав тем самым несколько новых национальных государств. Стремительно и, казалось, неостановимо деградировала к концу века.

Три общественно-политические формации состоялись в России в течение всего-навсего ста лет. Три государственных строя властно диктовали и простому человеку, и властителю не просто правила игры; каждый строй формировал людей «под себя» — отсюда и зигзаги судеб, и сломанные жизни, и феерические карьеры, и духовные подъёмы, перемежающиеся духовными кризисами. Отсюда — общая, громадная, многомерная и бездонная память об ушедшем веке. О тех, кто, как умел, формировал саму суть времени и власти в огромной стране.

Советским государством последовательно руководили восемь коммунистических правителей: Ленин (1917 — 1924), Сталин (1924 — 1953), Маленков (1953 — 1955), Хрущёв (1955 — 1964), Брежнев (1964 — 1982), Андропов (1982 — 1984), Черненко (1984 — 1985), Горбачёв (1985 — 1991).

Двое из них — Хрущёв и Брежнев — были фактически малограмотными. Ни одного из восьми народ никогда за всю их жизнь не избирал. Каждого, за исключением Черненко, народ вначале приветствовал, потом прославлял. Всех, исключая Андропова, после отставки или смерти поносил последними словами, уравновешивая недавнюю оптимистическую лояльность.

Ленин совершил ради достижения власти вооружённый переворот, названный позднее революцией. Хрущёв получил власть в закулисной борьбе. Брежневу она досталась в результате заговора. Другие советские властители поднимались на вершину власти в результате компромиссов внутри её руководящего ядра.

Клянясь в верности делу партии, каждый из них так или иначе, по-своему боролся с партией. Ни один из них не был «верным продолжателем» дела своего предшественника, но каждый фактически так или иначе переналаживал жизнь государства. Чаще всего это делалось через разоблачение предшественника, расставание с его ошибками, а далее вызревал очередной кризис власти.

«Мне выпало на долю, — писал Хрущёв, — принимать активное участие в политической борьбе с первых дней моего вступления в партию».

И, дополним признание, до самой отставки. А в качестве автора мемуаров — и в отставке тоже. Написание (диктовка на магнитофон) этих воспоминаний признаем актом мужества Н.С. Хрущёва. Зная, что отставной властитель диктует мемуары и дело может закончиться их изданием на Западе, Андропов предлагал «установить оперативный негласный контроль за Н.С. Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым для получения более точных данных по затронутому вопросу и предупреждения нежелательных последствий».

Немало насоллив, очевидно, действующей власти, мемуары стали уникальным историческим свидетельством об огромном периоде развития государства, о тех, кто стоял у руля.

В этом яростном и великом веке судьба Никиты Хрущёва могла бы сложиться по неисчислимому количеству вариантов. Рождённый в 1894 году в селе Калиновка Ольховской волости Дмитриевского уезда Курской губернии, он теоретически мог бы стать, например, космонавтом. Тоже ведь редкая возможность, но космонавтов всё-таки не один и не два десятка. Хрущёву же выпала «должность» первого секретаря ЦК КПСС. Должность властителя страны с населением в 188,2 млн человек (107,8 млн — крестьянство, 80,2 млн — горожане).

Своему ниспровергателю Брежневу Хрущёв оставил государство, население которого составляло 226 млн человек (117 млн — горожане, 109 млн — крестьянство).

Это государство не посадило свергнутого правителя за решётку, не поставило его к расстрельной стенке (сын экс-первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева Сергей Хрущёв, уже в качестве гражданина США, утверждал: «Брежнев предложил председателю КГБ Семичастному: «Давай Хрущеву авиакатастрофу устроим», а когда тот отказался, вновь к нему обратился: «Может, его отравим?»).

Окончательная воля власти была, однако, другой: Хрущёва надо навсегда забыть, вычеркнуть из истории едва ли не в практическом плане. Не упоминать имени, не анализировать, никак не показывать его путь и результаты работы. Закрыть для посетителей кладбище, на котором он был похоронен.

То есть фактически сделать то же, что Хрущёв сделал с памятью о Сталине. И даже более того.

Со Сталиным в своё время вроде бы получилось. На какое-то короткое время, которого партийным вождям хватило, чтобы, образно говоря, хорошо выспаться после ночных, синхронных со сталинскими, тревожных бдений.

Настоящее забвение, однако, не произошло ни в первом, ни во втором случае. И не может произойти. Тому есть объективные причины. К нашей буксующей модернизации, например, упорно зывает сталинский опыт модернизации страны. Не в той его части, где сосредоточены были всякого рода чрезвычайные средства и методы, а в той, где ясно формировались стратегические задачи развития. Жёстко осуждая жестокие методы, приходится признать неоспоримое: ценой огромных жертв и колоссального напряжения всех сил страна создала мощную экономику, выстояла и победила в самой кровопролитной за всю историю человечества войне.

Случай Хрущёва другой: он поучителен тем, что Хрущёв едва не погубил экономику, а значит, и государство. Само по себе это навсегда врежется в историческую память. Народная, массовая память насыщена неповторимым, чрезвычайно колоритным составом хрущёвского «человеческого фактора». Слишком ярким и противоречивым человеком и властителем он был: по-своему драматичным, невероятно изменчивым, в чём-то плоть от плоти «из народа», но еще более плоть от плоти «из партии».

Не парадокс, а закономерность в том, что период властвования Н.С. Хрущёва вместил в себя и целые этапы истории государства и мира, и, что, наверное, ещё важнее, все основные тенденции её развития и существования. Хрущёв был и реформатором, и мечтателем, и соучастником сталинских преступлений, и сталинборцем, и преобразователем природы, и вольным или невольным инициатором «оттепели», и авантюристом, и разрушителем железного занавеса.

Надиктованные на пенсии воспоминания Хрущёва содержат краткий фрагмент, объясняющий, в общих, как теперь очевидно, чертах, хрущёвское понимание власти и её задач. «После смерти Сталина (а я все время упор делаю на этой рубежной дате) на нас свалились заботы о безопасности страны, о вооружении армии. Свалились на наши, в государственном понимании слов, молодые плечи. Раньше мы обороной фактически не занимались. Булганин как министр обороны должен был кое-что понимать. Булганина я знал как облупленного и знал (тому пример — его неверная оценка творческих предложений Челомея), что на него целиком полагаться нельзя. Дальше — больше. Когда пришлось заменить в руководстве страны Маленкова, Молотова и всю их компанию, которая взбунтовалась в ЦК партии против антисталинского направления политики, возглавленного мною, мы вынуждены были освободить Булганина от поста председателя Совета Министров СССР. Меня уговорили занять этот пост. Я искренне говорю, именно уговорили. Я очень не хотел, сопротивляясь против совмещения в одном лице постов председателя Совета Министров СССР и

первого секретаря ЦК партии. Председателем правительства я видел Алексея Николаевича Косыгина.

На международном совещании представителей компартий 1957 г. я его как наиболее вероятного кандидата на этот пост даже представил Мао Цзэдуну. Но такая сложилась тогда ситуация: нажимали на меня буквально все, что именно так следует решить вопрос, что так будет более правильно. Я видел не только бесполезность, но и вред совмещения постов, и я даже ссылался: представьте мое положение, я критиковал Сталина за совмещение в одном лице двух таких ответственных постов в государстве и в партии, а теперь сам....

Выношу этот вопрос на суд историков. Сказалась моя слабость, а может быть, подтачивал меня внутренний червячок, ослабляя мое сопротивление. Еще до того, как я стал председателем Совета Министров СССР, Булганин внес предложение назначить меня как первого секретаря ЦК КПСС Главнокомандующим Вооруженными Силами. Тем более что в Президиуме ЦК военные вопросы, армия, вооружение относились к моей епархии. Это произошло без публикации в печати и было решено сугубо внутренним образом, на случай войны».

Хрущёв много сделал для обеспечения триумфа отечественной космонавтики — это одно из его вершинных дел. Среди, мягко говоря, не вполне успешных новаций числится целинная эпопея (замечу в скобках, что эти противоречия я ощутил на себе самым непосредственным образом в студенческую целинную юность, когда столкновение с партийным боссом едва не лишило меня комсомольского и студенческого билетов).

Хрущёв, как ни странно это звучит, внёс свой вклад, причём с украинской стороны, в безумно обострившиеся современные отношения России и Украины. Из далёкого 1954 года к нам прилетел «крымский привет» Никиты Сергеевича Хрущёва. В том году по решению Хрущёва Крымская область вошла в состав Украины, будучи выведенной из состава России. Чем это теперь обернулось, мы знаем. Но, будем честны, Хрущёв в своё время этого не мог и предположить. Легче было, наверное, написать в Программе партии, что материальные основы коммунизма будут построены не далее, как к 1980 году. Вместо коммунизма, правда, страна получила Олимпиаду-80, как в то время шутили.

В одном из интервью («Бульвар Гордона», № 24 (216) 2009) Сергей Никитич Хрущёв сообщил: «Отец мне рассказывал: «Каждый чих приходилось ехать в Москву согласовывать с Госпланом РСФСР. У них там свои идеи, а отвечать-то мне — что, всякий раз Сталину жаловаться?» Поэтому в 54-м году, когда было решено прокладывать Северо-Крымский канал, украинцы заартачились: «Да как же мы будем его строить, когда это Россия?» Вот Хрущев и сказал: «А че? Сейчас Украине передадим, тем более на подходе славная дата» (300-летие воссоединения Украины с Россией).

Тут же под фанфары это оформили, а если бы не было даты, сделали бы то же самое без фанфар. Тогда же было единое государство Советский Союз».

Обсуждение одиннадцатого (!) вопроса «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» 25 января 1964 года заняло на заседании Пре-

зидиума ЦК КПСС ровно 14 минут. А уже 19 февраля того же года Президиум Верховного совета РСФСР, на заседании которого присутствовало меньше половины членов (13 из 27) единогласно проголосовал за.

Партия одержала новую сокрушительную победу.

В по-родственному добродушной версии Сергея Хрущёва есть своеобразная «лакирующая» логика, более удобная для Украины, конечно. В 1954 году Хрущёв в политическом плане оставался верным сталинцем, по-сталински и действовал. Сейчас забыто намерение Хрущёва передать спорные острова Японии за её отказ от сотрудничества с США, а такое, и тоже «логичное», намерение имело место.

Логики, увы, не было в беспримерной «щедрости» Ельцина, «подарившего», по сути, Крым Украине в Беловежской Пуще, когда возвращение полуострова России было бы естественным для сторон компромиссом.

Красноречиво свидетельствует об этом С.Н. Хрущёв («Комсомольская правда», 20 марта 2017 г.): «...как рассказывал первый президент Украины Леонид Кравчук, когда в декабре 1991-го в Беловежской Пуще принимались решения (я считаю их антиконституционными) о ликвидации СССР, то у него — у Кравчука — все время кошки скребли на душе... А как с Крымом-то будет? Вроде Крым-то украинский, но не совсем украинский. Это не я говорю, это он говорил. И тогда перед подписанием соглашений Кравчук обратился к Ельцину. Они собирались там за стол садиться, а после этого официально подписать документы. «Борис Николаевич, а как с Крымом будем?» А Ельцину, видимо, было не до этого. Он в основном думал, как ему с Горбачевым расправиться, да и за обед пора садиться... Он сказал Кравчуку, махнул рукой: «Ну и забирай!» Кравчук говорит: «Я сразу и забрал!» Понимаете? Если бы Ельцин не сказал: «Ну и забирай!», то Кравчук был бы очень рад получить Украину даже без Крыма. О Крыме он и не мечтал. А тут такой подарок царский от Ельцина, который о крымчанах, оказывается, и не думал».

Гораздо менее, кстати, обсуждается, по причине объективно ущербного для России консенсуса, более ранняя формальная, хаотичная и, как правило, не в пользу России, практика и результаты нарезания земель для республик, в том числе Украины и Казахстана. Тема фактически закрыта — и ни одно государство на постсоветском пространстве не горит желанием отменить сталинские решения, хотя некоторые из бывших республик до СССР не имели своей государственности, расположившись на пространстве бывшей Российской империи.

Вопрос в связи с этим достаточно простой: влияет ли, посмертно, Н.С. Хрущёв на нашу жизнь?

Конечно. Так же, в соответствии с теми же закономерностями, по которым влияют на неё все властители России за всю её историю. Они властвовали над историческим народом, к которому принадлежим и мы с вами. Народ был, объективно, исполнителем их воли — они так или иначе улавливали и познавали состав народной души, народной мечты и народного плана жизни.

Вопрос чуть сложнее: чего больше в этом влиянии Хрущёва: позитивного и прогрессивного или беспорядочно-сумбурного и малоэффективного?

Здесь напрашивается широко распространённый и прочно укоренённый в массовом сознании ответ в лапидарном стиле: «Наряду с рядом выдающихся достижений, в его деятельности имелись грубые ошибки и серьезные недостатки». Или, как сурово гласит Большая Советская энциклопедия, «в его деятельности имели место проявления субъективизма и волюнтаризма».

В более свободном изложении это выглядит так: «Что ж Хрущев? — писал знаменитый режиссер Михаил Ромм. — Что-то было в нем очень человеческое и даже приятное. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным — опасным для всего человечества».

Философская сущность деяний Хрущёва может быть раскрыта процитированным Лионом Фейхтвангером в его знаменитом «Лже-Нероне» заветом иудейских учителей: «Да послужишь ты Господу и дурными твоими помыслами». Без тьмы не было бы понятия о свете. Для того чтобы свет осознал себя, он должен иметь перед собою свою противоположность — тьму.

Возможно, читателю покажется слишком крупным, применительно к Хрущёву, масштаб завета, слишком глубоким его смысл. Нет, в самый раз — в пересчёте на добро и зло, совершённые Никитой Хрущёвым в период его властвования над СССР.

Дополним эту мысль тем, что жизнь любого человека, сколь ни незначительна внешне она иногда бывает, навсегда остаётся в истории... иногда неслышным почти эхом, но всё же остаётся, как в жизни леса остаётся трепет каждой ветки на каждом дереве. Что уж говорить о таких кряжах, как советские вожди, как Хрущёв в их числе.

...В наш век, когда во главе больших и малых государств совсем немного, в сравнении с тем же XX веком, крупных, ярких, одарённых и оригинальных личностей (а бывают и преступные, и на удивление серые и при этом нервные), Хрущёв не может рассматриваться как преимущественно персонаж анекдотов и злых частушек. Он оставил в истории глубокий след. А трактовать забытые ныне анекдоты как единственный и объективный знак наличия в народной памяти — это как минимум несправедливо. По той хотя бы причине, что именно при Хрущёве за анекдоты перестали давать щедрые сроки. (Он, по свидетельствам из авторитетных источников, любил их читать, а составители подборок в органах имели инструкции выбирать позлее да позабористей.) Массовая, обывательская в основе, память бывает мстительной, это первое. Второе и более важное: смех помогает пережить горечь, смех — форма эмоциональной реабилитации личности.

Три жизни Хрущёва: во власти, после власти, в памяти народа... Две из них были, третья продолжается. Из всех правителей России в XX веке второй жизни, после власти, не случилось у Ленина, Сталина, Брежнева, Андропова и

Черненко. Жизнь уходила вместе с должностью. Продолжается вторая жизнь Горбачёва. Третья жизнь, в памяти народа, постепенно становящейся исторической памятью, есть как у названных, ушедших в лучший мир, правителей, так, естественно, и у Николая II, и у Бориса Ельцина. В случае с Горбачёвым вторая и третья жизни хронологически слились.

Что такое эта третья жизнь? Она, видимо, есть очень долгий, иногда нескончаемый, очень пристрастный людской суд над помыслами, делами и результатами работы правителей. Как управляется с ними суд небесный, если он есть, мы не знаем. Как творится земное разбирательство — видим.

Первая, во власти, жизнь Никиты Сергеевича Хрущёва была невероятно энергичной, бурной, изобилующей скорыми решениями и фейерверком инициатив. Помимо других, у этого стиля работы имелись особые основания. Надо учесть, что путь на олимп у Хрущёва был долгим и опасным. Вростать во власть и укрепляться в ней ему довелось при фактической диктатуре Сталина. Быть его соратником, последователем в добре и зле, исполнителем, шутком гороховым, в конце концов, легко ли? Многолетний пресс дисциплины и страха давил невыносимо. После смерти вождя власть не упала в руки Хрущёва автоматически, по праву преемственности. За власть надо было бороться с иезуитской изворотливостью, а проигрыш мог обернуться не только потерей постов. Тяготило душу и прежнее согласное, истовое участие в политике сталинских репрессий. Хрущёв понимал, что ответить за это придётся, возможно, не только перед историей, но и перед земным судом — партийным или народным. Возможно (так век приучил) потерять жизнь даже и без суда, каким-либо иным способом, какие отработаны были в те решительные времена до полного совершенства.

Потому-то после разоблачительного XX съезда, когда власть Хрущёва уже не подвергалась каким-либо серьёзным рискам (так ему представлялось, по крайней мере), полную волю получила его освобождённая кипучая энергия. Советское государство стояло прочно, поле для приложения сил было громадно, народ послушен, партия вроде бы едина. И Хрущёв развернулся.

Инициатива спешила за инициативой, реформа сменялась реформой. После режима крайнего напряжения всех сил, в котором страна пережила индустриализацию, войну, восстановление народного хозяйства можно было «ослабить вожжи», то есть отказаться от чрезвычайных административных методов хозяйствования. Всё это и сделал Хрущёв в основном в период хозяйственного подъёма, закончившийся в 1958 году. К этому времени Хрущёв был абсолютным, по сути, властителем; как всякий абсолютизм, его хрущёвский вариант отмечен снижением темпов роста развития, а по ряду позиций и откатом назад. Страна, щедро экспортировавшая зерно в Европу, стала его закупать — начав при Хрущёве, мы в течение тридцати лет не могли отказаться от импорта. И это при чернозёмах, при распаханых миллионах целинных гектаров, при ускоренном развитии агрохимии и даже при укрупнении колхозов как сугубо организационной мере (повлекшей в конце концов к деградации села, к безвозвратной потере сельского

уклада жизни с его трудовой нравственностью и духовными народными корнями).

Тем не менее вначале дело заладилось.

При всей кипучей энергии Хрущёва, притом, что он положил на экономику никак не меньше сил, чем на борьбу за власть, главным делом своей жизни он полагал на склоне лет всё-таки десталинизацию. Проводя её, он ведь и себя реабилитировал. Психологически это можно понять, ведь победа в борьбе за власть и против сталинистов после её обретения щедро сулила и другие победы. Но, конечно, не гарантировала бесконечной, в пределах жизни, перспективы правления. В воспоминаниях Хрущёв постоянно, настойчиво, с разных точек обзора возвращается к XX съезду. К своему второму докладу, сделанному на закрытом заседании.

Свидетельства и документы

«Съезд выслушал меня молча. Как говорится, слышен был полет мухи. Все оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей, которые были выдвинуты на разные участки работы! Это была трагедия для партии и для делегатов съезда. Вот как родился доклад на XX съезде КПСС о злоупотреблениях со стороны Сталина.

Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Не только не раскаиваюсь, как кое-кто может думать, но доволен, что правильно уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан. Ведь все могло произойти иначе. Мы все еще находились в шоке, а людей держали по-прежнему в тюрьмах и лагерях. Мы создали в 1953 г., грубо говоря, версию о роли Берии: что, дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершились при Сталине. Это тоже было результатом шока. Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин — отец народа, гений и прочее. Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг. Поэтому после процесса над Берией мы находились в плену этой версии, нами же созданной в интересах реабилитации Сталина: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потому бог насылал град, гром и другие бедствия. Народ страдал не потому, что бог того хотел, а потому, что плох был Николай-угодник, Илья- пророк, Берия и прочие. Мы старались обелить Сталина, отмывать, действовали вразрез с русской поговоркой, что черного кобеля не отмоешь добела. Нет сомнения, что это был черный кобель, а мы его все-таки хотели отмывать. Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова.

Берия продолжал эту же работу по уничтожению людей, если можно назвать это работой. О большой внутренней борьбе в связи с докладом на съезде я рассказал. Главными оппонентами были Молотов, Каганович, Ворошилов. Ворошилов с почестями похоронен, и городу Ворошиловграду возвращено его имя. Сколько людей погибло в результате деятельности этого человека, а сколько миллионов

загублено во время войны при соучастии и по вине наркома Ворошилова. Теперь он возвратил себе титул первого маршала. Бывает так. Это тоже я считают результатом того, что мы еще не освободились от трепета перед Сталиным, не набрались мужества называть вещи своими именами».

Читая эти строки более чем через шестьдесят лет после оглашения доклада, чувствуешь колоссальное внутреннее напряжение, владевшее Хрущёвым. Психологическое укрытие для него было всего лишь одно: мы не знали!

Такое было время, что не только делегаты съезда, но едва не вся партия оперлась на это «мы не знали».

Далее Хрущёв пишет: «Преступления вообще, а особенно преступления, совершенные Сталиным и его сподручными — Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым, нельзя прощать. Прощение — это как бы благословение: одних преступников прощаешь, а других, потенциальных преступников, благословляешь на новые преступления. Еще и сейчас иной раз встречаются люди, которые ставят вопрос: а может быть, не надо было рассказывать о Сталине?»

Это вовсе не соучастники Сталина в злодеяниях, а простые люди: они привыкли к тому, что молились на Сталина, и сейчас им трудно. Обычно такие вопросы задают старые люди. Они сжились с былым, им трудно отрешиться от прежних понятий и аргументации сталинских времен. Это тоже один из недостатков воспитания членов партии. Все методы воспитания в партии Сталин приспособлял к себе, к своей деятельности: подчинение без рассуждений, абсолютное доверие. (Заметим в скобках, что в этом смысле Хрущёв, набрав силу, стоял на той же «платформе» и, случалось, покрикивал: «Мы сажать не разучились». — Ю.Л.). Идти на смерть без сомнений, конечно, во время войны хорошо, но это потом всегда поворачивается обратной стороной, потому что человек, верящий тебе без рассуждений, когда узнает, что его доверие обмануто, становится твоим же врагом. Это очень опасно. Я всегда стоял, а сейчас тем более стою за правдивость, абсолютную правдивость перед партией, комсомолом и всем народом. Только в этом заключается неисчерпаемый источник силы партии, только так можно завоевать доверие народа. После долгой истерии охоты на врагов народа не сразу смогли психологически сбросить груз прежнего, до 1956 г., долго еще верили в версии, которые создавал Сталин, верили, что в собственной стране мы окружены врагами народа и надо с ними бороться, защищать революцию.

Мы по-прежнему находились на позиции обострения классовой борьбы, как это было теоретически обосновано и практически осуществлено Сталиным. А когда наконец-то пришли к решению создать проверочную комиссию, и она дала свои материалы, эти материалы сделали секретными. Потом, на XX съезде партии, по ее материалам был сделан мною доклад. Копию доклада разослали по партийным организациям и приняли меры, чтобы разосланные документы не могли где-то на местах остаться, их требовалось вернуть в ЦК КПСС. Мы дали их также для ознакомления братским компартиям. В том числе получила их ПОРП. В Польше как раз тогда умер ее руководитель Берут. После его смерти там вспыхнули волнения, и названный документ попал в руки тех поляков, которые стояли на позиции недружелюбия к Советскому Союзу. Они использовали

этот документ в своих целях и размножили его. Мне говорили даже, что поляки его продавали задешево.

Доклад Хрущева, сделанный на закрытом заседании XX съезда КПСС, ценился недорого. Его просто, образно говоря, покупали на базаре все, кто хотел, включая разведчиков со всего мира. Таким образом, польские товарищи помогли нам: этот документ был обнародован. Но официально мы его существование не подтверждали. Помню, как меня спросили тогда журналисты: что, мол, вы можете сказать по этому поводу? Я ответил им, что такого документа не знаю, и пусть на этот вопрос отвечает разведка США, господин Аллен Даллес».

Н. Хрущёв «Время. Люди. Власть»

Представленный обширный фрагмент воспоминаний, мягко говоря, противоречив. Выступить на съезде и отрицать факт такого выступления, разослать доклад и требовать вернуть его в ЦК КПСС, надеясь на что? Что люди ничего не узнают? («Честь» завладения текстом доклада оспаривали между собой Моссад и ЦРУ, но приоритет разведок ничем не подтверждён.) Направить доклад полякам, обидеться за неизбежное его разглашение и тут же их за это разглашение поблагодарить — что за этим стоит?

Стоит за этим ложь. Заключается она в том, что «...делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи». Поражены... Делегаты на съезд прибыли не с другой планеты, они в подавляющем большинстве своём были частью власти, в общем плане — частью репрессивного механизма, а при этом нередко и пострадавшими от репрессий. То есть побывали и «во врагах народа», и в «проверенных и испытанных коммунистах». Отвели и кнута, и пряника в достаточной, чтобы до смерти не забыть, мере.

Так что поразили делегатов не зверства режима, а то, что об этих зверствах было сказано с самой высокой трибуны самым главным коммунистом.

Преступления вообще, заявил Хрущёв, а особенно преступления, совершенные Сталиным и его сподручными — Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым, нельзя прощать.

Справедливо. А как насчёт преступлений Хрущёва? Кому это про соратников говорилось? В том числе про Кагановича, который буквально «сделал», выпестовал Никиту. (Л.М. Каганович вспоминал: «Я его выдвигал. Я считал его способным. Но он был троцкист. И я доложил Сталину, что он был троцкистом. Я говорил, когда выбирали его в МК. Сталин спрашивает: «А сейчас как?» Я говорю: «Он борется с троцкистами. Активно выступает. Искренно борется». Сталин тогда: «Вы выступите на конференции от имени ЦК, что ЦК ему доверяет».)

О репрессиях говорилось делегатам от Москвы, от Украины, где в разные периоды верховодил Хрущёв и где при нём коса репрессий если и ржавела, то только от крови. Москвичи и украинцы слишком многое знали и помнили. Скрыты от партии и народа были не репрессии и беззакония, а лишь принципы и тайная сторона внешней политики, пружины и механизмы

подлинных и мнимых заговоров, методы и цели организации показательных процессов.

О репрессиях партия знала практически всё. И вся страна знала всё. И миллионы преимущественно ложных доносов были написаны не «врагами народа», а самими советскими людьми — преимущественно из страха, в обстоятельствах политического психоза, нередко и по шкурному интересу, зачастую из мести. Из песни слова не выкинешь.

Не знали люди в партии и вне её лишь одно — что об этом можно будет говорить и что репрессии будут осуждены. В этом — заслуга Хрущёва.

Его воспоминания гласят: «Я уже говорил о Кедрове, Тухачевском, Егорове, Блюхере, о других. Можно составить целую книгу только из одних фамилий крупнейших военных, партийных, советских, комсомольских и хозяйственных руководителей, дипломатов, ученых. Все это были люди честные.

Они стали жертвами Сталина, жертвами произвола без всяких настоящих доказательств их вины, без всяких оснований. В вопросе об открытых процессах 30-х годов тоже сказалась двойственность нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца, хотя не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они были жертвами произвола. На открытых процессах присутствовали руководители братских компартий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров. Мы не захотели дискредитировать их заявления и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова, других товарищей на неопределенный срок. Думаю, что правильнее было договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь!»

Любопытно прочитав торопливые блокнотные записи, сделанные, практически без знаков препинания, на XX съезде Л.И. Брежневом: «Доклад не сбалансирован это неверное определение и неправильный подход доклад показывает к чему каким последствиям приводит культ личности — и поэтому взяты материалы, показывающие как складывался культ личности и его вред, а ведь все положительное о Сталине проповедовалось и рассказывалось...» (цитируется по книге Д. Волкогонова и Л. Млечина «От Ленина до Путина». — Ю.Л.).

Современный читатель многое может разглядеть и понять по этим коротким комканым строчкам. Видимо, не случайно после 1964 года началась при Брежневе фактическая реабилитация Сталина. Кто-то видит в этом элементы справедливости, другие усматривают проявившуюся позднее брежневскую склонность к администрированию — в противовес хрущёвской страсти к реформам. Можно предположить и иное, прямо выходящее из текста и, кстати, подтверждающее нашу мысль: о репрессиях и культе личности знали все; не все думали, что об этом можно и нужно говорить.

В партии в 1953 году числилось 6,9 млн человек, при Хрущёве она выросла до 11,750 млн. Самоопределив себя как «ум, честь и совесть нашей эпохи», КПСС стала фактически управленческой корпорацией номенклатуры. Покончив с жесткой диктатурой Сталина, Хрущёв породил внешне мягкую, но непреклонную диктатуру партийного аппарата. Причудливым образом всё это

осуществлялось параллельно с пробуждением в стране в рамках «оттепели» гражданского общества.

Он был в июне 1953 года инициатором и организатором смещения со всех постов и тут же последовавшего ареста Л.И. Берии, который был впоследствии расстрелян. Эти мероприятия проводились, как водится, «группой товарищей», у каждого из которых была потом своя судьба, так, например, маршал Жуков попал в опалу.

7 сентября 1953 года на пленуме ЦК Хрущёв был избран первым секретарём ЦК КПСС.

Долгие годы в тени Хрущёва остаётся забытый ныне председатель правительства (Совета Министров) СССР Григорий Максимилианович Маленков. «Если спросить в современной России, — пишет историк А.Л. Мясников, — кто встал во главе страны после смерти Сталина, то большинство уверенно ответят — Никита Хрущёв. Но это не так. Совсем не так. В действительности преемником Сталина на ленинской должности председателя правительства был Георгий Маленков. Личность единственного выходца из дворян на посту председателя правительства страны, кажется, растворилась в водовороте бурных событий послесталинского времени. А его долгая, полная политических и чиновничьих интриг жизнь завершилась тем, что он стал церковным чтецом» (цитируется по книге А.Л. Мясникова «XX век. 1953 — 1991 годы. От СССР до Российской Федерации». — Ю.Л.).

Пребывание в густой тени победителя для побеждённого не диво. И о Маленкове мы вспоминаем здесь для того, чтобы развеять убеждённость, что Хрущёв был инициатором и автором буквально всех начинаний, имевших хотя бы даже и не полный общественный, политический или хозяйственный эффект. Маленков, вселившийся в кабинет Сталина сразу после его смерти и тут же установивший, на радость руководящей корпорации, нормальный восьмичасовой рабочий день, был при Сталине верным его сподвижником (а кто из «верхних» им не был), но он, например, был, ранее Хрущёва, инициатором десталинизации. На закрытом заседании Президиума ЦК КПСС он уже в марте 1953 года сказал, что следует «прекратить политику культа личности и перейти к коллективному руководству страной».

В числе инициатив Маленкова можно отметить следующие: двойное снижение сельхозналога, списание недоимок прошлых лет, изменение принципа налогообложения жителей села. («Пришёл Маленков — поели блинков», — говорили тогда на селе.) Он же впервые выдвинул тезис о мирном сосуществовании двух общественно-политических систем, развивал всеми забытую лёгкую промышленность, боролся с привилегиями партийных и государственных чиновников, говоря о моральном разложении коммунистов, косности и бюрократизме аппарата.

Аппарат не простил ему отмену «конвертов» — денег, выдаваемых помимо зарплаты разного уровня партийному и советскому начальству. В денежном исчислении «весил» такой конверт в три раза больше официального оклада и не облагался никаким налогом. Хрущёв всё это заботливо вернул.

В 1955 году Г.М. Маленков, соратник, друг и сосед по даче самого Н.С. Хрущёва, был освобождён от должности председателя Совета Министров.

В 1957 году Маленков, Молотов, Каганович и «примкнувший к ним Шепилов» попытались сместить Н.С. Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС. На июльском (1957 года) пленуме ЦК КПСС Маленков был выведен из состава ЦК КПСС. Партия щедро доверила бывшему главе правительства директорство на теплоэлектростанции в Экибастузе.

Из партии он был исключён в ноябре 1961 года. И, в отличие от Молотова, не восстановлен.

Когда вспоминают Хрущёва, то много говорят о брежневском заговоре против него. На самом деле атмосфера интриг, сговоров, тайной и явной борьбы за власть и часто на поражение при Хрущёве, да и в течение всего советского времени, да и в последнее, несветское десятилетие XX века, не покидала коридоров власти.

Так, по сути, по всему миру. Разнятся формы борьбы, задействуются новые технологии, подключаются большие средства, но по-прежнему путь на олимп власти прокладывают не в белых перчатках. И идут к ней, не краснея от смущения. Власть есть борьба, и этим всё сказано. Я, разумеется, говорю об исключениях. Слишком, правда, частых.

Свидетельства и документы

«Н.С. Хрущёв, работая в 1936 — 1937 годах первым секретарём МК и МГК ВКП(б), а с 1938 года — первым секретарём ЦК КП(б)У, лично давал согласие на аресты значительного числа партийных и советских работников. В архиве КГБ хранятся документальные материалы, свидетельствующие о причастности Хрущёва к проведению массовых репрессий в Москве, Московской области и на Украине в предвоенные годы. Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии. Всего за 1936 — 1937 годы органами НКВД Москвы и Московской области было репрессировано 55 тысяч 741 человек».

Из «Записки Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 — 40-х — начала 50-х годов»

Доклад докладом, но вынос тела Сталина произошёл не сразу после съезда, а в 1961 году и по советской традиции «по просьбам трудящихся», и, конечно же, совершенно секретным образом. Поздним вечером 31 октября Красная площадь, под предлогом репетиции праздничной ноябрьской демонстрации, была оцеплена, место действия закрыли щитами. В присутствии комиссии солдаты опустили гроб в бетонную яму. Памятник над могилой появился гораздо позднее...

Ни в этот день, ни тем более 25 февраля 1956 года, когда прозвучал доклад Хрущёва, никто в мире, а не только в нашей стране, и вообразить не мог, что через тридцать лет после расставания Сталина с мавзолеем произойдёт в по-

зорных обстоятельствах гораздо более важное и трагически-символичное событие — снятие Государственного флага СССР. Никакой официальной церемонии не было предусмотрено. Снимали флаг рабочие технической службы Валерий Кузьмин и Владимир Архипкин. Через пять минут они же подняли перевернутый российский триколор.

На требование начальства исправить ошибку уже подвыпившие Кузьмин и Архипкин, по свидетельству журналиста Бориса Грищенко, «ответили со всей пролетарской прямоотой: «Тебя это колышет, ты и полезай на крышу, под дождь!»

...Сталина секретно перезахоранивали, Хрущёва секретно хоронили, о Ленине спорят, выносить ли его из мавзолея и хоронить или оставить на месте. Горько и стыдно всё это.

При Хрущёве были снесены и разрушены все памятники Сталину (памятник в грузинском Гори был демонтирован в 2010 году), переименованы носившие имя Сталина города, реабилитированы жертвы сталинских репрессий. Более 150 человек погибли в ходе разгона митингов 9 марта 1956 года на проспекте Руставели в Тбилиси.

Хрущёв инициировал освоение целинных земель, при нём было подавлено восстание в Венгрии (при активном участии тогдашнего посла СССР Ю.В. Андропова), были полностью или частично реабилитированы репрессированный народы (кроме крымских татар, немцев и корейцев), восстановлены Кабардино-Балкарская, Калмыцкая. Мечено-Ингушская АССР.

Самый краткий перечень этапов хрущёвского периода правления включает в себя такие замечательные события, как Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, космический триумф СССР, начатый запуском первого в мире искусственного спутника Земли и полётом первого космонавта планеты Юрия Гагарина, а затем последующей чередой всё новых побед и стартов, мощным развитием атомной и гидроэнергетики, животворной «оттепелью» в общественной и культурной жизни.

Светлым делом Хрущёва вошли в историю страны миллионы квадратных метров построенного при Хрущёве отдельного жилья. Новенькие блочные дома, кварталы, улицы, даже новые города — всё это, объединённое романтическим символом «Черёмушки», было огромным шагом в разрешении острейшего жилищного кризиса. Никогда ранее не было такого массового переселения из томящей душу и тело коммунальной тесноты в пусть скромное (тогда так не казалось), но своё, отдельное (!) жильё. Ныне презрительно называемые «хрущёбами», эти дома переменяли жизнь людей. Отслужив своё, они окончательно уйдут в историю, но, конечно, не будут забыты. Заметим, что Хрущев позаимствовал, мягко говоря, идею пятиэтажек у Маленкова

Архитекторам, чей творческий потенциал жёстко ограничивала развёрнутая Хрущёвым «борьба с излишествами в архитектуре», идея и практика панельного домостроения откровенно не нравилась. Противостояние было скрытым, но жёстким, оно привело к тому, что учреждённая Сталиным Ака-

демия архитектуры СССР (1934 год) была в 1955 году переформатирована в Академию строительства и архитектуры.

Мне довелось в период руководства Москвой начинать большую работу по сносу самых обветшавших домов первых серий. Люди и радовались, и грустили при расставании с родными стенами, особенно старики. Реакция москвичей была очень хорошая: они получали достойное современное жильё, а в целом город обновлялся на радость людям. Когда мы проводили реконструкцию МКАДа в начале и середине 90-х и в начале десятых годов, вспоминалась история дороги: строить её начинали при Хрущёве, в 1956 году, а круговое движение было запущено в 1962-м. Хрущёв не был автором идеи МКАДа, но приложил должные усилия для её реализации. Ему же принадлежит инициатива наладить троллейбусное сообщение между Симферополем и Ялтой, о чём, скорее всего, и не догадывались миллионы отдыхающих в Крыму.

Ещё менее известно, что именно Хрущёв (по свидетельству С. Хрущёва) предложил военным и конструкторам шахтную схему размещения стратегических ядерных ракет, причём пришлось преодолевать сопротивление и скепсис специалистов. Если это действительно так, то, возможно, в лице Хрущёва страна потеряла крупного конструктора.

До определённой поры, пишет Млечин, народу нравилась живая, раскованная манера Хрущёва говорить и общаться, его энергия, его популизм, его простота, лишь отчасти, конечно, органичная. Разным он был, и о какой-то совсем уж бесшабашной простоте говорить, разумеется, не приходится. На первых порах, очевидно, даже зарождающееся у людей раздражение легко компенсировалось осознанием прихода не нового руководителя, а, бери больше, нового времени.

Очевидна параллель Хрущёва и Горбачёва: первый пришёл на место умершего (при слишком подозрительном бездействии соратников, когда Сталину не оказывали никакой медицинской помощи) вождя; второй сменил ещё нужного ближайшему окружению и собственной семье ветхого властителя. Оба сменщика, такое осталось впечатление, говорили весь срок своего правления — непрерывно, путано, противоречиво. Но это вопросы политической стилистики, по сути же, в соответствии с диалектикой, они несли народу и благо, и вред. Освобождая от старых ошибок и тягот, совершили новые ошибки (а Горбачёв и преступления цивилизационного порядка) и навесили на народную спину новые тяготы.

В огромной степени благодаря Хрущёву увеличился интерес к миру за пределами СССР. Этот интерес обеспечен не только оптимизмом и пафосом Всемирного фестиваля молодёжи и студентов 1957 года, но и такими грозными событиями, как возведение Берлинской стены, Карибский кризис (наши ракеты на Кубе, как было не интересоваться).

Хрущёв буквально вырвался и ворвался в мир, и каждая из его многочисленных поездок детально, пафосно и под соответствующим углом зрения освещалась в наших СМИ, естественно, в лестном для Никиты Сергеевича ключе.

Принципиально важными были визиты в США.

В сентябре 1959 года президент Д. Эйзенхауэр пригласил Хрущёва посетить США. Этому предшествовали испытания советской межконтинентальной баллистической ракеты и запуски первых советских космических спутников. Военное преобладание США было резко ослаблено, гонка вооружений, изматывающая экономику, была Хрущёву не нужна, а потому появилась возможность призывать Запад, а точнее, требовать от него окончания холодной войны. Эти требования прозвучали из уст советского лидера в ноябре 1958 года. В качестве шага доброй воли Хрущёв согласился отодвинуть решение берлинского вопроса. Эйзенхауэр ответил согласием на созыв по этой повестке конференции на высшем уровне в мае 1960 года.

Произошло, пишет Млечин, непоправимое: встреча не могла состояться по той причине, что 1 мая в те минуты, когда в Москве шла праздничная демонстрация, Хрущёв прямо на трибуне мавзолея получил сообщение, что в районе Свердловска был сбит американский самолёт-разведчик.

(Обломки самолёта и поныне демонстрируются в Центральном музее Вооруженных Сил России в Москве. И вызывают неподдельный интерес посетителей.)

Отказ от встречи был крупной дипломатической ошибкой Хрущёва. Сбитый самолёт — это был сильнейший аргумент, непобиваемый козырь в, увы, несостоявшейся переговорной игре.

С другой стороны, политику и конкретные действия Хрущёва сочли слишком мягкой китайские товарищи. Вдобавок к разочарованию в КПСС коммунистических и левых сил в Европе развязалась многолетняя и чрезвычайно жесткая советско-китайская идеологическая дискуссия, обернувшаяся впоследствии многими осложнениями вплоть до вооруженного столкновения на острове Даманский.

Второй визит в США пришёлся на сентябрь 1960 года и проходил в рамках участия в Генеральной ассамблее ООН. С её трибуны Хрущёв призвал мир к всеобщему разоружению и скорейшему демонтажу колониальной системы.

Берлинская тема по-прежнему оставалась камнем преткновения в отношениях СССР и США. Холодная война обрела новое дыхание. В сентябре Советский Союз провёл серию взрывов, прервав трёхлетний мораторий на испытания ядерного оружия.

В сентябре 1961 года была возведена простоявшая до 9 ноября 1989 года знаменитая Берлинская стена (Antifaschistischer Schutzwall — «Антифашистский оборонительный вал») протяжённостью 155 км.

Впереди был жесточайший Карибский кризис (американцы называют его Ракетным). Ответной реакцией на размещение в Турции направленных на СССР ракет средней дальности «Юпитер», способных поразить западные районы СССР, стало размещение на Кубе, под боком у США, советских ракет, оснащённых ядерными боезарядами. Это был воистину кризис века, ибо он поставил мир на грань атомного уничтожения.

Потребовалось сложение сил явной и тайной дипломатии, взаимные угрозы и взаимные встречные шаги, усиление разведдеятельности и, как решающий фактор, понимание президентом США Робертом Кеннеди и советским лидером Никитой Хрущёвым бессмысленности военного противостояния и угрозы взаимного смертельного исхода для двух великих государств и стран- союзников сверхдержав.

Итоги Хрущёв подвёл 23 ноября 1962 года на пленуме ЦК партии: «Мы, товарищи, поставили ракеты, ракеты средней дальности на Кубе. Почему мы их поставили, что нас заставило поставить? Мы рассуждали так, что Кубу американцы терпеть не могут, они это прямо говорят, что могут сожрать Кубу. Я вот с военными говорил, с маршалом Малиновским. Я спросил: если бы мы были на месте Америки, взяли для себя курс сломить такое государство, как Куба, сколько бы нам надо было, зная наши средства? — Максимум три дня, и руки помыли бы.

Товарищи, с этим надо считаться, потому что именно Америка эти возможности тоже имеет. Поэтому мы считали, что Кубу можно спасти, только на Кубе поставив ракеты. Тогда тронешь, так ежик клубком свернется, и не сядешь. *(Смех.)* Видимо, пробовали когда-то. *(Смех.)* Вот эти ракеты вроде иголок ежика, они обжигают. Когда мы принимали решение, мы долго обсуждали и не сразу приняли решение, раза два откладывали, а потом приняли решение. Мы знали, что, если поставим, а они обязательно узнают, это шок у них вызовет. Шутка ли сказать, у крокодила под брюхом ножик! [...]

В результате переписки мы вырвали у президента США заявление о том, что он тоже не думает вторгаться. Тогда мы сочли возможным сделать заявление, что мы тогда тоже считаем возможным удаление наших ракет и Ил-28.

Было это уступкой? Было. Мы уступили.

Была уступка со стороны Америки? Было дано публичное слово не вторгаться? Было. Так кто же уступил и кто не уступил?

Мы никогда не говорили, что мы будем вторгаться в другую страну. Америка говорила, что она не потерпит на Кубе революционного кастровского режима, и потом она отказалась. Значит, ясно, что другая сторона взяла на себя обязательство то, которое оно не признавала до постановки наших ракет на Кубе.

Дополнительным результатом стало мощное антивоенное движение в Европе.

В стране, однако, дела шли всё хуже и хуже. Выступая на пленуме, Никита Хрущёв не мог, разумеется, даже предположить, что менее чем через два года он будет освобождён от должности. И чем громче славословили «нашего Никиту Сергеевича», как тогда писали в газетах, тем большее раздражение и отторжение он вызывал своими метаниями, грубой и часто оскорбительной и несправедливой критикой, а главное — фактическим провалом множества хозяйственных и управленческих реформ. Животноводческие рекорды оказались преступным блефом, лозунг «Догнать и перегнать Америку» вызывал из-

девательский смех, многочисленные и уже мало чем реально насыщенные зарубежные поездки создали Хрущёву репутацию «туриста-международника».

Всё разрешилось в октябре 1964 года. Николай Месяцев, бывший заместитель заведующего отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями, считал, что «никаким заговором пленум (октябрьский, 1964 года. — Ю.Л.) не был, соблюдены все уставные формы. На пост первого секретаря Хрущёва избрал пленум. Пленум и освободил его. В своё время пленум рекомендовал Верховному Совету СССР назначить Хрущёва на пост Председателя Совмина. И в октябре 64-го пленум внёс рекомендацию в Верховный Совет о смещении его с этого поста. Уже перед пленумом, на заседании Президиума, Хрущёв сам признал: ему невозможно оставаться далее у руля государства и партии.

Так что члены ЦК поступили не только правомерно, но и впервые в советской истории партии смело, в соответствии с убеждениями, пошли на смещение лидера, допустившего множество ошибок и как политического руководителя, переставшего соответствовать своему назначению».

На самом деле был именно заговор. В более мягком определении — сговор партийных верхов, глубоко убеждённых, что партия и народ воспримут отставку Хрущёва как давно назревшее и необходимое дело. А часть партии и как спасение страны от деградации, как избавление от того рулевого, который рулит в пропасть. Пленум и организовывался втайне, когда Хрущёв отдыхал в Пицунде. Его фактически вызвали в Москву, чего при нормальном течении дел невозможно вообразить.

Решение принималось 13 октября 1964 года на заседании Президиума ЦК партии. В первый день выступили (протокола решили не вести) все члены Президиума. Позиции их были тщательно согласованы, претензии к Хрущёву выверены, обстановка была ледяной. Каждый выступивший предлагал освободить Н.С. Хрущёва от высшего партийного поста и от должности главы правительства. Продолжилась и набирающая обороты критика: каждый следующий оратор говорил о недопустимом отступлении от принципа коллективного руководства, непартийных методах, непродуманных разорительных реформах, глубоком развале экономики и системы управления. Досталось и за грубость к товарищам. Выслушав все предложения, по всегдашней своей привычке ходить под дождём между струек, А.И. Микоян предложил всё-таки оставить правительство за Никитой Сергеевичем. Предложение не прошло.

Но и решение в этот день не было принято, хотя к утру следующего дня Хрущёв был уже организационно парализован. Ночью заменили его охрану, был получен приказ не исполнять его команды и распоряжения. В аппарате ЦК было заранее составлено заявление, Хрущёв его подписал. *«В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.»*

Обещаю Центральному Комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма.

Хрущев».

Хрущёв за свою отставку не голосовал, прочие были единодушны.

Он был, видимо, последним коммунистическим идеалистом во главе партии, так и не сумевшим понять, что коммунистическая система не может быть укреплена лихорадочными реформами. Его опыт говорил очевидное и другое: эта система показала удивительную эффективность, позволив отсталой стране в считанные десятилетия, на который, кроме прочего, выпала страшная война со всей фактически Европой, загнанной под гитлеровский сапог, — эта система, видел Хрущёв, превратила СССР в сверхдержаву. С другой стороны, перспективу застило невероятное честолюбие, колоссальная самоуверенность, крайне низкий культурный уровень, привычка к беспрекословному повиновению, густой фимиам, который ему курили едва не до последнего дня у штурвала власти.

Приняв сталинское наследие, Хрущёв освоить его не мог, да во многом и не хотел. Консервативная часть партии ему этого не простила. Новое поколение поставило ему в вину возвращение к самым недемократическим методам работы — с молодыми, получается, тоже не удалось договориться.

Доклад Хрущёва, считали многие его современники (да и сегодня эта оценка имеет место быть у части старшего поколения), на XX съезде партии стал началом полной деградации коммунистического движения; разоблачая и обвиняя Сталина, Хрущёв ослабил воздействие коммунистической идеи «во всемирном масштабе».

Огромное раздражение у советских людей вызывала обширная практика масштабной помощи братским партиям и многим иностранным государствам, начиная со стран социалистического лагеря и заканчивая теми африканскими странами, которые, освободившись от колониализма, ехали за подмогой в щедрый Советский Союз. Хрущёв в воспоминаниях говорил об этом: «Много разных вопросов возникает в отношениях между социалистическими странами. Если их не ставить и не решать, то даже рассориться можно. Нам бывает обидно оттого, что другие социалистические страны смотрят на Советский Союз как на огромную дойную корову. А ведь мы живем хуже большинства тех стран, которым помогаем. Жизненный уровень определяется потреблением на душу населения. Возьмем, к примеру, потребление мяса. В 1964 г. в ЕДР приходилось в год на человека до 75 кг, у чехов — до 65, у поляков под 50, следующими шли венгры, потом лишь Советский Союз, а ниже нас по мясу болгары и румыны — по 26 килограммов. Я как-то сказал Ульбрихту: Вальтер, я не требую уравниловки, но поймите наше положение. Мы победители, мы разбили гитлеровскую Германию и мы даем ГДР зерно и валютные товары, чтобы вы могли продать их за границей, купить себе мясо и обеспечить годовое его потребление в 75 кг на душу населения. А как вы заботитесь о нас?»

По прошествии десятилетий все эти наши благотворительные действия были партнёрами не только прочно забыты, но и весь период существования социалистического лагеря буквально проклят на политическом и государственном уровнях. Бывшие «братья» с лёгкостью забыли не только плохое, но и хорошее. Справедливости ради СССР развалили всё-таки не государства — члены СЭВ, а мы сами при несомненной «помощи» наших мировых оппонентов.

Сталиноборство покончило со сталинизмом, но не вычеркнуло Сталина из истории. Мудро заметил по этому поводу Черчилль: «Хрущёв — единственный политик в истории человечества, который объявил войну мертвецу. Но мало того — он умудрился её проиграть».

Выиграть у того, кто умнее, крупнее, ярче, серый политик не может по определению. Это я — о живых.

Как жил народ в хрущёвские времена? Дадим сначала оценку С.Н. Хрущёва. «Достигнув в результате первой волны реформ 1953 — 1958 годов частичной децентрализации экономики, дробления её на совнархозы, некоего пика в развитии, страна в 1958 году начала пробуксовывать. Три года (1959 — 1961) отец занимался поиском выхода, а с 1962 года он задумал новую, более радикальную реформу. Зиждилась она на трёх китах: освобождение производителей, предприятий промышленности и сельского хозяйства от мелочной опеки сверху; сведении их взаимоотношений с государством к отчислению ему части прибыли, другими словами — уплате налога; в области государственного переустройства — к демократизации общества, перетеканию властных полномочий от партии к советам всех уровней. Осуществить замысел отцу не хватило времени (...) Цифры как советской, так и антисоветской статистики свидетельствуют: в XX веке лучше, чем в «хрущёвское десятилетие», россияне (население СССР. — Ю.М.) не жили ни до, ни после. Не могу утверждать, что все жили тогда хорошо, но лучше им пожить не пришлось».

Так пишет сын Хрущёва, обидевшийся на то, что Леонид Млечин назвал его «родоначальником истории самооправданий». Экономические показатели были действительно максимальными, большего в режиме ручного управления в рамках административной системы достичь было невозможно. Дальше Хрущёв, оставаясь он на посту, продвинуться бы не смог. Более того, на глазах терялось накопленное.

На практическом уровне, «на земле», хрущёвское десятилетие изобиловало если не народными бедствиями, то уж точно нелёгкими испытаниями для всего народа. Они охватывали множество направлений: от невероятно обострившейся борьбы с религией (силовое давление на верующих, закрытие приходов, разрушение культовых зданий, процессы над священнослужителями) до уничтожения приусадебных участков и запрете разводить домашний скот. Начались небывалые приписки и дутые «рекорды». Опустели полки магазинов, распространилась, вплоть до высоких широт, бесславная кукурузная кампания (в 1962 году кукурузой засеяли 37 млн гектаров, но вызрела она лишь на 7 млн), расшаталась система управления. Особняком стоит вызван-

ный ракетной эйфорией Хрущёва разгром флота и авиации, ликвидировавший огромный военный потенциал.

При Хрущёве, надо отдать ему должное, в 4 — 5 раз вырос объём производства промышленности стройматериалов, машиностроения, металлообработки, химии, нефтехимии, электроэнергетики. Ленинское определение советской власти «Советская власть есть диктатура пролетариата плюс электрификация всей страны» было Хрущёвым расширено: «плюс химизация». Вдвое выросла добыча нефти и четверо газа.

Была повышена минимальная зарплата, увеличились выплаты из общественных фондов потребления — для малообеспеченных граждан это было благо, но упал престиж квалифицированного труда.

Появились, на первом этапе, продукты, ушли в прошлое голодовки, но с начала шестидесятых измученное реформами село накормить страну досыта уже не могло. Скупили у колхозников весь личный скот и получили в результате, из-за нехватки кормов, масштабный падёж. Начали экономить корма — путём безумного забоя лошадей; с того времени конь в селе — редкость. Да и село в его прежнем, традиционном смысле фактически сошло на нет.

В 1957 году прогремел призыв «Догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения» (мяса в США производилось 102 кг. На человека в СССР — 32 кг). Результатом стало снижение поголовья скота: ради гонки рекордов резали основное стадо.

Невообразимой авантюрой была начавшаяся с 1959 года борьба за повышение производительности труда на селе. Делалось это через лишение колхозников приусадебных участков и увеличение налогов, что стало причиной миграции молодёжи в города.

В 1963 году пришлось купить в Канаде и Австралии 12 млн тонн пшеницы, заплатив за неё полновесный миллиард долларов. Годом ранее розничные цены были повышены на 30 %, а зарплату заморозили.

Отставка была неизбежна, потому что у Хрущёва не осталось соратников среди управленцев, его отторгала партия, не воспринимала бездарно сокращённая армия, едва ли не проклинали село и город, каждый по своим, но из одного корня выросшим причинам.

Антихрущёвский сговор верхов стал, таким образом, реализацией необходимого действия.

В массовом сознании Хрущёв превратился в многоречивого болтуна, загорающегося несбыточными фантазиями. Нетерпимость к иным мнениям даже в узкопрофессиональных вопросах, где точка зрения специалиста должна цениться выше, чем позиция льстивого угодника (а таких Хрущёв расплодил великое множество), губила многие здравые начинания. Хрущёв привык к лести, к эффектному внешне словцу, к трескучим заявлениям. Смехотворное намерение построить основы коммунизма в соответствии с программой партии к 1980 году продолжилось инициативой принятия новой Конституции. Глухо, исподволь, но распространялась правда о расстреле мирной рабочей демонстрации в Новочеркасске (было убито 26 человек, 87 получили ранения).

семь человек были расстреляны, многие участники демонстрации получили длительные сроки лишения свободы).

К концу бурного десятилетия кроме родственников и ближайшего круга соратников (они-то и свергли Хрущёва) мало кто всерьёз к нему относился. Волной пошли частушки, довольно порой злобные.

Особая позиция была, можно это предположить с большой долей вероятности, у тех незаконно репрессированных людей, которые прочно связывали своё освобождение с именем Хрущёва. Но и они вряд ли переоценивали его способность руководить государством. Парадоксальную эволюцию претерпели отношения Хрущёва с творческой интеллигенцией. Приняв и поддержав его с жаром и энтузиазмом, столь свойственным, не в обиду будь сказано, мастерам искусств по отношению к действующей власти, интеллигенция быстро «прозрела» и увидела чудовищное невежество Никиты Сергеевича, его пристрастие к оскорбительным определениям и желание «закрутить гайку», что и было сделано. «Оттепель» закончилась, впереди замаячили заморозки. Тем не менее интеллигенция Хрущёва не ненавидела. Испытывала чувство благодарности за десталинизацию. Довольно объективно оценивала как личность. Иногда морщилась брезгливо. В редких случаях презирала. Иногда, еще реже, боялась. Творческая сфера, несмотря на окрики Хрущёва, всё-таки получила при нём возможность развития.

Характерно, что творческий народ не отшатнулся от Хрущёва и после его отставки. В Петрово-Дальнее приезжали Роман Кармен, Владимир Высоцкий, Эмиль Гилельс, Евгений Евтушенко, Михаил Шатров, учёные и инженеры — друзья Сергея Хрущёва.

Чем при Хрущёве жили люди в духовном смысле... Радостью освобождения от давящего страха сталинской эпохи, чувством гордости за очевидные, хотя и трудно доставшиеся успехи в космической сфере, в ядерной энергетике, во множестве других сфер и отраслей, включая военную. Гонка вооружений напрягала экономику, но появилась и уверенность, что никакой агрессор нам не страшен. Такого рода ощущения были ещё и некоей компенсацией страданий и жертв, понесённых в битве с фашизмом. Нацию спланивала в том числе и холодная война, как спланивают её судьбоносные трудности.

«...хочу сказать, что очень успешно идут у нас испытания и нового ядерного оружия. Скоро мы завершим эти испытания. Очевидно, в конце октября. В заключение, вероятно, взорвем водородную бомбу в 50 миллионов тонн тротила. Мы говорили, что имеем бомбу в 100 миллионов тонн тротила. И это верно. Но взрывать такую бомбу мы не будем потому, что если взорвем ее даже в самых отдаленных местах, то и тогда можем окна у себя повыбить», — говорил Хрущёв на заседании XXII съезда партии в октябре 1961 года.

Речь прерывалась и заканчивалась бурными, можно сказать, радостными аплодисментами делегатов и гостей съезда. С не менее сильными чувствами встречали советские люди сообщения ТАСС о новых космических полётах, о спуске на воду первого в мире атомного ледокола «Ленин». Его заложили на верфи в Ленинграде в августе 1956 года, а полностью готовый

к эксплуатации сдали Министерству морского флота 3 декабря 1959 года. Интерес к атомному первенцу был столь велик, что еще во время строительства на его борту побывали вице-президент США Ричард Никсон, премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, десятки зарубежных делегаций.

Советский Союз дальновидно приглядывался к Арктике.

Хрущёв понимал огромное значение космической программы, всячески её поддерживал, по-доброму, и это мягко сказано, относился к космонавтам. 11 апреля 1961 года он диктовал «Завтра, как говорится, если все будет благополучно, то в 09 часов 07 минут будет запущен космический корабль с человеком. Полет его вокруг Земли займет полтора часа, и он должен приземлиться. Мы хотели бы, чтобы все было благополучно. Послезавтра его доставят в Москву. Намечался полет на тринадцатое число, но поддались суеверию. Встретим на Внуковском аэродроме со всей парадностью... Это эпохальное событие (...) Эти достижения являются не только достижением нашего народа, но и всего человечества».

Тем не менее в народе нарастало разочарование Хрущёвым, а к 1964 году оно было уже глубоким, повсеместным и всеобъемлющим. Социальный пафос сменился трезвым взглядом на собственно повседневную жизнь с её очередями, нехватками всего и вся, с чуть не ежедневными выступлениями «нашего Никиты Сергеевича», с официальной безудержной лестью в его адрес с больших и малых трибун. Всё это, к глубокому сожалению, нельзя было «намазать на хлеб». После известия о его освобождении от должности страна вздохнула с облегчением. Появились надежды на лучшую жизнь. По советской традиции сняли портреты, имя Хрущёва убрали откуда только могли убрать.

Алексей Аджубей пишет, что «когда Никита Сергеевич после болезни по-лучил аудиенцию, на него уже кричали. И как ни странно, даже Косыгин. Он заявил примерно следующее: «Если бы вы появились сейчас на улице, вас бы растерзали». Хрущев с горечью вспоминал эту фразу».

Описанное происходило в конце ноября 1964 года.

Короткий список пенсионных благ для отставного властителя набросал лично Генеральный секретарь (Хрущёв был «всего-навсего» первым) ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Пенсия в 400 рублей, кремлёвская больница, спец-паёк, деревянный дом в Петрово-Дальнем, окружённый обширным участком, квартира в Староконюшенном переулке (Хрущёв ни разу не ночевал в ней). Машина с частным номером. Охрана.

Забвение.

В течение властного периода своей жизни Хрущёву довелось множество раз подписывать или визировать документы, подпись под которыми он с великой радостью вычеркнул бы из архивных страниц, из памяти людей и в конечном счёте из истории. Это, однако, невозможно было сделать, хотя, по имеющим хождение свидетельствам, множество документов периода репрессий было, по воле Хрущёва, изъято из архивов и уничтожено. Множество, но не все.

Хрущёву довелось подписать не им составленное заявление об отставке; находясь на пенсии, ему пришлось подписать ещё один важный и тоже не им составленный документ.

«Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н.С. Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать.

Н. Хрущев. 10/XI-1970 г.».

Подпись была поставлена после целой череды событий, вызванных тем, что опальный пенсионер надиктовал на магнитофон свои обширные, фактурно насыщенные, наполненные откровениями воспоминания. Безвылазно проживая в Петрово-Дальнем, пережив громадное моральное потрясение, непрестанно раздумывая о близких ещё перипетиях отставки и обо всём оставшемся за спиной пути, перепробовав себя в обычных дачных занятиях, Хрущёв заговорил перед включенным микрофоном. Работа была конфиденциальной, лучше сказать, секретной, знали о ней только несколько человек родственников, да, конечно, те, «кому положено».

В результате вопрос обсуждался на заседании Политбюро, поручившем Капитонову и Андропову встретиться с Хрущёвым и переговорить с ним. По итогам беседы Андропов 25 марта 1970 года направил в ЦК специальную записку, в которой информировал, что в «воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительную партийную и государственную тайну... даже частичная утечка упомянутых сведений может причинить нашей стране серьезный ущерб... Для печатания и обработки магнитофонных пленок использует своего сына Сергея Хрущева. Место обработки пленок нам неизвестно и, судя по всему, тщательно скрывается Н.С. Хрущевым и его сыном... Настораживают встречи Сергея Хрущева с иностранцами».

Далее высказывается предложение установить за Хрущевым и его сыном оперативный негласный контроль, чтобы получить более точные данные и предупредить нежелательные последствия.

«Хрущев, — пишет его сын, — тяжело пережил беседу. Через некоторое время она привела к инфаркту. Но Политбюро не успокоилось. По указанию Суслова 10 ноября 1970 года Хрущев был вызван на заседание Комитета партийного контроля.

Стенографическая запись беседы с Хрущевым в комитете обширна и подробна. Из-за объема я не имею возможности привести ее всю. Председатель комитета А.Я. Пельше сразу же в лоб предъявил пенсионеру обвинение: в Америке в ближайшее время выйдет книга «Хрущев вспоминает». Как это произошло? Понимает ли Хрущев, что он несет всю полноту ответственности за это?

Бывший первый секретарь был растерян. Он действительно не знал, как его записи попали на Запад. Он не мог думать на Сергея, но, возможно, так именно и было. Впрочем, был и литературный обработчик, машинистка... Хрущев заявил:

— Никогда никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю это правом каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что диктовал. Не все можно опубликовать в данное время.

Хрущева долго «допекали», грозили, запугивали последствиями, говорили об ущербе для СССР, который нанес мемуарист. Наконец Никита Сергеевич взорвался:

— Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, говорю, что я недоволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему».

На семьдесят первом году жизни, перед отставкой, Хрущёв работал по 14 — 15 часов в день — это была многолетняя привычка, выработанная необходимостью. Глубоко переживая происшедшее, он на пенсии погрузился вначале в меланхолию, часами молча сидел в кресле, иногда плакал. Но, по свидетельству очевидцев, прежде всего семьи, он, постепенно втягиваясь в информационный поток и узнавая о происходящих «контрреформах» из газет и журналов, никогда ничего не комментировал, не обсуждал тех, кого сам привёл во власть и кто лишил его власти.

Его мало кто посещал, со временем перестал ему звонить Микоян — единственный из властного ареопага, с кем у Хрущёва сохранялся человеческий контакт. Приставленная охрана, непрерывно приглядывающая за Хрущёвым, часто была его аудиторией. Слишком, конечно, узкой и довольно-таки специфической.

Со временем круг общения расширялся. К нему стали приезжать писатели, Эрнст Неизвестный подарил ему роман Достоевского «Преступление и наказание» со своими иллюстрациями — тот самый Эрнст, которого Хрущёв грубо обхамил на художественной выставке и который станет после ухода Хрущёва из жизни автором гениального по мысли и форме памятника своему гонителю.

Мир Хрущёва не забывал: с юбилейным 75-летием его поздравили личными посланиями Франсуа де Голль, несколько других зарубежных лидеров. Отношения с советскими вождями были невыносимо тяжелы и унижительны. После показа во Франции фильма о его дачной жизни Хрущёву пришлось выдержать встречу с членом Политбюро Кириленко, которого он когда-то и выдвинул. Кириенко позволили себе грубость и упрёк в должностительстве Хрущёва. Ответ был сокрушительным: «Вы можете отобрать у меня дачу и пенсию. Я могу пойти по стране с протянутой рукой. И ведь мне-то подадут. А вот тебе не подадут, если ты пойдешь когда-либо тоже с протянутой рукой».

К мемуарам Хрущёв не прийти не мог, не тот человек, чтобы держать в себе свои мысли, таить всё, что знал. Личность требовала соразмерного занятия,

нового погружения в совсем недавнее прошлое — надо было в нём разобраться, провести ревизию сделанного. Работа была организована просто: магнитофонная запись распечатывалась на бумаге, уточнялась и редактировалась, распечатывалась вчистую.

Скандал разразился после выхода в США первого тома, рукопись которого ни Хрущёв, ни сын туда не передавали, издатель же утверждал, что у него оказалась всего лишь магнитофонная запись. Позднее появился и второй том. Он, как и первый, нелегко дался Хрущёву. Думается, давление верхов на бывшего властителя было для него разрушительным. После первого сердечного приступа и госпитализации, последовавших вслед за очередной беседой в ЦК, на этот раз с председателем Комитета партийного контроля Пельше, Хрущёв к работе над воспоминаниями уже не возвращался.

13 сентября, в день похорон, в «Правде» появилось краткое сообщение: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием извещают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой, продолжительной болезни на 78-м году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев».

Присутствовавший на похоронах корреспондент «Вашингтон пост» Роберт Кайзер писал: «КГБ постарался, чтобы простых граждан не подпускали к Новодевичьему в тот сырой и серый осенний день. Были только переодетые агенты, иностранные журналисты, родственники и несколько близких друзей. Из новых правителей не пришел никто, но ЦК и Совет Министров сообща прислали большой венок. Прислал венок и Анастас Микоян, тихо живущий в почетной отставке. Преемники Хрущева явно хотели, чтобы проводы его из этого мира прошли как можно незаметнее.

Однако некоторый драматизм в событие удалось внести 36-летнему сыну Хрущева Сергею, работающему инженером. Вскоре после того, как открытый гроб установили на платформе возле могилы, Сергей поднялся на кучу вырытой земли и обратился к толпе с речью. Мы все стояли неподалеку в узких проходах между соседними могилами.

— Мы просто хотим сказать несколько слов о человеке, которого хороним сейчас и которого оплакиваем, — начал он.

Потом замолк на минуту, собираясь с силами. Губы его дрогнули. «Небо плачет вместе с нами», — сказал он (закапал мелкий дождь).

— Я не буду говорить о великом государственном деятеле. В последние дни газеты всего мира уже высказались об этом. Я не буду оценивать вклад, который внес Никита Сергеевич, мой отец. Я не имею права на это. Это дело истории... Единственное, что я могу сказать, — что он никого не оставил равнодушным. Есть люди, которые любят его, есть и такие, которые его ненавидят. Но никто не мог пройти мимо него, не обернувшись... От нас ушел человек, имевший полное право называться человеком. К сожалению, настоящих людей среди нас немного...»

Когда все, кто хотел, прошли мимо гроба, плачущая жена Хрущева коснулась рукой лба своего мертвого мужа. Остальные родственники сделали то же

самое. Затем рабочие закрыли гроб и заколотили его. Над могилой стоял человек с красной подушечкой в руках, к которой были приколоты все 27 хрущевских наград, в том числе и самые высшие» (цитируется по книге Р. Медведева «Н.С. Хрущёв. Политический портрет»).

Хрущёв навсегда простился с этим миром. Мир с ним никогда не простится окончательно. На Новодевичьем кладбище на могиле Хрущёва стоит памятник работы Эрнста Неизвестного. Работа выдающаяся и в эстетическом, и в философском качестве. Чёрный и белый камень как символ добра и зла, бронзовая голова, выполненная в реалистической манере, в классической традиции. Изначально цвета старого золота, она со временем почернела...

...Сейчас модно стало показывать по телевидению обескураживающие репортажи о невежестве молодёжи. Журналисты останавливают прямо на улице мальчишек и девчонок, спрашивают про разных государственных деятелей прошлого, про даты крупных исторических событий. В ответ часто звучит откровенная чушь. Никогда при этом, в тех передачах, по крайней мере, которые я видел, корреспонденты никого не спросили о Хрущёве. Наверное, они и сами не вспомнили, спроси их, его фамилию и его дела, возможно, ничего путного не ответили бы на элементарный вопрос о нём. Что-то такое про Кубу, про стучание ботинком на трибуне ООН, возможно, про кукурузу... Это то, что телевизионщиками с телевизора же и сосканировано, это — блики, тень тени. Уверен, что старшее поколение Хрущёва не забыло. Так устроена житейская память — лучшим образом сохраняется в ней то, чему был свидетелем, участником, очевидцем, современником. Хорошее помнится с благодарностью, худое уходит в тень, в серую зону забвения. Свершённые злодеяния редко когда тускнеют — память о страдании и горе часто бывает крепче и глубже памяти о радости и счастье.

Историческая память гораздо сложнее, она детально структурирована, закреплена на множестве носителей, содержит в себе колоссальный массив свидетельств, документов, артефактов, она наполнена исследованиями и комментариями, воспоминаниями и оценками, в том числе прочно устоявшимися в общественном сознании и научном обороте. Историческая память — это во многом память государства. Формальное тому свидетельство — в названиях улиц и населенных пунктов, в установленных памятниках, в выпущенных некогда марках, в мемориальных табличках на стенах тех домов, где жил и работал...

Трудно разделить эти два вида памяти. Они объединены ещё и образным воплощением личности властителя. К нашему времени о Хрущёве поставлены спектакли, сняты кинофильмы, написано множество художественных произведений. К чести авторов, нигде Хрущёв, в качестве центральной фигуры, не выведен в шаржированном виде, не показан в утрированном карикатурном варианте. Искусство — дело всё-таки глубоко честное, настоящее искусство — отличается ещё и большой точностью нравственных оценок. Это крайне важно по той хотя бы причине, что у прибывающих поколений редко, когда доходят руки до документов и исследовательских работ, а голос искусства звучит, как Волга течёт: издалека, долго...

Особое, можно сказать, уникальное место в составе памяти закреплено за мемуарами и воспоминаниями. Они, в конце концов, сообщают о человеке то, чего никто о нём сообщить не может. В высоком роде — это «памятник нерукотворный», особенно если автор честен с собой и временем.

На долгом жизненном пути мы, как принято думать, не расстаёмся с прошлым. На самом деле мы его приобретаем — в виде осмысленного опыта, достоверного знания, а также в виде суммы его оценок. Расстаёмся же мы — с настоящим, которое нами основательно обжито и о котором мы, по глубочайшему естественному убеждению, знаем буквально всё.

Однако и прошлое, и настоящее постоянно преподносят нам сюрпризы. Наши взгляды и оценки со временем меняются; так меняется береговая линия, формируемая прибоем, так постепенно меняется климат. Природная аналогия указывает на естественность и неотвратимость процесса.

Хрущёв... Долгое эхо Сталина. Предшественник Брежнева. Ранняя версия Горбачёва. Никита Хрущёв, целясь в Сталина, попал в коммунизм, Горбачёв, целясь в коммунизм, попал в Россию. Это, разумеется, метафора, но смысл её не только верный, он ещё и трагически тяжёлый. Хрущёв был самым противоречивым властителем нашего государства. Противоречия в принципе свойственны власти, такое у неё трудное дело, что без противоречий на обойтись, но бывает так, что их громоздится целый ворох, из них не выбраться в одиночку, от них невозможно избавиться, как от неизлечимой болезни. Это — случай Хрущёва в чистом виде.

Опыт его властвования невероятно интересен для изучения, в высшей степени поучителен для тех, кому я адресую эту книгу, — для действующих и будущих руководителей государства, регионов, отраслей, структур, организаций. Станный опыт смешения ошибок и достижений, смелости и половинчатости, лихорадочных поступков и необъяснимого замедления, новаторских целей и отживших методов.

Хрущёв пережил драму своего ниспровержения. Претерпел личные унижения от бывших соратников, льстецов, от тех, кого «вывел в люди». Закалённые партийцы, в каждом из которых незримо сидела частица вроде бы ненавидимого ими Сталин, едва не сворой набросились на старика, боясь его — снятого, но непокорившегося. Они и загнали его в могилу.

Был ли он героем? Был ли жертвой? Был ли палачом?

Всего понемногу. Вовсе не примитивный, небесталанный, он был образцом невоплощённости лучшего, что в нём имелось. При Сталине согнутый в крючок, он так и не смог развить себя, развить до высокого уровня созидательную составляющую интеллекта, подружить его с природным умом, с почти неукротимой волей.

Как и его предшественники — Ленин и Сталин, он двигался по той исторической дороге, где до него не ступала ничья нога. Ошибиться, сбиться с пути, наворочать ошибок было немудрено.

И всё-таки он, а с ним и страна, проделали часть небывалого пути. Не его вина, что человечество не приняло этот путь. Мы, собственно, и сейчас ещё

не определились с исторической стратегией, по большому счёту идёт тактическое перетягивание каната между несколькими цивилизациями. Крупнейшие из них — американская, европейская, китайская и российская. Те же, по алгоритму, процессы протекают в большинстве государств мира. Практически нигде нет консенсуса власти и народа, везде есть расслоение общества, повсюду торжествует корпоративный, национальный и блоковый эгоизм.

Эти размышления пока что не были опровергнуты жизнью. А хотелось бы. Колоссальный мировой опыт должен же когда-нибудь, и почему не в ближайшем будущем, помочь всем нам волей властителей, общим упорным усилием, коллективным инстинктом жизни и развития, прийти раз и навсегда к мудрому согласию, прочной справедливости, избавлению от лжи и ненависти. Пусть будет так.

И пусть учтётся в нашем российском мире и за его пределами опыт сына XX века, властителя одной шестой части суши, невероятно противоречивого человека — Никиты Сергеевича Хрущёва.

В чем суммарно отражается этот опыт. Перечислим.

Развенчание культа личности Сталина, посмертная реабилитация невинно загубленных и пострадавших граждан.

«Оттепель».

Прорывное развитие космического и ракетного направления.

Организационный разгром Вооруженных сил через сокращение численности офицерского корпуса, пренебрежение флотом.

Передача Крыма Украине.

Диспропорции в развитии регионов СССР, перекачка ресурсов из Центральной России в республики.

Катастрофическое «освоение» целинных и залежных земель, кукурузная кампания, насильственное «стирание граней» между городом и деревней.

Усиление позиций бюрократии при общем снижении управляемости страной.

Продовольственный и товарный кризис.

Преступные методы подавления социальных протестов.

Ослабление мировой коммунистической системы.

В перечне достижений и провалов Н.С. Хрущева спрессовались в одно целое огромные возможности социализма и болезненная неспособность власти организовать гармоничное развитие государства без катастроф и поражений.

Брежнев

В этой главе мы следуем хронологическому принципу, начав её с правления Николая II на заре века и заканчивая периодом властвования Бориса Ельцина при его окончании. Во второй части пути, в рамках аналитического повествования о трёх жизнях Леонида Ильича Брежнева, пришла пора сделать некоторые принципиальные обобщения.

Власть в России есть, по нашему мнению, изощрённая форма отложенного наказания властителю. Оно заключается в том, что едва ли не всякий высший властитель превозносится при жизни, бывает осмеян сразу после смерти и проклят тоже сразу или в течение одного-двух лет. И лишь спустя годы (а раньше, в СССР, и десятилетия), то есть «через смену», после ухода с поста того, кто сменил властителя, начинает кое-как, сначала робко, в режиме сканирования позиции действующей власти, восстанавливаться справедливость: в публичном режиме ошибки называют ошибками, а достижения достижениями.

Сказанное относится к той части общественной памяти, которая формируется прежде всего скорым на слово и чутким к веяниям верхов журналистским сообществом, в особенности его ангажированной властью частью. Газета живет один день, журнал одну неделю, радио- и телепередача передача один час, говорили не так давно. Надо спешить, читатель ждёт. Ему нужны, принято считать, сенсации, жареные факты, разоблачения. Журналист стремится создать «гвоздь» — самый острый материал номера. Это азартная работа, она сопряжена с потенциальным недовольством в высоких кабинетах. Но чаще всего новая власть снисходительна к торопливым производителям сенсаций: всегда приятно прочитать о своём предшественнике что-нибудь позабористей да погуще, желательно с подробностями. Не в обиду и массовый читатель: ему тоже лестно посмеяться над тем, чей портрет он носил на первомайской демонстрации.

Для прессы вынужденность чрезмерных восхвалений компенсируется последующими массивными разоблачениями. В этом есть потребность и у общества в целом.

Всё это время первичного ажиотажа серьёзные, ответственно думающие люди, а их очень много, не поддаются разоблачительному азарту. Они не участвуют ни в осудительных кампаниях, ни в хиханьках-хаханьках над тем, кто совсем недавно олицетворял власть и был ею. Хотя суд этих серьёзных людей бывает на самом деле строже лихих разоблачительных судилищ, он всё же справедливее.

Возьму на себя смелость определить состав этого слоя серьёзно думающих людей. В первую очередь это научно-техническая интеллигенция — те, кто знает, что такое наука, производство, экономика, и своими руками и головой обеспечивает их развитие. В одном ряду с ними практические хозяйственни-

ки, особенно успешные, то есть те, кто в не самых благоприятных условиях добивается хороших, а порой и выдающихся результатов. Такие понимают, что принцип «Знай работу, да не трусь!» — вещь надёжная. Немалая часть аппарата власти тоже не заморачивается газетной трескотнёй, поскольку обладает профессионально развитым уровнем анализа, да и знаний о предмете у этих людей больше, чем у среднестатистического гражданина. Эти люди любят думать, но ещё больше любят молчать.

К слову ответственно мыслящих, безусловно, причислю и серьезных историков — они работают упорно и честно, на научный результат, а не на обслуживание власти.

Вообще, те, кого я определяю как «серьёзные люди», есть в любом общественном слое, но ни в одном они не представляют большинства.

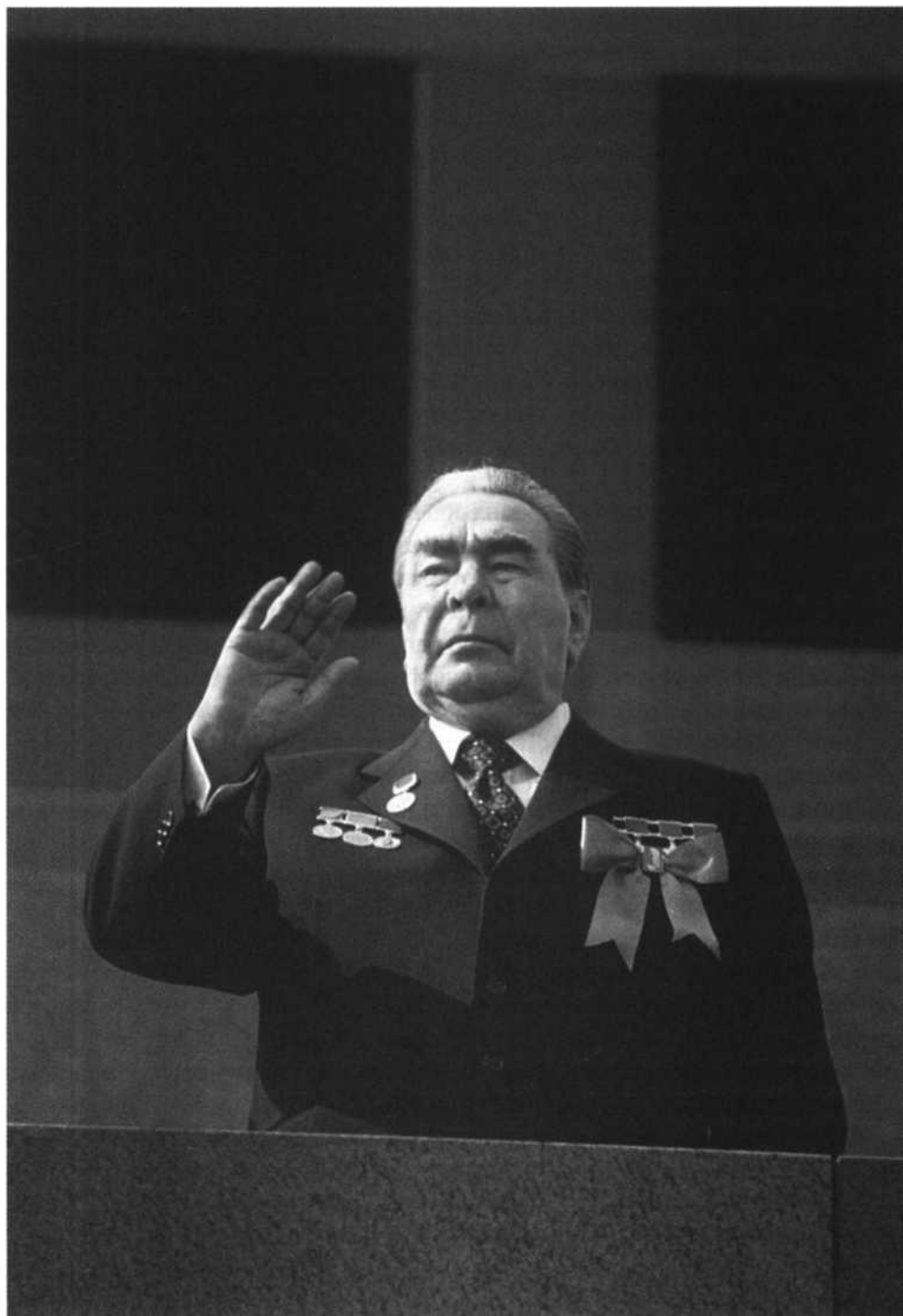
Это, уважаемый читатель, не «пощёчина общественному вкусу», не категорическое неприятие позиции общества. Это, скорее, попытка поглубже понять, чем является общество на самом деле, насколько оно самостоятельно. Если же кому-то покажутся излишне резкими мои оценки, то это можно отнести к особенностям характера человека, не научившегося за долгую содержательную жизнь тонкому искусству лести кому бы то ни было.

Теперь о главном: мы не должны смешивать общество и народ, когда говорим об исторической памяти. Общество подвижно и динамично, оно есть объект воздействия и обработки, оно противоречиво в самом себе, что само по себе очень хорошо для развития мысли. Общество в целом никогда не консервативно. Любая власть тормозит общество и стремится канализировать его энергию в нужное русло. Потому общество, бывает, собирается на миллионные митинги, а через десять лет стыдится даже воспоминаний о них. Потому общество заходится в восторгах по поводу власти, а после её смены так же дружно бранит ушедшего властителя. Поэтому общество доходит до того, что дружно осуждает тот состав общества, который не так ещё давно, по историческим меркам, был в активной фазе, то есть своих дедов, а то и отцов.

Так, поколение конца 80-х — начала 90-х, взбудораженное перестройкой и развалом СССР, едва не с ненавистью судило поколение 30-х, резко разделив его на невинные жертвы тирана и подлую массу стукачей. То, что жизнь несколько сложнее и в целом гораздо драматичнее, перестроечному поколению было до поры до времени невдомёк. Ныне оно, конечно, повзрослело.

Так, продолжу, немалая часть поколения начала нового века, живя очень и очень благополучно, сравнительно с недавними временами, преисполнилась высокомерного и до чрезвычайности глупого презрения к поколениям «совков», которые, собственно, не только потом и кровью построили производственно-технологическую базу этого благополучия, но и жизни отдавали за столь достойное будущее своих внуков и правнуков.

Не в укор пишу об этом (хотя почему бы и не укорить), но единственно для более глубокого понимания и правящими верхами, и управляемым ими обществом той непреложной истины, что всякое время и всякий властитель не столь однозначны, как это часто представляется. Человек в принципе, из-

Леонид Ильич Брежнев

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну «Россия». XX век

начально, силён и целостен, хотя голодом, болью, непереносимым страхом его можно сплющить и раздавить. Тому несть числа примеров в отечественной и мировой истории. К этому рубежу подводились иной раз, ближе или дальше, огромные человеческие массы, часто волей властителей.

Руководя обществом, властитель руководим им. Ведя общество за собой, властитель оценивает его, прикидывает его потенциал. Следуя за властителем, общество его непрерывно тайно судит, явно — при жизни — гораздо реже.

Но есть общество, и есть народ. Общество шумит и волнуется, народ, по Пушкину, безмолвствует. То есть думает свою долгую думу, не торопясь ни с заздравными, ни с заупокойными молитвами. Общество — это часто одно-два ближайших поколения, народ — это вековая череда, сумма поколений. Общество, например, может быть атеистическим в атеистическом государстве, а народ при этом верующим — православным, исламским, иудаистским, буддистским, да даже и языческим. Общество считает бег дней, у народа в минуте год помещается.

Именно по этой причине народная оценка властителя всегда полнее и мудрее его оценки обществом. Всякое общество всем своим составом входит в народ — счастливо то государство, в котором вечные заботы народа совпадают с очередными заботами общества. Рискну сказать, что в истории правления Брежнева было несколько таких лет. В нашей великой и не очень счастливой России это добротное основание для благодарности. Но парадокс в том, что кратковременность благополучия огромного государства была во многом предопределена тем же самым Леонидом Ильичём Брежневым. Такова наша история. Слова из песни не выкинешь, но понять их смысл необходимо.

Отнимая власть у Хрущёва, Брежнев прервал-таки крутую советскую традицию совмещения политических расправ и политических убийств. Он, по свидетельству источников, предлагал Семичастному устроить Хрущёву авиакатастрофу или же отравить его. Этого, однако, не произошло, хотя Леонид Ильич принадлежал к той генерации властителей, чей первый подъём пришёлся на вторую половину 30-х годов — самый разгар репрессий. Учиться борьбе по особым правилам было у кого. В 1937-м он трудится заместителем председателя горсовета Днепродзержинска, а в 1939-м заведует торговделом Днепропетровского обкома партии, и вслед за тем поднимается куда выше: становится секретарём по пропаганде и по оборонной промышленности.

Для тридцатитрёхлетнего руководителя это был не самый динамичный, но вполне успешный старт. Складывались тогда и более стремительные карьеры — за счёт того, что ходко сновали ночные «воронки» с тем, чтобы к утру образовывались всё новые вакансии. Это была всесоюзная «вахта», когда не то что обкомы, целые партийные съезды едва не полным составом подвергались репрессиям. Так было, к примеру, с делегатами «съезда победителей», названного позднее «съездом расстрелянных»: более половины его делегатов были уничтожены.

Возвышение Брежнева до секретарского обкомовского уровня связано, по некоторым сведениям, с руководителем Днепропетровского управления НКВД

П.А. Коркиным, на чьей совести расстрел двух подряд почти полных составов обкома партии. Когда новым первым секретарём стал Задионченко, кадровый голод был вопиющим. Повышать пришлось тех, на кого у Коркина ничего не было. В их числе оказался мало кому известный тогда Леонид Брежнев.

Поднимаясь по партийно-государственной лестнице, Брежнев был хорошо осведомлён если не о точных цифрах жертв террора и репрессий, то уж о размахе его — наверняка. Достоверных сведений о его участии в этих мрачных делах не существует. Нет свидетельств и о том, что на пути во власть кому-то он перешёл дорогу, или, в угрюмой терминологии таких дел, кого-то «сдал», или «подставил», по крайней мере — в начальный период партийной карьеры. Известно, однако, что первые серьёзные шаги во власть, на обкомовский уровень, пришлось у Брежнева ровно на то время, когда одна-две генерации деятелей областного масштаба в репрессивном угаре были сметены с постов. У многих из них карьера и свобода заканчивалась до вынесения приговора, а жизнь вскоре после него.

Кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС и секретарём ЦК КПСС Брежнев становится в 1952 году — выборные эти посты он получает по инициативе Сталина. В 1953 году маршал Жуков включил генерал-лейтенанта Брежнева в группу генералов, арестовывавших Лаврентию Берию. (Через много лет, когда Георгий Константинович будет писать свои знаменитые «Воспоминания и размышления», ему будут настоятельно рекомендовать включить в мемуары развёрнутое упоминание о выдающейся исторической роли Леонида Ильича Брежнева в Великой Отечественной войне. Это было унижительно.)

Это была не первая и не последняя опасная игра Леонида Брежнева. На всех крутых поворотах быстро растущая политическая фигура не только не была сметена с доски, но ни разу не покачнулась. Так было, когда Брежнев поддержал Хрущёва в развернувшемся в 1957 году тяжёлом сражении с «анти-партийной группой».

Так было перед смещением Хрущёва, когда Брежнев благоразумно расстается с креслом председателя Президиума Верховного Совета СССР и исподволь перехватывает партийные вожжи у увлекшегося реформами Хрущёва.

Так было в самые опасные дни октября 1964 года, когда Хрущёв был повержен.

Мастерски проведя операцию по восхождению на высший в стране пост, Брежнев избавился от тех, кто были ему в этом трудном деле главными союзниками: своих высоких должностей лишились Александр Николаевич Шелепин и Николай Викторович Подгорный.

Документы и свидетельства

Александр Николаевич Шелепин.

23 ноября 1962-го Шелепина назначили замом главы правительства (Председателя Совета Министров СССР) и — в тот же день — Председателем Комитета партийно-государственного контроля при ЦК и Совете Министров (только что образованного в результате слияния Комиссии государственного контроля

Совета Министров и Комитета партийного контроля при ЦК). Это было очень мощное аппаратное возвышение.

Шелепин был главным организатором заговора против Хрущева в октябре 1964-го, обеспечив заговорщикам поддержку КГБ. Когда Хрущев был свергнут, многие ожидали, что именно Шелепин станет главой партии и государства. «Железный Шурик» имел необыкновенно влиятельную позицию, возглавляя мощную консервативную фракцию внутри КПСС и располагая двумя высокими должностями: одной при Совете Министров (зам. его главы), а второй в руководстве партии (секретарь ЦК). Шелепина поддерживали остатки сталинистов во власти, которые полагали, что смысл свержения Хрущева и состоял в возврате к методам Сталина. Шелепин был против разрядки напряженности с Западом и выступал за внутреннюю политику, направленную на «усиление дисциплины» и на поддержку чисто русских интересов внутри СССР.

Но при поддержке своих «комсомольских друзей» он добился лишь назначения себя в ноябре 1964-го членом Политбюро. Другие советские вожди внимательно наблюдали за Шелепиным, сдерживая его амбиции. Он готовился оттеснить от власти Брежнева, но в декабре 1965-го был лишен коллегами поста заместителя главы правительства и председателя Комитета партийно-государственного контроля. 18 мая 1967-го по маловажному поводу был смещён с поста главы КГБ виднейший сторонник Шелепина, Семичастный. Тогда в июне 1967-го другой союзник Шелепина, глава московского комитета партии Егорычев, выступил на пленуме партии с критикой Министерства обороны, которое якобы плохо готово к возможности внезапного нападения США. Критика Егорычева на самом деле метила в Политбюро и его главу Брежнева. Два главных советских клана переходили к решающей схватке за власть. В ней победили брежневцы: уже несколько дней спустя Егорычев потерял место партийного главы Москвы, позже его отправили послом в Данию.

Сам Шелепин в июле 1967-го был понижен на маловлиятельный пост главы ВЦСПС (профсоюзов). Его сторонников продолжали устранять с важных бюрократических позиций. Во время посещения Великобритании с профсоюзной делегацией в 1975-м Шелепин был встречен там демонстрациями протеста. В Москве этот скандал использовали для выведения его из Политбюро (апрель 1975-го) и снятия с должности главы ВЦСПС (май 1975-го). В 1975 — 1984-х Шелепин работал заместителем председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию.

По материалам сайта РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай Викторович Подгорный

Был честолюбивым. Пытался поднять роль Президиума Верховного Совета СССР, который при нем не просто механически утверждал предложения ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а проводил их обсуждение, отнюдь не формальные, и вносил в них коррективы. Это не могло не вызвать подозрительности у укреплявшего власть Л.И. Брежнева. По некоторым свидетельствам, стал первой жертвой тактики Ю.В. Андропова, внушавшего больному

Л.И. Брежневу мысль о своей незаменимости и с этой целью создававшего мифы об антибрежневских заговорах, стравливавшего коллег и соратников, в которых видел потенциальных соперников. Визит Н.В. Подгорного весной 1977 года по африканским странам, во время которого он совершил немало самоуверенных и высокомерных поступков, был преподнесен Ю.В. Андроповым генсеку как «проба пера» кандидата в кремлевские вожди. С июня 1977 года персональный пенсионер союзного значения. Отправлен на пенсию на майском (1977 года) пленуме ЦК КПСС, без предварительной беседы с Л.И. Брежневым. После обсуждения основного вопроса председательствовавший М.А. Сулов как бы между прочим внес предложение об освобождении Н.В. Подгорного от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР. Н.В. Подгорный растерялся, пытался возражать, но М.А. Сулов сказал ему: «Ты посиди, подожди» — и быстро поставил вопрос на голосование. По словам В.В. Гришина, после окончания работы пленума растерянный Н.В. Подгорный произнес в комнате Президиума: «Как все произошло неожиданно, я работал честно» — и расстроенный ушел. Должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР занял Л.И. Брежнев. Отставку воспринял крайне болезненно, считал, что Л.И. Брежнев поступил несправедливо. Поводом для отставки послужило недовольство Л.И. Брежнева тем, что Н.В. Подгорный держался на равных с ним. А.П. Кириленко и М.А. Сулов говорили в узком кругу: «Зачем нам два Генеральных секретаря?» Допускал нелестные высказывания в адрес Л.И. Брежнева, поощрявшего лесть и славословие. Первоначально был освобожден от должности без всякой мотивировки. После личного письма Л.И. Брежневу в формулировку внесли изменение: «в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья» (АПРФ.Ф. 3. Оп. 120. Д. 38. С. 219). Попросил вместо отправки на пенсию назначить его директором какого-нибудь крупного совхоза. Л.И. Брежнев позвонил ему и сказал: «Коля, ну зачем тебе это? Подумай сам: сейчас ты уйдешь на большую пенсию со всеми привилегиями, как бывший член Политбюро, а позже — с должности директора совхоза? Подумай сам...» (*Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 261). После ухода на пенсию было убрано его изображение с висевшей в Третьяковской галерее картины, запечатлевшей состав Президиума XXV съезда КПСС.

В недрах жестокосердной советской власти и скорой на крутые решения партии формировался будущий властитель, который в свой срок скажет: «Пока я жив (тут же поправился: «пока я на этой должности»). — *Ю.Л.*), крови не будет». А должность его на тот момент была — Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Поводом для столь важного высказывания было письмо Константина Симонова, содержавшее опасения насчёт восстановления сталинизма. Брежнев эти опасения развеял одной фразой. Спасибо за неё ему сказала история.

Крови при Брежневе и в самом деле не было. Характерно, что после покушения 29 января 1969 года, когда Брежнев ехал в Кремль с вернувшимися на землю

космонавтами, покушавшийся на него младший лейтенант милиции Ильин не был осуждён. Признанный шизофреником, он почти два десятка лет находился в психбольнице, а в 1990 году был освобождён от принудительного лечения, получил квартиру, пенсию и оплату за двадцать лет по больничному листу.

Зная советские традиции, мы предлагаем читателю сделать собственные предположения о судьбе Ильина, соверши он покушение на Сталина или Хрущёва.

Брежнев, продолживший череду властителей, наделённых, скажем так, сильными характерами, во многом им уступал. Его никто и никогда не считал ни гениальным, как считали Ленина, ни величайшим, как определяли Сталина, ни даже чрезвычайно энергичным, как решили про Хрущёва. И если Хрущёва в газетах ласково называли «наш Никита Сергеевич», то о Брежневе писали подробнее и теплее: «Лично дорогой Леонид Ильич Брежнев». Вот в этом звучащем постоянным рефреном «лично» содержится очень многое: язык, даже газетный, способен оценить личность безошибочно.

Трудно сказать, превосходил ли Брежнев своих предшественников и череду последующих властвующих сменщиков в искусстве аппаратной интриги и скрытной борьбы за власть, но он, бесспорно, был в этом деле выдающимся мастером. Жестокая прямолинейность Ленина, крошечное коварство Сталина, лихая непредсказуемость Хрущёва — всё это, в сравнении, уступает необыкновенной пластичности Брежнева. Его предшественников ненавидели, дожидались их смерти, поторапливая её, планировали свержение с властной высоты. Брежнева берегли во власти как зеницу ока. И, надо сказать, сумели сберечь вплоть до самого конца. Тому, мы не забыли об этом, были свои сложные (и одновременно лежащие на поверхности) причины, о них позже, но факт есть факт: встреченный во власти с надеждой и даже радостью, он оставил её не в результате заговора или даже очередных выборов. Да, народ потешался над «бровеносцем», да, анекдотам не было числа, доходило и до презрения, но ненависти к нему — нет, не было. Из народных мифов того времени известен и такой: «Не думали, не надеялись при коммунизме пожить, а при Брежневе довелось».

Широкое хождение в массах приобрела версия о том, что Брежнев прекрасно осведомлён, что всякий работающий тащит с работы всё, что под руку попадёт: комбайнёр ссыпает зерно из бункера, доярка молочком себя не обижает, строитель то краску, то доску прихватит, с заводов и фабрик, из столовых и магазинов, отовсюду, где что-то материальное есть, это материальное аккуратно и бесплатно доставляется домой. «Что охраняю, то и ворую», — говорили в те годы, и так оно и было. Появилось слово «несун» — и вот этот самый несун был, по слухам, чуть ли не симпатичен Брежневу своей ухватистостью и умением решать жизненные задачи. Хорошо помню, что так оно и было, и все об этом знали: граждане «несли», как говорится, не по-детски, и каких-то особо жёстких мер, сравнимых со сталинскими приговорами «за колоски», не наблюдалось. Тогда появился такой народный шедевр: «Неси с завода каждый гвоздь, ты в нем хозяин, а не гость».

«И мелкое воровство, и крупное казнокрадство отнюдь не вызывали у Брежнева чувства возмущения, — свидетельствует Дмитрий Волкогонов. — Так, например, из Грузии давно уже шли в Москву многочисленные материалы, уличающие в разного рода злоупотреблениях и в коррупции кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе и его жену. Даже министр внутренних дел Грузинской ССР Э.А. Шеварднадзе неоднократно направлял в Москву через Н.А. Щелокова материалы против Мжаванадзе и просил санкции на допрос хотя бы жены этого грузинского лидера. Но Брежнев не давал на это согласия и позволял Мжаванадзе хозяйничать в Грузии, как в своей собственной вотчине. Только после нескольких скандальных историй и афер, выходящих далеко за пределы республики, Мжаванадзе был освобожден от руководства ЦК КП республики и выведен из Политбюро. На его место был избран Э.А. Шеварднадзе, который начал решительную борьбу за искоренение коррупции в Грузии. Однако и тогда Мжаванадзе не был привлечен к ответственности. Сначала он получил большую квартиру в Москве, дачу и персональную пенсию. Позднее вместе с семьей он переехал на Украину, откуда, собственно говоря, этого бывшего генерала Н.С. Хрущев и перевел еще в 50-х годах на работу в Грузию.

При попустительстве Брежнева бесконтрольно властвовали в своих «владениях» не только такие «вожди» республиканского масштаба, как Д.А. Кунаев или Ш.Р. Рашидов, но и многие секретари обкомов КПСС. Так, например, весьма спокойно чувствовал себя «хозяином» огромного края добрый знакомый Брежнева и его семьи — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.В. Медунов, вопрос о злоупотреблениях которого неоднократно поднимался в различных инстанциях, включая и Прокуратуру СССР. Долгое время могли безнаказанно злоупотреблять своим положением такие люди, как министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, заместитель председателя КГБ С.К. Цвигун и другие. Широко известны теперь и многие скандальные истории, в которых оказывалась замешанной и дочь самого Брежнева — Гали-на Леонидовна».

В глубокой информационной тени пребывала набиравшая большие обороты, в том числе и финансовые, так называемая теневая экономика. К ней можно отнести и приписки узбекского хлопка, фантастические цифры производства которого так тешили Брежнева со товарищи, и подпольные цеха в южных республиках, где сумели развернуть реально серьезные производительные мощности, и всякого рода приписки, и прямую коррупцию с выходом на самые высокие партийные верхи.

За восемнадцать лет правления Брежнева на его власть никто всерьез не покушался, под ним не было заговоров, за его спиной не сколачивались фракции и блоки. Шла лишь рутинная, обычная, неизбежная война за так называемую «близость к телу»; победа в такой войне сулила спокойную, по-своему понимаемую счастливую жизнь в большой сытости и довольстве. Мечтой касты карьеристов, а такая есть в любом обществе, и это в принципе нормально и естественно, было попадание в так называемую «номенклатуру». Из-

начальный смысл слова в этом значении был заменён другим содержанием: номенклатура по-советски, по-бюрократически означала список должностей, утверждаемых партийными органами. Более-менее сильной стартовой позицией было звание секретаря комитета комсомола, хотя бы и не самой крупной организации. Дальше варианты роста могли ветвиться, но партийная ветвь всегда была самой плодоносящей.

Брежнев выстроил множество карьер своих соратников из числа тех, кого знал по работе в Молдавии, Казахстане и на Украине: у таких была индульгенция на грехи и режим особого поощрения.

«При Брежневе», то есть за годы его правления, в США успели потрудиться пять президентов. Ричард Никсон писал, что Брежнев при «иных режимах» мог бы претендовать на титул «Леонида Великого» — по аналогии с царями Иваном IV и Петром I. На самом же деле Леонид Ильич Брежнев был не лидером, а, скорее, следовал за обстоятельствами, пользуясь тем, что партия долгое время после Сталина была дисциплинированным и эффективным властным механизмом.

Так или иначе, после подписания в 1975 году Хельсинского акта по безопасности и сотрудничеству в Европе, а это было, бесспорно, высшим достижением Брежнева на международной арене, Генеральный секретарь стал заметно сдавать. До широких масс, могу это достоверно свидетельствовать на примере Москвы, доходили слухи о том, что Брежнев просится в отставку, на покой, но соратники его не отпускают. Причины были очевидны: за широкой спиной генсека расцветали коррупция, кумовство, распродажа постов, особенно в южных республиках. Росла и ширилась альтернативная плановой теневая экономика — туда уходили ресурсы, средства бюджета, там ковались состояния и капиталы, которым в СССР легального применения не было.

Будущие хищники дикого российского капитализма — сметливые, проворные, циничные до мозга костей — жаждали конвертации теневого богатства в реальную власть. Они и просачивались в неё, достигая порой «степени известных», вплоть до уровня обкомов и ЦК республик. До настоящей, огромной, всеобъемлющей власти — то есть власти «в законе», над всей страной, власти, пьянящей своей безграничностью, — было, им казалось, далеко. Она им и не досталась. Эту власть позднее цепко взял в свои руки коллективный Чубайс, выдвинув на первый план фигуру, по всем параметрам прямо противоположную Брежневу. Заметим лишь, что при всей своей крутизне и непредсказуемости Ельцин, как и Брежнев, был фактически управляем, ибо двигался, не выбирая на самом деле маршрут, а по неширокому политическому коридору.

Брежнев — добродушный по характеру, патологически падкий на самую примитивную лесть, легко внушаемый, на глазах теряющий не только работоспособность, но и способность адекватно воспринимать реальность, — такой Брежнев был удобен людям власти, ибо власть у него они мягко, но бескомпромиссно отобрали.

С тоской и раздражением пополам со смехом смотрела страна на бесконечные протокольные процедуры награждений «лично Леонида Ильича Брежнева» советскими и иностранными орденами, всякого рода званиями и степенями, Ленинскими премиями, почётным оружием и всем, чем только можно было наградить выдающегося коллекционера современности — первое лицо второй сверхдержавы мира. За рамками официальной хроники оставались подарки помельче — автомобили, ружья, картины и прочее.

Было стыдно, было смешно, было тревожно, в воздухе носилось, прорываясь в песни, «мы требуем перемен», и всё-таки население, по сути, молчало, терпело, добывало «дефицит», обзаводилось «блатом», дождалось естественной смены власти, не желая зла тому, кто, жалкий уже и бессильный, поднимался на трибуну съездов, принимал иностранных лидеров, подписывал документы, стоял на мавзолее каждые 1 мая и 7 ноября.

Жизнь властителя окончательно разошлась с жизнью народа. Эту по-своему многокрасочную, по-своему энергичную, прихотливую в проявлениях и формах народную жизнь от Брежнева тщательно скрывали. Самого же его, держа под руки, выводили под телекамеры, чтоб показать вечером в программе «Время»: трудится, полон сил, источает уверенность, ведёт партию и народ к новым и новым победам и свершениям.

Говорят, даже в самую последнюю пору своего правления Брежнев временами всё же бывал интеллектуально адекватен, разумен, всё ясно понимал, вплоть до трезвого осознания причин, по которым соратники сохраняли его во власти. Это не только возможно в теории, так оно, скорее всего, и было. Даже хронические болезни отступают перед волей и любовью к жизни, а уж в жизнелюбии с Леонидом Ильичём мало кто мог бы сравниться из его современников.

В начале властвования над страной и партией Брежнев, несомненно, понимал, что его интеллектуальные и организационные кондиции слабоваты для работы на столь высоком посту. Вероятно, это в своё время понимали и Сталин, и Хрущёв, каждый по-своему, на своём уровне, в наличных обстоятельствах. Но дело было в этих случаях, вероятно, ещё и в ментальности, в особенностях личности.

Сталин, крепко друживший с коварством, ясно понимал, что в борьбе за власть в его распоряжении сплав силы характера и того особого понимания власти, когда она — только и исключительно сила, действие, кара для каждого, кто только подумает встать на пути властителя. Эта позиция, которую часть исследователей склонна толковать как исключительно вынужденную, абсолютно вынужденной всё-таки не была. Во всяком случае — после победного завершения Великой Отечественной войны. И не случайно бешено раскрученный в 30-х маховик репрессий (а мы относим к ним не только 1937 год, всесторонне описанный, изученный и как бы заслонивший все прочие злодеяния, но и весь период коллективизации, сгубившей огромное количество наиболее квалифицированного и трудолюбивого крестьянства, да даже и Гражданскую братоубийственную войну) — так вот, не случайно этот маховик сбросил обороты и не наращивал их до конца жизни вождя.

Особой и трагической темой остаётся, конечно, всплеск в это время тёмного государственного антисемитизма. Это явление, когда бы и где бы оно ни поднимало голову, всегда непреложно свидетельствует о глубинной нравственной тенденции к деградации всей государственной системы. Его не стыдились в фашистской Германии, оно было, например, и во Франции в период оккупации фашистами, и Холокост никем потому не забыт и не прощён. Сталин понимал всю трагическую сложность «еврейского вопроса» и до слишком высоких степеней так называемых решительных мер не дошёл, но, положив руку на сердце, вина его несомненна, а то, что принято называть государственным антисемитизмом, имело место.

Изначально понимая собственные качества и уровень, Сталин стремительно рос как государственный деятель, на троне он был труженик, не уступающий, вероятно, по интенсивности усилий и энергии Петру I.

И если Царь должен был быть, по насущным потребностям времени, «и мореплаватель, и плотник, и академик, и герой», то Вождь имел и наращивал кондиции стратега развития экономики в целом, промышленности, науки, технологий, военного искусства. Повторим, до определённого предела, за которым у Сталина доставало ума доверить дело профессионалам.

Хрущёв, думается, любил себя крепче, чем любил себя Сталин. Вдохновеннее. Веселее. Бесшабашнее. Дурнее. Освободившись от Сталина, освободив от него партию и страну, он полагал, что освободил и усилил весь национальный потенциал. Так оно и должно было быть, но этот потенциал не мог реализоваться в хаотическом варианте управления. Оно было жизнеспособным во многом за счёт колоссального ресурса дисциплинированности, привитой Сталиным на десятилетия вперёд. Дисциплина была органичной частью потенциала. Настолько глубоко внедрённым компонентом, что даже на самом раннем этапе властвования Горбачёва этот ресурс всё ещё работал. Вспомним как дисциплинированно, в режиме «все вдруг», партия и народ рванули в перестройку, в забытое ныне «ускорение». И надо сказать, что для огромного числа граждан СССР в самых разных слоях общества объявленная перестройка была на первых порах не пустым звуком. Люди поверили, что властитель видит дальше, чем они. Он оказался, увы, тем, кто не ведаёт путь, или, что ещё даже хуже, сознательным погубителем того великого, что не им создавалось.

Таким образом, последним сталиноборцем оказался не Хрущёв, а Горбачёв. Ни славы, ни чести ему это не принесло, но славы у ветропрахов не бывает по определению. О честности его смолчим. Если она и была в период правления или в чём-то проявилась после позорного финала, то нам об этом ничего не известно.

Речь о Горбачёве, однако, вся ещё впереди. Перед нами, читатель, восемнадцать полновесных лет правления Леонида Ильича Брежнева — удивительных, исторически насыщенных, стилистически сочных, отличающихся от любого другого периода, и не обязательно в худшую сторону.

Старшее поколение хорошо помнит, что сразу же после снятия Хрущева со всех постов в магазинах, где до того царствовала кукуруза во всех своих ипоста-

сях, от живого початка до муки в пакетах и кукурузного мёда в банках, сразу же появились нормальные продукты. До икры в бочках не дошло, но хлеб, масло, сахар, крупы, мясо и рыба вернулись на прилавок. Это вселяло известный житейский оптимизм. Как повелось с начала космической эры, энтузиазм общества хорошо поддерживался всё новыми достижениями на орбите, равно как и пафосом больших строек, и реальными достижениями в развитии народного хозяйства. Лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселее» справедливо было бы отнести именно к этому времени, когда люди ясно ощутили то, что можно назвать преимуществами социалистического строя: бесплатное образование и медицина, товарное насыщение (мебель, телевизоры, холодильники практически в каждом доме, а там и машины с мотоциклами, магнитофоны и пр.). Вселяла оптимизм надёжная работа социальных лифтов, радовали очевидные признаки эффективного здравомыслия в экономике и, конечно, несмотря на холодную войну, ясное понимание оборонной мощи СССР, чувство защищённости в своём государственном доме.

Ладились дела и на международной арене, где разворачивалась во всю ширь борьба за мир. Ныне часть публицистов-иронистов склонна и над этой борьбой снисходительно-высокомерно усмехаться, но отнесём эту усмешливость к особенностям мышления эпохи ЕГЭ... Тогда же страдания и ужас войны были по времени совсем ещё близки, генетическая память о ней тревожила совсем не фантомными болями.

Потому успехи оборонной промышленности, достойное состояние Вооружённых сил и Военно-морского флота (10 января 1968 года в состав Черноморского флота был зачислен первый советский авианосец — противолодочный крейсер-вертолётносец «Слава» (ранее «Москва») — и это только одна деталь огромной картины роста оборонной мощи страны), энергичные усилия по созданию системы взаимно сдерживающих международных договоров являлись факторами осознания не только силы, но и моральной справедливости нашего строя и курса нашей страны.

В 90-х годах с их обличительным пафосом о Брежневе говорили много, горячо, часто с презрением и издёвкой. Он был в общественном мнении жалким творцом «застоя», символом, как тогда казалось, полной бессмыслицы и бесперспективности социалистического пути, одиозной и смехотворной фигурой, каким-то непостижимым образом правившей Советским Союзом восемнадцать лет. Во втором десятилетии не бесспорного успешного начатого нового века страсти несколько улеглись. Общество прошло и продолжает идти новым крутым маршрутом, а такие маршруты заставляют думать не с фельетонной бойкостью.

За Брежневым репутация удобного для всех властителя: к народу не строг, угоден и борцам за мир, и, на первом этапе, реформаторам. «На первых порах, — пишет в своей книге «Семь вождей» Дмитрий Волгонов, — когда Брежнев пришел к руководству, некоторые люди из его ближайшего окружения толкали нового лидера на пересмотр решений XX и XXII съездов партии, решительно осудивших культ личности. Особенно старались в этом такие ста-

линисты, как С.П. Трапезников (ставший заведующим отделом науки и позже академиком при всей его глубокой примитивности) и один из помощников, В.А. Голиков. В бумагах Брежнева есть решения XX съезда с подчеркиваниями (правда, неясно чьими), есть проект его выступления в Тбилиси (забраванный) со сталинистским «душком». Сталинские взгляды разделяли тогда и К.У. Черненко и Н.А. Тихонов — очень близкие к четвертому «вождю» люди. Об этой скрытой борьбе в ближайшем окружении Брежнева хорошо рассказывает академик Г.А. Арбатов в своем очерке «Из недавнего прошлого». Эти люди, пишет Арбатов, «вместе с наиболее консервативными членами Президиума и Секретариата ЦК КПСС все же смогли быстро сбить какое-то подобие общей идейно-политической платформы. Во внутренних делах добивались отмены решений XX и XXII съездов КПСС, полной реабилитации Сталина...» Новый лидер симпатизировал Сталину, но боялся вновь поднять его на пьедестал. Колебался Брежнев, однако, больше потому, что радикальный пересмотр взглядов на роль Сталина в советской истории вновь вызовет брожение умов, протесты, борение страстей. А он очень не хотел этого. Брежнев колебался. В конце концов все закончилось «компромиссом». Сталина перестали критиковать в печати и, наоборот, нет-нет да и упоминали его в плане былых заслуг. Но решиться на пересмотр исторических решений XX съезда «духа» не хватило. На «дворе» было уже другое время.

Брежнев, как глубоко консервативный человек, сочувствуя в душе Сталину, понимал, что открытая реабилитация тирана вызовет огромную антисоветскую волну в зарубежье, не пройдет бесследно и в СССР. Новый лидер, будучи исключительно слабым «теоретиком», счел за благо занять некую «промежуточную» позицию, полуосуждающую сталинизм и полуреабилитирующую его». За плечами Брежнева противодействие «Пражской весне» и энергичные действия на острове Даманский, где случилось жесткое вооружённое противостояние с ортодоксальными маоистами.

Брежнев подписал Хельсинский акт, отменил репоны для эмиграции в Израиль, ввёл войска в Афганистан (цена и смысл этого вторжения и до сих пор являются предметом горячих дискуссий). Он провёл московскую Олимпиаду 1980 года, расширил добычу и экспорт углеводородов в Европу, при нем были начаты косыгинские реформы в их, к сожалению, незавершённом варианте. Всего не перечислить, главное — известно. И вот в этом массиве известного — тягостное ощущение, что Брежнев усилиями тех, кому он был выгоден и удобен, явно пересидел на троне, стал символом «застоя» — и в большей мере не в экономике, а в слабеющей динамике назревших и необходимых перемен.

Да, жили лучше, чем когда-либо в XX веке, но нарастало брожение умов, усталость от политической догматики, раздражение от приевшихся официальных процедур дарений и награждений. Застой в движении и развитии политической и общественной мысли, недовольство товарным дефицитом нового уровня (когда нужна была не просто одежда, а красивая, модная, как в Европе, одежда, обувь и пр.) приводили к явно не понимаемым властью, но грозным

тенденциям зависти миллионов людей, и прежде всего молодёжи, к витринной стороне жизни, в чём Запад превосходно преуспел. Романтика студенческих отрядов и сибирских гидроплотин, пафос комсомольских строек проигрывали сражение за молодые души, влекомые материально выигрышными проявлениями западной жизни — другой одеждой, музыкой, вольностью нравов, внешней свободой. Противопоставить этому влиянию было нечего.

Эпоха Брежнева не была, конечно, в чистом виде эпохой «застоя» — она была эпохой противоречий, ибо в это время, при всех его органических недостатках, мощно развивалась наука, рождались новые технологии, набирали мощь атомная и гидроэнергетика, авиа- и судостроение. Лёгкая промышленность при этом привычно отставала, пищевая и перерабатывающая тоже не блистали успехами.

Брежневу по времени выпадала участь реформатора, он должен был ради сохранения темпов и улучшения качества развития вводить в экономику элементы рынка. Эта задача, однако, решена им быть не могла, она всё время откладывалась на будущее либо же просто отвергалась. Руководство страны старело... это было очевидно для всего мира и для каждого советского человека, и было ясно: эти люди, плотной стеной стоящие на трибуне мавзолея по праздничным дням, не способны, не хотят и не умеют вывести страну на новую орбиту. Старыми, сталинскими методами это было невозможно сделать, новых методов они не знали. То, что было бы шагом вперёд, воспринималось ими как отступление. Политический класс, если допустимо в этой ситуации это понятие, был прочно закупорен партийными стариками, сторонниками стабильности в её худшем варианте.

Брежнев дряхлел. «Ещё в 50-летнем и даже 60-летнем возрасте, — пишет Рой Медведев, — Леонид Ильич жил, не слишком заботясь о своем здоровье. Он не отказывался от удовольствий, которые может дать жизнь, но которые далеко не всегда способствуют долголетию.

Первые серьезные проблемы со здоровьем появились у Брежнева, видимо, в 1969 — 1970 годах. Около него стали постоянно дежурить врачи, и в местах, где он жил, были оборудованы медицинские кабинеты. В начале 1976 года Брежнев находился в состоянии клинической смерти. Однако его удалось вернуть к жизни, хотя в течение двух месяцев он не мог работать, ибо его мышление и речь были нарушены. С тех пор рядом с Брежневым постоянно находилась группа врачей-реаниматоров с необходимым оборудованием. Хотя состояние здоровья наших лидеров относится к числу тщательно охраняемых государственных тайн, прогрессирующая немощь Леонида Ильича была очевидна для всех, кто мог видеть его на экранах телевизоров. Американский журналист Симон Хэд писал: «Каждый раз, когда эта тучная фигура отваживается выйти за кремлевские стены, внешний мир внимательно ищет симптомы разрушающегося здоровья. Со смертью М. Сулова, другого столпа советского режима, это жуткое пристальное внимание может только усиливаться. Во время встреч с Гельмутом Шмидтом в ноябре 1981 года Брежнев едва не падал при ходьбе и временами выглядел так, как будто не сможет протянуть и дня».

В сущности, он медленно умирал на глазах всего мира. В последние шесть лет жизни у него было несколько инфарктов и инсультов, и врачи-реаниматоры несколько раз выводили его из клинической смерти. В последний раз это произошло в апреле (на самом деле 23 марта — Ю.Л.) 1982 года после несчастного случая в Ташкенте».

Брежнев поехал в Узбекистан вручать республике орден Ленина, и во время посещения Ташкентского авиационного завода, на котором он настоял вопреки мнению Рашидова, когда на лесах вокруг строящихся самолётов собрались тысячи рабочих, рухнула большая, во всю длину фюзеляжа, деревянная площадка. Охрана держала её на руках. Под площадкой были в это время Брежнев со всем сопровождением. Кровавая ссадина и сломанная ключица — итог этого мероприятия для руководителя партии и правительства. Врачи настаивали на прекращении поездки и госпитализации, но Брежнев еще два дня, преодолевая боль, участвовал в праздничных торжествах. Операцию ему не сделали, ключица не срослась.

Слухи пронесли, официально ничего об этом не сообщалось, жизнь продолжалась. Она была спокойной, эта жизнь, она была довольно безопасной, она не была голодной, хотя уже появилось понятие «колбасная электричка», а из ближних областей ехали под видом экскурсий в столицу толпы граждан с объёмистыми сумками: за мясом, колбасой, рыбой, фруктами, одеждой, обоями, складными зонтами и всем, что потребно человеку. Это было унижительно и недостойно великой страны. Это было непонятно: как, почему, отчего мы у себя в СССР не можем найти хороших костюмов и рубашек, наделать сколько нужно легковых машин, развить, в конце концов, мясное и молочное животноводство, чтобы в магазинах была еда, а не полупустые полки.

Сложные процессы шли в позднюю брежневскую пору в гуманитарной сфере, в культуре и литературе. Здесь внешне главенствовала официальная линия, всё более и более одиозная по сути и каменеющая по форме. Но в кинематографе трудилась целая плеяда выдающихся режиссёров, актеров, сценаристов, операторов, Большой театр Союза ССР гремел по всему миру, появилась плеяда великих писателей-«деревенщиков» (Абрамов, Распутин, Белов, Астафьев, Лихоносов, Можаяев, в это время уже во всю силу работал до поры молчавший Солженицын и продолжал писать Шолохов), были созданы прекрасные, на все времена, песни, творил Высоцкий. Создавали шедевры Тарковский и Бондарчук, в поэзии царила Ахматова, а вслед за ней шли, каждый своим путём, Бродский, Рубцов, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, в прозе напряженно работали такие разные, но при этом действительно великие таланты, как Леонид Леонов и Шукшин, — богатое, щедрое на таланты было время.

Да, время было по-своему невероятно сложное, и массовое народное сознание воспринимало и оценивало его по множеству параметров, интегральная же оценка была преимущественно позитивной. При этом в недрах общества разворачивалось диссидентское движение, набирал объёмы самиздат, немалая часть молодёжи социальным инстинктом влеклась к протесту.

В этом времени свились в общий с брежневским поток турбулентные следы правления Ленина, Сталина и Хрущёва. Так, в обществе было огромное число сталинистов — не только в карикатурном, как сейчас, их отражении, а в виде приверженцев идеи преобладания государственной целесообразности над всеми другими интересами, в виде сторонников железного порядка и дисциплины.

«Сталинистам» противостояли «ленинцы», ненавидящие Сталина за презрение к так называемым «ленинским нормам» партийной жизни — тогда ещё не углублялись в вопрос, чем же, сами по себе, были эти так называемые, будто в насмешку над здравым смыслом, нормы. Ленин в общественном сознании оберегался со всех сторон, в том числе и теми деятелями искусств (театра, например), которые, внезапно прозрев при горбачёвской перестройке, начали сладострастно, будто в отместку за прежнюю восторженность, смешивать вождя понятно с чем. Кстати, так же отнеслись они и к памяти Брежнева, и к памяти, еще прижизненной, былого их кумира Горбачёва.

При Брежневе имели свой вес и голос «хрущёвцы» — это была странная смесь «сталинистов», ненавидевших Хрущёва за развенчание Сталина, и «ленинцев», ровно за то же уважавших Хрущёва и простивших ему все государственно-экономические фокусы и эксперименты.

Основная же масса людей прочно была в составе, условно говоря, «брежневцев» — здесь объединились самые старшие поколения, помнящие и Ленина, и Сталина, и поколения более молодые, которым выпало жить при Хрущёве и Брежневе.

Парадокс в том, что если сторонники исторически недавних вождей отчасти умозрительно критиковали или запоздало поддерживали их, давно ушедший в историю, курс, то десятки миллионов «брежневцев» реально Леонида Ильича не любили, не уважали, полностью утратили веру в него, а отсюда было уже недалеко до утраты веры в социализм. Минула назначенная Хрущёвым в его Программе дата построения материально-технической базы коммунизма (1980 год) — официально её «не заметили», народ же, конечно, посмеялся. Политбюро «долгожителей» объявило и проводило в жизнь курс на «стабильность» — в практическом плане это был курс на абсолютную несменяемость власти, а не наступивший коммунизм был назван развитым социализмом.

Почему лучшее, наиболее спокойное и обеспеченное, десятилетие жизни советского народа (1970 — 1980) стало фундаментом сильнейших перестроечных изменений, начатых Горбачёвым в апреле 1985 года? Мы, разумеется, принимаем во внимание, что «брежневизм» нашёл своё окончательное, и окончательно накопившее сознание граждан, воплощение в унылой и серой до неразличимости фигуре К.У. Черненко, сменившего быстро угасшего Ю.В. Андропова, но всё же Горбачёв, по сути, стоял на плечах Брежнева. Почему?

Ответ, на наш взгляд, лежит в самой природе власти. Она тем сильнее, чем больше участок её созидательной борьбы. Что имеется в виду? То, что Сталин, например, по сути дела, боролся с Лениным, переосмысливая его идейное наследие в части смертельно опасных для будущего мира и России ленинских идей о всемирной революции. Энергия строительства Сталиным была направлена во-

внутри, а не вовне страны; и не вина Сталина в том, что после победы в Великой Отечественной войне, во Второй мировой войне его заботой стал ещё и социалистический лагерь. Позднее этот самый «лагерь» повис на экономике СССР тяжёлым грузом, на ведь на международной политической шахматной доске не только Сталин вводил в дело всё новые фигуры. Так или иначе, Сталин преодолел Ленина, и следует признать, что это была весьма напряжённая работа.

Сменивший Сталина Хрущёв ясно понимал, что при всех издержках прямого разоблачения культа личности Сталина, при всех неизбежных перекосах и перегибах в связи с этим общественного сознания длить сталинское политическое и государственное настоящее становилось невозможным. Придя к власти, Хрущёв боролся со Сталиным, как ранее Сталин с Лениным. Парадокс в том, что в этой борьбе Хрущёв опирался на созданную при руководстве Сталина промышленную мощь, делая при этом ставку на новые способы и технологии управления, на новую внешнюю политику мирного сосуществования, что было немислимо ни при Ленине, ни при Сталине. Сталин боялся свободы, Хрущёв по-своему любил её. И по-своему воплощал её.

Брежневу, в отличие от его предшественников, бороться было в историческом смысле не с кем. Тяжёлую работу до него и, получается, для него сделал Хрущёв, экономический задел был не так уж и плох, тогдашняя холодная война разве что укрепляла армию, флот и чувство патриотизма, кадры, как всегда, были послушны и управляемы. Самое главное: все одновременно, сверху донизу, исторически смертельно устали и от Ленина, и от Сталина, и от Хрущёва, а потому Брежнев вначале пришёлся как нельзя вовремя. Ни войн, ни революций, ни репрессий, ни хаоса — живи не хочу, правь, дорогой Леонид Ильич, себе на славу, народу на пользу.

Так оно и было. Правила на самом деле втроём: Брежнев, Косыгин, Подгорный. Иерархия была всеми понята и принята, внутривластная борьба в верхах оставалась в прошлом, первичная стабильность воспринималась как величайшее достоинство власти и гарантия бесконфликтного развития страны и общества. Но эта первичная стабильность хороша как необходимый отдых перед новой нелёгкой созидательной работой. Едва она затягивается, эта самая некогда вожденная стабильность, как тотчас начинается застой. Развитие — это дорога, стабильность — ожидание на остановке, когда автобус не приходит и не приходит, застой — когда дорога зарастает травой и кустами до неразличимости.

В чём общая, базисная причина ленинской раскалённой революционности, сталинской сверхмобилизации, хрущёвского реформаторства, брежневского «застоя»? И далее, повторим вопрос: в чём общая, базисная причина стояния на месте при Андропове и Черненко, реформаторства погорбачёвски, революционности по-ельцински?

Она есть, эта причина, и заключается она в несомненном и несменяемом авторитарном характере правления при каждом из этих правителей. Детали, внешне бросающиеся в глаза, относятся скорее к стилистике осуществления власти, к индивидуальным чертам властителей, но корень — именно в авторитарности власти. У нас — так. И чем больше слов про народ и демо-

кратию, чем больше процедур в виде съездов и референдумов, выборов и голосований, тем более авторитарна, по сути своей, власть.

В новом веке понятие демократии дискредитировало себя, и не только российскими усилиями. Но мы сейчас — о веке ушедшем, и назвать его демократичным невозможно: власть всегда заступала за ею же обозначенные пределы. Власть не боялась расстреливать демонстрации, всячески гнобить врагов и просто оппонентов, убивать невинных; сравнительно бесшумный разгон Учредительного собрания товарищем Лениным в начале века, далеко уступает по жестокости расстрелу Верховного Совета господином Ельциным.

Удержат власть не смогли Хрущёв и Горбачёв — по-своему символическая реформаторская пара. Оставили власть, оставив жизнь, Ленин, Сталин и Брежнев.

Отреклись от власти Николай II и Борис Ельцин. Первое отречение было, настаиваю на этом, актом человеческого мужества Николая, но оно открыло путь кровавой революции. Ельцин отрёкся, когда его демократическая революция загнила под неистовым напором коллективного Чубайса.

...Брежнев. Забыты, как потерявшие какую-либо актуальность, анекдоты о нём, забыты пышные похороны, забыты свершения страны в период его правления, а они были огромны. При работе над этой книгой я ясно почувствовал, что общественная массовая память чаще всего несправедлива к «светлой стороне» личности любого властителя, но зато со злой цепкостью держится она за его недостатки, пороки, ошибки. Никакого парадокса в этом нет: такая избирательность есть форма справедливой требовательности. Ты наверху — ты на виду. У тебя в руках руль — ты отвечаешь за всё. Ты у власти — помни, что это не навсегда. Ты вне власти — после неё ты получаешь не снисходительную оценку.

Период властвования Брежнева воспринимался народом легко, гораздо легче, чем какой-либо другой в XX веке. Бесплатное жильё, символическая плата за газ, воду и электричество, обед за рубль, автобус за пятачок, бензин дешевле газировки, совершенно доступные билеты на поезд и самолёт, профсоюзные путёвки на море — всё это было реальностью. Реальностью был и мягкий, сравнительно с предшествующими, политический режим, и общий оптимистический настрой, сменившийся, не сразу, к счастью, мотивами раздражения и разочарования.

Было очевидно, что если достигнутое стало реальностью при таком властителе, то при более соответствующем времени и месту человеку результаты будут гораздо более впечатляющими. Эти соображения при жизни Брежнева работали не на него.

Выведа за скобки анализ периода властвования Андропова и Черненко, скажем, что раздражение от брежневского «застоя» стало мощным фактором в поддержку энергичного и говорливого реформатора Горбачёва. На теме «застоя» он выговорился бурно и обильно; прошло, однако, совсем немного времени, и смешки над не владеющим речью Брежневым сменились ненавистью к непрерывно болтающему, заговаривающемуся Горбачёву. Он сумел, однако,

«вболтать» в сознание идею пагубности прежнего пути; справедливости ради заметим, что сейчас для многих и многих это не так уж и очевидно.

Редко кто из ушедших властителей достаивается более-менее взвешенной оценки — именно взвешенной, а не категорически отрицательной или сплошь положительной. Во всяком случае, именно это выпало на долю Брежнева, о чём свидетельствует определённая ностальгия по его времени.

Народ в очередной раз устал к концу века от испытаний и потрясений, от второго развала державы, от поражения в мировом соревновании, от утраты статуса и достоинства сверхдержавы. В этой волнами накатывающей усталости — предупреждение любой власти.

Есть во всём этом вклад Брежнева? Да, пусть и не прямой. Нельзя было стоять на месте, когда начали дрябнуть мускулы экономики, нельзя было царствовать, лёжа на боку, когда требовалось властвовать умнее и динамичнее предшественников, нельзя было не понять, что СССР сможет выжить, лишь преодолев собственное свойство генерировать собственную же слабость.

Второй жизни — в отставке — у Брежнева не случилось волею судеб. В каком-то роде эта отставка по факту произошла ещё при жизни, когда за Леонида Ильича чуть ли не говорили, а уж от его имени — постоянно.

Третья же жизнь — в памяти народа — очень и очень сложна, хотя внешне совсем не бурная. Очень уж злых на него мало — на памятник у кремлёвской стены, во всяком случае, никто не покушается. Забывается скандальная и несчастная дочь, теперь общество склонно скорее сочувствовать семейной драме Брежневых. Уделом историков остаются перипетии политического пути Леонида Ильича. Прочно забыты его труды на целине, его вклад в развитие изучения и освоения космоса, его забота о памяти героев Великой Отечественной войны, его работа по наращиванию оборонной мощи.

Помнится доброе, а это редко бывает: жизнь при нем была, пусть всего только полтора примерно десятка лет, лучше, чем когда-либо раньше.

В этом и заключается урок: властитель должен продлить свой век в памяти народной как можно дольше — подвигом труда, мощным результативным созиданием, настоящей, не на словах, заботой о человеческом благе, щедрым талантом делать жизнь, город, страну лучше того города и той страны, которую ты получил в начале властвования.

Секретов в этом нет. Есть потребность.

При Брежневе страна начала ощутимо отставать от Запада в технологиях, уровне жизни, в промышленности и в сельском хозяйстве. Казнокрадство и коррупция набирали силу. Партия перерождалась в номенклатуру чиновников. Коммунистические идеи реализовывались в съездовских ритуалах. Объективно, Брежнев, не понимая этого, вёл советский проект к бесславному концу.

Андропов

Прежде чем представить читателю размышления о жизни во власти и в памяти народа Юрия Владимировича Андропова, одной из сложнейших и даже таинственных фигур в ряду высших властителей страны, считаем необходимым отметить следующее: в России живёт самый политизированный народ на земле. Свою лепту в его политизацию внёс и Андропов. По избрании Генеральным секретарём ЦК партии ему предстояло, и очень хотелось, сделать своим главным союзником ни партию даже — ею он знал, как управлять, а всё общество, сложно структурированное, противоречивое в своих интересах, обладающее специфической исторической памятью.

Трудность заключалась в том, что в этой памяти поколений была не только законная гордость за державу, но и накопленные после революции обиды и боль. Копились же они слоями и пластами: революция, Гражданская война, коллективизация, сталинские репрессии, хаотичность хрущёвского правления и так называемый брежневский застой.

(К нему позднее примкнула в массовом сознании «эпоха пышных похорон», а ещё позднее — горбачевско-ельцинский развал СССР и все связанные с ним муки и потрясения.)

Политизированность народа имеет несколько важных причин, при этом она стала привычным состоянием сознания. Главная из причин обозначена в расхожем изречении: если ты не интересуешься политикой, то политика обязательно заинтересует тебя. Иначе говоря, постарайся понять логику действий власти и властителя, определись со своим отношением к ним, выработай жизненную (она же политическая и гражданская) позицию. И, главное, не торопись говорить об этом вслух. Иногда, а в России и нередко, это себе дороже. Жизнь у нас сложна и трудна, она фактически непредсказуема и всегда чревата испытаниями и потрясениями.

К ним можно смело отнести то, что называется российскими реформами. Тем более что в течение века политика власти (властей) носила перманентно ярко выраженный реформаторский характер. В этом смысле даже относительно спокойный стиль правления Брежнева, часто определяемый как застойный, являлся своеобразной реформой по отношению к бурному правлению Хрущёва. Три российских революции тоже были, сущностно, громадными реформами. Каждый новый лидер нёс с собой для общества и каждого гражданина и новые надежды, и новые угрозы. Сбывалось в разных пропорциях при разных властителях и то и другое.

Нормальному человеку в таких условиях не интересоваться политикой невозможно, как крестьянину невозможно не интересоваться погодой. Начиная с Ленина и заканчивая Черненко, такой интерес дополнительно подогревался закрытостью власти, отсутствием достоверной информации, невозможностью широких публичных дискуссий по существу самых трудных, судьбоносных,

как говорил позднее Горбачёв, вопросов. Отсюда происходила вера в слухи, подозрение, что власть всегда обманывает народ, недоверие к громким оптимистическим посылам официальной пропаганды.

Судя по всему, нам ещё далеко до блаженного отсутствия необходимости пристально следить за действиями власти. Мы, к сожалению, не веками благополучная Швейцария, но, наверное, и всерьёз жалеть об этом, сравнивая наши государства, было бы верхом политической и человеческой наивности. Таких тихих мест на земле совсем мало. Да и свежий пример избрания и правления Дональда Трампа чрезвычайно убедительно свидетельствует, что и в самой богатой стране мира власть не в силах предоставить народу того, что можно условно назвать политической стабильностью.

Весь совокупно народ знает всё о своей стране и текущем времени. Мы все и каждый из нас — участники и свидетели исторического процесса, мы в массе своей, занимая все этажи общественного устройства, проинформированы обо всём происходящем. Это относится к народу, общество же знает меньше (если понимать общество как несколько одновременно живущих поколений, а народ как всю их историческую совокупность). И в этом смысле высшая власть есть скорее одна из основных частей общества, пребывая в известном отдалении от руководимого ею народа.

К обществу, безусловно, относятся и историки, труды которых не могут не быть субъективными, поскольку результаты их исторических исследований обусловлены собственной историков позицией, целями и временем исследования, политическими, культурными и иными обстоятельствами.

Отметим при этом, что любая власть убеждена в исчерпывающем знании всего на свете, и в особенности того, как сделать страну процветающей.

Юрий Андропов был первым и единственным властителем страны, который, по обретении высшей власти, ответственно заявил: мы не знаем своей страны. Вот мысль из его принципиального, установочного доклада на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года: *«Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».*

Для партии и общества это прозвучало как гром среди ясного неба. Фраза про опору на прочный марксистско-ленинский фундамент была далеко не лишней и не формально, как обязательная молитва, проговоренной. На деле она означала, что фундамент оказался не столь уж прочным, а возведённое здание так называемого развитого социализма (предыдущий, получается, был недоразвитым) оказалось не очень удобным и просторным.

Про «весьма нерациональный способ проб и ошибок» говорил самый информированный в СССР человек, пришедший на пост Генерального секретаря ЦК КПСС фактически с поста председателя КГБ СССР (краткое время

Юрий Владимирович Андропов

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия. XX век

после смерти Суслова Андропов был секретарём ЦК КПСС, это назначение сразу же воспринималось в партии как знак, что стареющий Брежнев назначит своего преемника). Он знал всё обо всём в СССР — от анекдотов про себя самого и про власть в целом до подноготной каждого из своих соратников, от достоверной, но не официальной статистики до содержания диссидентских посиделок, от закрытых постановлений и указов до настроений любого социального слоя граждан.

Надо думать, что это тотальное знание было тяжёлым грузом. И всё же Андропов решился на невиданное откровение о незнании властью своей страны. И это невероятное откровение свидетельствовало о нескольких качествах нового лидера: принципиальности, честности, интеллекте, огромном желании изменить положение дел.

Чего не знал Андропов? Главного — как изменить положение дел. Как уйти от разрушительных тенденций в экономике, государстве и обществе. Как сплотить народ для решения задач развития государства.

Упомянутые тенденции проявились во всей своей силе в масштабной, уже не помещающейся в теневом секторе, коррупции, в формирующихся, ещё не осязаемых, тенденциях сепаратизма, исподволь подтачивающих незыблемый, казалось, Советский Союз. В диссидентском движении, чрезвычайно идейно пёстром, но в целом не приемлющем коммунистическую идеологию и практику.

Крайне сложным и напряжённым было международное положение, при этом к традиционному непростым, а то и критически острым отношениям с коллективным Западом примешивались сложности с восточноевропейскими государствами.

И всё-таки главные проблемы были внутри страны. Горькое знание о власти подвигнуло Андропова к весьма решительным действиям: за год и три месяца он отправил в отставку тридцать семь первых секретарей ЦК партии союзных республик, краевых и областных партийных комитетов. Каждая из этих отставок автоматически влекла за собой масштабную смену составов партийных и хозяйственных элит в регионах страны.

Ещё более сенсационными, в массовом сознании, и широко обсуждаемыми событиями стали уголовные дела против целого ряда государственных и партийных «небожителей» — ничего подобного не было со сталинских времён. Громко прозвучали слова о борьбе с коррупцией — сам термин до недавнего времени воспринимался как обозначающий явление загнивающего капитализма, а не румяной советской демократии. По команде сверху исполнительная власть в центре и на местах демонстративно жёстко прижала торговлю — на то время это было всё равно что милиционеру сестру оштрафовать.

Населению это явно нравилось: эпоха всемогущих завмагов и вельможных товароведов заканчивалась прямо на глазах, хотя ненавистный дефицит никуда не делся — деньги по-прежнему бегали за товаром, а не товар за деньгами.

Суды заработали с повышенной нагрузкой. За различные уголовные преступления в 1984 году было осуждено 863 194 человека.

Постепенно открылась правда о далеко не благополучной ситуации в экономике, об отставании на многих направлениях советской науки и техники от высшего мирового уровня. Давно ли официальная пропаганда трубила о нашем первенствовании в этих важнейших сферах — и вдруг фактически в одночасье люди в массе своей поняли и осознали, что, оказывается, мы не впереди планеты всей. То есть, чувствуя это отставание «на своей шкуре» — в своём цеху, в своём НИИ, на своём поле, в любом магазине, — народ услышал правду из непривычного источника — от властителя страны.

Эта правда прозвучала как выстрел стартового пистолета: после опостылевшего брежневского сна наяву власть оказалась в руках того, кто опытом предыдущей деятельности не склонен был терпеть всякого рода пороки и огрехи. Усиливалось, как это периодически у нас происходит, желание прихода справедливой и даже беспощадной «крепкой руки», убеждённость, что эта крепкая рука расставит всё по местам и заставит всех работать на благо каждого, а каждого на благо всех.

Андропов начал, в широком смысле слова, с энергичного и показательно открытого наведения дисциплины и порядка. От нового «порядка» пострадали руководящие кадры. От внезапно начавшейся «дисциплины» сотни тысяч всякого рода прогульщиков, тунеядцев, «несунов» и прочих малосознательных граждан, на которых обрушились облавы в кинотеатрах, магазинах и везде где только можно.

После брежневской вольницы закручивание гаек народу не понравилось, хотя общественный инстинкт и говорил, что как временная мера для социально-правового отрезвления годилось и это средство. Тем не менее за кратковременностью правления понять и уяснить, чего же добивается Андропов, народ не мог.

Добивался же он, как и все его предшественники (за исключением, пожалуй, Брежнева), эффективных экономических реформ. Это на первом этапе. Но Андропов смотрел дальше и глубже: нужно было понять не только сложившуюся ситуацию, но саму природу социалистического строя и, главное, его исторические перспективы. Андропов, писал Н.И. Рыжков в мемуарах, поручил члену ПБ Горбачёву, кандидату в члены ПБ Долгих и секретарю ЦК по экономике Рыжкову тщательно изучить сложившееся в экономике положение и подготовить предложения по её реформированию. Из научных сил были вовлечены в работу реформаторски мыслящие академики Аганбегян, Арбатов, Богомолов, Заславская, ряд докторов наук.

По нынешним временам этот мозговой штурм кажется малоэффективным. Иным он и не мог быть: развитой социализм болел всеми болезнями донельзя централизованной экономики, лишённой внутренних стимулов развития. Андропов видел разрешение проблем в усилении режима экономии всякого рода ресурсов и ускорении развития прогресса производительных сил. Справедливое, но, в сущности, локальное средство оживления экономических процессов не могло сработать и не сработало.

По советской традиции и многолетней инерции упор был сделан на административные, а не экономические методы управления. Поэтому ничего, по сути, не дал широкомасштабный экономический эксперимент, в который были вовлечены десятки министерств, тысячи предприятий, целые отрасли и регионы. Эксперимент этот продлился за временные пределы правления Андропова: с 1 января 1986 года все отрасли народного хозяйства работали в «новых экономических условиях». На самом деле ничего действительно нового, прорывного, в них не было. Необходимость расширить права предприятий в области планирования, труда и заработной платы осознавалась достаточно ясно, однако по привычке слишком многое свелось к механическому усилению их ответственности.

Эксперимент блокировался отраслевыми органами управления — средним звеном власти, основы действующего хозяйственного механизма не были затронуты. Пуганица прав и обязанностей наглухо законсервировала потенциал управления экономикой.

Эксперимент позднее квалифицировался всего лишь как правильно задуманный, но не радикальный. Иными словами, андроповская экономическая реформа не состоялась.

Взяв во внимание весь комплекс причин этой неудачи, отметим, что на скромные результаты повлияли и чисто жизненные обстоятельства: все пятнадцать месяцев работы во главе партии и государства Юрий Владимирович тяжело болел, получая лишь временные передышки. При всём этом щадить себя он не умел и не хотел: по достоверным сведениям, он ежедневно прорабатывал до 400 страниц документов и различных текстов.

Уход его воспринимался как явно преждевременный в политическом и, конечно, человеческом плане. Страна слишком хорошо помнила всю нелепость затянувшегося безвольного брежневского правления и ценила волю и реформаторский порыв Андропова.

Что касается обстоятельств этого ухода, то, как водится, не обошлось без крутых версий печального события. Александр Коржаков в интервью «Бульвару Гордона» от 27 ноября 2007 года сказал следующее: «Ситуация несколько странная... У Юрия Владимировича, когда он лежал в ЦКБ, постоянно дежурили три реаниматора, но если два из них настоящие профессионалы, выбрали эту специализацию ещё в мединституте и с первого курса готовились вытаскивать больных с того света, то третий был терапевт (может быть, и хороший), который всего лишь соответствующие курсы закончил. Именно в его дежурство Андропов скончался, причём сменщики в один голос твердили, что, если бы там находились, не дали бы ему умереть...»

Зная нашу историю, нетрудно понять такие намёки...

Нам, однако, требуется понять, почему на самом деле не задалась реформа Юрия Андропова. В сжатом виде я сформулировал бы причины неудачи в следующем порядке.

Исторически дискредитировавшие себя сталинские принципы и методы правления, спасшие страну в период Великой Отечественной войны, а ранее

обеспечившие создание индустрии, Андропов использовать не мог; человек, который очень хорошо понимал эффективность насилия, что показали события в Венгрии и Чехословакии (в 1980 году предлагал осуществить военную акцию в Польше), а также война в Афганистане, ещё более ясно понимал, что новое историческое время исключает старые средства. Это первое.

Второе: не понаслышке зная о безуспешности радикальных и при этом плохо продуманных реформ в стиле Никиты Хрущёва, Андропов повёл дело гораздо корректнее по форме, гораздо содержательнее по существу. Сопротивление высшему властителю оказали, в лучших отечественных традициях, его «бояре» — руководители среднего и отчасти примыкающих звеньев управления. Дружно голосуя за новый курс, они прокладывали маршрут по старым привычным картам и укоренившимся традициям. Впереди ждал неизбежный тупик.

Третье: наука управления в СССР к тому времени приближалась к деградации, на высшем уровне владели ею единицы, в числе которых могу назвать гениального человека и стратега управления. Это Леонид Аркадьевич Костандов — министр химической промышленности СССР, а позднее заместитель председателя Совета Министров СССР. Мне довелось, а лучше сказать посчастливилось, работать под его началом — это была поистине великая школа на всю мою трудовую жизнь, включая период руководства Москвой.

Четвёртая причина заключается в невероятной сложности эффективного реформирования предельно централизованной забюрократченной экономики, её незаинтересованности в собственном совершенствовании, особенно при неприятии рыночных элементов.

Андропов приложил серьезные усилия в деле упорядочивания управленческого хаоса. Это хорошо чувствовалось в промышленности, и я могу говорить об эффективности таких действий на примере двадцатитысячного научно-производственного объединения, которым руководил в качестве генерального директора. «На мне» был и огромный коллектив, и ответственность за 1400 единиц производственной техники. До прихода Андропова чуть ли не всё время уходило на добывание комплектации от недисциплинированных поставщиков. Практически сразу после решений Андропова вернулась строгая дисциплина поставок комплектации и материалов. И впервые генеральный директор мог заниматься не материально-техническим снабжением, а управлением, развитием и наукой.

При Брежнев Андропов не был архитектором «застоя», на его плечах были другие задачи. Став Генеральным секретарём, он не стал успешным реформатором. Предположим условно, что из-за недостатка времени. Реальные причины, как сказано выше, лежат гораздо глубже.

Не сбросим со счетов и то, что Запад продолжал конфронтацию с СССР, а Страна Советов развернула во всём мире широкую борьбу за мир — это особенно ясно проявилось в противостоянии США и Советского Союза в вопросе размещения в Западной Европе американских «першингов» в ответ на наши ракеты СС-20. 8 марта 1983 года Рональд Рейган назвал СССР империей

зла, а 23-го числа того же месяца объявил о развёртывании программы СОИ — Стратегическая оборонная инициатива. «Им (США), — говорил Андропов, — пора остановить... поиски наилучшего способа развязывания ядерной войны... Участвовать в этом не просто безответственно. Это безумие».

Далее СССР последовательно сокращал переговоры по разоружению до полного их замораживания в конце 1983 года. Холодная война достигла апогея.

И всё же была ли в принципе реформоспособна советская экономика? Сама по себе — в малой степени, для более высокого результата нужны были масштабные преобразования базисных институтов, включая внедрение демократических принципов правления, создание эффективного гражданского общества, устранение таких факторов, как разорительная гонка вооружений, что, к сожалению, от нашей власти в полной мере, конечно, не зависело.

Андропов унаследовал от двух столь разных во всём предшественников, Хрущёва и Брежнева, страну с раздёрганной, при Никите Сергеевиче, системой управления и законсервировавшейся, при Леониде Ильиче, структурой власти. В одном организме были разом две болезни, и организм этот после предельной мобилизованности сталинского времени был не в лучшей форме. Накопилась усталость.

И здесь, наверное, уместно будет сказать, что в нашей истории Сталин, условно говоря, отдыхал от Ленина с его мировой революцией, Хрущёв отдыхал от Сталина, Брежнев отдыхал от Хрущёва, Андропов от Брежнева, Черненко отдыхал сам по себе, ибо тяжело болел, а Горбачёв отдыхал от всех предшественников скопом. И благополучно отдыхает до сих пор. История же Ельцина нам всем известна. Ельцин «отдыхал» от Горбачёва.

По замыслу книги я разбираю тему трёх жизней властителя: во власти, после утраты власти и в памяти народа. Второй жизни — после утраты власти — у Андропова не было. Первую он прожил, как мог бы её прожить идеальный по коммунистическим стандартам человек. Он был настоящим патриотом, честным в политическом и личном качестве политиком и властителем, отличался скромностью, не занимался личным стяжательством, на всех постах служил интересам государства, не забывал о народе, был довольно образованным и по-настоящему интеллигентным человеком. Общество знало о нём немного — до назначения в 1967 году на пост председателя всемогущего КГБ. О нём, само собой, ходили легенды, особенно в диссидентских кругах, он, по авторитетным свидетельствам, не был чужд либеральных взглядов. В международных делах держался жёсткого принципиального стиля — и это в массовом сознании воспринималось как неоспоримое достоинство. В перестройку, и особенно в 90-х годах, ему «припомнили» участие в венгерских и пражских событиях, квалифицировав его деятельность как едва ли не палаческую.

Со временем страсти остыли. Пришли новые времена, закипели новые страсти, появились новые кумиры, и, как у нас повелось, старое было осмеяно. В этом смысле история Андропова феноменальна — о нём не было, насколько это известно, ни одного анекдота, его не пародировали на сцене,

в его «белье» не копались ни публицисты, ни литераторы, ни кинорежиссёры. Обыватель, употребляю это определение без какого-либо осудительного оттенка, крепко запомнил, что при Андропове, в первый и последний раз в советском периоде, произошло снижение цены на водку. В общем плане сочувственно вспоминаются его не очень эффективные, внешне активные попытки наладить дисциплину.

Андропов в нашем коллективном сознании остался как властитель, который честно хотел, но реально не успел провести капитальные и эффективные реформы. Будь у него время — Советский Союз, возможно, обрёл бы большую внутреннюю прочность. Менее других властителей страны критикуемый, он и запомнился как некое локальное явление во власти, избилующей гораздо более колоритными персонажами.

На похороны у кремлёвской стены прибыли, помимо руководителей социалистических и развивающихся стран, премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и вице-президент США Дж. Буш-старший. В тот момент они вряд ли предполагали, что провожают в последний путь последнего реально сильного коммунистического властителя СССР.

Наступал закат коммунистической империи. Начиналось бурное развитие Китая — государства, не растоптавшего своих знамён.

Андропов, очевидно, искренне хотел провести в стране давно назревшие реформы: оздоровить власть, укрепить управление, модернизировать экономику, иначе говоря, продолжить советский проект на его базисных основаниях, не меняя сути. Ничего из этого замысла не удалось реализовать. Не успел. Но и поживи Андропов подольше, вряд ли удалось бы действительно модернизировать СССР. Историческое время Союза шло к концу.

Черненко

В череде властителей нашего государства есть своеобразная «пара», удивительно разнящаяся по характеру, по стилю правления и множеству других важных составляющих. Тем не менее общество воспринимает двух лидеров едва ли не как целое, и этому есть причина. Речь о Юрии Владимировиче Андропове и Константине Устиновиче Черненко; на высшем посту второй сменил первого и через малое время этот пост освободил...

Они «ушли», один за другим, в прошлое СССР — государства, у которого не оказалось будущего ещё до конца XX века. Роднит их то, что оба, будучи людьми чрезвычайно информированными, знали всю правду о состоянии дел и умов в Советском Союзе и определённо понимали грозящие ему опасности чрезвычайного уровня. Но понимать одно, а резко, во имя спасения, действовать — совсем другое. Да и одной резкостью не обойдёшься, нужна была огромная системная работа, а на неё не было уже времени, и с какого конца за неё браться, тоже было неясно.

Невозможно теперь проникнуть в их мысли тех лет, когда они властвовали; исторические реконструкции логики правления всегда отмечены незавершённостью — и не потому, что историки не добрались до каких-то неизвестных документов. Просто логика распада по-своему сложнее логики развития, закономерности распада всякий раз не очевидны и не поддаются предварительному расчёту. Иначе говоря, в гору машина едет по известной дороге, с горы, если руль и тормоз отказали, летит кувырком. А они начинали отказывать.

На посту Генерального секретаря ЦК КПСС Константин Устинович Черненко проработал меньше Андропова — всего 390 дней. Это был слишком малый срок для властителя в постоянно требующей изменений стране, где реформы никогда не доводились до завершения. Хотя бы попытаться что-то всерьёз изменить к лучшему Черненко не успевал, да и не знал, как это сделать. Начатые Андроповым реформы при Черненко продолжались по инерции, но для полноформатного их продолжения требовался импульс сверху. Генерировать его Черненко был не в состоянии. Заняться масштабными делами во всю силу не позволяло расшатанное здоровье. Но не только.

По складу характера, по всему своему огромному опыту работы в высшем эшелоне партии Черненко был в лучшем случае «вторым номером», не лидером, не амбициозным «первым заместителем», а именно исполнителем — при этом высшей категории и высочайшей квалификации. В этом на самом деле было его призвание, это была его единственная страсть. Этим он, безусловно, был полезен, в силу этого необходим для партии в целом. В особенности же для Брежнева, которому за долгие годы работы стал не просто приближенным подчинённым, но и верным соратником, и искренне преданным другом.

С большой долей вероятности можно предположить, что Черненко оставался единственным соратником, которому Брежнев верил безоговорочно и

Константин Устинович Черненко

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия. XX век

до конца. Властителю нужен такой человек, который, будучи облечён серьёзными полномочиями, ни в каком случае не станет, да и не сможет под тебя «копать», кто предан тебе всеми фибрами души, с кем и себя можно почувствовать просто человеком и просто другом. Брежневу ведь лгали тотально, грубо, беспардонно — обо всех этих великих экономических достижениях, о невиданных успехах, небывалых урожаях, о сплочении народа вокруг партии. Были и достижения, и урожаи, только не столь колоссальные, была ещё и подлая, лживая рабская лесть. При всём этом Брежневу многие годы было комфортно работать с неутомимым Черненко; в раздражение Брежнев пришёл лишь однажды, когда Черненко слишком уж часто и не к месту стал повторять своё излюбленное «Всё хорошо, Леонид Ильич, всё хорошо». А разговор у них был — о состоянии здоровья Леонида Ильича.

Быть абсолютно преданным и подчиняться безусловно — в этом Черненко не было равных. Как и Брежнев, Черненко был заядлым курильщиком (что его в конечном счете и погубило). Когда Леонида Ильича не стало, Константин Устинович не бросил вредной привычки, позволяя себе курить даже на заседаниях Политбюро. Не терпящий табачного дыма Андропов сделал ему замечание — в самой корректной, но тем не менее весьма ясной по смыслу форме. С курением было покончено в тот же день и навсегда. А курил Черненко с девяти лет. Рефлекс подчинения в одночасье победил многолетнюю страсть.

С 1950 года, когда Черненко возглавлял в Молдавии отдел пропаганды и агитации, жизнь его была связана с Брежневым. Леонид Ильич, тогда первый секретарь республиканского ЦК партии, разглядел очень ещё молодого, но чрезвычайно усердного и толкового работника, оценил его потенциал, взял в свою команду. Уже через шесть лет Черненко работал в ЦК КПСС. Послужной список его краток, но на понимающих людей, в особенности старшего поколения, производит сильное впечатление: с 1956 года по май 1960 года заведующий сектором массовой агитации в отделе агитации и пропаганды, в 1960 — 1965 годах начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР (председателем Президиума в 1960 — 1964 годах был Л.И. Брежнев). В 1965 — 1982 годах заведующий Общим отделом ЦК КПСС. С марта 1976 года секретарь ЦК КПСС. С октября 1977 года кандидат в члены Политбюро, а с ноября 1978 года — член Политбюро ЦК КПСС.

На пост Генерального секретаря семидесятидвухлетний Черненко был выбран единогласно. Это произошло 13 февраля 1984 года, когда он был уже серьёзно болен. Уже с августа 1983 года, после пищевого отравления, Константин Устинович всё реже покидал стены кремлёвской больницы. Состояние было настолько тяжёлым, что позднее в его больничных покоях иногда проводились даже заседания Политбюро — приехать в ЦК он уже не мог.

Если Брежнева соратники хотели, как можно дольше видеть во главе партии хотя бы номинально, то Черненко был номинальным лидером с первого дня властвования. Это знала партия, это понимал народ. По-человечески жалко было видеть физически разбитого, абсолютно немощного человека, ко-

тому вручали удостоверение депутата Верховного совета РСФСР не в привычных парадных интерьерах Кремля, а прямо в больничной палате, в наспех выстроенной для телевидения декорации.

С суловской, по инерции унаследованной барабанной патетикой хлопотали вокруг имени Черненко партийные пропагандисты, придумывая для нового властителя якобы присущие ему (как бы полагающиеся по рангу) качества. Такое усердие не по уму раздражало людей — могу свидетельствовать об этом по личным своим наблюдениям и впечатлениям того периода. В Москве, надо сказать, всегда любили поговорить о власти по существу, и, конечно, говорили, не всегда подбирая гладкие выражения. Особенность бытования бесцензурного общественного мнения в те годы заключалась в том, что если анекдоты о Брежневе были иронически добродушными, то Черненко даже таких и никаких вообще не удостоился. Зло и горько шутили лишь о «пятилетке похорон», о «постоянном пропуске» на траурные церемонии, следовавшие одна за другой.

Широкие партийные массы, не говоря о многомиллионном народе, о Черненко знали мало или часто ничего. Он не был ни героем сплетен, ни обладателем каких-то общеизвестных заслуг, ни «раскрученной фигурой». Публичная известность пришла, когда судьба уже состоялась, да вот беда — биография подходила к концу. Полезное запоминается хуже, чем яркое, — подлинную посмертную славу, прижизненную и посмертную, получают лишь т.е., кто органично сочетают в себе эти кондиции. Чтобы остаться в народной памяти, надо быть не только беззаветным, но и весьма эффективным создателем общего блага. Надо иметь твёрдый характер, относиться к власти как к рабочему инструменту — Черненко в этом смысле предъявить истории было нечего. Он был невероятно трудолюбивым, весьма эффективным, в чём-то незаменимым, но повторяю — всего лишь исполнителем. Не властителем.

Драматизм ситуации усугублялся ещё и тем, что в партии он был не просто одним из коренников, но главным аппаратчиком. На сверхответственном посту руководителя нейтрально называемого Общего отдела ЦК КПСС он смог сосредоточить в своих руках огромную внутрипартийную власть, стать не только тенью Брежнева, но и влиятельнейшим теневым и от этого ещё более значимым политиком. Это никак не противоречит утверждению об исполнительской сути Черненко. У лидера — принципиально другой набор качеств, у успешного лидера ещё более совершенный и уникальный.

Консерватор до мозга костей, Черненко подталкивал Брежнева к радикальной переоценке хрущёвского наследия, настаивал на тщательном изучении и осмыслении сталинского периода, на внятной реабилитации Сталина. Успехи на этом пути были невелики, но так или иначе замечены обществом, что привело к обострению не публичных, но сильных по накалу дискуссий.

Как опытный политик, Черненко осознавал опасности, грозившие самому существованию СССР, но вряд ли подозревал, насколько они велики. Мантры о нерушимости Советского государства, вера в коммунистическую идею прочно владели его сознанием. Будучи, по работе в Общем отделе, чрез-

вычайно информированным человеком, через руки которого проходили все до единого важнейшие партийные документы, он видел все недостатки, знал обо всех пороках, представлял себе все проблемы, стоящие перед партией и страной, но, как и Андропов, полагал, что всё это — хоть и небезобидные, но излечимые болезни.

Ломать ситуацию через колено, как это сделал Хрущёв, ни Андропов, ни Черненко не хотели и не могли: перед их глазами был неудачный пример хрущёвского образа действий, с одной стороны, а с другой — в целом капитальное впечатление о возможности относительного благополучия брежневского периода правления.

Оба они были людьми из прошлого, оба не успевали переложить государственный руль, не осознавали в полной мере, насколько изменился мир.

Они были, каждый небольшое время, властителями сверхдержавы, страны, совершившей в XX веке в короткие считанные десятилетия невероятный цивилизационный рывок, победившей фашизм, сумевшей восстановить народное хозяйство и добиться весомых экономических результатов. Страна была надёжно защищена как могучими вооружёнными силами, так и перманентно обновляемой, хотя и с огромным трудом, системой взаимосдерживающих договоров, основным из которых был Хельсинский акт.

На церемонию его подписания Брежнев взял с собой Костю, как он неизменно тепло называл Черненко; Константин Устинович выполнил тихую роль немого статиста, помогал Леониду Ильичу вставать, садиться и передвигаться, статусно и безмолвно присутствовал на всех протокольных мероприятиях.

Избрание его Генеральным секретарём обрадовало Запад, с точки зрения которого Черненко был, что называется, не боец. К тому времени мало кто сомневался по ту и эту сторону Атлантики, что наиболее вероятным преемником Черненко будет молодой энергичный Горбачёв, успешно прошедший политические «смотрины» у прозорливой Маргарет Тэтчер. Безусловно, и Черненко склонялся к этой амбициозной кандидатуре, не было какого-либо внятного противодействия и у остальной части высшего властного ареопага. Они устали...

Черненко и при жизни, и в краткий период высшего властвования воспринимался как консерватор. Это было его естественным, выработанным в течение десятилетий основным политическим качеством. Его достоинством. Он полагал себя, не без оснований, едва ли не последним хранителем политических устоев, «последним часовым», не покинувшим позиции, когда армия начала с них откатываться. А она начала, и давно, если поглубже всмотреться в прошлое, в действия, например, Хрущёва, навсегда подорвавшего на XX съезде единство коммунистических и рабочих партий, в немалой мере лишившего КПСС авторитета в международном коммунистическом движении.

Консервативна была и численно подавляющая часть КПСС, приученная к партийной дисциплине до такой степени, что автоматическая смена одного заслуженного немощного старца на другого, еще более немощного и не столь заслуженного не вызывала никакой реакции, кроме пересудов на кухне, да

и то строго между своими. Был, вероятно, какой-то слой секретарей республиканских комитетов, обкомов и горкомов, которым предстояло работать и после Черненко, и они трезво всё понимали, но внятной коллективной позиции, альтернативной или хоть как-то разнящейся с позицией Политбюро, не было никогда и никем выражено. Тот, кто возглавлял похоронную команду предыдущего правителя, занимал его пост. Оформлялось это формальным избранием на пленуме (это формальное избрание было, конечно, завершающим актом реальной борьбы группировок внутри Политбюро). Какие тут открытые дискуссии, какое «творчество партийных масс»!

Я помню состояние апатии в партии, трезвое понимание невозможности перемен, идущих не сверху, из Политбюро, а из самой партийной толщи. Созидательные силы, а они были всё же огромными, оставались как бы закупоренными под непроницаемой обложкой партбилета. Партийная дисциплина, остро необходимая в определённых случаях и исторических обстоятельствах, сковала партию по рукам и ногам. Все мы ясно понимали, что высшая власть и при Андропове, и в особенности при Черненко оставалась без головы. Казалось, надо просто дождаться того, кому — передовому и достойному — будут переданы бразды правления.

Те же настроения царили и в обществе, и они лишь укреплялись под всё более интенсивным и всё более бессильным давлением официальной пропаганды. Уже тогда диким архаизмом казались, особенно молодёжи, громадные конструкции на крышах домов, складывающиеся в надпись «Слава КПСС!», или «Вперёд к победе коммунизма!», или «Всё во имя человека, всё во благо человека!». В народе горько шутили, что всем и каждому хорошо известно имя этого человека.

Официоз, некстати и неуместно оптимистический по тону и предельно формальный, лакировочный по стилю, заполнил СМИ до полного его отторжения сознанием. Как и при Брежневe, и при Андропове, главная информационная программа «Время» при Черненко характеризовалась в народе так: «Всё о Нём и немного о погоде». Зато из уст в уста переходил анекдот про рабочего, включившего холодильник в радиорозетку и пораженного качеством и ассортиментом обнаруженных в холодильнике продуктов.

Нет, народ не безмолвствовал, особенно в очередях в магазины с полупустыми полками. Он и никогда на самом деле не безмолвствует в смысле наличия собственного мнения и самых живых чувств и острых мыслей по поводу всего происходящего. Безмолвование, обозначенное в пушкинском «Борисе Годунове», определяет состояние мгновенного катарсиса; мы в застойные годы переживали другое состояние, в котором чувство безысходности смешивалось с чувством надежды.

Было, во всяком случае, ясно, что спасение СССР не могло стать делом консерваторов по той причине, что право на консерватизм, возможность использовать его ресурсы получает лишь та структура, которая накопила огромный потенциал и уже обладает высоким уровнем развития. Консервируют (содержат в полном рабочем порядке и под нагрузкой) не недостатки и сла-

бости, а успешный алгоритм работы, своеобразный эталон, который не надо существенно изменять.

У нас много говорилось и говорится о так называемом «застое», понимая его слишком расширительно, вплоть до безоглядных утверждений о якобы полном крахе советской экономики. На самом деле не крах даже, а кризис, в том числе и кадровый, испытывала система управления, вся властная структура от Политбюро до министерств, главков и всех других структур исполнительной власти. Говорить о законодательной её ветви было бы, мягко говоря, затруднительно, потому что в течение всего советского периода нашей истории законотворчество было делом государства при незначительном, опосредованном и процессуально сугубо формальном участии народа. При этом (как понимать такой парадокс?) далеко не все законы СССР были плохими по качеству, в отличие от немалого числа современных.

Высший эшелон партии заметно дряхлел. Было на самом деле страшно и больно переживать «пятилетку пышных похорон». Старел, слабел высший партийный кадровый корпус в целом: по разным причинам, в том числе по состоянию здоровья, только в 1984 году оставили посты более восьмидесяти секретарей ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов партии.

Как бы то ни было, приняв в начале февраля 1984 года бразды правления, Черненко на пленуме перераспределил обязанности членов Политбюро, усилив тем самым собственную группу, в которую входили также Дмитрий Устинов и Михаил Горбачёв.

Что же всё-таки инициировал Константин Устинович Черненко в краткий период своего правления? Неудавшуюся реформу школы. Не состоявшееся усиление роли профсоюзов. Попутку «закрутить гайки» в молодёжной музыкальной культуре.

Можно вспомнить и то, что в вопросе так называемого «поворота северных рек» Черненко занимал прогрессивную позицию, то есть выступал за реализацию проекта переброса части стока Оби на засушливый обезвоженный юг. По-настоящему защитить проект ему не удалось из-за физической немощи и под невероятным давлением противников проекта. Этой идее предстоит быть реализованной, в чём я не просто убеждён, а в чём уверен, зная соответствующую эффективную практику Китая, США, да и СССР (история проекта и его перспективы освещены в настоящем издании. — *Ред.*).

В числе зримых следов властвования Черненко остаётся, учреждённый при нём День знаний, который отмечается ежегодно 1 сентября. Позднее, в период руководства столицей, я много лет подряд проводил в этот день открытые уроки в разных школах Москвы. Лица детей и юношества были лицами нового поколения, ему предстояли свои испытания и свои победы. Именно опыт общения с молодёжью, а оно было широким и многообразным, стал позднее импульсом для написания работы «Алгоритмы лидерства» (работа включена в настоящее издание. — *Ред.*). Сложнейшая, огромная тема. К тому же малоизученная в силу, может быть, её содержательного объёма и сложности.

Один из выводов, следовавших из названной и других работ, долгих раз-

мышлений и собственного опыта работы во власти и в политике, таков: властители России не имели в своём распоряжении универсальных, испытанных в цивилизационных потрясениях, алгоритмов лидерства.

Строить страну можно разными способами и инструментами, тем более что историческая Россия, воплощаясь в СССР и в демократической России, никогда в своей истории не развивалась сколько-нибудь долго по восходящей. «Кардиограмма» нашего развития прерывиста, пики чередуются с провалами, ровные участки имеют своим завершением скатывание под уклон. Тому есть множество объективных причин, они хорошо известны. И тем не менее, не впадая ни в мечтательный идеализм, ни в критический азарт, настаиваю на том, что именно отсутствие чётких алгоритмов лидерства, его высших принципов, единых для всех правителей, является одной из коренных причин не просто наших неудач и революционных потрясений, но и до сих пор очевидного отставания от наиболее развитых стран мира.

Не было в наборе принципов неуклонно исполняемого «не навреди». Не было в негласном кодексе правления принципа отчётности и ответственности за каждый период правления каждого властителя. В реинкарнации генеральных секретарей, первого президента СССР и первого президента России более-менее последовательно воплощался принцип царского властвования: власть от Бога. Основания же для этого не существовали.

Отсутствие алгоритмов лидерства и стало одной из побудительных причин написания этой книги; в правлении Константина Черненко это отсутствие проявилось в исчерпывающей степени.

Судьба дала Константину Черненко долгую по срокам работу в партийных верхах — об этой его, первой, в принятой нами версии трёх жизней властителя известно практически всё, за исключением того, что не может быть известно в принципе. Утверждать, что в памяти народа этот период хоть как-то отложился, было бы верхом наивности.

Короткое время властвования — бессильного, безвольного и безрезультативного — запомнился лишь тем, что вслед за этим периодом начался бурный и роковой для партии и страны период Горбачёва.

Жизни после властвования у Константина Устиновича Черненко не было ни дня.

Признаем, что и память о нём исчезающе мала по объёму — это редкий и очень драматичный случай в отечественной истории.

Горбачёв и Ельцин

Властители, сменяющие друг друга, редко бывают друзьями в человеческом смысле. В политическом отношении всё ещё сложнее. Здесь внешне комфортный вариант заключается в плавной, без изменения курса, преемственности поста, передаче руля «из рук в руки». Однако клон на вершине власти не может быть лучше оригинала. Копия всегда проигрывает. Она, в самом лучшем случае, второй номер. Обществу ни клон, ни близнец во власти не нужны. Каждый следующий правитель обязан исправить ошибки своего предшественника и продлить путь развития страны. На практике же смена или передача власти — это всегда (и не только у нас в России) явное или скрытое опровержение предшественника. Так что объективно властитель и его предшественник являются соперниками, конкурентами. По факту они соперники, а во времена исторических сломов — и политические враги. Речь, понятно, о первых лицах государства, в конкретном случае — о Горбачёве и Ельцине. Здесь, однако, всё ещё круче, потому что враждовавшие лидеры делали фактически одно дело.

Какими огромными и противоречивыми смыслами наполнены хронологические «соседства» Николая II, Керенского и Ленина, Сталина и Хрущева, Брежнева и Андропова (совокупно с Черненко)! Но и на этом сверхдраматическом историческом фоне «дуэт» Горбачёва и устранившего его Ельцина выглядит настолько чудовищным по непосредственным результатам борьбы и трудов, что исторические параллели меркнут в тусклом «сиянии» их так называемых достижений.

Работа этой парой, что говорить, проделана была громадная. Исторического толка от неё не слишком много по той причине, что в результате мир не стал лучше и спокойнее, исчезла крупная, вторая на планете, общественно-политическая система, а её естественный центр — СССР — перестал существовать. Россия же ослаблена. Ни первый, ни второй не боролись за национальные интересы СССР-России. И не только не защитили их, но, по факту, предали.

Радоваться могут разве что некоторые новые государства — бывшие республики Союза, которым приходится теперь задним числом выдумывать для себя (и про себя) некую великую героическую историю, в течение которой они, ясное дело, бились с Россией. И часто её побеждали, о чем свидетельствуют битые горшки, найденные вот только что. На самом деле некоторые части бывшей советской империи превратились всего только в не очень уважаемых сателлитов Запада. Но это к слову.

Утверждение о том, что исторически работа Горбачёва и Ельцина не является прорывом в содержательное будущее, не содержит в себе никакого, как может показаться, упрощения. Прогресс государства измеряется не масштабами ломки вместо усовершенствования, а многими параметрами позитив-

Борис Николаевич Ельцин и Михаил Сергеевич Горбачёв

Юрий Лужков • Властители, уничтожавшие великую страну • Россия. XX век

ного плана, главнейшие из которых приобретают в разные времена разную степень актуальности.

Подчеркнем для начала важность двух интегральных взаимосвязанных показателей: уровень развития экономики — первое, качество жизни и самочувствования общества — второе. То есть могучая экономика должна не только кормить людей, но и обеспечивать целостность и суверенитет страны, в том числе и оборонными, дипломатическими и иными средствами, а также заботливо обеспечивать нематериальные потребности — духовное равновесие, свободу, достоинство, полноту жизни. И даже, к ужасу так называемых либералов современной выделки, гордость за свою страну. А не брюзгливое презрение к «Рашке», не противоестественное отделение себя, «светлоликих и рукопожатных», от народного тела.

Горбачёв и Ельцин — антагонисты только на первый взгляд. Оба они были невероятно энергичны, но ведь и хаос есть в известном смысле сгусток энергии. Так ураган, пронёсшийся над лесами, полями, дорогами, городами, оставляет после набега смерть людей, разрушения, огромные потери, уничтоженные дома, затопленные долины и города. Тоже ведь большая работа, тоже в считанные часы и дни высвобождена огромная энергия. Но это энергия ураганного ветра, закономерно гаснущая до штиля. А жизнь правителя должна быть жизнью строителя, а не разрушителя.

Горбачёв внешне начинал как долгожданный реформатор, закончил как абсолютно обнулившийся политический отставник — разрушитель собственного государства, ненавидимый и презираемый своим народом. Сомнительна и громкая зарубежная популярность Горбачёва в Германии, например. На это мощное государство, с которым у России было две войны в одном веке, он поработал ударно; чем объединённая Германия ответила России? Неприятием, да ещё и под чужую диктовку, возвращения исторически российского Крыма в «родную гавань». А ведь кому, как не Германии, казалось бы, понять логику восстановления исторической справедливости! Ан нет: немцам своё государство восстанавливать можно и надо, России, по их логике, и нельзя, и не нужно. При европейской приверженности к политическим приличиям и правовым процедурам в виде, например, референдума так называемый цивилизованный мир хладнокровно проигнорировал крымский референдум, попутно обвинив Россию во всех смертных грехах.

Следующий любимчик коллективного Запада Ельцин хотя и не вознаграждался, по примеру Горбачёва, Нобелевской премией с невнятным обоснованием (а точнее, за поражение своей страны в мирное время), но также был многократно целован в дёсны, обласкан и превознесён. Тем же Западом, а не своим народом. Этот властитель безоговорочно признавался сильным. Им, хохоча до слёз от его уморительных повадок невежды, снисходительно любовались, ему прощалась натуральная дикость поступков. За что такие милости? За безоглядный размах капитуляции, за бегство с поля цивилизационного соперничества — этого главного инструмента развития человечества в целом.

И — в чём была его пресловутая сила? В итоге — разве что в капитулянтском развале Советского Союза и в расстреле Верховного Совета во имя, само собой, демократии и процветания. Да в предшествовавшей этому политической лютости низвержения Горбачёва в 1991 году, в разрушительном бурном энтузиазме перехвата власти у растерянного и безвольного соперника. И, как говорится, ничего страшного, что, поставив законы и полномочия РСФСР выше законов и полномочий СССР, Ельцин тем самым и «закопал» Советский Союз.

Трудно ли догадаться, что за всем этим показным уважением к ним Запада, благодарностью и восхищением двумя русскими властителями стоит презрение умных победителей к глупым побеждённым?

Широко, казалось бы, распахнутые ворота в семью демократических государств захлопнулись перед нашим носом, как только Россия стала играть по ими же обозначенным правилам, да ещё и дав соперникам перед этим щедрую фору. Клуб оказался закрытым.

Развал СССР руками Горбачёва и Ельцина был только началом. Никто из них, да и вообще никто из наших политиков конца прошлого века, и вообразить не мог, куда придёт, например, Украина.

В этой связи показательны размышления сотрудника киевского Института Евро-Атлантического співробітництва — Института Евро-Атлантического сотрудничества (ИЕАС) — Андреаса Умланда, опубликовавшего в США статью «Как решить задачу безопасности Украины». Умланд рассуждает о том, что расширение НАТО на восток — это реализация, чуть ли не с одобрения Михаила Горбачева, политики интеграции в западную систему ценностей бывших, включая Россию, стран Варшавского договора (версия, на наш взгляд, заслуживающая внимания. — Ю.Л.). Однако из-за якобы неоимперских амбиций России она не захотела стать членом прекрасной европейской семьи.

Любопытно, что с Россией было бы сейчас, если иметь в виду состояние экономик и уровень суверенитета (лучше сказать, отсутствие оногo) бывших республик СССР, исключая, естественно, Белоруссию, Казахстан и в какой-то мере Киргизию, выбравших иной путь.

Что же касается преобразования G7 в G8, то это просто знак того, что Борис Ельцин был согласен с практикой однополярного мира. Всю игру предшественников испортил, стало быть, Путин, обозначивший национальные интересы России и заявивший о многополярности мира.

Эти интересы, в уникальной трактовке украамериканского политолога с прибалтийской фамилией, привели к тому, что Украине, дабы спастись от злого соседа, надо (внимание!) целиком войти в состав Польши.

Вот вам и незалежность. Что сказать, широк украинский шлях, если независимая Украина, положившая много сил и нервов, чтобы вырваться из орбиты России, растворится в Польше.

Вот вам и признание Горбачева, прозвучавшее в момент отказа от президентства в декабре 1991 года: «Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе — распад государствен-

ности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны — последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех».

Но ведь августовский путч на самом-то деле не Горбачёвым ли был обеспечен, не Горбачёв ли довёл всю страну до той самой «предельной черты»?

Трижды прав был Андропов, заявивший о незнании нами нашей страны. Жаль, поздно разглядел он Горбачёва, назвав его слишком торопливым и предрекая, что Горбачев много наломает дров.

Нет никаких оснований не то что думать, но даже предполагать, что Горбачёв знал страну лучше и глубже Андропова. Ставропольский реформатор (по форме) оказался капитулянтом по сути. Легковёрным, легковесным, по- своему коварным и в результате проигравшем всё, что только можно было проиграть. Конспирологи, правда, уверены, что Горбачёв вовсе не импровизировал и совершенно не ошибался, просто он осуществлял не им написанный исторический сценарий. Над конспирологами принято иронизировать, но, как говорится, осадочек то остался. Особенно если учесть так и оставшиеся содержательно неизвестными договоренности Горбачёва с Бушем-старшим, равно как и мальтийские переговоры, это «тайное, ставшее явным».

(Приведу в связи с этим фрагмент опубликованного 30 ноября 2014 года в «Комсомольской правде» интервью Е. Черных и А. Баранова с директором Центра русских исследований А. Фурсовым. Интервью называется «На Мальте Горбачев сдал СССР со всеми потрохами». Опровержения от Горбачёва на эту громкую публикацию не был то: GLOBAL LOOK PRESS.

«Джордж Буш и Михаил Горбачев встретились 2 — 3 декабря 1989 г. Мальтийский саммит тут же поставили в один ряд с Ялтинской конференцией 1945 г., где Сталин, Рузвельт и Черчилль обсуждали послевоенное устройство мира. Еще бы! На средиземноморском острове лидеры двух сверхдержав провозгласили окончание «холодной войны».

А вскоре СССР приказал долго жить. И в мире осталась одна сверхдержава.

— Четверть века назад Мальта действительно изменила ход истории, — говорит директор Центра русских исследований Андрей Фурсов. — Точнее, эта встреча открыто, «на свету» оформила, зафиксировала изменение хода истории. Которое в тени произошло несколько раньше, а готовилось несколько десятилетий. На Мальте Горбачев не просто сдал мировую соцсистему и Советский Союз. Он де-факто признал Запад хозяином Большой Системы «Рос- сия» (на тот момент она называлась «СССР»).

— Разрушил то, что поколения советских людей создавали потом и кровью.

— В одиночку Горбачев ничего разрушить не мог. Такое одиночке не под силу. Горбачевская «перестроечная бригада» была ширмой и одновременно орудием целого блока внутрисоветских и западных интересов. К середине 1970-х в СССР сформировался кластер интересов — часть партийно-хозяйственной номенклатуры, спецслужб, крупные теневые дельцы. Они стремились поменять социалистический строй — отодвинуть КПСС от

власти и стать собственниками общенародного на тот момент советского хозяйства.

— Хотели жить, как на Западе.

— Их союзником объективно выступали определенные сегменты западной верхушки. Причем если представители государственно-монополистического капитала были готовы к длительному реальному сосуществованию, хотя и нацеленному в конечном счете на «конвергентное» разрушение СССР, то глобалисты-корпоратократы ставили на относительно быстрое разрушение Союза. В советском истеблишменте союзником внутренних «разрушителей» выступали те, кто хотел лишь реформировать социализм, а не менять его, — их использовали втемную. Сами сменщики строя тоже не были едины. Среди них были и «патриоты-националисты», в чем-то близкие к охранителям-консерваторам, и глобалисты. Реальная политико-экономическая картина разрушения СССР намного сложнее, чем это представляется. Она еще более усложнялась клановыми и личными связями — как внутренними, так и внешними.

На рубеже 1970 — 1980-х годов в США и Великобритании к власти пришли ставленники глобальной корпоратократии Рейган и Тэтчер. Стартовала неолиберальная (контр) революция. Баланс сил в мировой верхушке сместился в сторону неоглобалистов. Они тут же развернули агрессивный курс против СССР как «империи зла». Начался новый виток холодной войны.

...1989-й — год поражения той бригады в советском истеблишменте, которая хотела демонтировать только строй, не говоря уже о «реформаторах социализма» и «патриотах». Мальта-89 — символ их позорного проигрыша, оформленного горбачевской капитуляцией. Мальта-89 — победа коллективного Запада, частичный реванш той его части, которая была связана с Третьим, а затем и с Четвертым рейхом, а также тех сил на Западе (и в СССР), которые поставили задачу уничтожения исторической России как таковой. Ведь заявил же в одном из интервью член Политбюро А.Н. Яковлев (участник Мальтийского саммита!), что перестройкой они ломали не только коммунизм, но тысячелетнюю модель русской истории. Короче, Яковлев, как и Бжезинский, признал, что он и ему подобные боролись не против коммунизма и СССР, а против России и русского духа.

— Проговорился!»

Попытка вывести Россию на путь развития, осуществляемая после Горбачёва и Ельцина в XXI веке, встречает колоссальные трудности и яростное сопротивление геополитических соседей лишь потому, что Россия, по сути, начала отказываться от разрушительных заветов говорливого и притом политически скрытного Михаила и свирепого Бориса.

В непростом состоянии международных дел России во втором десятилетии нового века, в нынешней острой даже для нас, привыкших к непогоде, ситуации, в очень большой степени виноваты Горбачёв и Ельцин, сумевшие потенциально благотворные реформы превратить в разрушительную револю-

цию. Целили снайперы в коммунизм, попали в Россию; Запад же, надо наконец признать это, и изначально целил именно в Россию.

До нашего догматического пустотелого к концу века коммунизма, как и до его идеологически могучего китайского варианта, Западу дела не было. Дело не в идеологии. Тем более что перемены так или иначе назревали и в партии, и во всех других институтах власти. Догматическое отживало свой век. Горбачёв, начав с «ускорения» (что это было, кто-нибудь успел понять?) и закончив «перестройкой» (а вот перестройку мы все поняли, поскольку были досыта ею накормлены), сумел энергию переосмысления опыта СССР сделать энергией ненависти фактически ко всему советскому, а стало быть, ко всему базисному русскому и российскому, что было заключено в исторической формации социализма.

Коварное предательство? Внезапное сумасшествие? Врождённая глупость? Каждое из этих определений предметно обосновано во множестве свидетельств и исследований.

Определение базисного качества Горбачёва-владельца звучит несколько иначе: слепота. Слепому во главе огромного, потенциально готового к переменам государства не надо для погубления этого государства быть предателем, сумасшедшим или глупцом. Он и без этих кондиций погубит всё, что можно.

Горбачёв же совершил даже и невозможное, невероятное, немислимое: он развалил (а хочется сказать прямо, пр...л) колоссальное, всемирного уровня, цивилизационное достояние, вселенную под названием «Россия». Это можно сравнить с тем, что мужик, собравшийся перестроить дом, раскатал до бревна всё огромное село, поджёг его с разных концов, перессорил все семьи, а потом плюнул на пепелище и сказал: «Я хорошо поработал. Ухожу на покой. Буду рекламировать гамбургеры» (как ни позорно даже для отставника, но было в его биографии и это).

Юрист, гуманитарий, автор, легко сказать, «перестройки и нового мышления для нашей страны и для всего мира» оказался неспособным понять, «на что он руку поднимал». Пишет — «для нашей страны». Какой, чьей, в каком историческом измерении?

Хорошо, хоть, как стало принято, не формулирует «для этой страны». Хотя разница невелика, для этой ли, для нашей ли. Главное, не для России, не для СССР — рука, видно, не поднялась написать ни историческое имя, ни современное на то время название государства.

Пишет с образцовой провинциальностью не крупного интеллекта «и для всего мира». Что нового вы сказали миру, товарищ Горбачёв? Объяснили, что такое хорошо и что такое плохо? Указали новые светлые пути? Разъяснили ошибки этого мира?

Повергнуть страну в хаос есть преступление перед её многовековой историей. И оно было совершено, в результате исполнились планы всех исторических врагов России о её разрушении. Чтобы это утверждение не казалось излишне абстрактным, назовём хотя бы Гитлера.

Горбачёв и Ельцин вывели Россию из числа участников мирового соревнования и экономик, и типов цивилизаций. Сильнейшее соперничество Китая и

США, например, — это соперничество именно и экономик, и типов цивилизаций, а не идеологий. И наши попытки занять в мире былое видное место — это не форма коммунистического или ещё какого идеологического реванша, а стремление хотя бы восстановить утраченную экономическую мощь и национальную цивилизационную идентичность.

В крупном цивилизационном формате соперничают, в форме экономической борьбы, или, не дай Бог, войны, типы цивилизаций — и это потенциально великое благое соперничество, которое, будем по-русски идеалистически уповать на это, когда-нибудь, когда человечество станет много мудрее, будет осмысленным дружественным сотрудничеством. Данилевский справедливо писал, что «...не в том дело, чтобы не было всемирного государства, а в том, чтобы не было *господства* одной цивилизации, одной культуры».

Человечеству нет смысла говорить на одном языке, носить одну одежду, петь одну песню — мир прекрасен ансамблем цивилизаций, а не казённым однообразием одной для всех «демократии» или одного «коммунизма».

Уступчивая Россия поняла это раньше напористого Запада; Китай, будучи мировым экономическим гигантом, хранит свою цивилизационную идентичность как зеницу ока. Его экономический рывок имеет, помимо геополитической и коммерческой компоненты, еще и задачу бережного сохранения своего цивилизационного «я». Потому китайские капиталы работают на Китай, а российские доходы инвестируются во множество «челси».

От русского цивилизационного «я» с идиотическим энтузиазмом, под бурные аплодисменты западных и доморощенных «общечеловеков», отказывались Горбачев и Ельцин. В результате мы проигрываем и в экономике, и в имидже, и в наращивании духовного ресурса нации — базы всех успехов, материкового фундамента всего государства. Я уже писал (в книге «Россия на перепутье...». М., 2016. — *Ред.*), что «на первых порах Горбачёв божился в верности социалистическому выбору (и никто на Западе тогда его в этом не попрекал. — *Ю.Л.*). А потом они с ненавистником ленинизма Яковлевым совершили кульбит. Советский социализм пустили на слом. А Ельцин и вовсе заделался «монератистом». И «перемены», то есть реформы, оказались именно в «чужих руках» — МВФ и прочих западных доброхотов. В Пекине эту публику не подпускают на пушечный выстрел».

Можно долго говорить о том, что Горбачёв и Ельцин избавили страну от тоталитаризма, дали возможность демократического выбора, избавили от перекося экономики в сторону ВПК, спасли мир от ядерного коллапса. Только все эти разговоры в пользу бедных разумом. Когда разрушают твой дом, это не означает, что тебе дают свободу. Когда высаживают окна, это делается не для проветривания помещения. Когда ты, обманутый, умиляешься разрушительному бардаку, это значит, что ты греешь руки на своём пепелище. Кстати уж, и самый крупный аргумент за развал СССР — исключение угрозы и возможности ядерной войны, якобы исходивших от СССР, — не выдерживает критики, ибо угроза никуда не делась, притом, что Россия её абсолютно не генерирует. Как положила руку на сердце не генерировал её и СССР. А если, по чьему-то

мнению, а такие существуют, и генерирует, то никак не усерднее другого, всем известного ядерного государства.

Какой мерой определить политическую разумность Горбачёва и Ельцина, какова степень развитости их мышления — тайна сия велика есть. Подводя итог своего властвования, Горбачёв громогласно заявил: «Покончено с холодной войной, остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны».

Михаил Сергеевич, вы можете повторить эти слова сейчас, во втором десятилетии нового века?

Опуская благоглупости о том, что покончено с холодной войной, якобы остановлена гонка вооружений и снята угроза мировой войны, хотелось бы спросить вас, были ли в Советском Союзе, как вы утверждаете, «изуродованы экономика (вы её получили в статусе второй в мире. — Ю.Л.), общественное сознание и мораль»?

Более гнусного плевать наша история и наш великий народ не получали от своих правителей в течение столетий своей государственности. Это вы оскорбили Отечество, вы, едва не погубивший его. Вы, по великой вашей глупости, пустивший на распыл огромное национальное богатство, ни на копейку не увеличившееся за годы вашего бестолкового правления. Вот статистическая таблица, которая не требует никаких комментариев ввиду своей убийственной красноречивости.

Показатели (СССР)	1985 год	1991 год
Золотой запас, тонн	2500	240
Внешний долг, млрд долларов	31,3	70,3
Официальный курс рубля к доллару	0,64 рубля	90 рублей
Официальные темпы роста советской экономики	+2,3%	-11 %

Неудержимо хочется спросить словами Владимира Высоцкого: «Где деньги, Миш?» Где так называемое «золото партии», разложенное по сейфам в «фирмы друзей»? Всё кануло в Лету, а точнее, стало питать экономику Запада.

В этом виноваты вы, Горбачёв, вы, явивший способность «переобуться в воздухе», окруживший себя ратью льстецов и лжецов, вас же и предавших, когда появился ваш сокрушитель и одновременно ваш продолжатель Ельцин.

...От Горбачёва и Ельцина мы получили столь тяжёлое и притом нищенски скудное наследие, что и поныне не далеко отошли от края пропасти. Мы слабы настолько, насколько слаб больной, которого хирурги оставили на операционном столе, не зашив швы и перед тем занёсшие в организм вирус слабости.

Прошлое упорно проникает в никому не известное Будущее. Это не парадокс, а закономерность. Искры, казалось бы, отгоревших исторических костров способны разжечь новые пожары. Мы не изжили в себе ни Горбачёва, ни Ельцина. А в более широком плане нашей российской судьбой норовят дистанционно поруководить и Ленин со Сталиным, и Хрущёв с Брежневым. И речь не об отдельных нынешних ошибках, а, скорее, о характере российской власти, неизбежно, на всех уровнях, впитавшей в себя весь совокупный опыт исторического национального института властвования в его худших проявлениях. Речь о неизжитых традициях из числа тех, которые следовало бы забыть.

В этом плане крайне интересно философское размышление В.В. Путина на открытом уроке «Россия, устремлённая в будущее» 1 сентября 2017 года в Ярославле. Оно тем более значимо, что обращено к будущему России — к детям, к завтрашним лидерам. «Жизнь — она, как говорят, сложна и многообразна. Всегда сложна с точки зрения конкуренции. Конкуренция всегда очень сильная и мощная, но сегодня посмотрите, как активно развивается мир. Мы говорим: «Наша страна большая, могучая, великая». Всё правда, и всё соответствует действительности. Но посмотрите, как мир развивается. Есть страны, которые по количеству населения несопоставимо больше нашей страны. Есть страны, государства, где технологии, современные способы управления гораздо эффективнее, чем у нас.

Но возникает вопрос: если мы существуем более 1000 лет, так активно развиваемся и укрепляем себя, значит, что-то у нас есть такое, что этому способствует? Это что-то — это внутренний «ядерный реактор» нашего народа, нашего человека, русского человека, российского человека, который позволяет двигаться вперёд. Это некая пассионарность, о которой Гумилёв говорил в своё время, которая толкает нашу страну вперёд».

Что же, пассионарность, всегда связанная с жертвенностью, у нас действительно в крови. Мы в России веками, из поколения в поколение, терпеливы и мужественны, самоотверженны и бесстрашны, благонравны и светлы душой. Я — без иронии об этом потому ещё, что знаю и о наших не лучших чертах, такие тоже есть. Я — с жадой прибавить к эпической пассионарности математический расчёт, к силе — технологии, к пространствам — инфраструктуру, к богатствам — ещё большие, но активно работающие богатства, к ресурсам — их сбережение.

Иначе наша пассионарность будет двигателем всего только вечной борьбы, а не вдохновенного созидания. Мы не можем больше любоваться пассионарностью, приспел срок творить достижения, и именно молодому поколению.

И надо помнить: нас критически мало для такой огромной страны, у которой 25 млн русских стараниями Горбачёва и Ельцина оказались в других государствах, в рыхлом формировании СНГ. Нас на самом деле мало даже для европейской части России, в которой, в отличие от хорошо организованного европейского умения обустроено жить на земле, лежат громадные незасе-

лённые территории, праздно «гуляют» миллионы гектаров земли, зарастают бурьяном тысячи деревень, не выживших в XXI веке. Всё это — печальные результаты революционной команды Горбачёва и Ельцина.

В сборнике «Иного не дано» (1988) академик Заславская писала, что «с точки зрения ожидающихся решений предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась (если бы только в Сумгаите. — Ю.Л.) *социальной революцией*. (В пределах одной фразы *преобразование* вдруг превратилось в *революцию*. Суп в кастрюльке академика медленнее закипал. — Ю.Л.). Речь, следовательно, идёт о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нём классовой борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*».

С. Кара-Мурза, и с ним трудно не согласиться, комментирует эти р-р-революционные суждения следующим образом: «Подумайте: главный социолог страны и советник генсека КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что не надо бояться самого слова *революция*, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод» (на счёт перераспределения *свобод* потрясает какой-то особенно дикой наглостью. — Ю.Л.) между классами, слоями и группами и «обострение классовой борьбы». И ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине восьмидесятых годов в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдёт «резкое перераспределение» всего? Ради каких ценностей вы тяните страну в революцию? Безответственность такого доктринёрства просто потрясает».

Пассионарность советников не всегда есть свидетельство их разумности и компетентности, а уж о мудрости просто смолчим. Заславская, как выражается теперь молодёжь, крута, как были круты наши российские революционеры во главе с товарищем Лениным, объявившим ненужными целые классы. Поразительно, что на такой идейной базе большевистски настроенная Заславская боролась, какие могут быть сомнения, с коммунистическим строем.

Но что же человек, назвавший свою книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»? Для всего мира, вдумайся читатель. Всему миру он всё это безумие предложил? Или просто отчитался: веду, дескать, СССР к пропасти, и пропади он пропадом, раз новое мышление.

Нет, Горбачёв ранее заявлял: «Разумеется, Советскую власть мы менять не собираемся, от ее принципиальных основ отступать не будем. Но изменения необходимы, причем такие, которые укрепляют социализм, делают его

политически богаче и динамичнее. В этом плане мы вправе по-крупному, принципиально оценивать нашу программу всесторонней демократизации советского общества как программу перемен в существующей политической системе».

Аминь. Не собираясь менять Советскую власть, сменил бы хоть помощников, взявших волю теоретизировать, с немедленным выходом на практику, не только не по чину, но и не по уму.

И ещё одна цитата из горбачёвского теоретического наследия: «Революционная обстановка требует энтузиазма, самоотдачи, самозабвения, особенно от руководителей. До этого нам пока далеко. Еще немало таких, кто пребывает «в состоянии эволюции», а проще сказать — выжидает».

Спрашивается: один ли человек писал о том, что не собирается менять Советскую власть и отступать от её основ, и о революционной обстановке как данности?

Один. Горбачёв. Так, возьмём предельную крайность, генерал Красной армии и позднее фашистский прихвостень — это был один человек. Павлов.

Исторический итог правления Горбачёва и Ельцина удручает. И этот итог экстраполируется в будущее, в точном соответствии с вышеобозначенной закономерностью.

Я не подвластен ностальгии старокоммунистического или иного толка, прекрасно понимаю, что перемены были неизбежны. Но в случае с Горбачёвым и Ельциным, повлекшими за собой по историческому бездорожью, без карты и компаса, миллионы и миллионы людей, удручает примитивность их политического манёвра в сторону очередной (противоестественное, если вдуматься, определение) революции. Понятно, хочется быстрее пройти трудный этап исторической дистанции. Манит успех и греют души аплодисменты «свободного мира». Но, скажу жёстко, надо было быть слишком уж наивными идеалистами (мягкий синоним дурака), чтобы не понять: Россия — естественный конкурент Запада, а Запад никогда за всю многовековую историю не помогал развитию конкурента.

Он, по справедливости, вовсе не обязан этого делать — создавать в лице соперника новые центры силы, усиливать экономического конкурента, развивать его институты власти и интеллекта. Поэтому нам ничего от Запада ждать не стоит, кроме, само собой, взаимовыгодного сотрудничества (то есть выгодного и Западу), которое время от времени Западом же и обнуляется по политическим мотивам.

Мы живём в плотном историческом времени, нагружающем сознание массивными пластами всё новых и новых смыслов. Книга М. Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» вышла в свет в 1987 году (это было недавно, это было давно). Приводимый ниже короткий фрагмент ярко характеризует политическую, более того, мировоззренческую позицию Генерального секретаря ЦК КПСС.

«Разумеется, перестройка стимулирована в значительной мере нашей неудовлетворенностью тем, как шли дела в стране в последние годы. Но в еще

большей степени она объясняется осознанием того, что потенциальные возможности социализма использовались недостаточно. Сейчас, в дни 70-летия нашей революции, мы особенно отчетливо осознаем это. Мы располагаем прочным материальным фундаментом, большим опытом, духовным кругозором для того, чтобы целеустремленно и непрерывно совершенствовать наше общество, добываясь все более высокой отдачи — как количественной, так и качественной — от всей нашей деятельности».

Неудовлетворённость тем, как шли дела... разумеется, разумеется, настоящее никогда не удовлетворяет политика, всегда хочется «совершенствовать наше общество». Но ведь сказано: совершенствовать. А что сделано?

«Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей» — это сказано в обращении к народу покидающего пост президента СССР М.С. Горбачёва.

Что называется, «или крестик сними, или трусы надень». По прошествии лет и появившейся в связи с этим возможности видеть процесс в целом становится очевидным, что Горбачёв в своей книге беспардонно врал. Как врал и позднее признавался во вранье член Политбюро («добрый человек из Политбюро», как тогда писали) А.Н. Яковлев.

Небезынтересно в связи с этим суждение бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР Филиппа Бобкова:

«Когда КГБ стало известно, кто такой Яковлев, до развала СССР было еще достаточно далеко.

Перед тем как представить данные разведки о предательстве Яковлева наверх, Крючков показал их мне. Говорит: «Я тебя прошу принять участие в этом разоблачении».

Я говорю: «Я готов принять участие, но первым делом надо показать эти материалы Горбачёву. Надо сказать Горбачёву, что «есть такие материалы и что их не надо куда-то там передавать на высокое обсуждение, а их надо сразу предать гласности».

Чтобы, если Горбачёв заодно с Яковлевым, они не смогли выкрутиться!

Через два дня встречаемся. Крючков говорит: «Ты знаешь, я показал документы на Яковлева Горбачёву, а Горбачёв сказал: покажи их Яковлеву, что он скажет. Я пошёл к Яковлеву и понял, что Горбачёв его уже предупредил. Яковлев был готов к разговору и свёл его на нет, дескать, это всё происки его врагов».

Прошли годы, которые показали, что это не происки, а достоверные данные преданных нашей стране людей.

Опоздали с разоблачением Яковлева не мы. Это наш председатель (оказавшийся, между прочим, во главе КГБ благодаря Горбачёву) проявил нерешительность, попытавшись уладить всё кулуарным способом, вместо того чтобы задолго до августа 1991 года обнародовать материалы разведки, предупреждавшие общество о подготовке Соединёнными Штатами развала СССР через группу Яковлева».

Современная реальность убедительно доказывает, что развал СССР не только не сделал мир безопаснее и стабильнее, но привёл человечество в не-

равновесное нервное состояние, не балансируемое больше системой договоров и обязательств.

Сильнейшие западные страны вслед за США перешли на некую внешне импровизационную политику, не отказавшись, конечно, от самоназначенной роли демократизаторов мирового сообщества. Это практическая данность, а глобальная цивилизационная проблема может быть охвачена таким вот простым вопросом: сколько раз страна, да и мир в целом, способны наступать на одни и те же грабли, ничего принципиально нового не генерируя в политике, не создавая нового цивилизационного качества развития. Сколько исторических развилок, несущих новый шанс, было слепо пропущено, когда выбор всё-таки был. А он был, и притом был щедро оплачен наперёд.

Три таких возможности мир проворонил. Первая из них — развитие по модели СССР, государства — реинкарнации России, ныне раскритикованного в клочья, но, бесспорно, имевшего всемирно важный опыт иного, скажем так, более благородного стратегического замысла. СССР был сильным конкурентом коллективного Запада — в результате СССР не стало. Причина катастрофы изначально — не в нашей слабости, а в потенциале нашей силы. Нас старались выключить из соперничества.

Миру стало легче и лучше жить после этого? Воцарилась всемирная справедливость? Мы создали в демократической России что-то принципиально новое и исторически достойное?

Читатель знает ответы на эти вопросы. Всё, что у нас получается, — это пока что не синтез высоких достоинств, а смесь элементов цивилизационного состава Российской империи, Советского Союза и дурно, плохо, по ученически истолкованного мирового (читай, западного) опыта. (Справедливости ради надо сказать, что и мировой опыт есть всё-таки не сумма блистательных побед). Мы ничему не научились ни у Китая, ни, например, у Японии, явивших, в своё время, беспрецедентный успех (о природе этого успеха ниже будет сказано подробнее). Более того, мы, по сути, ничему не научились и у Запада, демонстрирующего, при куче проблем, способность с виртуозным мастерством использовать общее с нами историческое время с громадной пользой для себя. На всём своём историческом пути Россия демонстрировала, и это продолжается по сей день, свою «всемирную отзывчивость», беспримерную щедрость, всепрощение и прочие достоинства такого нравственно высокого ряда, вызывая в ответ то коварство «партнёров», то предательство «братьев», то нескрываемые насмешки бывших «союзников». И во всех случаях — сильнейшее желание так или иначе пограбить огромную страну, перераспределить её богатства в пользу своих карманов.

Вторым шансом нового пути для России и мира стали итоги Второй мировой войны, закреплённые в Ялтинской конференции «Большой тройки», Потсдамской конференции и Хельсинском совещании 1975 года. Дорого давшийся разгром фашизма — общего, как представлялось, врага — недолго сдерживал мировые амбиции, не помог Западу видеть в России (СССР) не соперника, а могучего цивилизационного союзника. Искус конфликтовать ради

прибыли, демонизировать Россию ради морального оправдания собственной вековой агрессивности привёл к тому, что там, где была между нами граница, ныне разверзлись глубокие рвы.

Третий шанс России и миру дал трагический распад СССР, то есть полный отказ России от советского пути развития. Нас крайне любезно поздравили с этим решением, похихотав над простаками за кулисами всяческих переговоров, но крайне цинично вскоре «кинули», ибо мы от своего добра отказались, а Запад своё добро решил преувеличить за наш счёт. В очередной раз мы убедились, что западная цивилизация видит в России всего только сырьевую кладовку планетарного объёма.

Запад от своей исторической парадигмы не отступил ни на миллиметр. Не случайно на Петербургском международном экономическом форуме 2015 года В.В. Путин заявил, что в результате распада СССР «США оказались в состоянии какой-то эйфории и, вместо того чтобы выстраивать добрососедские и партнерские отношения, начали осваивать новые, как им показалось, свободные геополитические пространства».

Наилучшим подтверждением этих слов могут служить размышления Буша-старшего, преданные гласности в далёком (как многим кажется, а на самом деле исторически близком) 1992 году.

«Россия и Союз — как матрешки. Они были вложены друг в друга. В реальности мы соревновались с Россией, но была она в виде Союза, то есть на ногах у нее были огромные гири. Сейчас эти гири при распаде Союза убраны, Россия преодолеет свои нынешние проблемы и станет гораздо более злой и могучей и хорошо запомнит всех, кто ее нынче обидел. И я хотел бы быть таким же другом России, каким я был врагом для Советов.

Ставить надо на самую лучшую лошадь. Вы хотите узнать, какие у нее были гири? Это есть в цифрах — в Союзе было две бездонных дыры, куда утекали все бюджетные профициты — сельское хозяйство и социальная помощь. Раз нынешняя Россия может иметь прежние доходы и не тратиться на эти убыточные статьи расходов — в ближайшие годы она станет более сильной и опасной, чем СССР.

Основные потребители сельхоздотаций в Союзе были на Украине. Уходит Украина — русские закрывают «черную дыру» в бюджете по дотациям для села. Основные потребители социальной помощи находились в Средней Азии и в Закавказье. Раз нет Союза, то Россия, основной добытчик в Союзный бюджет, прекращает дотировать свои многодетные мусульманские республики. А дальше — арифметика: Украина, Средняя Азия и Закавказье оказываются с бюджетными дефицитами и погружаются в пучину отчаяния, Россия оказывается с бюджетными профицитами, и ее казна оказывается больше и мощнее советской. А потом она с триумфом вернется и нам всё припомнит, а у нашей экономики уже граничное состояние — нулевой прибыли. Соперник мой Клинтон — обещает «стимулировать экономику», это означает то, что мы влезем в долги, а у нас экономика в состоянии, когда мы больше не можем позволить себе заимствований. Это значит, что бюджет будет у нас от-

рицательным и со временем мы, как страна, станем наги и босы, а русские богаты и могущественны.

И ради дружбы с сильными и могущественными — мои бесплатные окорочка в миг, когда им нечего кушать, — принесут огромные дивиденды. А принесли бы еще большие, если бы я мог удержать от грабежа стаю наших вечно голодных гиен и шакалов... Ах, если бы удалось удержать Союз от распада, если бы он привык к нашей доброй руке и стал со временем ручным, как комнатная собачка...»

Нет пророка в своём Отечестве, нет его и в чужом. Комплементарная прозорливость Буша верна в послыхах, но, надо признать, мы слишком много рас-транжирили, промотали, профукали, в результате экономика наша спотыкается, как пьяная, стратегические цели не обозначены, внятной программы развития не существует. У нас нет национальной идеи, над пусть неловкими, но невероятно важными попытками отыскать её принято ныне иронизировать. Между тем национальная идея — это как главная молитва в религии, главный завет, без которого вера превращается то в увлечение, то в развлечение.

Запад в противостоянии с нами к о л л е к т и в е н , наши попытки создать противовесы не слишком успешны, ибо партнёры не видят достаточных причин масштабно объединяться со страной, находящейся в перманентном кризисе. Наши объединения большей частью тактические, это всё-таки отдельные проекты, но не системное стратегическое объединение интересов.

Есть ли шанс выйти из кризиса?

Есть. Надо стать, прежде всего, политической нацией с единой позитивной исторической целью. Надо перестать презирать самих себя. Надо со всей, допущу это определение, беспощадностью изучить свои ошибки и сделать наконец выводы не на год вперёд, а на век, на века. Правление Горбачёва и Ельцина даёт для этой работы подходящий материал.

Надо наконец трезво осознать, что нынешняя политическая русофобия — это не новая мода, а старая, многовековая политика Запада.

Наши достоинства нам известны, наши пороки для нас всё ещё тайна, и это при нашей склонности каяться по поводу и без повода. Надо разобраться, почему власть в России разными инструментами и способами борется со своей страной, время от времени почти уничтожая её.

Предвижу вердикт: Лужков в своей новой книге очерняет Россию.

Отвечу словами Петра Чаадаева: «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова выбросили в океан людских треволений мою ладью, приставшую было у подножия креста. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня

любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое непонимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершенных народами, которые находились в менее благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими. Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества».

Да будет так.

Кому угодно, могут считать Горбачёва и Ельцина великими историческими деятелями, освободителями России (не очень понятно от чего), могут строить им помпезные памятные центры, сочинять о них апологетические книги, рисовать их на иконах. Я изначально, навсегда, и отнюдь не вслепую — на стороне народа, а народ их проклял при их жизни. Соратники врассыпную бросились от Горбачева, как только он потерял власть (потерял, настаиваю, а не отказался от неё), огромное большинство сторонников отхлынуло от него гораздо раньше. По такому же алгоритму в свой срок прошла демобилизация «полка» Ельцина.

Не умею и не хочу писать грязными чернилами, не привержен страсти шифровать свои мысли. Моё — это моё, я имею право на правду, ибо был в гуще событий с самого их начала, да и сегодня не в стороне от судеб Отечества, это и моя боль. И если мы — Россия — победим слабое в себе и уменьшим меру дурного в мире, то в этой победе будет и моя законная доля. Для того и живём, чтобы жизнь становилась лучше.

...Иногда кажется, что для исчерпывающе полного понимания всего того, что сумел наворочать Горбачёв, достаточно просто перечитать его книги. Они, независимо от желания их автора, саморазоблачительны, это политический автопортрет человека, которого можно с полным на то осно-

ванием назвать и неудачливым реформатором, и правителем «без царя в голове» (точнее, «цари» эти, то есть базисные ценности и цели, были у него сменными). Существуют также версии о прямом предательстве Горбачёвым своего государства — при всей якобы абсурдности таких версий судить-то приходится по результатам, а они ровно об этом же — о предательстве — и свидетельствуют.

Скажу так: желая «ускорить» и «перестроить», то есть реформировать страну, Горбачёв совершил ошибку, которая, как это иной раз бывает, хуже преступления. Реформатора Горбачёва страна встретила едва не с восторгом, он буквально покориł страну.

Разрушителя Горбачёва страна возненавидела, ибо с его именем было связано всё, что к концу его правления отбросило страну в обнищание и разорение, унизило всех и вся, обеднило и обокрало ослабленное государство, бросило в подготовленную почву зёрна ненависти.

Не секрет, что в СССР накопились тяжелейшие проблемы и противоречия, что страна отставала технологически, что общество устало от маразматизирующих старцев в Политбюро. И всё же Горбачёву можно было бы ставить золотой памятник при жизни, если бы он смог (и хотел) действительно реформировать страну. Для этого было всё необходимое: материальная база, кадры, поддержка народа, благожелательность, пусть тактическая, Запада, неисчислимые ресурсы. Горбачёв позднее говорил: «Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, все больше отстаем от них».

Куда всё делось? Почему не был принят (а перед тем не разработан) ясный и всесторонне умный план преобразований? Почему взбунтовались миллионы? Почему спустя десятилетия все без исключения более-менее значимые соратники Горбачёва тихо «легли на дно»? Ощущение такое, что им хочется, чтобы даже имена их были забыты и вычеркнуты из истории.

Они, однако, не забыты.

Вернёмся к размышлениям Горбачева. «В беседе 11 сентября (1991 года — Ю.Л.) с госсекретарем США Дж. Бейкером я услышал: «Мы в эти дни много размышляли с Джорджем Бушем о Вашей, господин Президент, политике и теперь поняли Вашу линию маневров и компромиссов. Вы хотели выиграть время, чтобы не дать консервативным силам возможности разрушить курс ре- форм».

Да, это действительно так. Компромиссная линия была необходима, чтобы снимать напряжение в моменты серьезных обострений. Так было в сентябре и декабре 1990 года, а потом весной 1991 года, когда в воздухе звучали призывы: «Долой Генсека! Долой Президента!» Причем призывы следовали с разных сторон. Приходилось строить линию поведения в расчете на то, чтобы создать условия для закрепления реформ, для того чтобы общество прониклось ими и обрело силы защищать их. Как раз в такой острой ситуации президент СССР и руководители 9 республик собрались в Ново-Огареве и выступили с известным теперь и сыгравшим незамени-

мую роль совместным заявлением. Ново-Огаревский процесс вывел общество на новое понимание необходимости согласия в стране. Повторяю: моя задача все эти годы была — сохранить и спасти политический курс перестройки. В этих целях, я считал, необходимо быстрее двигаться к Союзному договору, осуществлять радикальные экономические преобразования, реформирование партии.

Проект Союзного договора был готов к подписанию. А 20 августа в Георгиевском зале Кремля его намерены были подписать делегации шести республик. В качестве Президента страны я должен был выступить с речью.

На 21 августа назначил заседание Совета Федерации — для обсуждения плана радикализации реформ, вопросов продовольствия, топлива, финансовой стабилизации и т.д.

Словом, речь шла о глубоком и решительном демократическом прорыве на главных направлениях преобразований, о переходе на новый их уровень, где людям, не желавшим или не способным оторваться от командно- административного образа мысли и действий, места уже не было. Заговорщики увидели, что их время быстро уходит. И выбрали именно этот момент для своей авантюры. Пучк явился реакцией на Ново-Огаревский процесс и его важнейший итог — Договор о Союзе Суверенных Государств».

Этот «сумбур вместо музыки» обнаруживает поразительную схожесть политического психотипа Горбачева и Хрущева, полагавшего, что «есть два мнения: моё и дурацкое». Для Горбачёва дурацким было мнение всей страны, всего народа, «низов» и «верхов», которые равно не принимали ни горбачёвских методов, ни горбачёвских целей, а они становились всё более очевидными. «Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться», — говорил он 25 декабря 1991 года, обращаясь к стране с телевизионным сообщением о «прекращении деятельности на посту Президента СССР по принципиальным соображениям».

Когда, позвольте спросить, «возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства»? В дни печально знаменитого ГКЧП?

Что ж, процитируем «Обращение к советскому народу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР» от 18 августа 1991 года, тем более что документ этот ныне как бы выпал из поля зрения за его якобы ничтожностью.

«...Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик.

...Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов,

ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решить народ, а его пытаются лишить этого права.

...Инфляция власти, страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

...Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и но- вый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями.

... На глазах теряют вес и авторитет все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре.

...Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония.

...Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны.

...Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины».

По совести, и по политической позиции этот документ М.С. Горбачёв вполне мог бы подписать и сам. Констатирующая часть «Обращения» ни одним словом не противоречит его собственному анализу сложившейся ситуации.

Но, по крылатому выражению В.С. Черномырдина, «хотели как лучше, а получилось как всегда». А получилось вот что. В результате конфликта ГКЧП и Горбачёва российское руководство отодвинуло в сторону союзный Центр и глав-

ными базисными законами рыхлого СССР стали Конституция и законы РСФСР. Это был сигнал республикам: расходитесь по национальным квартирам.

Далее процесс пошёл с лавинной скоростью и масштабом. О своей независимости заявили:

Украина — 24 августа 1991 года

Беларусь — 27 августа 1991 года

Молдавия — 27 августа 1991 года

Киргизия — 31 августа 1991 года

Узбекистан — 1 сентября 1991 года

Таджикистан — 9 сентября 1991 года

Армения — 29 сентября 1991 года

Азербайджан — 18 октября 1991 года

Туркменистан — 27 октября 1991 года

Россия — 12 декабря 1991 года (денонсирование Договора об образовании СССР 1922 года)

Казахстан — 16 декабря 1991 года.

Этому коллективному исходу предшествовала встреча Бориса Ельцина, Леонида Кравчука (президента Украины) и Станислава Шушкевича (председателя Верховного совета Белоруссии). Славянские зубры собрались, без Назарбаева и других руководителей советских республик (то ли уже бывших, то ли ещё нет), в Беловежской Пуще, в резиденции белорусского правительства. В ночь с 7 на 8 декабря несвятая троица подписала документ о создании Содружества Независимых Государств.

Свидетельство Григория Явлинского: «У Бориса Николаевича и его ближайшего окружения были чёткие политические установки... Прежде всего — одномоментный, в один день, не только политический, но и экономический развал Союза, ликвидация всех мыслимых координирующих экономических органов, включая финансовую, кредитную и денежную сферы. Далее — всесторонний отрыв России от всех республик, включая и такие, которые в то время не ставили такого вопроса, например Белоруссия и Казахстан. Таков был политический заказ...»

Нельзя не спросить: чей это был заказ? Кое-что можно понять из интервью Кравчука. «Мы втроем — Ельцин, Шушкевич и я — провели пресс- конференцию. И пришла мысль — надо же об этом событии известить мир. Поднялись на второй этаж — там были средства связи. Решили, что Козырев звонит в Вашингтон, а Шушкевич — Горбачеву. Пока Шушкевич возился, пока телефонистки спецкоммутатора искали Михаила Сергеевича, Козырева уже соединили с Государственным департаментом США, потом нашли президента Буша. Ельцин через Козырева, который переводил, рассказал все Бушу».

24 декабря Россия стала членом Совета Безопасности ООН, советские послы стали российскими. Над Кремлём ещё висел флаг СССР, над посольствами России — триколор.

25 декабря «бесконтактно» прошла передача Горбачёвым Ельцину полномочий Главнокомандующего и «ядерного чемоданчика». Не договорились о месте для проведения церемонии. «Ядерный чемоданчик» Горбачев передал министру обороны Шапошникову.

Утром следующего дня Горбачёв пришёл в свой кабинет собрать личные вещи. Их там не оказалось, они уже были перенесены в служебное помещение.

В половину девятого в кабинете Горбачева Ельцин, Хасбулатов, Силаев и Бурбулис открыли бутылку коньяка.

История умалчивает о содержании первого тоста.

Далее в мелочно-мстительном стиле Ельцин, руками своего аппарата, унижал Горбачёва, скупно отмеряя ему традиционные бытовые привилегии. (Перед тем как уйти в отставку, Б.Н. для себя эти вопросы решил капитальным образом.)

Большое видится на расстоянии. Я не о Горбачёве. Я о России и её пути в последние десятилетия прошлого и первые десятилетия нынешнего века. Мера потрясений, пережитых страной в этот не законченный ещё период, потрясает глубиной и масштабами, вполне соотносимыми со сломом царской и становлением Советской России. И тогда, и сейчас будущее России, да и всего мира, лежит во тьме неизвестности. Это не пессимизм, а политическая трезвость. Мы передаём страну идущим за нами поколениям — это сама по себе большая работа, огромная ответственность, итоговое действие тех, кто был рождён в СССР. То же самое происходит и во всех странах бурно меняющегося мира: XX век политически закончился, XXI родился не в тёпленькой мягкой рубашке, на его одеждах уже есть кровь новых битв за место государств под солнцем.

Разница в том, что первые годы XX века не предвещали мировой бойни и потрясшей мир русской революции. Подобной безмятежности в первых десятилетиях века XXI, увы, не наблюдается. Прошлый век мы начинали как один из лидеров экономического развития, ныне мы, как ни крути, отстали в соперничестве экономик. Есть обоснованные опасения, что, как Советский Союз в своё время, мы начинаем копить внутренние противоречия, усугубляемые внешними воздействиями. Реальность такова, что нынешнее противостояние с западными демократиями чревато ещё большей остротой.

В какой связи эти размышления с темой правления Горбачёва и Ельцина? В той, что два этих борца с прошлым по принципу «за всё хорошее против всего плохого» отобрали у России пятнадцать, с 1985 по 2000-й, лет, которые следовало потратить на развитие, а не на размежевание страны. На усиление эффективности власти, а не на её жадный делёж. Не на затянувшееся прощание с Лениным и Сталиным, к ним и без перестройки и Беловежской Пущи возврата бы не было (детей не надо пугать), а на совершенствование техноло-

гий, развитие экономики и социальной сферы, сращивание республик в могучее целое. Эти пятнадцать лет — условная и уменьшенная цифра, потому что турбулентный след их правления продлится далеко за пределы первых двух десятилетий нового века.

Невероятно интересен Горбачёв как личность, как человек. В том целом что есть властитель это важная, а порой и решающая составляющая. Недаром все разведки мира тщательно изучают характеры политических деятелей, их психологические особенности, зависимости, пристрастия, наличие или отсутствие воли, склонность к компромиссам как форме неосознаваемого, может быть, предательства, способность предвидеть шаги оппонента — всё, вплоть до кулинарных и алкогольных, если такие имеются, пристрастий. Пристально изучается, каков политик, а особенно властитель в искусстве интроекции — поглощения и усвоения опыта.

Надо думать, такой детальный «портрет» Горбачёва был в своё время написан далеко от Москвы. Он нам, по понятным причинам, не доступен, но не беда: Михаил Сергеевич с его скрытностью (и одновременно страстью к саморекламе) был и есть, как публичный политик, весь на виду (здесь М.С. Горбачёв если будет читать эту книгу, то усмехнётся). Множество документальных и художественных фильмов-реконструкций, тысячи интервью, статей, брошюр и книг, бесчисленные воспоминания, огромное количество исследований, миллионы выразительных фотографий — всё это в информационном веке находится в открытом доступе, за исключением, конечно, засекреченных архивов. Что ж, придёт время и им открыть свои тайны.

В настоящем случае нам интересно, каким было время правления Горбачёва для него и его семьи. Оно, товарищи, было хорошим во многих смыслах. Михаил Сергеевич побывал на вершине популярности и в СССР, и практически во всём мире. Он благополучно пережил сильнейшие политические и человеческие срасти: взлёт на олимп власти и сокрушительное падение с вершины, настоящую любовь и горькую скорбь потери. Широко пользовался теми материальными благами, которые прилагаются к высшим должностям, до старости не жаловался на по-крестьянски прочное здоровье. Его не разрушили бесчисленные предательства, разочарования в былых соратниках, осязаемая ненависть и нескрываемое презрение к нему огромной части российского общества. Он и в осеннюю пору своей жизни время от времени выступает в печати, комментирует действия В.В. Путина — всё это в усреднённом, конечно, русле.

Вряд ли Михаил Сергеевич слишком уж критичен к себе самому. Много напутав, многих предав — от всей скопом КПСС до, например, Эриха Хонеккера, бывшего личным гостем Горбачёва и высланном в три дня из чилийского посольства в Москве прямоком под арест в Германию, так вот, предав даже Героя Советского Союза Хонеккера, Горбачёв мало о чём сожалел. Сухие слова

прощальной речи — не от души. Из них не рвётся боль за страну, за людей, за некогда доброе своё имя.

Ничего не известно о том, страдает ли он муками совести.

Народ помнит многое, в том числе эмоциональной памятью. Преступно- глупая, унижительная и разорительная антиалкогольная кампания, голые полки в пустых магазинах, разгул уголовщины на улицах, мерзость запустения в городах, остановившиеся заводы, разоренные научные центры, миллионные протестные демонстрации, непонятное фюрорское то ли заточение, то ли отсиживание, лавинообразное бегство, на самых унижительных условиях, наших войск из стран бывшего соцлагеря, кровавые конфликты в бывших советских республиках, притеснение и вытеснение русских, демонтаж партии и её поношение, позорный, воровской ночной спуск государственного флага собственными руками разрушенного государства — и всё это под непрерывную болтовню, под длинные рассуждения вокруг да около, под противоречивые высказывания того, кто начинал с народной любви и закончил народной ненавистью.

Простит ли его история? Применительно к крупнейшим историческим деятелям, особенно властителям страны, каковым и был Горбачёв до само- отставки, этот вопрос звучит часто и правомерно. И при этом, конечно, неизбежно абстрактно. История — это мы, мы — это череда поколений, поколения — это люди со всем многообразием их мнений, оценок и суждений. История — это временной процесс, непрерывный и нескончаемый, несущий в себе уточнение смыслов, новые уточнённые балансы заслуг и преступлений, меняющиеся выводы.

Справедливости ради надо сказать, что итоги ещё не подведены. И не могут быть подведены. Советский Союз, закончив своё существование как государство, прочно остался в памяти поколений, а по законам памяти он ныне романтизируется, как бы реабилитируется, служит точкой отсчёта и даёт материал для сравнений разных этапов исторического бытия России. И во многом сравнения получаются в пользу прошлого. Это факт. Во всяком случае, страна, так или иначе, не пошла по пути, начертанному Горбачёвым. К демократии она движется с большими, чем казалось вначале, трудностями, с большими издержками, с большим сопротивлением Запада, принявшего наше идейно-организационное разоружение за постыдное поражение в холодной войне.

Всё это — «заслуги» Горбачёва.

Человек оказался в нужное время в нужном месте, но, по большому счёту, не был нужен стране. И страна с презрением отторгла его в своей памяти.

Это — единственная политическая драма Горбачёва, кисло-горький итог его сумбурного и бессильного, нерешительного правления. Занавес. Аплодисментов нет.

Ельцин и Горбачёв

Современникам Горбачёва и Ельцина трудно давать их властвованию исчерпывающую оценку. Причина в том, что от совсем ещё недавнего прошлого невозможно отойти на дистанцию абсолютной объективности. Особенно тем, кто был участником грандиозных исторических процессов и событий, занимал определённую политическую позицию. Я говорю в данном случае о себе, а также о политическом и управленческом поколении, к которому принадлежу (рождённые в 30-х). Это поколение было в 80-х и еще много позднее на мощном подъёме, когда недюжинные силы сочетались с солидным опытом и добротным профессионализмом. Мы были связаны со старшим поколением традициями трудолюбия и ответственности, но при этом не были в массе своей консерваторами и ретроgrадами. Я говорю, конечно, не о всём поколении в буквальном смысле слова, а о движущей его части.

Состоялось ли наше поколение в самом полном и лучшем смысле? Это трудный вопрос. Ответ на него всегда индивидуальный. Можно заметить, пожалуй, одно обстоятельство, общее, впрочем, для всех времён: на сильных людей многое возложено, спрос с них повышенный, но при этом и сопротивление им зашкаливает, а порой и переходит все границы. Так или иначе, но свою часть исторической работы мы делали на совесть.

И всё же мы входили в перестройку единым корпусом, с надеждой и верой, но заканчивали XX век в разных политических лагерях. И это было неизбежно. Скажу больше: и борьба ещё не закончена, Россия всё ещё на перепутье. Она одновременно несёт в себе как потенциал благотворных естественных перемен, так и противоречивый и даже мучительный опыт непродуманных до конца реформ (более подробно об этом в книге Юрия Лужкова «Россия на перепутье...». — *Ред.*). И всё это в большой мере — наследие Горбачёва и Ельцина.

До окончательных выводов об эпохе Горбачёва и Ельцина, повторю, ещё очень далеко. Это и неудивительно. В 2017 году исполнился век Февральской и Октябрьской русским революциям. Целый век! Но разве эти сто лет дали ответы на все вопросы о былом, разве распутали все идейные противоречия? Нет и нет. Свидетельством тому — напряжённые поиски так называемой «национальной идеи», которая сгорела в пожаре Гражданской войны, да так с тех пор и не воспрянула. Более того, у нас и идеологии как вектора движения нет, потому что огромное философское и цивилизационное понятие, которое отменить невозможно по определению, в нашей новой России умудрились трактовать как инструмент политического принуждения, как принцип равенства на начальство. А это не так. Карта (идеология) не принуждает выбирать единственный, раз и навсегда, маршрут, она просто обозначает пропасти и вершины, моря и долины, леса и города.

Период последовательного властвования Горбачева и Ельцина (1985 — 2000) был, безусловно, революционным. Именно поэтому необходимо и значимо каждое достоверное свидетельство тех, кто был участником происходившего в те бурные годы. Властвование Горбачёва и Ельцина даёт возможность и обязывает к необходимости сравнивать их.

Эту «историю болезни», или «путь к победе», ещё изучать и изучать, но уже ныне мы вольны оценивать их работу и делать свои выводы. И это особенно важно, как для действующего лидерского корпуса государства, так и для следующего поколения руководителей. Для тех, кто идёт и придёт во власть, важно понять, какой энергией были движимы Горбачёв и Ельцин, почему сменялись их политические приоритеты, в чём были их слабые и сильные стороны. Так, например, небезынтересно понять, что в двух этих властителях буквально возродился византизм в современном его варианте. У каждого из них личностное начало коварно и непредсказуемо вмешивалось в решения глобального государственного уровня. Непростые характеры, огромная зависимость от семьи и окружения, убеждённость в своём мессианстве и исключительности. И тут же, рядом, неприятная человеческая мелочность, мелкость чувств, хаотичность мотиваций поступков и решений. И, наконец, из песни слова не выкинешь, явное коварство, а порой и прямое предательство соратников — всё это было и даже не особенно скрывалось.

Каждый на свой лад, они сконцентрировали в себе центральные проблемы власти: цели и методы, мотивы и механизмы, прогрессивность и регрессивность, замыслы и исполнение, планы и итоги правления и, наконец, ту память, которую властитель оставляет о себе в народном сознании, — это, как правило, итоговая, интегральная оценка работы.

Уникальность Горбачёва, на мой взгляд, заключалась в удивительном и опасном свойстве превращать свои ошибки в убеждения. Эта политическая фигура поражает, пусть это не прозвучит странно, итоговым выбором самого непродуктивного варианта самореализации на властном троне. Обладая абсолютной властью в огромном государстве, имея в руках пусть консервативный, но вполне эффективный инструмент в виде правящей партии, он умудрился не только эту власть позорно потерять, но и довёл дело до разрушения государства.

Ни одного своего замысленного на старте начинания он так и не сумел исполнить. Одни были забыты, другие переосмыслены и в результате противонаправлены, третьи оказались не по силам или были исторически преждевременны. Горбачёвская Нобелевская премия мира одно время воспринималась как дар человечества за окончание холодной войны, но очень скоро (в период Буша-старшего) Запад стал считать себя единственным победителем в этой войне. И более того, продолжил её. Но ещё раньше распался СССР.

Как такое возможно? Ведь случилось на самом деле немислимое: великая страна упала на колени без войны, без каких-то ужасных природных катастроф, а просто в результате (потомки будут смеяться) борьбы двух главных коммунистов страны, двух её руководителей. Ведь именно так это и выглядит,

если отказаться от политологической лексики, от академически приглаженных, облагораживающих формулировок.

Высока оказалась цена способности Горбачёва превращать ошибки в убеждения, а убеждения в действия. Чтобы оплатить эту цену, мы, выходит, всей страной «скинулись».

Ельцин шёл другим, не менее оригинальным путём: он свои демократические убеждения превращал в ошибки едва ли не авторитарного порядка. Это неизбежно вытекало из его представления о власти как о высшей ценности и главной цели. Слишком часто его характер диктовал свою волю его разуму. Волонтаристом называли за двадцать лет до Ельцина Никиту Сергеевича Хрущёва, которого сейчас каждый день Крымом корят, но что такое Хрущёв по сравнению с Ельциным, который Крыма, например, просто не заметил, как мелкую незначущую деталь. Капнула кровинка, когда по живому резали. Ельцин разрушил СССР — а был он, вот в чём неподражаемая ирония истории, строителем по базовому образованию. Издевкой же истории можно назвать тот факт, что о Беловежских соглашениях раньше Горбачёва узнал Буш. Это вообще-то задача для психолога. Одолев Горбачёва, что для Ельцина было, в ряду других, несомненной целью, он, властолюбец, не сказал об этом фактически поверженному хотя и сопернику, но всё же в коренном смысле «своему», а донёс гремучую весть до лидера государства, с которым СССР всё ещё, по сути, находился в состоянии холодной войны, пусть и в затихающей её фазе. Как такое возможно, спросим ещё раз. И есть ли в этом не то что дипломатические приличие, а хотя бы такая необходимая для гармоничной личности вещь, как человеческая гордость и политическое достоинство.

Смена общественно-политического строя, осуществлённая Горбачёвым и Ельциным, сопровождалась разрушением государства — случай в истории не единичный, но при этом всё же уникальный, с учётом, сейчас это можно твёрдо сказать, отсутствия каких-либо разумных предпосылок этого разрушения. Какое-то время казалось, что цивилизационной заслугой политиков этого периода стало возникновение на территории бывшего СССР нескольких новых государств. Доброго им пути. Доброго и широкого, но пока что мы видим лишь единичные случаи достойного становления таких государств в качестве суверенных, и всегда при неременном условии разумных отношений с Россией.

Мы, русские, россияне, в результате деятельности Горбачева и Ельцина унаследовали центральное территориальное ядро СССР, даже не оспаривая очевидную условность советских административных границ (у нас ведь в какую сторону ни глянь, везде почти увидишь свой «Крым»). В этом несомненная и спорная «заслуга» Горбачева и Ельцина — первого президента СССР и первого президента России. Ирония судьбы, вышедшая всем нам боком, заключается в том, что оба президента были сторонниками рынка, то есть, по идее, должны быть нацелены не на растранивание, а на получение выгоды. Но куда там: исторические земли России уходили в чужие границы с необыкновенной лёгкостью. Точно так же совсем не по рыночным правилам

и законам уходили наши войска из стран Восточной Европы, не претендуя на компенсацию, на которую имели полное право, оставляя там дорогую инфраструктуру и направляясь на дислокацию в чистое зимнее поле.

Политическая эволюция Горбачева и Ельцина стала ярчайшей иллюстрацией парадоксального свойства власти — смены её «магнитных полюсов» на противоположные, отказа от начальных базовых приоритетов в пользу обратных им по смыслу и содержанию. Такие эволюции пережили и Горбачёв, и Ельцин.

Предельно обобщая, можно сказать, что коммунист Горбачёв разрушил социализм, а коммунист Ельцин начал отстраивать капитализм, не понимая, как это надо делать. Это было их общее дело. Однако соратники вначале, они в течение небольшого периода времени стали не просто соперниками, но и, по сути, непримиримыми политическими врагами. Это не означало, конечно, практических проявлений крайней степени лютой, свойственной, например, Сталину, но вражда была. Ни первого, ни второго она не прославила, но зато держала огромную страну в долгом и, я бы сказал, непроизводительном напряжении.

(В более общем плане противоречивость оценок деяний и результатов правления властителей России в XX веке объясняется тем, что ни одному из них не довелось править в бескризисный период. Ошибки были неизбежны, метания неотвратимы — потому что наш исторический путь сам по себе был новым. Начав с разрушения капитализма и строительства социализма, страна, отбросив социализм, закончила век обновлённой версией разрушенного. И это после более чем тысячелетия государственности России).

Мне довелось видеть Ельцина «в деле» в разные периоды его деятельности. Моё отношение к нему, понимание его как политика менялось с годами. Логика этих перемен обеспечена реальными обстоятельствами. Прежде всего — тем курсом для России, который осуществлял Ельцин (нередко всего лишь озвучивая не ему принадлежащие идеи), а также его политическими методами. Наше бывшее сотрудничество и взаимодействие, начатое в начале второй половины 80-х, сменилось к концу века принципиальными и непреодолимыми политическими противоречиями.

Об этом речь пойдёт впереди, а сейчас, опираясь на свои записи тех и последующих лет, я хотел бы вернуться к началу периода перестройки. Я вёл эти записи, ясно понимая, что подобные свидетельства позволяют видеть процессы огромного масштаба в самых разных проявлениях, дают ничем не заменимую широкую и абсолютно достоверную панораму судьбоносных лет и дней. Здесь ничто искусственно не приукрашено, как и ничто задним числом не очернено — это не мой «творческий метод». С момента этой публикации мои воспоминания (в этой книге лишь часть их) уже не моё личное дело, не творческая отдушина, а свидетельство гражданина и политика о сложнейшем периоде нашей истории.

Итак, середина и конец 1985 года были для СССР и для Москвы временем Горбачёва. На этом начальном отрезке его властвования он, всенародно под-

держанный и при этом никем ещё не понятый, приковывал к себе внимание всего общества, в том числе и кадровыми решениями. Страна ждала притока свежих сил. К концу 1986 года она начала «просыпаться», закипели общественные дискуссии, в политике стали появляться новые имена. В Москве первым секретарём горкома партии был назначен Борис Ельцин (это выборный пост, но я не оговорился: руководителя московской партийной организации «избирало» Политбюро, голосование же на городской партконференции было сугубо формальным).

Столица сразу же почувствовал перемены. Внешне всё оставалось по-прежнему: те же неубранные от снега дороги, мусор на улицах и в подземных переходах, длинные очереди в магазины с полупустыми полками, толпы на автобусных остановках, плохо одетые люди. Ухудшалась криминогенная обстановка, появились настоящие и «профессиональные» нищие, а вскоре и беспризорники, чего не было с времён Гражданской войны.

И всё-таки была надежда на добрые перемены, их ожидание связывалось теперь с новой властью. Для меня, как и для всех московских промышленников, по горло обременённых своими отраслевыми заботами, вначале неожиданным было наше общее «погружение» в городские и общегосударственные проблемы, растущая политизация всей жизни. Названные проблемы мы обсуждали в самом активном режиме, понимая, что решать их придётся не только тем, кто в Кремле, но и всем нам.

В это время Ельцин стал часто, охотно, в свободной демократической манере встречаться с москвичами в самых разных аудиториях. К удивлению москвичей, главный руководитель города выступал без бумажки, не уходил от острых и неприятных вопросов. Откровенно говорил и на самые простые, житейские темы, демонстрируя неподдельное внимание к жизни москвичей. Символом перемен стал «его величество микрофон», который устанавливался прямо в зале, чтобы любой участник встречи мог обратиться к первому лицу и сказать всё, о чём накопело на душе. Раньше такого не бывало: микрофон был у ведущего за столом президиума да на трибуне, но ты попробуй до неё добраться!

Всё это воспринималось как нечто невероятное, удивительное и прекрасное. Я несколько не преувеличиваю. За время депутатства в Моссовете, с 1974 года, я вдоволь нагляделся на сонные лица участников скучнейших пленарных заседаний, наслушался формальных, заранее проверенных стандартных докладов. Поэтому живые выступления Ельцина и горячие дискуссии на встречах были своеобразным положительным шоком. А в человеческом плане Ельцин нравился многим москвичам тем, что демонстративно пользовался общественным транспортом, неожиданно, к удивлению, а то и восторгу москвичей, появляясь то в трамваях, то в автобусах, заходя в обычную поликлинику, в обычные магазины. Люди были настолько тогда наивны, что не смогли на первых порах разглядеть за этой показухой расчётливый хладнокровный популизм. И, конечно, никто тогда и предположить не мог, что через несколько лет, когда Ельцин, по его выражению, «отхватит страну», он, мягко

говоря, ни в чём себе отказывать уже не будет, а семью и окружение буквально озолотит. Но до этого пока что было далеко.

В декабре 1986 года я был членом коллегии — начальником главного управления по науке и технике Министерства химической промышленности СССР. Абсолютной неожиданностью для меня стал тогда звонок Михайлова — помощника Ельцина: «Юрий Михайлович, вас на завтра к 19.00 приглашает Борис Николаевич».

Спрашиваю, какая тема будет поставлена. В ответ слышу: «Скрывать не стану, это кадровый вопрос».

Разговор был короткий, но сколько же он породил волнений! Я направился к своему министру доложить о звонке. На моём двадцативосьмилетнем пути в химической промышленности это был третий министр. Первый, с кем довелось работать, — великий Леонид Аркадьевич Костандов. Человек-глыба, деятель-созидатель из той плеяды, которая сотворила мощь и славу страны.

Второй — Владимир Владимирович Листов. Он сочетал в себе высочайший профессионализм, абсолютное знание отрасли, принципиальность сильного руководителя, исключительную человеческую порядочность.

Третьим «моим» министром был Юрий Александрович Беспалов, партийный функционер из аппарата ЦК КПСС, сумевший византийскими методами добыть себе министерский пост. Вот к нему-то я шёл с сообщением о только что состоявшемся коротком телефонном разговоре.

Смысл этого разговора и предстоящего предложения был для меня очевидным. Кадровая политика Ельцина, когда он пришёл в Москву, заключалась в решительной смене засидевшихся городских чиновников на людей из промышленности, сильных организаторов. Во главе исполкома Моссовета появился директор ЗИЛа (на то время флагамена автомобильной промышленности) Валерий Тимофеевич Сайкин. На должности заместителей приглашались профессионалы-отраслевики, практики, добившиеся успеха. Приглашение к Ельцину означало, что, с учётом моего опыта работы (до министерства я возглавлял в качестве генерального директора крупнейшее в Минхимпроме научно-производственное объединение) очередь дошла и до меня.

Министр спросил о моём отношении к возможному переходу в Моссовет. Я ответил, что уходить из министерства не хочу, если руководитель отрасли считает мою работу полезной. В ответ услышал исключительно добрые оценки этой работы. Мы условились, что я твёрдо откажусь от предложения Ельцина. От добра, добра не ищут.

Борис Николаевич был пунктуален (мне не пришлось ждать ни одной лишней минуты), обращался только на вы, не употреблял на этой встрече (и никогда позднее) крепких выражений. Разговор в тот декабрьский вечер состоялся любопытный и очень для меня важный. По большому счёту он перевёл мою судьбу на другие рельсы. Приведу его в максимально точном виде.

ЕЛЬЦИН: «Юрий Михайлович, вы двенадцать лет являетесь депутатом Моссовета. Вы производственник, в отрасли на хорошем счету. Мы ставим

задачу вывести Москву из стагнации. Для этого нужны свежие силы, и вы — один из тех, кто может помочь городу. Я приглашаю вас на работу в качестве первого заместителя председателя исполкома Моссовета. Работа сложная, но интересная: быть, образно говоря, главным инженером города».

ЛУЖКОВ: «Борис Николаевич, благодарю за столь лестное предложение, но вынужден отказаться. Вы партийный руководитель, и партия решает кадровые вопросы, назначая на важные направления людей, подготовленных для этого опытом предыдущей работы. Я двадцать восемь лет отдал химии, состоялся в отрасли как специалист и как руководитель. Поэтому считаю, что принесу больше пользы, если продолжу работать в химии».

ЕЛЬЦИН: «А вы не слишком высокого мнения о своей работе в отрасли? А что думает ваш министр?»

Уверенный в том, что Беспалов не отступит от нашей договорённости, я ответил, что министр считает так же, как я. Ельцин просит соединить его с министром и отворачивает трубку от уха, чтобы и я слышал их разговор.

Беспалов вначале говорил, что он не хотел бы отпускать меня из министерства. В ответ он услышал простые, но очень доходчивые слова.

ЕЛЬЦИН: «Значит, это будет, Юрий Александрович, первый случай, когда министр отказал первому секретарю горкома партии Москвы».

В ответ Ельцин услышал буквально вопль, что, мол, Борис Николаевич не так всё понял и что министр «согласен, согласен, согласен!».

Ельцин улыбнулся, сказал: «Спасибо!» — и положил трубку. Затем, обратившись ко мне, спросил, смогу ли я работать с таким министром.

Я ответил, что не знаю, смогу ли быть полезным городу, но с таким предателем работать точно не буду. Я ответил согласием на предложение Ельцина.

Министр показал «урок» предательства, а Ельцин дал наглядный пример, как опытный партийный деятель может решать кадровые вопросы. Это было полезно с учётом того обстоятельства, что в те времена в промышленной сфере отношения среди руководителей были простыми, откровенными, избавленными от какого-то коварства. Теперь я, хозяйственник до мозга костей, вступал, в связи с предложением Ельцина, в новую для меня сложнейшую политико-административную систему. Здесь была своя специфика, которую предстояло постичь.

После решения первого лица всё остальное оформлялось очень быстро. На сессии Моссовета была внесена моя кандидатура, получившая в соответствии с тогдашними нормами и традициями единодушную поддержку.

С первых же дней новой работы был, к моей радости, опровергнут мой собственный неоптимистический прогноз насчёт её якобы далёкой для меня содержательной стороны. Как первый заместитель председателя исполкома Моссовета я курировал огромное городское хозяйство: инженерные системы города, науку, вопросы труда и занятости и многое другое, что обеспечивает жизнь столицы. Председатель Моссовета Валерий Тимофеевич Сайкин привнёс в управление городом принцип, сформировавшийся на ЗИЛе ещё с военных лет: работать с полной самоотдачей. Новое руководство было заряжено на

развитие города, на решительное преодоление того, что можно было назвать общегородским кризисом, на вывод города из застоя и спячки.

Работы хватало всем и на весь день до самой ночи, а пример показывал сам Валерий Тимофеевич, про которого ходил тогда в стенах Моссовета иронически-уважительный вопрос: «Где и когда спит Сайкин?»

Для города он сделал на первых порах очень многое. Определённое сожаление вызывает то, что к Москве Валерий Тимофеевич относился просто как к большому заводскому хозяйству. Город, однако, не есть аналог завода, город неизмеримо более сложная и многофакторная система. Неспособность понять и учесть это особенно явственно проявилась, когда в стране стали разворачиваться глубокие общественные процессы, накалялась политическая борьба, речь пошла о судьбе партии и государства, о коренном переломе всей жизни. От этих вопросов, применительно к Москве, Валерий Тимофеевич Сайкин был далёк, и стало понятно, что он не сможет удержаться во главе городской администрации. Но, подчеркну, всё это было позже, а 1987 год запомнился на всю жизнь огромным и продуктивным напряжением, хорошим напором в работе, чувством, что Москва способна преодолевать очень серьёзные трудности.

В ту пору чрезвычайно деятельным руководителем проявил себя и Борис Ельцин. Он побывал на многих предприятиях, в других городских структурах, много встречался с людьми, был открыт. Его энергичность и прямота нравились людям, ещё больше импонировала личная скромность, громко декларируемая борьба с привилегиями, демонстративное неприятие бюрократизма. Разглядеть за всем этим смесь энтузиазма, необузданной воли и банального популизма было, повторю, трудно. Долго казалось, что Ельцин всё говорил и делал искренне.

Его и уважали, и любили, и боялись. Но настораживала и чем дальше, тем больше казалась жестокой и несправедливой кадровая политика, особенно в партийных органах. Дело было уже не в пренебрежении к людям, а в беспощадности Ельцина, которые привели к самоубийству первого секретаря райкома КПСС Киевского района Москвы Коровицына (выбросился из окна кабинета), тяжелым инфарктам и многочисленным позорным «ротациям» партийных секретарей. Ельцин в Москве работал с кадрами круче даже, чем он работал с ними десять лет в Свердловске: там он за десять лет на посту секретаря обкома поменял четыре состава областного партбюро. Для московского периода характерен эпизод с секретарём Ленинградского райкома КПСС Шахмановым. Ельцин решил снять его с работы, но с этим решением не согласился райком. В ответ Ельцин заставил райком собирать компромат на своего секретаря. Компромата не обнаружилось, райком снова не освободил Шахманова. После этого впавший в раж Ельцин заставил бюро Московского горкома партии, отбросив позицию райкома, изгнать Шахманова с его выборного поста.

Весь этот разгул своеволия сопровождался пространными разговорами о партийной демократии, уважении к человеку, борьбе с постылым бюрократизмом.

Надо признать, что этот стиль работы людей буквально ошеломил. Все мы были, партия приучила, людьми дисциплинированными и, если говорить совсем прямо, не очень-то еще привыкли трезво, а если надо, то и критически относиться к тем, кто стоял выше и был олицетворением власти. Разговоры «между собой и на кухне» мы в расчёт не берём, речь идёт о публичной позиции. Ельцину до поры до времени верили, за него голосовали, хотя видели его недостатки и многочисленные ошибки. И лишь позже стал понятен единственный существенно важный мотив ельцинского стиля — безудержное властолюбие, эта «одна, но пламенная страсть», пожиравшая душу и разум Ельцина.

Именно в угоду этой страсти набирал критические обороты маховик кадровых «чисток»: убрать с пути любого человека, любую структуру, если они мешают прорваться к власти. (Меньше чем через десять лет Ельцин задумает, ради победы на выборах, разогнать Государственную думу, от чего его пришлось удерживать всеми силами. В ситуации двоевластия в 1993 году он силой подавил Верховный Совет России, не пытаясь найти какое-то более разумное решение. Такова была эволюция внутренних качеств этого человека.)

В описываемый период у Ельцина начали обостряться отношения с Политбюро. Его необузданность пришлась не по душе Горбачёву, который позиционировал себя как коммунист-демократ, для которого репрессивно- административный стиль Ельцина был абсолютно неприемлем. Горбачёв был не одинок: с принципиальной критикой всё чаще обрушивался на Ельцина член Политбюро Е.К. Лигачев, который просто-напросто ревновал к более молодому и энергичному партийцу.

Всё это становилось известно партии и всему народу, бесконечно обсуждалось в больших аудиториях, в разных компаниях, в газетах. Большая политика возбудила большие страсти, высвободила социальную энергию. Она выражалась в желании перемен к лучшему, в ощущении свободы, в чувстве, что можно делать большую и полезную работу, а не только ходить на протестные митинги. Время смешало, казалось, отчаяние и надежды, безверие и оптимизм, опущенные руки и горящие энтузиазмом глаза. Я для себя избрал толстовскую позицию «Делай что должно, и пусть будет что будет», но с небольшой поправкой: «И пусть будет что нужно».

Вспоминая те годы, я ясно понимаю, что мы буквально творили историю — и это не преувеличение. В Москве родилась тогда новация, получившая поддержку политического руководства СССР: индивидуальная трудовая деятельность и кооперативы. Идея соответствовала духу времени, но была совершенно новой, не во всём и не всем понятной и даже в определённом смысле опасной. Опасность заключалась в том, что если начнёшь быстро раскручивать эти капиталистические (!) формы работы, то скоро получишь неприятности от марксистов-ленинцев ортодоксального типа, а таких тогда хватало и они были в полной силе. Будешь сдерживать — такого же уровня неприятности схлопочешь за ретроградство и саботаж принципиально нового направления в экономике.

Опытные мосссоветовские деятели опасность раскусили сразу же, а потому новая ноша была взвалена на меня как на новобранца в их рядах. Я не отказывался, чувствуя неординарность и новизну этого направления.

Началась работа с кооператорами. В Моссовете была организована Комиссия по кооперативному движению. В здании на Тверской, 13, где много лет до этого царила атмосфера аппаратной чопорности и гладкого служебного протокола, появились странные, как тогда казалось, необычайно активные, любопытные, требовательные, шумные и непочтительные люди в джинсах и кроссовках, с бородами, лохматые или, наоборот, по-модному лысые. Таких здесь никогда раньше не видели. И все они, что казалось удивительным, были нацелены на дело, на результат и успех. Протокол и правила поведения их действительно интересовали очень и очень мало, зато они требовали регистрации кооперативов, добивались информации о том, какими нормативными документами нужно руководствоваться при работе, старались любой вопрос перевести в режим исполнения, а не забалтывания. Мне это нравилось.

Люди чётко понимали, чувствовали обострённым социальным инстинктом: при всех шероховатостях и недостатках во главе страны стоит **реформатор** Горбачев, во главе Москвы **реформатор** Ельцин. И несмотря на сгущающиеся между ними противоречия, время всё-таки наступило бодрое, живое, дающее новые возможности и шансы. Даже, по сути, открытый конфликт Горбачёва и Ельцина парадоксальным образом открывал новые надежды: смотрите, ребята, какая острота борьбы у нас в стране, какая движуха началась! Отдалённые и катастрофические по масштабам последствия этого конфликта Горбачёва и Ельцина не осознавались в то время, я думаю, ни одним человеком в стране.

Моя жизнь была переполнена работой в Моссовете. Приходилось на ходу разрабатывать нужные нормативы, временные положения, правила регистрации, механизм упрощённого бухгалтерского учёта — всё это была та совершенно необходимая и неизбежная рутина, без которой дело встало бы намертво. Комиссия начала регистрировать кооперативы, давая им путёвку в жизнь. Желающих открыть своё дело было много, седьмой этаж Моссовета стал похож на столичный военкомат в первые дни войны. Уже в марте 1987 года мы отмечали создание тысячного кооператива.

Местным ортодоксам это предельно не нравилось. Противником нашей активности стал секретарь исполкома Моссовета Юрий Анатольевич Прокофьев (последний, кстати сказать, первый секретарь Московского горкома партии, работал на этом посту с 15 декабря 1989 года по 6 ноября 1991 года после Льва Николаевича Зайкова). Прокофьев считал для себя возможным втихую отпускать шпильки в мой адрес, в то время как секретарь парткома Моссовета Борис Васильевич Горбатов не упускал случая дать мне совет «не торопиться, остановить конвейер».

Привыкшие к аппаратному комфорту, кабинетной стабильности и консерватизму мысли, они, как я понимаю, и не могли принять ничего нового и, более того, боялись этого нового. Включалась в автоматическом режиме и привычная круговая подозрительность: а как это Лужков и его сотрудники

пашут с такой самоотдачей и без личной заинтересованности? Непонятно- о-о-о...

Трудно им было взять в толк, что наша заинтересованность заключалась в том, чтобы быть первыми и лучшими в новом направлении развития городской экономики. Быть первопроходцем нового — для бюрократического уха звучит излишне романтично, но мы как раз и не были бюрократами, да и романтика нас совершенно не смущала, ибо это была романтика дела.

Не принял и не оценил наш порыв Валерий Аркадьевич Жаров, руководивший городской торговлей. Желчность отношения к кооперативному движению сочеталась в нём с умом и богатым опытом. Воспитанный на государственных принципах социализма, он не разглядел потенциала кооперативов. Приверженность догме как бы сковала его несомненный организаторский потенциал.

Особую, несвойственную этой цельной личности позицию занял В.Т. Сайкин. Подчиняясь партийной дисциплине, а партия поддерживала кооперативную инициативу, Валерий Тимофеевич на совещаниях в Моссовете сначала обрушивался на кооператоров и их сторонников с разносной критикой, а заканчивал уверениями в его полной поддержке их дела. Для любого руководителя невозможно и непродуктивно сочетать в себе два противоположных взгляда на один предмет, и жизнь в дальнейшем доказала это со всей возможной убедительностью.

Становление кооперативного движения было сложным и очень трудным делом, и я рад, что стоял у его истоков, а впоследствии довёл его потенциал до 10 тысяч кооперативов. Там было немало очень дельных, состоявшихся людей.

Мы понимали, что это направление работы — наш вклад в налаживание жизни по новым принципам, где набирает вес и значение рациональный, продуманный подход к решению тяжелых проблем, где наконец-то можно социально реализоваться, опираясь на собственные способности и потенциал. И в то же время мы чувствовали, что в стране и в Москве усиливается ощущение общей нестабильности, нарастает недовольство людей, разбуженных гласностью. К сожалению, у нас не было и не могло быть полного представления о том, что в действительности происходит на партийных и государственных верхах. Дефицит такой информации легко возмещался пониманием, что сверху идёт негласная команда не критиковать режим гласности, не трогать социальную политику, не обсуждать дела в экономике. Это были «священные коровы», и хотя критика всего и вся так или иначе шла поверх запретительных барьеров, но табу есть табу.

Канализировать публичную критику можно было только в одной привычной и, по существу, безопасной теме: снабжение населения овощами и картофелем. Ненавистная, закоренелая, безобразная во всех своих проявлениях проблема буквально «достала» людей. Критикуй сколько хочешь, что и делалось ежедневно. А политически безопасной эта тема была вот по какой причине: ну не Кремль же на самом деле виноват в том, что на базах капуста гниёт и огурцы раскисли! Нет, не Кремль. А кто? Да бюрократы московские!

И вот таким образом критика росла и ширилась, а капуста и картошка, невзирая на критический накал, продолжали гнить, как много лет подряд до перестройки и ускорения.

На овощных базах можно было видеть фантазмагорические картины: сотни прилично одетых людей (спецовок то не давали), многие из которых работали в институтах или были инженерно-техническими специалистами, среди них женщины и девушки с красивыми причёсками, «привлечённые» в плановом и неотвратимом порядке, перебирают начавшую прорастать грязную, в земле, картошку, морковь, лук. Сотни людей — это на одной базе, а десятки тысяч — по всей Москве. Доходило и до жёсткой человеческой обзлённости на такие порядки, до едкого сарказма, когда крупный учёный, профессор, доктор физико-математических наук в каждый пакет с картошкой вкладывал свою визитную карточку (вдуматься, так это было своеобразное голосование против системы, и не только плодоовощной...).

Люди воспринимали овощную «обязаловку» как барщину, как форму социального и морального унижения тяжёлым, непроизводительным и, главное, непрофильным трудом. Вся Москва прекрасно знала, что в этом бардаке прекрасно чувствовали себя руководители баз, набивающие деньгами не только карманы, но и сейфы.

Весь этот «распадающийся порядок жизни» буквально давил людям на плечи, в то время как сознание их будоражил бесконечными речами неимоверно говорливый Горбачёв. Жизнь входила в явное противоречие с его утверждением, что «процесс пошёл», о чём он с просветлённым лицом говорил по разным поводам, никогда особо не уточняя, куда же он пошёл, зачем он пошёл и кем был послан.

Понимая, что в Политбюро ему нужно надежное большинство, Горбачёв вывел из его состава недавних своих скрытых соперников, политических «тяжеловесов» Г.В. Романова, В.В. Гришина и престарелого Н.А. Тихонова. А ввёл он в этот самый главный партийный орган Е.К. Лигачёва и Н.И. Рыжкова — на полных правах, а Б.Н. Ельцина, Н.В. Талызина и С.Л. Соколова сделал кандидатами. (В 1989 году Николай Васильевич Талызин благополучно, по возрасту, ушёл на пенсию с должности заместителя председателя Совета Министров СССР. Сергей Леонидович Соколов был бесславно отстранён от должности министра обороны СССР 30 мая 1987 года после полёта авиационного авантюриста Матиаса Руста. Руст сумел на лёгком самолёте, не заморачиваясь полётными формальностями и не замечая границ, вылететь из Финляндии и приземлиться на Васильевском спуске в Москве. Советская система ПВО его видела и сопровождала, но остановить наглеца так и не решилась, памятуя, как круто обошлись у нас с теми, кто сбил южнокорейский «боинг» над Камчаткой.)

В отношении Ельцина повышение до уровня кандидата в члены Политбюро было сделано в соответствии с традицией обязательного участия в высшем ареопаге первого секретаря горкома партии Москвы. Для Горбачёва Ельцин был «своим человеком», вполне поначалу лояльным, горячо поддер-

жавшим перестройку. С этой стороны Горбачёв никакого подвоха не ожидал, всё шло до поры до времени хоть и не безупречно, но в нужном направлении.

Общество не умеет читать в душах: никто и предположить не мог, что верный последователь генсека уже выходил на самостоятельный политический курс и, понимая все риски, смотрел далеко вперёд. Намечавшийся конфликт с Горбачёвым был на этом этапе всё ещё внутривнутрипартийным делом.

Но летом 1987 года критика Ельцина, сверху и снизу постепенно усиливалась. Его энергия, направленная по верному направлению и вначале привлекавшая людей, оказалась в практическом созидательном смысле не очень производительной. Разгромив московскую партийную команду, он продолжал искать тех, кто был способен изменить ситуацию к лучшему, особенно на критически острых участках, каким был тогда продовольственный фронт. Здесь, в Москве, всерьёз ничто не менялось, и, скорее, положение становилось всё хуже, а это было совершенно неприемлемо, потому что подтачивало авторитет и Ельцина, и, пусть это не покажется странным, руководства страны, изнемогающего от старых и новых проблем. Огромный комплекс Мосгосагропрома не просто давал сбой, он впал в самый настоящий кризис. В него входили 4 крупных молочных комбината, 9 мясоперерабатывающих заводов, 30 предприятий хлебопекарной и кондитерской промышленности и многое другое, включая табачную и водочную отрасли. Эта система составляла 26 % от потенциала переработки продовольствия в стране.

И вот эта-то система была на тот момент не способной обеспечить Москву продовольственными товарами — ни заготовить овощи и картофель в нужных объёмах, ни бережно сохранить их, ни толково, без сбоев, реализовать. Надо ли говорить, что ситуация на потребительском рынке очень серьёзно влияла на сознание общества, всё больше склонявшегося к мысли, что затеянная перестройка только увеличила жизненные трудности огромного числа людей, у которых этих трудностей и без того было вдоволь. Раздражение, возмущение, усталость копилась в народе.

Должность председателя Мосгосагропрома была, условно говоря, «растрельной». Добровольца на неё не нашлось бы, поэтому московские «верхние бояре» плели тайные интриги, чтобы повесить её на того, кто им не нравился своей активностью и независимостью. Этим человеком был как раз я.

Один из первых замов Сайкина аккуратно «внёс» соответствующее предложение. Валерий Тимофеевич вначале буквально отшатнулся: Лужков — инженер, химик, человек из науки, он работал в абсолютно других областях.

Сайкина уговорили, «утолкили» дружным напором, и он сдался. О своей реакции на эту идею я даже говорить не хочу. Решение опять поднялось на уровень Ельцина. В перерыве совещании актива Моссовета, посвященного вопросам жилья, меня пригласили в небольшой зал, где находился Ельцин. Разговор он начал с того, что подвергается в Политбюро жесткой критике за продовольственное обеспечение Москвы, никакого выхода у него нет, кроме того, что на это направление надо поставить серьёзного человека. Он, Ельцин,

понимает всю неожиданность такого предложения, но эту работу ему, кроме Лужкова, доверить некому.

По его тону, по взгляду, даже по тому, как он, ссутулившись и поникнув, сидел, я понял: ему действительно нужна поддержка. Я дал согласие. Так начался новый и один из самых сложных этапов моей жизни: я стал первым заместителем председателя Моссовета — председателем Мосгосагропрома.

По своим масштабам это было не ведомство, а отрасль со всеми признаками министерства: большим штатом, финансовыми, плановыми и производственными структурами. Времени на раскачку не было. В мрачном здании на улице Мархлевского царило уныние, если не сказать, угнетённость и безысходность. Соответствующими был и внешний облик, и внутренне пространство — запущенное, запутанное, с множеством лабиринтов, лестниц, переходов. Всё это пробуждало мрачный юмор, который однажды реализовался в случае с шедшим ко мне за интервью корреспондентом «Московской правды». Парень буквально потерялся в здании и после многочасового блуждания оказался в каком-то подвале, где провёл всю ночь. Утром его обнаружила там старушка вахтёрша, на которую он смотрел после этого счастливыми глазами.

За этими внешними, казалось бы, деталями и обстоятельствами скрывалось совершенно неприемлемое положение дел. При знакомстве с коллегами-управленцами я убедился, что многие из них являются преданными делу грамотными специалистами, задавленными, однако, огульной критикой. Все понимают, что положение тяжёлое, а работа идёт из рук вон плохо. Начинать надо было с баз, в первую очередь навести там порядок, а потом неотложно заняться экономикой, стимулами работы и организацией управления. За редким исключением на базах были ещё довоенные технологии приёма, обработки, хранения, сортировки и реализации продукции (одна такая база запомнилась с детства: она располагалась недалеко от барака, в котором мы жили во время войны, и в том же качестве она оставалась во второй половине 80-х). О современном технологическом уровне, таким образом, говорить не приходилось, а в каком состоянии была деловая культура и трудовая дисциплина можно увидеть из следующего уникального сюжета. На Киевской базе два проворовавшихся заместителя директора дождались его отсутствия, написали друг другу заявления об увольнении, получили в кассе, что им причиталось, и оба разом смылись. Сюжет для «Фитиля», но было не до смеха.

Альфа и омега работы в таких запущенных ситуациях, как в Мосгосагропроме, — поднять кадровую и технологическую дисциплину. Вопреки первоначальному сомнению и пессимизму, нашлись здоровые силы, которые поверили: новое руководство пришло не стружку с людей снимать, к чему они уже привыкли и близко к сердцу не принимали, а коренным образом изменить ситуацию. Важно было и то, что я решился защитить систему от огульного критического «полива», когда критика становилась вровень с глумлением. Через четырнадцать дней после моего назначения в «Правде» появилась статья «Чёрный кочан», посвящённая председателю Мосгосагропрома, который много лет не может навести порядок в плодоовощном комплексе столицы.

«Правда» в это время была главной газетой страны, органом ЦК партии. Если в неё появлялась критическая статья, то её «герою» можно было паковать вещи и освобождать кабинет — и это только для начала.

Трудно было сдерживать эмоции, да я и не собирался этого делать. Позвонил в редакцию и спросил: знает ли автор статьи, сколько дней я работаю руководителем Мосгосагропрома? Потребовал извинения на страницах газеты. Оказалось, что это моё вполне законное требование является, видите ли, неслыханной дерзостью. Единственное, что, по мнению правдивых, может сделать газета, так это дать обо мне положительную заметку. Посылаю их к чёрту с таким справедливым предложением и начинаю осознавать, что статья-то не столько обо мне, сколько нацелена на высшее городское руководство, то есть на Ельцина.

Он это хорошо понимал и не мог ждать результатов, требующих времени. Тогда, в середине 1987 года, нужно было демонстрировать изменения «здесь и сегодня». Ельцин потребовал организовать в столичных районах ярмарки плодоовощной торговли. В оперативном смысле это было правильное решение. Ельцин сам звонил в сельхозпроизводящие области, договаривался с их руководством о срочных поставках в Москву и везде получал понимание и поддержку, особенно в Подмосковье. Было упущено лишь одно, но самое важное обстоятельство: летней продукции в достаточных объемах в областях не было. Правильная по существу затея столкнулась с общей ситуацией недостаточности производства продовольствия в стране. И если бы не арбузы и помидоры с юга Поволжья да не картошка с Тамбовщины, то и эти ярмарки, стоившие нам немало сил, были бы поставлены Ельцину в вину.

Тем не менее в сентябре, одновременно с закладкой на хранение, мы добились рекордной дневной продажи в 8 тысяч тонн. Это по тем временам была настоящая победа. Заготовив на зиму овощи и картофель, мы одновременно привели в порядок инженерное хозяйство, холодильную технику, начали строить новые мощности с новыми технологиями. В течение года, нарастив масштабы работы, мы строили тридцать три новых объекта, существенно улучшавших плодоовощной комплекс города. Появились явные признаки того, что формируется не «подсобное хозяйство», а настоящая отрасль.

Вместе с тем во мне крепло убеждение, что если ставить перед коллективом только одну задачу стабильной работы и не думать о перспективах, то коллектив вскоре не сможет поддерживать на должном уровне даже эту стабильность, но говоря о новом уровне работы (скажу, кстати, что этот принцип — видеть перспективу как конкретную задачу — помогал мне и подтвердил свою эффективность в период работы мэром Москвы). Меня не покидала мысль о необходимости радикальной перестройки системы.

Надо ли говорить, что такие настроения хорошо корреспондировались с той политической и общественной атмосферой, которая тогда была. Поэтическим песенным языком её выразил тогдашний кумир молодёжи Виктор Цой: «Перемен! Перемен требуют наши сердца!» В этой песне звучало и неприятие старого и отжившего, и желание изменить жизнь к лучшему. (Сложная гармо-

ния жизни — так можно назвать то моё состояние, когда о положении с сельхозпродуктами думалось под песни с социальным подтекстом.)

На ум приходили элементарные, казалось бы, вопросы: почему на Западе никого не гоняют на овощные базы, а овощей в магазинах с избытком, разных, со всего мира, и обязательно чистых. Почему на их базах потери на порядок меньше. Почему у нас для обеспечения города картошкой люди должны буквально проявлять героизм. Ведь время корчагинских узкоколеек дано прошло.

Надо было прекратить привлекать людей со всего города для работы на базах — это первое. Второе: кратно снизить потери, найти стимулы беречь продукцию. И третье, самое важное и радикальное: требовалось ввести реальный хозрасчёт, установить аналогичные зарубежным принципы экономических отношений в цепочке «поле — база — магазин». Речь шла, таким образом, о рынке.

Перестройка, думал я тогда и не ошибаясь, должна идти не в партийных кабинетах, а в жизни, вот на этих базах, на предприятиях, на стройках, на транспорте, в шахтах, на полях. Только тогда народ примет какие-либо новации, доверие которым он щедро давал авансом, когда эти новации предстанут в образе зримого результата, хотя бы на обеденном столе, в каждом магазине на каждой улице. Ведь непереносимо стыдно было слушать, когда люди говорили: «У нас вчера в овощном помидоры выбросили» — и все понимали, о чём идёт речь. Кроме иностранцев, конечно, не подозревавших, что «выбросили» означает «появились в продаже».

В стране было громко объявлено, что наконец «выбросили» свободу, инициативу, достоинство гражданина, но всё это не попало на хорошую землю, а запуталось в чертополохе бюрократизма, косности, привычной безответственности и, как ни удивительно, совсем уж новых для общества обстоятельств. Они были связаны с «битвой» партийных титанов. Об этом чуть ниже.

Осенью мы закончили грандиозную эпопею, иначе и не скажешь, закладки на зимнее хранение 880 тысяч тонн различной плодоовощной продукции. Даже пресса стала к нам мягче относиться, а уж она-то, на перестроечной волне, мало что замечала из хорошего, даже когда оно появлялось. Ельцин побывал на вновь построенных корпусах Кировской базы, остался доволен, и казалось мне и всему нашему коллективу, что наступило время заняться стратегией.

Но именно в это время Ельцина начали «обкладывать». Это был своеобразный ответ на его закрытое письмо Горбачёву от 12 сентября 1987 года. В общих чертах оно очень скоро стало известно каждому, кто интересовался политикой, а таких было преобладающее большинство. Приведу короткие выдержки из текста письма (оно было позднее опубликовано).

«...Долго и непросто приходило решение написать это письмо. Прошел год и 9 месяцев после того, как вы и Политбюро предложили, а я согласился возглавить Московскую партийную организацию. Мотивы согласия или отказа не имели, конечно, значения. Понимал, что будет невероятно трудно, что к имеющемуся опыту надо добавить многое, в том числе время в работе.

...Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, что не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержки, особенно некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному — ко мне.

...я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро.

...Обилие бумаг (считай каждый день помидоры, чай, вагоны... а сдвига существенного не будет), совещаний по мелким вопросам, придинок, выискивание негатива для материала. Вопросы для своего «авторитета».

...В отношении меня после июньского пленума ЦК и с учетом Политбюро, состоявшегося 10 сентября, нападки с его (Е.К. Лигачёва. — Ред.) стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля.

... Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке.

...Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением».

События дальше развивались стремительно. На октябрьском (1987 года) пленуме ЦК КПСС он выступил с серьёзной критикой работы Политбюро, в особенности Лигачёва, и заявил, что в стране зарождается культ личности Горбачёва. А после этого заявил, что просит освободить его от обязанностей кандидата в члены Политбюро.

Тогда слово взял Горбачёв. Выделю из его длиннейшего, с отступлениями и рассуждениями выступления, один короткий фрагмент: «Товарищ Ельцин прислал мне письмо на юг, в котором он выразил мысли, уже известные вам, и просил решить вопрос о его пребывании в составе Политбюро.

Когда я вернулся из отпуска, у нас с ним был разговор на эту тему. Мы условились, что в период подготовки к 70-летию Октября не время обсуждать его вопрос, а надо действовать. И в самом деле, товарищи, часа, минуты свободной нет. Вы, наверное, уже видите, что на пределе все идет. Необходимо решать много вопросов, чтобы достичь поставленные цели.

Мы тогда условились с товарищем Ельциным, что после праздников встретимся, посидим и все обсудим. Причем в своем письме Борис Николаевич говорил, что «прошу рассмотреть вопрос. Не ставьте меня в такое положение, чтобы я обращался сам к пленуму ЦК с этой просьбой». Но мы с ним договорились, и потому на той стадии я даже членов Политбюро не информировал, считая, что до объяснения в этом нет необходимости. Я не думал, что после нашей договоренности товарищ Ельцин на нынешнем пленуме Центрального Комитета, имеющем этапное значение для жизни партии в осознании ее истории и перспектив, представит свои претензии Центральному Комитету партии. Лично я рассматриваю это как неуважение к Генеральному секретарю, к нашей договоренности».

Был ли элемент коварства в несогласованном и неожиданном после договоренности с Горбачёвым выступлении Ельцина? Или же пленум увидел

человека, закатившего истерику по той причине, что должность оказалась не по плечу? Наверное, имело место и то и другое. Из обороны Ельцин перешёл в наступление. Интуитивно это было понятно многим, но, судя по реакции, лучше всех раскусил ситуацию крепко тогда державшийся за Горбачёва искушенный политический интриган и он же «архитектор перестройки» Александр Яковлев. Он буквально обрушился на Ельцина. Подключились и другие товарищи. Ельцин был вынужден публично покаяться за свои ошибки и признать, что он не оправдал пока что доверия ЦК партии и московской парторганизации.

Всё это было неслыханно для партии — эта открытость острой критики с переходом на личности, этот вызов кандидата в члены Политбюро Генеральному секретарю ЦК партии, разговор, как тогда казалось, без каких-либо непересекаемых «красных полос». Ответ же на поступок Ельцина был традиционным: жесточайший публичный разнос, требование покаяться, немедленно признаться в ошибках. Что и было сделано и, конечно, далось самолюбивому Ельцину крайне тяжело.

Между тем говорил он о том, о чём несколько позднее заговорит и Горбачёв, и не просто заговорит, а избавится — и не от недостатков в партии, а от самой партии, увидев в ней тормоз и врага перемен. Партийный консерватизм он преодолеть не смог, а вернее, не смог его рационально канализировать, а потому предпочёл, по существу, вступить с партией в разрушительную борьбу.

А вслед за партией придёт очередь государства, и через фарсовый путч, через какое-то жалкое и виноватое возвращение Горбачёва из Фороса, через публичное унижение его Ельциным, через катастрофу в Беловежской Пуще государство распадётся, и Горбачёв добровольно уйдёт (а попробовал бы не уйти) в отставку.

До этого, однако, было ещё далеко. Но историческое время, однако, в определённые периоды идёт быстро и, я бы сказал, ощутимо для людей. В этом я скоро смог убедиться на собственном примере.

Прорабатывать Ельцина продолжили 11 ноября 1987 года на пленуме Московского горкома партии. Деморализованный, больной, он ещё раз признал, что выступление против Горбачёва считает своей политической ошибкой. На этом пленуме Ельцин лишился поста первого секретаря столичной парторганизации. Попав в больницу с сердечным приступом, он даже попытается покончить с собой (по свидетельству М.С. Горбачёва, Н.И. Рыжкова, В.И. Воротникова и других источников).

Декабрь 1987 года принёс Ельцину новое назначение — это был, в сравнении с предыдущим, политически нейтральный пост первого заместителя председателя Госстроя СССР — министра СССР.

Весной 1988 года на пленуме ЦК КПСС он был выведен из кандидатов в члены Политбюро, но остался членом ЦК.

Сущность властителя не заключается исключительно в его политической программе, владеющей им идее, системе его действий. Всё это крайне важно, но любой властитель, и Ельцин, разумеется, не исключение, это ещё и обыч-

ный, в психофизическом смысле слова, человек. Он подвержен стрессам и страстям, он остро переживает неудачи, он не обладает, как правило, сверхстойчивым эмоциональным статусом. Все мы люди. С учётом этого нетрудно представить себе, как сильно сжималась в Ельцине «антигорбачёвская пружина», как зрела в нём обида, какие волны неприятия окатывали сознание. Из песни слова не выкинешь, в свой срок бумеранг, пущенный Горбачёвым в Ельцина, к Горбачёву же и вернётся, только скорость его и, соответственно, сила удара будет гораздо больше.

После изгнания Ельцина Горбачёв направил на высший пост столицы ленинградского партдеятеля Льва Николаевича Зайкова. Задача перед ним была простая и суровая: искоренить московскую «крамолу».

Что это означало на самом деле, нетрудно было догадаться. Первое: убрать из городской власти всех, кого привёл с собой Ельцин. Второе: превратить город в дисциплинированную нерассуждающую структуру, чётко выполняющую волю партии.

Зайков совершенно не знал Москву и начал знакомиться с городом, руководителями и москвичами. Мы с известным напряжением присматривались к новому хозяину столицы. Его внимание привлёк в первую очередь Моссовет и его председатель В.Т. Сайкин. Взаимная проба сил состоялась на первом же «зайковском» пленуме горкома КПСС. Победу одержал Сайкин с его выразительной народной речью и острыми сравнениями. Это была первая неудача Зайкова, и она ему крепко запомнилась, а Сайкину сразу же осложнила работу: партийно-административный ресурс первого секретаря делал своё дело.

Народ своё отношение к власти всегда выражает точно и образно. В ход пошла присказка, отражающая ситуацию в Москве: «На сломанной ёлке зайка ест сайку». «Сайка», правда, оказалась твёрдым орешком, да и Зайков не отличался слишком уж крепким бойцовским характером: в Политбюро таких людей уже не было.

Вслед за Моссоветом пришла, само собой, очередь Мосгосагропрома. Ситуация с продовольствием в стране и, соответственно, в Москве была в 1988 году ещё более сложная, чем годом раньше. В помощь Зайкову «для наведения порядка» был направлен В.П. Никонов, отвечавший за продовольственный комплекс страны. Ничего путного, кроме оргмероприятий по отношению к системе и её руководителям, они придумать не могли. Масла в огонь подливал и неистовый и путаный замзав сельхозотдела ЦК партии И.К. Капустян.

Странная это была тройка, немало попортившая людям нервов: бессистемный, дёргающий всех без разбора и без причин Капустян, злой, мрачный и желчный Никонов и бессмысленно надувающий щёки Зайков. И этих людей партия (Горбачёв и Политбюро) поставили приводить в порядок продовольственный комплекс Москвы! Да если бы только Москвы, нет, и всей страны!

Что это были за решения! Таких людей на руководство сложным делом можно было направить только с целью его развала, так иногда казалось. Хотя, надо признать, развалено оно было гораздо раньше, да и, по существу, никогда при Советской власти хорошо не работало.

Поскольку, по формальным принципам, партия не должна была заниматься хозяйственными вопросами, то выход еще в 1985 году пытались найти в создании громоздкого, сложного и практически неуправляемого Госагропрома. Руководить этим бюрократическим супермонстром был назначен В.С. Мураховский, сменивший перед тем Горбачёва на посту партийного руководителя Ставрополя, явный, по жизни, ведомый неутомимого перестройщика. Слили в этот Госагропром аж пять министерств: сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, мясной и молочной промышленности, пищевой промышленности, сельского строительства и Госкомитета по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства. В аппарате сверхведомства должны были трудиться около пяти тысяч человек, в центре — 3201 труженик руководящего фронта. Никаких существенных результатов достигнуто не было.

Упомянутая выше тройка ретивых администраторов просто-напросто имитировала работу. Не реже двух раз в месяц они устраивали различные по уровню совещания в жанре и в стиле жестких разносов, обязательно широко приглашая на эти пустословные судилища исполкомовских и партийных работников.

Ощущение от таких совещаний лучше всего описать словами Михаила Булгакова: «... ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ни- чего не смыслят в том, что им поручено. Начальству втирают очки!»

После одного из таких сборов, который проходил в ЦК КПСС, ко мне подошёл Валерий Павлинович Шанцев и в свойственной ему прямой манере сказал, что он, как секретарь Перовского райкома, плохо понимает смысл таких разносов, тем более что, с его точки зрения, дела стали поправляться. Мы оба знали, что накачками делу не поможешь. Как и то, что по-прежнему приходилось посылать людей на базы, что продукция пропадает из-за отсутствия условий хранения, что много её разворовывается. Корень проблемы был в том, чтобы найти и включить действенные принципы заинтересованности в сбережении продукции.

Учёные подсказали, что при нормативном режиме хранения потери картофеля до нового урожая не должны превышать уровень в 9 %. Его мы и взяли за основу. Было решено провести эксперимент: если база снизит этот уровень, то 50 % выручки от продажи сохранённых объёмов продукции получит коллектив, а 50 % — город.

Результат оказался ошеломляющим: некоторые цеха не допустили потери свыше 2 %! Люди получили хорошие премии, в городе было реализовано больше и, главное, хорошего качества продукции.

В обиде оказались жулики на базах. Из их сплочённой среды выпорхнула анонимка в Комитет народного контроля СССР. Была тогда такая структура, ни разу, как говорится, не народная, а, по самой застойной манере, партийно-бюрократическая, разветвлённая по всей стране и занятая, по жизни, одним делом: душить инициативу путём наказания правых и неправых хозяйственников. Жалоба анонимщиков гласила, что установленный уровень в 9 % не подтверждён якобы научно. Гнить должно больше!

И вот с этой-то ерундовиной народный контроль к нам и прицепился. Наше обращение в Госагропром за подтверждением этой цифры результатов не дало: узнав, что вопросом занимается народный контроль, аппарат Госагропрома закрылся от нас наглухо. Испугался даже Мураховский. Наши доводы, что мы сэкономили продукцию для города, да еще и качественную, никого не интересовали. Мы остались один на один с этой, скажу жёстко, безмозглой структурой, жаждущей кого-нибудь наказать. И не то чтобы там не было умных, понимающих логику наших решений людей (таким был, например, председатель народного контроля Г.В. Колбин), но сама система требовала жертв. В беседе с Геннадием Васильевичем я не удержался и задал вопрос: а зачем вообще нужен народный контроль? Есть же прокуратура, следователи, суд. Если хозяйственник-руководитель совершил преступление, то он должен отвечать перед законом. А если он действовал в рамках закона, и действовал с хорошим результатом, то зачем отбивать у него охоту к инициативе. У нас в стране и без того реализуется страшная по своему смыслу поговорка: «Инициатива всегда наказуема».

Колбин выслушал меня и посоветовал этот вопрос не обращать к членам комитета, когда будет рассматриваться наша ситуация.

Настал день заседания Комитета народного контроля. Оно проходило в довольно большом зале, где подковой расположились члены комитета, стояла солидная трибуна для выступлений обвинителей и трибунка поменьше для тех, кто пришёл сюда объясняться, оправдываться и защищаться. Была и телекамера.

Ответ держали я и руководитель Плодоовощпрома О.А. Виричев. Он толково и обстоятельно изложил суть и результаты эксперимента. Наш оппонент, представляющий народный контроль, заявил, что всё это незаконно, что мы выплатили коллективу большие деньги, а это грубое нарушение. Я в выступлении ещё раз обосновал своё решение и в завершение не удержался и задал тот же самый, простой и разумный вопрос: зачем нужен Комитет народного контроля? И настоял на том, чтобы материалы были направлены в прокуратуру.

Колбин, понимая, что для прокуратуры эта ситуация интереса не представляет, дал своё согласие, но Виричев был всё-таки наказан на три должностных оклада!

Вдумайся, читатель-гражданин! Ты принёс пользу городу, финансами и хорошим, спасённым от протухания продуктом, ты создал условия для приличного заработка, и люди действительно получили за свой труд хорошие деньги, и ты требуешь, сам (!), чтобы твоё дело рассмотрела прокуратура. А твой соратник лишается трехмесячной зарплаты!

И всё это происходит ровно в те дни, а других тогда не было, когда чуть не каждый день низвергались на страну многословные речи Горбачёва о текущем моменте и светлых перспективах.

А в стенах Комитета народного контроля после завершения заседания продолжалось глумление над нами. Нас поджидало телевидение, и, как водится в таких случаях (овощников покарали!), репортёр с едкой улыбочкой одно-

временно с наездом камеры задал ядовитый вопрос: «Как вы себя чувствуете, Олег Афанасьевич, после заседания Комитета народного контроля?»

Виричев, до предела обозлённый дурнотой произошедшего, мгновенно помрачнел и дипломатничать не стал: «Как я себя чувствую после всего, что здесь произошло? Очень просто: обосранным с ног до головы».

Репортёр тут же потерял к нам интерес. Эта часть репортажа в эфир, разумеется, не попала А жаль! Так или иначе, а Виричев показал уровень разбирательства в народном контроле, и это комитету популярности никак не прибавило. Омертвевшая бюрократическая структура, казалось, уже не осознавала, что же она творит. А мы свою правоту всё-таки отстаивали.

Рассказывая об этих, на современный взгляд труднообразимых и даже нелепых, перипетиях, хочу ещё раз подчеркнуть, что расставание с отжившим было тяжёлым. Плановая экономика — не абсолютное зло, план — добротный и сильный инструмент, а вот омертвление секторов и участков такой экономики — оно бывает в каких-то элементах похоже на гниение овощей: происходит быстро, умертвляет необратимо, требует невероятных усилий для получения хоть какого-то результата.

Я о «своём» — об овощах и картофеле. В ещё большей остроте встала тогда нерешённая задача освободить в Москве и по всей стране многие и многие тысячи людей, от школьников (!) до министерских работников, от овощной барщины, от этого разорительного унижения, от чёрной дыры, в которую проваливались миллионы часов труда, немалые финансовые потери, огромные объёмы продукции.

Я попросил сделать расчёты, сколько нужно денег на замещение привлекаемых, на сколько нужно увеличить число постоянных работников, сколько людей, на платной основе, привлекать в однодневном режиме, какую технику следует дополнительно приобрести. Итоговая цифра не была пугающей всего 28 млн рублей.

Обсудил проблему в своём аппарате, доложил предложение В.Т. Сайкину, разобрал ситуацию с секретарём горкома партии В.К. Беляниновым, который нам в этом деле помогал. Сайкин подписал обращение к премьеру союзного правительства Н.И. Рыжкову. Вопрос был поручен Госплану, вёл его С.А. Ситарян, и после детального рассмотрения темы мы, к моему удивлению, получили поддержку. На докладной записке Ситаряна Рыжков начертал резолюцию: «Согласен. Проверить в конце года и, если будет сорвано, направить материалы в прокуратуру».

Получив такое «напутствие», я подписал распоряжение, запрещающее привлекать для работ на базах людей с предприятий и из организаций.

Казалось, всё предусмотрено и учтено, но старое уходит не спешило. В июле 1988 года пошли азербайджанские помидоры. Железная дорога не выдерживала никаких разумных сроков, и на базы стали приходиться вагоны с гниющими, дурно пахнущими томатами.

Слабонервные завопили, что без переборки овощей не обойтись, нужно срочно привлекать на базы массу людей. Понеслись «сигналы» в горком и в

ЦК партии. Отдел сельского хозяйства ЦК, как водится, отреагировал без промедления, направив в Политбюро (и не ниже!) записку о том, что московские авантюристы, то есть мы, из-за личного честолюбия могут погубить плодовоовощной комплекс города. Политбюро тут же поручило Зайкову и Никонову разобраться и принять меры, понятно какие и к кому.

Зайков захотел лично посетить две базы — плохую и хорошую. В качестве таковых были избраны Москворецкая и Октябрьская, и уже на следующий день большая бригада прибыла на Москворецкую базу, раскинувшуюся на 240 гектарах (больше площади Кремля). База была в ужасном состоянии. Два руководителя получили шок. Увидеть Октябрьскую базу — чистую, с нормальным директором и отличным коллективом, с новыми технологиями и достойными результатами работы — Зайков и Никонов не смогли: Горбачёв созвал очередное совещание для произнесения очередной речи, а потому до Октябрьской базы дело не дошло.

«Бутерброд», как водится, шлёпнулся маслом вниз. Ознакомленные с самой проблемной, и так и не побывавшие на одной из хороших баз, Зайков и Никонов устроили сильнейший и, в принципе, бессмысленный горкомовский разнос.

Я принял для себя необходимое решение: написал заявление с просьбой освободить меня от должности первого заместителя председателя Моссовета — председателя Мосгосагропрома и передал его в секретариат Зайкова.

Я достоверно знаю, что было дальше. Зайков вызвал к себе Валерия Константиновича Белянинова и с некоторым облегчением сказал: «Давайте отпустим». Белянинов ответил: «Лев Николаевич, очень прошу этого не делать. Ситуация на базах в целом улучшается, скоро завозная капания. На этой работе «сгорело» уже несколько руководителей». Самой сильной была последняя фраза Белянинова: «Лев Николаевич, мы больше такого дурака не найдём. Он пашет круглые сутки, и я готов отвечать за его работу».

Довод оказался неотразимым, вердикт был мне оглашён, и после этого Зайков стал ко мне относиться более доброжелательно. А вот пресса лютовала по-прежнему.

Плодовоовощная забота не раз ещё сталкивала меня и с Зайковым, и с Рыжковым, и с союзными министрами. На моей стороне был укрепляющийся кадровый костяк отрасли, за нас говорили улучшающиеся показатели работы, добытые и огромным напряжением сил, и, к счастью, новыми подходами к делу. Но, надо сказать, именно эти новые подходы, более рациональные методы решения задач встречали порой бешеное сопротивление. Так получилось с Министерством путей сообщения, которое возглавлял Н.С. Конарев. Я предлагал министерству такой, на мой взгляд, справедливый алгоритм работы: они покупают овощи в республиках, быстро доставляют их в Москву, мы здесь покупаем эти овощи у них по факту наличия и сохранности. Казалось бы, логично. Министр уперся и был непробиваем, как железнодорожный тупик. «Мне всё равно, что я везу, болты в ящиках или ваши помидоры. Я буду принимать и сдавать груз по количеству ящиков».

И вот такими вопросами занималось у нас Политбюро, горком партии, хозяйственные структуры, трудовые коллективы, да и огромная часть населения городов, занятая в овощных авралах. Не люблю я словосочетание «совковые времена», но к этому периоду нарастающей бестолковщины оно более чем приложимо. Нарастал, называя вещи своими именами, управленческий и общий экономический хаос, накалялась политическая ситуация, происходило труднейшее становление демократии, больше похожее на полную дестабилизацию жизни.

Как ни странно, коллектив Мосгосагропрома в этих штормовых условиях работал лучше и лучше. Не знаю, знаком ли читателю азарт. Нет, не азарт карточного игрока или спортивный азарт. Я говорю об азарте управленца, который хочет доказать всему миру, что он вместе со своей командой может сделать что-то необычное, чего ранее не бывало. Нас посетил именно этот азарт — нас, кого «поливали» во всех СМИ, нас, кого критиковали на каждом углу партийцы, нас, про которых сатирики писали, что мы сделали свою страну страной вечнозелёных помидоров.

А мы, как и задумали, не привлекли на базы ни одного человека и обеспечили город на зимний и весенний периоды. Это было для власти настолько ново и непривычно, что однажды поставило в тупик самого Зайкова. В разделе доклада о достижениях города было написано, а Зайков это озвучил с трибуны, что «в прошлом году нам удалось исключить привлечение людей на базы». На этих словах зал загудел. Зайков остановился и молча перечитал соответствующее предложение.

В перерыве меня пригласили к Зайкову, он был в заметном и сильном раздражении: «Вы что мне написали тут?» Я решил сыграть: «Лев Николаевич, о чём вы?» И тогда Зайков, который никогда людям не тыкал, сказал: «Ты что не слышал, как зал загудел, когда я сказал, что люди не привлекались для работы на базах? Ты наврал!» — он побагровел на глазах.

— Лев Николаевич, я доклад вам не писал. Мне этого не доверяют, но написано там всё правильно.

— Ты что, не слышал реакцию зала?

— Слышал отлично. Это был одобрительный шум. Проверьте на любом из руководителей районов.

Изумление, недоверие, раздражение отразились на его лице прежде, чем он распорядился найти кого-либо из первых секретарей райкомов. Пришли Земсков из Ворошиловского и Кузнецов из Бабушкинского. Зайков не знал, с чего начать. «Вот я тут усомнился, в полном ли объёме решён вопрос о непривлечении людей на базы, и пригласил Лужкова. Нужно ваше мнение».

Оба подтвердили, что никого больше не привлекают. «Спасибо», — сухо сказал Зайков, а мне, видя торжество, которое я не смог скрыть, бросил: «Иди».

Впоследствии у меня с этим человеком установились добрые отношения, не прервавшиеся и после его отставки. Москву, конечно, Лев Николаевич так и не понял. К тому же драматически сложились его семейные дела. Он вернулся в свой родной Питер и там провёл последние годы своей жизни.

Хотел бы здесь заметить, что к Москве у властного центра всегда была некая ревность, которая иногда затихала, а иногда принимала крайние формы и персонифицировалась. В свой срок я подробно расскажу об обстоятельствах и причинах моей отставки, происшедшей в 2010 году по бесосновательному решению тогдашнего президента России Д.А. Медведева. Сейчас ограничусь лишь тем замечанием, что во множестве случаев ревность центра объяснялась его отставанием от московского качества управления.

Так было и на одном из заседаний Президиума Совета Министров СССР. Я выступил с сообщением о работе с кооперативами, доложил о некоторых важных проблемах и о том, как мы их предлагаем решить. Николай Иванович Рыжков был раздражён и заявил, что таким нерадивым руководителям нельзя доверять кооперативное движение.

Я не счёл необходимым сдерживаться и заявил, что при таких нерадивых руководителях кооперативов в Москве больше, чем во всей стране.

Совещание закончилось, и сразу же Сайкину позвонил Зайков с требованием разобраться с возмутителем спокойствия Лужковым, который портит отношения между ним, Зайковым, и председателем Совета Министров.

Валерий Тимофеевич расспросил меня по существу, перезвонил Зайкову и сказал, что Лужков прав. В ответ раздался очередной шквал обвинений. Я же попросил Сайкина передать кооперативы под кураторство другого заместителя, поскольку дело там налажено неплохо.

В стране тем временем наступали интересные времена. Власть работала всё хуже и хуже, громоздя одно неумное решение на другое. Помимо базисных пороков системы стали видны две, по крайней мере, причины расстройств руководства и управления. Первая из них — это неудачная антиалкогольная пропаганда и запретительные решения, которые мало того, что обозлили народ, но и привели к подрыву денежного обращения в стране.

Вторая причина — это горбачёвские новации по внедрению «демократических» принципов в реальную экономику страны. Речь идёт о предложении избирать директоров предприятий и наделении советов трудовых коллективов огромными полномочиями при отсутствии ответственности.

В социалистической экономике директор предприятия — личность совершенно особая. Это и хозяйственный руководитель, и проводник идеологии и политики партии, и тот, кто вместе с профсоюзами решает все социальные проблемы коллектива. История советского периода знала многих по-настоящему уникальных директоров — мощных, волевых, талантливых и творчески настроенных руководителей. Замечу также, что в реальной экономике была, да, конечно, и есть, особая демократия. Первый её этап содержит в себе свободное и широкое обсуждение проблемы и подготовку решения с учётом всех разумных предложений. На втором этапе в дело вступает своеобразная экономическая диктатура, когда воля директора, нацеленная на решение проблемы, становилась беспрекословной.

И вот когда был введён принцип выборности директоров, то очень часто самые эффективные, а значит, и требовательные из них не получали поддер-

ки коллективов. На многих предприятиях в директорские возделенные кресла уселись популисты и болтуны. Наверняка они тогда не знали, насколько на самом деле жёстки эти кресла.

Экономика теряла кадры, традиции, дисциплину — и всё это в условиях растущего хаоса. Пришла гласность и свобода слова, но оказалось, что они хороши, когда есть работа и зарплата. Зазвучали анекдоты типа «Живём как собака в будке: цепь удлиннили, а миску с едой поставить забыли». Бурная общественная мысль концентрировалась вокруг газеты «Московские новости». Под окнами её редакции собирался своеобразный городской дискуссионный клуб, и власть так и не поняла, что это не бестолковые «пикейные жилеты», а показатель неформальной политической активности. И эта активность не носила провластную позицию.

Для пребывающего в иллюзиях Горбачёва огромным и тяжёлым потрясением стала традиционная демонстрация трудящихся на Красной площади столицы 1 мая 1990 года. Традиция была хотя и отчасти заформализованной, но всё-таки праздничной. Колонны, украшенные лозунгами, гирляндами, цветами, портретами партийных руководителей и щитами с цифрами достигнутых успехов, шли мимо трибуны мавзолея, где находились, в центре, члены Политбюро во главе с Горбачёвым, а на боковых трибунах в определенном традиционном порядке располагались руководители рангом поменьше. Был этой чести удостоен и я.

Сначала всё шло по накатанному: идут колонны, диктор торжественным голосом рассказывает об успехах и достижениях, Горбачёв приветствует трудящиеся массы. И вдруг стали видны большие самодельные плакаты совсем не первомайского содержания и тона. Запомнились такие, например: «Уж не стало горького и пропало сладкое, что же ты наделала, голова с заплаткою!» и «Спасибо партии родной за то, что стало со страной!».

Горбачёв некоторое время крепился, но не смог выдержать такой удар и ушёл с трибуны. Это было впервые в истории СССР. Даже в ноябре 1941 года под угрозой фашистской бомбёжки руководители партии и правительства не покинули трибуну во время парада, с которого части Красной армии направлялись на фронт.

Солидарность с Генеральным секретарём не стал проявлять Г.Х. Попов, а это была в определённой мере знаковая фигура рождающейся политической оппозиции. Москва, таким образом, снова вызвала желчное раздражение центра.

Близился 1991 год — непредсказуемый, роковой, изменивший не только страну, но, наверное, и весь мир. Советская империя погружалась постепенно в хаос, и разлился он от прохладных республик Прибалтики до республик знойного юга. Разговоры о полной независимости всех ото всех, и особенно республик от центральной власти, полились бурными потоками. Не замедлила и кровь людская пролиться на свободную землю: случилась армянская резня в Сумгаите, где поднял голову азербайджанский национализм, затем был Карабах, волнения в Грузии, в Латвии, Эстонии и Литве, где особенно хлопотал «чёрный человек» Горбачёва, член Политбюро А.Н. Яковлев. Позже он при-

знался, что истинной целью его действий (да и только ли его) был демонтаж не только КПСС и Советского Союза, но и исторической России. И вот такой человек стоял на трибуне рядом с Горбачёвым и, несомненно, радовался происходящему, к чему приложил руку.

Всё сложнее становилась обстановка в Москве. Новый Моссовет стал претендовать на управление городом без горкома и районных комитетов КПСС. Попытка горкома вернуть всё на старые рельсы успеха не имела.

Дуализм власти всегда пагубен. Партия, не желая уступать и отступать, изобрела новую форму совмещения партийного и муниципального руководства в так называемых советах. В этом случае получалось, что, например, первый секретарь горкома партии (тогда ещё Л.Н. Зайков) станет председателем совета с местом работы в исполкоме. Этим символически подчёркивался новый смысл работы партийных органов.

Хозяйственная служба занялась, как водится, мебелью, кабинетом, специальным лифтом, отдельным подъездом. Шутка ли — в помещении исполкома будет работать член Политбюро. Однако закончилось всё это очень быстро, когда власть поняла, что именно члена Политбюро люди не изберут своим руководителем. И дело было не в личности Зайкова, а в общем отношении к партии (а я бы сказал, к партии Горбачёва).

Так или иначе, но новый Моссовет и его исполком как бы «повисли в воздухе». Они должны были взаимодействовать с 33 исполкомами районных советов, да и райкомы партии не спешили покинуть командные позиции.

Вот тут-то и началась вольница районов. Дело доходило до абсурда. Некто Краснов, председатель Краснопресненского района столицы, объявил о его полной независимости, распространяющейся на территорию района, его водную акваторию и воздушное пространство над ним. Такая шизофрения сейчас кажется смешной, но ведь городом-то надо было управлять даже и при таком районном императоре.

Моссовет от этого норовил уклониться, погружаясь с головой в политические дискуссии, несомненно более для кого-то важные, чем напряжённая рутинная работа. Именно ею и был героически, иначе не скажу, занят Мосгорагропром. Сработала, и эффективно, новая система работы, новые технологии, что позволило обеспечить город на зиму овощами и картофелем. Исполком Моссовета не был столь политизирован, люди делали своё прямое хозяйственное дело.

Председатель Моссовета Г.Х. Попов предложил ввести в Москве посты мэра и вице-мэра, возглавившего вместо исполкома вновь организуемое правительство Москвы.

Личный авторитет Попова был тогда очень высок. Один из лидеров оппозиции, он отличался от многих своих соратников хорошей экономической подготовкой, знанием структуры управления всех уровней. Его идея получила тотальное сопротивление коммунистов, либералов, депутатов разных политических убеждений. К работе подключился набравший вес Ельцин. На московском референдуме город поддержал новую идею.

На состоявшихся выборах боролись пять пар претендентов, победили объединившиеся Попов и Лужков. Всё это само по себе никаких проблем ещё решить не могло, тем более что резко усилилось противостояние руководства СССР во главе с избранным первым президентом Горбачёвым и руководства России во главе с Ельциным, взявшим курс на самостоятельность, пока еще в рамках СССР, Российской Федерации.

Городская власть без сомнений консолидировалась с Ельциным. Тем временем в столице продолжался парад суверенитетов райисполкомов и районных советов. Не сложилась полная консолидация Моссовета и исполкома столицы, особенно после ухода Г.Х. Попова, ставшего мэром Москвы. Обстановка сложилась и в Москве, и в стране в целом невероятно сложная.

Советский народ за прошедшие десятилетия был приучен, что называется, беззаветно верить партии. В течение большого исторического периода она разрабатывала программы развития страны и организовывала их выполнения, превращая это дело во всенародное. За спиной были коллективизация и индустриализация, освоение целины, борьба за первенство в космосе, военный паритет с коллективным Западом — и всё это было достигнуто, несмотря на огромные издержки. Всегда обозначалась внятная главная цель.

Горбачев ни одной такой цели не предложил партии, государству и народу. Его новации, от антиалкогольной кампании до гласности и свободы, слова воспринимались, при отсутствии видимого эффекта, очень и очень неоднозначно, и большей частью критически. Масла в огонь подливала и Раиса Максимовна Горбачёва с её непомерными амбициями, занудным менторством, барством и высокомерием, чего народ принять ни в каком случае не мог.

Ситуация шла к августу 1991 года. Начало лета было ещё относительно спокойным, но политическое противостояние только усиливалось. Межрегиональная депутатская группа формировала в стране либерально-демократическое крыло. Его возглавили академик Андрей Сахаров, Борис Ельцин и Гавриил Попов.

Этому крылу противостояла ортодоксальная партийная верхушка во главе с постепенно усиливающимся Анатолием Лукьяновым и Егором Лигачёвым. У коммунистов были власть, партийная дисциплина, силовой аппарат.

Где-то между этими полюсами пребывал президент СССР Михаил Горбачёв со своей перманентно-эклектичной позицией и доставшей всех пустопорожней риторикой.

Долго всё это продолжаться не могло. На дворе стоял август 1991 года.

Здесь, читатель, я хотел бы сделать некоторые необходимые обобщения. Ельцин родился 1 февраля, а Горбачев 2 марта 1931 года. Ельцин появился на свет между Уралом и Сибирью, Горбачёв на Кавказском перешейке. Судьбы этих людей переплетены теснейшим образом. Горбачёв прямо обещал не допустить Ельцина в политику, Ельцин, развалив государство, тем самым

лишил Горбачёва поста первого президента СССР. Принадлежа к самому высшему эшелону руководителей коммунистической партии, они приложили все силы, чтобы её не стало. И к тому, чтобы не стало социалистического строя. Горбачёв на бурном своём пути пережил «путч» в лице ГКЧП, Ельцин в 1993 году силой разрешил разразившийся конфликт ветвей власти.

Оба они чрезвычайно нравились коллективному Западу, и оба были им преданы. Оба сочинили самооправдательные многословные мемуары — в ответ на многочисленные обличительные и апологетические книги как бывших соратников, так и непримиримых политических врагов. Оба трогательно любили своих жён.

Мы были сверхдержавой — стали страной, переживающей за суверенитет. Есть ли на это согласие Запада — вопрос, мягко говоря, дискуссионный. Никуда, увы, не делись множество ослабляющих нас пороков системы взаимодействия с экономиками западных стран. Тех пороков, что были, как мины, заложены в начале 90-х «чикагскими мальчиками». Мы — всё ещё сырьевики, офшорники, экспортёры капитала, жертвы глобализации, а не её выгодополучатели. Мы в долларовом плену, мы — теневые спонсоры США. Отечественные монетаристы в правительстве России как «играли в деньги», так и продолжают играть, не давая набрать настоящую силу реальной экономике.

Вот цитата из трудов Петра Чаадаева. В первом «Философическом письме» он писал: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок».

Дали, и не раз. И не «какой-нибудь», а исторически важные уроки: о невозможности одоления нас военной силой, о способности быстро восстанавливаться после огромных потерь и тяжелейших потрясений, о том самом таинственном «атомном реакторе» нации, о котором Путин говорил на встрече с молодёжью в Ярославле осенью 2017 года. Этот «реактор» в какой-то мере есть теперь современный философский аналог «русской души», над загадочностью которой веками ломает голову западная прикладная философия.

Были и другие уроки, свидетельствовавшие о крайней внушаемости России, её способности очаровываться окрестным миром и невысоко порой ставить собственную российскую цивилизацию. Новые уроки свидетельствовали о некоей «женственности» (понимай, уступчивости) России, о, скажем прямо, самоедской привычке, в чём только возможно корить себя, особенно под давлением либерального требования: покайся, Россия!

Следующая цитата звучит так: «Россия — целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека. Именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это — олицетворение произвола».

В точку, к сожалению. К кому из властителей России в XX веке ни приложи это лекало, всё будет аккуратно по фигуре. За исключением (морального свойства) царя Николая, отрекшегося от власти, чтобы спасти страну — в этом моё твёрдое убеждение, противоречащее версии о его так называемой слабости или безволии.

С остальными властителями — Лениным, Керенским, Сталиным, Хрущёвым, Брежневым, Андроповым, Черненко, Горбачевым и Ельциным — всё фактически так и обстоит: каждый из них был «олицетворением произвола». Каждый на свой лад, и каждый собственного, индивидуального вида произвола.

Социалистическое общество не выработало ограничителей для самовластия вождей нации. Мы не говорим о таких западных «деликатесах» демократии, как, например, импичмент. Мы только помним, что народ никого из них, включая Горбачева, не избирал (15 марта 1990 года Михаил Горбачёв был избран президентом СССР на третьем внеочередном Съезде народных депутатов СССР). Михаил Сергеевич к тому же разгромил формально, на последнем этапе, руками Ельцина, и КПСС, которая целиком тоже не избирала его своим Генеральным секретарём. Он стал генсеком 11 марта 1985 года, голосовали за его избрание участники партийного пленума.

Фактически же, считают историки, и с ними приходится согласиться, его взлёт символически предопределила знаменитая «встреча четырёх генсеков» 17 сентября 1978 года на станции Минеральные Воды Северо-Кавказской железной дороги. Брежнев вместе с Черненко направлялся в Баку, Андропов находился на отдыхе в Минводах, Горбачёв встречал их как «хозяин Ставрополя». На станции трое, разумеется, не голосовали за Горбачёва, но он ясно понимал, что именно они решат его судьбу — и эту судьбу планировал.

Знай эти люди о том, что принесёт Горбачёв стране, партии и народу, подали ли бы они ему руку?

Сомнительно.

На совместном заседании палат конгресса США 17 июня 1992 года получасовая речь президента России Ельцина одиннадцать раз прерывалась аплодисментами и коллективным скандированием «Борис!». «Долгие годы, — говорил тогда Ельцин, — наши государства представляли собой два полюса, две крайние противоположности. Нас хотели сделать (кто хотел? — *Ю.Л.*) непримиримыми врагами. И это самым трагическим образом отражалось на судьбе человечества. Мир сотрясали штормы и конфронтации. Он был близок к тому, чтобы взорваться, умереть и не воскреснуть».

В каком состоянии отношения США и России через четверть века после этого выступления, читатель знает. Неизвестно только, что должен сделать Путин, чтобы его пригласили в конгресс и прерывали бы его речь аплодисментами. И что должна сделать Россия. Иногда кажется, что она должна, по мнению Запада, «взорваться, умереть и не воскреснуть».

Я говорю, разумеется, далеко не обо всём Западе, а о его крайнем политическом крыле. Нечто подобное есть и у нас в России, но будем справедливы, наши «ястребы» всё же не настолько агрессивны.

Будучи оптимистом (без излишнего и нелепого пафоса), я твёрдо верю и обоснованно надеюсь, что политический кризис, охвативший, по суще-

ству, весь мир, разрешится новой стадией сотрудничества, снижением взаимного критического накала, рациональным пониманием, что у человечества есть такие проблемы и задачи, которые ни одна страна в одиночку, ни один блок государств отдельно от всего мира разрешить неспособны по определению.

Перед миром возникли глобальные вызовы: недостаток энергии, воды, продовольствия, чистого воздуха, обнищание и голод в целых регионах планеты, — глобальным должен быть и ответ на эти вызовы. Теория «золотого миллиарда» вряд ли жизнеспособна в перспективе, потому что сытый миллиард не выдержит неотвратимого противодействия едва не десятка миллиардов людей, попавших в цивилизационную катастрофу выживания.

Всё это, несмотря на горячку «реформ», понимали и Горбачёв, и Ельцин. Видя главную угрозу миру в противостоянии Запада и России, а коренной недостаток России в её приверженности социализму, они этот социализм положили на алтарь общемировой, как казалось, победы. Нет социализма — нет войны и кризисов.

...Не слишком очевидная, но всё же обнаруживается тут параллель с ленинской идеей мировой революции, ради которой можно было, по его убеждению, и Россией пожертвовать.

Исторической, традиционной России в результате не стало.

Не стало СССР.

Ельцин практически истолковал мысль Наполеона: «Самое важное в политике — следовать своей цели: средства ничего не значат».

Какова была цель Ельцина?

Не допустить возвращения социализма? Он, мы помним, был наверху коммунистической власти и много политических здравниц произнёс в её честь.

Добиться благосостояния населения и роста национальной экономики? Население при нём обнищало, плановая экономика была разрушена.

Снести Горбачёва? Снёс.

Добиться гармонии в отношениях США и России? В конце октября Ельцин принимал в Кремле директора ЦРУ Роберта Гейтса. После чего Роберт Гейтс в одиночку, парадным шагом, перед телекамерами западных репортёров, прошёл по Красной площади. На ходу он сказал следующее: «Здесь, на площади, возле Кремля и Мавзолея, совершаю я одиночный парад по- беды».

Опыт жизни во власти, в политике, в созидательном и эффективном труде не позволяет ни ликовать от победы демократии (или, может, «победы демократии» в кавычках?), ни от поражения коммунистической идеи и социалистической практики. В 1992 году правительство Гайдара начало реализовывать планы либерализации и «шоковой терапии», разработанные втихую, узким кругом «своих» экономистов по рекомендациям МВФ и США.

В 1994 году, не справившись с ситуацией, Ельцин, не спросив общество, не понимая его настроений, развязал позорную и кровопролитную Чеченскую войну.

В августе 1998 года в результате внезапной одномоментной девальвации рубля были минимизированы не только скромные накопления огромного числа граждан, но и допущено массовое унижительное обнищание.

На протяжении своего властвования Ельцин хаотично тасовал кадры, лихорадочно менял премьер-министров, особенно в 1998 — 1999 годах. При этом особенно «доставалось» Виктору Степановичу Черномырдину, который, раз за разом изгоняемый и призываемый Ельциным, спасал страну и её престиж.

Правление Ельцина запомнилось удивительной эволюцией его образа от непримиримого борца с партийными привилегиями до щедрого раздатчика всяческих благ ближнему кругу и неуёмного их потребителя. Вот красноречивое свидетельство весьма информированного А. Коржакова — главы службы безопасности Ельцина: «...Борис Николаевич поразительно быстро был сломлен всем тем, что сопутствует неограниченной власти: лестью, материальными благами, полной бесконтрольностью... И все обещанные народу перемены свелись, в сущности, к бесконечным перестановкам в высших эшелонах власти. Причём после очередной порции отставок и новых назначений во власть попадали люди, всё меньше склонные следовать государственным интересам. Они лоббировали интересы кого угодно: коммерческих структур, иностранных инвесторов, бандитов, личные, наконец. Да и Ельцин всё чаще при принятии решений исходил из потребностей семейного клана, а не государства». (Замечу, что Коржаков, мягко говоря, не есть светлый человек во власти. За всеми грешными делами президента стоит и его тень.)

Целью Ельцина была власть. Он её добился — она его победила, сделала своим покорным слугой. Она его и раздавила бы, не откажись он от президентства в самом конце 1999 года.

В годы своего правления Борис Николаевич много и тяжело болел, претерпевая болезни с немалым, надо признать, мужеством. Здоровье было расшатано как политической борьбой, так и, увы, склонностью к алкоголю.

Из личных особенностей следует, мне кажется, отметить охотничьи привычки Ельцина. Многочисленные свидетельства говорят об одном: он был не охотником, а серийным убийцей беззащитного завидовского зверья. Это о многом говорит.

25 апреля 2007 года Марк Симпсон в «The Guardian» писал: «...если бы Ельцин, успешно свергнув коммунистический режим, вместо алкогольного хаоса и бессилия воздвиг на его руинах сильную Россию, которая отстаивала бы собственные интересы и была влиятельной силой на мировой арене, его репутация на Западе была бы совсем иной и на него обрушивались бы некоторые из тех, кто теперь его прославляет. Его ненавидели бы почти так же сильно, как... Путина!»

Такова «благодарность» Ельцину от истинных западных демократов.

Удивительными строками заканчивается книга Бориса Ельцина «Записки Президента», «...единственная реальная гарантия покоя — это сам президент. То есть выбрали — так выбрали. Если страна потихоньку, хотя и очень медлен-

но, выбирается из кризиса, если обещанный правыми и левыми страшный суд не наступает — значит, можно жить. И жить придётся с нынешним президентом аж до следующих выборов.

...Ельцин не ставит перед народом глобальной стратегической цели. Не возводит во главу угла какую-то сияющую вершину, до которой нужно дойти. И не пытается перечеркнуть весь пройденный перед этим путь.

Спокойствие России и является главной целью этого беспокойного президента».

Уходя в отставку 31 декабря 1999 года Ельцин попросил прощения у народа.

Исполняющим обязанности президента был назначен Председатель Правительства В.В. Путин. В тот же день он подписал указ, гарантирующий Ельцину защиту от судебного преследования, а также значительные материальные льготы ему и его семье.

После отставки покой Ельцина ничем и никем не нарушался: стена встала между первым Президентом России и её народом. Семья берегла его от излишних переживаний, что, впрочем, естественно.

Во время президентских выборов 1996 года я на посту мэра Москвы поддержал Ельцина. До этого, в 1993 году, принимал участие в «тишайших переговорах» у Патриарха Московского и всея Руси (моего крёстного отца) Алексия II, стремясь предотвратить кровопролитие, которым было чревато противостояние президента и Верховного Совета. Пойди тогда история по другому руслу, маховик смертей набрал бы бешеные обороты. Этого удалось избежать.

Прошло время, и я могу сказать: большая часть исторической вины за происшедшее в октябре 1993 года лежит не на оппозиции, а на главе государства, не сумевшим направить события в мирное политическое русло.

А в начале 1996 года, когда шла подготовка к выборам Президента, рейтинг Ельцина был так низок, в районе одного процента, что всерьёз рассчитывать на победу ему не приходилось. Наступал даже не момент, а бери выше, период истины. Впереди была перспектива потери власти, а власть для него была важнее самой жизни. В феврале, вернувшись из Франции, по дороге из аэропорта он из машины (настолько его припекло) позвонил мне и тогдашнему министру внутренних дел Куликову и, представьте себе, предложил разогнать Государственную думу. Куликов и я категорически возразили против этого. Мы, не сговариваясь, ему ответили, что это невозможно. Куликов был решителен и даже резок. Я предложил Ельцину встретиться и поработать над другим вариантом. Встреча прошла в Кремле, мы ещё раз сказали о неразумности и необоснованности его предложения. Он знал, что рейтинг Зюганова был значительно выше. С Зюгановым у меня были ровные официальные отношения, не союзнические, конечно.

К моменту встречи Ельцин изрядно остыл. Я сказал ему: «Борис Николаевич, давайте выигрывать. В первом туре вы не выиграете. Во втором победите». Закончилась наша встреча пониманием, что никакой разгон Думы недо-

пустим. Запад воспринял бы разгон негативно, хотя и не очень резко, Ельцин был для Запада предпочтительнее Зюганова. Победа Зюганова привела бы в агрессивное движение огромные социальные энергии.

До этого в моём кабинете в мэрии Москвы была встреча с Зюгановым. Он рассказал мне о своём высоком рейтинге. Я сказал, что поддерживать его не буду, и не по каким-то личным мотивам, а по той причине, что не хочу возврата к старому. Мы уже столько горя хлебнули всем народом, становясь на новый путь, что возвращение к старому было бы безумием.

Зюганов ответил достаточно разумно: «А почему вы считаете, что сейчас Коммунистическая партия стоит на консервативных позициях восстановления старого? Мы признаём частную собственность, многоукладность экономики, многопартийность. Это уже другая партия». Я говорю: «Возвращение в коммунистическое прошлое большинство разумных людей воспримет как абсурд». Геннадий Андреевич спросил, окончательна ли моя позиция. Я подтвердил: «Да». Он корректно поблагодарил за откровенность (замечу по прошествии многих лет после этой встречи, что, как мне кажется, она помогла Зюганову понять логику и суть того политического периода).

Много позднее меня спрашивали, допускал ли я, что страна при президенте Зюганове пошла бы по эффективному, китайскому, пути. Отвечаю: преимущества китайского варианта были на то время совершенно неочевидны. Только-только закладывалась материальная база успеха — в сельском хозяйстве, где были прикрыты коммуны. Земля, оставаясь государственной, передавалась в аренду семьям, которые имели право набирать по семь батраков — выглядело это для нас странно. Дэн Сяопин ещё не стал великим властителем, достигшим громадных успехов, потому и не служил примером даже нашим коммунистам.

Положение в Москве было несколько лучше, чем в стране. Запомнился такой тяжёлый эпизод: 9 мая мы поехали с Ельциным на Поклонную гору, которая наконец-то обрела достойный мемориала вид. Шли по Поклонной, отделённые от людей барьером, которые в таких случаях устанавливает служба безопасности, и одна женщина крикнула: «Борис Николаевич, подождите!» Мы подошли к людям, и эта женщина сказала, что «Москвичи заметили улучшение жизни, видят работу Лужкова, а вы, Борис Николаевич, для России не сделали ничего хорошего».

Для меня это был не подарок. Ельцин, нужно сказать, сдержанно и, как мне показалось, разумно ответил: «Я вас услышал. Спасибо» — и пошёл дальше. Но внутренне кипел.

Накануне выборов, в ночь с 25 на 26 июня, Ельцин пережил тяжёлый инфаркт. Президент России и мэр Москвы избирались в один день. Я получил возможный в демократическом обществе максимум голосов.

Третьего июля, во втором туре, Ельцин победил Зюганова. перевес был небольшим, но достаточным: Ельцин получил 53,82 % голосов, Зюганов — 40,3 %.

На следующее после выборов утро Ельцин первыми пригласил к себе в Кремль меня и Виктора Степановича Черномырдина. Ельцин был трезв, приятно взволнован, сказал: «Юрий Михайлович, вы сделали невероятное». Дальше последовала фраза «в царском стиле», которую невероятной счёл я: «Просите что хотите, я это сделаю».

Я ответил: «У меня будет неожиданная просьба». Он посуровел, думал, видно, что я попрошу себе «свечной заводик». А я сказал: «Верните на сцену Иосифа Кобзона». Он ведь запретил его, запретил выступать. Причина была в том, что Иосиф ходил в Белый дом, в Верховный Совет, когда там держали оборону Хасбулатов, Руцкой и группа депутатов. То есть демократ Ельцин преследовал певца по «лично-политическим» мотивам. Я сказал, что Кобзон действовал, исходя из своих принципов, и это следует уважать.

Ельцин ошешил: «Юрий Михайлович, я ждал от вас другой просьбы, чего-то в материальном смысле, но я обещал исполнить вашу просьбу. Я дам команду, чтобы Кобзона больше не зажимали».

Барсуков и особенно Коржаков (до выборов, когда Ельцин в угоду Чубайсу выгнал его из власти) буквально ненавидели меня. Я не был «замазан», стоял на других моральных принципах, а они этого не терпели. Эти круги начали Ельцину долдонить, что Лужков «высовывается», у него слишком высокий рейтинг, что это скрытый враг. Ельцин благосклонно внимал. Для меня настали тяжелые времена, всё это усугублялось невыгодными для авторитета Ельцина цифрами развития Москвы. Началось давление и инсинуации. Доходило до бреда, что Лужков будет изображён на иконе в храме Христа Спасителя. Он, президент, верил инспирируемым слухам, поддавался влиянию и давлению на себя — это была обратная сторона его публичной «крутости».

Поддерживая его, я думал, что этот решительный политик будет стеной стоять за интересы России, поднимать разрушенную экономику, заботиться о благосостоянии людей. Всё это громко им декларировалось. Но провал следовал за провалом, и чем хуже шли дела, тем невнятнее и путаннее были речи, сумбурнее шаги, нелепее решения. В результате мы получили ту Россию, над которой стал смеяться весь мир, и того «позднего Ельцина», которого бремя власти вконец измотало, сделало предметом насмешек, объектом неприятия обнищавших людей.

Замечу, что когда в 1999 году «Отечество — Вся Россия» шла на президентские выборы, то Ельцину нашептали, что Примаков и Лужков, когда победят, подвергнут его и семью репрессиям. Не знаю уж, какую семью — только родственников или ту теньевую «семью», которая мгновенно и сказочно обогатилась при правлении Ельцина. В общественном мнении это понятие объединяло тогда дочь президента Татьяну Дьяченко, главу Администрации Президента Александра Волошина, журналиста Валентина Юмашева (будущего мужа Татьяны Дьяченко), Бориса Березовского и управляющего делами президента Павла Бородина — любителя острых анекдотов, бесславно проигравшего мне на выборах мэра Москвы в 1999 году. Этот персонаж был позднее признан виновным швейцарским судом и крепко запомнился как

фигурант по уголовным делам, связанным с реконструкцией Кремля силами фирмы Mabetex, о чём подробно рассказано в книге «Кремлёвские подряды», написанной бывшим генеральным прокурором Юрием Скуратовым. О политическом уровне Бородин говорит его «знаменитое» высказывание о том, что страны Европы обязательно вступят в Союзное государство России и Белоруссии. Дстойный член «семьи».

Ранее наши взаимоотношения с Ельциным осложнила моя непримиримая позиция к чубайсовской приватизации и разбазариванию советского наследия, к развалу промышленности, к безумной скупке государственных активов, к залоговым аукционам, к разрушению основ экономики государства.

Ельцин был к этому безразличен. Я, не давая разграбить московскую собственность, везде, где только возможно, выступал против чубайсовской приватизации. В результате стал практически персоной нон грата. Против меня пытались завести уголовные дела, даже, знаю об этом, сделать виноватой в моём уничтожении чеченскую диаспору. Они мне показывали письма, якобы чеченские, что, вот, мол, «чёрные» хотят вас убить. По понятной причине (это было мое недомыслие) я показал эти письма Елене (Елена Николаевна Батурина, жена Ю.М. Лужкова. — *Ред.*). «Никакие это не чеченцы, тебя хочет убить власть», так она это восприняла, прозорливо и безошибочно.

Что-то там «наверху» не сложилось. Живой до сих пор. Личный мой опыт политика свидетельствует о такой, не лучшей для лидера, особенности Ельцина, как ничем не ограниченная, доходящая до парадоксальных форм политическая ревность. Когда в Москве возрождался храм Христа Спасителя, а это святое дело потребовало усилий великого множества людей в столице и по всей стране, Ельцину нашептали (а он был, увы, беззащитен перед слухами), что, дескать, слишком сильно растёт авторитет Лужкова, что это бросает тень на президента. Борис Николаевич позвонил мне и едва ли не в приказном порядке потребовал притормозить стройку. Я решительно отказался это сделать. На вопрос «почему?» ответил, что восстановление храма — дело всенародное, а бороться с народом я не собираюсь. Когда храм был восстановлен, то его торжественное освящение проходило в то время, когда Ельцин заявил по телевизору об уходе в отставку. Когда проходило освящение, меня пригласил за кулисы патриарх Алексей и сказал: «Юрий Михайлович, прямо сейчас, секунда в секунду, Ельцин отрёкся от поста президента». Я сказал: «Видно, Божественное провидение работает».

И ещё одно: Бориса Николаевича после его кончины отпевали в храме Христа Спасителя. Проститься с ним пришли 25 000 человек.

Вернёмся в 1999 год, когда на меня и Евгения Максимовича Примакова — руководителей избирательного блока «Отечество — вся Россия» обрушилась такая грязная злоба прокремлёвских СМИ, что прецедента её безумному накалу не было в политике новой России. А уж эта политика знала острые периоды, если не сказать — состояла из них. Воистину, наши «критики» как с цепи сорвались, но сорвались то по команде, на деньги Березовского и при несомненном одобрении Ельцина.

Если бы власть не создала условий, при которых работа «Отечества» стала невозможной, то сегодня в стране была бы настоящая парламентская система с двумя доминирующими партиями — «Отечество» и «Единство». Одна несла бы в себе социальные, а вторая либеральные цели. Это был бы устойчивый механизм политического баланса, как в Европе. «Отечество», однако, ельцинисты поставили в ситуацию политического убийства. Все поступления по бизнесу, которые начались, были прекращены «намёками», которые власть давала с тем, чтобы «Отечество» получило минимальный процент голосов на выборах. При дичайшем давлении на «Отечество» мы получили 13,5 % голосов.

Я помню такой момент, как голосование Черноморского флота, Севастополя. Из Кремля пришла команда не голосовать за «Отечество». Адмирал Комоедов понимал, что такое бесчестное распоряжение может привести как минимум к волнениям на флоте и в Севастополе. Кремль надавил, и в результате было принято решение голосовать на уровне 5 %. Система работала на низведение реального веса «Отечества» до чисто символического. До конца это у них не получилось, но эффективная двухпартийная система с наличием ряда небольших партий так и не сложилась.

Когда началась предвыборная кампания, Евгений Максимович Примаков, увидев, какие приёмы пущены против него как кандидата в президенты, снял свою кандидатуру.

Березовский как крупный политический разводчик праздновал победу. Победа оказалась пирровой, и при президенте Путине Березовский вынужден был бежать из России и стать оппозиционером «зарубежного разлива».

Перед своим поспешным бегством Березовский позвонил мне и говорит: «Вот я уезжаю, я сделал неправильную ставку, и я приглашаю вас, Юрий Михайлович, чтобы мы вместе боролись против новой власти, против Путина».

Я ему ответил: «Я помню твои действия по безумной травле и компрометации Евгения Максимовича Примакова и меня, я помню всё, что ты сделал, чтобы «Отечество» не набрало на выборах того веса, которым реально обладало во мнении народа. Я помню лживый телевизионный фильм «Дело в кепке», помню другую грязную телеподделку «Дорогая Елена Николаевна». И ты хочешь, чтобы после всего этого я стал твоим союзником? Бороться с Путиным? Ты с ума сошёл?»

Он в ответ: «Что было, давайте забудем. Это была моя ошибка, и мы всё это исправим».

Мой ответ был таким: «Так, Борис Абрамович, мне больше не звони. Я с тобой на одном гектаре с.... не сяду».

С него как с гуся вода. Конец его известен — это итог безумно активной, авантюрной, аморальной деятельности.

Конец его известен — это итог безумно активной, авантюрной, аморальной деятельности.

Березовский, да и не только он, порождены, как отрицательный политический типаж, не кем иным, как Ельциным. Если у Бориса Николаевича

хватило авантюриности развалить, во многом ради собственного возвышения, Советский Союз, если он дал волю грабить общенародное советское добро, то чего было стесняться слившейся вокруг него «семье» — всем этим неизвестно откуда всплывшим дельцам и пройдохам, предателям и ворам.

Ельцин боролся за власть неистовым образом, в упоении борьбы он даже в самые трудные и сложные минуты терял понимание ценности вопроса, если это не был вопрос непосредственно о власти.

Так, в 1991 году, в момент развала СССР, Кравчук, как он выразился, «перехитрил» Россию (Ельцина) с Крымом. Правда, в дальнейшем, уже в этом веке, хитрость вышла боком.

В пылу борьбы за власть Ельцин в Беловежской Пуще забыл, а возможно, и не знал, что решением Хрущёва Севастополь не передавался Украине, а был в составе РСФСР — России.

Вот так Ельцин берёт нашу страну.

Он не был мировым политиком по уровню ума, знаний, культуры, по некоему высшему предназначению сделать мир лучше.

Получилось ли у него решить эту задачу — пусть мир и Россия судят. Материала для размышлений достаточно, выводы, как и бывает в истории, последуют гораздо позднее.

Есть драматическая закономерность в том, что власть часто оказывается не у лучшего, не у достойнейшего, а у агрессивно-сильного, беспринципного, иезуитски хитрого, склонного к коварству и предательству. Иногда эти качества, по обретении власти, нивелируются инстинктом государственности, тяжестью ответственности, осмыслением своего нового качества.

К власти Ельцин шёл напролом, во власти мало чем себя стеснял, от власти отказался, как мне кажется, не по какой-то благородной политической мотивации, а исходя из ясного понимания, что, разрушив СССР, он разрушит и Россию, а этого «дорогие россияне» ему не простят.

31 декабря 1999 года Ельцин выступил по телевидению с обращением как раз к тем самым «дорогим россиянам». Вот несколько строк из него:

«Я принял решение.

Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку.

Я много раз слышал — Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст. Это — вранье.

Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И также мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы — в июне 2000 года. Это было очень важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного Президента России другому, вновь избранному.

И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое

тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

Я хочу попросить у вас прощения».

Народ в России отходчив — многое Ельцину прощено, многое забыто, многое — молодым — вообще неизвестно. Они живут в другой стране, СССР для них — это что-то из скучного прошлого, духовная родина пап и мам, бабушек и девушек. А Ельцин для молодёжи, отражённый в миллионах зеркал СМИ, это какой-то крутой «мужик на танке», герой непонятных баек про пьющего властителя, про которого много ругательных книжек написано, да читать некогда.

Наша страна Горбачёвым, Ельциным и всеми нами — изменена. Говорят, мы стали свободнее, но это смотря что называть свободой. Могли бы, совершенно точно, не пойдя по его пути экономического краха, стать сильнее, богаче и как государство независимее. Может быть, свобода именно в этом: в точном выборе пути, в следовании принципу «не навреди».

Урок Ельцина — сверхвпечатляющий для лидеров всех уровней, поскольку несёт в себе энциклопедию ошибок и недостатков правления, порочности методов достижения власти, бесславного завершения властвования. И при этом — огромной и целеустремлённой волей к власти.

Преодолевать потери, восстанавливать разрушенное, догонять тех, кто ушёл в конкурентной гонке далеко вперёд, набирать новую силу — это уже дело нового поколения. Ельцин с ним не справился. Его работа была — сносить здание, а не строить его.

Завершая размышления о периоде властвования Ельцина, невозможно не вспомнить так называемое «дело Скуратова». Речь идёт о Генеральном прокуроре Российской Федерации Ю.И. Скуратове, проводившем расследование финансовых преступлений властного окружения Ельцина и членов его «семьи».

В «деле Скуратова» есть и еще один персонаж с репутацией оборотистого и нечистого на руку банкира в образе «православного олигарха» Сергея Пугачёва. Ныне он, как известно, в бегах, а в своё время Генеральный прокурор заинтересовался его банком, в котором, как оказалось, были деньги «семьи».

За что изгнали Генерального прокурора? По сути, Генеральный прокурор исполнял свой служебный правовой и конституционный долг. Это и стало причиной гонений, закончившихся отставкой Скуратова. При этом были нарушены законные нормы, регулирующие вопросы отставки и назначения Генерального прокурора, но Конституционный суд России занял соглашательскую по отношению к президенту позицию.

Август 1998 года запомнился тем, что семнадцатого числа этого традиционно рокового для России месяца рухнула пирамида ГКО. Вскоре Скуратов начал расследовать деятельность почти восьмисот государственных чинов-

ников. Было обоснованное подозрение, что они использовали служебное положение для обогащения на рынке ГКО. Среди подозреваемых оказались Анатолий Чубайс, вице-премьер Серов, бывший министр иностранных дел Козырев, другие известные лица, а также дочери Ельцина. В октябре 1998 года Скуратов получил от Генерального прокурора Швейцарии Карлы дель Понте информацию об отмывании денег в банке Banco del Gottardo. После этого Скуратов распорядился возбудить уголовное дело в отношении должностных лиц Управления делами Президента России, в том числе П.П. Бородин. Бородин подозревался в злоупотреблениях при заключении контрактов на реконструкцию Московского Кремля. Позже все это стало называться «дело Mabetex». На самом деле многомиллионные долларовые взятки за выгодные российские контракты российским чиновникам выплатила, кроме фирмы Mabetex, также и фирма Mercata. Крупнейшим из этих контрактов был контракт на реставрационные работы в Московском Кремле.

В укрупнённом масштабе дело было невероятно концентрированным по противоречивым тенденциям становления демократической власти. С одной стороны, «дело Скуратова» иллюстрировало, хотя и парадоксальным образом, что в стране выстраивается новая политическая и правовая реальность, при которой возможно открытое противостояние президента, его команды и «семьи» и Генерального прокурора страны, поддержанного приверженцами законности. В советское время, начиная со сталинского периода, подобное было даже представить себе невозможно. Система в автоматическом режиме не допускала такого рода эксцессов, отсекая «бунтовщиков» на дальних подступах к рычагам власти. С другой стороны, «дело Скуратова» выявило всю порочность того типа и образа правления, который целиком связан с Ельциным и его окружением. Назвать это правление демократическим и правовым означало бы буквально встать на сторону зла, что для нас невозможно было ни в те годы, ни ныне.

Прецедент «дела Скуратова» имеет огромное значение для преодоления самых порочных традиций ельцинского правления. В их числе разграбление страны, презрение власти к закону, коррупция, прямое воровство из бюджета, преследование тех, кто противостоял властной верхушке.

По сути, это была реинкарнация худших практик властвования за века российской государственности. В «коллекции» таких практик избыточно много беззакония, насилия, попрания любых норм, подавления любых протестов. В конце двадцатого века, перенасыщенного такими явлениями, казалось, что их место навсегда в прошлом. Но тут России явился властолюбивый «царь Борис» (Ельцин любил, когда его так называли).

Свержение Генерального прокурора России Юрия Ильича Скуратова привлекло к себе широчайшее внимание общества, политиков, средств массовой информации и, естественно, власти всех уровней, включая президентский. Весьма активной, хотя и противоречивой, была позиция Государственной думы и Совета Федерации.

Основная борьба развернулась в Совете Федерации и Государственной думе, но вовлечены в неё были все, по сути, ветви власти и государственные

властные структуры. Был подключен Конституционный суд, но, к сожалению, проявил себя как зависимая от президента инстанция. Автор этих строк защищал законность в публичном режиме, чем вызвал жесткую реакцию президента и его окружения. Я это предвидел, но позицию не менял.

Дело было и впрямь беспрецедентное: впервые за всю историю СССР и демократической России Генеральный прокурор покусился на «святое»: расследование финансовых дел, махинаций и проделок ближайшего окружения высшего властителя государства и его семьи. С точки зрения отечественных политических и властных традиций, такой «бунт на корабле» был просто немыслим.

Для вцепившегося во власть Ельцина «дело Скуратова» стало подлинной неожиданностью сразу по нескольким причинам. И первая из них заключалась в том, что «предал свой». Ведь назначение Юрия Ильича Скуратова состоялось с учётом его свердловских связей, с убежденностью априори, что это абсолютно «наш человек», поскольку он имеет глубокие уральские корни. В 1993 году Скуратов получил назначение на должность директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре, вошёл в состав коллегии Генпрокуратуры.

Карьера получила неожиданный и стремительный рост, когда 24 октября 1995 года Совет Федерации утвердил Юрия Ильича Скуратова на должность Генерального прокурора России.

Причина острого восприятия Ельциным «дела Скуратова» заключалась в том, что прокурорские разоблачения могли серьёзно покачнуть трон «царя Бориса». Рассыпалась в прах политическая репутация, притом, что хозяйственная его деятельность стремительно катилась к нулевому или даже отрицательному значению. Запад поддерживал его ради собственных выгод и интересов. Каких качеств этот человек и лидер, Западу было уже вполне ясно. Общество Ельцину не верило.

Многое, связанное с «семьёй», было широко известно уже тогда. Еще больше знаем мы по прошествии двух десятилетий, в течение которых становились известны всё новые и новые детали того, как прибиралось к рукам всё, что «плохо лежит». С лёгкой руки Ельцина на всех уровнях власти и государства в стране царил атмосфера разгула казнокрадства, коррупции и дикого экономического разбоя. Всему этому давалось лукавое обоснование зарубежных советников, приглашённых Гайдаром, Чубайсом и сошками поменьше. Всем им было чем поживиться: они получили в свои руки хозяйство второй по объёму национальной экономики мира. Приватизация, залоговые аукционы, грабёж колоссальной собственности, в одночасье объявленной неэффективной, несвоевременной и требующей новых хозяев.

Скуратов постоянно выступал на заседаниях Временной комиссия Совета Федерации по проблемам борьбы с коррупцией. Докладывал Скуратов в основном о связях Центробанка с компанией «ФИМАКО», фирме «НОГА», «Мабетексе», «Аэрофлоте» и «Андаве», фирме «Голден АДА». При этом Скуратов утверждал, что лично Ельцин к коррупции непричастен. Зато причастен

Управляющий делами Президента Российской Федерации Павел Бородин, сумевший увести огромные средства при реставрации Кремля, сделанной весьма топорно, но зато за невероятно большую сумму.

16 марта 1999 года на сайте «Полит.гу» появилась небольшая публикация. Вот фрагмент из неё:

«Нарастает нервозность вокруг прощального выступления Скуратова в Совете Федерации. Один из самых влиятельных сенаторов Юрий Лужков заявил, что не видит здоровье Скуратова в качестве удовлетворительного объяснения отставки. Он считает, что Скуратов здоров и работоспособен, а недомогание — не более чем «политическое оформление или подложка каких-то других причин». Лужков считает, что на заседании эти причины должны быть вскрыты».

Каток ельцинской власти, раздавивший закон и здравый смысл, извративший само понятие народовластия, возродивший в самом уродливом виде самодурство властителя — этот каток не смог заставить молчать всех. Так, Чубайсу даже под прикрытием Ельцина не удалось провести в Москве приватизацию по его, чубайсовской, грабительской манере. Ельцину и его окружению в политическом поле пришлось столкнуться не только с КПРФ, но и с новой здоровой силой в лице созданного нами с Евгением Максимовичем Примаковым «Отечества».

Чем больше сил, средств и энергии бросала ельцинская «семья» на удержание власти и поддержку хоть какого-то авторитета, тем неустойчивее, слабее и неавторитетнее становилась эта власть. Её подтасованные выборные победы никого не убеждали. Её откровенно презирали. Наличие в «деле Скуратова» финансово-криминальной составляющей было очевидным фактом и для непосредственных участников, и для всего общества.

Ельцин так и не понял, какую «подачу», вольно или невольно, дал ему Скуратов. Ведь стоило Ельцину хотя бы показательно приструнить казнокрадов, и его авторитет взлетел бы до непредставимого уровня. Этого не произошло. Не та личность, не тот интеллект, не та мораль.

У Ельцина при осмыслении и бездарном раздувании им «дела Скуратова» не обнаружилось той степени мудрости, которую показал при своей недобровольной отставке Никита Сергеевич Хрущёв. Советский лидер заметил, что при нем партия изменилась настолько, что может освободить от работы главного человека в стране. И, добавим, не расстрелять его.

Ельцин мог бы констатировать, что при нём произошло принципиально важное выступление против коррупции в высшем эшелоне власти и, значит, жизнь всё-таки меняется в лучшую сторону, развивается в направлении правового государства. Такой констатации не случилось. Ельцин не понимал, что «дело Скуратова» — это одно из самых убедительных свидетельств трудного, противоречивого, но всё же парадоксальным образом прихода демократии в российскую жизнь. Виданное ли дело: Генеральный прокурор восстаёт против коррупции на самой вершине власти? Это был, вероятно, тот самый «момент истины», когда даже неудавшаяся попытка призвать власть

к порядку и ответственности явилась неопровержимым сигналом: пришло новое время.

Оказалось, не пришло.

Ельцин второй половины 90-х был закутан в кокон то грубой и прямолинейной, то изощёренно-тонкой лести, исходящей от его ближайшего окружения. В содержательном плане лесть сводилась в тому, что, дескать, вы, Борис Николаевич, дали России свободу уже сегодня и скорое процветание, которое не за горами. Окружённый атмосферой лести, Ельцин одновременно источал флюиды угрозы всем, кто потенциально мог занять его место или даже просто покритиковать его как властителя. Это была «красная черта», которую Ельцин провёл для своих соратников. Он прекрасно понимал, что тот, кто придёт ему на смену, будет из состава самого ближнего круга. И потому глаз не сводил с политических деятелей в своём окружении, хотя ревниво посматривал и за его пределы.

Забегая вперёд, отметим, что в свой срок Путина он выбрал в качестве своего преемника по той, возможно, причине, что искал того, кто не предаст. И не ошибся, памятуя, что Путин в критически сложных для Собчака обстоятельствах не предал его.

К тому времени Ельцин катастрофически деградировал и как личность, и как руководитель. Совет избрать в преемники Путина шёл от Березовского, который был тогда «серым кардиналом» Кремля. Путин действительно последователен в исполнении своих обещаний. Он обещал «не трогать» Ельцина и его семью — и исполняет это обещание.

Богом Ельцина была власть. Властолюбие затмило всё. Убежденность в своей непременной правоте сносила все возражения. Но всё это было, прямо скажем, для внутреннего употребления. То есть для тех, кто за глаза подобострастно звал его «царём» и кто жирно кормился при гайдаровско-чубайсовских реформах в нищающей России. На внешнеполитической арене он, «русский медведь», — постоянно заискивал. Тому множество примеров, унижительных для нашего национального самосознания.

«Дело Скуратова» обнажило как унаследованные исторические пороки российского института властвования, так и вновь приобретённые в период правления Ельцина. Важнейшим элементом властной традиции является абсолютная власть высшего руководителя. Пётр I, Ленин, Сталин, Горбачев и Ельцин — все они обладали ничем и никем не ограниченной властью. Её концентрацию в одних руках можно с огромной натяжкой объяснить невозможностью осуществить революции и реформы при отсутствии концентрации всей полноты власти у одного человека. Но тут возникает непреодолимое противоречие: а что, собственно, получает непосредственно народ в результате сокрушительных революций с их непременными массовыми жертвами? Что он, народ, получил в результате глобальных реформ, вслед за которыми дважды в одном двадцатом веке была демонтирована российская государственность?

Сверхконцентрация власти не есть сверхконцентрация мудрости. Революция 1917 года сделала богатых бедными («грабь награбленное»), Сталин-

ский режим стремительно поднял экономику, Горбачёв вместе с Ельциным преступно и бездарно развалили советскую державу — это всё очевидно. Но в чём ноу-хау Ельцина? При нём невиданно обогатились те, кому он позволил обогатиться. При нём люди, у которых напрочь отсутствовало государственное мышление, «рулили рулевым» — Ельциным. Чудовищное воровство выдавалось за эффективное реформаторство. Экономика была минимизирована по масштабам, обнулена по уровню эффективности. В результате, к радости коллективного Запада, мы едва не на век вперёд получили ярлык страны-бензоколонки, политически беспомощной сырьевой державы.

Выбираться по-настоящему из этой ямы предстоит не одно десятилетие.

Вернёмся к «делу Скуратова». На должность Генерального прокурора России Совет Федерации утвердил его 24 октября 1995 года. А отстранён от должности по указу Ельцина он был 2 апреля 1999 года с формулировкой «на период расследования возбуждённого в отношении него уголовного дела». Парадокс в том, что Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Ильича Скуратова уничтожали только и исключительно за то, что он стремился к максимально точному исполнению своих обязанностей, имея при этом соответствующие права.

Главным лицом российской власти является президент, он же гарант Конституции, как это и принято в демократических государствах. Одним из важнейших должностных лиц власти является Генеральный прокурор, стоящий на страже исполнения закона. И вот складывается ситуация, когда президент всеми силами, правдами и неправдами добивается отставки Генерального прокурора. Руками своих подчинённых должностных лиц и усилиями весьма зависимых в данном случае СМИ президент создаёт атмосферу травли, преследования и шельмования Генерального прокурора.

Заодно, «по касательной», а затем и прямой наводкой достаётся тем, кто встал на защиту Скуратова, видя в разворачивающихся событиях нарушение закона.

«Правовая безграмотность руководителей страны, — писал Скуратов в книге «Кремлёвские подряды», — в общем-то понятна: трудно принять принципы демократии, если сознание насквозь пропитано авторитаризмом. У нас всегда соблюдалась жесткая вертикаль власти: тот, кто на вершине, всегда прав и может отдавать какие угодно указания и кому угодно. Президент Ельцин напрочь игнорировал решения суда, решения Совета Федерации. Да ни в одной демократической стране президенту так вести себя бы не позволили! Разделение властей Ельцин признавал на словах, но не на деле. Какое такое разделение? Он же — ПРЕЗИДЕНТ!»

Формально Скуратов был окончательно освобождён от должности Генерального прокурора 19 апреля 2000 года на основании постановления Совета Федерации. Фактически Ельцин сделал это своим указом.

Так закончилось ставшее частью истории страны «дело Скуратова». Мы возвращаемся к нему, имея в виду, что точная, не искажённая, не лгущая историческая память нацелена не только на перелистывание страниц прошлого,

но и на предотвращение их «перепечатки» в будущем. Ибо на эти «грабли» беспамятства и не извлечённых уроков рискует снова и снова наступить любая власть.

Что хронологически предшествовало «делу Скуратова»? В чём его не на поверхности лежащий смысл?

В 1998 году, после августовского дефолта, Евгений Максимович Примаков становится председателем правительства России. Премьер-министр буквально спасает страну от кризиса: менее чем за год рост промышленного производства составил почти 24 %, инфляция сократилась с 38 до 3 %. Неимоверными усилиями кабинет Примакова отвёл экономику от падения в бездну.

Именно такова была бы горькая расплата за беспутство команд «младореформаторов», что сменяли друг друга у кормила все 90-е годы. Между 1993 и 1996 годами царило безвластие. Олигархам дали вольную раздербанивать государственную собственность. Чем они в охотку и занялись, захватив «нефтянку» и другие доходные сырьевые отрасли. Десяток-другой авантюристов прибрал к рукам экспортную выручку страны и природную ренту. Нувориши заодно скупали оптом и задешево автомобильные, химические, машиностроительные заводы. Казна обнищала, а кучка людишек сказочно разбогатела. Коли олигархи барыш брали «с куста», то никакой заботы не проявляли о расширенном воспроизводстве. Промышленную собственность скупали впрок для продажи, когда появится на неё спрос сторонних инвесторов.

Такой же разбойничий набег случился и на земли сельскохозяйственного назначения. На юге России валом скупали чернозёмы. У колхозников за гроши выкупали, вымаривали, вышибали земельные паи. Тем временем плодородные земли зарастали кустарником и чертополохом. Четверть посевного клина выбыла из оборота.

Вся злосчастная монетарная парадигма взорвалась дефолтом 1998 года. Полное банкротство финансовой системы, крутая девальвация рубля, неплатёжеспособность предприятий и бюджетов... Ужасные последствия для малого и среднего бизнеса, которые разом потеряли заказы и сбыт. Промышленность, работающая на внутренний рынок, столкнулась с хаосом на рынке комплектующих, где все вздорожало неимоверно. Рынок остановился из-за безумно галопирующей инфляции. Ельцину следовало бы сделать выводы и убрать из правительства и власти всех этих Чубайсов и Гайдаров, разваливших экономику до состояния краха. Но этого не последовало. Ельцин лишь старался выглядеть как сила, которая всё решает в стране и для страны. На самом деле он был полностью ориентирован на Запад, а Запад решил, что российскую экономику следует разрушать и далее. Кризис, обнищание людей, угроза бунтов охватили всю страну. Обстановка потребовала от Ельцина отказаться от курса на полный развал экономики. Пришло временное отрезвление и уже ничего не оставалось, кроме как призвать в правительство кризисных управляющих из когорты «старых» управленцев советской хозяйственной школы.

Правительство Примакова — Маслякова, с которым власти Москвы тесно и согласно сотрудничали, не подкачало. Недолгое время, когда правительство Примакова полностью взяло на себя бразды правления, в стране проводилась зрелая, продуманная и, я бы сказал, порядочная экономическая политика. Удалось-таки удержать экономику у последней черты. Товаропотоки возобновились... И начался десятипроцентный восстановительный рост ВВП, загружены мощности промышленности. Отечественная продукция стала выдерживать конкуренцию с импортной. Доходы работающих медленно, но росли. А главное — народное хозяйство стало управляемым. Примаков и ученые-экономисты Академии наук вместе, по-товарищески, находили трудные макроэкономические решения.

Такой разворот абсолютно не соответствовал генеральной доктрине Запада в отношении России. Под нажимом извне Ельцин вынужден был убрать из Правительства Примакова и Маслякова, заменив их послушными фигурами прозападной ориентации.

Мы с Евгением Примаковым на голом месте стали создавать движение «Отечество». К нам потянулись интеллектуальные силы столицы и регионов, не ангажированные властью и олигархами. Рейтинг Бориса Ельцина перед президентскими выборами 1996 года не превышал двух процентов, а к 1998 году и того не осталось... Но правил бал в Барвихе и в Кремле уже не властолюбец Ельцин. Верховодила так называемая «семья», разного рода пройдохи и «кукловоды» вроде Березовского. Тот мельтешил на всех телеканалах.

Тот мельтешил на всех телеканалах. И все они на ушах стояли, чтобы спроворить трансферт президентской власти. Посланцы от олигархов дважды подходили ко мне с прельстительными предложением: «Юрий Михайлович, откажитесь от вашего принципа пересмотра итогов приватизации, а мы, уж будьте покойны, имея под рукой немереные финансовые и медийные ресурсы, гарантируем вам избрание президентом России». Выходит, они надумали меня купить. Но я им сказал, как отрезал: «Принципами не торгую». Предприняли они и второй заход с теми же посулами, но безуспешно. Тогда дали понять: пеняй на себя...

Политический тандем Примаков — Лужков был для них крайне опасен. Чем? Списанием в утиль их провального либерального проекта и утратой наворованных состояний. Поэтому в развязанную неистовую информационную войну против политического тандема Примаков — Лужков вложились деньгами и влиянием все ведущие олигархи. Неугомонный Березовский со своими «нукерами» развернулся во всю прыть. Под рукой канал ОРТ и Второй общероссийский. Мы же, со своей стороны, располагали влиянием только на ТВЦ. Четвертый канал, НТВ, держался более-менее нейтрально. А накат на нас с Примаковым становился всё ожесточеннее. К началу 1999 года, на близких подступах к президентским выборам, либеральная «камарилья» развязала грязную пиар-провокацию против Евгения Примакова. Помните шокирующие натуралистические кадры некоей хирургической операции. Такая

низость. Чуть ли не каждый вечер в эфире Первого канала появлялся некто Доренко с очередным ведёрком помоев против Лужкова. И, как оглашенный, не моргнув глазом лгал, клеветал и морочил миллионы телезрителей, беззащитных перед дьявольскими «чарами» пиар-технологий и нейролингвистических штучек...

Этот тип проиграл мне все последовавшие судебные иски о клевете. Понятное дело, для зачинщиков травли эти опровержения никакого значения уже не имели. Клевету, небылицы, околесицу пиар-технологий охвостье Березовского валило кулём.

...Ельцин относился ко мне в разные времена по-разному. На закате его незадачливого правления крутая воля Бориса Николаевича перестала быть самовластной. И всё же президент есть президент... Березовскому и компании страсть как нужно было заполучить его согласие, отмашку начать информационную войну против московского градоначальника. И Ельцин дал-таки добро «мочить» строптивого Лужкова после моей активной поддержки Скуратова в Совете Федерации. А Примакову он никогда не благоволил. Ельцина раздражала самостоятельность Евгения Максимовича, умение себя поставить. Примаков под конец стал для него фигурой такой же нетерпимой, как и Лужков. Особенно после того случая, когда Евгений Максимович по-мужски, не спросив соизволения президента, круто развернул самолёт над Атлантикой и на глазах всего мира демонстративно аннулировал официальный визит в Соединённые Штаты. Это случилось за день до того, как Белград атаковала авиация НАТО. Примаков протестовал против агрессии НАТО, жертвой которой стала непокорившаяся Югославия. Это поступок политика, обладавшего чувством достоинства. Евгений Максимович не мог позволить себе переступить моральный барьер, про который Ельцин и понятия не имел.

Чтобы науськать Ельцина на Лужкова, ему показали видеозапись моего выступления в Совете Федерации. Я тогда не только голосовал против, но и убеждал сенаторов не отдавать на расправу власти «взбунтовавшегося» Генерального прокурора Скуратова. Мне и большому числу моих единомышленников в Совете Федерации было понятно, что дело идёт не только о взбесившем Ельцина слуге закона, но и о том, что Ельцин решил растоптать не только закон, не только конкретного человека, но и волю общества к справедливости. «Раздавить» Скуратова означало дать всему обществу, снизу доверху, циничный и беспрекословный сигнал: любое сопротивление незаконно высшей власти будет ею беспощадно преследоваться и подавляться.

Страна рисковала получить себе на шею политического самодура, марионетку в руках ангажированного Западом президентского окружения, властителя, крайне зависимого от корыстной и жадной «семьи». И страна получила именно такого правителя. Каким же досадным недоразумением стало в глазах президента и «семьи» «дело Скуратова»! Подумать только — какой-то прокурор из провинции, вознесённый в высшие властные круги, вдруг начал, как казалось Ельцину, свою игру. Так квалифицировалась законная деятельность должностного лица.

Скуратов не ставил специальной целью вынести сор из избы. Цель была — утвердить верховенство закона. Вопреки почти всеобщему подобию страсти и приспособленчеству. Думаю, Скуратов знал, на какой риск идёт. Для меня не было другого выбора, как стать на сторону генпрокурора. Трижды происходило перетягивание каната — дебаты в Совете Федерации. На третий раз сам глава президентской администрации Волошин объявился в здании на Дмитровке с явным намерением уломать сенаторов. Сильнейшее давление оказывалось и в кулуарах...

Волошин оказался совершенно обескуражен, когда сенаторы вновь проголосовали против удаления Скуратова. Ельцин, когда ему доложили, попросту был взбешён. В верхах возникло замешательство. И тогда они пустились во все тяжкие, чтобы свалить мятежного генпрокурора. Не побрезговали прямым и грязным очернением человека.

В публикации «Кремлёвские сюрпризы» (МК-RU, 1999.06.23) Сергей Минаев писал, что «после «зачистки» Примакова у «семьи» осталось всего две проблемы: Лужков и Скуратов. Проблемы эти — взаимосвязанные. Чтобы начать кампанию по дискредитации московского мэра в прессе, надо прежде устранить Скуратова. Чтобы устранить Скуратова, нужна поддержка Совета Федерации, где позиции Лужкова очень сильны. Вот такие вот единство и борьба противоположностей... По данным «МК», в Управлении по политическому планированию Администрации Президента уже смоделировали выборы-2000 и даже обкатали эту модель на выборах в Белгороде. Главный вывод: успех у электората на грядущих выборах будут иметь не политические взгляды. Свои голоса люди отдадут человеку, уже зарекомендовавшему себя крепким хозяйственником. Популизм и политическая клоунада, будь то Жириновский или Лебедь, людей больше не интересуют. Определилась и технология президентских выборов. Ясно, что победы в первом туре не получится. Лидером гонки станет тот, кто выйдет во второй тур вместе с Зюгановым. А социологические опросы показывают: наибольшие шансы на выход во второй тур имеют Лужков и Примаков. Отсюда задача, поставленная «семьей» перед кремлевскими аналитиками: сделать все, чтобы Примакова забыли к 2000 году, а Лужкова — максимально дискредитировать массовыми выбросами компромата в прессу.

...А после победы «Отечества» на выборах в Думу у «семьи» останется единственный вариант преемственности власти — госпереворот. Помешать этому сегодня опять-таки способен только Лужков при поддержке всех оппозиционных нынешнему режиму сил. В Кремле это понимают прекрасно. Так что главным «семейным» лозунгом сегодня стал: «Бей Москву, спасай Россию!»

Но, по факту, били и Москву, и Россию. Били все 90-е годы, били, когда разваливали Советский Союз — ведь его наследница Россия по воле беловежских собутыльников лишалась даже Севастополя, ни дня в своей истории не входившего в состав Украины. Да и развод с республиками был, в территориальном аспекте, крайне несправедливым по отношению именно к России...

Мы столь подробно рассказали о «деле Скуратова» вовсе не из любви к архивным изысканиям. Задача другая: еще и ещё раз осмыслить, до чего может довести страну безответственность высшей власти, её беспринципность и нечистоплотность. В те дни и годы нередко возникало чувство «изменённой реальности» — разум отказывался воспринимать происходящее, ибо высшая власть стала первым и главным преступником в своей стране. Не любовь к Отечеству, не забота о нём, не стремление сделать его сильным и богатым, защищённым и влиятельным в мире двигали Ельциным. Нет и нет! На первом месте была власть, точнее, жажда власти, ибо, получив её, заветную и неограниченную, Ельцин, по сути, так и не придумал, как ею распорядиться. Окружение его, напротив, оказалось невероятно сообразительным в плане личного обогащения, абсолютно равнодушным к нуждам и чаяниям народа, сверх беспринципным, преступным не только по обстоятельствам, но и по убеждениям. Это никогда не будет забыто.

Если и были в России тяжёлые времена, то 90-е годы стоит назвать тяжелейшими, страшными по концентрации во власти ненавистников нашего Отечества. Разумеется, были не только, и не столько, они одни. Государственные традиции в России укоренены веками, и эта наша духовно-интеллектуальная, трезвая и строгая нацеленность начала всё-таки плодоносить здоровыми и дельными кадрами. Парадоксальным образом на этот процесс поработала и «семья», явив стране безобразную личину дикого властолюбия и дикой жадности. Зрелище, надо признать, было поистине отталкивающим.

«Дело Скуратова» — камешек в мозаике того времени. Без этого самого «камешка» и сама историческая мозаика была бы не только неполной, но и неточной по смыслу происходящих в те времена процессов. К чести Юрия Ильича, он не был окончательно сломлен внутренне, да и в период тяжелейших испытаний показал себя не наивным правовым романтиком, не циником-беспредельщиком, не безумным политическим киллером-самоубийцей. Это был абсолютно профессиональный, политически нейтральный, как и положено прокурору, служитель закона. Он, в частности, совершенно адекватно оценил и квалифицировал как законную и эффективную нашу московскую модель приватизации.

Он смело и, подчеркнём, предельно аргументированно указал на криминальную составляющую интересов «семьи», ибо верил, что перед законом все равны. Мужественно и ответственно вёл себя в период беззаконного раздувания «дела Скуратова».

В фамилии его, при такой-то должности» ясно просвечивает абсолютно понятный исторический смысл: был ведь и другой «силовик» по фамилии Скуратов, по имени Малюта. К счастью, Юрий Скуратов — не Малюта Скуратов. Да и Ельцин никак не тянет на Ивана Грозного, ибо Иван собирал земли, а Борис их транжирил.

Расправившись со Скуратовым, Ельцин сделал страшную вещь: он дал отмашку на дальнейший грабёж страны. Всё можно, после того как прокурора-

правдоискателя шельмуют, преследуют, унижают и в конце концов незаконно буквально выталкивают в отставку.

Все 90-е годы президент, главный, по идее, государственный, боролся именно с государственниками, с теми, кто вытягивал страну из непрерывного кризиса, кто противостоял вороватой «семье». По этой причине, хотел бы подчеркнуть, наши пути с Ельциным разошлись навсегда.

О тех, кто бескомпромиссно бился с этим преступным режимом, сказано здесь, конечно, немного и далеко не о всех, но, по существу. В конечном счёте эти люди и та часть населения России, которая ненавидела и презирала ельцинский режим, спасли страну. В январе 2000 года Юрий Скуратов решил на досрочных выборах баллотироваться на пост Президента России. Он занял восьмое из одиннадцати место с результатом 0,43 %. По большому счёту, решение участвовать в этих выборах было едва ли не единственной политической ошибкой опального прокурора.

Пострадал же он, как у нас на Руси давно водится, за правду.

Но больше пострадала Россия.

Горький опыт. Трагические уроки. Грозные предупреждения

Размышляя о природе, задачах и целях власти, мы с неизбежностью обращаем мысленный взор не только на Россию в XX и XXI веках, но и на долгую историю человечества. Пренебречь ею невозможно. Слишком значительны её уроки, добытые огромным трудом, болью потерь и утрат, миллионами жизней. Вдохновенные деяния, упорное созидание и злодейские преступления власти в течение прошедших столетий непрерывно чередовались. К нашему времени эти «геологические» пласты по-прежнему последовательно чередуются. Нет никаких признаков победы одного способа действий над другим. Белое не обернулось черным, черное не стало белым — и так во всём мире.

В любом государстве уроки истории остро необходимы и крайне важны для власти в целом и для национального властителя. Будущее никогда не вмешивается в настоящее, зато прошлое делает это каждый день. Прошедшие века лишь на первый взгляд погружены в туман времени. На самом деле они рядом, они воздействуют на современность. Поэтому так велик и постоянно растёт интерес к истории как к науке и к истории как к сумме невероятно сложных процессов, ярчайших событий, судеб и путей государств, народов и их властителей. Властители либо побеждали, решая свои исторические задачи, либо бесславно сходили с исторической сцены, оставляя в память о себе лишь холодное равнодушие, горькое разочарование, а то и гнев и презрение потомков.

Нынешнее человечество нельзя назвать ни здоровым, ни процветающим. Это не пессимистическое сгущение смыслов, а непреложный и тревожный факт. У человечества нет цивилизационной целостности и базового единства, кроме естественного стремления к выживанию. По существу, оно действительно выживает, разделённое государственным и блоковым эгоизмом, политически и экономически мотивированной солидарностью одних групп государств против других, межгосударственными конфликтами, часто кровавыми, хотя и относительно локальными.

Конфликтность воспроизведена в соотносимом масштабе и в каждом крупном или даже среднем государстве, хоть в той же России, да и в гораздо более благополучных. У нас при декларируемом социальном типе государства проводится грабительская по отношению к труженнику экономическая политика. Полузадушен малый и средний бизнес, свои проблемы у естественных монополий, помрачает сознание и нагнетает социальную напряжённость колоссальная разница между доходами разных групп населения. Мы на грани тотальной международной изоляции, и, наверное, не только, как принято считать, по причине всеобщей по отношению к нашим богатствам зависти.

Да даже если это и так, то почему же эти углеводородные, лесные, земельные и иные сокровища не сделали нас настолько богатыми и могучими, что прямолинейная зависть сменилась бы желанием крепко дружить с богатой, процветающей, да ещё и, кстати, неплохо вооружённой Россией?

По какой необъяснимой причине слишком многими делами рулит в России монетаристски настроенное правительство во главе с Медведевым? Этому ли человеку быть правой рукой президента.

«Подобно партократам позднего застоя, зацикленным на «родимых пятнах капитализма», — пишет Михаил Делягин, — Медведев ушиблен эпохой первых пятилеток. На фоне тогдашних достижений вся его 15-летняя возня во власти выглядит даже не непристойно, а просто жалко. Похоже, тщась реабилитировать себя, он до сих пор спорит с «централизованно-административной экономикой с абсолютным доминированием государства» и «прежней парадигмой «догнать и перегнать» по мясу, молоку, тракторам и чугуну», предлагая вместо них, как и положено любителю селфи, всего лишь «научиться быть лучше и быстрее». О том, как именно этому «научиться», он молчит».

Россия накопила (всегда, впрочем, им обладала) как огромный потенциал преобразований, так и тянущий на дно груз почти неразрешимых проблем. Не заглядывая слишком уж далеко в прошлое, спросим у власти: почему уже второй век Россия не имеет ни одного не разочарованного властью поколения? Это и вопрос, и констатация. Не следует считать, что за такой констатацией стоит эгоистическое по отношению к государству требование населением жирных социальных щей и впридачу сладкого гуманитарного и культурного блюда. Знаем, без труда не вынешь рыбку из пруда. Но мы должны четко ответить себе на прямой вопрос: почему мы отстаем? Почему весь XX век каждый следующий правитель был по одному или нескольким базисным требованиям слабее или хуже предыдущего. «Неладно что-то в датском королевстве...»

«Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет» (Из трактата Никколо Макиавелли «Государь»).

Уроки минувшего крайне важны и остро необходимы для власти в целом и для национального властителя. Поэтому мы и рассматриваем нашу книгу как послание в адрес власти — нынешней, в лице Владимира Путина — и нарождающейся будущей, ещё только вызревающей в лоне очередного политического поколения. Говорить о власти с властью как никогда необходимо именно сейчас — в критически острый, по множеству критериев, период истории России. Ибо во многом именно на России лежит теперь забота не только о своём пути, но и о судьбах человечества.

Многое зависит от нашего выбора целей и вариантов действий: будет ли это сотрудничество или конфронтация, сосредоточимся мы на своих нацио-

нальных делах или будем стремиться, не сообразуясь с реальными возможностями, расширить своё влияние на регионы планеты. Сможем ли удержать Запад и удержимся ли сами от военного шантажа и самоубийственных попыток решить все проблемы разом через применение военной силы. Ведь, как говорил древнекитайский мудрец и полководец Сунь-цзы: «Умеет воевать тот, кто побеждает без сражения».

И самое главное в том, что ныне критически важно не повторить, применительно к современной России, катастрофический опыт Горбачёва, пытавшегося, как он представлял, спасти СССР, но ставшего в итоге его могильщиком.

У каждой конкретной формации власти есть как вновь приобретённые достоинства, так и ранее нажитые родовые пороки. У неё есть постоянные задачи. Есть, наконец, три жизни во времени: в прошлом, настоящем и будущем. Как ни парадоксально это выглядит, но самый жесткий спрос с носителя власти происходит тогда, когда он с ней уже расстался. Суд нового поколения и отдалённых потомков редко бывает снисходительным. В опыте, свершениях, ошибках и преступлениях властителей минувшего времени человечество склонно искать первопричины нынешних национальных неурядиц и базисные основы общемирового несовершенства.

Заметим, что так называемого беспристрастного суда потомков не существует. С историей принято, к сожалению, обращаться излишне вольно. Уже объективно свершившуюся, её нередко представляют современникам безбожно перелицованной. Ревизионизм обслуживает не вчерашний, а нынешний день, поэтому переписанную историю тут же ставят на службу действующей власти. Сноровисто делают, в зависимости от текущей необходимости, символическим сторонником или противником властителя. Старые мифы на новый лад агрессивно проникают в общественное сознание.

В подтверждение сказанного рассмотрим такой пример. В период сталинских репрессий тридцатых годов советские историки (соответственно, пропагандисты, писатели и кинематографисты) подняли на шит Петра I как выдающегося реформатора России. Пётр, подразумевалось, есть исторически достойный пример методов модернизации государства. При этом никоим образом не акцентировалось внимание на огромной цене реформ, измеряемой в том числе и десятками тысяч их жертв. Личность и деяния Петра трактовались исключительно позитивно, жестокость его методов преподносилась не просто как вынужденная мера, но, скорее, как проявление высшей справедливости. Всё это прямо и откровенно работало на моральное оправдание и даже героизацию сталинской властной крутости.

Другой пример: в течение почти двух десятков лет после Октябрьской революции дореволюционная история России трактовалась как многовековая мрачная и кровавая мистерия угнетения народа, непрерывная череда престу-

плений власти и вызванных ими бунтов, восстаний и войн. Ни единой светлой страницы даже в школьном учебнике, даже в мифологии и детских сказках, подвергнутых идеологической обструкции. При этом совершенно игнорировался тот факт, что, например, число жертв исторически кратковременного красного террора превышает число бессудных жертв трёхсотлетней династии Романовых. Революция, Гражданская война, борьба с интервенцией — всё это описывалось и воспевалось как череда великих свершений во имя ликующих народов, освобождающихся от тяжелого и позорного багажа национальной истории «тюрьмы народов».

Однако взгляд на историю России у Сталина чудесным образом переменялся в преддверии неотвратимого столкновения СССР с фашистской Германией (а по существу — с объединённой Европой). Из исторического забвения были извлечены имена великих русских полководцев, ученых, художников, композиторов. Новым светом осветились до этого шельмуемые традиции национального патриотизма. Были показательно приструнены слишком уж ретивые обличители имперского прошлого. Власть забыла о намерении в течение предвоенной «пяtilетки безбожия» покончить с Русской православной церковью. После победы под Москвой в 1942 году было официально разрешено отмечать церковные праздники, а позднее произошло восстановление патриаршества. В 1945 году, когда гремели залпы Парада Победы, дошла наконец очередь до благодарного сталинского слова о русском народе.

Всё это ныне, исторической объективности ради, следовало бы считать пусть и вынужденными, но всё же, по сути, закономерными действиями Сталина.

Сменивший его довольно-таки невежественный Никита Хрущёв в угоду своим представлениям о роли и месте православия менее чем через двадцать лет после сталинской «реабилитации» Церкви обещал советским людям показать по телевизору «последнего попа» и не постеснялся при этом позаимствовать Десять Заповедей для Морального кодекса строителя коммунизма. Попа, однако, показать не успел, потому что, по убеждению верующих и по постулатам веры, «на всё воля Божья».

Манипулирование историей и выгодная для современности её трактовка характерны и для Запада, постоянно склонного рассматривать своё прошлое исключительно в позитивном свете, тщательно избегая объективности даже в самых красноречивых случаях. Так, Иван Васильевич Грозный именуется на Западе не иначе как Ivan the Terrible, что в дословном переводе обозначает «Иван Ужасный». Однако «грозный» и «ужасный» — очень разнящиеся по смыслу определения. В первом из них зафиксирована суровая воля, сильный и непримиримый характер, бескомпромиссное стремление к нужному результату. Во втором отмечены отвратительные черты человека, ненавидимого людьми за его нравственное уродство. В течение веков нас представляют в качестве эдакого коллективного Ивана Ужасного — злобного, невежественного и агрессивного врага Запада. Забыто, в частности, что именно Иван IV развивал регулярные контакты с заморской Англией. Во время Ливонской войны он предложил Елизавете I Тюдор многообещающий союз двух держав и даже

задумывал совершить династический брак, что было не редкость в тогдашней Европе. Надменная Англия же видела Россию в исторической перспективе как свою колонию по образцу и типу африканских. Не наша в том вина, что возможное стратегическое государственное партнёрство не состоялось.

Что касается образа ужасного русского царя, то его восприятие в народе выражено следующими строками народной песни:

*Старину я вам скажу стародавнюю
Про царя было про Ивана про Васильевича.
Уж он, наш белой царь, он хитер был, мудёр,
Он хитер и мудёр, мудрей в свете его нет.*

Не придворным поэтом писано, цензуре не подвергалось, дошло до нас в первородном виде. Пренебрегать такими поэтическими артефактами было бы, на наш взгляд, проявлением ограниченности мышления. Песня, рождённая народом, есть наиболее, может быть, чёткий оттиск его души, непосредственный, искренний и всегда выделяющий главное. Пелось ведь и о том, что царь бывал вспыльчивым и гневным, но и отходчивым, скорым на крутой суд, но и справедливым. О дикой жестокости Ивана Грозного здесь ни слова. Миф же о ней продолжает кошмарить западное сознание.

Высоко ставил царя Ивана и Пётр I, который считал себя его последователем и говорил: «Этот государь — мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в благоразумии и храбрости, но не мог ещё с ним сравняться». Память Ивана Грозного чтит Екатерина Великая и защищала его от нападков.

Теперь о соринке в русском глазу и бревне в европейском. Во времена Ивана Грозного (точнее, 23 августа 1572 года) король Франции Карл IX отметился личным участием в зверской кровавой расправе над гугенотами-протестантами, когда было убито более 3 тысяч человек. В течение последующих двух недель резня продолжалась по всей Франции. Жертвами бойни стали около тридцати тысяч людей, виновных лишь в том, что они не были католиками.

Семьдесят две тысячи человек, нищих и попрошайек, было повешено вдоль дорог в Англии по воле короля Генриха VIII — за бедность.

Подавление крестьянского восстания в Германии в 1525 году вылилось в казнь более ста тысяч человек.

Во времена владычества испанских королей Карла V и Филиппа II только сожжено было более двадцати восьми тысяч несчастных. Общее число жертв приближалось к ста тысячам.

Вопреки этим неопровержимым фактам главным злодеем того исторического периода Европа назначила всё-таки Ивана Грозного, и до сих пор убеждена в верности такого подхода. С подачи Запада такая версия закрепились даже в русском национальном сознании, чему способствовала либеральная (вот, кажется, ее родовая черта) привычка оглядываться на Запад по поводу и без повода. Это

бы не беда сама по себе, учиться у Запада нам есть чему, у нас даже советского склада ума люди всегда понимали это. Ведь даже либерально мыслящий Хрущёв провозглашал призыв «Догнать и перегнать Америку». У нас же современная псевдолиберальная «тусовка» (по самоопределению) бурно гневалась, когда совсем недавно в Орле, основанном Иваном Грозным, был открыт ему памятник.

В одном вопросе, имеющем непосредственное отношение к теме нашей книги, нам ни в коем случае не стоит никого перегонять, но, вероятно, догнать всё-таки следовало бы. Назовём это, например, гигиена исторической памяти, позитивная мифология, учет национальных интересов в трактовке прошлого. В каждом из определений есть доля комплиментарности к собственной истории, но напрочь отсутствует заведомая тенденциозная кислотность её восприятия и толкования.

Характерно, да в чём-то и естественно, что каждый новый властитель никогда не отвечает за своего непосредственного предшественника и за его период. В корректном варианте властитель, отойдя от дел, лишь самым сдержанным и достойным образом оценивает новые времена и нравы. У нас в России такого рода корректность в XX веке практически отсутствовала. Каждый следующий властитель фактически перечеркивал предыдущего. Исключением не является даже такая статичная пара, как Андропов и Черненко. Первый из них начинал критически пересматривать доставшееся от Брежнева наследие (тем самым опровергая его), второй вернул всё на круги своя (след в след опровергая Андропова) и довел формы брежневского застоя до полного абсурда.

Нерушимый, казалось бы, авторитет Ленина, да и, собственно, партийно-государственное дело его, относительно бережно передавались от властителя к властителю, пока не попали в руки «первого и последнего» (Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС) Горбачёва.

Созданное Лениным-властителем — партия и государство — компактно поместились между 1917 и 1991 годами, не пережив даже здание мавзолея. Справедливым будет сказать, конечно, что ленинские идеи никуда не делись, как не делись никуда и идеи, например, Маркса. Но идеи остались, а марксизма-ленинизма как воплощаемого в социальной практике учения нет. (Дело в том, что идеи — вещь всевременная и необыкновенно прочная независимо от их направленности. Поэтому миром сохранена и мудрость Сократа, и безумие Герострата, и весь спектр гуманистических и антигуманных идей — что-то еще пригодится, что-то не может быть забыто, чтобы не воплотилось во всем своем ужасе.)

Итак, властитель предпочитает не отвечать за прошлое, потому что на фоне относительно лучшего (успешного и спокойного) прошлого он выглядит бледно, а худшее из бывшего — не его вина. Гораздо более насыщенный диалог властитель ведёт с настоящим, ибо так или иначе он это настоящее строит.

Всё, что происходит при нём, именно с ним и ассоциируется, в особенности вершины побед и пропасти поражений. Со временем из мозаики выпадают яркие фрагменты. Так, например, первый полёт человека в космос и последующая череда ярчайших космических достижений СССР, происшедшие при Хрущёве, никак не связаны в народной памяти с его именем. Напротив, драмы и кровавые мистерии сталинского времени не затмевают в массовом сознании Великой Победы 1945 года.

Во властной практике есть и ещё один принцип, действие которого властителю почти невозможно преодолеть, даже если он образцово трезвомыслящий и способен к беспристрастному анализу и даже самокритике. Принцип заключается в том, что механизм властвования всегда щедро смазан лестью окружения, демонстрацией абсолютной преданности со стороны соратников, приписыванием властителю всех мыслимых и немыслимых достоинств. Так, «заласкали» Брежнев, а посмертно и Ленина, превратившегося в «самого человеческого человека», о чем без горькой усмешки ныне и думать невозможно. Так, Сталин был при жизни объявлен, и не спорил с этим, гением всех времён и народов, лидером прогрессивного человечества, корифеем науки и т.д. и т.п. Воспевание и восхваление Сталина было беспрецедентным. Проницательного Лиона Фейхтвангера, посетившего СССР в 1937 году, невозможно, казалось, было обмануть. Но вот что писал он в 1937 году: «Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Они действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину. И хотя это обожествление Сталина может показаться прибывшему с Запада странным, а порой и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусственность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического строительства».

И далее: «Великий организатор Сталин, понявший, что даже русского крестьянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает. Он заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцкому. Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное. ...Советский Союз имеет два лица. В борьбе лицо Союза — суровая беспощадность, сметающая со своего пути всякую оппозицию. В созидании его лицо — демократия, которую он объявил в Конституции своей конечной целью. И факт утверждения Чрезвычайным съездом новой Конституции как раз в промежутке между двумя процессами — Зиновьева и Радека — служит как бы символом этого. ...Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии (западной. — Ю.Л.) и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко. Здесь не прячутся за мистически пышными фразами, здесь господствует разумная

этика, действительно «more geométrico constructa», и только этим этическим разумом определяется план, по которому строится Союз».

Фейхтвангера можно было бы заподозрить в лукавстве, но репутация его столь высока, что естественнее было бы предположить версию искреннего заблуждения или величайшей прозорливости.

Всякий поднявшийся на вершину властитель обязан учесть опыт предшественника. Казалось бы, что может быть естественнее? Но вот Хрущёв, развенчавший культ личности Сталина, в самые короткие сроки создал его подобие, пусть и нелепое по форме. И если культ личности Сталина и поныне не развеян в общественном сознании, вопреки фактически восторжествовавшей либеральной антисоветской доктрине, то культ личности Хрущёва уже в период его властвования был развенчан злыми насмешливыми частушками. Про Хрущева ни народ песен не сложил, ни даже послушные советские поэты-песенники.

Дело, наверное, в том, что по слову Шолохова о Сталине, «Был культ, но была и личность».

Открытым текстом. Размышляя о феномене печально знаменитой покорности русского народа перед любой властью (прерываемой периодически бунтами, восстаниями и революциями), прихожу к выводу, что его мужественное долготерпение обусловлено в том числе и православным постулатом о том, что «всякая власть от Бога». Иными словами, рожь потому гнётся под ветром, что хочет расти, а не быть выдранный из почвы.

Не на последнем месте и инстинкт государственности, свойственный русскому этносу. Это инстинкт сигнализирует сознанию, что на наших бескрайних просторах совсем без власти никак не обойтись. Пусть, значит, будет, какая ни есть.

В этом есть и самодержавный след в виде сакрализации власти. После того как в дальний угол были загнаны остатки старообрядчества, российская политика утратила высокую этическую планку бескорыстия, скромности, самоотверженности.

Много думал обо всем этом в то время, когда в самом конце 90-х получил от могущественных сил фактическое предложение стать после Ельцина президентом России. Дай я тогда согласие, я бы по-другому разрулил всю ситуацию в стране. В политическом поле была бы создана динамичная и устойчивая двухпартийная система, состоящая из партии прогресса и модернизации, занятой вопросами глобальной политики и развития, и конкурирующей с ней государственно-консервативной партии с мощной социальной программой. Возможно, был бы избран адаптированный к условиям России китайский вариант (в экономике, но не в политике). Это по-любому был бы, конечно, всё-таки свой, российский вариант.

Либеральные политики обычно отрицают так называемый «особый путь», хотя очевидно, что в клубе наиболее развитых государств у каждого из них

был и есть именно свой, действительно особый, путь. Капитализм (назовём так для ясности) Германии иной, чем капитализм Японии, а ведь оба эти государства были в числе проигравших во Второй мировой войне. Капитализм Италии отличается от капитализма Швеции. Капитализм США не имеет ни в одной стране Запада даже близкого аналога. Русский путь представлялся мне естественным и в близкой перспективе успешным. Гораздо более эффективным и гармоничным, чем созданный сейчас политико-экономический микс. Тем не менее я отказался от предложения идти на выборы в качестве кандидата на президентский пост с гарантиями победы.

В этих предвыборных комбинациях, как и во всей политической жизни предыдущего десятилетия, было много провокаций. В немалой степени из них она и состояла. Борьба за власть показала суть многих деятелей, как на рентгене. С кем бы я работал, стань я президентом? А хотел ли я стать президентом? Я отвечаю отрицательно. Само размышление на эту тему предполагает наличие внутренних противоречий. Если ты уверен, что хочешь этого, то никаких размышлений на тему «хотел бы — не хотел бы» не нужно. В итоге я себе отвечаю: нет. И отвечаю не потому, что я не могу. Не потому. Это очень важный момент. По тому опыту, который я обрел в советские времена, я стремился к новациям. Интереснейшая из них работать на прибыль, работать по-капиталистически. На этом я получал много неприятия и даже ненависти, но и много поддержки. Новое время обогатило опыт. Борьба за власть не была тогда борьбой за лучшее будущее России. Мне важно было учесть, какую же политическую систему мы сформировали в конце века. Всё это определяло, хотел бы я занять пост президента или, допустим, премьера. Определила мое отношение не невозможность освоить новую экономику на пользу стране, мне был ясен план, как это сделать с наибольшей эффективностью. Мне этот план был по плечу и был интересен. Что же меня отталкивало и в итоге перевесило в ответе на вопрос: хочу я этого или нет. Я увидел другую атмосферу (и в советское время всё это было, но особенно обострилось и обнажилось в новое время) в процессе реализации своих идей. В процессе своей деятельности. Эта атмосфера меня абсолютно не устраивала. Это атмосфера подковерной борьбы, чиновничества, предательства, невероятного пресмыкательства — и всё это при декларируемой демократии. Атмосфера подставок, клеветы, слухов.

Грязь в высших эшелонах власти страшнее любой грязи. Стремление занять более высокий пост во власти, безумие в использовании самых низкопробных приемов в борьбе за продвижение во власти — с одной стороны, и с другой стороны — это полное исключение какой-либо самостоятельной позиции в решении серьёзных вопросов, и полная безусловная ориентация, даже с потерей собственного «я», собственного достоинства и авторитета, только на то, чтобы понравиться руководителю, тем более первому руководителю страны. Ты свою точку зрения должен спрятать подальше.

То, о чём я говорю — не особенности моего восприятия каких-то частных. Это признаки и свойства системы.

Я всю жизнь занимался наукой. Создавал новые технологии, это самая близкая к реальной экономике сфера деятельности — это и есть реальная экономика производства. В том числе и в оборонной сфере, в том числе в тех секторах, о которых я и сейчас не могу ничего говорить. Там есть мой вклад...

Что случилось с Россией? Веру в монархию убили монархисты. Веру в коммунизм убили коммунисты. Веру в либерализм убили либералы. Веру в демократию убили демократы. Такой парадокс у нас в России. Или псевдодемократы, псевдолибералы?

Либеральная идея у нас опозлена, опозорена, скомпрометирована — и этот процесс продолжается с самоубийственной интенсивностью. Демократию у России украли демократы. Чубайс, рванувшийся создавать класс эффективных собственников, включивший в себя его друзей и подельников, создал на самом деле грабителей такого масштаба, перед которым меркнут все исторические аналоги. Да их и нет, таких аналогов. Много в свое время прихватили большевики, но надо признать — все же не в собственный карман. Коммунистическая аскеза по сравнению с нашими 90-ми — просто чудо бескорыстия в белоснежных одеждах.

Власть всегда была основным игроком (или, по аналогии, играющим тренером) на историческом поле, ибо она генерировала решения и добивалась их исполнения. Народ, в большинстве случаев, был могучей — и ведущей и одновременно ведомой — силой. И уж совершенно точно то, что для исполнения исторически назревших деяний всегда находился адекватный их характеру и масштабу исполнитель, в лице соответствующей власти. Вооружался он при этом мечом и копьём или плугом земледельца, или молотом кузнеца — диктовало время. Правитель, опять же под диктовку исторических возможностей и обстоятельств, выбирал метод: прямое насилие, мобилизация, война, реформы, консервативное развитие, цивилизационный рывок. (Мы в России всего попробовали сполна, а может быть, и чрезмерно по интенсивности, хотя череду экспериментов, потрясений и перемен так или иначе переживают все государства.)

Гипотетически единственной задачей власти является улучшение жизни народа. Этой короткой формулой охватывается и описывается всё: степень развития государства, характер общественно-политического строя, умение жить в мире с соседями по планете, способность решать любые проблемы без применения насилия, уровень развития культуры, науки, образования и технологий. Казалось бы, получил власть — и правь народу на пользу, себе на славу. Это относится к племени, к селению, к княжеству, к государству, к империи — принцип универсален. Империи, как показывает жизнь, складываются, достигают своего пика и распадаются. Государство кажется более прочным организмом. Но на Земле сейчас едва ли найдётся два десятка действительно справедливых, действительно богатых на уровне населения, действительно

довольных своей властью и жизнью государств. На деле, если судить по имеющимся результатам, в мире нет ни одного государства, полностью отвечающего таким требованиям к власти. У отдельных высокоразвитых стран, конечно, много достоинств и преимуществ, но буквально у каждой страны огромный багаж грехов и преступлений, накопленных на путях истории.

Она насчитывает, по Библии, более 7500 лет. Кроманьонец, признанный основоположником цивилизованного рода людского, жил на Земле 40 тысяч лет назад. Египетские, халдейские и греческие мудрецы определяют возраст человечества в 400 тысяч лет. Древние майя полагали, что человечество существует более 5 миллионов лет.

Эти цифры — ничто по сравнению с возрастом Земли: 3,8 миллиарда лет назад на нашей планете уже существовала биологическая жизнь.

В течение своей не столь уж и долгой истории наша цивилизация могла погибнуть в результате природного катаклизма или смертоносной пандемии. Но окончательно взаимоуничтожить друг друга люди, даже объединённые в государства, не могли, потому что ни одно государство не обладало достаточной военной мощью. Этот высокий порог представлялся недостижимым даже при наличии огромных и технически оснащённых армий, как это было во Второй мировой войне. Сражения проходили на больших территориях, на многих театрах военных действий, но Земля оставалась огромной и покончить с собой человечество не могло. Такое положение дел было перечёркнуто двумя взрывами американских атомных бомб над японскими городами Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года. Применение ядерного оружия стало рубежом, после которого гибель всего человечества уже не казалась мрачной фантазией режиссёра фильма катастроф.

Но эти взрывы сильно отрезвили человечество, вдруг осознавшего с предельной чёткостью, что время глобальных мировых войн безвозвратно ушло. После 1945 года были и военные кризисы, и региональные войны, и жестокие интервенции, но они уже не грозили всему человечеству. Даже жесточайший по накалу Карибский ракетный кризис был достаточно быстро преодолён мирным путём. В течение этого драматического противостояния СССР и Запада, в лице США, не был убит ни один человек.

Свою роль сыграло мировое Пагуошское движение учёных (*Pugwash Conferences on Science and World Affairs*), объединившихся в 1955 году для борьбы за предотвращение мировой термоядерной войны. Основателями его были великие физики, в том числе А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел, М. Борн, П.У. Бриджмен, Л. Инфельд, Л. Полинг, Дж. Ротблат.

Им, создавшим смертоносное оружие, человечество тогда верило больше, чем генералам и лидерам государств — главнокомандующих национальными вооружёнными силами.

Через два года после двух атомных взрывов появились Часы Судного дня (*Doomsday Clock*) — проект журнала Чикагского университета «Бюллетень учёных-атомщиков». Часы Судного дня запустили те, кто создавал в США атомную бомбу. Периодически, бесстрастно сообщает Википедия,

на обложке журнала публикуется изображение часов, с часовой и минутной стрелкой, показывающих без нескольких минут полночь. Время, оставшееся до полуночи, символизирует напряжённость международной обстановки и прогресс в развитии ядерного вооружения. Сама полночь символизирует момент ядерного катаклизма. Решение о переводе стрелок принимает совет директоров журнала при помощи приглашённых экспертов, среди которых, в частности, 18 лауреатов Нобелевской премии.

«За 70-летнюю историю проекта стрелки Часов меняли своё положение 24 раза, включая начальную установку на *семь* минут в 1947 году. Во время Карибского кризиса (1962 год) мир был в двух шагах от ядерной войны. Тем не менее, так как кризис разрешился очень быстро (в течение 38 дней), Часы не успели отреагировать, и их показания не изменились. С 1960 и по 1963 год часы показывали семь минут (в 1963 году это время было увеличено до двенадцати минут)».

Следует спросить очевидное: влияет ли должным образом ход этих буквально «адских» Часов на устремления власти в ведущих (в военно-техническом аспекте) государствах мира? Не возобладала ли на наших глазах логика гонки вооружений над логикой мирного и взаимовыгодного сотрудничества? Не совершает ли коллективная мировая власть (определим таким образом круг первых лиц государств) немислимое преступление перед человечеством?

Дело в том, что бряцание оружием может предвещать не только мир, достигнутый через страх поражения, но и угрозу неуправляемой эскалации военного насилия, по завершении которого земная цивилизация либо исчезнет в страшных мучениях, либо будет трагически догнывать в разных уголках Земли. Согласимся с позицией, которую сформулировал Юваль Ной Хараре: «Чтоб не обидеть ни оптимистов, ни пессимистов, сойдёмся на том, что наша эпоха отличается редкостным динамизмом. Мы стоим на пороге и рая, и ада, тревожно перемещаемся от одних врат к другим. История все ещё не определилась с итогом, и ряд случайных совпадений все еще может подтолкнуть нас в том или ином направлении».

Иллюстрацией к этому утверждению может служить сообщение, появившееся в СМИ в один из дней, когда шла работа над этой главой: *«Американские военные готовят вооруженные страны Европы к применению тактического ядерного оружия против России. С таким заявлением выступил глава МИД РФ Сергей Лавров. Он отметил, что одним из факторов, который препятствует ядерному разоружению, является сохранение в Европе нестратегического ядерного оружия. При этом это сопровождается практикой «совместных ядерных миссий», во время которых неядерные члены НАТО участвуют в планировании применения ядерных боеприпасов. Лавров указал, что «всем должно быть понятно, что тем самым военные США готовят вооруженные силы стран Европы к применению тактического ядерного оружия против России».*

Со стопроцентной вероятностью можно утверждать, что стрелка Часов Судного дня после этого сообщения не дрогнет. Хорошо это или плохо, но мы (мир) привыкли к подобным заявлениям не только с мидовских, но и с более высоких трибун в разных странах. Риторика никогда не будет списана в архив, она тоже — инструмент сдерживания ядерного зверя.

Но риторика риторикой, а существуют и действуют реально в тысячи раз более глубокие закономерности и обстоятельства общецивилизационного свойства. И они мощно противостоят логике войны. Вкратце их можно охарактеризовать следующим образом. Если самые первые столкновения между неизвестными человеческими племенами происходили за те участки Земли, где было удобнее охотиться и собирать плоды, то последующие в течение следующих веков конфликты, незначительные по масштабам военные столкновения и большие, включая две мировые, войны, имели, по сути, схожие цели. Фашистской Германии нужно было «жизненное пространство», и оно находилось к востоку от рейха. Неудержимо влекли к себе бескрайние российские просторы, богатые плодородной землёй, могучими лесами, широкими реками, богатыми недрами и, что немаловажно, дешевой многомиллионной рабочей силой. Замешкавшаяся при дележе колониального пирога Германия стремилась взять реванш природной «натурой», идеологически оправдывая его бесчеловечной расовой теорией. Фашистский зверь, однако, нёс в себе такие угрозы, что Запад, которому СССР был как кость в горле, всё же нашел в себе силы помочь коммунистической стране одолеть национал-социалистическое фашистское государство.

Все последующие войны были и остаются преимущественно «сырьевыми», «рыночными», в редких и экзотических случаях мотивированными религиозными догмами, скрывающими, впрочем, тот же самый базисный экономический интерес. Вдобавок оказалось, что, например, самое большое государство на планете — СССР — можно буквально разрушить, в принципе, не прибегая к военной силе. Сумма естественных и инспирированных причин привела к краху казавшийся нерушимым государственный организм. В таком случае зачем нужны мировые войны? Есть их бескровный аналог в виде так называемых гибридных войн. Государство может одолеть соседа путём, например, душения в экономических объятиях, посадить его на иглу кредитов, связать по рукам и ногам зависимостью от инвестиций. Пусть, как говорится, воюют деньги. Торгово-товарная битва США и Китая не грозит новой мировой войной. Худой мир лучше доброй войны, а по слову «мистера «Нет» — министра иностранных дел СССР Андрея Громыко — «лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Атавизм войн, надо это понимать, долго ещё будет омрачать ситуацию в мире. По мере развития технологий и производств будут появляться новые, всё более эффективные, средства ведения войны. Давно уже перейдён порог многократного гарантированного уничтожения не просто любого государства, но и всего человечества.

Остается вопрос: а ради чего?

Развивай экономику, богатей, покупай и продавай: твой извечный геополитический соперник с готовностью проложит даже и по дну морскому газотранспортную систему, которая дотянется до каждой кухни, не говоря уж о любом предприятии. Производи нужный товар и заполони им мировой рынок — и будут богаты твои миллиарды усердных тружеников (они же потребители). Не зарься на чужое — оно, по существу, давно уже общее.

У мира новых технологий, мира цифровой экономики, у информационно единого мира появился впервые за всю его историю реальный шанс навсегда забыть о войне. Ибо война разорительна, а мирное сосуществование прибыльно. Пусть «воюют» инвесторы, а не солдаты. Нынешние колумбы ищут не новые земли, а мирные страны, где деньги будут делать деньги.

«Ныне, — пишет Юваль Ной Харари, — цена войны возросла, а доходность упала. Почти во все века государство норовило обогатиться за счет добычи или присоединяя к себе вражеских территорий. Богатство заключалось в полях, скоте, рабах и золоте, так что его легко было захватить, а отчасти и утащить. Ныне основное богатство — человеческие ресурсы, технические знания и сложные социально-экономические структуры вроде банков. Их сложно унести с собой или сделать частью собственных владений».

Угроза ядерной войны в современных условиях (отсчитывая с августа 1945 года) стала фактором в пользу мира, а не войны. И фактор этот представляется практически неопровержимым.

В связи с этим мы можем обратиться к властителям мира сего (а это в современных условиях не только президенты-главнокомандующие, но и «главнокомандующие денег»): нам понятно, что каждая страна хочет гарантировать безопасность за счёт военной мощи. Но безопасность будет гораздо более прочной, когда пёс войны будет навсегда посажен на железную цепь. И пусть он через какое-то время околет. Не жалко. Не заплачем.

Мы уверены всё-таки в том, что история учит. Учит миру. Иначе Земля наша давно бы обуглилась, как уголёк.

Год	Минут осталось	Время	Изменение	Причина
1995	14	23:46	-3	«Утечка мозгов» и ядерных технологий из стран бывшего СССР.
1984	3	23:57	-1	Дальнейшая эскалация гонки вооружений, политика Рональда Рейгана, направленная на обострение конфронтации (проект СОИ).
1998	9	23:51	-5	Демонстративные испытания ядерного оружия Индией и Пакистаном.
2017	2,5	23: 57: 30	-0,5	Заявления президента США Дональда Трампа о ядерном оружии и отрицание климатических изменений, а также рост националистических настроений в мире. [4] [5]
1974	9	23: 51	-3	Индия испытывает свою первую ядерную бомбу («Улыбающийся Будда»), похолодание отношений между двумя сверхдержавами, обсуждение договора ОСВ-2 приостановлено.
1991	17	23:43	+7	Между СССР и США был подписан договор о сокращении стратегического вооружения. Конец холодной войны. На данный момент это самое далёкое от полуночи положение стрелок Часов Судного дня за всю их историю.

Год	Минут осталось	Время	Изменение	Причина
2002	7	23:53	-2	На фоне террористических актов США отказываются от подписанного ранее договора об ограничении ПРО и планируют развернуть национальную противоракетную оборону.
2012	5	23:55	-1	Недостаточный прогресс в сокращении и нераспространении ядерного оружия и продолжение бездействия в области вопросов по изменению климата. [2]
1980	7	23:53	-2	Нестабильная международная обстановка, подогреваемая националистическими войнами и террористическими актами.
1960	7	23:53	+5	Осознание мировой общественностью реальных угроз ядерной войны.
2015	3	23:57	-2	Отсутствие прогресса в сокращении ядерных арсеналов и угрозы, связанные с катастрофическим изменением климата. США и Россия запускают программы модернизации вооружений ядерной триады, способствующие новой гонке вооружений. Неспособность лидеров мировых держав выполнять свою основную задачу — обеспечить здоровье и процветание человеческой цивилизации, а также позволивших «экономическому спору между Украиной и Россией превратиться в конфронтацию между Востоком и Западом, что мешает сотрудничеству по всему миру в области ядерной безопасности, контроля над оружием и его нераспространения». [3]
1990	10	23:50	+4	Падение Берлинской стены, «бархатные» революции в Восточной Европе, холодная война близится к концу.
1947	7	23:53	—	Первая установка Часов Судного дня.
2018	2	23:58	-0,5	Поводом для перевода стрелки условных Часов вперед стал рост напряженности в мире, особенно ученые подчеркнули опасность продолжающихся ядерных испытаний Северной Кореей. Среди прочего к концу света человечество неуклонно приближает проблема климатических изменений, отмечают ученые[6]. На данный момент это самое близкое к полуночи положение стрелок Часов Судного дня за всю историю, однако не впервые (аналогичное значение было выставлено в 1953 году).
1963	12	23:48	+5	Подписание США и СССР договора о запрещении испытаний ядерного оружия.
1988	6	23:54	+3	Разрядка международной напряжённости — 8 декабря 1987 года США и СССР подписали Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Год	Минут осталось	Время	Изменение	Причина
2010	6	23: 54	+ 1	Решение США отказаться от планов развёртывания системы ПРО в Восточной Европе, переговоры с Москвой по подписанию новой версии договора СНВ. Обещания снизить выбросы парниковых газов.
1969	10	23:50	+3	Сенат США ратифицирует договор о нераспространении ядерного оружия.
1949	3	23: 57	-4	Советский Союз испытал свою первую ядерную бомбу.
1953	2	23:58	-1	СССР и США с разницей в девять месяцев испытали свои термоядерные бомбы.
2007	5	23:55	-2	США и Россия остаются в состоянии постоянной готовности к ядерной атаке. Продолжается развитие ядерных программ КНДР и Ирана. Глобальное изменение климата представляет зримую угрозу для человечества.
1972	12	23:48	+2	США и СССР подписывают договор ОСВ-1 и ограничения ПРО.
1968	7	23: 53	-5	Усиливается вовлечение США в конфликт во Вьетнаме. Франция и Китай создают и испытывают своё ядерное оружие (1960 и 1964 года соответственно), начало войн на Ближнем Востоке, в Индии. [1]
1981	4	23:56	-3	Эскалация гонки вооружений, войны в Афганистане, Южной Африке.

Открытым текстом. Может ли власть обойтись без фарисейства? Внешнее соблюдение канонов демонстрирует приверженность власти правильным базисным принципам, а на самом деле маскирует лживость и фарисейство. Ложью маскируются и крупные ошибки, совершенные властью. Примером тому служит целинная кампания, инициированная Хрущевым. Вместо того, чтобы развивать сельское хозяйство Центральной России или хотя бы вкладываться в черноземную зону, Кубань и Ставрополье, громадные средства, техника и людские ресурсы были брошены под грохот официальных пропагандистских фанфар на целину. Фактический провал этой безграмотной затеи представили как крупнейшую победу социалистического сельского хозяйства. Точно так же по воле власти воспевали «царицу полей» кукурузу, внедряемую практически по всей протяженности российского меридиана с юга на север.

Неприкрытым фарисейством были ленинские мечтания о мировой революции, дорого обошедшие Советской России. Фарисейством и глупостью было щедрое кормление псевдокоммунистических партий Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Много ли у нас там союзников?

...Вспоминаю, по аналогии и для примера, случай на целине. Мужики поехали за водкой, на тракторе, семь километров в час. Водки, конечно, не было.

Привезли они тройной одеколон, пошли пить. Я никогда не занимался этой радостью — алкоголем. Потому что считал, что это возмутительно для организма — помещать эту отраву в себя. Ни для чего не нужно. Был там казах, пожилой мужик. Я его спрашиваю: «Ты что с этими алкашами пьешь одеколон? Тебе же Коран запрещает это дело». А он говорит мне: «Молодой человек, ты неправильно это говоришь. Да, Коран говорит, что нельзя пить водку. Но про одеколон там ничего не сказано».

Этот простодушно-лукавый казах наверняка никогда Коран не читал и не знал, что про водку в нём ни слова. Однако свой одеколонный грех фарисейски прикрыл Кораном.

Фарисейство в XX веке стало признаком действий власти, и не только российской. Пропагандистская шумиха сползает в откровенную лесть, полностью почти отрываясь от реалий жизни.

Повторю вопрос: Может ли власть быть свободной от фарисейства?

Нет. Вспоминается сразу высказывание Сталина о страхе. В том смысле, что страх необходим, но недостаточен. Ложь является таким же важным оружием или инструментом.

Власть стала много лгать, но, пожалуй, более искусно, чем раньше. Не так грубо и прямолинейно, не рассчитывая напрямую на страх, но прекрасно понимая, что в нынешних условиях он тоже есть — у тех, например, кто сгрудился возле государственной кормушки.

Это систематическая, обыденная, привычная практика власти. Яркий пример фарисейства — заявление Хрущева, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Могло бы, теоретически. Но для этого надо было изменить природу человека, его менталитет, а это дело невозможное. Это обман через показ возможности реализации несбыточной мечты. И одновременно принимался Моральный кодекс строителя коммунизма — те же десять заповедей. Разве это не фарисейство? И так на каждом шагу, в режиме потока.

Пример из другой сферы. Дочь писала диплом в Лондонском университете, изучила источники, а они есть на Западе, и пришла к выводу, не новому для отечественной истории, но встретившему активное сопротивление учёной среды в университете: искусственного, целевого голодомора украинского народа не было. Её направление в науке: европейская политика Польши и Украины. Преподаватель у неё — румын, диссидент, сказал, что она необъективна. Поднялся скандал. Ей пришлось делать специальные доклады. И она доказала свою правоту. А мне показалось достойной её принципиальность, интеллектуальная честность, открытая позиция, что в нынешних международных обстоятельствах трудно бывает отстоять.

Выходит, и в науке, в гуманитарной её сфере есть такое явление, как фарисейство.

Оно грозит не столько науке как таковой, сколько будущему. На лжи ничего долговременного построить нельзя. Сврётся в малом, пойдёшь на незначительный с виду компромисс — потеряешь многое. Так люди утрачивают свою позицию в политике, в моральных коллизиях, так теряют человеческий стержень — основу личности.

Власть должна учитывать, что отношение к ней со временем меняется. Прежние оценки пересматриваются с учётом растущего исторического опыта. Новое время у нас в России открыло информационные шлюзы, сделало доступными для знакомства и исследования огромные массивы документов. Народ и раньше не был слепым и хорошо различал официальную версию истории страны и её подлинную историю.

Сейчас тем более невыгодно стало лгать во имя самооправдания, но эта элементарная мысль не востребована властью. В марте 2018 года страну на экранах телевизоров настигла тотальная эйфория. Накал радости зашкаливал, о победе на выборах день и ночь говорили на всех волнах. Но спросим себя: а кого победил Путин? Семерых других кандидатов, на большинство которых без слёз не глянешь? Ту часть общества, которую принято не без иронии считать оппозиционной? Но ведь это оппозиция носит почти откровенный декоративный характер. Или ту молчаливую оппозицию, которая на бюджетных хлебах перебивается от семи- или даже десяти тысячной зарплаты в марте до такой же, если вовремя дадут, в апреле?

Разве мы хоть по одной позиции вырвались в мировые лидеры? Всем миром выбирали имена новым видам оружия, много лет подряд перед этим слушая о непробиваемом никаким агрессором оборонном щите.

Мы анонсировали новое оружие, но вот вопрос: есть ли у нас программа мира, а не только программа встречно-ударного нанесения неприемлемого ущерба потенциальному противнику? Это разные вещи.

В середине семидесятых Советский Союз имел дорою нам давшийся военный паритет с Западом, но смог инициировать проведение Хельсинкского совещания, обеспечившего прочую договорную систему сдерживания гонки вооружений.

Сегодня такой прорыв по инициативе России является невозможным.

У нас не хватило политического мастерства не попасть в зону всё большей и большей изоляции. Понято, столь большую страну, да к тому же открывшую свой рынок для импорта, совсем изолировать невозможно. Но практически удалось разрушить имидж нормального здравомыслящего государства. В этом велика заслуга нынешних политтехнологий, информационного программирования и зомбирования, но от этого никому не легче. Молодое поколение очень большого числа стран воспринимает Россию в чёрном цвете. Но сегодняшнее молодое поколение — это завтрашние мировые лидеры. Иной, чем нынешняя Россия, в их представлении не существует.

Россия, слышим мы, выбрала президента стабильности. Но ведь он должен быть президентом развития, ибо слишком хорошо знаем мы, чем у нас заканчивается стабильность.

Очень хотелось бы, чтобы здоровые декларации Путина о развитии стали действиями России. Он этого хочет и на это рассчитывает. Он ждёт этого от народа, который предупредил, что скорых результатов не будет. А в чем оно, наше желанное развитие?

Хотелось бы, чтобы оно было и в наращивании качества власти. В повышении её компетентности и квалификации. В работе исключительно на интересы страны и народа. Власть борется с коррупцией, являясь её олицетворением. Народу ведь взятки не дают и заграничные счета ему не открывают, народ не коррумпирован. Будет ли борьба власти с самой собой бескомпромиссной? И что в ней победит: долг или выгода? Перестанет ли власть быть бюрократическим монстром, пожирающим средства, время, деньги и нервы миллионов людей?

Проблема власти в России заключается в её экзистенциальном единоначалии. Многократно, из века в век, окружение властителя хладнокровно предавало его. Лукавые бояре копали под царя, изнуравшего их казённой службой. Элита общества — декабристы — открыто вышли на Сенатскую площадь. Николай II более всего отторгал не народ, а военное и властное окружение. Знаменитая «ленинская когорта» удосужилась получения ленинского «Письма к съезду», в котором он эту когорту, ожидавшую его смерти, подверг резкой и справедливой критике, в особенности тов. Сталина. Сталин до самой войны боролся с сильнейшей политической оппозицией, выпальывая, как сорняк, не только оппозиционеров уровня Троцкого, но и вернейших своих соратников по партии. Товарища Кирова, например. Буквально на куски рвать сталинское властное наследие по-рабски только что преданные вождю члены Политбюро стали фактически над его трупом, не дожидаясь похорон. Победитель «схватки бульдогов под ковром» Хрущёв оставил власть в результате заговора. Спокойно удалился в лучший мир только Брежнев — создатель стабильности, закончившейся крахом. Предал всех и был предан Горбачёв. Ельцин скомпрометирован «семьей».

Реалии и предупреждения российской власти

Разумная власть должна абсолютно точно понимать, что она переживает — историческое утро, день или вечер, предвещающий ночь. Если такого понимания нет, власть обречена на скорую и, не исключено, драматическую смену. Ей жизненно необходимо знать, в какой именно фазе существования она находится, дряхлеет ли она изнутри или напитывается обновлённой силой и волей. Не принимает ли она обслуживающую пропагандистскую трескотню за реальный успех? Неверное представление о себе, особенно завышенное, — самый страшный враг власти. Потеря точной самооценки чревата критически масштабными ошибками и сломом всего механизма власти. Это случалось в XX веке в России (но и не только в ней) не менее трёх раз: в 1991, 2014 и 2017 годах.

С начала XXI века Россия вошла в период столетних «юбилеев» исторических процессов и событий века двадцатого. Под разными углами зрения последовательно вспоминались Русско-японская война, Первая русская революция, трёхсотлетие дома Романовых, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года. Далее будут «юбилеи» Гражданской войны, НЭПа, разгрома всевозможных оппозиций. Затем придёт черёд вспомнить насильственную коллективизацию, индустриализацию, репрессии 1937 года, Великую Отечественную войну, целину, космос, Карибский кризис, косыгинские реформы, смену «старцев» на вершине власти, горбачевскую перестройку — и далее до конца XX века.

В этом перелистывании исторического календаря особое внимание неизбежно сосредотачивается на образах и деяниях властителей. Каждый получает по заслугам. В российском XX веке они отличались невероятным политическим и человеческим своеобразием, но важно даже не это. Огромной проблемой для страны было отсутствие принципа преемственности в способах, методах (а в 1917 и 1991 годах и в целях) обустройства государства. Доходило, при Ленине, до того, что собственная страна рассматривалась всего лишь как топливо для раздувания пожара мировой революции. Случай, пожалуй, беспрецедентный в мировой истории.

Смена властителя у нас всякий раз была, по форме, политической спецоперацией в высшем эшелоне власти, результатом заговора-сговора верхов, с большим или меньшим привлечением к реализации проекта силовых структур (за исключением начала 90-х годов). По лукавой византийской традиции власть в нужный момент комплементарно ссылалась на мнение народа. В других случаях по-ленински и по-сталински делались ссылки на массы и классы, которые отличаются непониманием собственного блага и, значит, подлежат разного вида просветительским и воспитательным мерам вплоть до ГУЛАГа. XXI век ввёл в политический обиход никогда ранее политически не окраши-

ваемое определение народа как «быдла» — это новация принадлежит ультралибералам и особенно неустанным борцам за права человека.

Тем не менее одна смена власти не похожа на другую, и не только по событийному составу. Менялись требования времени — менялись сущности власти. Поэтому помимо множества существующих определений XX века назовём ещё одно, звучащее утилитарно, но зато плотно насыщенное смыслами. И для общества, и для власти это был *поучительный* век. И не только для одной нашей страны, которая, по замыслу Ленина, была экспериментальной площадкой, где отработывался проект будущего мироустройства.

Вопрос в том, какие мы ученики, насколько высока адаптивная способность освоения крайне противоречивого российского политического опыта. С этим стоит разобраться, ибо обращение к прошлому может нести в себе как огорчительные сравнения, так и внушающие оптимизм соотнесения. В любом случае такое обращение неизбежно и необходимо как для общества, так и для власти высшего уровня. Оно полезно. Посмотрим же для начала, как мы подготовились и как провели столетие двух революций 1917 года, чему отдали дань, о чём промолчали.

Для начала, объективности ради, заметим, что историческая наука не отомчалась. Свой вклад в «революциеведение» сделала и популярная историческая публицистика. Но в общественном сознании эти исследования и публикации, ценные сами по себе, ничего всерьёз не изменили. Набат не прозвучал. Не случилось главного — глубинного внутреннего мира между «белыми» и «красными». Наше общество остаётся разделённым на консервативный, советский по ментальности и убеждениям «красный» слой, и на слой демократический (в котором «белое» содержание отсутствует).

Публичная позиция (по отношению к революции) нашей исполнительной власти, транслируемая через государственные СМИ, была сдержанной и немногословной. Если называть вещи своими именами, то исполнительная власть вглухую отомчалась. Это, как нам представляется, оказалось слишком унижительным для общества, для граждан государства, лишённых осмысленной и ясно сформулированной национальной идеи. В одном из интервью в период между вторым и третьим президентством премьер-министр В.В. Путин процитировал слова Александра Солженицына о том, что национальная идея России есть сбережение народа. Это совершенно приемлемо, но ведь подобная задача универсальна, она стоит перед любым государством. У нас, конечно, важнее не линейное сбережение, а рост народонаселения, но это задача демографической политики. А самой национальной идеи как не было, так и нет.

На свободную роль национальной идеи не может претендовать феномен «Русского мира». На данный момент — это инициатива, призванная «структурировать голос России в мире, за пределами своего исторического пространства. Это не инструмент России, чтобы закрыться в себе, но путь диалога с миром» (Международная жизнь. 2017, дек. С. 92).

С национальной идеей, кстати, и у многих других государств небогато. По зрелому размышлению представляется, что такая роскошь «по карма-

ну» лишь мировым цивилизационно образующим государствам. Таковым при всех издержках, несомненно, является Россия. Но наш случай особый ввиду, во-первых, огромности российского государственного пространства (мы ведь, по существу, «народ в рассеянии» на малозаселённой российской части евроазиатского материка), во-вторых, ввиду многонациональности нашего состава. К тому же, как говорил В. В. Путин, в результате распада Советского Союза 25 млн этнических русских оказались за рубежом «помимо своей воли, и, как у нас в народе говорят, в одночасье», а «...русский народ оказался самым большим разделённым народом в мире. И это, безусловно, трагедия».

Третья причина востребованности нами национальной идеи заключается в том, что, пережив за один век четыре революции, две мировые и одну Гражданскую войну, дважды переформатировав державу, мы должны наконец осмыслить — кто мы и зачем мы на Земле. Иначе как жить дальше? Вновь возникают перед нами классические русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Как правило, народ знает ответ на первый, а предложить народу ответ на второй должна власть.

Эти вопросы обрели огромную напряжённость в связи с обострённой самокритичностью нашего общества, негативизмом в отношении собственной истории, алармистской ориентацией части российских элит, скептическими настроениями «продвинутой» молодёжи. Такие вещи не берутся ниоткуда, кроме как из коллективного опыта. Двадцатый век, раз за разом ввергавший Россию в страшные и разорительные потрясения и утраты, в том числе и, прежде всего, человеческого капитала, а также территорий, союзных связей, цивилизационных целей, этот век неизбежно надорвал силы российского многонационального общества, лишил его немалой части ранее органически присущей ему пассионарности. Совершенно очевидно при этом, что любой власти не комфортнее, но гораздо продуктивнее руководить пассионарным, нежели внутренне слабеющим, народом.

Таким образом, институт высшей российской власти пришёл в новый век и в новое тысячелетие с тяжелейшим грузом накопленного чередой поколений недоверия. В предшествующем веке усилия и устремления народа раз за разом тратились если не впустую, то и не на лучший из возможных результатов. Иллюстрацией такого положения дел служит вопрос, почему, по итогам Второй мировой войны, народ-победитель живёт беднее и хуже побеждённого? Смысловая конструкция вопроса, разумеется, не без провокации, но и бессодержательным этот вопрос не является.

История бесславного обрушения и рассыпания на части колоссальной советской империи не может восприниматься лишь как победа демократии над тоталитаризмом. Традиции тоталитаризма — крайне живучая субстанция. Она дремлет практически в каждой государственной системе, выжидая, как вирус, подходящих условий, чтобы отравить весь организм. Да и демократия по-русски, по-российски, оказалась с гнильцой. Она явственно проявила в

своих пришедших к власти апологетах вульгарную по сути, но колоссальную по масштабам страсть к «прихватуции». Эту болезнь вылечить трудно, хотя без излечения, на самом деле, приходится туго и богатым, и бедным.

Драма распада страны — это не только история беспомощности коммунистической советской власти, ошибок в её действиях, перерождения и предательства верхов. Это всё имело место, но и беспомощность, и ошибки, и даже предательство были, по существу, запрограммированы. Они стали естественным следствием более глубокой причины: советская модель демократии оказалась нежизнеспособной, потому что не несла в себе механизмов контроля общества над властью.

Их необходимость ещё в ходе Гражданской войны ясно осознал Ленин, понявший, что революционная вольница в виде ничем не ограниченного права пролетариата (читай, власти) на насилие привела именно к насилию власти над государством и в ещё большей степени над народом. Отсюда ленинские инициативы о создании Народного комиссариата государственного контроля (1918 год), Рабоче-крестьянской инспекции (январь 1920 года), Центральной контрольной комиссии (сентябрь 1920 года), предложение (1921 год) о перестройке работы Рабоче-крестьянской комиссии как не справляющейся с решением поставленных перед нею задач. Она и не могла справиться.

Все эти меры были обречены на провал, потому что не затрагивали базовой тоталитарной основы социалистического государства. Основной объём беззакония творился сверху. Много позднее заговорили о том, что социализм должен быть «с человеческим лицом» — так какое же лицо у него было в течение долгих десятилетий?

Следует вспомнить, что 1991 году предшествовали последние годы горбачёвской перестройки, в течение которой, как карточный домик, распался огромный социалистический лагерь. Всё это отсылает сознание в конец XIX века, в декабрь 1887 года, когда, по мемуарным источникам, состоялся короткий диалог полицейского пристава со студентом Казанского университета Владимиром Ульяновым:

- Ну что бунтуете, молодой человек, — ведь стена!
- Стена, да гнилая — ткни и развалится!

Так примерно развалилась Берлинская стена, знаменуя обрушение сначала «железного занавеса», а затем и советской империи.

Вспомним и более давние, петровские, например, времена, когда в Россию стремились целые легионы образованных иностранцев — почему? Почему инженеры, конструкторы, специалисты ехали из Европы в Россию в конце XIX — начале XX века? Потому что Россия — развивалась.

Ныне наше государство всё ещё несёт в себе изначальные пороки 90-х годов: хищническое хозяйствование, монетаристские «игры в деньги», масштабную коррупцию — от бедствующего в безденежье врача в поликлинике до министра в правительстве, от автоинспектора на трассе до банковского воротилы, от мелкого чиновника до губернатора.

За всё это — спрос с власти, и только с неё. Положение усугубляется тем, что Россия соседствует почти по всем сухопутным границам с бывшими республиками СССР, которые находятся в зоне уверенного действия центробежных по отношению к России сил. Косвенным, но весьма красноречивым свидетельством этого является тенденция замены в учебных программах русского языка на английский, отказ от кириллицы в пользу латиницы — а ведь именно язык является мощнейшей «скрепой» общего духовного и политического пространства.

И вдобавок наше государство не застраховано, увы, от собственной центробежной раскрутки, происходящей по универсальному закону распада империй.

В новейшей истории человечества это происходит в режиме естественного исторического процесса, не омрачаемого масштабным кровопролитием среди мирного населения и войск. Так, Англия перестала быть мировой империей всего за три десятка лет после Второй мировой войны — число жертв этого процесса исчисляется в разы меньшей цифрой, чем число погибших в последующих неизбежных этнических конфликтах. Приведём касающееся России суждение израильского историка и мыслителя Юваля Ной Харари, обнародованное в капитальном исследовании «Sapiens. Краткая история человечества»: «Ещё более мирно закончился коллапс Советского Союза в 1989 году (точнее, в 1991-м. В 1989 году коллапс только начинался — Верховный совет Азербайджанской ССР провозгласил государственный суверенитет республики. Народный фронт Латвии объявил о своём намерении добиваться выхода Латвийской ССР из состава СССР и создания независимого государства. — Ю.Л.), хотя среди его последствий — этнические конфликты на Балканах, на Кавказе и в Средней Азии. Никогда прежде могущественные империи не исчезали столь быстро и столь спокойно. Советская империя к 1989 году не потерпела военных поражений нигде, кроме Афганистана (в полном смысле слова его не было и в Афганистане, что лишь усиливает позицию Харари. — Ю.Л.), не было внешнего вторжения или восстания, ни даже масштабного, в духе Мартина Лютера Кинга, движения гражданского неповиновения. В распоряжении советской власти были миллионы солдат, десятки тысяч танков и самолётов, достаточное количество ядерных боеприпасов, чтобы несколько раз уничтожить Землю. Армия была лояльна правительству — оставались лояльными и войска Варшавского договора. Стоило последнему советскому правителю, Михаилу Горбачёву, отдать приказ, и армия открыла бы огонь по недовольным массам.

Но советская элита и коммунистические режимы большинства стран Восточной Европы, за исключением Румынии и Сербии, предпочли не пускать в ход даже малую часть этой силы. Они осознали банкротство коммунистической идеи, отказались от применения силы, собрали вещички и разошлись по домам. Горбачёв и его коллеги отдали без боя не только приобретения Советского Союза во Второй мировой войне, но даже давние царские завоевания в Прибалтике, Украине (вряд ли позиция Харари исторически верна приме-

нительно к Украине. — Ю.Л.), на Кавказе и в Центральной Азии. Страшно подумать, что могло бы произойти, если бы Горбачёв повёл себя, как сербский президент или как французы в Алжире».

Более всего это суждение ценно для нас как исходящее извне, с отдельными позициями, в частности, о роли Горбачёва, можно было бы и подискутировать. Отечественный читатель это, уверен, ясно понимает. Главная же масштабная мысль — о мирном, по существу, распаде советской империи — бесспорна, и это указывает нам на исследовательскую неангажированность и научную объективность Харари.

Есть и еще одна причина относительной бескровности этого процесса: 17 марта 1991 года состоялся референдум о сохранении Союза Советских Социалистических Республик. Граждане могли свободно выразить своё мнение о том, быть или не быть СССР. Вопрос референдума звучал так: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

За сохранение и обновление проголосовало 76,4 % участников референдума. Голосование (по данным <http://tass.ru/spec/ussr-referendum>) проходило в девяти из пятнадцати республик Советского Союза. Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия официально отказались проводить референдум, хотя часть населения этих республик все же смогла проголосовать на избирательных участках, организованных отдельными Советами народных депутатов и общественными организациями. Состоялся референдум и в некоторых автономных республиках, входивших в состав «отказников». В частности, за сохранение СССР проголосовало подавляющее большинство жителей Приднестровья и Гагаузии (входили в состав Молдавии), а также Абхазии и Южной Осетии (входили в состав Грузинской ССР).

Предопределённость распада СССР определялась самим фактом проведения референдума. Голосуют не все республики, историческое ядро СССР — Россия — в лице Ельцина вносит на референдум дополнительный вопрос об учреждении президентского поста в России. Что уж тут говорить о сохранении СССР, если после Беловежской Пуши в декабре того же года нигде на территории доживающего последние дни и часы СССР не было ни одного массового протеста, выступления, митинга. (А ведь недавно Манежная площадь собирала миллионы.)

Ностальгия по СССР пришла через несколько лет, когда получивший огромную власть (главный для него приз) Ельцин, не знал, как её обратить на пользу России, чем и вызвал отношение народа к себе в диапазоне от равнодушия до ненависти. Зато хорошо поживились при нём закулисные манипуляторы, вмиг избавившиеся от кристальных демократических убеждений, замерив их вождением к залоговым аукционам, ваучерам, «скрытой руке рынка» и прочим безотказным механизмам и затеям. В результате «капитализм с человеческим лицом» у нас тоже не задался. А ностальгия у немалой

части общества, и, что парадоксально, не только у самой старшей, только увеличивается ввиду ущербности, в сравнении с советской, нынешней социальной политики.

Остаётся надеяться, что, перефразируя слова Хрущёва, «нынешнее поколение российских людей будет жить при капитализме» — том справедливом, щедром и заботливом о младости и старости капитализме, который выстроен в нескольких странах Европы. Хотя бывалого социального «мира под оливами» нет сейчас и там.

Всё или почти всё из набора предпосылок распада страны, включая коррупцию и слабую власть, было в России и во втором десятилетии прошлого века, когда империя скатывалась к революции. В том числе и сепаратизм регионов — Финляндии, Украины, Литвы, Латвии, а еще ранее того — Польши. Ныне все они, и не только они — не Россия, вне России. А в XX веке, после революции, сшивать воедино распавшееся тело государство большевикам пришлось кровавыми рубцами. Аукнулся парадокс, о котором в своё время говорил Маркс: нет большего несчастья для нации, чем покорить другую нацию.

Быть покорённым — для мелких стран считается выгодно, оттого, видно, бывшие республики СССР, получившие государственность благодаря тому лишь, что были в его составе, едва в очередь не становятся, объявляя себя «оккупированными коммунистическим режимом». За это должна, по их разумению, рассчитаться Россия. Это, конечно, пустые и, скажем прямо, шизофренические желания. А тогда, после революции, Финляндия и Польша отпали навсегда практически сразу. Всё это усугубилось распространением польской ненависти к России и к СССР на ненависть к русским. Видимые ростки этого опасного явления наблюдаются ныне на Украине.

Власть в России за прошедший век совершила множество ошибок. К концу столетия они стали системными. В процессе деградации и распада СССР, когда канцлер ФРГ Коль был в эйфории от объединения двух Германий и добровольного безвозмездного ухода нашей армии, Горбачёв в пылу восторга и головокружения мог бы и Калининградскую область отдать Германии. С него бы случилось. В телевизоре наболтал бы, как спьяну, что «процесс пошёл». Коль не запросил — ему и так даров было отсыпано сверх всякой меры.

Ельцин в Беловежской Пуще ни на секунду не задумался о том, что стоило ему только заикнуться о российской принадлежности Крыма, и было бы исправлено незаконное и чреватое будущими бедами (они реализовались в новом веке в виде «украинского вопроса») решение неистового Хрущёва.

В интервью «Апострофу» первый президент Украины Леонид Кравчук лукаво заявил, что в 1991 году Киев смог перехитрить Россию и сохранить советские границы республики благодаря демонстрацией Киевом некой абстрактной общей ответственности за происходящее в стране.

«Именно такой подход солидарной ответственности при конструктивном диалоге с Россией позволил нам — не побоюсь этого слова — перехитрить ее. Мы говорили о том, что Крым является неотъемлемой частью

Украины. Но мы говорили и о том, что Крым может заключать любые экономические, социальные, политические соглашения с Россией», — рассказал Кравчук.

Добавить же к сказанному необходимо вот что: бездарное царское правительство было намного бездарнее царя. В этом тоже есть параллель с современностью. Кадровая политика как важнейший инструмент организации управления страной у Николая II была слабой. Правительство, скорее, противостояло самодержцу, было при этом коррумпированным и недееспособным, формировалась по хаотическому алгоритму. Это можно очень и очень условно, на психологическом уровне, объяснить тем, что российский император ощущал себя и был в тогдашней иерархии помазанником Божиим, а потому правительство под ним должно было, он полагал, работать, как часы. Но гладко было лишь на бумаге...

Мощного правительства, за исключением ряда могучих советских министров, у России не было.

Вслушаемся теперь в посвящённый революции фрагмент выступления Президента России В. В. Путина на Валдайском форуме в октябре 2017 года:

«Революция — это всегда следствие дефицита ответственности. Как тех, кто хотел бы законсервировать, «заморозить» отживший, явно требующий переустройства порядок вещей, так и тех, кто стремится подстегнуть перемены, не останавливаясь перед гражданскими конфликтами и разрушительным противостоянием.

Сегодня, обращаясь к урокам столетней давности, к русской революции 1917 года, мы видим, какими неоднозначными были её результаты, как тесно переплетены негативные и, надо признать, позитивные последствия тех событий. И зададимся вопросом: разве нельзя было развиваться не через революцию, а по эволюционному пути? Не ценой разрушения государственности, беспощадного слома миллионов человеческих судеб, а путём постепенного, последовательного движения вперёд?

Вместе с тем общественная модель, идеология, во многом утопичные, которые на начальном этапе после революции 1917 года пытались реализовать образовавшееся новое государство, дали мощный стимул для преобразований по всему миру (это совершенно очевидный факт, это нужно тоже признать), вызвали серьёзную переоценку моделей развития, породили соперничество и конкуренцию, выгоды из которых, я бы сказал, в большей степени извлёк именно так называемый Запад.

Что имею в виду? Это не только геополитические победы по итогам так называемой холодной войны. Ответом на совсем другое, ответом на вызов со стороны СССР стали многие западные достижения XX века. Имею в виду повышение уровня жизни, формирование мощного среднего класса, реформы рынка труда и социальной сферы, развитие образования, гарантии прав человека, включая права меньшинств и женщин, преодоление расовой сегрегации, которая, напомню, ещё несколько десятилетий назад была постыдной практикой во многих странах, включая Соединённые Штаты».

Валдайский клуб — это авторитетная политологическая международная аудитория, на неё и был рассчитан пассаж о революции. Мыслящая Россия с такими оценками и выводами была хорошо знакома — по той причине, что она их выработала и огласила значительно раньше. В президентских устах они обрели, и это действительно важно, статус позиции государства.

Ранее Financial Times сообщило, что Президент России разделяет «двойственное» отношение общественности к событиям столетней давности.

Жестам такого рода мы знаем цену. Но не о празднике шла речь в России, а об осмыслении векового прошлого и настоящего. Можно сказать — о государственном и народном подведении итогов и обдумывании уроков XX века.

Итак, выгоду от русской революции получил Запад. Зачем было её и устраивать, если мы спустя век не имеем ни необходимого и достойного уровня, жизни, ни мощного среднего класса, ни всего, о чём говорит президент, характеризуя Запад? Советские социальные завоевания, как и многие прочие, не менее, а более даже важные, исчезли в начале 90-х и не торопятся возвращаться.

В революции виноваты те, кто «замораживает» отживший порядок вещей, и те, кто, подстёгивая перемены, не останавливается перед гражданскими конфликтами и разрушительным противостоянием.

Из личных записей

С того времени, когда делались эти записи, прошло много лет. Стали очевидными неоднозначные, мягко говоря, последствия событий 1991 и 1993 годов и зародившихся тогда процессов огромного масштаба, причём с очевидной криминально-грабительской составляющей. Речь идёт о «диктатуре Ельцина и «семьи», о «проклятии Березовского», о жесточайшей и беспощадной к народу практике гайдаровских реформ. Это, однако, оценки сегодняшнего дня, а в представляемом ниже фрагменте моих «Личных записей» мы не будем менять что-то задним числом. Это было бы нечестно.

«Моссовет взяла под защиту дивизия имени Дзержинского. Вызвали телеграфом тысячу милиционеров из соседних областей «на период оперативно-профилактической операции «Сигнал» с 30 сентября до особого распоряжения». Им придали автомашины, всех разместили, я проследил, чтобы солдат и офицеров кормили самыми лучшими продуктами, имевшимися в городе. Из мужчин, пришедших на защиту Моссовета, отбирались люди с боевым опытом, умевшие владеть оружием, чтобы защитить райсоветы, здание «Известий», технический центр в Останкино. На Тверской и прилегающих переулках возвели баррикады. Нас надёжно прикрывала московская милиция, народные дружины и добровольцы.

Вечером 3 октября, когда вооружённые боевики под командованием генерала Макашова пытались захватить в Останкино телецентр и прекратилось вещание по всей стране, ожидавшей самого худшего, у Моссовета начался бессрочный митинг. Народ на Тверской, как в дни перестройки, скандировал: «Ельцин! Ельцин!» Балкон здания, с которого выступал Ленин, стал трибуной. С нее вы-

ступали руководители города против тех, кто сидел в Белом доме. То была мощная реакционная структура, где главенствовали ортодоксальные коммунисты, «красные директора» с политическим кредо — реставрировать все, что ушло.

С Тверской я поехал на Шаболовку, в студию телевидения, вещавшего на Москву. Там не скрывавший волнения Егор Гайдар, исполнявший обязанности премьера, обратился к москвичам с призывом выходить на улицы и защитить собой революционные завоевания в нашей стране.

Я выступал вслед за ним с опровержением: «Дорогие москвичи, ваша жизнь нам дорога, ситуация очень опасная, и мы вас просим оставаться дома и сохранить свою жизнь. Власть справится с мятежниками, и если власть не справится с мятежниками, то это не власть».

На этом моменте остановлюсь подробнее. «Волнение» Гайдара было таким, что смотреть на его лицо без смущения, стыда и гнева было просто невозможно. Губы у Егора Тимуровича прыгали, наливные щёки тряслись. А ведь этот человек, этот политик «рулил» экономикой страны. К удивлению моему, такая же гримаса панического страха была на его лице и во время совещания, которое Ельцин собрал в 14-м корпусе Кремля после октябрьских событий. Президент пригласил на это совещание Барсукова, Гайдара, Коржакова, Лужкова, Черномырдина.

Брюзгливым и холодным тоном он сделал мне замечание в связи с тем, что я не звал москвичей броситься очертя голову в пучину уличных боёв, а призвал людей оставаться дома и сохранить свои жизни.

За замечанием Ельцина скрывалось бешенство эмоций, гнев сильного характера, а самое главное — безмерная, ничем не утоляемая жажда власти любой ценой. На кровь людскую такие люди внимания не обращают.

Для более полной оценки дел и личности Гайдара процитирую фрагмент публикации Михаила Делягина на сайте Изборского клуба от 30 июня 2015 года:

«Черномырдин не воспринимал Гайдара. Ельцин не поддержал его призывы к «ускорению реформ»: он не хотел доводить страну до расстрела ещё одного парламента. В начале января Черномырдин объявил об увеличении расходов бюджета, не уведомив Гайдара, тот подал в отставку, — и его не удерживали.

Он был чужд, отвратителен и не нужен возникшей в горниле его реформ стране.

Но бюджет 1994 года был сверстан при его определяющем влиянии и удушил экономику: спад был хуже, чем в 1992 году.

Гайдар возглавил думскую фракцию, сотрудничал с либералами правительства и ратовал за ужесточение финансовой политики.

В 1995 году в Госдуму не попал. Протестовал против войны в Чечне, призывал Ельцина не идти в президенты и предлагал выдвинуть нижегородского губернатора Немцова. Демократы этой нелепицы не поняли, Немцов отказался. Гайдар планировал выдвинуться сам, но, когда Ельцин пошёл на выборы, поддержал его, «чтобы не пустить к власти коммунистов».

Влияние Гайдара на либералов нельзя переоценить. В феврале 1998 года статьей «Почему в Москве жить хорошо» он начал атаку на Лужкова, завершив-

шуюся его отставкой через 12,5 лет после смерти Гайдара. Все это время либеральная критика Лужкова следовала заданным им темам.

Накануне дефолта 1998 года он, не занимая официальных постов, вел переговоры с МВФ наряду с Чубайсом, спецпредставителем Ельцина, и принимал решение о дефолте.

В 1999 году Гайдар, войдя в склеенный Кириенко «Союз правых сил», вернулся в Госдуму, где имел огромное влияние: «Правительство начало реализовывать программу, которую мы разрабатывали... Возможности... были... наибольшими за все время, когда я работал во власти». Его институт разрабатывал проект закона «О стабилизационном фонде», направляющем средства России на поддержку финансовых систем Запада.

В 2003 году власти США пригласили его консультировать экономическую реформу Ирака.

Но ореол этой «тени девяностых» меркнул.

Сообщение об отравлении в Дублине в ноябре 2006 года (после смерти Литвиненко) вызвало предположения о чрезмерной, даже для него, дозе алкоголя».

Из личных записей

Хочу дать свою оценку тому, что называю «проклятие Березовского». Ближе к 2000 году под влиянием теневого, но невероятно влиятельного деятеля Березовского и дочери Татьяны Борис Ельцин начал искать нужного ему и удобного для «семьи» преемника. В этой работе главным действующим лицом был Березовский. Его хозяевам казалось, что лучшего человека для такого сложного дела не найти: умён, баснословно богат, целеустремлён, властолюбив и, что казалось особенно важным для тогдашнего правящего клана, беспринципен вплоть до полного пренебрежения моралью и честью. Не мешкая, Березовский взялся за новый политический подряд.

Сам ли он решил, или было соответствующее указание, но выбор Березовского пал на меня. Березовский прекрасно знал о моём без преувеличения колоссальном рейтинге в Москве и в России, о том, что за годы моей работы мэром столицы Москва быстро и успешно развивалась.

С Березовским у меня не было, естественно, никаких контактов. Я их никогда не искал, да и он не стремился к общению со мной, прекрасно зная, что я не являюсь сторонником неформальной кремлёвской структуры, сложившейся вокруг Ельцина, то есть тех, кто осуществил грабительскую приватизацию и вёл антинародную, по сути, политику.

В качестве гонца ко мне был направлен Григорий Лучанский, мой давний знакомый, крупный предприниматель и общественный деятель. Прямо и без проволочек он передал мне предложение Березовского стать президентом России. Тут же были объявлены обязательные для исполнения условия. Первое: не трогать «семью» и президента, когда он будет на покое. Второе: не изменять принципы приватизации, не пересматривать её итогов, не менять принципы устройства экономики страны.

Если ты соглашаешься, сказал Лучанский, то мы организуем выборы, проведем агитацию, профинансируем все расходы. И та станешь президентом России.

Я не замедлил с ответом, что заметно удивило и даже обескуражило Лучанского: если первый вопрос можно обсуждать в той части, которая касается самого Ельцина, но не его дочери Татьяны, то второй вопрос неприемлем принципиально и полностью. Бесплезно со мной даже говорить об этом, потому что я боролся и буду бороться с развалом страны, разграблением государства, раздачей национальных богатств маленькой кучке приближенных. Ответ: ищите того, кто будет выполнять ваши условия. Я — отказываюсь.

Лучанский, отбросив дипломатию, сказал прямо: тебе в руки власть сама плывёт, а ты, дурак, её отвергаешь.

Я ответил, что человеку, который станет выполнять поставленные ему условия, будет невероятно трудно развивать страну.

Владимир Владимирович Путин, на мой взгляд, прекрасно это понимал. Более того, он осуществил укромение пресловутой «семибанкищины», отодвинув олигархов от руля политической власти. Как безусловно порядочный человек, условие «не трогать» «семью» и Ельцина он выполнил самым тщательным и достойным образом.

Что касается итогов приватизации и приверженности принципам монетаристской политики, то наш президент остаётся их заложником. Повернуть огромный российский корабль, попавший к тому же в санкционный шторм, в одночасье невозможно. Но и продолжающееся следование этим курсом не на пользу экономике.

Возвращаясь к Березовскому: этот человек был ярко одарён, но сущность его была схожа с дьявольской. Авантюрист высочайшего класса, абсолютно свободный от чести и совести, он оставил на плечах Владимира Владимировича Путина тяжёлую ношу...

Понимая неизбежную условность сравнения, скажем, что приход Путина после немощного и много нагрешившего Ельцина воспринимался в народе с оптимизмом, сродни испытанному в момент прихода энергичного Горбачёва на место дряхлого, бессильного Брежнева. Заметим справедливости ради, что на плечи Путина легла тяжесть разгребания всего того бурелома в государстве, который устроили Горбачёв и Ельцин, а одновременно и выстраивания новой, обретающей суверенность России.

Триста четыре года правления династии Романовых, как ни различались наши самодержцы один от другого, это были три с лишним века неизбираемой народом власти. С первыми ростками демократии, принесёнными Февральской революцией, Временное правительство (какая историческая ирония в этом названии!) было сметено как невесомая и никому не нужная пушинка. На том демократия и закончилась. Далее, живи Ленин ещё лет тридцать, он и был бы тридцать лет нашим коммунистическим царём. Сталин правил с конца двадцатых до начала пятидесятых — исторически огромный период. Брежневу вся власть принадлежала в течение долгих восемнадцати лет. Все иные наши правители, вплоть до Ельцина, народом не избирались.

Корень проблемы уходит в единоначалие власти. У нас искажена идентичность отношения к власти, особенно когда подавлялось любое политическое

инакомыслие. Политическая генетика народа перестраивается на историческом марше. Человечество в целом спасительно-консервативно, но спасением от беды является и высочайшая социальная адаптивность. У нас в России она наиболее рельефно воплотилась в знаменитом русском долготерпении, в выдержке, в мобилизации лучших народных качеств в трудную годину. Яркий пример тому — Ленинградская блокада.

С другой стороны, история помнит крестьянские восстания, народные бунты, хаос Смутного времени и беспредел времени «мутного», как стали называть недавние лихие девяностые. Совсем не качество долготерпения проявлялось и во всех революциях прошлого века.

Сама по себе длительность правления не есть порок. С тридцать третьего по сорок пятый правил в США Франклин Рузвельт, и правил, надо признать, эффективно. У немцев нет каких-то особых, критически острых претензий к многолетней правительнице Ангеле Меркель. Она и при четвёртом своём сроке самый популярный правитель Германии и, бесспорно, самый сильный национальный лидер Евросоюза. Но для России в вопросе длительности лидерства заключена гораздо более сложная проблема. Это проблема природы и задачи власти. Проблема генерации лидеров. Проблема последовательного исторического развития, когда преемник не переворачивает всё с ног на голову, не топчется на предшественнике, а идёт курсом, выработанным усилиями своих мудрецов, политиков, учёных, общественных деятелей — подлинной элиты страны.

Владимир Владимирович Путин в четвёртый раз стал нашим президентом. Более двадцати лет во власти должны дать совершенно другой, более объёмный и качественный, результат во всех сферах государственного влияния.

Дальше, если не будет меняться качество власти всех уровней, то не будет меняться качество мысли, действия и всей социальной действительности. Все всегда у нас было сверху, по вертикали. Но сегодня общество другое, его адаптивность насыщается мотивами требовательности к власти. И это, безусловно, позитивный процесс. Он исторически неизбежен, иначе нам не выдержать глобального цивилизационного соревнования. Ибо громадная и невероятно богатая, мощнейшая в перспективе держава никоим образом не сможет уклониться от этой конкуренции.

Из личных записей

После выборов 2018 года мы наконец должны понять, что властитель, как его ни назови — царь, премьер, Генеральный секретарь, президент — это не бог, не оракул. Это человек, который должен воспринимать и исполнять волю народа, а не диктовать её сверху. Править страной означает служить стране. Служить — и развивать страну. Служить — и помогать формироваться новому поколению руководителей, новой генерации политиков, новым миллионам молодых. И помогать тем, кто отошел от активной деятельности, каждый день чувствовать себя достойно. Это программные вещи, валуны в фундаменте. Как на Соловках в фундаменте храма. Потому и храм стоит незыблем.

Почему в Англии, в Германии больше демократии, более активное и развитое гражданское общество, чем у нас? Протестные движения и там не доставляют исполнительной власти абсолютно никакой радости, но они есть, и они преследуют в сердцевине своей ясные и разумные цели. Это горькая, но целительная таблетка для власти, укол в нужную точку властного организма.

У нас так называемая внесистемная оппозиция маргинализировалась до карикатурного качества. Истоки постоянного парламентского «одобрямс» — глубоко в истории. Даже в политически бурное и по-своему свободное время перестройки из-за традиционного чувства самосохранения, вероятно, сенаторы и политики молча «проглотили» фирменное блюдо от по-грузински щедрого, правда, не за счёт Грузии, а за счёт СССР, Шеварднадзе. Привычка безропотно подчиняться любому решению власти сработала безотказно. Напомним суть вопроса, ярко иллюстрирующего эту традицию.

По Соглашению между СССР и США о линии разграничения морских пространств в Беринговом море США получили часть исключительной экономической зоны СССР площадью 23,7 тысячи квадратных километров, — это была морская акватория, фактически переданная Соединенным Штатам задолго до перестройки, в 1977 году, а также часть исключительной экономической зоны СССР площадью 7,7 тысячи квадратных километров и участок континентального шельфа площадью 46,3 тысячи квадратных километров в открытой центральной части Берингова моря, находящийся за пределами 200 морских миль от исходных линий. Сенат США мгновенно, 86 голосами против шести, одобрил столь выгодное соглашение. Американцы приплюсовали себе 50 тысяч квадратных километров Баренцева моря в самом богатом рыбными ресурсами районе. Нам там рыбу не ловить, нам, по Соглашению Бейкера — Шеварднадзе, достались безрыбные пространства.

Народ по этому поводу безмолвствовал, ибо ничего не знал — и это в эпоху расцвета гласности! Газеты невнятно буркнули про то, что состоялось подписание Соглашения о разграничении морских пространств — как бы технического документа. Стороны согласованно заявили о «мосте дружбы», перекинутом над водой. Звучало это издевательски.

Более чем характерный пример самовольства, если не самодурства, власти, безмандатно, в закрытом режиме распоряжающейся национальными богатствами. Другие примеры — от Аляски до Крыма, до развала Советского Союза — не забыты.

...Продолжим наш разговор о российской власти через призму её отношения к урокам вековой давности. Законодательная власть в аспекте обращения к историческому анализу привычно ничем не запомнилась. Со стороны фракции КПРФ были ритуальные декларации и традиционные панегирики «величайшему событию XX века». При этом Г.А. Зюганов, мягко говоря, погрешил против истины, когда сказал, что «в феврале власть в стране захватило буржуазное правительство, среди представителей которого не был масоном только министр железнодорожного транспорта. Фактически эти люди предали Рос-

сию, завалив все. И лишь воля большевиков — Ленина и его команды — спасла страну. Именно они сумели ее мирно и демократично собрать под знамена труда, справедливости и дружбы народов».

Масонов во Временном правительстве было много, не спорим, а вот насчёт большевистского мирного и демократичного собирания страны — это кощунственные слова. События, развернувшиеся после февральского падения монархии, стоили России примерно 400 человеческих жизней в течение нескольких смутных дней. Суммарные потери понесённые в Гражданской войне оцениваются в 5 — 7 миллионов человек.

В шумной базарной манере прогремели дежурные проклятия от ЛДПР. Что-то промямлили в «Справедливой России». Складывалось впечатление, что по факту две ветви власти стремятся не допустить публичного осмысления некоторой неприятной для себя параллельности хода истории через сто лет. При том, следуя избранным курсом, осознают его несовершенство, проявляющееся, прежде всего, в социальной политике. Но ведь социальная политика — это, по существу, экран, на который проецируются многие первопричины и основания, не слишком очевидные для населения.

Несистемная оппозиция в очередной раз отличилась показательной интеллектуальной инфантильностью.

Громко называемая «четвёртая власть» — СМИ — повела себя совершенно сервильно. Всегда чуткие к позиции исполнительной власти, СМИ, по всему спектру их политической ориентации, квалифицировали тему как скучно- юбилейную, якобы лишённую политической и общественной актуальности. Это был смехотворный подход. И, наверное, не случайно телевизионный 2017 год оказался перенасыщенным всякого рода развлекательными шоу и юмором.

Что касается гражданского общества, то есть политически активной части народа, то оно многое проиграло, упустив возможность широкой дискуссии о процессах и событиях вековой давности и проистекающих из них последствий и уроков. А уроки и последствия получились громадными по значению и совершенно разными для власти, государства и народа. И власть это прекрасно осознала. Позиция её может быть выражена осторожной присказкой: не буди лихо, пока оно тихо.

Это «лихо» — тайное и явное несогласие с властью, оппозиционное противостояние, чувство исторического простоя в первую четверть XX века широко разгулялось в России. Политически одряхлевшая монархия, запаздывающий российский капитализм, говорливая, но неработоспособная имитационная демократия, обнищание населения, внешнее давление, вызревание в недрах режима оппозиции снизу доверху — всё это привело сначала к внешне даже романтической Февральской революции, а затем и к Октябрьской. Далее — красный и белый террор, Гражданская война, миллионы загубленных жизней, огромное отставание от развитой части мира.

Характерно, что начальные, символические события Февраля и Октября проходили внешне тихо, как бы ни для кого не опасно. В феврале 1917-го,

осознав, что в круговую предан, отрекся Николай II, тут же, двух дней не прошло, трусливо отрёкся Михаил. Обо всём этом Россия узнала не через краткие часы, а лишь через долгие дни. И в массе своей стала ликовать, не понимая, что началась новая и страшная эпоха в стране. А о свержении и аресте Временного правительства октябрьский Петроград после так называемого штурма Зимнего дворца даже не догадывался.

Между тем уже разгоралась заря Гражданской войны...

Априори мы считаем, что наша власть извлекла уроки из прошлого.

Коммунисты-большевики, умыв Россию кровью массовидного (ленинское определение) террора и Гражданской войны, дав ей при НЭПе заработать на кусок хлеба и тут же отняв эту возможность, поверили в насилие как в универсальный инструмент. Власть на многие десятилетия социализма стала, по существу, институтом правления через насилие в мягкой и жёсткой форме. Свидетельство тому — история оппозиции внутри СССР вплоть до начала Великой Отечественной войны. Оставим за скобками вопрос о целях оппозиции — потому что они были большей частью оправдываемы как необходимость развития революции «в правильном направлении». Такая постановка вопроса автоматически предполагала смену «сталинского режима» как неприемлемой формации власти — режим, соответственно и неизбежно, ответил репрессиями.

Этот ответ был столь жестким, что, кажется, оставил генетический след в памяти политического класса, сделав его одноцветно коммунистическим, послушным до автоматизма и неистово энергичным в проведении «линии партии». Но лишь до поры до времени. И это время, и эта пора хорошо известны: период позднего Брежнева и никогда политически-властно не бывавших молодыми Андропова и Черненко породили по-своему чуткого к новым тенденциям Горбачёва. Эволюция этого человека (в самом широком понимании определения) и поныне, на самом деле, является тайной. Воспринимаемый в общественных широчайших кругах как продажный разрушитель партии и государства, он по факту таковым и являлся. Решения, принятые им либо единолично, либо в закрытом кругу наиболее преданных ему соратников, либо в тайных сговорах с Западом, были для государства мощным тараном, а для партии сильнейшим ядом.

Ельцин был его противоположностью лишь по форме, суть была не лучше и не здоровее.

Их двоих история избрала своим орудием разрушения административно-командной системы, однако такое суждение не лишает последних в XX веке властителей России их доли вины и ответственности за судьбу СССР. Того государства, об отношении к драме которого утвердилась горькая сентенция: кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца, кто желает восстановления СССР, у того нет разума.

В XX веке Россия пережила три самоотречения властителей. Каждое из них было связано с крахом и возрождением государства. И это та трагическая традиция, продолжение которой в XXI веке означало бы утрату целостности уникальной русской, российской цивилизации и полноценной государствен-

ности. И при любом раскладе вина за утрату (не дай бог ей свершиться) пала бы на власть.

Заметим специально для слишком раскованно мыслящих мировых геополитиков и их совсем, кажется, не мыслящих последователей, призывающих силы земные и небесные к разрушению России, что разрушение не сделает мир гармоничнее, счастливее, богаче и спокойнее. Случись такое, происшедшее нельзя будет назвать никак иначе, чем адом на Земле. Об этом стоит твёрдо помнить. Особенно в связи с фактически возобновлённой до активной фазы гонкой вооружений. России дальнейшая милитаризация экономики категорически не нужна, несмотря на упования на локомотивную роль оборонно-промышленного комплекса в сфере технологий. Мы и без того исторически привыкли держать порох сухим. Важно не пересушить, чтобы самопроизвольно не сдетонировал. Не нужна такая гонка и Западу, как бы щедро она ни кормила науку и промышленность. Это тупиковый и опасный для человечества путь.

Свершается ещё один глобальный процесс, об опасности которого гениальный Олдос Хаксли предупреждал ещё в 1946 году, в предисловии к культовому роману «О дивный новый мир»: «...близкому будущему присуща схожесть с недавним прошлым, а в недавнем прошлом быстрые технологические перемены, происходившие в условиях массового производства среди населения, в основном неимущего, всегда склонны были порождать экономическую и социальную сумятицу. А чтобы справиться с ней, власть централизовалась, и контроль правительства усиливался. Вероятно, все правительства мира станут полностью или почти полностью тоталитарными еще даже до взнудания атомной энергии; а что они будут тоталитарными во время и после этого взнудания, кажется почти несомненным. Только широкомасштабное народное движение к децентрализации и самопомощи может остановить современную тенденцию к этатизму. Но в данный момент не видно признаков такого движения».

Тоталитаризм грозит миру. Между тем, и это важно для любой власти, и, конечно, для современной российской, важно осознать, что у власти есть не только утилитарные задачи материального порядка, которые уверенно решаются «сильной рукой». Есть ещё и сакральные задачи, в том даже роде, что «любая власть от Бога», и главная из этих задач — сделать человека свободным. Свободные люди составляют свободное общество. Свободное общество органически не приемлет тоталитаризма, как бы эгоистически-привлекательным для власти он ни выглядел.

Свободным обществом делает тот объём национального богатства, который достаточен для опережающего развития. Россия таким богатством располагает, но лишь потенциально. Между тем оно столетиями буквально лежит у нас под ногами. Это земля — бесценный природный ресурс, обеспечивающий, вкупе с водой, всю жизнедеятельность на нашей планете. Можем мы в России во всей реальности представить себе те чувства, которые испытывают к нам японцы, китайцы, европейцы, глядя на наши бесхозные просторы, видя, как миллионы гектаров сельскохозяйственных земель зарастают подлеском?

Мы стесняемся назвать эти чувства. Давайте перебором стыд. Чувства эти — зависть нам, недоумение от нашего неумения, раздражение от нашей бестолковости, и, наконец, презрение к нам, гордящимся импортозамещением в результате санкций.

А если бы наше российское поле работало во всю свою силу, то мы получали бы доходы больше, чем от суммарной продажи нефти, газа и оружия.

Не утратило свою дьявольскую силу то, что следует определить как коррупционное «проклятие Березовского».

Власть: цели. Действия

Команда. Результаты

Существуют вопросы, ответы на которые можно якобы легко получить, изучая биографии властителей. В числе таких вопросов — о целях власти и властителя. О разнице между размахом замыслов и итоговым «сухим остатком». О том, что такое «команда» властителя.

В России традиция и возможность вслух задавать эти вопросы появилась в начале прошлого века. Затем, при Ленине и Сталине, она была задавлена преследованиями разной степени жестокости, наступающими любителей «разговорчиков». Далее безропотное и внешне даже радостное ношение портретов вождей на всенародных демонстрациях сопровождалось широким разливом кухонных дискуссий и необозримой массой остроумных анекдотов о них же — правителях. Но ни историческая наука, ни актуальная публицистика к этой деликатной сфере не подпускались на пушечный выстрел.

В лучшем положении оказались западные интеллектуалы, но в большинстве случаев, как мы знаем, имевшаяся у них «оптика» с антисоветским, как правило, фильтром, давала всё же искажённую картину. Вопреки поэтической метафоре, «большое» на расстоянии виделось плохо. Это подтверждено, например, опытом сильного в историко-политической публицистике Троцкого. А в ещё более выразительной мере — метафорой Стефана Василевского, приписываемой процитировавшему её Уинстону Черчиллю в применении к происходящему (при Сталине) в Кремле: «Схватка бульдогов под ковром — ничего не видно, только время от времени вываливается загрызенный насмерть бульдог». Что поделать, это тоже «кадровая политика».

Бурное властное творчество (часто говорят, художества) Хрущёва сполна проявилось и в грандиозности замыслов, и в их грандиозном провале, и в обильности народных комментариев каждого шага властителя. Всё это сопровождалось настоящими цунами в кадровых делах. На самом верху, однако, Хрущёв, прошедший при Сталине и после него суровую школу политических властных интриг, особых видимых волнений и слишком острых столкновений допускать не хотел, но исключить их не мог. Кончилось, как известно, самым настоящим заговором против Хрущёва и не жестоким и репрессивным, но, безусловно, решительным отстранением его от власти.

Брежнев в этом смысле не был, вопреки сложившемуся мнению, олимпийски хладнокровен: с кадрами он работал весьма тщательно, подбирая их в основном из числа соратников по докремлёвскому периоду работы. Были, конечно, и исключения. По сути же, «вся королевская рать» ушла из политики вслед за тем, кого она так долго и во вред стране сохраняла на Олимпе власти. Ушла, отметим, недобровольно.

Горбачёвский период был от начала до конца насыщен широко обсуждавшимися отставками, «перезагрузкой» ЦК партии, каскадом неожиданных от-

ставок и назначений. Особенно запомнилась подозрительная настойчивость в совершенно не демократичном проталкивании политически ничтожного Янаева на должность (была такая) вице-президента СССР (что крайне «пригодилось» Горбачёву, когда так называемый путч в 1991 году формально возглавил именно безвольный Янаев — не в этом ли был замысел «всё свалить на заместителя»). С командой у Горбачёва не ладилось до такой степени, что за его спиной активно и разрушительно действовал А.Н. Яковлев, открыто признававшийся позднее, что его настоящей целью было даже не распад СССР, а разрушение исторической России. Впрочем, сегодня трудно выяснить, кто из этой пары усерднее трудился над задачей. А были ведь ещё и Шеварднадзе, и Ельцин.

Горбачёв, инициировав гласность, выпустил джинна из бутылки: с этого момента народ не безмолвствует. Окрепла политология, решения и действия власти прогнозируются, часто предугадываются, широко и критически обсуждаются. Буквально ворвались в жизнь политтехнологии, иногда толковые и тонкие, но гораздо чаще цинично-топорные, как, например, подлый по сути и форме наезд Доренко на Евгения Максимовича Примакова и на автора этих строк в 1999 году. Это было, по существу, киллерское информационное покушение.

Свидетельствую, однако, с опорой, прежде всего, на мою политическую деятельность и опыт работы во власти и с властью, что от широкой общественности всё-таки часто скрыты подлинные механизмы и закономерности принятия решений (имею в виду принятые в период начала 90-х). У любой власти много тайн, действия любой власти — интегральный результат суммы внешних и внутренних воздействий.

Однажды невольно подтвердил это Горбачёв, обронив, что мир никогда не узнает, о чем была его договоренность с Западом. Фирменная горбачёвская болтливость легко одолела политический такт, столь необходимый первому лицу. Узнать о горбачевском предательстве миру и России удалось довольно быстро, а если быть точным, то в августе 1991 года, и окончательно — в декабре, когда не стало СССР. Детали же предательских договоренностей Горбачёва скрыты действием его секретного распоряжения от 1985 года об отмене протоколирования межгосударственных переговоров. Это сделало их тайной. В силу индивидуальных особенностей характера Горбачёв, однако, проговорился о самом главном. В мае 1993 года, пишет Владислав Швед (источник: www.stoletie.ru) Михаил Сергеевич, будучи во Франции, признался в интервью газете «Фигаро», что в Рейкьявике он фактически сдал СССР на милость США: «Рейкьявик был драмой, большой драмой... На той встрече в верхах мы зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя». Этим было всё сказано. *Не менее значимой оказалась встреча Горбачева с Д. Бушем-старшим в декабре 1989 года на Мальте. Входе неё Михаил Сергеевич дал окончательное «добро» на изменение политического строя в СССР, пересмотр отношений СССР с западными странами и включение ГДР в состав ФРГ...*

Вот вам, читатель, и ответ, самый конспективный по форме и объёму, на вопросы о планах и их реализации, о тайных сделках власти, о том, что же такое была команда Горбачёва, если он с нею вместе смог сотворить то, что сотворил.

И — то ли он сделал, что замышлял. Или же «хотел как лучше, а получилось как всегда».

Имея хронологическую временную дистанцию — эту удобную точку обзора, мы можем многое понять и даже подсчитать после того, как властитель закончил своё правление (и независимо от того, по какой причине оно закончилось). Правила составления баланса очень простые: что ты получил, принимая под правление: державу ли, город ли, правительство ли — и что ты передал преемнику и что мог бы (а на самом деле должен, коли взялся за гуж) передать при более благоприятном развитии событий.

Материальная составляющая, включая уменьшившуюся или увеличившуюся площадь территории государства, статистически обсчитывается достаточно точно. Также хорошо известны экономические показатели, объёмы и номенклатура производства, импорт и экспорт, состояние и составные инфраструктуры, степень развития транспорта и энергетики, социальные параметры общества, уровень науки, образования, здравоохранения. Очевиден, как правило, военный (не будем скромно называть его оборонным) потенциал. Известны разведанные о запасах полезных ископаемых и углеводородов. Кому положено, знает состояние золотовалютных резервов. Есть список утрат и потерь в результате войн, конфликтов, беспорядков, стихийных бедствий.

Всё это, повторим, можно наглядно сопоставить в конце и в начале периода правления каждого властителя XX века. Гораздо сложнее, особенно в применении к самому новому периоду истории, определить на подъёме или на спуске находится государство. Трудно бывает понять, сохраняется ли в народе позитивная пассионарность, этот главный двигатель развития, или этнос исторически одряхлел.

Сложно осознать отношение народа к прошлому, ощущение им настоящего и предощущение будущего — а это показатель, ни мало ни много, исторического здоровья. И даже (вспомним ёмкий и выразительный термин из коммунистического арсенала) исторического оптимизма. (Так легко было жить, куда верилось в этот вдохновляющий оптимизм. А ведь верилось.)

Следует сделать очевидный вроде бы вывод, что властитель должен заботиться, в крупном формате, как о материальном, так и о духовном благе для каждого человека, для народа, для государства. И, значит, получается, что тот властитель умён, кто ставит перед собой (или перед властью в целом, включая тот её элемент, который называется «команда») крупные государственно-цивилизационные цели. А велик лишь тот, кто достигает намеченного.

По этим признакам умных властителей у России в XX веке было не очень много. Это Ленин и Сталин. Есть такая точка зрения, что умными и масштабными властителями следует считать также Хрущёва и Горбачёва. Наличие в коротком и субъективном списке двух последних фамилий якобы не должно повергать в шок, ведь на самых первых этапах властвования и тем, и другим владели идеальные порывы. И кое-какие планы у них имелись. И народу они желали исключительно блага, обосновывая свои действия желанием освобождения общества и всех его сил. Хрущёв освобождал от сталинизма, Горбачёв —

от партийно-государственной бюрократии, как они понимали и трактовали эти явления. Что же, они, каждый в свой срок потрудились усердно, да вот народ не оценил... По той причине, что Хрущёв разрушил веру в коммунизм, а Горбачёв разрушил социализм, партию и сдал страну коллективному Западу — на милость победителя.

Казалось бы, и правильно, раз коммунизм — утопия, а социализм выродился в застой и командно-административную систему, сковавшую силы государства. Так, да не так. Хрущёв в историческо-философском смысле никого, кроме себя, не представлял, весь его потенциал сосредоточился преимущественно в форме суетного реформаторства. Будь на его месте человек поумнее, повыше в интеллектуальном роде, человек менее, может быть, деформированный сталинским прессом, с неизжитой тягой к стратегическому уровню мысли, то, глядишь, и реформы дали бы прекрасные результаты, а не одну только кукурузу на магазинных полках да большой урожай анекдотов.

Что касается Горбачёва, то, разрушив всё, что можно, а можно, оказалось, разрушить партию, строй и государство, он в позитивном роде не создал ровным счётом ничего. Это не заслуга. Это преступление.

Жесткую оценку Горбачёву, сообщает Вячеслав Швед, дал Яков Кедми, бывший глава одной из самых секретных и эффективных спецслужб Израиля «Натив». В 1996 году он встретился с Михаилом Сергеевичем и в своей книге «Безнадежные войны» отметил: «Я не мог отделаться от мысли: до какой степени деградировала советская правящая элита, если такому человеку дали возможность управлять страной, управлять империей, ... а он совершил все мыслимые ошибки».

Но поистине безжалостную оценку бывшему Президенту СССР дал французский журналист Камиль Лоти Мальбранш в статье «Горбачёв — вышедший из анабиоза политический таракан Запада» (*Le Grand Soir*, 12.03.2009). Он назвал Горбачева «медийным фигляром, политиканствующей звездой, мещанином западной прессы и истинным агентом Запада».

Получается, что в ранг великих возвести, собственно говоря, некого, ибо судить властителя надо по критерию результатов его дел, а результаты эти нам слишком хорошо известны.

Так, дело Ленина с треском и полностью провалилось во всем мире, не говоря уж о России. Мир, конечно, стал после большевистской революции другим, но он и без революции развивался бы без остановки. И колониальная система, отжив своё, распалась бы. Результатом же революции, который наши реликтовые коммунисты до сих пор не осознали, является не прогнозируемый Лениным развал, а колоссальное укрепление мировой капиталистической системы. «Империализм как последняя стадия капитализма», по Ленину, так и не принял во внимание грозный диагноз кремлёвского мечтателя. Капитализм благополучно миновал ряд кризисов, включая Великую американскую депрессию, и по-прежнему впереди планеты всей если уж не в балете, согласно иронической нашей песне, то в экономике точно, включая её цифровую стадию.

Мы в начале прошлого века выходили из капитализма экономически сильными, а в конце века вернулись в него всесторонне слабыми. За ошибки наказывают. Мы забыли простую истину, что «Капитализм — это эксплуатация человека человеком, а социализм — наоборот». Оказалось, что дело не в коммунистической идеологии, за которую якобы нас невзлюбили (китайский социализм как идеология никого не волнует и не тревожит, а невероятному развитию китайской планово-рыночной экономики никак не помешал), а в избыточности национальных богатств, которые не одним нам нравятся. Они нравились, мы же не забыли, нашим европейским соседям целые века до этого. Те века, что вместили в себя и Наполеона, и Вильгельма, и Антанту, и Гитлера — и каждый раз это была, в их лице, самая настоящая объединённая Европа. Это ведь были военно-политические интеграторы цивилизованной Европы, не так ли, господа доморожденные либералы? Памятуя историю, это урок и вам, ленинцы, горбачёвцы, ельцинисты и нынешние упёртые либералы-идеалисты, всё ещё убеждённые, что Россия дикая страна и ей надо опять пойти на выучку у Запада!

Надо, согласимся. Только учиться надо экономической рациональности, политической трезвости, стратегической мудрости, тактической мобильности, а не приверженности общечеловеческим ценностям, от которых Россия отступала гораздо реже, чем её, в нынешних терминах, партнёры. И не верности разорительным идеалам, в которые на самом-то деле никого в мире особенно и не верил.

За сто лет качнуло Россию широко: от имперского величия до дорогостоящих мечтаний о мировой революции, от сталинского перенапряжения, без которого не было бы Великой Победы, до захватской идеи исторически моментального построения коммунизма, от брежневского, не избыточного, но вполне приличного материального уровня — до распада СССР и массовой нищеты в конце века.

Много чего было сделано; заплатил за всё народ. И за коллективизацию с индустриализацией, и за Парад Победы, и за гагаринский старт, и за предательство Горбачёва, и за развал Союза, и за грабительскую приватизацию, да, в конечном счёте, и за нынешнее глобальное давление на Россию. Мы, народ, череда поколений, вытащили тот ушедший в историю век на своих плечах. Критически и всё же объективно оценивая действия, замыслы и судьбы властителей, мы ясно понимаем, что в историческом плане народ оказался и мудрее, и сильнее, и мужественнее, и добрее своих вождей.

Это, конечно, не пафос. Просто народ честнее и памятьливее власти. А потому в адрес власти и необходимо предъявить следующий, наряду со многими иными, наш укор. Он имеет большее значение, чем может показаться на первый взгляд. Речь о столетнем юбилее революции. Революция породила Советский Союз — колоссальную цивилизацию; её столетие мы, по существу, отметили двумя телевизионными сериалами ниже среднего уровня. Этот факт следует считать национальным позором, тупиком политического сознания, крайней недалёковидностью власти, позволяющей себе так относиться к истории.

Нет ни одной власти ни в одном государстве, которая бы столь последовательно проводила в жизнь антипатриотический дискурс. Ленин, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачёв, Ельцин — для первого, второго и последнего из них врагом была историческая Россия, для «средних» не существовало, кажется, даже такого понятия, а Горбачев с Ельциным на пару растоптали и советский строй.

Мы удивляемся теперь, что народ помнит Сталина. Да он просто понимает и вспоминает его как деятельного патриота, вот и вся разгадка.

Плевать в прошлое — это преступление. Приучать к этому нацию — преступление в форме глупости и самоподрыва: как мы относимся к прошлому, так будущее отнесётся к нам.

Величие Советского Союза было достигнуто в жестокой борьбе, но оно было. И начало ему положила революция. Забудьте, господа идеологи России, дату вашего дня рождения, десятилетия активной жизни, все свои победы и успехи — они не имеют значения. Вы же полагаете, что не имеет значение ни революция, ни история СССР, ну так плюньте и на свою жизнь.

Не отношу себя к апологетам революционного насилия, но историческая память должна включать в себя и это испытание — революцию.

Это к вопросу о моральности власти, о цене и смысле этой моральности. И мы хотели бы здесь подчеркнуть, что моральность власти — это сумма моральностей властителя и его команды. И что бывает так, что властитель трудится на благо государства, а команда, в лице самого близкого окружения, смотрит совсем в другую сторону. Тому не счесть примеров в истории. Есть и совсем свежие...

Сталина шестьдесят с лишним лет виноватят те, кто до сих пор опирается на созданную им советскую индустрию. Начал это дело Хрущёв вместе с новой реинкарнацией «тонкошеих», но властолюбивых вождей, не менее вожака запачканных кровью, но не так много как надо бы сделавших для величия страны. Бездельниками они, разумеется, не были — такие при Сталине не то что не задерживались при власти, они в неё даже не попадали.

Сталина, официально считается, страна по большому счёту тоже отвергла. В том числе и по той причине, что, как оказалось, мобилизационная экономика держалась только на нём, развивалась под его жесточайшим контролем и, давая стране силу, не дала ей достаточного блага и дальней перспективы. Что ж, была и мобилизационная экономика, и даже в репрессивных формах, были и коллективизация, и 37-й год, и осуждение культа личности Сталина на XX съезде.

Не пора ли отпустить его в историю? Ведь ныне звучащие в народе упования на необходимость нового Сталина — это в большинстве вариаций и случаев форма критики нашей бюрократии — бестолковой в делах, безвольной в методах и, как становится очевидно, не сумевшей ни выстроить достойный страны исторический цивилизационный проект, ни даже почувствовать и обозначить национальную идею (смущает, кстати говоря, прямолинейный до наивности заказ власти на такую идею, обращённый к интеллигенции).

Осмеянные и отвергнутые советские пятилетние планы — недостижимый и непредставимый горизонт планирования для тех, кто вслед за Гайдаром по-

вторял с многозначительным видом мантру о невидимой руке рынка. Рынок — институт далеко не стихийный, а рука рынка — она вполне себе видимая, особенно когда сноровисто шарит в национальных углеводородных кладовых и финансово ёмких отраслях.

Властителя учит любой опыт, всё зависит от внутренней позиции обучающегося (а мы в настоящем контексте видим в этой роли правителей России), от его истинных целей, от реализуемых им смыслов своего правления. Эти смыслы, например, явственно видны в последовательной деятельности В.В. Путина, вернувшего России международные вес и влияние и в то же время твёрдо понимающего, что успехи на внешнем периметре могут обесцениться нерешённостью множества внутренних проблем и противоречий, чего допустить нельзя.

В несколько комическом варианте претендовал на величие Хрущёв, энергично принявший скороспелую, утопическую, но такую привлекательную и лестную для запрограммированного пропагандой сознания программу партии. По этой программе построение коммунистического строя должно быть в основном завершено к 1980 году. К тому же времени должен был наконец сформироваться и новый советский человек — человек будущего, как тогда писали, с невероятно высокой концентрацией всяческих добродетелей. Для него фасон и размер определялся Моральным кодексом строителей коммунизма, едва ли не текстуально совпадавшим с Десятью Заповедями.

Приведу фрагмент воспоминаний Фёдора Бурлацкого о том, как появился на свет Моральный кодекс. «Дело было в Подмосковье, на бывшей даче Горького. Шёл 1961 год. С группой консультантов ЦК КПСС я работал над программой партии — с начала и до конца. Нашей группой руководил секретарь ЦК Борис Николаевич Пономарёв, а непосредственную работу осуществлял его зам — Елизар Ильич Кусков, прекрасной души человек, остро пишущий и тонко чувствующий слово журналист.

Как-то утром, после крепкой вечерней пьянки, мы сидели в беседке и чаёвничали. Елизар мне и говорит:

— Знаешь, Фёдор, позвонил «наш» (так он звал Пономарёва) и говорит: «Никита Сергеевич Хрущёв просмотрел всё, что вы написали, и советует быстро придумать Моральный кодекс коммунистов. Желательно в течение трёх часов его переправить в Москву».

И мы стали фантазировать. Один говорит «мир», другой — «свобода», третий — «солидарность». Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов.

Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошёл на ура».

В 2016 году, как сообщал Интерфакс, В.В. Путин признался, что ему нравится Моральный кодекс, что, конечно, и неудивительно с учётом его принадлежности к православной вере. Не раз высоко оценивал этот документ и Г.А. Зюганов, отмечавший, правда, что «в Библии написано лучше».

Парадокс заключается в том, что если Сталин всё-таки понимал значение веры на основании базового своего образования и огромного политического опыта, то Хрущёв был отчаянным, ортодоксальным атеистом, волей которого церкви в стране разрушались еще и летом 1964 года, за считанные месяцы до отставки. Обещал народу показать по телевизору «последнего попа». При Хрущёве задавали Гагарину глупейшие вопросы, видел ли он Бога на небе, неистово радуясь при уклончивом ответе «нет».

Остается предположить, что либо Никита Сергеевич каким-то образом приобщился к святым заветам, почему и одобрил Моральный кодекс, либо, по принципиальному невежеству в этой сфере, не расслышал музыку Библии в музыке Кодекса.

Градус идейности у вождей никогда не зашкаливал, никогда не был особенно высок на вершинах власти. Утопичность коммунистической идеи и неэффективность партийно-бюрократического управления прекрасно осознавал, например, Сталин, десятилетиями обходившийся без съездов и конференций. И именно в эти десятилетия страна обретала экономическую мощь. Надо думать, не по случайному совпадению. Надо быть слишком уж тугоухим, чтобы не расслышать иронию в следующих словах: «Не потому я ставлю в конец своего отчёта партию, что она по своему удельному весу является последним в ряду всех факторов нашего развития. Нет, не потому. А потому, что партия венчает у нас всё дело». Сказано Сталиным в Политическом отчёте ЦК на XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 года. Захватить власть, да, нужна партия, руководить страной лучше получается не у ЦК, а у Совнаркома.

Был ли Ленин на практике идейным коммунистом и, следовательно, высоко ли ставил партию? В.И. Ленин, пишет С.С. Войтиков в своём капитальном исследовании «История противостояния: ЦК или Совнарком», предложил на XI съезде РКП (б) 1922 года ограничить власть Политбюро, заставив его сосредоточиться на вопросах партийного строительства. Усилить Оргбюро как главный орган по подбору и расстановке руководящих кадров, восстановить в качестве властных центров оба высших органа Советской власти — Совнарком (и СТО РСФСР как аппаратную надстройку над ним), который оставался центром власти до начала затяжной ленинской болезни, и ликвидированный по итогам разгрома группы демократического централизма в качестве властного центра Президиума ВЦИК. В условиях НЭПа возвращение реального центра власти в советское правительство было абсолютологично. Вождь продолжил укрепление правительства и попытался навсегда ослабить партийный аппарат, переведя все надёжные кадры на руководящую хозяйственную работу и опираясь для удержания власти в стране на армию, ослабленных в начале 1920 годов чекистов и старательно укрепляемую прокуратуру (с. 393).

Партия мешала и Горбачёву — не потому, правда, что она не поддерживала его реформы, ещё как поддерживала в начале, а потому, что становилась открытым врагом переосмысленных преступных замыслов генсека.

В 90-х, а точнее, с середины 80-х годов прошлого века, на роль умных и великих претендовали последовательно Горбачёв, поставивший после недолгих заигрываний с перестройкой задачу сокрушения социализма и сдачи СССР, и Ельцин, насадивший в им же ослабленной и его бесстыжими соратниками обокраденной России чудовищную бюрократию, жадность и вороватость которой исторически беспрецедентна.

За Горбачёвым общество поначалу двинулось с непоказным энтузиазмом, дав ему громадный кредит доверия. Он был политически и ментально комфортен и привлекателен после череды бездеятельных властных «старцев». Затеяв демонтаж партии (оказалось, что и всего строя, а вслед за тем, по исторической логике, и государства), он стал презируемым и ненавидимым в своих последовательных ипостасях Генерального секретаря ЦК КПСС, Президента СССР, а на текущем, с 1991 года и по сей день, этапе, и общественно активного пенсионера.

Назвать великим властителем Бориса Ельцина можно в том только случае, если сравнить площадь мавзолея у кремлевской стены и Ельцин-центра (звучит как название торгового комплекса) в Екатеринбурге. Площадь этого уральского архитектурно-биографического монстра — 22 500 кв. м. Бюджету он обошёлся в 7 млрд рублей. От «благодарной России», понятно. Дотошному читателю сообщим, для осознания масштабов, что площадь Манежа в Москве — 6500 кв. м.

Один из идейно отрешивших соратников Ельцина (Г.Х. Попов) не без оснований полагает, что Ельцин создал особый, невиданный ещё строй — бюрократический постиндустриализм. «Номенклатурный. Олигархический. Коррупционный. Криминальный». И что Ельцин полностью отвечает «за антирусский аспект распада СССР. За антинародный характер экономических реформ. За утвердившийся при нём шаг за шагом антидемократизм. (...) За враждебное малому предпринимательству, фермерству и среднему бизнесу — и в целом и на каждом шагу — ельцинское бюрократическое государство: от законодателей и судей до милиционеров и проверяющих санитарного или пожарного контроля. (...) На выходящую из социализма Россию Ельцин набросил несколько «петель».

«Петлю Гайдара» — когда свободный рынок, который в других странах поддерживает и развивает производство, в России стал только разрушителем военно-промышленного комплекса.

«Петлю Чубайса» — когда ваучеры стали для граждан ничего не стоящими бумажками, но зато позволили олигархам за бесценок создать огромные состо-

яния.

«Петлю Черномырдина» — когда вывоз природных богатств страны обогатил не страну, а номенклатуру и олигархов.

Самого же Ельцина, в личном плане, душила ещё одна петля — властолюбие вкупе с всё ломающей волей и решимостью. Нет никаких сомнений, что он видел себя вершителем мировых судеб, причём в позитивном смысле. Это его убеждение не имеет оснований.

Судите сами — по фрагменту документальной книги А. Островского «Глупость или измена. Расследование гибели СССР». «По свидетельству С. Шушкевича, он вместе с Б.Н. Ельциным и Л.М. Кравчуком обсуждал «концепцию» будущего соглашения между тремя республиками. К сожалению, Станислав Станиславович ничего не говорит о тех условиях, в которых происходило это обсуждение. Между тем уже упоминавшийся С. Мартысюк утверждает, что Борис Николаевич во время этого обсуждения «ещё добавил» и «часикам к одиннадцати» «пикировал под стол».

«После ужина, — вспоминает бывший министр иностранных дел Белоруссии П. Кравченко, — Ельцин поднимался на второй этаж, где располагались его апартаменты. И вдруг на середине лестницы споткнулся и стал падать спиной назад. С учётом его солидного телосложения такое падение могло закончиться трагично. Охрана замешкалась. Все оцепенели, но ситуацию спас Шушкевич, который поднимался вслед за Ельциным и ловко подхватил Бориса Николаевича. На следующий день, выйдя в завтрак, Ельцин по-царски достал из кармана часы и сказал: «Станислав Станиславович, это — за поддержку Президента России в трудную минуту».

Вспоминая тот вечер, С.С. Шушкевич отмечает: «Мы сформулировали концепцию, дальше всю ночь работали эксперты, а мы отправились спать. Как мне спалось? Меня вообще бессонница не мучает. Сейчас много слухов, будто мы там пили втёмную самогон. Ничего подобного, была «Беловежская». Это, конечно, смягчающее обстоятельство, «Беловежская» — благороднее, чем самогон.

А пока главы трёх государств, не мучаемые бессонницей, спокойно спали после обсуждения «концепции», а их охрана допивала то, что не успели вожди, эксперты трудились над тем документом, ради которого приехали. М.С. Горбачёв утверждает, что этот документ «был извлечён из кармана госсекретаря (Бурбулиса. — Ю.Л.) и, как свидетельствуют очевидцы, наспех завизирован».

Гайдар о тех же событиях сообщал другую версию, в частности, то, что украинская сторона в работе участия не принимала: «Украинцы подошли к двери, потоптались. Чего-то испугались и ушли...»

Далее, в результате манёвров и передвижений, исторический документ оказался под дверью апартаментов Ельцина, откуда охранники переместили его в урну для мусора, но в результате розысков он утром был обнаружен и извлечён из мусорного ведра для торжественного подписания.

Добавить к этому можно лишь одно: на нынешний день никто не знает, где находится оригинал Беловежского соглашения. В конце истории Советского Союза вместо скромной точки поставлена жирная клякса...

Великие замыслы посещают не всякую правящую голову. У кого-то из призванных на высшую должность не хватает знаний, квалификации, ума, мудрости, чувства истории. У кого-то слишком сильны враги, не заинтересованные в реализации в этой стране великих замыслов. Бывает и ещё одна причина: слабая команда. Это, пожалуй, вековое проклятие России.

У нас в XX веке в каждой высшей властной команде был предатель (предатели), противостоящие силы, оппоненты. Эти категории складывались в группы, структуры и круги. Николая II предали его генералы, его правительство, его Дума, его сановное окружение, его на редкость тупая бюрократия.

В «команде» императора было два выдающихся администратора и реформатора, это Витте и Столыпин. Сергей Юльевич Витте в труднейшую для государства пору ввел золотой рубль, обеспечив русской валюте свободную конвертируемость, но в качестве председателя Совета министров был, по своей несклонности к интригам, тружеником-одиночкой. Врагом его, по совершенно непонятным причинам, стала императрица Александра Фёдоровна, с ней заодно оказался министр внутренних дел Трепов. Попытки Витте собрать правительство общественного доверия пришлось на лихую, в политическом смысле, пору всеобщего противостояния другу другу. Ровно за три дня до открытия Первой Государственной думы в потрясенной первой русской революцией стране царь отправил Витте в отставку.

Ещё более горькой оказалась судьба Петра Аркадьевича Столыпина, застреленного в Киеве прямо на глазах царя. Только в этом веке появился в России памятник великому реформатору, поставленный, в укор, должно быть, нынешним министрам, здания Правительства России на Краснопресненской набережной.

Ленин в течение всей своей политической и властной жизни был буквально окружён врагами, что и справедливо, если ты приговариваешь целые классы и сословия и правишь диктаторскими методами.

Сталин, подавляя политических оппонентов, переводил их в разряд врагов народа, заговорщиков, шпионов, вредителей. Не пощадил он и крестьянство, ненависть к которому унаследовал частично от Ленина; она была нужна Сталину как вид энергии репрессивного давления на миллионы крестьян ради проведения коллективизации. Самого же Сталина ненавидели в послевоенный период выжатые, как лимон, соратники, но поделаться до поры ничего не могли, ибо боялись и Сталина, и друг друга. И то ли просто дали ему умереть на Ближней даче, то ли даже «помогли» переправиться в мир иной.

Хрущёва (как позднее Горбачева) предали ближние «бояре»; и того, и другого презирали и общество, и народ.

Особого вида предательство настигло блаженного, добродушного Брежнева: облепившее благодетеля окружение заставило его закончить свою жизнь фактически при исполнении тех обязанностей, которые он уже не осознавал ввиду многочисленных болезней.

Краткий период властвования двух следующих немощных властителей — Андропова и Черненко — был временем интриг высшего уровня: шла борьба за власть, а в этом деле предательство иногда имеет форму группового сговора в пользу одного из кандидатов против другого или других кандидатов. Горбачев, это известно, не был, очевидно, достойнейшим из них, но так сложился пасьянс интересов старческого ареопага.

Будучи избранным на пост Генерального секретаря, Горбачёв вывел из состава Политбюро недавнего своего конкурента Г.В. Романова, московского коренника В.В. Гришина, престарелого Н.А. Тихонова, а ввёл в него Е.К. Лигачева, Н.И. Рыжкова и в качестве кандидатов Б.Н. Ельцина, Н.В. Талызина, С.Л. Соколова. Тем самым, как он считал, укрепил Политбюро. На деле к тому времени вслух заговорили сначала о партийных привилегиях, а потом и об отмене статьи 6 Конституции.

Что это было? Естественное отмирание неэффективного, отставшего от века строя? Безумное предательское реформаторство? Но ведь и Китай реформировался, только он опирался не на idiotический решительный постулат «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...», а на гораздо более спокойное и деловитое: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

Конфуций, похоже, победил всех философов мира из числа тех, кто озаботился не только вечными идеалами, но и практическими нуждами. В результате и идеалы не высохли до состояния гербария.

И всё-таки либеральная мысль, стыдливо опускающая анализ непосредственных результатов правления Горбачёва, числит за ним в качестве исторического достижения избавление страны от государственно-бюрократического социализма. Хорошо, допустим. Но результат-то каков? Избавление страны от богатства, от философии и практики во многом социального государства (а не социальным государством Россия и быть-то не может по множеству известных причин), страшное разделение по материальному признаку, распад державы, обретение, в лице бывших республик, геополитических то ли конкурентов, то ли врагов, оставление в ставших чужими государствах двадцати пяти миллионов русских, множество горячих кровоточащих точек на территории бывшего СССР, утрата статуса сверхдержавы, и, наконец, возобновлённое противостояние с Западом, противостояние, по сравнению с которым холодная война может показаться эпохой нежной дружбы двух миров.

От врагов не был избавлен и Ельцин, но это и неудивительно, ибо комфортным психологическим состоянием для него была борьба, а не созидание. К тому же общими с Горбачёвым усилиями ему довелось высвободить не только позитивно-реформаторские, но и самые тёмные общественные энергии и пороки. Они были персонифицированы в целом ряде политических и общественных деятелей, в персонах крупного бизнеса, в ближайшем окружении, в целой когорте невероятно пронырливых дельцов и сладкоголосых подпевал. Беспрецедентна чехарда с премьер-министрами, устроенная Ельциным. Страну своему преемнику он передал обессиленной. А вместе со страной — и ответственность за неё.

Власть и Церковь

В начале второго тысячелетия со времени Крещения Руси в Москве был поставлен рядом с Кремлём памятник князю Владимиру Святославовичу. Многоконфессиональное государство, в котором существует самая большая в мире православная конфессия, отдало долг памяти и благодарности тому, кто освободил наших пращуров от тёмного архаичного язычества. В течение более чем десяти веков в нашем государстве в разных его формациях происходило и развивалось сложнейшее по содержанию и смыслу взаимодействие Церкви и государства, власти и религии. Эпоха сменялась следующей эпохой, и Церковь, и власть переживали различного уровня и качества кризисы и подъёмы.

Для раскрытия нашей темы вначале предлагаем читателю самый краткий обзор, касающийся взаимодействия Церкви и светской власти (светской, по исторической традиции, высшая государственная власть названа здесь для того, чтобы подчеркнуть её отличие от власти духовной, то есть религиозной). При Петре I, когда появилась военная потребность, церковные колокола были хладнокровно перелиты в пушки. При другом крутом реформаторе в первой четверти XX века, то есть при Ленине, Церковь стремительно отделили от государства. Была произведена не только небывало жестокая, грабительская конфискация накопленных за долгие века церковных ценностей, но и начались, а при Сталине продолжились гонения и уничтожение духовенства, разрушение тысяч и тысяч храмов, в ходе которого был взорван и храм Христа Спасителя в Москве.

Изжитое патриаршество было волей Сталина восстановлено 8 сентября 1943 года, когда девятнадцать иерархов, некоторые из которых были недавно освобождены из мест заключения, избрали нового патриарха. Им стал митрополит Сергей (Страгородский). Патриархии было выделено здание в Чистом переулке, до войны в нем располагался германский посол Шуленбург. В этом, думается нам, есть некий смысл: патриотическая энергия православия была в Москве символически противопоставлена фашизму...

Биографы патриарха Сергея трактовали события следующим образом: «Пусть Церковь была отделена от государства, но в этом отделении она обрела духовную свободу, не стесняемую никакой государственной опекой. Пусть государство считает религию частным делом, но для православных русских людей интересы веры неразрывно связаны с развитием, силой и славой Родины. Так наметились в сознании верующих основы взаимных отношений между Церковью и государством. Историческим выражением этого сознания и явился прием трех митрополитов главой Советского государства И.В. Сталиным 4 сентября 1943 года».

Советская бюрократия, не слишком тонко разбиравшаяся в проблемах взаимодействия Церкви и власти, сначала подумала, что придётся, как отцы и

деды, снова в церкви молиться, но позднее успокоилась: государство продолжало оставаться атеистическим по своей идеологии.

Тем более что пришедший на смену Маленкову Хрущёв громко заявил, что покажет по телевизору последнего попа. Не получилось, ибо после бесславной отставки в октябре 1964 года по телевизору не показывали самого Хрущёва. Что касается Маленкова, то он на старости лет стал прихожанином церкви в подмосковном селе.

Коренные изменения в положении и состоянии Церкви начались в связи с санкционированным тогда еще коммунистической властью празднованием в июне 1988 года тысячелетия Крещения Руси. Заметим справедливости ради, что решение о праздновании было принято в бытность Горбачёва Генеральным секретарём ЦК КПСС.

А 19 августа 2000 года, в праздник Преображения Господня, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II совершил чин великого освящения восстановленного храма Христа Спасителя и первую Божественную литургию в нем.

Все мы, прошедшие по ступеням многих десятилетий жизни, помним тот духовный подъём, который пережил не только православный мир, но и верующие всех традиционных конфессий. В нашу жизнь возвращалась вера, и никто уже, и ничто не «стояло над душой» у молящихся. В нашем Отечестве Божьим промыслом рухнули, мы надеемся, навсегда, гонения на Церковь.

Без ложной скромности скажу, в данном случае в первом лице, что мне довелось усердно и вдохновенно потрудиться, чтобы Москва вновь укрепилась и расцвела не только как столица государства, но и как первопрестольный центр мирового Православия. За границами нашего внимания в период работы в качестве мэра столицы не остались, разумеется, также и заботы, и потребности верующих всех укоренённых в России традиционных конфессий.

Восстановление храма Христа Спасителя было одним из главнейших символов расставания с атеистическим советским прошлым, с насаждаемым почти весь XX век безверием. При этом коммунисты не затруднились едва ли не буквально воспроизвести в Моральном кодексе строителя коммунизма десять заповедей.

В историческом библейском прошлом они были дарованы миру (всему обществу) на все времена.

Нигде и никогда в христианском мире эти заповеди не исполнялись совокупно и полностью; нигде и никогда в христианском мире не было полного отказа от этих заповедей; нигде и никогда в подлунном мире не было сказано о задачах и смысле человеческой жизни более лаконично и более исчерпывающе.

Религия, вера, Церковь прошли через века и сохранили себя.

Что происходит в новейшее время? Как ныне складываются отношения Церкви и власти?

Власть государства — это власть над страной. Это механизм и инструмент жизнедеятельности и развития государства во всех аспектах этого колоссального по объёму и сложности процесса.

Власть религии (веры) — это, в самом кратком определении, духовное владение над паствой.

Мы ясно осознаём предельную обобщённость и неполноту этих определений; у нас нет намерений и возможности дать детальный и исчерпывающий анализ сложнейшей проблемы взаимоотношений власти и веры. Мы лишь намечаем узловые точки.

История всякой власти во многом является историей реализаций противоречия между декларациями и практикой. Это более чем ясно в силу того, что такие противоречия повсеместны.

Когда они происходят в сфере государственной деятельности, в обществе возникает социальное напряжение. Оно тем сильнее, чем больше у власти разрыв между словом и делом.

Если конфликт декларируемых нравственных ценностей и текущей практики случается в религиозной жизни, то ослабевает не только авторитет Церкви, но, увы, колеблется и слабеет сама вера. Дело в том, что для многих и многих верующих понятия Бога, веры, Церкви и священничества являются некоей общей смысловой целостностью. Если какая-то часть священничества, в особенности высокопоставленная, отступает от моральных норм, то сознание верующего довольно часто распространяет огорчение, осуждение и скепсис не только на фигуры провинившихся священнослужителей, но и на всю Церковь по принципу «одним миром мазаны». Любопытно и показательно, что в старину говорили «одним миром мазаны», имея в виду творительный падеж от слова «миро». Так называется благовонное вещество, которое используется при церковных обрядах. Само же выражение означало: «мы одной веры». Сейчас оно прочитывается как «одного поля ягоды, равно подозрительные люди». Как всегда, русский язык проявил истинную сущность явлений.

Возможно, в распространении скепсиса проявляется некоторая социальная наивность, но нам представляется, что это форма взыскательной требовательности верующих к священнослужителям всех рангов. Что греха таить, немалое их число подвержено целенаправленному удовлетворению высоких личных материальных интересов вплоть до бытовой роскоши, денежного стяжательства, участия в сомнительном предпринимательстве. Чего стоят столь частые в 90-х годах пышные (и разумеется, солидно оплаченные) торжественные отпевания покойных криминальных «авторитетов», многие из которых были самыми настоящими злодеями и душегубами (и часто, по странной прихотливости русской души, щедрыми благотворителями в пользу Церкви). Эти помпезные процедуры вызывали искреннее осуждение прихожан.

Дело, возможно, в том, что в те же 90-е в священничество пришли на волне возрождения веры не только преданные её служители, но и откровенные, хотя и маскирующиеся, мздоимцы.

Констатируя всё это, мы тем не менее преисполнены глубочайшей убежденности во внутренней чистоте отечественного православия, в его стремлении изжить любые проявления корысти либо иных пороков как в своей среде, так и среди окормляемой паствы.

Мы помним и свято чтим духовный подвиг Русской православной церкви, свершённый в течение долгих советских десятилетий жесточайших гонений и преследований Церкви, избиений, мучительств и убийств священнослужителей в 20-х и 30-х годах, лютых хрущёвских нападков на Церковь в конце 50-х — начале 60-х.

Участвовала во всем этом не лучшая, очевидно, часть общества. Но православный народ не дрогнул, не смирился, не предал Церковь и веру.

На примере многих государств католической Европы мы видим, что авторитет веры и папского престола претерпевает деградацию по причине отступления священнослужителей, а вместе с ними и части общества, от норм традиционной морали, всё большего числа компромиссов между нравственными требованиями христовых заповедей и чрезмерной моральной либерализацией уклада жизни. И это происходит в самой многочисленной из христианских конфессий, во главе которой стоит Ватикан — государство-анклав, резиденция папы, располагающего колоссальным влиянием на мировое католичество.

Как в православии, так и в католицизме происходит сложная борьба добра и зла, нравственной традиции и безнравственных веяний. Мы убеждены, что эта битва навсегда, ибо, как и в природе, день здесь сменяется ночью, а извечное предназначение Церкви — хранить свет, укреплять душу, просвещать разум, сеять добро и дарить надежду — тоже навсегда.

Ислам в моральном смысле также неабсолютен в практических устремлениях части верующих и, соответственно, части священнослужителей. В наше тревожное, грозное время есть колоссальное давление на ислам с целью его политизации, использования фанатичных сторонников веры «втемную», вовлечения верующих, особенно молодежи и даже детей, в войны и конфликты, когда исламские рекруты терроризма бывают обмануты лже-проповедниками. В этом нет греха собственно ислама — этой великой, нравственной и человеколюбивой веры. Здесь тот случай, когда мы видим попытки прикрыть именем Аллаха преступления власти различных государств, а как частный случай — стремление лже-проповедников эксплуатировать приверженцев ислама в своих преступных и корыстных целях. Повторимся: в том нет вины ислама, нет вины пророка Мухаммеда, нет вины Аллаха.

Аскеза, строжайшая нравственность, самоотречение и даже мученичество во имя идеалов ислама — это для миллионов мусульман живая, осмысленная, сознательная и внушающая безусловное уважение практика. И, к огромному сожалению, к несчастью и горю обманутых, это те рычаги подавления морального фундамента личности верующего, которые в ходу у далеких от ислама деятелей.

Потому вспомним слова св. апостола Павла из библейского послания к га- латам: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6: 7). Понимать эти слова нужно в том смысле, что невозможно обмануть либо осмеять Бога, Его Церковь и Его служителей. Каждому в свое время Бог воздаст, по его словам, и делам.

Мысль эта, это утверждение приложимы ко всем мировым конфессиям, и допускаемые лжеслужителями исключения лишь подтверждают закономерность.

Это касается и православия, ввергнутого ныне в раскол временными союзниками в лице константинопольского патриархата, его украинских псевдоправославных поделщиков и верхушки государственной власти Украины. Хочется верить, что искусственно инспирированный внешними для православия силами раскол рано или поздно будет преодолен, а связанные с ним эксцессы получат не только нравственную и внутри церковную, но и юридическую оценку.

Общество, верующие люди, как и преобладающее большинство православных конфессий в Европе и по всему миру, недвусмысленно дали понять об осуждении ими инициаторов раскола и фактическом непризнании нынешней, «обновленческой», по сути, вновь созданной якобы Православной церкви на Украине.

Говоря обо всём этом, мы абсолютно далеки от стремления бросить тень на какую-либо любую конфессию. Наши констатации являются скорее попыткой трезвого анализа, но ни в коем случае не необоснованной и некомпетентной критики.

Политика же, в принципе, есть борьба, и в конечном счете это в чистом виде борьба за власть. Именно поэтому всякий политик буквально рвётся к рычагам власти.

На несколько ином уровне существует конкуренция, а зачастую и борьба разного рода властей между собой. Так, несколько формализуя суть, можно сказать, что события августа 1993 года в России были трагической кульминацией борьбы исполнительной и законодательной ветвей власти. А политическая деятельность была одним из инструментов этой борьбы.

Погружаясь в более глубокие слои российской и мировой истории, мы обнаруживаем печальную закономерность: искусства власти способны погубить созидательные устремления личности, облеченной властью. Практические проявления этой закономерности бессчётны и крайне красноречивы. Суть их при этом неизменна: власть даёт богатство и вседозволенность — богатство разрушает личность властителя, развращает его окружение, истощает финансы страны, исподволь готовит бунт, восстание или революцию народа.

В то же время любая власть, церковная или светская, если и может быть в иные времена вынужденно аскетичной, обязана думать об авторитете государства или веры и конфессии. Внешне этот авторитет выражается в том числе и материальными средствами. Пышность ритуалов, роскошь двора, богатство убранств зданий и помещений, красота одеяний, торжественность и величие многолюдных торжеств, церемоний и собраний — всё это большей частью не прихоть властителя или иерарха, а необходимая атрибутика власти. И эта атрибутика греет душу не только того, кто является главным человеком страны или Церкви, но и множества простых, небогатых людей, буквально миллионов граждан. Они становятся символически причастны к мощи государства либо к авторитету своей веры.

Любая власть в любой стране всегда сложно относилась и относится к религии и Церкви. Вспомним, что масштабное распространение христианства и ислама повысило практическую роль религии в управлении государствами. Монотеизм (учение о едином Боге) укоренило в иудаизме, христианстве и исламе представление о Боге как высшей и всемогущей универсальной субстанции, которой подвластны все сферы жизни, в том числе и сфера власти. Такая убежденность способствовала росту авторитета и влияния священнослужителей, в особенности высшего уровня. Так, римский папа имел право смешать европейских монархов. Так, задолго до этого времени египетские жрецы периодически возвышались над фараонами. Образно говоря, короли в церкви становились на колени, а иерархи Церкви в королевских дворцах ни при каких обстоятельствах этого не делали.

Позволим себе высказать предположение, что Церковь допустила принципиальную ошибку, когда полагала ересью науку, знание, естествоиспытательский интерес учёных. Эти явления и процессы Церковь в качестве одного из основных просветительских институтов могла бы возглавить с громадной пользой для себя и для укрепления веры. Проясним нашу мысль о Церкви как просветителе на примере России. У нас Церковь (и конкретная церковь в городе или селе) были местом обретения грамотности, знакомства с ораторским искусством (проповедь), с музыкальным искусством (церковное песнопение), с живописью (иконопись), с архитектурой (здание храма).

Если бы в Средневековье Церковь не преследовала учёных, а солидаризовалась бы с ними, то её авторитет был бы еще более высоким. (По отдаленной, но всё-таки имеющей место аналогии, советская власть крупно ошиблась, обрушившись на Церковь, на православие, ислам, иудаизм и другие веры и конфессии. Здесь пролегло коренное противоречие между нравственными устремлениями народа и жестокой социальной практикой государства.)

Вернёмся к более ранним временам. Реформация Лютера в период, когда общество обретало всё большие объёмы знаний, породила сомнение в существовании Бога. Атеизм обрёл размах и силу в период французской революции 1789 — 1794 годов, европейское образованное общество было покорено идеями и трудами Вольтера и Дидро.

Борьба с религией была в то время несколько, если уместно так сказать, наивной. По аналогии, она походила на нередко случавшиеся в 20 — 30-е годы эксцессы у нас в России, когда рьяные не по уму богоборцы орала в небо, обрушив на землю церковные колокола: «Где ты, Бог? Нет тебя!» — и при этом плевали в небо.

Прошли столетия после Реформации и почти век после погрома Церкви в нашем Отечестве. Современная наука, в том числе физика, приходят к выводу о неопровержимости существования Бога, обозначая этим словом непостижимую разумом высшую вселенскую и мировую сущность. (Будем считать это одним из самых лаконичных определений Бога.)

На свою долю власти над обществом претендует и трепетное искусство, образно отражающее и осмысливающее человеческое бытие. В государстве суше-

ствуется многообъектность власти, то есть разделенность власти как на «ветви», так и на отрасли.

Огромной властью обладает в современном мире бизнес, от которого в буквальном смысле зависит прогресс государства, развитие фундаментальной и прикладной науки, производства, технологий, а также и социальное, включая материальное, благополучие людей.

Без ложной скромности именуют себя «четвертой властью» средства массовой информации, которые между тем при всех декларациях о независимости являются всё же тотально зависимыми от власти государства и капитала.

Многочисленные разновидности власти сосуществуют, взаимодействуют, взаимопроникают — и все они в конечном счёте воздействуют на человека и общество.

Это в самой полной мере относится к двум глобальным явлениям, к двум, если угодно, властям — государства и Церкви. Их отношения насчитывают столько столетий, сколько существует обозримая человеческая цивилизация. Уже на её заре племенами правили, с одной стороны, физически самые сильные люди — вожаки племён, а с другой — служители самых первых, примитивных первичных языческих культов — предтечи современных религий.

Если предельно упростить суть сложного разделения церковной и светской власти, то можно сказать, что Церковь стремится верховенствовать в духовной сфере, а светская власть — в материальной, а по сути — во всех остальных сферах. К тому же государство огромным числом институтов стремится как-то регулировать и ту самую сокровенную, сакральную сферу духа и нравственности. Это делается, например, через либерализацию или, напротив, «подмораживание» отношений искусства и государства, государства и Церкви. Ведь что ни говори, а государство властно регулирует эти отношения, имея для этого эффективные инструменты, в том числе и финансовые.

В нашей истории власть в лице государства была и врагом Церкви, и её дружественным соратником. И, разумеется, никакие законы об отделении Церкви от государства не могут, да, вероятно, и не должны исполняться слишком уж буквально. Лучший, наиболее плодотворный путь — это социально позитивное сотрудничество власти и Церкви.

Тем не менее мы можем задать себе вопрос: а всё ли надлежащим образом устроено и налажено в России в отношениях Церкви и власти? К сожалению, невозможно ответить на такой вопрос однозначно утвердительно. И вот почему: с нашей (верующих) точки зрения, Церковь должна, обязана и имеет право возвысить свой голос, когда видит попираание законов и моральных, да и юридических норм. Социальная практика, скажем прямо, несправедлива, власть слишком часто грешит против интересов человека и общества, а Церковь при этом если не безмолвствует, то и не очень явственно говорит о пороках власти.

Речь не идёт о борьбе против государства. Речь о борьбе за лучшую, достойную, духовно насыщенную и социально благополучную жизнь миллионов людей.

Хотелось бы, в заключение этих кратких заметок, пожелать Церкви и её иерархам назревший диалог с властью — во имя Бога, людей и России.

Власть в зеркале мифа

Книга эта — о власти — пишется мною в России (хотя работа над ней, изучение и осмысление темы продолжаются и в поездках, и в перелётах в дальние края). Дома работается лучше, и это можно понять: Россия — моя Родина и судьба, Москва — моя любовь, мой труд и моё вдохновение. Весь мир, разный, огромный, непостижимый — это, философски говоря, часть жизни, так же как каждый из нас — частица мира.

Все мы стремимся так или иначе докопаться до истины, но не всегда получаем желаемый результат. Тому есть множество причин, и я захотел как следует рассмотреть одну из них — как миф о власти влияет на реальность, как отражает её, как воздействует на неё. Интересна и обратная сторона медали: как рождаются мифы, кому они нужны. Чему служат, какую работу делают. Миф, конечно, подразумевается в нескольких основных его ипостасях и значениях: исторический, народный, культурный, национальный, личный... Существует безбрежное книжное море «персональных» мифов, закреплённых в версиях биографий и описаниях деяний великих мира сего.

Миф закреплён в городской топонимике, краткое его содержание содержится, например, в именных названиях больших кораблей. Наглядно миф представлен в памятниках — и переживших, что для России редкость, целые столетия — и сноровисто сносимых, после того как «снесли» государственного деятеля, образ и облик которого воплощён в монументе. И в тех памятниках, которые возводятся в наши дни отнюдь не по той причине, что вот скульптор взял и создал выдающееся творение, и надо бы для этого творения подыскать подходящую площадь.

Памятники ставит государство, но принимает их, признаёт или не замечает — народ. С этим ничего не поделать ни пропаганде, ни агитации, ни прямым или косвенным запретам, ни широким поощрением определенного образа мыслей.

Недавно посетил я парк «Музеон» в Москве... этот короткий загляд в воплощённую скульптурную историю подвигнул меня к грустным размышлениям. Здесь под открытым небом собраны мраморные, гранитные, бронзовые, бетонные образы советской эпохи — Ленин, Сталин, Брежнев, Дзержинский. Свердлов, Калинин, деятели рангом поменьше, вплоть до неузнаваемости. В парковой атмосфере все они как бы одомашнились, сошли со своих пьедесталов. С ними можно было бы, образно выражаясь, поговорить за жизнь. Можно ли на самом деле?

Нет. Ибо вожди — мифы о вождях, что одно и то же — собраны не в парках, а в каждом из нас. Говорить надо с собой, с живыми людьми, с обществом. Надо искать консенсус, вырабатывать устойчивые, верные, навсегда, оценки. Это невероятно трудно. Потому-то и до сей поры не закончена, фактически на мировоззренческом уровне, Гражданская война. Потому снова вскипают

время от времени затихающие споры о том, хоронить ли прах Ленина либо сохранять его в Мавзолее. И даже не решено ещё согласным образом, был ли Сталин палачом народов или же ещё и крупнейшим создателем советской цивилизации. В мою бытность мэром Москвы федеральная власть настойчиво запрещала в очередную годовщину Победы разместить в местах сбора ветеранов Великой Отечественной войны портрет главнокомандующего времён их суровой военной молодости. Что я мог сказать ветеранам войны в ответ на их настоятельные массовые просьбы об этих нескольких портретах? Что Сталина не было во главе государства? Что они, ветераны, обороняли не Ленинград, а Санкт-Петербург и разгромили фашистов под Волгоградом, а не под Сталинградом?

Я не сталинист, не адвокат Сталина. Не сторонник его методов. Не апологет его личности. Но невозможно сказать, что его не было в истории. Даже у пирамид есть имена. Потому в этой книге, а особенно в данной главе, речь пойдёт и о Сталине, и о Ленине, и о других наших властителях советской эпохи.

Для реализации замысла в полном объёме нужны были бы годы и годы, необходима научная кропотливость, академическая сосредоточенность, колоссальные и при этом узкоспециальные знания. Есть, к счастью, и другой, более подходящий, путь: размышлять над тем, что мы знаем и узнаём, думать над страницами истории, спорить, имея в своём активе не самые затёртые, а иногда и единственные в своём роде аргументы, выстраданную точку зрения, сложившиеся убеждения человека, за плечами которого судьба, а не просто карьера. Хотелось бы заранее предупредить читателя, что мой стиль, к глубокому сожалению, всё же отличается от стиля «отца истории» Геродота, но я почитаю его, естественно, за высокий образец. О нём сказано следующее: «Этот стиль отличается тем, что автор стремится как можно точнее обрисовать случившееся и не пускается в рассуждения о том, какие последствия оно может иметь. Он объективен в описании событий и условий, причин и следствий. Соблюдение хронологии сочетается с эмоциональностью изложения и любознательностью. Такой стиль позволяет избежать искажений и преувеличений». Геродот, однако, историк, я же не посягаю на столь ответственное звание.

Россия переполнена мифами — по той причине, что редко какой стране выпала такая история, которую без мифа, пожалуй, и не понять. Великая и трагическая, созидательная и разрушительная, а временами, пусть простят мне историки столь ненаучное определение, трогательная, самоотверженная, беспримерная по гуманизму. В этих мифах сосредоточена целая вселенная исторического опыта народов, их душа, наши национальные взлёты и провалы, наши идеалы, горькая и светлая память о прошедших веках.

В огромной мере наши мифы — это мифы о власти. Их больше, чем стихов о любви, да к тому же власть (и история) тысячи раз становились предметом вдохновения для тех же стихотворцев. Дело, однако, не в количестве, а в составе мифов, в их направленности, в подтексте, где спрятана действительная точка зрения.

Из века в век власть ругают, воспевают, критикуют, обожествляют, свергают, ненавидят, уважают, терпят, превозносят, презирают, любят, уничтожают, создают. Её добиваются и теряют. Её передают по наследству. За неё борются разными — всеми — средствами и методами. За власть льют кровь. Её не без оснований полагают самым сильным социальным наркотиком. После потери власти у её носителя начинается ломка всего состава личности, иногда даже и деградация, вплоть до физической. Это, замечу, не универсальное правило. Есть и другие примеры, другие принципы и другая — созидательная — практика жизни. Назову хотя бы Евгения Максимовича Примакова, с которым мне довелось плотно поработать в политике. Храню о нём светлую благодарную память как о человеке большого ума, горячего сердца, настоящем государственнике, крупной и оригинальной личности.

Власть любит создавать мифы о себе. Не так давно она часто заказывала их мастерам искусств, щедро привечала так называемых певцов власти, начиная водить их пером, кистью, резцом, ревниво заглядывая в либретто опер, ставя вопросы на страницах пьес. Всякая могучая власть непременно оставляет заметный архитектурный след, формируя исторический образ городов.

Справедливости ради отметим, что и творцы редко когда чурались дружбы с властью. Это можно понять, тем более что дружба дружбе рознь; в лучших и плодотворных своих проявлениях она бывает диалогом личностей, бескорыстным союзом мысли и духа, сочетанием разных, но взаимообогащающих опытов.

Отношения власти и искусства, власти и культуры чрезвычайно сложны. Всякая эпоха накладывает на них свой рельефный отпечаток. В определённом аспекте, кстати, и искусство осознаёт себя как власть — власть особого рода, власть, распространяющуюся на сознание людей, их настроения, чувствования, оценки, мнения.

В этом смысле для раскрытия темы власти в зеркале мифа характерен пример Сергея Эйзенштейна, которого однажды спросили: «Вот ты снимаешь фильм про Александра Невского, материальных следов той эпохи почти нет, ведь это далёкий XIII век. Как ты покажешь зрителю, как там было на самом деле?»

Ответ Эйзенштейна гениален: «А вот как покажу, так и было».

В известной мере так и есть. И эпоха, и личность, и даже облик Александра Невского воспринимается огромным числом людей во всём мире именно через фильм. Уже более семи десятков лет он исследуется в странах с развитой кинематографией как шедевр исторического жанра мирового уровня.

Что же, великий мастер создал великую киноленту.

Стоп. На самом деле всё немного сложнее. Фильм этот был снят по прямому заказу Сталина. Можно сказать — по его указанию. Вдохновение явилось в свой срок — вслед за повелением. Ни в коем случае это не характеризует режиссёра в отрицательном плане. Мастер сосредоточился, искра вспыхнула... Снимали фильм в 1938 году, когда над Советским Союзом нависла угроза войны с Германией. Тевтонский орден на экране неизбежно ассоциировался в

реальности с агрессивным фашистским государством. Успех фильма, помимо его высочайших художественных достоинств, зиждился и на его открытой патриотичности, на пафосе борьбы за свою землю, за Родину.

Характерно, что дублировавший Невского в сцене боя князя с магистром Тевтонского ордена лейтенант Сурков стал впоследствии генералом танковых войск.

Одними из первых зрителей «Александра Невского» были в 1938 году пограничники заставы на озере Хасан, где только что им пришлось отразить нападение японцев — союзников Германии.

Ещё одна символическая деталь: контрнаступление советских войск под Москвой началось 6 декабря 1941 года, в День памяти Александра Невского. И в этот день Москва смотрела великую историческую драму.

Несомненно, Сталин понимал, что фильм (художественный миф, а не прямая реконструкция событий) подсвечивает и возвеличивает и его фигуру, и его политику. Это было ясно и широкому зрителю, прекрасно умеющему в таких случаях, а в сталинское время в особенности, «читать между строк».

К нашему времени, в XXI веке, какие-то ассоциации со Сталиным и его историческим периодом у молодого зрителя буквально растворились, рассеялись, размылись, исчезли. Эти ассоциации видят и о них знают только историки и любители истории, их чётко осознаёт самое старшее поколение.

Но фильм — живой, он смотрится, он утверждён, и это тот случай, когда миф служит людям и государству с равной силой.

Я не искусствовед, не киновед, потому позволил себе эти размышления как гражданин, как человек зрелого опыта. Впервые я увидел «Александра Невского» в детстве, запомнил и полюбил — на всю жизнь.

Создан великий миф. Но многие ли мои читатели знают, что Александр Невский был не только могучим воином, но и с самого детства, а точнее, с девяти лет, приобщался к власти. Отбывая в ратные походы, отец оставлял его править Новгородом. Решать споры, принимать решения, отвечать за свои действия, направлять людей. А это было, и это говорит многое о масштабе личности Александра.

В течение прошедших советских лет сколько мифов о власти (советской и досоветской) было создано, сколько было разрушено, сколько создаётся прямо на наших глазах. Сколько воссоздаётся, отражая в новой редакции по-новому осмысленный опыт недавнего относительно времени. Мы тотально переименовывали наши города и улицы, площади и проспекты, и, похоже, конца-края этому занятию не предвидится.

Великий наш историк В.О. Ключевский подметил, что в русском народе сочетаются уважение, вплоть до преклонения, к власти и крутая ненависть к ней же.

Кого ни возьми в советском периоде нашей истории — от Ленина до Горбачева и Ельцина — о каждом из вождей существуют разнонаправленные мифы.

Историография, представляется, стоит себе скромно в сторонке от этого бурливого обилия оценок, от страстного возвеличивания и от безудерж-

ного растаптывания былых кумиров. Главные мифы о власти творит народ, и творит по одному критерию: качество власти, её польза или вред, её мудрость или глупость, в интегральном остатке — что хорошего и что плохого дала эта власть народу.

Остальное — вариации, иллюстрации, научно или литературно оформленные мнения по тому же главному стержневому вопросу.

Чтобы вернее обосновать свою точку зрения, приглашаю вас, читатель, заглянуть в истоки буддизма. Согласно мифам в незапамятные времена в деревне под названием «Искривлённая доброта» жила женщина, которая, забеременев, носила ребенка 81 год. По рождении ему дали имя Старый Учитель, но называли его так же и Вечный Ребёнок. А иногда звали Старый Ребёнок или Вечный Учитель. Этот человек был тихим, скромным архивариусом, написавшим однажды мудрую книгу. По-настоящему, на родном языке, звали его Лао-цзы, но в истории он известен как Будда.

Буддизм — одна из мировых религий, несущая в себе уникальный этический комплекс бескорыстия, миролюбия, духовной гармонии, то есть всего того, чего так не хватает человечеству. И без чего оно, увы, стремится обойтись, жертвуя при этом и миром, и человеческими жизнями, и правдой, и собственным покоем, и достоинством.

Зачем, по какой потребности, в каких целях создавался и бережно передавался через века миф о Будде, пересказанные или, по другим источникам, написанные или надиктованные им самим постулаты?

Причина в том, что голодный думает о хлебе, умирающий от жажды мечтает о воде, тонущий хватается за соломинку. Мир, измученный эгоизмом, злом, безумием, властолюбием противопоставляет этим порокам светлое, возвышенное учение. Миф.

И, странное дело, великие властители сменяют друг друга, кладут в нескончаемых войнах новые тысячи своих и чужих воинов, что-то всё время завоёвывают, разрушают, сооружают монументы в свою честь, а потом эти монументы безжалостно ниспровергаются, а учение тем временем живёт своей жизнью, к нему приходят миллионы и миллионы.

Миф — концентрат духовной жажды человечества, миф — источник утоления этой жажды. Это относится ко всем мировым религиям, если иметь в виду их мифологическую составляющую. И именно по этой причине власть в разные эпохи стремилась к самообожествлению, видя в этом прежде всего нравственное самооправдание и некую неподсудность земным народам.

Парадокс в том, что и мифы о власти бывают проникнуты некоей надеждой на её высшую справедливость и просветленность. В лихие сталинские времена, в разные периоды правления «замечательного грузина», как назвал его однажды Ленин, в народе ходила легенда, что по ночам Ленин покидает мавзолей и ходит по городам и весям, и смотрит, что не так у людей, до чего довёл их Сталин. Смотрит и вот-вот решит ожить и явиться, и устроить в СССР настоящую справедливость. А Сталина, естественно, расстрелять. Иначе как? Иначе и не по-ленински получится.

Характерно, что при Хрущёве ходила легенда о том, что по ночам Сталин накидывает на плечи шинель и ходит, неузнанный, по стране, смотрит как сеют кукурузу на Севере и подумывает о том, что надо, наверное, ожить да и расстрелять Хрущёва.

Про Брежнева подобного мифа не создали. Потому, видно, что в расстрельном деле он замечен не был, а к народу относился довольно благожелательно и в целом тепло.

Причину возникновения слухов и легенд (мифов) следует искать в том неимоверном накате власти, сменяющей власть, на свою предшественницу, которым всякий почти раз отмечались у нас именные исторические периоды. Ленин с образцовой революционной лютостью сокрушал всё, что связано было с царизмом, широко захватывая в смертный невод целые классы. Сталин, не ополчаясь на ленинцев идеологически, карал и казнил старшее поколение большевиков, не считая голов. Хрущёв, в свою очередь, растоптал Сталина если не в пыль, то в мелкие камушки, но и сам был принципиально и по-ленински (!) оценен сотоварищами как отъявленный волонтерист и безыдейный грубиян.

Тихо-мирно покинул кремлёвские стены Брежнев, никем сразу после кончины не обруганный, но в вечности своего покоя удостоенный всё же звания застойного и едва ли ни бесполезно правившего лидера. Возрастные его чудачества и слабости заслонили столь многое, что не могла уже в самое новейшее время, в период и чуть позднее «лихих девяностых», не явиться ностальгия по доброму вождю, который сам жил и другим жить давал.

На резкие и не всегда справедливые движения власти народ отвечает созданием смягчающего мифа, амортизируя тем самым шокирующее воздействие резкого поворота генерального курса. Люди не слепые: они видят, как вчерашние соратники отставленного или просто ушедшего отдел вождя в одночасье становятся его принципиальными критиками, да при этом, для пушшего эффекта, его едва ли не случайно выжившими жертвами. Такое переобувание в воздухе людьми не прощается, память редко у кого бывает короткой.

Глупая мелочная мстительность поощряет пририсовывание детьми и юношеством усов и бород на портретах свергнутых вождей, выкалывание им глаз на картинках, вырезание идеологически ответственными мужами целых эпизодов из исторических фильмов. Горели, бывало, и книги в кострах. Известно, например, с какой ортодоксальной упёртостью супруга тов. Ленина, Надежда Константиновна Крупская, составляла обширные списки подлежащих изъятию и уничтожению книг русских и зарубежных писателей.

Новое время сводит с прошлым безжалостные счёты: апологеты и творцы нового времени чаще всего не подозревают о практической неотвратимости правила «революция пожирает своих детей». Я бы уточнил для ясности: своих творцов. И это не миф.

Новое расчищает для себя пространство, не считаясь со старым, не понимая, что рано или поздно хотя бы часть старых фундаментов пригодится и для новейшего строительства. Так было в СССР, нечто в этом роде так или иначе

происходит и в современной России, где тотальное и ни разу не демократическое, ни в чём не либеральное оплёвывание всего советского периода нашей истории начинает сменяться гораздо более объективными его оценками.

Прошлое, пишет современный исследователь О.Б. Леонтьева¹ может выступать в общественном сознании как «прекрасное прошлое», как некий «потерянный рай»; в таком случае «придумывание памяти» может стать раз-эскапизма, способом уйти от переживаний сегодняшнего дня. Прошлое может восприниматься и как «проклятое прошлое», как трагический опыт; вопрос «как такое стало возможным?» может оказаться трудным для общественного сознания, и в таком случае для культуры жизненно важно выработать тот или иной компенсаторный механизм, позволяющий преодолеть травмирующий опыт, не отворачиваясь от мучительных воспоминаний.

Таким компенсаторным механизмом, повторю свою мысль, и является мифотворчество о власти.

¹ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX - начала XX в. Самара, 2011.

Власть и природа

Тема этой главы моей книги огромна, ибо во все эпохи и времена любовь власти к власти над природой преображала этот мир либо его часть. Иногда искажала и уродовала своими вмешательствами его природные черты, иногда более-менее корректно подправляла местное природное устройство в свою пользу — в пользу государства, режима. Всякий раз, естественно, объявляя это заботой о народном благе. Пирамиды ли воздвигались на зыбучих песках, воздвигалась ли колоссальная дамба, строилась ли в течение веков невероятной длины стена, вытеснялись ли (из жизненной среды и из истории) кочевые народы, поднималась ли целина — всему этому были экономические, политические, военные и целый ряд других оправданий и обоснований.

Борьба за пользование природными ресурсами, включая землю и воду, — вот материковая содержательная платформа, которая объясняет столь многое в человеческой истории, открывает такие механизмы и пружины, что становятся ясны причины революций, войн, мятежей, переворотов, реформ и иных глобальных исторических сдвигов. Достаточно вспомнить былые и перманентно текущие «нефтяные войны».

Не истощим ли планету, не убьём ли её?

Вопрос звучит так, будто он задан экологом, хотя настоящая глава — не об экологии. Я размышляю о том, что и в каких объёмах способна грубо «натворить» власть по отношению к природе. Это грубо, но зато по существу. Ибо как природа может нас убить, так и мы можем её уничтожить. На ядерную войну не отводится слишком уж много времени. Зато её последствия, уже без нашего участия, продлятся тысячелетия, но господствовать на Земле будут тогда лишь тараканы. Потому что радиация на них никак не действует.

Сценарий гипотетический, но, увы, возможный. Сейчас, однако, речь у нас идёт о том, как человечество наличными технологиями, но прежде всего волей власти обращается с природными ресурсами. Когда-то это называлось «покорить дикую природу». Определение «дикая» помогало, наверное, навалиться на эту самую природу с чувством оправданной справедливости. Навалились так, что начиная с конца XIX века она, бедная, не знает, куда от нас деваться. В XX стали лысеть, освобождаясь от лесов, целые континенты. А в начале XXI мы, человечество, не понарошку ломаем голову, раздумывая, что же с нами-то будет, если мы не научимся дружить с головой, эксплуатируя земной шар, как медведь игрушку.

Оставим пока в стороне Resiliense (пластичность), то есть способность природы приспосабливаться к изменениям климата. Климат — дело долгое, его крупнейшие временные циклы охватывают весь период существования цивилизации, а вот цивилизация действительно способна быстро загубить климат (да и в целом среду обитания).

Запасы прочности природной среды, будучи подвергнуты испытаниям со стороны цивилизации, оказались не только безграничными, но чрезвычайно хрупкими, в том числе и структурно. Почему, например, деградирует Арал, а Северный Ледовитый океан опресняется? Почему начинает притормаживать Гольфстрим (это грозит нашей цивилизации невероятными драмами)? Что бывает с природой, когда во власти процветает невежество, волюнтаризм либо правит бал культ личности?

История власти теснейшим образом связана с экологической историей человечества, с историей природопользования. Даже полюса Земли штурмовались энтузиастами-мореплавателями не из любви к экстремальным видам путешествий, не из исследовательского азарта географических открытий, но в решающей мере — из соображений геополитических или ресурсных, даже тогда, когда этот термин ещё не родился. А геополитические соображения, равно как и любые значимые действия в данной сфере, есть прерогатива исключительно власти. Колонизация Африки, открытие и заселение Америки, выход России на Тихий океан — всё это тоже было воплощением в жизнь воли власти применительно к природным ресурсам и земным пространствам.

И невидимая миру работа научных лабораторий, в которых идут исследования в нуждах тотальной геномодификации, это тоже — воля власти (существует утверждение, что вред геномодифицированных продуктов — это миф. Имеет место и абсолютно обратная точка зрения, у которой есть веские обоснования).

Есть и ещё один аспект темы «власть и природа». Он касается редкого варианта, когда власть упускает возможность и время помочь природе, а стало быть, и человеку, народу и государству, даже целой группе государств. Это случилось не так давно с нами, жившими семьёй республик в Советском Союзе. Я подробнее расскажу обо всём этом ниже.

Разговор нам предстоит серьёзный, и начать его я хочу с древнего и излюбленного мужского занятия — с охоты. Мы с вами, хотя бы отчасти, постараемся понять в том числе и то, как человек охотится на самую желанную добычу — власть. (Это тема отдельной соответствующей главы, но фрагментарно она так или иначе присутствует в большинстве разделов книги.)

Припоминается документальный фильм советской поры¹, густо насыщенный настроениями любви к подмосковной природе, атмосферой охотничьего братства и при том ещё и темпераментом «нашего Никиты Сергеевича» (Хрущёва), и некоторым понятным смущением молодого тогда Фиделя Кастро. Зима, дорогого кубинского гостя привезли в Завидово, соответственным образом одели, поставили на гарантированно удачный номер (других там и не было). В свой срок и в нужный, единственный, удачливый момент прогремели выстрелы. Потом, у костра за столом, охотники как следует выпили-закусили и относительно дружно спели «Подмосковные вечера». Где-то неподалёку в это время специально обученные люди разделявали

¹ «На охоте в Подмосковье», 1963 г.

туши оленей и кабанов, добытых членами Политбюро ЦК КПСС в изрядном и превышающем потребности количестве. Охота получилась по виду душевная, а по сути державная.

Фильм-то был пропагандистский. Весь мир увидел (а кому надо — внимательно посмотрели и поняли чёткий сигнал), что политически темпераментный и скорый на крутые решения советский лидер просто души не чает в молодом кубинском революционере. Взял с собой на охоту, а это знак высочайшего доверия, в том числе и по сакральному, не всегда даже осознаваемому принципу: я даю тебе оружие — я тебе верю (ради исторической достоверности уточню, что Фидель Кастро стрелял из американской винтовки М 14). Одарил Никита Сергеевич гостя белоснежной туркменской бараньей шапкой, такой же, какую и сам на себя надел. Видит в Фиделе и друга, и идейного последователя, и дисциплинированного ведомого.

Ещё одним иностранным лидером, запечатлённым в фильме, был Президент Финляндии Урхо Кекконен, у которого в зимнем подмосковном лесу, где явственно пахло порохом, не могли не появиться определённые ассоциации из недавних страниц советско-финских отношений. Но, предположим не без оснований, они и были вызваны хитрым Никитой Сергеевичем не без расчёта и для того лишь, чтобы их, что называется, политически развеять. Было и прошло, и быльём поросло. Наша цель — мир во всём мире.

В Завидово Хрущёв возил всех без исключения высоких иностранных гостей. Это, конечно, почти всякий раз был «выстрел в десятку», поскольку охота, застолье и живая природа мало в каком сердце не найдут тёплого отклика. Даже если это сердце классового врага.

Несмотря на большую занятость, в Завидово, вооружившись ружьишком, наезжал в своё время и товарищ Ленин. Основной его добычей, судя по отрывочным сведениям, были зайцы. Но, бывало, попадались на охотничьей тропе и лисы.

Не могу отказать моему читателю в удовольствии (и для более близкого знакомства с нашей темой) прочитать фрагмент небольшого и малоизвестного (да еще и в неиспорченном цензурой виде), рассказа Михаила Зощенко, который так и называется — «Ленин на охоте».

«...Так вот, однажды кремлёвские охотники устроили охоту на лисиц. И устроили очень организованно. Даже на опушке леса развесили флажки. И зверь, увидев такие флажки, обыкновенно останавливался и от страха не бежал дальше. Вот расставили охотников. И Владимиру Ильичу тоже показали место, где ему стоять. И Ленин стоит с ружьём и ожидает. Вдруг в лесу отчаянно залаяли собаки. Охотники насторожились. И тут откуда ни возьмись аккурат прямо на Ленина из леса выбежала лисица. Это была красивая рыжая лисица с огромным пушистым хвостом. На несколько секунд лисица замерла в неподвижной позе. Лисица не могла сообразить, что ей делать и куда бежать. Сзади собаки, впереди человек с ружьём. Ленин вскинул приклад и ударил лисицу в зубы. Лисица бросилась в сторону и из её круглых глазёнок покатились слёзы. Вильнув пушистым хвостом, лисица исчезла за деревьями.

— Почему же ты не выстрелил? — с удивлением спросила Надежда Константиновна.

Ленин, улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, не мог выстрелить. Очень уж красивая была лиса.

Тут подошли другие охотники и тоже стали удивляться, почему Ленин не выстрелил. А один охотник сказал: — Чем меньше дыр, тем ценнее шкурка. Я бы тоже стукнул её по голове.

Но Ленин на это ничего не ответил».

Зоценко есть Зоценко, и за этой издевательской пасторалью стоит, конечно, грандиозная и злая сатира на тему «ленинской доброты», что тоже характерным образом отразило глубинную мотивацию исторических деяний Ильича. Не осознавая того, эту мысль подтвердила и Надежда Константиновна Крупская.

Возвращаясь к Завидово, надо сказать, что «царская охота» — это древний и, конечно, не только российский ритуал. Рыцарские охоты на оленей известны не только историкам, они запечатлены на многочисленных живописных полотнах и в документальной и художественной литературе как часть того, что было образом жизни знатных людей. Что касается Завидово, то его прослеживаемая история начинается в эпоху правления Ивана Грозного. Тогда поохотиться вместе с царём было, как и в Европе, высокой привилегией знатных людей (для многих из которых у царя была приготовлена совсем иная, опричная «охота», но это несколько другая тема). Официальный статус заповедник получил спустя столетия — в 1931 году, а через двадцать лет Сталин распорядился расформировать заповедник и передать угоды в собственность Козловской суконной фабрики. Причина — чрезмерная любовь к охоте в кругу друзей и увлечение разнообразными способами отдыха на природе и с дамами, свойственные Василию Сталину в масштабе, наносящем заметный ущерб государственному бюджету.

Новая жизнь Завидово началась при Хрущёве в начале 1960-х, была успешно продолжена при Брежневе, а 18 августа (август — роковой месяц российской истории) 1996 года указом Президента РФ за государственным комплексом «Завидово» был утвержден статус резиденции Президента РФ.

Характерно, что из всей плеяды российских и советских властителей Сталин выделялся ещё и тем, что был равнодушен к охоте. Но подлинно беспрецедентный и действительно красивый вариант отношений с живой природой избран Президентом России В.В. Путиным, связавшим своё имя с «полётом надежды» со стерхами, выращенными в неволе, и со спасением амурского тигра, который был на грани исчезновения.

Власть всегда любила охоту. Иногда это называлось «любить природу». Иногда это происходило в несколько извращённой форме, о чём, применительно к браконьеру Ульянову, отбывающему ссылку в Шушенском (тогда он ещё не был Лениным), свидетельствовала Надежда Крупская. *«Его жена в своих воспоминаниях о нем рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга — ле-*

дяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна рассказывает об охотничьем подвиге антипода некрасовского деда Мазая с завидным благодушием. Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков для Ленина характерный штришок»¹.

До чего насыщены бывают грозными смыслами отдельные события, собранные в логическую цепь! Много позднее, а точнее, в 1963 году, на Енисее было начато строительство Саяно-Шушенской ГЭС, крупнейшей по мощности в России и девятой среди действующих в мире. Официально строительство закончилось только в 2000 году. При советской власти колоссальное сооружение украшал огромный портрет Ленина. 17 августа 2009 года на станции произошла авария, превосходившая своими масштабами и количеством человеческих жертв всё, что случалось в таком роде в отечественной гидроэнергетике за всё время её существования. Станцию восстанавливали более пяти лет (работы завершились 12 ноября 2014 года). Портрет Ленина на колоссальной арочно-гравитационной плотине исчез.

Будет справедливым сказать, что прямого масштабного воздействия на природу В.И. Ленин в бытность свою вождём мирового пролетариата не оказал. К тому не было ни ресурсов, ни технологий, ни даже, как представляется применительно к историческому моменту, необходимости. Ленин был гениальным охотником за властью, он её завоевал, захватил (а не поднял с земли, как якобы никому не нужную, по утверждению коммунистических историков), но как следует распорядиться ею уже не успел. Да простится мне это предположение, но кажется, что скорой смертью природа наказала его за беспримерное насилие над людьми, им порождённое из неких благих (!) порывов и мечтаний.

Перечислим «декреты о природе», подписанные Лениным. В мае 1918 года В.И. Ленин подписал декрет «О лесах». Суть его следующая: надо возобновлять и увеличивать площадь лесов, контролировать лесоустройство, покончить с бесхозяйственностью и неразберихой в лесопользовании. На практике, объявив общенародную собственность на природные богатства, власть жесточайшим образом прижала прежде всего крестьянство, дабы не стучали топоры по лесным угодьям. Крестьяне, однако, не вели масштабных губительных лесозаготовок. Лес рубили на постройки (много ли тогда строили?) да сушняк на дрова. Власть тем не менее провела красную черту: не сметь!

Декрет, которым категорически запрещалась охота на лесное зверье и даже сбор птичьих яиц, Ленин подписал 27 мая 1919 года. Надо ли говорить, что охотник той бурной эпохи шёл в лес не за удалой утехой, а чтобы с голоду не помереть. Идеологически всё это позднее трактовалось как спасение природы, как деяние, «устремлённое в будущее».

¹ Штурман Дора. В.И. Ленин. Париж: ИМКАпресс, 1989.

Были ещё декреты о рыбных промыслах, о национализации (!) Ильменских гор (которые, понятное дело, 25 сентября 1919 года в частном владении быть не могли), о Байкальских государственных заповедниках (13 января 1921 года), об охране крымских лесов, что послужило впоследствии делу учреждения Крымского заповедника.

Несомненно, что суть и пафос упомянутых декретов — дело рук аппарата власти, потому что вряд ли мысли и заботы Ленина в критически острое время простирались до птичьих яиц; трудно не заметить и запретительно-ограничительный контекст этих государственных актов. Власть есть власть: когда она утверждается через революционное насилие, она стремится к тотальному ограничению всего и вся. Когда она окончательно входит в фазу спокойного царствования — она начинает отпускать вожжи. Натянуть их по-новой — дело почти безнадежное. Брежнев этого не сделал, да и воли к этому никогда не имел. Новочеркасская трагедия (кровавое подавление протестного выступления новочеркасских рабочих в 1962 году) при Брежневе была невозможна.

В упомянутом выше фильме Леонид Ильич — персонаж второго плана, ни разу не названный по имени. Хрущёв залиvisto смеётся, Брежнев по-доброму улыбается. Микоян хитро шуруется (лукавый и опытный был политик: на охоте он, памятуя своё место в иерархии, добыл всего лишь зайчишку. Выйди на него матёрый кабан, Микоян, несомненно, отпугнул бы его выстрелом в воздух либо нарочно бы промахнулся, лишь бы не сравняться по качеству трофея с Никитой). Такая вот скромность внутренне родственна нарочито залихватским пляскам «простака» Хрущёва на ночных сталинских обедах на ближней даче.

Мог ли Сталин хотя бы в кошмарном сне (лучше не знать, каковы они — кошмары тиранов) вообразить, что именно Никита Хрущёв станет его политическим судьёй и трагикомически повторит реинкарнацию культа личности...

Сталин был крутым и по-своему эффективным преобразователем природы. На обложке моей книги «Вода и мир»¹ воспроизведён плакат, на котором Сталин склонился над картой, исчерченной линиями лесополос. Плакат этот в оригинале иллюстрировал в своё время так называемый «Сталинский план преобразования природы». Приведу далее содержательную цитату из статьи В. Семёнова².

«До середины прошлого века приазовские степи представляли собой выжженную солнцем равнину. Подобные территории простирались далеко на восток — за Дон, за Волгу, в уральские и казахстанские степи. Юг Украины периодически накрывали так называемые «чёрные» бури. Они возникают обычно ранней весной при сухой погоде на землях, лишенных растительности. Мощные ветры вздымают к небу миллионы тонн почвы — точнее, ее мельчайших, дисперсных частиц — и переносят её на огромные расстояния.

¹ Лужков Ю. Вода и мир. М.: Московские учебники, 2008.

² Семёнов В. Система государственных лесозащитных полос // Донецкий коммуникационный портал.

Только за последние полвека подобные бури бушевали в наших краях не менее шестнадцати раз. А в начале XX века и ранее это происходило еще чаще.

Единственное спасение от пыльных бурь и суховеев — посадка лесозащитных полос, которые не только могут защитить поля от ветровой эрозии, но и способны улучшить климат, повысить урожайность. Об этом говорили и писали в своих трудах виднейшие русские агрономы В. Докучаев, П. Костычев, В. Вильямс. Они разработали так называемую травопольную систему земледелия. В неё входили в качестве составных частей посадка защитных лесных полос на водоразделах, по границам полей севооборотов, по склонам балок и оврагов, по берегам водоёмов, а также облесение и закрепление песков. Ну, и, конечно же, развитие орошения на базе использования вод местного стока путем строительства прудов и водоёмов.

Десятилетиями эта замечательная система не находила себе широкого применения, и люди продолжали страдать от засух и их последствий. Последней каплей, переполнившей терпение правительства Советского Союза, стала засуха 1946 года, от которой пострадали Украина, Северный Кавказ, российское Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь и Казахстан. Последствием этой засухи стал голод 1947 года, от которого, по разным оценкам, тогда погибли от полумиллиона до миллиона людей, переживших недавно самую грандиозную в истории человечества войну.

Тогда ученики и последователи Докучаева, Костычева, Вильямса обратились в правительство и лично к И.В. Сталину с предложением начать широко-масштабную борьбу за улучшение климатических условий засушливой степной зоны. Разработанный учеными по инициативе Сталина план преобразования природы был одобрен в октябре 1948 года Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР. Его полное название звучит так: «О плане полезащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». В этом документе намечался широкий круг мер, направленных на преодоление эрозии, выдувания почв, развеивания песков и т. д. То есть на восстановление и охрану степной природы. По этому плану намечалось в течение 15 лет, то есть к началу 1960-х годов, заложить леса на площади свыше 4 млн гектаров.

Впервые в истории создавались полезащитные полосы, общая протяженность которых превышала 5300 километров. Лесные полосы проходили по обоим берегам Волги, по водоразделам рек Хопёр и Медведица, Калитва и Березовая и так далее. Ширина лесополос в среднем составляла 300 метров, а длина от 200 до 1000 километров.

План преобразования природы предусматривал не только абсолютное продовольственное самообеспечение Советского Союза, но и наращивание со второй половины 1960-х годов экспорта отечественных зерновых и мясных продуктов.

Таким образом, концепция плана совмещала в себе задачи охраны окружающей среды и получения высоких урожаев. Для этого вовсе не требова-

дась массовая распашка целинных и залежных земель, которая с большим шумом была начата при Хрущеве, ниспровергавшем всё сталинское наследие. Именно ему мы обязаны тем, что крупнейшая в мире экологическая программа не была завершена.

Расчитанный до 1965 года план преобразования природы был фактически свёрнут уже в 1956 — 1959 годах. Многие лесополосы были вырублены. Новейшая история нашей страны переполнена упоминаниями о десятках гектаров уничтоженных виноградников при Горбачеве в последние годы существования СССР. А вот про сотни тысяч гектаров леса, погубленных в 1960-е годы, почему-то никто не вспоминает. Между тем 570 лесозащитных станций, созданных в 1949 — 1955 годах, были по указанию Хрущева ликвидированы.

Сейчас даже трудно себе представить, как бы выглядела наша страна в случае успешного завершения сталинского плана преобразования природы.

Преданный забвению с наступлением так называемой «хрущевской оттепели» план преобразования природы в СССР сейчас активно реализуется в Соединенных Штатах, Китае, в Западной Европе и даже в странах Африки.

Только называют это теперь созданием «зеленых экологических каркасов».

Освоение целинных и залежных земель, связанное с именем Хрущёва, оценивается по-разному. Представляется, что в определённом смысле эта инициатива была своеобразной попыткой Хрущева стать вровень со Сталиным по некоей мощи и масштабу правления страной. То есть репликой в историческом споре вождей, по-своему неизбежном для каждого, кто руководит государством. Очевидно было тогда, очевидно и сейчас, что на самом деле средства стоило бы вложить в развитие Центральной России, но был избран целинный вариант. Нечернозёмная программа была связана уже с именем Брежнева, но итоги её оказались никчемными, и, надо сказать, вряд ли могли быть другими.

В научно-информационном обороте представлено огромное количество материалов по целинной эпопее. Приведу в сокращении один из них¹. «На рубеже 40 — 50-х гг. страна собирала урожай лишь немного выше дореволюционного, притом, что население выросло на 25 %. За период с 1948 по 1953 гг. валовые сборы и заготовки зерна, по существу, не увеличились. В 1953 г. было заготовлено 31 млн тонн зерна, потреблено 32, то есть затронуты были государственные резервы. поголовье в это время скота было ниже, чем в 1913 или 1928 гг.».

Хрущев хотел достичь быстрого повышения жизненного уровня. И поэтому в 1954 году он начал «наступление» в духе традиционного большевизма с целью освоить под производство зерна где-то 35 млн га целинных земель в северном Казахстане и на юге Сибири. Возглавил компанию Брежнев — давний хрущевский протезе.

¹ Copyright © BioFile 2007-2016.

Хрущев, ставший в сентябре 1953 года первым секретарем ЦК КПСС, хотел немедленных успехов. В январе 1954 года он направил в Президиум ЦК КПСС записку «Пути решения зерновой проблемы», в которой говорилось о критическом несоответствии между производством зерна и ростом потребностей в нем. Основным положением записки были включены в постановление февральско-мартовского (1954 год) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Предложенная «сверхпрограмма» расходилась с утвержденным сентябрьским пленумом новым курсом аграрной политики, в которой речь вообще не шла о расширении посевных площадей, а ставилась задача всемирного развития зернового хозяйства за счет повышения урожайности.

Серьезными оппонентами «сверхпрограммы» оказались по разным причинам член Президиума ЦК КПСС, министр иностранных дел В.М. Молотов и руководство компартии Казахстана во главе с Ж. Шаяхметовым. Первый секретарь ЦК компартии Казахстана, члены бюро ссылались на нехватку специалистов, отсутствие транспортных путей для вывоза хлеба и складских помещений для зерна. Они считали, что распашка степей лишит выпасов скота.

Хрущев высмеивал критику его предложения и в своих мемуарах утверждал: «В Президиуме ЦК партии разгорелись споры, появились сомнения, особенно у таких консервативных людей, как Молотов... Он совершенно не понимал сельскохозяйственного производства. На первых порах он не возражал против освоения целины, но уже пускал «пузыри»: без конца выдвигал те или другие вопросы, которые ему казались неприятными и требовали разъяснений. И все они сводились к одному: берется слишком большой размах, дело еще не созрело, а может быть, и вообще ошибочно, затраты себя не оправдывают».

О глубоких разногласиях между Хрущевым и Молотовым по вопросу освоения целины (а фактически серьезной корректировки аграрной политики Советского государства) дает представление стенограмма июньского (1957 года) пленума ЦК КПСС. В «антицелинных» настроениях Молотова обвиняли министр сельского хозяйства СССР В.Б. Мацкевич, министр заготовок СССР Л.Р. Корниец, министр совхозов СССР И.А. Бенедиктов, министр совхозов РСФСР Т.А. Юркин, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по РСФСР В.П. Маларшиков. «Вы забыли, товарищ Молотов, то заседание Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждали вопрос о цели- не, — говорил Бенедиктов. — Вы выступали и говорили, что это мероприятие очень дорого, денег не хватит, вкладывать средства в это дело неразумно, нецелесообразно и что это мероприятие сомнительное. А тогда речь шла только о 13 миллионах гектаров».

Дело освоения целинных и залежных земель требовало огромных средств для приобретения сельскохозяйственной техники, строительства производственных сооружений, жилья, дорог и т. д. Пригодные для сельскохозяйственного использования земли располагались на территории Казахстана, Южной Сибири, на Урале, в Поволжье и на Северном Кавказе. Наибольшие

перспективы открывало освоение целинных территорий Казахстана, Сибири и Урала. Хрущев решил организовать призыв первых целинников с помощью ВЛКСМ.

В 1954 году в районы освоения целинных и залежных земель было направлено 120 тысяч пахотных тракторов, 10 тысяч комбайнов, соответствующее количество тракторных плугов, сеялок, тяжелых дисковых борон, культиваторов и других сельскохозяйственных орудий. В первый год «целинного штурма» для освоения новых земель было направлено почти 88 % производимых в стране пахотных тракторов и более 25 % комбайнов.

На целинных землях Казахстана к весне 1954 года возникло свыше 120 совхозов. Первоцелинники жили в брезентовых палатках, работали в условиях бездорожья, резко континентального климата с его суровыми зимними морозами и не менее суровыми летним зноем. Работали практически круглосуточно и круглогодично: посевной и уборочный сезоны перемежались напряженными строительными работами, на отдых времени оставалось немного. Первый урожай укрепил энтузиазм целинников, который несколько гасился неустроенным бытом и суровыми условиями работы. В 1954 году с целинных земель получили более 40 % валового сбора зерна, значительно увеличилось производство мяса и молока, что позволило несколько улучшить снабжение населения продуктами питания.

Одновременно освоение земель началось в Казахстане, на Урале, Алтайском и Красноярском краях, в Омской, Новосибирской, Саратовской и Волгоградской областях. В реализации программы освоения целины участвовала вся страна. Так, в 1954 — 1955 годах в необжитых районах Казахстана посланцы Украины укомплектовали 54 зерновых совхоза, Белоруссии — 22, Молдавии, Литвы, Латвии — 2, Москвы — 46, Ленинграда — 15 и т. д. И все же окончательно проблему кадров массовых профессий решить не удалось, хотя на освоение целины выехало около 1 млн человек. На период уборки урожая приходилось привлекать дополнительную рабочую силу. Всего на уборку целинного урожая в 1956 — 1958 годах отправилось более 3 млн студентов, рабочих воинов Советской армии. В целинных хозяйствах Казахстана трудились молодежные бригады из Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши и Китая. Поэтому себестоимость целинного хлеба оказалась выше, чем в центральных районах страны.

Первый урожай, снятый с целинных земель, доказал возможность их использования.

На работу в целинные степи по комсомольским путевкам ехала молодежь со всей страны. Первоцелинники проявляли колоссальное мужество, волю. Порой приходилось работать целыми сутками. Спали в палатках, ели прямо в поле. Как и в годы первых пятилеток, при освоении целины активно эксплуатировался трудовой энтузиазм масс, готовность людей работать бесплатно и в тяжелых условиях. За 1954 — 1957 годы было освоено 36 млн гектаров, что позволило увеличить производство зерна в два раза. В 1960 году в СССР было собрано 125,5 млн тонн, из них на целине — 58,7 млн тонн.

Нет сомнения в том, что освоение целинных земель сыграло огромную роль в пополнении зерновых запасов страны. От 250 млн пудов в год Казахстан быстро перешел к сбору одного миллиарда пудов. Помимо урожая с казахстанской целины всесоюзный урожай пополняли теперь сборы с целинно-залежных земель Алтая, Урала и других регионов РСФСР. Там, где прежде была лишь степь, выросли крупные сельскохозяйственные предприятия, возникли новые населенные пункты.

В первое десятилетие целинной эпопеи в среднегодовом исчислении зерновых культур в целом по СССР увеличилось только на 16,6 млн га. Больше половины всех вновь освоенных земель пришлось на Казахстан. Казахская целина — это зона рискованного земледелия, благоприятные в сельскохозяйственном отношении годы, сменялись неурожайными. Так, в 1954 году было собрано 9,3 центнера зерна с гектара, в 1955 году — 2,8, в 1956 году — 11,4, в 1957 году — 4,3 центнера.

За 1954 — 1958 годы валовые сборы зерна в СССР в среднем за год составляли 110 313 тысяч тонн, превысив соответствующие показатели предшествующего пятилетия (80 948 тысяч тонн) в 1,4 раза. При этом вклад хозяйств районов освоения целинных и залежных земель увеличился соответственно с 20 697 тысяч тонн до 45 176 тысяч тонн, или в 2,2 раза, а их доля составила 40 %. Это был крупный успех развития зернового хозяйства целинных районов.

На самом деле картина была не столь оптимистичной. Во-первых, прирост дали не собственно целинные земли. Районы освоения целинных и залежных земель — это не только казахстанские степи, но и Поволжье, Западная Сибирь, Урал, Северный Кавказ, Дальний Восток, где имелись давние земледельческие традиции. Увеличение производства зерна в этих районах достигалось, в том числе, и за счет роста урожайности на старопахотных землях. Отмечая высокий удельный вес целинного хлеба в балансе страны, следует учитывать еще и тот факт, что вновь созданные хозяйства занимались преимущественно производством зерна. В то время как колхозы и совхозы старопахотных районов вели многопрофильное растениеводство и животноводство, выделяли часть посевов под технические и кормовые культуры. Но при этом будущие районы освоения целины еще в 1940 году обеспечили 33 % закупок зерна в стране, а в 1950 году — 35 %. И отдача собственно целины — это вовсе не 40 %.

Во-вторых, проблема зерна в стране снята не была. Потребительские характеристики целинного хлеба оказались очень низкими. Он был мало пригодным для выработки высших сортов муки, отгрузки на экспорт, закладки в государственные резервы и в семенную бронь, производства высокосортной хлебной продукции.

Если рассматривать районы освоения целинных и залежных земель в отрыве от остальных земледельческих регионов СССР, то можно говорить об определенных успехах. На целину шли материально-технические и людские ресурсы, отвлеченные от традиционных районов земледелия. Только в

1954 — 1958 годах на освоение целинных и залежных земель государство израсходовало 30,7 млрд рублей, или 31,6% всех средств, направленных в сельское хозяйство страны.

В то же время, помимо штурмовщины, которая сопровождала освоение целины и привела к ненужным материальным потерям и даже человеческим жертвам, попытка добиться увеличения производства краткосрочными чрезвычайными мероприятиями заводила сельское хозяйство в тупик. Тогдашний министр земледелия И.А. Бенедиктов впоследствии так оценивал хрущевскую инициативу: «В середине 1950-х годов, когда у нас впервые появилась возможность направить в сельское хозяйство крупные силы и средства, он (Хрущев) сделал ставку на массированное освоение целинных земель, что, конечно, давало очевидный и быстрый эффект, но в долгосрочном плане оказалось явно ошибочным решением. И дело не только в том, что освоение целины шло за счет регионов, которым надо было, напротив, уделить повышенное внимание, — Украины и нечерноземной зоны России. Куда более пагубным оказался «стратегический разворот» сельского хозяйства в сторону экстенсивных факторов роста, в то время как в повестке дня стоял переход к интенсификации сельского хозяйства. Кстати, во всех странах такой переход сопровождался сокращением посевных площадей. Иными словами, надо было идти «вглубь», а мы, погнавшись за сиюминутными успехами, пошли «вширь», по заведомо ложному пути, потеряв на этом, без преувеличения, несколько сельскохозяйственных пятилеток».

Очередная инициатива Хрущёва развернулась в 1958 году, когда началась ликвидация личных подсобных хозяйств, как якобы мешавших трудящимся отдавать все силы на коллективной трудовой ниве. Тогда, а уж сейчас в особенности, затея эта представлялась находящейся на грани сумасшествия. Массовый забой скота усугубил ситуацию с продовольствием, материальное положение сельского населения стало аховым, в городах зазмеились бесконечные очереди к скудным прилавкам магазинов. Не спасла положение и кукуруза. Полная раскрутка кукурузной кампании приключилась в 1962 году, когда «королева полей» вызрела на 7 млн гектаров, засеяно же было 37 млн га на пространстве от южных степей до полярного круга.

Реформаторский зуд привёл к разделению обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные, но и те, и другие работали плохо, совнархозы дела тоже не поправили.

Результат действий Никиты Сергеевича Хрущёва в сфере природопользования (в аспекте сельского хозяйства) да и совокупно во власти оказался плачевным. Выделим в качестве интегральной только хлебную статью: «В 1963 году США начали поставки зерна в СССР. Советский Союз впервые был вынужден закупить за границей 12 млн тонн зерна в связи с тем, что эффективность освоенных целинных почв в Казахстане ежегодно падала. Выведение из оборота около трети поднятой целины свидетельствовало о том, что экстенсивные методы развития не работают. Если в 1954 — 1958 годах средняя урожайность пшеницы в СССР составляла 7,3 центнера с гектара, то к

1962 году она снизилась до 6,1 ц/га. В 1964 году из импортного зерна выпекалась каждая третья буханка хлеба»¹.

Итоги были подведены 14 октября 1964 года на подготовленном втайне от Хрущёва, пока он отдыхал в Пицунде, пленуме ЦК КПСС. От должности Первого секретаря ЦК КПСС он был отстранён «по состоянию здоровья», а уже на следующий день последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР, освободивший Хрущёва от должности главы правительства.

Охотник по имени Брежнев добыл зверя по имени Хрущёв и усадил его за дачный забор в Подмоскowie (достаточные основания для подобных метафор дают драматургия, запутанность, многосложность и даже таинственность нашей истории. Я же никогда не воспринимал её как всего лишь последовательность увлекательных сюжетов).

Партию и государство возглавил Леонид Ильич Брежнев. Тот самый «дорогой Леонид Ильич», который в 1954 году по предложению Н.С. Хрущёва был переведён в Казахстан, где сначала работал вторым, а с 1955 года первым секретарём ЦК компартии республики. Руководство освоением целинных земель — главная его забота тех лет. И вот как он рассказывал позднее о причинах и основаниях целинной кампании в её казахстанской составляющей:

«В краю богатейших природных возможностей, где насчитывались сотни колхозов, совхозов и МТС, где на полях работали десятки тысяч тракторов и комбайнов, где помимо пригодных для пахоты земель были миллионы гектаров сенокосов и пастбищ, производство зерна, мяса, хлопка, шерсти в сравнении с довоенным уровнем не росло, а порой даже падало. Удой молока были ниже, чем в 1940 году, зерновых собирали 5 — 6 центнеров с гектара, хлопка — всего 10 центнеров, картофеля — не более 60 центнеров с гектара.

К тому времени даже такие полностью опустошенные войной районы страны, как Кубань, Украина, Дон, восстановили разрушенное, стали наращивать урожаи и продуктивность животноводства. А тут, хотя 1953 год выдался в республике на редкость благоприятный, из-за бескормицы допустили падеж полутора миллионов голов скота. Держали его в лютые зимы под открытым небом, не имели даже примитивных кошар, говоря: «У нас всегда так было». Добавлю, что среди председателей колхозов многие имели начальное образование, а триста были попросту малограмотны.

Конечно, тяжёлое состояние сельского хозяйства в Казахстане объяснялось и объективными причинами. Оно отражало запущенность этой важнейшей отрасли по всей стране, о чём прямо и откровенно было сказано партией на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 года»².

Вроде бы всё справедливо и логично. Прочитаешь и подумаешь: не было иного выхода. На самом деле это не был выход. По прошествии многих лет со дня публикации «Целины» читать это сочинение тяжело, и вот по какой причине: начатое и законченное на пафосной ноте, написанное как вдохно-

¹ Голос Америки. 2010, 26 дек.

² Брежнев Л. И. Целина. Новый мир. 1978. №11.

венный рассказ об одном из огромных, в череде других, достижений нашего государства, это сочинение на самом деле повествует о некомпетентности, неуклюжести, неразворотливости власти всех уровней. Это трагическая книга о том, как миллионам людей пришлось рвать жилы на подъёме целины, чтобы власть могла удовлетворённо отчитаться сама перед собой: смогла и это.

Это книга о том, как власть едва не сгубила полностью плодородную силу огромного региона. Это книга о её метаниях.

Свидетелем таковых (хорошо, что не жертвой) был и я, когда в составе студенческого отряда работал в 1956 году на целине. Один из эпизодов того забываемого по многим причинам времени я описал позднее в рассказе с характерным названием «Агроимпотенция»¹. Вот фрагмент из того рассказа.

«Однажды с утра объявляют: никому не расходиться, приезжает товарищ Мухитдинов.

— Ну и хрен с ним! — говорю. — Мне работать надо.

— Дурак ты, Лужок. Он тут знаешь кто? «Кандидат» (усек?) «в члены» (понял?) «политбюро». Это как местный хозяин, что ли.

Приехал хозяин на черной «Чайке». Очень странно смотрелся его сверкающий никелем лимузин среди наших вагончиков, замызганных тракторов и полевой кухни, представлявшей груду закопченных камней с чугунным котлом посередине.

Народ собрался на встречу с высоким начальством. Народ — это пятьдесят два человека студентов, плюс механизаторы, плюс их жены. Довольно живописная компашка среди бескрайних полей.

Мухитдинов начал читать свою лекцию. Говорил о важности решения проблемы продовольственного обеспечения. Подчеркивал, что уборка урожая — общенародный подвиг. Педалировал, что каждый должен приложить максимум усилий. И развил прочую хренотень.

Народ сидит, слушает. А надо сказать, накануне наши трактористы ездили в магазин за спиртным. В автолавке-то ничего нет, кроме конфет «Золотой ключик». А магазин — это только так говорится, «ближайший», а на деле по прямой через степь сорок шесть километров. Теперь вот считайте. Трактор идет семь километров в час. Делим сорок шесть на семь, получаем семь часов в одну сторону, семь обратно. Вернулись на следующий день. Водки, конечно, не нашли, зато закупили «Тройной одеколон» в невероятном количестве. Мне было противно даже смотреть, как они его пьют. Аромат соответствующий — благоухает на всю степь.

И вот, значит, Мухитдинов говорит о важности проблемы продовольственного обеспечения, народ слушает его речь, но в силу описанных обстоятельств интерес стал угасать. Впрочем, и сама речь была такой, что без всякого «тройного» заснуть можно.

Вдруг один из местных механизаторов его прервал. Все как бы проснулись. Народ там простой, многие из мест не столь отдаленных. На-

¹ Лужков Ю. Русские характеры: рассказы. М.: Московские учебники, 2008.

чальство, конечно, уважают, но и привычку прямого разговора тоже не вытравишь.

— Слышь, начальник, мы все это знаем, — сказал тракторист. — А ты вот что скажи: как бы это в другом нам помочь бы...

И начал рассказывать, что негде купить даже резиновых сапог...

Тут надо прерваться и сказать о самой проблеме. А она действительно была. Ни в бригаде, ни за десятки километров вокруг, ни в автолавке, которая приезжала к нам регулярно, не было вообще ничего, кроме выше упомянутых конфет «Золотой ключик», которые мы уже видеть не могли. И вот представьте: карманы у людей набиты деньгами, потому что платили прилично. Работа круглосуточная, зверская. Мы проявляем чудеса героизма, а купить ничего не можем. Даже брюк хоть каких-нибудь захудалых взамен порвавшихся — и тех не достать.

— Да это ладно, проходим итак, — продолжает механизатор. — Бог с ними, с опорками. А вот жратвы бы надо ну хоть какой. А то жрем эти... субпродукты тухлые. Суп из кишок варят, воняет хуже дерьма. И хлеб, глянь-ко: собираем вон колос какой, а хаваем не пойми чего. Скрипит на зубах.

Мухитдинов в некотором раздражении его оборвал. Сказал, что товарищ не понимает значимости текущего момента, который определяет не тряпье, а цель — убрать урожай любой ценой.

Механизатор не отступает:

— Чо ты нас тут воспитываешь? Да уберем мы твой урожай, мать его. А ты реши нашу лапшу, и лады. Чо возникать-то!

Завязалась перепалка. Некоторые из присутствующих не могли сдержаться. Кое-кто из студентов тоже принял участие в обсуждении. Нетрудно догадаться, кто именно.

Я подключился к разговору откровенно на стороне механизатора. Сказал, что мы все тут воспитаны на уважении к старшим. Но нельзя так обрывать человека, если он говорит дело. Товарищ Мухитдинов, как в замедленной съемке, стал поворачивать ко мне свою красную, как из парилки, физиономию. Когда наконец увидел, что с ним разговаривает двадцатилетний соплик, неожиданно рассвирепел. Я даже не понял, в чем дело. Вроде как ничего не сказал. Но, вероятно, слышать от мальчишки замечания в адрес «кандидата в члены» — было нарушением не только субординации, а всех законов мироздания.

Повернувшись наконец ко мне целиком, хозяин степи произнес голосом, не допускающим возражений:

— А вас, молодой человек, прошу покинуть собрание!

В воздухе повисла пауза. Вождь ждал. Я тоже.

Строго говоря, «покидать» было нечего. Собрание проходило на открытом воздухе. Несколько лавок, обеденный стол, а дальше — как в русской народной песне, «степь да степь кругом». Так что куда идти, мне, например, было неизвестно. Так и сказал:

— А куда прикажете идти? Мне, например, неизвестно, где дверь.

Тут он покраснел до такой степени, какую я видел лишь в детстве, созерцая паровозную топку. Правда, та не брызжет слюной.

Фраза, которую он из себя выдал, была достойна книги рекордов:

— Вообще уйдите в сторону!

Надо сказать, что в такие моменты я каменею. Как статуя Командора.

— В какую? — спрашиваю, не двигаясь.

Народ рассмеялся. Мухитдинов раскалился до кондиции доменной печи. Можно было плавить чугуны.

И тут совсем рядом послышалось чревоуверие (ибо рта никто не раскрыл): «Юра! Уходи от беды!» Заклинание это исходило из внутренностей нашего комсомольского секретаря Саши Владиславлева (известного теперь политолога, которого вы нередко можете видеть по телевизору, а тогда это был просто Саша, отличник, комсорг и ленинский стипендиат).

А дальше произошло неожиданное. Двинувшись, как было приказано, «в сторону», то есть прямо на товарища Мухитдинова, я, проходя мимо, на секунду задержался и под пристальными взглядами присутствующих запанибратски похлопал «кандидата в члены» по плечу, отчеканив громко, чтобы слышали все:

— Ну, ты, дорогой, далеко пойдешь. Если не остановят.

И ушел. Встреча высокого руководителя с народом была сорвана. Вождь сел в свой «членовоз» и отчалил.

...Я отделался общественным порицанием. Товарищ Мухитдинов еще полтора года теребил институт звонками «сверху» и требовал от ректора и комсомольских боссов моего исключения. Но институт «держался».

Что же, физиономия власти бывает иной раз и неприглядней. Я же вспомнил всё это ещё и для того, чтобы несколькими правдивыми штрихами дополнить представление о целине, которое у части читателей могло сформироваться исключительно по хорошей кинокомедии «Иван Бровкин на целине»¹.

В этой книге есть глава «Власть в зеркале мифа», и там проблема образа власти отражена более полно.

Возвращаясь к череде советских вождей и их отношениям с природой, рассматриваемым через призму сельского хозяйства, вспомним ещё раз Леонида Брежнева. Именно в бытность его нашим главным вождём в марте 1974 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Пропагандистская кампания, сопровождавшая выполнение программы развития Нечерноземья, была по-советски грандиозной, деньги были затрачены огромные, результаты же оказались вполне посредственными.

Отсталость села, чётко обозначившаяся в начале 60-х годов к первой половине 70-х так и не была преодолена. Нечерноземье, а это 29 областей и автономных республик, деградировало. Социальная сфера угасала вместе с оттоком молодежи в города, укрупнение поселков за счёт умирания сёл де-

¹ Иван Бровкин на целине. Кинофильм киностудии имени Горького, 1959.

ревень не дало ничего, кроме исчезновения с карты множества тех из них, чья история насчитывала целые столетия. «Неперспективными» едва не в одночасье стали более 100 тысяч (для ровного счёта, что ли, вышли на эту цифру) из 140 тысяч сёл и деревень. Кстати, укрепление деревень началось еще при Хрущёве.

Не погружаясь в слишком раннюю предысторию вопроса, вспомним, что в рамках подготовки к июльскому (1970 год) пленуму ЦК КПСС в Политбюро была направлена «записка» Леонида Ильича Брежнева по проблемам развития аграрной отрасли. «Судя по сохранившимся архивным материалам, — пишет А.И. Шевельков¹, — доклад Л.И. Брежнева трижды подвергался «редакционным правкам», в процессе которых из первоначального варианта был изъят материал, показывающий наиболее негативные показатели как в экономике страны, так и в сельском хозяйстве, в том числе была убрана информация о недопоставках свыше 300 тысяч тракторов, более 80 тысяч зерноуборочных комбайнов, свыше 13 тысяч экскаваторов, сельскохозяйственных машин на 1,7 млрд руб., а также около 10 млрд руб. капиталовложений (23 % объема). Проблема Нечерноземья фактически не поднималась, если не считать тех положений доклада, где Л.И. Брежнев говорил о необходимости в короткие сроки восстановить в этом регионе овцеводство. В постановление пленума также было включено предложение о необходимости более широкого развертывания здесь мелиоративных работ. Зато реальная ситуация Нечерноземья была поднята в докладах, не произнесенных на пленуме. Видимо, по этой причине они не были заслушаны на пленуме.

Продовольственная программа исполнялась до 1990 года, по крайней мере никто её не отменял и реформы в управлении хотя и не были завершены, но всё-таки проводились. Официальная советская статистика сообщала, что по мясу, молоку и яйцу намеченные показатели были достигнуты. В реальности этого, конечно, не было. По жизни справедливым будет считать, что развал Советского Союза есть следствие системного, поразившего в том числе и агрокомплекс, кризиса страны, и в огромной степени — кризиса управления.

Непосредственно же раскрытию нашей темы любви власти к власти над природой является несостоявшаяся история переброса части стока северных рек. И на этом я хотел бы остановиться подробнее ввиду того, что данная история отразила в себе глубинные закономерности, из которых следует делать безотлагательные выводы, которые пошли бы на пользу не только власти, но и нашему Отечеству, да, пожалуй, и всему миру.

Мир отражается в капле воды, человек — в деле, которому служит. Другого не дано.

Было бы чему отразиться.

Человек приходит в этот мир, чтобы беречь и совершенствовать его. Это моё кредо. Оно сформировалось в юношеские годы. Тогда природа представ-

¹ Шевельков Л.И. Аграрная политика по развитию Нечерноземья в 1970 — 1980-е гг. Цитируется по публикации на сайте <http://pandia.ru/>

лялась мне и храмом, и мастерской. Это представление укрепилось и насытилось более объёмным пониманием метафоры и, конечно, знаниями.

В те времена ещё не было детальных снимков и прямых репортажей из космоса, но и простая географическая карта с очевидной наглядностью показывала, как своеобразно сложно устроена планета. Мне представлялось, что человечество достаточно мудро, чтобы навести на земле, в природе и в жизни социума разумный порядок. Эти иллюзии со временем рассеялись, чему прямо способствовал XX век со всеми его войнами, революциями, открытиями, переменами и жертвами. А уж XXI вопрос об иллюзиях просто упразднил.

Величие человека и склонность его к трудно поправимым, а часто и фатальным по последствиям делам проявились в XX веке с режущей глаза ясностью. Оказалось, в частности, что мир людей и мир природы находятся в невероятно сложной динамичной взаимозависимости, непрерывно влияют друг на друга.

Эта проблема включает в себе ключ к решению многих задач в экономике, политике, экологии, жизнеустройстве не только России, но и наших соседей. Нам с ними жить, а потому нам надо плотно сотрудничать, работая на далёкую перспективу.

Мы все — граждане государства, в котором на наших глазах изменились общественно-политический строй, состав, размер площади и даже название страны. Мы вызываем у наших соседей разные чувства, и лучше, если это будут добрые чувства как следствие добрых дел.

Государство отражается в деле устроения на собственной территории социального благополучия, экономической эффективности, культуры, безопасного для граждан порядка, здорового нравственного климата — в той мере, в какой это по ведомству государства. У государства много забот.

История даёт нам убедительные примеры как разумных, сильных, постоянно прогрессирующих, способных к решению громадных задач государств, так и многочисленные примеры государств болезненно слабых, почти по-человечески нервных, или же государств, не понимающих даже очевидной, не говоря уже о перспективной, своей выгоды и пользы. Такие, например, норовят сейчас любой ценой попасть в разные блоки и подчинить себя другим, более сильным странам.

Удивительный парадокс заключается в том, что в середине 80-х годов прошлого века Советский Союз сочетал в себе признаки государств нескольких типов, нескольких уровней развития. Сверхдержава и колосс на глиняных ногах, монолит и разваливающееся целое, «новая общность — советский народ» и исподволь закипающий в республиках сепаратизм — всё это было нашей жизнью, всё это принадлежит живой памяти, а не только и исключительно архивам.

И хотя в то время уже близкий по времени развал СССР представлялся большинству нелепой и дикой фантазией в духе теории катастроф, всё же свойственный человеку рефлекс предощущения истории подсказывал неиз-

бежность колоссальных потрясений. Они назрели, и имя им было — пере-стройка.

Знаковым, сложным по причинам и последствиям, событием в этом роде стал день 14 августа 1986 года. В новейшей истории он отмечен тем, что ЦК и Совмин приняли редчайшее для СССР, «демобилизационное» по сути своей совместное постановление «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек». Это постановление впервые в советской истории не требовало от государства и народа для своей реализации ни концентрации средств и ресурсов, ни затрат, ни усилий, ни воли. Да ведь известно, ломать (научно-теоретические и проектные разработки по проекту) не строить. Руки у страны опустились.

Победило «новое мышление» Горбачёва, бывшего до этого позитивно настроенным куратором многообещающего проекта по модернизации ЦК КПСС.

Часть общества почувствовала радость победы: экологи одолели «монстра партии и государства, спасли страну».

От чего спасли, кого победили, это тогда было на самом деле не важно. Эйфория победы кружила головы. Когда в начале 90-х сначала опустели площади, а потом, одновременно с кошельками, и магазины, когда не стало прежней страны, тогда, может быть, вернулся в воспалённое провалами сознание тот старый и главный вопрос: кого же победили? кто победил?

Возможно, все-таки проект был бы реализован, если б не авария на атомной электростанции в Чернобыле, после которой проекты с теоретически возможной угрозой экологических последствий на некоторое время утратили всяческие шансы реализации. Думаю, не навсегда.

Постановление гласило, что «ЦК КПСС и Совет Министров СССР, исходя из необходимости изучения экологических и экономических аспектов проблем переброски части стока северных и сибирских рек, за что выступают и широкие круги общественности... признали нецелесообразным дальнейшее осуществление проектных проработок, связанных с переброской стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан».

Этот документ поставил крест не только на «проектных проработках». Про «необходимость изучения экологических и экономических аспектов проблемы» было написано в дежурном порядке, а потому эта самая необходимость была тотчас и решительно отброшена.

Когда распался Советский Союз, когда, как айсберг, откололась и ушла в океан времени советская эпоха, тогда мало кто вспомнил про августовское, 1986 года, постановление власти. Между тем, как ясно видно сейчас, связь между этими несоизмеримыми по масштабу событиями всё же была, как есть связь между маленьким притоком и могучей, принимающей его рекой.

По неслучайному совпадению, с развалом Советского Союза исчезло массовое экологическое движение. Оно и понятно, реформируемому и враз до позора обедневшему государству стало не до экологии. Постановление по закрытию работ помогло «закрыть» СССР — экологи свободны.

Перед этим в пылу невероятной по накалу дискуссии про рациональное использование всего 5 — 7 % стока Оби писали, что «беда будет грандиознее, чем от фашистского нашествия, что всё это — геноцид против русского народа и культуры». Сообщалось, что переброска воды может покачнуть земную ось.

Есть ли в этом суждении капля здравого смысла, судите сами.

Критики проекта дружно молчали об уже построенном в 1962 — 1974 годах канале Иртыш — Караганда, по которому за 458 километров вода Иртыша была подана в Караганду, Экибастуз, Темиртау. Не говорили и о канале, по которому вода Каховского водохранилища пошла в засушливую Таврию и на Крымский полуостров для виноградников и санаториев. Эти два проекта как раз и являются примером переброски части стока рек в маловодные зоны.

До такой ангажированности опустилась в те годы внешне вполне свободная экологическая публицистическая мысль.

Потом она там отлично обжилась — до распада СССР, а после его распада в 1990-х годах новой демократической власти экологи, по существу говоря, не были нужны. А так старались, и так много их было по редакциям толстых журналов и тонких газет, где всякий пишущий запросто полагал себя именно экологом, а не автором очередной бурливой статьи.

В постановлении они были даже названы «широкими кругами общественности». Не совсем верно, мне кажется, но то, что работа экологов (на экране и в печати) была на виду, это отрицать не станем. Голос протестующий (независимо от правоты позиции) всегда слышнее. Потому, конечно, что тон постоянно выше...

К экологии я отношусь как к святому делу, и эта моя позиция специальных и особенных доказательств не требует. Мне в этой сфере, повторюсь, есть что предъявить. Но трудно и невозможно избавиться от понимания теперь уже очевидной вещи: за экологическим движением стояли не только экологические силы. В это движение, как в ёмкий сосуд, влилась протестная, отчасти инспирированная, отчасти естественная, порождённая перестройкой, энергия.

Это была удобная и компактная форма для протеста, для «нет!», между тем как хорошо известно, выкрикнув один раз «нет!», трудно не продолжить кричать, почти нельзя остановиться на разумном пределе. Человек становится заложником своей позиции, и надо иметь немалое мужество, чтобы ради истины «наступить на горло собственной песне».

Массовые движения отличаются бескорыстием и наивностью, их энергия может быть направлена в нужное русло, и примеров этого не счесть в истории.

После выхода постановления власть, изменяющая страну сверху и смущающаяся в те годы за Ленина — Сталина, дала сигнал общественности: я с вами.

Потом и её, власти, в прежнем виде не стало.

Власти Горбачёва — Ельцина, трагикомически повторившей путь власти Ленина — Сталина, не жалко.

Не о ком жалеть?

Но есть о чём жалеть, в том числе и о бессмысленно загубленном проекте, реальным недостатком которого была заявленная огромная цена. Да и пугающий лозунг «Поворот сибирских рек» — не 5 — 7 % стока одной из них, а всех и сразу. Очень по-советски, очень по-коммунистически.

Дела огромной важности в действенной, а не митинговой экологии вершатся иногда движением указки по карте: так, на наших глазах петля нефтепровода была отодвинута от Байкала на 400 км.

Важно, в чьей руке указка. Важно, какая голова водит рукой.

Предлагая вернуться к проекту на более низком уровне затрат, более высоком уровне технологий, на началах более разумной политики и действительно ответственного экологического мышления, можно предвидеть шквал критики. Это уже проходили в 1970 — 1980-х, когда оппоненты проекта буквально захлёбывались в экологическом пафосе, в приступе либерального или же патриотического бескорыстия. Однако новое время — новые обстоятельства, проявившие себя с особой силой в последнее время. Речь идет о ресурсах воды, которыми располагает Россия и о том, как их полезно задействовать.

Когда разразился этот критический шквал, я понял, что моя книга «Вода и мир» сработала...

Либеральная интеллигенция (а не общественность в целом) возненавидела проект переброски части стока северных рек как один из мегапроектов Советского государства, а такого рода проекты для матёрого либерала с ориентированным западным акцентом в голове — всё равно что нож острый. Этим не нужны ни космос, ни гидро- или атомные электростанции, ни тяжелая промышленность, ни фундаментальная наука. Этим и Россия в нынешних её границах и с нынешними ресурсами не по душе: были бы мы поменьше да победнее, так куда лучше бы жили, считают они.

На самом же деле именно глобальные системы — железные дороги, автомобильные трассы, водное сообщение, шире — гидросистемы, включающие в себя реки, озёра, каналы, водохранилища, трубопроводы, плюс единые энергетика, авиасообщение, система СМИ, почтовая и телефонная связь, интернет, «мирный космос» — делают страну единым, управляемым и пропорционально развивающимся целым.

И идеология, выработанная путём развития и основывающаяся на базисных ценностях общества.

Удар по проекту переброса воды имел скрытой (другой вопрос, что кем-то ясно осознаваемой, а кем-то непонятой) целью разрушение единства судеб, общности истории России и Средней Азии, демонтаж СССР.

Потому нет никакой случайности в последующих системных попытках расчленения авиационного, железнодорожного, топливно-энергетического комплексов на средние и мелкие компании, что привело страну на грань коллапса, и уж точно способствовало ослаблению былых прочнейших связей, объединявших государство, раскинувшееся на громадных пространствах.

В этом же ряду и фактическая деиндустриализация, отбросившая реальное производство на критически низкий уровень. Теперь остаётся догонять лидеров.

Проект переброса части стока северных рек активно критиковался как пример неприемлемой затратности, свойственной централизованной экономике социализма. На самом же деле каждый тип экономики — социалистический и капиталистический — имеют свои положительные стороны и свои недостатки. Экономика социализма в варианте СССР позволила концентрировать ресурсы для крупных проектов. Её ахиллесовой пятой было отсутствие конкуренции и подавление малого бизнеса. Но и рыночная экономика — это отнюдь не свободное движение капиталов, рабочей силы, товаров и услуг. Просто этого типа централизация экономики отличается большим динамизмом, гибкостью, подвижностью и за счёт этого эффективностью. В противном случае не было бы мировых резервных валют, колоссальной банковской системы капитализма, не существовали бы в сегодняшнем виде такие структуры, как Всемирная торговая организация, региональные объединения государств, различного рода альянсы и блоки.

В конце 1980-х годов был разработан комплекс мер по сохранению Арала как природного объекта и одновременно по созданию нормальных условий жизни для населения. Эта программа, по уже обозначенным причинам, не была тогда утверждена в соответствующих инстанциях СССР. Сейчас она взята за основу правительствами государств Центральной Азии и финансируется Всемирным банком.

Когда в советский период и в последние годы строились и строятся газо- и нефтепроводы, а это тоже мегапроекты, особых возражений ни от кого не было слышно в прошлом, не слышно их и сейчас. Но если начинаешь убеждать в очевидном — в том, что вода является стратегическим товаром, востребованность и цена которого на мировом рынке будут только расти, а, значит, переброс воды становится сверхактуальным делом, в ответ раздаются маловразумительные утверждения о ненужном «гигантизме».

Масштабные проекты, которых у нас сегодня нет, не противоречат задачам развития.

Парадокс в том, что проект переброса части речного стока с одинаковым напором критиковался и патриотами-государственниками, и либералами родом из 1960-х.

Правда в том, что обе эти силы имели перед собой при схожести исходных позиций разные цели. Либералы, как им и положено, раскачивали тоталитарное государство и ослабляли центральную власть. Патриоты заботились о благе Отечества, понимая его как недопустимость вмешательства в природные дела, неприкосновенность сохранности матушки-природы.

И у либералов, и у патриотов-государственников были исторические счёта к КПСС.

Две этих силы, в крайнем их выражении, из века в век находят себе занятие по душе на родных просторах. Результат борьбы этих «нанайских мальчи-

ков» в новейшей истории выражен впечатляюще точно: целились в КПСС, а попали в Россию.

И либералы, и патриоты, в лице своих лидеров, активно набирали политические очки, чувствуя тектонические колебания советской Атлантиды.

Р. Баландин, главный гидролог Аральской гидрогеологической партии в 1970-е годы, писал, что в связи с проектом переброса части стока северных рек «оказались в одном лагере русофилы и русофобы, тогдашний генсек КПСС и крупные ученые, патриоты СССР и антисоветчики, прозападные активисты и приверженцы евразийской великой России... И еще информация к размышлению: США были против того, чтобы в СССР строили канал для подачи сибирской воды в Среднюю Азию. Это не отвечало их геополитическим интересам. В этом с ними оказались едины не только наши «западники», но и «патриоты»!

Есть технологии (речь о них пойдёт ниже), которые минимизируют самые добросовестные экологические требования. Эти технологии, кстати, делают проект дешевле, нежели тот, который был отвергнут. И они, конечно, полностью исключают использование для реализации проекта силы ядерных взрывов. Никогда этого не будет, атом тут не нужен.

Есть экономические и геополитические аспекты, которые нельзя не учитывать, если мы планируем для России достойное будущее в мире, который, увы, не избавлен пока что от конфликтов. И конфликты эти будут по определению связаны в том числе и с пресной водой, точнее, с её дефицитом в огромных регионах планеты по соседству с Россией.

Есть, иначе говоря, насущная необходимость вернуться к идее переброса части стока северных рек.

К проекту переброса.

К реализации проекта.

К продаже пресной воды за большие деньги, ибо вода дорожает.

Говорю это со всей убеждённости, и постараюсь убедить в этом и своих читателей, и своих оппонентов.

В 2002 году я предложил руководству страны возобновить разработку вопроса, обосновав своё предложение в аналитической записке. Реакция прессы не была в целом серьёзной. Она была истерической, иногда до комической степени, иногда — до оскорбительной.

Положа руку на сердце заявляю, что истерика в СМИ гораздо лучше, чем равнодушие общества. Истерика проходит довольно быстро, равнодушие способно пожирать целые годы упущенного для дела времени. Ил равнодушия забивает русло реки и большого дела.

Равнодушие идёт в том числе от незнания существования проблемы, от малой информированности, от слепой приверженности той позиции, которая широко царил в умах когда-то в прошлом. В том же 1986 году, например.

В прошлом веке, в той стране, которой уже нет.

Называемая сверхдержавой, страна несла в себе и сверхпотенциал, и сверхпроблемы. Копила в себе противоречия. Втягивалась, не своей волей,

в изнуряющую гонку вооружений. Готовилась, искусно подведённая к краю пропасти, ворваться в XXI век.

Отданная волей судеб под руководство Горбачёву и Ельцину, страна была ими «реформирована» через распад, большую кровь в кошмарном сне непредставимых войн между бывшими республиками-сёстрами.

На сегодня мы имеем русофобствующую власть на Украине, Грузию, которая вместе с Украиной устремлена в НАТО. На балтийских берегах в бывших республиках СССР, как и на Украине, в почёте фашистские прихвостни. К сожалению, перечисление можно продолжить.

В этих обстоятельствах вспоминать ли о том проекте, который был похоронен в 1986 году?

Обязательно — если хотим сохранить и модернизировать страну. Обязательно — если хотим развиваться, а не деградировать. Обязательно — если думаем влиять на мир, а не быть объектом влияния мира.

Переброс части стока северных рек лишь очень наивные люди воспринимают как сложный гидротехнический проект. Нет, говорю я оппонентам, дело обстоит гораздо серьёзнее. Этот переброс (а он по сумме неотменимых причин и обстоятельств обязательно осуществится) должен стать одним из великих национальных проектов России.

Прибыльных, эффективных и, я бы сказал, гордых проектов по инфраструктурному развитию огромных российских территорий, по подъёму сельского хозяйства и целого комплекса отраслей, по созданию многих тысяч рабочих мест и, наконец, по укреплению геополитического влияния России там, куда уже распространились национальные интересы США. В США, к сведению, звучит убеждённо, что «русской воде» в Средней Азии делать нечего.

Относительно этих пресловутых интересов США у нас принято почему-то лишь в крайнем случае возвышать голос до того, что, мол, плохо они, американцы, делают, но если они имеют национальные интересы, то, должно быть, такие же есть и у России. Да, они у России действительно есть — в Средней Азии, на Северном полюсе, в районе Курильских островов, в Центральной Европе и на Южном полюсе, и на Ближнем Востоке, и так далее.

Странно было бы, занимая седьмую часть суши, не иметь национальных интересов. Это только ельцинские министры их не имели, у нас же на нашей планете национальные интересы, безусловно, есть, и один из них — толково, бережно к природе (и это необходимое и неотменимое экологическое условие реализации проекта) распорядиться малой частью большого стока Оби.

Полагаю, что осуществление переброса части стока может стать проектом уникального экологического значения, высочайшей экологической культуры. Природу, на самом деле, не требуется «покорять». Но, по аналогии, мы ведь срываем яблоки с отягчённых плодами веток, понимая, что урожай надо собрать, и совсем не обязательно дожидаться, когда под каждой яблоней образуется толстый слой переспелых и прелых падалицев.

Срываем, едим — и сад остаётся садом, а яблоня яблоней. Зачерпнув ведро воды из колодца, мы колодец не стубили. Полагаю такие аналогии до предела ясными.

Надо избавиться от фобий по отношению к проекту, равно как и от иллюзий о том, что Россию кто-то будет любить только за то, что она Россия. Любят — силу, уважают — разум, благодарят — за добро. А смеются — над бездельниками.

Один из известных экологов, много сил положивших, чтобы проект переброски воды не осуществился, придерживается сейчас того мнения, что крупные, национального масштаба проекты больше вообще не нужны России. Давайте, к слову, вспомним Егора Гайдара, говорившего, что нам не нужны промышленность, сельское хозяйство, что России не нужно так много населения. И так далее...

На самом деле наша страна так устроена, и таков наш российский менталитет, а лучше сказать, национальный характер, что наиболее успешно и динамично страна развивается, когда ставит перед собой глобальные цели. Всякого рода кивки на процветающую Европу, которая, якобы, в собственном соку тихонько варясь, достигла выдающихся результатов во всех буквально сферах, — эти кивки не состоятельны, да и не корректны. Европа, не говоря уже о США, Индии и Китае (где, кстати, подобные проекты не приравнивают к безумному насилию над природой, а видят в них средство решения многих проблем развития), равно как и крупные государства Южной Америки живут и развиваются благодаря именно мега-проектам в науке, строительстве, промышленности, технологиях, да и в политике, разумеется.

Отказ от крупных проектов означает не просто остановку развития и роста, но и глобальную деградацию государства, получившего, после тяжелейших потрясений, новый и реальный шанс занять в мире своё законное и достойное место.

Огромной ошибкой была бы в наше время реанимация политически-экологически-митингового отношения к идее переброса части стока северных рек. Если общественная энергия вновь будет направлена в это сухое русло, мы рискуем получить, извините, базар, вместо дела, которое могло бы принести колоссальную пользу.

Гораздо продуктивнее было бы принятие решения о возобновлении всего комплекса работ, предшествующих непосредственной реализации проекта.

Эту размышления я посвящаю не тем, кто будет в отдалённом будущем решать судьбу проекта, а ныне действующим политикам и хозяйственникам, кто воплотит его в жизнь.

У меня есть, повторю, убежденность в том, что Россия ещё вернётся к проекту. Такое же ощущение владело мною, когда в бытность мэром Москвы я вёл, что называется, свою, московскую «крымскую кампанию», помогая Севастополю, Черноморскому флоту и безальтернативно утверждая, что отторжение Крыма от России было волюнтаристским решением, которое должно быть от-

менено. В Кремле меня тогда не понимали. Потом настал великий день, когда Президент России Владимир Владимирович Путин заявил, выступая на много-тысячном митинге в Москве на Васильевском спуске: «После тяжёлого, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, в порт постоянной приписки — в Россию».

Вернемся теперь в стихию природы и к проблеме взаимоотношений природы и власти. Хочу остановиться на этом несколько подробнее, так как всегда необходимо обосновать свои предложения, опираясь на достоверный анализ.

Все сибирские реки текут на север, потому что гигантская плита, на которой находится сибирская равнина, наклонена на север. Вода, которая конденсируется в горах, течёт, набирая температуру, в Северный Ледовитый океан, и обогревает его. Полярная ледовая шапка тает, и не исключено, что добраться на Северный полюс скоро можно будет по открытой воде. Уже написаны весьма правдоподобные и научно обоснованные сценарии затопления прибрежных территорий десятков стран. Гипотетически можно предположить, что такое бедствие сделает проект переброса части, и немалой, речного стока безальтернативным решением. Парадокс в том, что вероятный подъём уровня Мирового океана не насытит пресной водой жаждущие её пустыни и не превратит их не только в болота, как иногда представляется, но и в оазисы.

Много воды на земле?

Вода — не атмосфера, которая вольно перемещается над планетой, закручивая спирали циклонов и антициклонов и овеивая наш материк то свежим дыханием севера, то тёплым бризом Средиземноморья.

Северный склон, холодный и малолюдный, обеспечен водой, объёмы которой в пятьдесят раз превосходят гипотетически возможное водопотребление. А южный — тёплый и солнечный, с плодородными почвами, с постоянно увеличивающимся населением, вынужден страдать от жажды и засухи. Почвы, которые при орошении могли бы быть богатейшим источником жизни, пустуют.

Ещё в 1871 году киевский школьник Я.Г. Демченко размышлял следующим образом: в тех местах горы невысокие, там есть перевалы, чуть-чуть покачать воду, а дальше потечет сама на юг, туда, где она очень нужна. Он опубликовал свой проект переброса части стока северных рек и одновременно подготовил Записку в Русское географическое общество. Молодой энтузиаст предлагал немедленно начать топографические работы. Он обращался к «тем, кто думает о российском государстве как о едином организме и считает его процветание своей личной заботой».

Ответом была привычная равнодушная реакция российской властной бюрократии, в том числе и научной. Демченко начал искать другие пути — обращался к хивинскому хану и бухарскому эмиру, побуждая их писать обращения к русскому царю. Он искал союзников, доказывал, уговаривал богатых людей, способных субсидировать реализацию проекта, — ничего не помогало. За всю жизнь энтузиаст не встретил ничего, кроме отторжения, а то и высокомерных издевательств. Вот для примера фрагмент рецензии на

брошюру в газете «Биржевые ведомости»: «Мы советовали бы г. Демченку всю выручку за свою книжку пожертвовать в основной фонд «для наводнения Арало-Каспийской низменности», — тысяч через пять-десять лет капитал этот с процентами, конечно, будет достаточен для того, чтобы сочинить потоп Европы и Азии».

До самой смерти в 1912 году он «болел» своей идеей, а в ответ слышал лишь критику и насмешки, так и не встретив единомышленников, пребывая под колпаком словно бы наговора, который на корню губил полезные начинания.

У идеи своя судьба, потому что они обладают свойством модернизироваться вместе со временем. Демченко умер, а идея жила и вербовала энтузиастов. После большевистской революции изменился дух страны: на восточные народы стали смотреть как на братьев. Даже в Гражданскую войну в район сибирского водораздела ездили экспедиции для изучения вопроса. Денег в стране было мало, энтузиазм был. Сохранилось инженерное заключение экспедиции о «возможности захвата сибирского водосбора для обводнения Иргиз-Тургайского района».

В 20-е годы проблема переброски воды сибирских рек в бассейн Аральского моря продолжала привлекать внимание специалистов. Обсуждались несколько схем, различающихся пунктами водозабора, объемами и трассами переброски.

В 30-е годы внимание было отвлечено грандиозными сталинскими стройками каналов Москва — Волга и Беломорского.

Во время войны, как ни странно, популярность идеи «сибирского моря» вновь возрастает. Дело в том, что эвакуированные в Среднюю Азию представители творческой и научной интеллигенции начинают понимать заботы региона, становятся страстными пропагандистами проекта.

Но реальный подъем — после войны. В 1948 году академик Обручев пишет о проектной идее Сталину. Специалисты обсуждают несколько схем переброски рек. Институт «Гидроэнергопроект» предлагает создать три огромных водохранилища, красноречиво назвав их «центром по управлению распределением воды в Центральноазиатских республиках». Однако закачка воды в этот «центр» предполагалась насосами, что было бы слишком дорого. Хотя научный совет министерства строительства электростанций решил, что выгоды превосходят потери, до реализации дело не дошло.

В 1949 году правительственная комиссия одобрила другой вариант проекта. Но в 1951 году работы вновь приостановили. Формально — из-за сомнений в экологической безопасности проекта. Есть косвенные, можно сказать «туманные», свидетельства «знающих людей», что виновата конкуренция двух мощных организаций: «Гидроэнергопроекта» и «Гидропроекта». Это не соответствует действительности.

Лишь с конца 1950-х, когда в республиках Средней Азии был взят курс на увеличение орошаемых площадей для выращивания хлопка, дело сдвинулось с мертвой точки. Дело в том, что для полива понадобилось перераспределить

имеющиеся водные ресурсы, строить каналы, позволяющие отводить на поля орошения воды Сырдарьи и Амударьи.

В 1960-е годы вопрос о целесообразности переброски сибирской воды поднимался на всесоюзных совещаниях в Ташкенте, Алма-Ате, Москве, Новосибирске. Многим казалось, что можно разом решить два вопроса: осушить болота Западно-Сибирской равнины и дать воду на казахские и среднеазиатские земли.

Наконец в 1968 году вышло постановление ЦК КПСС, поручающее соответствующим организациям разработать перспективный план. Затем был подготовлен технико-экономический доклад. Потом вышло еще одно постановление — о научно-исследовательских и проектных работах. Это был уже 1978 год. Многолетняя история, казалось, находит решение.

А еще через два года на рассмотрение правительству была представлена окончательная разработка проекта. В ней предлагалась поэтапная переброска воды из Оби и Иртыша в Западно-Сибирский, Уральский, Среднеазиатский и Казахстанский экономические районы.

Разработчики просчитали, что для удовлетворения потребностей в воде достаточно было бы 5 — 7 % среднегодового стока Оби.

Они проложили на картах несколько вариантов маршрутов водоводов с учетом ландшафта и прогнозируемой продуктивности прилегающих земель.

Они нашли, что воду удобнее всего забирать в районе Ханты-Мансийска. Затем насосные станции должны поднимать воду на 75 метров в районе впадения Тобола в Иртыш, лучше всего — в водохранилище. А дальше она пошла бы в Амударью, Сырдарью, оросительные каналы (обводняя по дороге юг Тюменской области, Зауралье, восточные районы Челябинской и Оренбургской областей).

Еще они решили, что оптимальным вариантом водовода будет канал (несмотря на фильтрации и испарения). Длина — 2250 км, ширина — 200 м.

Наконец, они гарантировали, что с использованием этой воды окажется возможным орошать 4,5 млн га земель.

А дальше... началась перестройка.

Экологический бум (бунт?), сфокусировавшийся на «повороте северных рек», стал одним из центральных её сюжетов.

Из области сугубо технической (экологической, экономической) дискуссия перешла в совершенно иное измерение. Чуть ли не мировоззренческое. Проект якобы воплощал в себе большевистские насильственные подходы к покорению природы. А противостояли ему идеи свежие, природоохранные, экологические.

Кто бы сомневался, кто бы сомневался...

На самом деле, убеждён в этом и повторяю это, произошло поругание профессионализма, победное шествие дилетантов вслед за теми, кто зарабатывал геростратову славу монтажников и проекта переброса части стока северных рек, и «проекта СССР».

Кому-то казалось, и всем внушалось, что проект аккумулировал все пороки административно-командной системы. На стороне его противников были уже взгляды и настроения такого рода: государство должно прекратить всякое попечение о крупных проектах. Бюрократия лишь мешает науке. Грядут такие благодатные времена, когда все деньги, которые тратились на «никому не нужные» стройки коммунизма и гонку вооружений, пойдут на пенсии, культуру, здравоохранение. И все это — на фоне романтических предсказаний, будто мы вступаем в мир, где никто больше не будет на нас нападать, а потому надо скорее перековать все мечи на орала, выпускать вместо вооружений кастрюли и мясорубки. И заживем прекрасно.

Потом случилось то, что случилось: 14 августа 1986 года вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек».

В концентрированном виде вопрос изложен в моём письме В.В. Путину, которое я привожу полностью.

Президенту Российской Федерации
В.В. Путину

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

По прогнозам ученых, в XXI веке проблема пресной воды станет главным источником глобальных конфликтов, перерастая в главный лимитирующий фактор развития человечества. Современные технологии водопользования и масштабы их применения серьезно увеличивают загрязнение воды и сокращают водные ресурсы, пригодные для питьевого, бытового, сельскохозяйственного и технического использования. Это усугубляется интенсивным ростом населения, причем в основном в регионах, характеризующихся именно нехваткой пресной воды. Поскольку масштабных системных мер по приостановке этой тенденции не предпринимается, проблема истощения мировых запасов пригодной к употреблению воды в течение ближайших лет может стать (и, для дальновидных деятелей, фактически уже стала) доминантной проблемой человечества.

Даже на территории стран СНГ, включая Россию, в последние десятилетия в отдельных регионах наблюдается крайне напряженное положение с обеспеченностью водными ресурсами, ставящее под угрозу экономическое развитие и веками сложившуюся систему расселения и жизненный уклад миллионов людей. Это, помимо колоссальных материальных затрат, вызывает опасный уровень социальной и даже международной напряженности.

В частности, в Узбекистане, на фоне резкого роста населения, насчитывающего сегодня почти 25 млн человек (по сравнению с 16 млн в 1980 году) на одного жителя приходится 0,21 га орошаемой земли. Всего в этой стране орошается 4,8 млн га земель. Пригодно для орошения еще 9 млн га. Но за последние 10 лет прироста орошаемых земель нет. Из 125 тыс. га, ежегодно засевае-

мых ранее рисом, в настоящее время засеивается только 4 тыс. га. Потребление продуктов питания снизилось. Оно в два раза ниже нормы. Из-за отсутствия воды узбекским властям уже пришлось переселить из Кара-Калпакии 150 тыс. человек. При нормализации обстановки в Афганистане и переходе его на мирное развитие произойдет забор на законных основаниях (по нормам международного бассейнового права) 10 куб. км воды из Амударьи на сельскохозяйственные нужды. А это почти в два раза уменьшит обеспеченность Узбекистана пресной водой, хотя и сегодня эта обеспеченность составляет лишь 70 — 80 % потребности. Аналогичные тенденции наблюдаются в Казахстане и Туркменистане.

В то же время Россия обладает значительными ресурсами пресной воды, но в отличие от Средней Азии не обладает значительными ресурсами земель, орошение которых даст такой же эффект, как в Узбекистане, Туркмении и даже в Казахстане. Это объективно делает чрезвычайно привлекательной для России политику взаимовыгодного добрососедского сотрудничества с соседними среднеазиатскими государствами на базе рационального использования паводковых и избыточных вод сибирских рек и пригодных для орошения высокопродуктивных сельхозземель.

Это актуально еще и потому, что для нынешнего столетия будет характерна продажа пресной воды на мировом рынке в объемах, сравнимых с объемами продажи нефти. При этом цена продаваемой воды, как показывает уже существующий небольшой опыт, будет неуклонно возрастать, а все затраты на обустройство инфраструктуры торговли водой будут более эффективными, чем на инфраструктуру торговли, например, нефтью, так как вода является возобновляемым ресурсом, а нефть — нет.

Вполне приемлемые научные и технические решения водообеспечения были найдены уже в последние десятилетия существования СССР. В 70 — 80 годах была начата проработка идеи так называемого поворота рек или переброски части вод некоторых западносибирских рек в южные республики СССР.

В организационно-техническом плане эта идея была проработана достаточно основательно. (К 1986 году было завершено ТЭО.) Однако в 1986 году этот проект был закрыт решением Политбюро ЦК КПСС. Это объясняется, на наш взгляд, двумя причинами:

— Первая причина — слабость и нерешительность власти, которой противостояла сила недобросовестно сформированного общественного мнения, в первую очередь псевдопатриотами и псевдоэкологами. Это противостояние власть не смогла или не решилась преодолеть.

— Вторая, основная, причина — экономическая. Затраты на проект подсчитывались теми, кто должен был получить эти средства для реализации проекта, и потому были завышены, тогда как бесспорных количественных оценок положительных результатов проекта его сторонники привести не могли.

Справедливости ради следует признать, что в рамках действовавшей в то время системы практически бесплатного, безрасчетного использования воды и других природных ресурсов этот проект в принципе не мог иметь надеж-

ного количественного экономического обоснования. Все это Вам, конечно, известно, так как в Вашей статье «Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики» (Записки Горного института, т. 144, СПб, 1999) эти вопросы разобраны в высшей степени профессионально и в деталях. Точных расчетов у защитников проекта в прежних условиях и быть не могло, а эмоции всегда работают на пользу деструктивных сил.

Учитывая изложенное и отвергая порочные принципы прежнего подхода к реализации гигантского проекта переброски части вод сибирских рек в Среднюю Азию, предлагается на основе ревизии имеющихся наработок рассмотреть вопрос взаимовыгодного использования паводковых и избыточных вод сибирских рек в целях вовлечения в оборот неиспользуемых высокопродуктивных пригодных для орошения сельхозземель России и Средней Азии.

Техническая сторона предложения сводится к использованию 6 — 7 % общего дебета реки Оби (весь сброс Оби — 316 куб. км в год, по проекту отбирается 27 куб. км) в качестве ресурса, продаваемого сельскохозяйственным и промышленным производителям России, Казахстана, Узбекистана и, возможно, Туркменистана, без ущерба для экологии всей гидросети Тобол — Иртыш — Обь.

Место водозабора в канал — створ «Белогорье» на реке Оби близ города Ханты-Мансийска. (Возможен иной, более современный технический вариант водовода.) Объем водозабора (брутто) — 27,2 куб. км в год, или 6 — 7 % всего стока.

Трасса канала от места водозабора проходит сначала по правому берегу реки Тобол, далее преодолевает водораздел по Тургайской седловине и выходит к реке Сырдарье в районе города Джусалы (есть вариант проложения трассы по более высоким отметкам с выходом к Кызылординскому гидроузлу на реке Сырдарье), затем пересекает междуречье Сырдарьи и Амударьи и включается в реку Амударью в створе между Тюямуунским и Тахиаташским гидроузлами.

Протяженность трассы — 2550 км. Пропускная способность канала — 1150 куб. м воды в секунду (открытый канал, ширина — 200 м, глубина — 16 м).

На Тургайский водораздел воду должны поднимать последовательно пять насосных станций на общую высоту 110 м. Далее по трассе канала предусматривается строительство еще трех насосных станций (одна — перед рекой Сырдарьей и две — перед рекой Амударьей). Установленная мощность насосных станций — 2,7 млн кВт, годовое потребление электроэнергии — 10,2 млрд кВт ч.

По трассе канала предусмотрены системы гидротехнических сооружений, основные из которых (кроме водозаборного сооружения на реке Оби и уже названных насосных станций):

- Тобольский гидроузел на реке Иртыш;
- мостовые переходы через канал;
- дюкеры на пересечениях с временными водотоками;

— перегораживающие и водовыпускные сооружения на ответвлениях из канала;

— Тегизское и Кайрасорское водохранилища по трассе канала (на участке до реки Сырдарьи);

— водохранилище перед впуском канала в реку Амударью.

Распределение транспортируемой по каналу воды:

областям России на начальном участке трассы канала — 4,9 куб. км;

Северному Казахстану — 3,4 куб. км;

на подпитку рек Сырдарьи и Амударьи — 16,3 куб. км;

в т. ч. Узбекистан — 10 куб. км;

всего — 24,3 куб. км (нетто)

(2,9 куб. км (12 %) — потери).

Площадь орошаемых земель, которая может быть на этой воде дополнительно освоена:

в областях России — 1,5 млн га;

в Центральной Азии — 2,0 млн га.

С учетом перспективы отбора (на законных основаниях) воды Афганистаном, о чем говорилось ранее, целесообразно забирать из реки Оби не 27 куб. км, а, как минимум, 37 куб. км воды. Увеличение забора произойдет за счет более интенсивного использования паводковых вод и, по мнению специалистов, не нанесет экологического ущерба.

В России намеченный канал проходит по территории Ханты-Мансийского автономного округа, Тюменской и Курганской областей. Водопользователями становятся Челябинская и Курганская области.

Мы в инициативном порядке проработали вопросы реанимации отвергнутого проекта с учетом новых реалий.

Юридической формой реализации такого проекта может стать создание Международного Евразийского Консорциума с долевым участием сторон. Если какие-то страны не располагают возможностями для финансирования проекта, они будут расплачиваться с теми, кто формировал средства Консорциума, из будущих его доходов как за взаимный кредит.

Экономические основы функционирования Консорциума в новых условиях можно сделать более ясными и объяснимыми, чем это было в дореформенной системе. Страны — участники Консорциума будут компенсировать расходы на проект не только за счет продажи воды конечному потребителю, но и отчисляя часть опосредованной, косвенной выгоды от введенных в сельскохозяйственный оборот земель и запускаемых новых производственных мощностей. При всем этом сам по себе Консорциум не будет получать прибыли. Прибыль будут получать участники Консорциума за счет экономического развития соответствующих территорий. В этих целях Консорциум замыкает на себя и энергетические вопросы (в первую очередь связанные с использованием энергии ГЭС на среднеазиатских реках). Предварительные проработки показывают, что проект будет самоокупаемым и даже прибыльным только в рамках системного подхода. В этом случае открывается

перспектива заинтересованности во вступлении в Консорциум для Киргизии и Таджикистана.

Финансовая сторона проекта в новых условиях требует специальной проработки. Дело в том, что, как уже указывалось, цены 1985 года были несколько завышенными. Кроме того, определялась общая сумма, которую нужно затратить на проект из союзного бюджета, и она получилась довольно большой. В новых условиях важно рассчитать годовую нагрузку на российский бюджет. С учетом развития технических средств и технологий за последние 15 лет, с учетом паритетного финансирования проекта другими странами — участниками Консорциума, с учетом возможного привлечения международной финансовой помощи эта нагрузка может оказаться вполне приемлемой. Она может быть также снижена, если так составить бизнес-план, что часть расходов будет компенсироваться доходами от промежуточных этапов проекта.

Проведенные предварительные конфиденциальные обсуждения с первыми руководителями Узбекистана и Казахстана показали особую заинтересованность этих государств в реализации «водного проекта». Ими было подчеркнуто, что его успешная реализация целиком зависит от позиции Президента Российской Федерации.

Осуществление проекта использования на взаимовыгодной основе паводковых и избыточных вод сибирских рек в целях вовлечения в оборот неиспользуемых высокопродуктивных сельхозземель России и Средней Азии позволит России не только поднять экономический потенциал ряда своих регионов, вовлечь дополнительно в оборот 1,5 млн га высокопродуктивных земель, создать тысячи рабочих мест, загрузить сотни промышленных предприятий и научных учреждений, но и решать политические вопросы взаимоотношений со среднеазиатскими государствами, делая этот огромный регион зоной конструктивной взаимовыгодной интеграции, что несомненно объективно заставит всех политических деятелей соизмерять свои политические амбиции с реальными социально-экономическими последствиями.

При выборе ответственных за осуществление проекта с российской стороны нельзя допустить к нему, по крайней мере на начальной стадии, лиц, видящих здесь прежде всего источник для личного обогащения. Это может погубить многообещающий проект и даже сделать его источником внутренней напряженности. Вы сами в уже упоминавшейся статье рассматривали этот вопрос и подчеркнули опасность ухода в частные руки отдельных, так называемых стратегических собственников дифференциальной природной и горной ренты.

Представляется наиболее целесообразным для подготовки первоначальных предложений сформировать рабочую группу из представителей Министерства природных ресурсов Российской Федерации и представителей Правительства Москвы. Участие Министерства природных ресурсов естественно и по статусу, и по сосредоточенной в его учреждениях информации. Важно также, что это Министерство должно быть прежде всего озабочено стратегическими интересами государства в целом.

По нашим сведениям, эти проблемы в какой-то степени продолжают прорабатываться и в Министерстве природных ресурсов и некоторыми специалистами, работающими или работавшими в системе МПР. Обсуждения со специалистами убедили нас в важности и актуальности данной проблемы. Задачи эффективного трансграничного перемещения водных ресурсов обязательно должны оставаться в поле зрения воднохозяйственных институтов МПР России и проект не может быть успешным без активного участия МПР. Мы могли бы плодотворно сотрудничать с МПР, взяв на себя общесистемную проработку проекта с учетом экономических и технологических аспектов, а также качественную оценку косвенных социально-экономических последствий реализации проекта на региональном, государственном и глобальном уровнях.

Воднохозяйственным институтам МПР можно было бы поручить оценку требуемых инвестиций в решение технических проблем перемещения водных ресурсов, оценку эксплуатационной составляющей себестоимости воды во всех точках отпуска ее конечному потребителю.

Непосредственное участие Москвы в предлагаемом проекте сулит большие выгоды для российской стороны Консорциума в целом. Это связано с московским уникальным практическим опытом использования межбассейновой переброски вод (в первую очередь снабжение волжской водой Москвы-реки и водозаборных систем Москвы через канал имени Москвы). В Москве сосредоточены практически лучшие научные силы и производства для осуществления проекта. Участие в Консорциуме позволит Москве получать свою долю прибыли от освоения новых сельскохозяйственных земель в виде дешевой (в известном смысле импортозамещающей — ведь это всего лишь ближнее зарубежье) сельхозпродукции (особенно в весенний и зимний периоды).

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович, обращаюсь к Вам с просьбой:

— Поддержать вышеизложенный проект, взять его под свой личный патронаж.

— Создать из представителей Правительства Российской Федерации, Российской академии наук, администрации Москвы, заинтересованных субъектов Российской Федерации, Узбекистана, Казахстана временную рабочую группу для обоснования научной концепции проекта и разработки учредительных документов Международного Евразийского Консорциума по осуществлению проекта использования паводковых и избыточных вод сибирских рек в России и Средней Азии.

— Поручить Министерству природных ресурсов во взаимодействии с Правительством Москвы продолжить начатую работу и организовать временную рабочую группу, осуществить ее финансирование и проведение необходимых организационных и научных мероприятий.

— Дать поручение всем министерствам и ведомствам России, субъектам Российской Федерации оказывать временной рабочей группе необходимую помощь и содействие в выполнении поставленной задачи.

С глубоким уважением,

Мэр Москвы Ю.М. Лужков. 25.01.02

Знакомство читателя с этим документом даёт, надеюсь, ясное представление о сложности подготовки решений, относящихся к природопользованию. Вслед за публичным обнародованием мною, уже не в жанре письма, основных его положений в СМИ произошел настоящий информационный взрыв. Его ударная волна поражала не глубиной аргументации — отнюдь. Вот лишь некоторые заголовки: «Лужков предлагает повернуть сибирские реки вспять», «Лужков не знает, куда девать деньги», «Поворот Лужкова»...

На самом деле я просто предлагал поддержать идею объективной и всесторонней проработки — с учетом новых социально-экономических, технологических и геополитических реалий — крупного проекта, занимающего умы людей уже более 100 лет.

В новых условиях проект не устарел. Напротив, он обретает наконец твердую коммерческую основу.

В эпоху имперского величия Россия перевалила через громадный водораздел между северным и южным склонами (сейчас основная часть этого водораздела проходит по территории Казахстана). Степи Казахстана, Алтая, сибирского юга в среднем лишь раз в десятилетие увлажняются удовлетворительно. В остальные годы засухи сжигают и посевы, и травы на пастбищах, скот попадает под пресс жестокой бескормицы. А ведь при таком изобилии света и тепла одного- двух своевременных поливов хватало бы для щедрого урожая.

Земель, столь благодарно откликающихся на мелиорацию и орошение, на южном склоне порядка 150 млн га.

Научно-технический задел, воплощенный в этом проекте, потрясает своим объемом. В 1970 — 1980 годах тысячи специалистов из 150 научно-исследовательских институтов рассчитали 17 вариантов использования избыточных и паводковых вод Оби с ее притоками в сельском хозяйстве Казахстана, Узбекистана, Туркмении, а также Курганской, Оренбургской, Тюменской, Челябинской областей России.

Ученые выясняли, какие растения и породы скота можно выращивать в этих регионах, сколько их понадобится стране для покрытия потребностей (в расчете на 2000 год — так что уже известно, что по крайней мере эта часть прогноза в целом подтвердилась).

По тогдашним ценам строительство обошлось бы в 32,6 млрд рублей: 13,8 — главный канал, 11,6 — оросительные системы, 7,2 — новые сельскохозяйственные предприятия, использующие доставляемую воду. Расчетный годовой выход готовой продукции составлял: 17,1 млн тонн зерна; 6,7 млн тонн овощей, картофеля, бахчевых культур; 2,9 млн тонн мяса; 10,9 млн тонн молока; 9,2 млрд яиц.

Чтобы получить столько же сельскохозяйственной продукции в других районах, потребовалось бы порядка 150 млрд рублей капиталовложений — почти впятеро больше!

Размах проекта многие считают его недостатком. На самом деле это существенное достоинство, ибо проект — инфраструктурный. Сибирь все еще освоена куда меньше центра России. В свое время она могла и отпасть от госу-

дарства вслед за Аляской. Только героические усилия российских железнодорожников под руководством Сергея Юльевича Витте создали в конце XIX века инфраструктуру, на которую удалось «нанизать» тогдашний хозяйственный механизм страны.

Сейчас инфраструктура российского востока не только не развивается, но и хиреет. Между тем наши южные соседи — особенно Китай — своей инфраструктурой занимаются всерьез. Скоро разность демографических потенциалов на наших границах усилится разностью потенциалов экономических. Не займемся благоустройством своей территории заблаговременно — принимать решения придется в спешке, втридорога, чудовищно неэффективно.

Раз выгоды проекта достигают государственных масштабов — логично и среди его противников поискать кого-нибудь столь же размашистого. В первую очередь вспомним российских нефтяников. Нынешний сырьевой перекос отечественной экономики — прежде всего доходов бюджета — позволяет им вслед за Людовиком XIV гордо заявлять: «Государство — это я». Понятно, что потеря монопольного положения им не по нутру. И через подконтрольные СМИ они еще долго будут шельмовать любую мысль, реально противостоящую означенному перекосу.

Впрочем, с нефтяниками управиться можно. Была бы политическая воля, а за экономическими мотивами дело не станет. Засуха 1963 года, наложившись на предшествующие политические трудности, заставила страну впервые едва ли не за многие века закупать продовольствие за рубежом. А нефтедолларовые потоки, порожденные ближневосточным конфликтом 1973 года, позволили руководству страны считать эти закупки простейшим решением множества проблем государства. Запад, уже несколько десятилетий субсидировавший свое сельское хозяйство во избежание массовой безработицы, в одночасье обрел не только обширный, но и платежеспособный рынок.

Естественно, западные бизнесмены и политики вряд ли согласятся по доброй воле расстаться со столь щедрым рынком. А поскольку они несравненно опытнее наших и поэтому работают куда тоньше, довольно трудно найти их отчетливые следы вокруг проекта водохозяйственного освоения южного склона Евразии. Особенно если учесть, что проект заодно усиливает и политическую мощь нашей страны — значит, работать против него могут и специалисты по закулисным политическим играм.

Проект орошения земель Центральной Азии сибирскими водами сейчас называют еще и проявлением «имперского мышления». Мол, таким способом Россия привяжет к себе тамошние республики, грозя им смертью от жажды в случае малейшего своеволия.

Опыт США, ныне усиленно добивающихся ключевого положения в этом регионе (и поэтому опасющихся роста российского влияния), подтверждает давно известное правило: «Осел, груженный золотом, возьмет любую крепость». И все же крепче всего привязываются друг к другу именно партнеры. Чем взаимовыгоднее будет наше сотрудничество — тем ближе к России станут

республики Центральной Азии. А силовое решение неизбежных при столь тесном соседстве проблем станет вполне бессмысленным.

Да и США выгоднее было бы не искать политические ходы на придуманной Збигневом Бжезинским «великой шахматной доске», а честно включаться в совместные экономические проекты. Только в этом случае их интересы в регионе, столь удаленном от Вашингтона и столь близком к Москве, станут столь же законными, уважаемыми и защищаемыми, как наши.

Вода — ресурс не менее значимый, нежели нефть. И не нужно быть Нострадамусом, чтобы предсказать: не научимся ее продавать — придется отдавать даром.

Впрочем, и продавать можно по-разному. Наш северный сосед — Норвегия — на доходы от шельфового нефтегаза совершил грандиозный технологический и социальный рывок. Мы же в своё время в нефтедолларовом потоке утопили и тот запас технологий, и ту социальную защищенность, что имели прежде. Может быть, такая разница оттого, что у них по конституции вся прибыль от недр принадлежит в равной мере всем гражданам страны.

По нашей Конституции воздух и вода — всенародная собственность.

Размышляя о взаимоотношениях природы и власти, о решениях глобального порядка, необходимых к принятию ради будущего, хотелось бы укрупнить масштаб нашего обобщения. Мы рассматривали «всего лишь» проект переброски части стока северных рек. Проект, ныне, увы, отложенный. Тем не менее он и в этом своём положении учит нас пониманию того, что следует за частностью видеть глобальное, ибо оно неотменимо существует и взывает и к власти, и к народу. И к государству.

Я утверждаю, что России не хватает амбициозных проектов национального масштаба, в реализации которых мог бы участвовать весь народ. Проектов созидательных, которые бы не просто восстанавливали инфраструктуру (дороги, жилье), а были нацелены на общенациональные результаты. Мы должны строить мощное, сильное государство. Россия будет либо великой, либо ее не будет. Это и есть исторический выбор.

Он нужен нам, россиянам, чтобы вернуть уверенность в себе, остановить деградацию, объединиться вокруг общих целей.

Он нужен нам, чтобы объединить народ, чтобы мощные цели, масштабные задачи улучшили моральный климат в обществе, сформировали оптимизм и веру, дали чувство победы. Когда такие проекты осуществляются, вся страна ощущает себя совершенно иначе. Это невероятно важно сегодня психологически — прежде всего для энергетического здоровья нации. Значит, народ уверен в своих перспективах — собирается жить, рожать, пахать и строить.

В России сосредоточено гигантское количество социальной творческой энергии. Для того чтобы эта энергия приводила к позитивному результату, нужно вернуть народу то, что не совсем удачно было названо национальной идеей. На Западе никто не говорит о национальной идее — но ведь как-то там людям объяснили, в чем ценность их цивилизации, внутренний, священный смысл. Любой европеец знает, что он живет в особенном

месте. Не в смысле лучшем или где «больше духовности». Важно народное согласие — пусть на уровне инстинкта, а не философии, — в чем ценность его земли и истории. А значит: почему ее надо беречь и сохранять. Речь идет вовсе не о самопрославлении, а о долге страны и народа в общемировом пространстве — как это изначально понимали наши предки, когда говорили о «Святой Руси».

Могут быть разные мегапроекты. Первыми подступами к ним были национальные программы. Пора вернуться к мегапроектам.

Мегапроекты — это качественно другой этап. То воодушевление, с каким было встречено известие о сочинской Олимпиаде, это не только гордость за страну, не только так необходимый нам для национального самочувствия международный успех. Это прежде всего вдохновение, которое поднимает нас и объединяет вокруг позитивной созидательной программы. Не вокруг негативной, отрицающей, критической, а вокруг позитивной, которая имеет созидательный импульс.

Если такие задачи поставить, трудно даже себе представить, как Россия может сконцентрироваться. Наша страна всегда формировала высокие цели. И сейчас сама ситуация должна толкать к этому — возродить в народе надежду на его способность снова, как прежде, поднимать большие задачи.

Будем безынициативными — потеряем страну. Вот что я слышал в разных аудиториях, когда стала всплывать идея того, старого проекта. Отказаться от больших проектов, как к этому нас призывают, значило бы признать, что Россия — просто огромный резервуар с природными ресурсами, что мы живем во второсортной стране, которая не может обеспечить ни интересов своих граждан, ни интересов своей безопасности. Без творческих, здоровых амбиций, на одной продаже ресурсов в ведущие державы не выедешь. Без возрождения системы подлинных и вечных для России ценностей наше общество обречено на отставание. Нужен прорыв.

Состояние мировой экономики и политики показывает, что мы всё ещё отстаем. Сегодня Россия ищет свое место в глобальном мире. Этот поиск идет с невероятной интенсивностью. Он не имеет отношения к реставрации «имперских амбиций». Он осуществляется в логике новой системы мирового сотрудничества. Ведь XXI век — это период формирования крупных «геополитических материков», надгосударственных политико-экономических систем, глобальных общих рынков, культурных и информационных «ареалов влияния». В этом мире способность не выпасть из общего потока развития определяется наличием у государства (или группы государств) собственного глобального интеграционного проекта, позволяющего развиваться и укреплять свои позиции.

Россия может показать себя ядром, началом какой-то единой глобальной конструкции, создать новое цивилизационное пространство, чтобы могли бы гордиться не только тем, что было когда-то в прошлом.

Чтобы наши социальные и технологические матрицы могли распространяться по миру.

Чтобы граждане других стран хотели приехать и работать здесь. Не только потому, что тут больше платят, а потому, что в страну вернулся дух открытый, творчества, новых горизонтов.

Мы слишком большая держава, чтобы позволить себе быть объектом, а не субъектом исторического процесса.

Мы должны вернуть себе статус страны, опережающей в проблемном видении других. И нет другого пути, как создать на цивилизационно-историческом основании стратегическое пространство близости, показать окружающим народам путь существования бесконфликтного геополитического мира. Мы должны показать: вот наша модель.

Вот почему, когда спрашивают, чем так привлекателен «водный проект», я отвечаю: он важен с точки зрения наших идей. Энергетические ресурсы России объективно являются ее конкурентным преимуществом. И мы готовы участвовать своими ресурсами в помощи соседям, в совместных проектах, в создании новых надгосударственных политико-экономических «ареалов влияния», обеспечивающих более справедливые правила игры в мире.

Возвращаясь к проекту, можно сказать что его политическая перспективность именно в том, что он, безусловно, следует логике альтернативной глобализации. Он содержит в себе новый образ глобального мира. Из него, как из зернышка, может вырасти нечто, имеющее как прагматический, так и гуманитарный аспект: на базе совместного использования ресурсов мы получаем образец соединения европейского и азиатского миров.

Ныне нет Советского Союза — и нет, и, видимо, никогда не будет в нашем обществе согласного критического или согласного внекритичного отношения к СССР. Точно так же разнится сейчас отношение россиян к России: большинство уважает свою страну, трезво видит и проблемы, и недостатки; какая-то часть в маргинальном политическом отстое рассуждает про торжествующую якобы «диктатуру», или, открыто понося власть во все тяжкие, стонет о невыносимом гнёте цензуры и задушенной свободе слова.

Что же, вольному воля, рассуждай себе на здоровье.

Удивительно лишь одно: кто работал на страну при советской власти, тот пашет на Россию и сейчас. Кто обрушивал Советский Союз, тот и в демократической России — детище рук своих — видит тоталитарного монстра.

И вот вопрос: патриоты, либералы, государственники, социалисты, коммунисты, правые, левые — мы в России имеем или нет общие и высшие ценности в виде авторитета России в мире? Государство держится суммой общих ценностей, а не одним лишь плюрализмом мнений. Плюрализм — это инструмент отделения зёрен от плевел в многообразии общественной мысли. Этот инструмент необходим, потому что не во всякой мысли есть зерно. Но сам по себе плюрализм не более чем инструмент свободы. Этим инструментом можно помогать делу, но можно и мешать.

В отличие от профессиональных критиков Отечества и одновременно творцов «демократии» образца 90-х годов мы видим, что из позорного системного провала (а не «победоносных реформ» 90-х годов) страна выходит как из страшной болезни. Страна выздоравливает, обретает силы и волю к большой работе ради людей, их настоящего, их достойного и свободного будущего.

Избавлена ли ныне Россия от недостатков власти? Нет, не избавлена. Власти без недостатков никогда и нигде, ни в одной стране, не было, и, видимо, не будет.

В более широком масштабе: на верном ли пути стоит Россия?

Да, на верном. Если бы мы вернулись в 90-е, то тот мир, который называл СССР «империей зла», был бы сейчас счастлив. Ближе было бы осуществление мысли Маргарет Тэтчер о том, что для России экономически оправдано население в 15 млн человек (опускаю здесь моральную оценку этой логики, а с чем её сравнить в политическом смысле — читатель, думаю, разберётся). Припоминается, что Тэтчер первая из западных лидеров «разглядела» Горбачева. Надо признать её своеобразную зоркость. Сейчас, когда М.С. Горбачёв рассуждает о российском отходе от идеалов демократии, снова обнаруживается его, мягко говоря, политическая наивность.

России нужен мир — как жизнь без войн.

России нужен мир — как пространство для жизни, трудов, покоя и радости вместе со всеми соседями по земному шару. Мир — общее поле работы, в особенности для граничащих друг с другом государств. Война убивает, разоряет и унижает.

Если это называется «имперское мышление» — то это нам не страшно, как Америке не страшно считать весь мир зоной своих национальных интересов. У нас они тоже есть.

Работая над этой главой, я ясно ощутил, что, сообщая читателю известное мне, продуманное мной, я открываю и для себя новые горизонты и пласты мысли. Конечно, тема отношений природы и власти требует отдельной большой книги. Моя задача была — дать компактный очерк этих отношений, показать разные их аспекты, от детализированных до глобальных. Незначительных при этом не оказалось. В какую сторону ни начни размышлять — выйдешь на масштаб, превышающий первоначальный.

Такова тема, таков человек, такова природа свободной мысли, не знающей пределов.

Почему мельчают властители

*Тяжела ты, шапка Мономаха, тяжела.
Сколько ты людей на плаху привела, привела!
Населением не понят, не оценен им никак,
Он сидит себе на троне,
Он сидит себе на троне как дурак, как дурак.
Лев Кройчик*

Название этой главы отражает распространённую убеждённую, что время великих правителей осталось в прошлом. Будто бы правители-творцы сменились почему-то правителями-исполнителями. Вместо пассионарных властителей, которые созидали историю, пришли властительные чиновники. На вершине власти не полководцы великих армий, а расчётливые экономисты. Сильные мира сего, некогда облеченные сакральной властью, уступили место «назначенцам» капитала, то есть тем, кто действует под очевидным руководством богатых мира сего.

Менеджеры, исполнительные директора, бесцветные и часто едва ли не комичные личности во власти — таких, действительно, немало. Есть в коллекции и преступники, и откровенные глупцы. И такая картина царит вроде бы на евразийском континенте и за океаном. Правда, концепцию измельчания властителей никак не подтверждает Китай. Там у них, за Великой китайской стеной, таинственным, на первый взгляд, образом появляются властители высшего политического, экономического, финансового и, что, может быть, самое главное, цивилизационного класса.

А в целом великие правителя возвышаются в тумане ушедших веков гигантскими, оваянными мифами фигурами, составляющими пантеон исторической славы их государств и символизирующими исторические свершения их времени.

В качестве небольшого эксперимента: представьте на минуту две для каждой крупной европейской страны фигуры: великий властитель дальнего или относительно близкого прошлого и его нынешний «коллега». Оценим масштаб личностей и размах деяний.

...Согласитесь, читатель, впечатляет. Слова о народе как единственном источнике власти давно уже и явственно в большинстве стран отдают демагогией и ею являются. Мы, однако, не будем упрощать понимание закономерностей истории и историю института персонифицированной власти. Ибо всё устроено значительно сложнее, и прошлое не является временем генерации исключительно титанов. В достатке были и ничтожества, просто во имя сохранения исторического достоинства нации они в ускоренном темпе уведены в тень памяти.

Негативное отношение к власти существует столько времени, сколько существует на земле институт власти. Негативизм прочно связан с десакрали-

задней власти. В новейшее время он подкрепляется такими нормами демократии как, например, свобода слова. Она существует в том числе и в таких формах, как поношение власти, оскорбления в её адрес либо в адрес символов власти и государства. У нас в России 29 марта 2019 года вступил в силу закон об оскорблении власти, что вряд ли является сильным решением. Дело в том, что претензии к власти и раздражение ею, выраженное в прямой и откровенной форме — это вещь для восприятия тяжёлая, но бывает, что она есть концентрированная народная оценка власти. Общественная мысль, ушедшая, как в недавние советские времена, «на кухню», разделяет власть и народ лучше самого высокого забора и самого глубокого рва.

Другое дело, когда публичные оскорбления и поношения носителя властных полномочий, грязная клевета и ложные измышления в его адрес являют собой исполнение закулисного политического «заказа». Вместе с Е.М. Примаковым автор этой книги испытал на себе этот метод в конце 90-х. Опыт, что говорить, по-своему уникальный, но ему не должно быть места в политической жизни.

Некоторое изумление вызывает традиционная позиция интеллигенции, публично вроде бы сторонящейся власти и при этом вечно льнущей к ней. При этом едва ли не брезгливое дистанцирование от власти прекрасно сочетается с рассуждениями о гражданственности. А ведь власть и гражданин — это в любом государстве партнёры. Власть исполняет, как умеет, общественный заказ, социальный наряд. Властитель — избираемая фигура, так стоит ли так уж демонстративно и с расчётом на внешний эффект шараяться от власти, как от заразного больного? Мы в России дважды докритиковались до смены политического строя и в первом случае потеряли трехсотлетнюю империю, а во втором — вторую сверхдержаву мира.

При всём этом тема настоящей главы обязывает нас задать такой вопрос: деградировали ли российские властители в течение XX века? Скажем с полным на то основанием, что, как минимум, ни один из них не выполнил в полной мере задачу реализации всех возможностей и естественных преимуществ гигантского и богатого территориями, ресурсами и народом государства. А ведь, казалось бы, каждому из них выпала масштабная историческая задача, решение которой обессмертило бы его имя.

На самом же деле каждый из российских правителей прошлого века был слабее (хуже) своего предшественника. Это относится и к Николаю II — последнему императору России, безвольно сдавшему власть, и к Ленину, не постеснявшемуся видеть в России всего лишь топливо для костра мировой революции. Костёр так и не разгорелся, а моря крови были пролиты без особого сожаления. Что уж говорить о Ельцине, развалившем СССР, опозорившем свое правление и едва не отбросившем экономику России в бездонную пропасть. Но удостоившемуся, тем не менее, чудовищного по размерам именного мемориала, где история Российской империи и СССР трактуется как некая многовековая преступная и порочная нелепость, решительно исправленная Ельциным. Без своей «минуты славы» не остался и Егорбачёв, которому с ми-

рового барского стола выписали аж Нобелевскую премию мира. За предательство, по факту.

Воистину, нет у России серединки, золотой точки равновесия в своей судьбе и в самооценках этой судьбы. В силу, видимо, той закономерности, которую сформулировал Достоевский: «В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический». Вот и мечемся от пылкого ультрапатриотизма к серенькому пессимизму.

Что происходит с институтом власти? Как можно оценить её качество в ушедшем веке и на перспективу?

«Власть — это наркотик. Кто попробовал его хоть раз, отравлен ею на- всегда», — заметил в своё время Уинстон Черчилль. Он, разумеется, имел в виду не только себя, но собственный пример, видимо, всё же жёг душу сэра Уинстона Черчилля. В отставку, напомним, он ушёл в июле 1945 года, в ореоле славы одного из победителей фашистской Германии. Избиратели, однако, не доверили ему приложить руки к послевоенной, подорванной войной экономике. Сохранив политический авторитет, он потерял власть. Продолжим, однако, его мысль: отравленный наркотиком неизбежно деградирует. Но ведь логика этого утверждения безупречна лишь внешне. История знает немало весьма успешных стайеров-долгожителей во власти. История также знает властителей-спринтеров, редко, когда добивавшихся успеха — им для этого не хватало мудрости, воли, упорства, а при наличии всего этого ещё и суммы благоприятных исторических обстоятельств, да и просто времени.

Таким образом, длительность и успешность властвования зависят от сложения многих причин в интегральный результат успеха. Напрямую зависят они и от кондиций властителя. У иных властителей кондиции эти отсутствуют. Пример тому — Александр Фёдорович Керенский. Получить власть и мгновенно, по историческим меркам, потерять её — это надо быть, прямо скажем, таким человеком, которому власть противопоказана. Керенский, по свидетельству современников, любил власть, но вряд ли понимал, для чего она существует. Более всего ценил он, видимо, всё же атрибуты власти, внешний её блеск, её символы, но не тяжкий труд во имя высших целей народа и государства.

Тяжесть «шапки Мономаха» — не для узколобой головы, не для тонкой шеи. Керенский был, по историческому смыслу, ставленником капитала, но в политическом качестве являлся кем-то вроде временщика-самозванца. И это несмотря на его бешеную, как тогда говорили, популярность в первые пьянящие дни правления. Но вот правления-то как осмысленного процесса как раз и не последовало. Ибо правление — это не пыльные речи, а труд, социальное и политическое творчество во имя крупных целей. Правление, особенно на сломах времён, это борьба, где нужны воля, сила, интуиция, мудрость. Таковыми качествами Керенский действительно отмечен не был.

Пример из более близких времён: после смерти Сталина страну несколько коротких лет, с пятого марта 1953 года по 8 февраля 1955 года, возглавлял председатель Совета Министров СССР Георгий Максимилианович Маленков. Номер его партийного билета был третий. Первый билет числился по-

смертно за Лениным, второй, при жизни, был у Сталина. Это, согласитесь, о многом говорит. Ныне прочно забытый, Маленков был инициатором многих перспективных реформ во власти и в экономике. Жизнь людей становилась лучше и веселее, и не по сталинскому пропагандистскому выражению, а в реальности. Пошли положительные перемены во внешней и внутренней политике. Как и у позднего Сталина, у Маленкова был замысел на отвод КПСС в идеологическую нишу, отъём у партийной бюрократии функций коллективной авторитарности правления страной. Не вышло ни у Сталина, ни у Маленкова — партбюрократия их одолела, по сути, переиграла. Первого свела в могилу (к этой версии склоняются немало историков), второго отправила в непочётную ссылку. И всё-таки именно при Маленкове цепенящие запреты и препоны в управлении государством, общественной и политической мысли, науке, искусстве были если и не отброшены окончательно, то радикально уменьшены в масштабах и количестве. Маленкову, а отнюдь не Хрущёву, присвоившему через пару лет после отставки Маленкова его наследие, принадлежат идея и план массового строительства жилья, позднее названного «хрущёвками», но в своё время ставшими благом для населения городов. Знаменитая «оттепель» начиналась тоже при Маленкове.

Казалось бы, страной руководит сильный и мудрый человек. Но очень скоро Маленков стал жертвой политических интриг Хрущёва и его соратников. Политическая и властная карьера Маленкова завершилась на скромном посту директора небольшой электростанции в степной казахстанской глубинке, недалеко от пустеющих гулаговских бараков. Чтобы не забывался, вероятно...

Маленков потерял власть потому, что его предали, потому что рядом с ним оказался искушённый в интригах и в подлости человек, числившийся не только соратником, но даже и искренним другом. А был он на самом деле — врагом.

Чего не хватило Маленкову? В чем он был слабее не только Сталина, но даже и Хрущёва (которого в 1964 году тоже с позором отправили в забвение, на подмосковную дачу под плотную опеку внешне невидимой охраны). Не хватило ему искусства быть властителем. Мудрости. Определенного рода, примем это как данность, политической маневренности. Политической трезвости. И, конечно, твердой воли, которая в любые времена есть безусловная ценность. Ибо власть и воля — это не дальние, забывшие друг друга родственники. Это неразрывное единое целое.

Власть можно и надо любить, это в природе человека, но использовать её следует как инструмент работы, а не как средство удовлетворения множества собственных явных и скрытых амбиций. Но и без них не обойтись, вот ведь в чём парадокс. Кроме энергии организму нужны витамины, вот этими-то витаминами и являются амбиции. У Маленкова их не было (авитаминоз), у Хрущёва они наличествовали в избытке (передоз).

Ленин после длительной политической эмиграции вернулся в Россию в апреле 1917, а свой земной путь закончил в январе 1924 года. Всего шесть лет в стране, а непосредственно во власти и того меньше. В активе: смена политического режима (октябрьский переворот, с 1927 года называемый революци-

ей, создание первого в мире государства нового типа, ставшего в короткие десятилетия второй сверхдержавой мира и бесславно исчезнувшего в 1991 году под непреодолимым воздействием, как принято считать, внешних и внутренних сил). Это была работа титана, работа, буквально изменившая мир, ввергнувшая огромную его часть то ли в утопию коммунизма, то ли в реальный социальный проект общей гармонии и общего развития, но проект так и не исполненный.

Так или иначе, Ленин свой шанс на огромность свершений не упустил. Но их цена была чрезмерной, да и проект в целом был бесславно закрыт всего через несколько десятилетий. Тому множество причин, но мы сейчас просто констатируем факт.

Роста мощи государства добивался Сталин, и многое, надо объективно сказать, получилось. Но совесть, память и принцип исторической объективности не позволяют забыть о методах и средствах сталинского правления. Они были жестокими, в отдельных случаях — вынужденно жестокими. Это факт. Военно-политические, экономические, культурные и социальные достижения сталинского периода — тоже факт.

Эта парадоксальная параллельность зла и добра всегда будет терзать наше национальное сознание. Особенно с учетом того обстоятельства, что наш национальный характер отличается исторической совестью и памятью и на умное благо, и на злой разор. При полном отсутствии национального эгоизма, которого кое-кому из соседей не занимать. Хоть торгуй им. Соседи как-то так устроились со своей совестью, что она постоянно молчит, будто и нет её... Всё у них было якобы величественно и благолепно, что, однако, не соответствует действительности. Ибо их великие правители прошлого были замазаны кровью ничуть не меньше наших. И более чем явно помечены приметам крайнего властолюбия как такового.

«Из всех социальных, нравственных и духовных проблем самой острой, постоянной и трудно поддающейся разрешению является проблема власти, — писал в книге «Вечная философия» английский философ и писатель Олдос Хаксли. — Жажда власти не является плотским грехом, и потому, в отличие от чревоугодия, невоздержанности и похоти, покидающих усталое или пресыщенное тело, она никуда не исчезает. В данном случае аппетит действительно приходит во время еды, и жажда власти может проявляться бесконечно, невзирая на болезнь или усталость... А потому стоит ли нам удивляться, что действия политиков, предпринятые не для общего блага, а исключительно или, по крайней мере, в значительной степени, ради удовлетворения жажды власти, слишком часто оказываются вредными или даже совершенно катастрофическими?» Заметим, что это утверждение верно для большинства случаев, кроме одного, когда после насильственного несправедливого отстранения от власти верх берёт не горечь от её потери, а вполне понятное сожаление в связи с невольным снижением масштаба твоего дела. Но даже и такие обстоятельства не могут нарушить гармонию действительно цельной, крупной и ярко одарённой личности.

Почему же деградирует власть, а в более узком смысле мельчают современные властители, которых никто не называет великими? Скажем для начала, что для такой квалификации нужно, естественно, некоторое историческое время, временная дистанция (большое видится на расстоянии). И всё же то ли глобализация формирует властителей по единой функциональной матрице, то ли само провидение окорачивает слишком резкие и чреватые большой кровью военные порывы властителей. Военная составляющая величия никуда не делась, и правитель в каждой стране является ещё и Главнокомандующим. Крупной кровопролитной войны не было, к счастью, уже несколько десятилетий. Хотя градус напряжения растёт, и порох у крупных и сильных стран всегда абсолютно сухой.

Что касается большой войны, то наша точка зрения вкратце заключается в том, что она никому не нужна. Всякий, кто способен, в силу могущества своего государства, победить на поле боя, предпочтёт победить, грубо говоря, деньгами. То есть купить нужные ресурсы, технологии, продукцию, товары и услуги. Скупить «мозги» у умных, но бедных стран. Даже, в случае демографической необходимости, «прикупить» себе население, поощряя профильные миграционные потоки. Создать, в конце концов, не жертвенный, но, скорее, завидно привлекательный уклад жизни в своей стране.

Это не упрощение. Это так и есть, и примеры перед глазами. Задача правителя, соответственно, сводится к тому, чтобы его страна обрела величие через силу богатства и красоту справедливого и щедрого устройства жизни. Всё это как будто просто, и всё именно так и обстоит. Но, читатель, ровно такие же, в сущности, задачи стояли и перед теми правителями прошлого, которых принято называть великими.

В любом случае, однако, военный зуд не побеждён. У военно-промышленного комплекса имеются свои задачи и интересы. Его политическое и финансово-экономическое обслуживание осуществляется не идеальными, мягко говоря, фигурами и силами. Притом пропагандистски и идеологически обеспечивается испытанным арсеналом патриотической риторики и политической демагогии. Военные арсеналы неуклонно растут, качественно совершенствуются, а это значит, что они дорожают, и это позволяет национальным ВПК хорошо зарабатывать. Никакого потепления мировой обстановки нет. Холодная война не просто возобновилась, но достигла еще более крупного масштаба. Опасность заключается в той же причине, по которой в природе после снежной и морозной зимы по весне начинаются тысячи лесных пожаров, большинство которых — дело рук человеческих. Что может гореть, то рано или поздно горит, как собор Парижской Богоматери.

Сделаем из этого горький, но трезвый вывод: миром правит не мудрость, а зло. И обличья этого зла многообразны: от неуёмной жадности богатств до тупого национального эгоизма, от неисполнимых теорий о процветании «золотого миллиарда» до искуса получить всё и сразу путём глобального опережающего удара, от зависти к чужим ресурсам до невозможности противостоять искусу

прихватить чужое, что плохо лежит. Замечу специально: последний тезис — не о Крыме.

Какого рода властители призываются историей для решения подобных задач? Как раз те, кого мы видим у штурвалов национальных государств.

Заметим, кстати, что деньги (капитал) — это тоже оружие, в особенности вкупе с современными финансовыми и коммуникационными технологиями. И это оружие обладает огромной разрушительной силой, ибо способно обрушивать национальные экономики с обескураживающей быстротой. А всякая обрушенная экономика означает не только потерю национальных капиталов, но и людские страдания и бедствия. По сути — война.

Война — вроде бы исторический атавизм, но на земле как минимум двести лет не было дня без войны. Были дни, годы, десятилетия и века без мира. Отсюда и спрос на правителей-главнокомандующих.

Властители прошлого могли сделать свои государства сильными только тогда, когда развивали их экстенсивным образом: отвоёвывали чужие территории, пригодные для сельского хозяйства и иных нужд, грабили население поверженных государств, облагали их данью, рекрутировали бывших врагов в свои армии, копили деньги. И длился такой порядок вещей с праотеческой поры, когда вопросы радикальным образом решала дубина в мускулистой руке вожака первобытной человеческой стаи, и до самых, пожалуй, близких нам времён, когда разорительные цветные революции как по заказу вспыхивают в богатых углеводородами странах. То есть опыт применения прямой или не очень камуфлируемой силы не ушел в прошлое. Есть ли надежда на такой уход?

Подождём. Человечество не любит, но всё-таки умеет ждать. Торопятся лишь властители, а не народы.

Нам следовало бы поклониться в ноги российским властителям прошлого, у коих достало разума, силы и воли распространить пределы государства «от финских хладных скал до пламенной Колхиды, от потрясённого Кремля до стен недвижимого Китая», от Среднерусской возвышенности до высоких широт на полярный север, от балтийских берегов до Тихого океана и Сахалина. Нам этого, по совести, хватит. Абсолютно хватит. Поэтому война — не наш приоритет.

Государства и время генерируют властителей, властители изменяют государства и мир в ту или иную сторону, что зависит от множества причин. Это характерно и для раннего, и для развитого, и для зрелого государства. Вглядимся в этот процесс более пристально.

Время больших денег, а значит, и больших экономических и геополитических интересов началось в период Реформации. Деньги (золото и серебро) хлынули в Европу из открытой в начале XVI века Америки. Они принесли с собой временную инфляцию, но они принесли с собой и богатство. Не за горами были уже колониальные захваты с вполне очевидной целью — новые богатые земли, рабочая сила, рынки, растущее могущество. Первоначальный капитал рос как на дрожжах. Дальше события развивались так: деньги (капитал) захотели стать не только финансовой силой, но и политической властью. То

есть подчинить себе государство, сделать его инструментом, орудием и средством накопления капитала ради последующего нового накопления. Первая буржуазная революция именно с такими задачами произошла в Нидерландах во второй половине XVI века, вслед за ней революция в Англии (середина XVII века). Франция и Америка (США) — конец XVIII века.

Процесс продолжился в XIX и XX веках. Важным его результатом для прошедших через революции стран (за малым исключением) стало разделение властей на три так называемые ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Самолюбиво преувеличивает своё значение так называемая четвёртая власть — СМИ, но она на самом деле управляема первыми тремя, хотя способна создать для них трудно-выносимые условия.

При этом, товарищи дорогие, настоящая Власть никогда всерьёз не делится ни на какие ветви и виды, части и разделы. Так называемые ветви — это всего лишь её навесные орудия, а если уж мы зовём их ветвями, то они — от одного ствола. У них одни общие корни, и шумит листва на этих ветвях слаженней, чем голоса в хорошем хоре. «Союз нерушимый республик свободных... Партия Ленина, сила народная...», а до этого «Боже, Царя храни...». И ныне почти как раньше: «Россия — великая наша держава...»

Кто или что у нас в стране суверен власти? Лучше скажем так, со всем пиететом: Суверен власти. По словарю, «Суверен (от фр. *souverain* — «высший», «верховный») — лицо, которому без каких-либо ограничительных условий и в течение неопределённого срока полностью принадлежит верховная власть в государстве».

Суверен власти — это Президент. Правда, срок его властвования всё-таки ограничен. Ограничивается он либо Конституцией, как у нас в России на нынешний день, либо иным каким-то способом. Например, добровольным отречением (Николай II), уходом из жизни (Ленин), заговором верхов, оформленным партийными процедурами (Хрущёв).

Октябрьская революция и Гражданская война окончательно отменили институт Суверена-императора, заменив его персонифицированным Сувереном коммунистической власти. Это дело фактически закончилось ещё до развала СССР, а именно в 1990 году после отмены 6-й статьи Конституции СССР, узаконившей руководящую роль КПСС. Распад СССР породил демократическую Россию, принявшую ныне действующую Конституцию, в которой и записаны полномочия ветвей власти. Записаны то они записаны... только власть, понимаете ли, неделима.

Сейчас у нас суверенная демократия, и, как справедливо пишет В. Промысловский, «приходится признать, что слово демократия способно наполняться содержанием только вкуче с приставкой. То ли буржуазная, когда в роли суверена выступает капитал. Либо советская, при которой реальная власть находится в руках верхушки партийной номенклатуры. Или суверенная?.. Да и мало ли каким эпитетом ещё можно воспользоваться?!».

Никакого иного варианта у России сейчас нет, революционные изменения можно желать разве что толпе экзальтированных подростков на Болотной

площади. Но изменения как таковые — остро необходимы. Более всего — изменения к лучшему в жизни народа, о которых неустанно говорит Путин.

Как почти везде в мире, у нас первенствуют интересы капитала, при этом капитал целенаправленно покидает страну в объёмах, сопоставимых, очевидно, с инвестициями. Иногда капитал эмигрирует, но, поменяв юрисдикцию, возвращается в виде тех же инвестиций. И всё-таки, как в школьной задачке, из одной трубы вытекает больше, чем втекает в другую.

Вернёмся, однако, к обозначенной теме. Мельчают ли на самом деле властители национальных государств? Или они просто и рационально формируются обстоятельством и временем для выполнения исторических задач своего правления? Сохраняется ли до сих пор макиавеллиевское разделение властителей на «львов» и «лис», когда львы действуют грубо, жёстко, идут напролом, а «лисы» искусно хитрят и добиваются своих целей скорее умом, чем силой. «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Иначе говоря, правитель должен сочетать в своей личности и в своих действиях качества льва, способного расправиться с любым из врагов, и лисицы, способной провести самого изощренного мудреца».

Всяческого внимания заслуживает и ещё одна мысль Макиавелли: «Государь должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие пороки не представляют для него никакой опасности».

Любопытна самохарактеристика Наполеона: «Иногда я лиса, иногда — лев. Секрет управления заключается в том, чтобы понять, когда быть одним, когда — другим».

Наполеон-лев взял власть в свои руки, разогнав Директорию, а Наполеон-лиса закрепил её за собой, назвавшись пожизненным императором Франции. Но лиса в итоге проиграла. Отрекшийся от власти Наполеон доверился англичанам (то есть недавним своим врагам), задумав получить у них политическое убежище. Вместо этого англичане сделали его фактически политическим заключённым на далёком острове Святой Елены в Атлантическом океане. Бежать оттуда было невозможно. В 1816 году больной Наполеон начал диктовать свои воспоминания. Спустя два года после его кончины они вышли в свет в четырех томах под названием «Мемориал Святой Елены». Это было, по некоторым сведениям, одно из самых популярных и читаемых произведений XIX века.

В 1840 году была исполнена последняя воля Наполеона: быть похороненным во Франции. Лев вернулся домой. Его встретили тысячи парижан, и навсегда упокоился он в Доме инвалидов в саркофаге из красного порфира, под охраной двух бронзовых фигур, держащих скипетр, корону и державу.

Это небольшое отступление потребовалась нам, читатель, чтобы проиллюстрировать простую на первый взгляд, но крайне важную мысль: величие властителя есть переменная величина. Всякая большая судьба знает взлёты и падения. Важен сухой остаток, интегральный результат трудов, деяний, поступков и решений. И довольно часто оценка выносится очень и очень поздно, а в других

случаях авторитет и, если угодно, слава (в традиционном понимании этого слова) заслуженно приходят к властителю при жизни и не покидают его при любых переменах в судьбе. Вернёмся к Макиавелли — эффективному, на наш взгляд, политтехнологу и прозорливому философу. С ним можно соглашаться или не соглашаться, но при осмыслении эволюции типов властителей слово знаменитого флорентийца следует как минимум услышать. Хотя бы в самом кратком изложении. (Внешне, заметим, Никколо Макиавелли походил на лису, и это хочется трактовать как знак его предпочтений в дилемме «лев — лиса».)

Макиавелли был убеждён, что честная политика не может обеспечить для правителя сохранность его власти и порядок в его государстве. Скорее всего, здесь сказался политический опыт самого Макиавелли — одно время второго канцлера в правительстве Флорентийской республики и в разные периоды жизни посла при дворах европейских правителей. В борьбе за власть, считал Макиавелли, допустимы сила, жестокость, вероломство, поскольку всё это помогает разумному правителю устроить благо и порядок. Автор политических наставлений был несомненным циником, но на кончике пера у нас сейчас такой вопрос: а всегда ли циник неправ?

Правитель государства должен «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла».

Ответьте, читатель, известно ли вам хотя бы об одном правителе, которые не следовал бы этому наставлению иногда вынужденно, но нередко и по своей собственной воле и в соответствии со своими убеждениями. Коварство, вероломство, ложь... удивляют ли они нас в современных властителях? Удивило бы скорее их отсутствие, и весь XX век тому подтверждение. Примем, однако, во внимание, что образ власти и образ её действий складываются под воздействием такого понятия и явления, как подвластность. То есть власть действительно такова, каков народ. И каждый народ заслуживает такую власть, которую имеет. И именно поэтому определённые типы властителей существовали веками, и ныне на арене истории такие властители, которые во многом «заказаны» обществом и его потребностями.

Культурология выделяет в мировом историческом прошлом образы царя-жреца, царя-бога, царя-героя. В России в качестве искомого идеала выработался тип «царя-батюшки» — сильного, мудрого и доброго отца народа. В советском периоде одно из важнейших мест занимал «гений всех времён и народов» Сталин, а до него — «вождь трудящихся всего мира» Ленин, что являлось, конечно, не самым умным пропагандистским клише. До них властители были и «первыми солдатами империи», и помазанниками Божьими («Всякая власть от Бога»).

Ни первых, ни вторых, ни третьих сейчас нет, да и быть не может.

И это печально, хотя, вероятно, и неизбежно.

Великих людей и великих правителей всегда мало. Утешает то, что они есть.

Секреты лидерства

История человечества, прогресс общества или его стагнация и регресс, развитие государств и этносов на всем протяжении разумной жизни на земле связаны с личностями, которые мобилизовывали людей на достижение значимых социальных целей. Эти личности объективно возвышаются не только над носителями массового усредненного уровня, но и над элитами. В социальной практике их называют лидерами. Носителями власти.

Обращаясь к теме лидера и лидерства, мы понимаем неизбежные параллели с дискуссиями о роли личности в истории. В недавнее советское время эта роль трактовалась в грубо-социологическом контексте: есть народные массы, есть исторические закономерности и есть некие личности во власти, массами же туда и выдвинутые. Роль этих личностей в такой трактовке близка к смехотворной: уловить исторический «момент» и погромче сообщить об этом заждавшимся народным массам.

Между тем фактическая роль личности в истории многократно больше и значимее, чем роль, отведенная ей сторонниками теории классовой борьбы. Это давно уже аксиома. В известном смысле история человечества есть история его развития через деяния лидеров, через действия власти. У исторических сдвигов, у больших побед, у громадных достижений — есть имя. И это не порядковый номер исторического периода, а действительно имя, которое олицетворяет свое время.

Примером тому может служить эпоха правления Петра I и эпоха правления Екатерины II. Император и императрица, эффективные реформаторы, оставившие по себе глубокую историческую память, прогрессивные и противоречивые государственные устроители... невозможно даже в самом кратком виде перечислить различные их схожие и несхожие ипостаси. Есть схожие, что понятно и естественно с учётом «должности» Петра и Екатерины, а несхожие лежат в особой и крайне важной сфере. Могучие, но предельно, парадоксально разные лидеры.

В ёмкой поэтической форме сказано, возможно, главное.

Александр Пушкин о Петре I:

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

Гавриил Державин о Екатерине II:

*Твою к нам милость, мать народа,
Мне всю удобно ль исчислять?
Произвела тебя природа,*

*Чтоб всю вселенну удивлять!
 Чем доле век твои протекает,
 Тем боле смертных ущедряет.
 Младенцам жизни ты спасаешь,
 Законы старым пишешь ты,
 Науки в юных расширяешь,
 Селишь обширны пустоты.*

Современники считали Петра I и великим благом для России, и явившимся на землю антихристом. Насколько круты, часто беспощадны и жестоки были методы его правления, настолько же необходимо было государству укрепиться, модернизироваться, состояться геополитически, приобрести знания и технологии, отладить военную составляющую, раздвинуть пограничные пределы до естественных потребностей империи. Вытряхнуть бояр из нелепых длиннополых кафтанов, одеть в рабочую одежду и военный мундир, приучить тратить силы и вкладываться умом и душой в мирный труд и в ратную победу — это была задача не для безвольного и бессильного, каких на вершине российской власти перебиваю изрядное число.

Век Петра был веком жестоким, потому-то «окно в Европу» он «прорубил». В этой исключительно ёмкой метафоре мы слышим желанное и необходимое «окно в Европу», но невольно забываем жёсткое и жестокое «прорубил».

В России, устраиваемой Петром, многое держалось не на столь необходимой государственной дисциплине, гражданской ответственности, человеческом достоинстве (что было бы лестно для нашего национального самосознания), но во многом на страхе. Конкретнее — на страхе потерь. И не только материальных — доходов, имений, промыслов, привилегий, но и — самой жизни.

С другой стороны, при Петре I отменно работал «социальный лифт», в дела государства были введены именно что дельные люди из разных слоёв общества.

Петра боялись, Екатерину любили.

Возможно, это упрощение, но на наш взгляд — лишь укрупнённое, обобщённое определение того, всякий раз уникального для государства, особою «климата», который создаётся исключительно сверху и который значит бесконечно многое для судеб людских и судьбы Отечества.

Известно, государство — аппарат насилия. Широко понимаемого, разумеется. И в некотором числе случаев даже и благотворного, как благотворно, например, наделение письменностью ранее не знавших её народов.

Есть, однако, и иное насилие — не столь гуманитарно окрашенное. Общий алгоритм мировой (не только, подчеркнём, российской) истории насилия своеобразно прост, но лишь на первый взгляд. (Делаю это краткое отступление в силу необходимости, говоря о проблеме лидерства, взять в расчёт и радикально острые или гармонично гуманные проявления феномена лидерства на вершине государственной власти.)

Алгоритм же действительно якобы прост: гуляющую по головам беспощадную дубину главы первобытного племени последовательно сменяют на протяжении

цивилизационного пути иные орудия «увещевания». Не столь кровожадно красно-речивые, трансформировавшиеся через темницу, яд и кинжал вплоть до Закона и Права. Эпоха Возрождения, век Просвещения, социальные революции ради всемирного счастья — всё это так или иначе сыграло свою роль, пошло в дело, мы многое поняли, многому научились, мы живём в XXI веке, и, согласитесь, «нам ли жить в печали?».

Никто не хочет соглашаться. Потому что, например, нам на голову может свалиться более-менее мощная бомба. Или прилетит с далёкого моря неожиданная крылатая ракета. Или, помолясь тому богу, в которого не верит, обезумевший террорист подорвётся вместе с сотнями невинных людей. Или устроит государственный переворот одна партия-клан для свержения другой партии-клана.

Или же правитель-временщик сдуру, из болезненного для себя сопоставления масштабов личности, изгонит из власти лучшего и полезнейшего для государства деятеля.

Все эти проявления насилия — проявления власти.

Может ли она не быть жестокой, в особенности если хочет быть сильной? Есть ли сила — агрессивная и не всегда справедливая — непременная и необходимая составляющая власти?

Есть ли однозначный ответ на эти вопросы?

Однозначного — нет. В принципе же разобраться в этом можно, и человеческая мысль никогда не оставляла таких попыток. Достаточно вспомнить хотя бы Со-крата, нравственно (и философски, и интеллектуально) победившего именно сильную и жестокую власть. Не спишем со счетов трудов Макиавелли. Это учёные, не властители. Но до бесконечности интересно вчитываться в труды «практиков». Потому вот хотя бы из работ Ленина разных лет: «Партия у власти защищает «своих» мерзавцев», «Мы грабим награбленное», «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист», «Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости».

В 1914 году будущий вождь мирового пролетариата высказался в привлекательном роде: «Мы не хотим загонять в рай дубиной».

Несколько позднее Россия сполна оценила честность этих слов.

Из Сталина приведу лишь две цитаты, и пусть читатель оценит их по достоинству: «Отмирание государства придёт не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление», «Одним страхом нельзя удержать власть. Ложь оказалась не менее необходимой».

Что это, если не апологетика силы, ни в чём себя не сдерживающей и не ограничивающей, прущей к назначенной цели без оглядки на кровь и муки?

Да, было создано государство, и мы далеко не склонны перечёркивать советский период нашей истории, ибо беспамятство — это отвержение прошлого и насилие над будущим, но невозможно уйти от вопроса о цене наших достижений и побед в пересчёте на единицу человеческого страдания. И — разве хоть кто-то убеждён до конца, что не было иных вариантов действий, менее человечески затратных и более эффективных.

Были. Не использовались. В результате СССР не существует.

Возвращаясь (с учётом этого экскурса в XX век) в эпоху Петра, мы не можем не спросить себя: вынужденно ли жесток он был? Возможно ли было реформировать Россию либеральными методами? Был ли, в конце концов, Пётр I действительно эффективным реформатором (этот вопрос не из праздных, ибо в современной исторической науке существует и альтернативная точка зрения).

Предоставляя моим молодым читателям — будущим и потенциальным лидерам в сфере власти — подумать над этими вопросами, ограничусь констатацией очевидного: власть практически не бывает свободной в принятии глобальных решений в сфере развития. Такие решения носят объективный характер, они исторически обусловлены. Но власть имеет большой набор инструментов и методов реализации своих решений. Выбор этих инструментов и методов определяется многими параметрами, не последним из которых является тип личности лидера, его нравственный уровень, его интеллектуальное качество.

Если же речь идёт не о развитии государства, а о вульгарном властолюбии, интересах клана либо «семьи», жажде наживы, врождённой склонности к насилию либо каком-то ином пороке, особенно страшном в перспективе государственного масштабирования, то государство обречено на мучительную деградацию, более или менее долгую, но неизбежную. Чреватую к тому же жесточайшими потрясениями и утратами.

Это тем более опасно, что историческое время ускорилося. Часы истории идут быстрее и быстрее, конкуренция стала системной и всеобъемлющей, а потому, реально, промедление смерти подобно.

Нам, наследникам Петра и Екатерины, нам, исчисляющим историю России веками трудов и побед, преступно не думать об этих угрозах.

Возвращаясь к сопоставлению эпох Петра I и Екатерины II, мы видим некий удивительный феномен, выразившийся в том, что при Екатерине II государство росло и богатело, а государственно-целесообразное насилие если не минимизировалось, то всё-таки уменьшилось в масштабах. Непосредственно оно было проявлено при подавлении крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачёва, но тут речь шла о спасении и утверждении самих основ государства, да и сила столкнулась с силой, а не с пустотой.

Обице же принципы обустройства российской жизни были представлены самой Екатериной II.

Нужно просвещать нацию, которой должно управлять.

Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.

Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Есть и афористически глубокое и само за себя говорящее её изречение: «Любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю...»

Конечно, стилистика принадлежит её веку, зато лексика не архаична и для нашего уха.

Каким-то образом идеализировать Екатерину II не приходится по той хотя бы причине, что она была совершенно трезвомыслящей самодержицей и прекрасно представляла себе реальные, а не желательные пределы реформирования России. Об этом убедительно свидетельствует её запись о беседах с философом-просветителем Дени Дидро: *«Я долго с ним беседовала, но более из любопытства, чем с пользою. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить их несбыточными мечтами. Я ему откровенно сказала: «Г. Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушал ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы разных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит: она гладкая, мягкая и не представляет затруднений ни воображению, ни перу вашему, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы».*

Безупречно логичная точка зрения. Хотелось бы только обратить внимание на учёт того, что простые смертные «чрезвычайно чувствительны и щекотливы», и вот такого учёта ни в записях Петра, ни в пересказах его мыслей современниками не сыскать при всём усердном желании.

Вызывает понятную симпатию и ироничное самоопределение «несчастливая императрица».

И как не восхититься следующим её суждением: «Рабство есть политическая ошибка, которая убивает соревнование, промышленность, искусства и науки, честь и благоденствие».

В особенности если сопоставить это суждение ещё с одним: «Я думаю, мало людей в России даже подозревали, чтобы для слуг существовало другое состояние, кроме рабства».

Стиль правления, суть правления, эффективность правления Екатерины II — феноменальны, блестящи, по-своему драматичны, окутаны легендами, мифами, историческими анекдотами — как, впрочем, и вся её яркая жизнь женщины невероятной судьбы и необыкновенного таланта.

В нашем же локальном сопоставлении двух великих устроителей России поучительно то, что характер лидерства складывается из множества факторов, является проявлением многих закономерностей, определяется разнонаправленными порой интересами, а во многом и составом собственно личности правителя.

Важно понять тому, кто стремится стать лидером, что в известном смысле правила лидерства едины для всех уровней власти. Не единообразны, разумеется, но именно сущностно едины. А потому — смело черпайте из сокровищницы исторического и современного опыта.

Говоря о феномене лидера и лидерства во власти, мы берем в сферу анализа не только вершинные проявления лидерства как одного из главных факторов развития человечества, но и лидерство как уникальный институт первенствования, осуществляемого на различных уровнях и этажах социального здания.

Почему, собственно, об одном человеке говорят, что он прирожденный лидер, а о другом — что он воспитал в себе лидерские качества. Замечу, что эти рассуждения касаются тех или того, кто уже состоялся как лидер. Мы прекрасно понимаем, что без реализации врожденных или самовоспитанных лидерских качеств никакого лидерства не бывает. Так, в одной из немногих монархий рядом с тронем стоят несколько принцев, королем же в свой срок станет лишь один из них. И даже его введение в высокий сан не означает автоматически, что он станет подлинным лидером нации, ибо сын гениального художника не обязательно художник, а, например, дочь простой рабочей не обязательно повторит скромную судьбу своей замечательной матери, но может подняться на вершины общественной иерархии. Так, одна советская ткачиха — Валентина Терешкова — стала первой женщиной-космонавтом, а впоследствии и законодателем. «Чайка» (космический позывной Терешковой) взлетела высоко.

Все ли молодые люди хотят стать лидерами? Казалось бы, ответ очевиден: если уж не все, то, конечно, большинство. В этой якобы очевидности таится ложная трактовка стремления к лидерству как свойства, присущего молодым в принципе и никак не обусловленного социальными обстоятельствами.

Если воспринимать в качестве лидеров молодых людей, нацеленных на создание, например, собственного бизнеса (а это в конкретных обстоятельствах есть реализация лидерских амбиций), то мы будем несколько удивлены результатами социологического исследования, представленного авторитетной российской газетой «Ведомости» (публикация от 24 июня 2014 г.). Лидерами — создателями собственного бизнеса в России стремятся стать всего лишь 2,6 % опрошенных молодых людей, в то время как в развитых странах их количество превышает российский уровень в 5 — 10 раз.

Результаты других исследований конкретизируют предпочтения следующим образом: лидерами хотят стать 13 % от общего числа опрошенных, остальные позиционируют себя так: 50 % устраивает хорошая, интересная работа, но, если их пригласят стать руководителями, они дадут согласие, 30 % хотят иметь работу, но ни при каких обстоятельствах не согласятся быть руководителями, а 5 — 7 % считают, что если у них будут минимальные условия для жизни, то они в принципе не хотели бы работать. (Хотел бы заметить, что немалый объём фактической власти в мире сосредоточен сейчас в руках бизнеса (транснациональных корпораций), что проявляется в послушном служении политического класса их интересам, а в конечном счёте в феномене глобализации.)

В распределении меры стремления к лидерству воплощается множество факторов в диапазоне от социального конформизма до реального понимания своего уровня, от убежденности, что природа не делает людей одинаково сильными до точной оценки российской среды как полу-враждебной к бизнесу, в силу чего бизнес-карьера не имеет серьезных перспектив.

Многие молодые люди четко понимают, что лидерство (руководство) есть тяжелейшее бремя ответственности не только за себя и близких, но и за созданный тобой коллектив, то есть немалую, а иногда и огромную группу людей. В высшей степени реализации — за страну и народ.

Общеизвестно, что жизнь руководителя никто и никогда не назовет спокойной и размеренной. Люди видят, что руководитель живет в постоянном стрессе, компенсировать который не может, скажем, высокий уровень потребления — по той причине, что подлинным наркотиком становится работа. Термин «трудоголик» исчерпывающе описывает такой тип руководителя. И не все считают, что трудоголик счастлив.

В то же время мы не можем не восхищаться реализованным талантом крупного политика, бизнесмена, руководителя научного или творческого коллектива. Вспомним такие имена, как Сергей Королев и Игорь Моисеев. Они принадлежали людям разного дела, но и Королев, и Моисеев были корифеями в своей области, они стали легендами еще при жизни, и эти легенды воплощены в выдающихся достижениях созданных ими школ. Как не восхититься их гением, буквально преобразовавшим целые направления человеческой деятельности!

Так или иначе, но у молодежи всегда есть порыв к лидерству. Даже самые точные исследования не учитывают того фактора, когда далеко не каждый будущий лидер открывает свои планы, хотя бы и анонимно. Есть основания полагать, что число людей с лидерскими устремлениями больше числа объявивших об этих устремлениях.

Хотелось бы обратиться к тем, кто испытывает стремление к лидерству, трезво осознает свои возможности, считая, что место в клубе лидеров для него недостижимо. Не в порядке утешения, а исключительно для объективности подчеркнем, что гениев, природных, абсолютных по «набору хромосом» лидеров на земле — исчезающе малые доли процента. В большинстве же известных отечеству и миру случаев лидерами становятся, а не рождаются.

Одного желанья, зафиксированного у какой-то части молодого поколения, явно недостаточно для обретения лидерства. Чтобы повысить вероятность достижения цели, обратимся к понятию достаточности и необходимости.

С необходимостью все обстоит достаточно ясно: лидерство необходимо вам, это смысл вашей жизни, вектор направления всех ваших усилий.

Условия достаточности требует более детального обсуждения. В каких обстоятельствах, в какой среде, в какой профессии, в какой стране, при каком общественно-политическом строе вы хотите стать лидером?

В государстве и обществе должны сложиться определенные условия, должны наличествовать эффективные социальные механизмы для выявления потенциальных лидеров и определения для них «дорожной карты». Должен сформироваться социальный запрос на новую генерацию лидеров. (В тоталитарном государстве было в известном смысле проще — проще, а не справедливее: талантливых конструкторов, инженеров, технологов изолировали от общества, давали задание «сделать», например, необходимый фронту самолет. Полное напряжение сил, своеобразная демократия равенства всех от главного конструктора до чертежника приносили удивительные плоды в виде активации новой плеяды талантливых специалистов. Не факт, что в нормальных условиях этот процесс тормозился бы, но факт, что такая концентрация сил и целей прошла через судьбы многих корифеев науки и техники периода СССР.)

Наиболее сложным и противоречивым образом запрос на обновление лидерского корпуса формируется в политической сфере. Претендент на лидерство должен обладать целым комплексом качеств, которые служили бы главному: глубокому пониманию нужд и чаяний людей, умению выразить эти чаяния, способности сплотить вокруг себя в партийной структуре убежденных единомышленников, буквально переориентировать общество на решение новых задач.

Это сложно, но возможно и реально в демократических государствах, где ротация лидеров является естественным процессом. Есть, однако, примеры государств другого типа, и ярчайшим из таких примеров являлся Советский Союз. Несменяемое лидерство «группы товарищей» блокировало политический лифт, осуществился всем видимый застой в кадровом движении, и начиная с восьмидесятых обозначилась деградация общественного механизма.

Процесс, конечно, не описывается здесь с исчерпывающей полнотой; мы концентрируем внимание на тех его значимых сторонах, которые иллюстрируют положения данной моей работы.

Современная Россия не повторяет буквально траекторию СССР, но и у нас сейчас ощущается известный перекосяк в сторону введения в лидерский состав тех лиц и персон, за кем не числится ни выдающихся достижений, ни новых идей. Отсюда круговая ротация в несменяемой кадровой обойме, отсюда дефицит новых ярких политиков, отсюда же объективная сложность пути в политику для тех, кто решил посвятить себя этой стезе.

Возможности построить лидерскую карьеру в экономике сужены по такой же схеме, что и в политике. Клуб избранных является закрытым. Если же человек ставит перед собой простую, в сущности, задачу создания собственного бизнеса, достижения успеха в работе, то в стагнирующей экономике, ориентированной на продажу сырьевых ресурсов, сделать это в сотни раз труднее, чем в экономике развивающейся.

Если экономика является не рыночной, конкурентной, а квазирыночной, то в ней непременно лидируют те, кто ближе к власти, к кому власть относится как к «своему». Примеров такого положения дел не счесть в современной России. Тем более, когда власть, по сути, обслуживает избранную часть бизнеса, а бюрократия в целях удовлетворения собственного меркантильного интереса обставляет громоздкими препонами любое правильное решение.

Подобного рода обстоятельства значительно осложняют стремление молодых одаренных людей к реализации в бизнесе.

По некоторым данным, более 70 % российских студентов старших курсов стремятся после завершения учебы работать за рубежом. Это тревожная статистика.

Хотел бы, тем не менее, подчеркнуть, что данные выводы вовсе не означают, что в современной России невозможна политическая или предпринимательская карьера. Вполне возможна, но предостерегаю: никто перед вами не будет стелить ковравую дорожку, никто не вызовет специально для вас «социальный лифт». Будьте готовы к тому, что лидерство — это борьба.

Представляется, что будущий лидер должен в начале пути определиться с выбором цели в жизни. Две с половиной тысячи лет назад об этом говорил великий Сократ, а за сто лет до него — Пифагор, утверждавший, что определение жизненного пути должно осуществляться сразу же по получении начальных, базисных знаний. Далеко не случайно Пифагор придавал особое значение букве У греческого алфавита, полагая ее символом выбора пути. По Пифагору, получив начальные знания, молодой человек приходит к развилке жизненных путей и должен сделать свой выбор между «божественной мудростью» и «земной мудростью», обозначенными левой и правой частями буквы У.

Под божественной мудростью Пифагор понимал служение обществу (государственная служба, педагогика, медицина, образование, искусство), под земной мудростью — ремёсла, земледелие, скотоводство, промыслы.

Пифагор мудро предупреждал о невозможности, недопустимости смешения двух начал и был, конечно прав.

Мысль о вреде смешения разных служений подтверждается вопиющими примерами из российской действительности, где порой персоны, занимающие высокие государственные посты, не мудрствуя лукаво участвуют и в бизнесе. Возможно ли при этом не спутать «свою шерсть с государственной»? Оставляю вам ответ на этот вопрос.

Далее Пифагор говорит о необходимости для страны разумного соотношения двух типов служения. Если большинство талантливой молодежи изберет «божественную мудрость», то неизбежно ослабнет «земная мудрость», то есть, в современной терминологии, экономика. Развитие страны будет этим приостановлено. Если же большинство предпочтет «земную мудрость», то результат будет столь же плачевным но по другой причине: некому будет управлять государством, некому будет образовывать и воспитывать молодых, некому будет исцелять недуги старых.

Таким образом, задача разумной власти состоит в том, чтобы сформировать и обеспечить гармоничную полноту потенциала обоих направлений: того, которое обслуживает управленческие, социальные и культурные функции государства, и того, которое развивает экономику.

Времена Пифагора и Сократа давно миновали, но я советовал бы потенциальным лидерам, делающим свой выбор, задуматься о феномене лидерства двух этих титанов. Их гений пришел к нам через невообразимую толщу времени, через громадную череду изменений всей земной цивилизации, через нескончаемые попытки объявить их наследие архаичным и не имеющим смысла в реалиях новейшего периода истории.

Убежден, что и через следующие два с половиной тысячелетия не померкнет их мудрость, не станет менее актуальным их философское наследие.

Точно так же в памяти человечества останется представление об их несравненном ораторском искусстве, умении облечь глубокую мысль в чеканное слово.

Последнее примечание имеет к теме лидерства самое непосредственное отношение. Лидер должен уметь убеждать людей, в этом одно из его предназна-

чений. Он — создатель нового, и, помня о другом Создателе, мы вспоминаем библейское: в начале было Слово.

Пифагор, Сократ, Цицерон, Юлий Цезарь... в новейшей истории Ленин, Троцкий, Бухарин, Луначарский, Черчилль, Фидель Кастро — этот далеко не полный ряд вобрал в себя тех, кто вел за собой и словом, и делом.

Ораторское искусство может служить силам зла. Достаточно упомянуть хотя бы Гитлера, Геббельса и Муссолини...

Что же такое ораторское искусство? (Заметим, что никто и никогда не говорил «ораторское ремесло».) Умение в совершенстве владеть ресурсами речи, эмоционально усиливать и подчеркивать смыслы, выстраивать выступление в соответствии с безупречной логикой и, как результат, делать людей единомышленниками — вот, пожалуй, достаточно краткое определение ораторского искусства.

Это редкий дар, но такому искусству можно учиться, начиная с очевидно необходимых навыков.

Совет из моего личного опыта: перед выступлением составьте план того, что вы хотели сказать. Тщательно запомните последовательность вопросов, можно даже записать их. Помните при этом, что иногда непосредственно в момент выступления ваше мобилизованное сознание может подсказать неожиданный смысловой поворот, острую мысль, неожиданное, но яркое и уместное слово.

Если это происходит, то вы можете считать себя начинающим оратором с хорошим потенциалом, ибо импровизация всегда высоко ценилась в ораторском искусстве.

Старайтесь никогда не читать речь по бумажке. Готовые формулировки в устной речи могут поблекнуть, а вот логическая схема речи с опорой на яркие мысли и блестящие определения никогда не подведет того, кто не погружается взглядом в готовый текст.

Не говорите длинными предложениями, не громоздите деепричастные обороты, следите за тем, чтобы внимание слушателей не только не слабело, но периодически достигало высших уровней.

Одна из точных примет предельной концентрации внимания — внезапно наступившая абсолютная тишина в зале. Приготовьте те краткие, яркие слова, которые взорвут эту тишину оглушительными аплодисментами. И пусть эти слова станут концентратом вашего выступления.

Не перенасыщайте выступления специальной терминологией, научнообразными оборотами, узкопрофессиональной лексикой. Вот пример: народная мудрость предостерегает «Нельзя носить воду в решете».

А вот квазивысоконаучная версия этого мудрого утверждения: «В результате длительных натурных экспериментов подтверждена экономическая нецелесообразность транспортировки жидкофазных продуктов в сосудах с перфорированным днищем».

Надо ли говорить, что псевдонаучный стиль девальвирует простую и ясную мысль, вводит слушателей в недоумение, рождает у них неприятие всего сказанного?

Старайтесь говорить емко и коротко. Это не означает, что ваше выступление должно уложиться в объем поздравительной телеграммы, но и чрезмерно разбухать оно тоже не может.

Когда говорят «лучше бы он жевал резинку, чем говорил», это верный знак того, что горе-оратор запинался и путался, терял мысль и не находил нужного слова, начинал бормотать и отходить от темы.

За косноязычием стоит незнание предмета выступления, неуверенность в своей позиции. Это самое худшее, что может случиться с оратором.

Перед выступлением приходит чувство естественного волнения. Не надо его бояться, это всего лишь примета начавшейся концентрации внимания и воли. Иногда волнение может заставить забыть все то, что было заготовлено для выступления, когда, как говорится, «все из головы вылетело».

Если такое происходит с вами, то вам необходима репетиция речи перед зеркалом, перед домашними или доверенными консультантами.

Мой первый руководитель Николай Феста однажды сказал мне, что каждое ответственное выступление он многократно проводит в домашнем кругу — доброжелательном, но очень требовательном.

Казалось бы, лишняя трата времени и энергии. Это не так. Его публичные выступления были блестящими по форме, глубокими по мысли, они буквально завораживали аудиторию, делая людей союзниками выступавшего.

Проверка вашего ораторского уровня — это выступление перед небольшой или хотя бы среднего размера аудиторией. Такое выступление даст вам материал для необходимой коррекции ваших ораторских навыков.

Мне как-то довелось наблюдать тренировки в ораторском искусстве молодых буддийских монахов. Они разделились на группы по три человека, и в каждой из этих групп один монах горячо убеждал в чем-то двух своих слушателей. Те внимательно слушали и знаками одобрения стимулировали выступление, а если не одобряли, то это означало, что они не убеждены в верности мысли или точности слова выступающего.

Вы научились говорить и убеждать, вы смогли собрать свою команду единомышленников, почувствовали, что называется, нерв времени, поймали свою волну. Начинается важнейший для лидера этап — научиться работать с людьми. Это очень сложно, но, освоив всю полноту взаимоотношений с подчиненными или соратниками, можно получить не только политический, творческий или коммерческий успех, но и испытать подлинное наслаждение сродни тому, которое испытывает выдающийся дирижер во время триумфального выступления руководимого им оркестра.

Любопытно в связи с этим рассмотреть результаты исследования американских ученых, выявивших первоочередные приоритеты опрашиваемых. На первом месте стоит здоровье, а вот на втором, очень и очень важном — как разбираться в людях, как жить с ними в ладу, как позиционировать себя в коллективе.

Лидер должен уметь разбираться в бесконечном количестве характеров, настроений, влияний, предпочтений, внутренних связей и зависимостей людей. Все это многообразие должно быть открыто его внутреннему взору.

Может показаться, что во все эти хитросплетения невозможно вникнуть. Это не так. Есть ряд правил и принципов, позволяющих «вводить стихию в берега», налаживать взаимодействие и гармонию отношений между людьми ради достижения успеха в общем деле.

Первый из этих принципов кажется простым: в вашем коллективе все и каждый должны быть мотивированы на достижение успеха. Все вместе и каждый в отдельности.

Вспоминаю своего великого учителя — министра химической промышленности СССР Л.А. Костандова. Будучи молодым, начинающим работником министерства, я был приглашен к Костандову на совещание по организации нового производства пластмасс. Вопрос был в целом ясен, и хорошо подготовленное совещание быстро закончилось. Я набрался смелости и сразу же по окончании короткой дискуссии подошел к Костандову. Зная его доброжелательность, я решился высказать свое мнение в том плане, что мне показалось, что министр задолго до совещания досконально знал задачу и предвидел решение.

Костандов выслушал меня со свойственным ему вниманием и пояснил, что его цель заключалась в том, чтобы каждый участник совещания стал соавтором принятого решения. После этого, добавил министр, он может быть уверен в успехе.

Этот урок я воспринял и навсегда усвоил. В дальнейшем такой подход уже в моей самостоятельной работе крупного руководителя неоднократно приносил необходимый результат.

Итак. Сделай своих подчиненных соавторами идеи, создай рабочую атмосферу ее обсуждения, чтобы каждый почувствовал свой вклад с обязательным акцентом на полезность внесенных предложений — и успех станет гораздо более вероятным.

Подбор кадров — еще одна из главных забот руководителя, а зачастую первая и главная ваша задача. Старайтесь создать ситуацию «исторического оптимизма» в своем коллективе, двигайте по служебной лестнице тех, кто проявил себя в деле. Люди должны расти вместе с развитием вашего дела.

Никогда не доверяйте льстецам, потому что они либо подведут, либо, в худшем варианте, предадут.

Близкий мне генеральный конструктор стратегических ракет В.Ф. Уткин, создатель грозной «Сатаны», говорил, что он старается выращивать свои кадры, а не брать людей со стороны. Когда приглашаешь кого-то со стороны, он на первых порах кажется тебе идеальным, лишенным недостатков, которые есть у твоих сотрудников. На поверку оказывается, что вновь прибывший не только далек от идеала, но и отличается от твоих сотрудников в худшую сторону. В этом случае в коллективе может сложиться довольно напряженная атмосфера, ибо люди не понимают логику твоего решения, видят, что их карьерный рост приостановлен неизвестно ради чего.

Разумеется, бывают исключения, когда необходимо взять в коллектив нового человека, но общее правило гласит, что для успеха дела вы просто обязаны дать перспективу своим сотрудникам. Каждого из них вы должны глубоко чув-

ствовать, понимать, к какому психологическому типу он относится, каков его темперамент. Если вы будете давать массу оперативных поручений спокойному, сосредоточенному и уравновешенному сотруднику, то вы просто разбалансируете его, выведете в ситуацию необходимости принятия быстрых решений. Это не его стихия. Он более полезен в спокойной, сосредоточенной деятельности, где востребована особая тщательность, глубокий вдумчивый анализ, просчет вариантов развития процессов и событий. Если поручить ему серьезное задание, требующее именно его качеств и навыков, результат может быть феноменальным.

Холерика же, например, никогда не останавливайте и не сдерживайте, он лучше работает на высоких оборотах, но ему не следует поручать решение фундаментальных аналитических задач. Он не справится с ними, ибо не расположен к долгим сосредоточенным размышлениям.

Флегматик и холерик должны выходить на свои орбиты и высоты, на свои темпы работы. Не забудем, однако, и чеховского определения: «С виду он флегма, но в душе порядочная бестия». Бывает и такое.

Лидерство включает в себя не только политический, общественный, личностный аспекты, но и важнейшую психологическую составляющую. Формирование комфортного и творческого психологического климата, создание особой «культуры мира и созидания» — важнейшая задача лидера, руководителя.

Несколько советов, как этого достичь, реализуя простые на первый взгляд, но важнейшие, как показывает практика, решения. Начнем с того, что в вашем окружении мы, безусловно, имеем дело с личностями. Им далеко небезразлично, как к ним относится лидер, как воспринимает их окружение, что думают о них коллеги. Для настоящей личности эти обстоятельства бывают зачастую важнее материального обеспечения, хотя и оно не лишнее.

Руководитель должен уважать сотрудников, но как уважать того, кто работает не в полную силу, делает ошибки? Для таких случаев существует простое правило: поощряйте прилюдно, критикуйте с глазу на глаз. Не устраивайте публичных разносов, потому что они портят настроение во всем коллективе, вызывая у людей боязнь или отказ от инициативы. «Инициатива наказуема» — таков был народный ответ на действия власти в советский период, а зеркальным его отражением стал вопрос: «Тебе что, больше всех надо?»

Пригласив неудачника к себе, не начинайте его немедленно распекавать. Скажите ему, что вы его цените, что в недалеком прошлом он хорошо делал свою работу, и вы помните об этом. И лишь после такого вступления выдайте человеку самые горькие, по-настоящему честные слова о его нынешнем неудачном решении.

Такой «контрастный душ» запомнится навсегда. Работник поймет, что вы его не «перечеркнули», что помните его успехи, а потому примет самую суровую критику как своего рода помощь. Через некоторое время вы с изрядной долей изумления увидите, как он прибавляет в работе, как он стремится выйти в лучшие. Моя многолетняя практика руководителя безусловно подтверждает эффективность этого метода.

Если работник окончательно непригоден к работе в коллективе, если он не приносит пользы, потому что не способен ее приносить, с ним надо расставаться. Но и в этом случае следует обеспечить некоторую долю психологического комфорта, не спровоцировать развитие неприязни и враждебности.

Давайте согласимся с тем, что понятие Я есть ключевое и важнейшее для личности. Большинство людей оно охраняется и защищается лучше, чем соответствующие службы охраняют, например, ядерный объект. Это не преувеличение: человек бережет своё Я, свою самооценку и не переносит покушений на этом направлении. Кого в первую очередь вы ищете глазами на общей фотографии? Естественно, себя, а уж потом разглядываете всех остальных. Это не эгоизм, а всего лишь психологическая и социальная норма, неотменимая закономерность.

Оберегая свою личность, человек оберегает свою честь. Даже в песенный жанр вошел постулат о личности: «Душу — Богу, сердце — даме, жизнь — государству, честь — никому».

Чтобы оставить в истории свои имена, люди тратят миллионы личных средств, совершают смертельно опасные подвиги, идут на огромные риски. Множество больниц, театров, библиотек, музеев построено на пожертвования, и эти объекты носят имена жертвователей (например, Международный центр Рокфеллера).

Не у всех, однако, имеются большие деньги. В мэрию Москвы пришло однажды предложение сделать в одном из храмов стену, на каждом кирпиче которой была бы запечатлена фамилия человека, пожертвовавшего на этот храм сумму от 5 долларов. Понятно, что таких кирпичей потребовалось бы тысячи и тысячи. Эта инициатива по некоторым соображениям не была реализована, но она точно выразила отношение людей к своему имени.

Есть и прямо противоположные примеры. Не задумывались ли вы, почему представители преступного мира скрывают свои имена под кличками, почему дают друг другу так называемое «погоняло»? Конспирация? И да, и нет.

Обратимся к работе авторитетного психолога Арона Белкина «Судьба и власть», где он анализирует феномен партийных псевдонимов. Вожди, устроившие Октябрьскую революцию (называвшуюся до 1927 года октябрьским переворотом) в подавляющем своем большинстве имели псевдонимы. Вспомним некоторые пары «фамилия — псевдоним»: Ульянов — Ленин, Джугашвили — Сталин, Бронштейн — Троцкий, Скрябин — Молотов, Костриков — Киров. Если это делалось ради целей конспирации в условиях преследований царской охранки, то почему уже на вершине власти никто из них не вернул себе подлинное имя? Арон Белкин делает следующий вывод: «Скрыв настоящее имя за вымышленным, легче делать то, что делать нельзя. Придумав кличку, преступник развязывает себе руки».

И действительно, спрятавшись за псевдонимом, включив эту своеобразную защиту своего Я, легче было развязывать террор, грабить крестьянство, убить царя вместе со всей семьей, устроить мясорубку трагического 1937 года, уничтожить духовенство и интеллигенцию, создать ГУЛАГ. По разным под-

счетам, во всей этой войне псевдонимов с народом было уничтожено или пострадало не менее 50 миллионов человек. Мое изучение темы дало такие же результаты.

Я предпринял это отступление с тем, чтобы еще раз подтвердить, пусть в жестко-парадоксальном ключе, важность сохранения своего Я и своего имени в созидательном деле и, наоборот, как в преступном деле неизбежно «бегство в псевдоним».

Лидер должен с особой ясностью усвоить, что его имя, его Я не только вбирает в себя его судьбу и биографию, но и становится частью коллективной судьбы нескольких поколений его предшественников-родичей. «Мое имя — это я сам, фамилия — тоже Я в бесконечной смене поколения. Имя вбирает в себя личность целиком с ее характером и миром эмоций, со всеми регуляторами высшего порядка (сверх-Я, по Фрейдю) той самой инстанции, которую мы защищаем всеми силами от ударов и нападков, которой мы гордимся, когда сделаем что-то доброе и полезное» (А. Белкин).

Для лидера из сказанного выше следует еще одно правило: будьте уважительны к подчиненным, проявляйте и акцентируйте это уважение, и не только на уровне обычной вежливости. Если в вашем коллективе много сотрудников, то особенно важно и полезно публично обратиться к человеку на Вы, прилюдно похвалить его. Реакция людей в таком случае включает в себя изумление, уважение, восхищение лидером за то, что он не только знает тебя по имени-отчеству, не только следит за твоими успехами, но и «подсвечивает» тебя в коллективном мнении.

Этот универсальный прием работает и в бизнесе, и в политике. Им с успехом пользовалась Маргарет Тэтчер, премьер Англии. Ее популярность была основана не только на бескомпромиссной позиции в Фолклендском конфликте, не только на жестких, но эффективных экономических решениях, но и на колоссальной памяти на имена и лица, которую она демонстрировала с обескураживающей простотой.

Будьте доброжелательны. Американцы учат молодых людей улыбаться (keep smile), улыбаться всегда, независимо от того, что, например, в момент улыбки у тебя на душе скребут кошки. Конфуций говорил: «Не открывай свою лавку, если ты сегодня не улыбаешься».

Нужно помнить, что твои проблемы — это твои проблемы и не всегда нужно и уместно «грузить» ими собеседника по двум, по крайней мере, причинам.

Первая: можно испортить его настроение, после чего встреча станет бесперспективной. Вторая: совсем не обязательно обнаруживать в переговорах слабость позиции, наличие проблемных участков в твоём бизнесе или той сфере деятельности, в которой ты работаешь.

Хорошее, бодрое настроение, оптимизм, благожелательность — это те эмоциональные импульсы и волны, которые должен генерировать руководитель лидерского типа.

Абсолютно недопустимы обратные проявления: нервозность, истеричность, срывание интонации в раздражение, крик или окрик. Крик выражает не силу,

а слабость. Некоторые горе-руководители форсируют свой гнев, кричат и грубят подчиненным, полагая, что столь грозный стиль руководства стимулирует коллектив на улучшение работы через страх перед ним, «великим и ужасным». Представляю, каким разочарованием для такого громовержца становится рано или поздно понимание, что он стал не просто ненавидим несправедливо обруганными сотрудниками, но и смешон в их глазах.

Переход на повышенные тона означает потерю контроля и над собой, и над коллективом, утрату коммуникации, по которой воля руководителя должна дойти до коллектива, стать стимулом для общего дела. При этом разрушается и психологический настрой подчиненных. Они начинают волноваться, отступать от своей, в принципе верной позиции под напором негативной эмоциональной энергии. Страдает Я подчиненного, а это значит, что он будет занят прежде всего восстановлением статус-кво, а не непосредственным своим делом. На душе у него надолго сохранится обида.

Надо обязательно четко разделять и не смешивать спор и обсуждение. Спор, особенно с подчиненным и коллегами, неэффективен по определению, жанрово он граничит со ссорой, а ссора, по народному убеждению, до добра не доводит. В споре, серьезно говоря, нет выигравших, но всегда есть потерпевший, чье Я поколеблено.

Сказанное никак не относится к дискуссиям и обсуждениям. Защищайте свою позицию при обсуждении проблем, используйте свое красноречие и свои знания, добивайтесь принятия решения по вашему предложению. Здесь проигравших не будет. Но если ваше предложение уступает по качеству предложению оппонентов, не бойтесь принять их точку зрения. Это лишь укрепит ваш авторитет как свободно и глубоко думающего руководителя, а не ревнивца к чужому успеху.

Будьте особенно внимательны к инициативе сотрудников, поддерживайте даже малейшие проявления инициативы. Надо воспитывать и стимулировать вкус к инициативе как инструменту и средству достижения общего успеха. Инициатива подчиненного — новация в рамках коллектива, а вот отсутствие новаций на государственном уровне, отказ от принятия государственно важных решений и проектов означает весьма неопределенные, если не катастрофические, перспективы такого государства.

Хочется привести пример из моей практики советского периода работы. В 1987 году сложилась тяжелая ситуация с продовольственным обеспечением столицы, особенно овощами и картофелем. Привлечение учебных и трудовых коллективов для ручной грязной работы на овощебазах, полная дезорганизация хозяйства, недостаток простого набора овощей, низкое качество — все это надо было искоренить. Нам было поручено исправить положение. Начали с предложения по повышению материальной заинтересованности в улучшении условий хранения продукции на базах. Ввели новые нормативы, обеспечивавшие общую выгоду для города, государства, потребителей и работников отрасли, для коллективов баз.

Эти нормы не были утверждены Госагропромом СССР!

Тем не менее результаты новаций оказались феноменальными, они выразились в экономии продукции, повышении ее качества. Оказалось, что недреманное око Госкомитета народного контроля СССР бдительно следит не за результатами, а за правильностью выполнения формальных процедур. Выступая на заседании этого грозного органа, я позволил себе утверждение, что он создан для подавления инициативы на местах, а общий итог такой деятельности будет плачевным для государства. Результат, правда, оказался на тот момент плачевным для нас — слишком велика была обида чинуш на справедливую критику. Но главное не в этом, конечно. Главное в том, что косная государственная машина в конце концов просто оцепенела и деградировала, а вслед за этим, через считанные годы, распалось и само государство. Связь «овощного дела» с этим процессом не является во всем объеме причинно-следственной, но она, несомненно, есть.

Когда мы говорим об эффективности, инициативе и максимальной отдаче ваших сотрудников или коллег, действуйте исходя из принципов описанных в замечательной работе Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей»:

— не делайте человека врагом или недоброжелателем, если хотите получить пользу от общения с ним;

- максимальные результат работы твоего коллеги или твоего подчиненного будет тогда, когда он захочет сам выполнить эту работу.

Из второго тезиса следует важнейший вывод о том, что приказ или угроза подчиненному не создают необходимого творческого настроения у подчиненного на выполнение поручения. Принуждение сообщает работе признаки рабства, а рабский труд никогда не был производительным.

Наибольший успех достигается, когда человек считает поручение частью своего творчества, когда он видит в работе добротную возможность утверждения нового уровня Я в себе самом и в коллективе, а то и в обществе. Большинство людей честолюбиво, и это прекрасно: стремление к успеху, известности, авторитету следует лишь поощрять.

В силу этих обстоятельств следует полагать одной из основополагающих способностей лидера умение возбуждать энтузиазм в своей среде, своем коллективе, своем сообществе. Такое качество лидера проецируется на его окружение, укрепляет общие силы. Бесцветный или серый лидер, тусклый, лишенный энтузиазма руководитель, независимо от масштабов его власти, будь это правительство или некая фирма, в конце концов приводит дело к упадку или же глубокой стагнации. Такого рода руководителей было в нашей стране и на нашем веку довольно-таки много, есть они и сейчас. Они продолжают красть у страны и народа самое главное: историческое время для развития. Посредственность и во власти не перестает быть посредственностью, но при этом результаты ее деяний поражают объемом вреда для государства и людей.

Важно понять коренное различие между подлинным лидером и руководителем, поставленным на пост вышестоящей властной рукой. Назначенец далеко не всегда соответствует необходимым интеллектуальным, нравственным, ор-

ганизационным, личностным критериям, применяемым для кандидата на высокую должность. Чиновник — вот предел его компетенций. Чиновник, а не созидатель.

Жизнь подлинного лидера трудно назвать легкой, но она всегда яркая и интересная. Почему же лишь малая часть молодежи заявляет о своем стремлении к лидерству, с которым, не сбросим этого со счетов, связаны и почет, и уважение? (Припоминается анекдот о том, как за попугая, сидящего на запястье продавца, тот просил 100 долларов, за сидящего на сгибе локтя — 200, а за того, который устроился повыше, на плече, — все 300. При этом попугаи были одной породы, одного вида и одного возраста. Разницу цен продавец объяснил следующим образом: первый попугай умеет говорить, второй знает два языка, а третий вообще немой от рождения, но два первых называют его шефом!)

Обычно называется уровень в 17 % претендентов на лидерство от общего числа молодежи. Считается, что это мало.

Нет, не мало! В самый, пожалуй, раз. Вспомним так называемую норму управляемости — научно выверенную категорию. Она выражается соотношением один к восьми, то есть для эффективного управления у руководителя должно быть восемь подчиненных.

Не кажется ли после этого справедливым соотношение тринадцати к ста как соотношение практически один к восьми?

Что останавливает оставшиеся 87 % молодежи в желании подарить обществу своё выдающееся Я? Прежде всего объективно высочайшие требования к качествам лидера.

Капитально глубокое исследование умственного потенциала населения дало широко распространенный и равный по регионам результат, соответствующий так называемой кривой нормального распределения, впервые описанной гениальным Гауссом. Графически она представляет собой горб с пологими краями по сторонам. Слева, практически у нулевой отметки, помещаются одиночные гении, выше по кривой — таланты в большем, конечно, количестве, на следующем уровне — растущее число умных, а на вершине горба — основная масса людей, обладающих обычными средними способностями.

Правый склон горба держит на себе по убывающей от массы к единицам число людей с разным уровнем интеллекта. Если на самом вершине это средний уровень, то на самом низу — уровень дебилов, которых в обществе очень, по счастью, мало.

Кривая Гаусса настойчиво подсказывает, что для воспитания в себе лидерских качеств нужен серьезный интеллектуальный потенциал. Обмануться на этот счет, согласитесь, сложно при любом уровне честолюбия.

Второй тормозящий момент заключается в том, что большинство людей прекрасно понимают, что роль лидера — это роль тяжеловеса, не имеющего возможности для передышки или остановки на привале. Твоя лидерская ответственность всегда с тобой, она становится частью твоей личности, непременным условием и обстоятельством жизни. Нелегким условием и не самым комфортным обстоятельством.

Есть и еще одно трезвое наблюдение: потеря лидерского положения — вещь сложная и трудная. Особенно если твое отстранение от дел обусловлено не личным поражением или несоответствием уровня требованиям, а всего лишь абсурдной и нелепой волей того, кто может снять с тебя функцию лидера.

Третий исключительно важный фактор, который понимают многие из числа думающих о лидерстве, заключается в высочайшей ответственности за судьбу поверивших тебе людей. Не имеет значение, маленький ли это коллектив или целое государство. Характер ответственности един и неизменен: ты не имеешь права или привилегии ломать и корезить судьбы тех, кого ведешь за собой.

Сумма требований к качествам лидера колоссальна по объему и чрезвычайно многогранна по составу. Это доброжелательность и искренность, принципиальность и дипломатичность, умение поощрить и умение наказать, причем эти разнонаправленные действия должны по законам диалектики дать равно позитивный результат. Глубокое внимание к работе одного подчиненного должно сочетаться со способностью оценивать работу всех, и оценивать безошибочно. Надо видеть в каждом из своих подчиненных его Я, его личность, и не только эксплуатировать эту личность в интересах дела, но и развивать ее.

Естественная забота о своем авторитете и собственном реноме не должна превалировать над интересами дела, ибо лишь успех в делах способен создать подлинно высокий авторитет.

Нужно также уметь слушать человека, независимо от того, подчиненный ли он или твой вышестоящий руководитель. Приведу красноречивый пример.

Я был руководителем крупнейшей инженерной фирмы, производившей средства автоматики для химической отрасли. Производству нужны были станки. В то время в СССР они отпускались по нарядам. В министерстве выделением нарядов ведал бывший директор крупного химического предприятия в Сибири, а в описываемое время — заместитель министра Иван Резниченко. Он был строгим и принципиальным человеком. У него была одна симпатичная мне «слабость»: увлечение разработкой технологических процессов в хлорной отрасли. По делам фирмы я побывал в Сибири и поинтересовался на месте, как идут дела с инновациями бывшего директора. Придя после этого на прием к заместителю министра, я начал разговор не со своей просьбы, а с проблем пуска новых производств в хлорной отрасли. Завязался заинтересованный профессиональный разговор, по-настоящему интересный и мне, и Ивану Резниченко. И лишь через полчаса он спросил, с какой целью я к нему пришел. Я доложил цель визита и смысл просьбы и в результате получил все, даже то, о чем и не мечтал!

Так эффективно работает на практике принцип внимания к делу, которым занят человек, интерес к его интересу, уважение к его компетентности.

Современные бизнесмены сообщают мне о другом типе интересов, с которым они нередко сталкиваются в высоких кабинетах. Это алчный интерес к кейсу с пачками купюр. Горько, но это так.

В работе лидера нет мелочей. Например, он встречается со многими людьми. Как здороваться с ними? Здесь нет одного приема. Если вы здороваетесь

с человеком, который впервые приходит к вам и вы его не знаете, и это происходит в вашем кабинете, встаньте, выйдите из-за стола, протяните первым руку для рукопожатия. Сделайте это энергично, после чего пригласите его сесть визави и начните разговор.

К вам пришел близкий вам коллега, с которым ранее решались многие совместные задачи. Приветствуйте его улыбкой, всем видом покажите, что вы рады этой встрече. Рукопожатие должно быть другим, в зависимости от степени вашей близости. Возьмите его за локоть или обнимите за два плеча и покажите этим самым расположение к своему товарищу, коллеге, соратнику.

Начните разговор с предложения чашечки кофе и с «разминки», но не затягивайте и покажите коллеге ваш деловой настрой.

Когда к вам по делу пришла женщина, обязательно встаньте, выйдите из-за стола для приветствия, но дождитесь, когда она первая протянет руку для рукопожатия. Не стесняйтесь сказать ей простенький комплимент о том, как она хорошо выглядит или какая замечательная брошь на ее платье.

Бывшая госсекретарь США Мадден Олбрайт, большая любительница носить крупные броши, была польщена моим замечанием при встрече с ней о том, какая замечательная брошь у неё и как она хорошо подобрана к блузе.

Совсем другой вариант возникает, когда вы приходите к руководству более высокого ранга. Обязательно дождитесь, когда пригласивший вас руководитель сам проявит инициативу рукопожатия и других элементов встречи. Вполне может быть, что он недоволен вашими действиями, хочет не только словами, но и особой холодностью, официальностью показать свое отношение к вам. Будет неудобно, когда протянутая вами рука повиснет в воздухе.

Со мной такое случилось лишь однажды, но запомнилось навсегда. Я был приглашен к Ельцину, тогда президенту России, с тем чтобы, как я понял позднее, выслушать жесткую критику за мое принципиальное неприятие так называемой приватизации по Чубайсу. Я много и резко критиковал эту неолевостовскую программу развала реальной экономики страны. Чубайсу и компании эта моя позиция категорически не нравилась, потому что она буквально разоблачала преступный характер такой приватизации. Эти люди упростили Ельцина жестко поговорить со мной.

Войдя в кабинет, я по традиции и в соответствии с протоколом протянул ему руку, но он ее не пожал. Заранее подготовленные телевизионщики угодливо показали этот эпизод стране и миру.

Такова бывает иногда цена обыденного, казалось бы, действия — рукопожатия президента страны и мэра столицы.

Кстати сказать, отмечу объективности ради, что Ельцина невозможно упрекнуть в бескультурном поведении, в частности он ни при каких обстоятельствах не позволял себе ненормативной лексики.

Перейдем к следующей части наших размышлений о лидерстве. Современная жизнь насыщена информационными потоками, человек беззащитен перед ними, если же он является лидером, то есть ньюсмейкером по определению, то следует знать некоторые принципы взаимоотношений со СМИ, и, в част-

ности, с вездесущим телевидением. Они касаются как поведенческих аспектов, так и стратегии выстраивания себя в информационном поле.

Смотрящий на вас объектив телекамеры является как бы коллективным глазом многомиллионной аудитории. Не отворачивайтесь от этого глаза: вы смотрите на людей, они смотрят на вас. На вопросы отвечайте просто, лаконично, не увлекайтесь междометиями, не частите. Мыслите вслух и на глазах.

Я посоветовал бы также не принимать участия в ток-шоу, где побеждает тот, кто больше врет и громко кричит. Участие в таких балаганных перекрикиваниях может размыть ваш авторитет как человека глубочайших знаний и безупречных принципов. Обе эти составляющие бесконечно важны.

Отсюда наш переход к следующей группе вопросов.

Всегда ли лидер знает дело и его детали лучше подчиненных? Является ли он (в политике) оракулом? Представляет ли он истину в первой и последней инстанции? Лидер — это обязательно гений?

Не бойтесь ответить «нет» на все четыре вопроса. Людей, олицетворяющих четыре «да», просто не бывает. Лидеру, так же как и всем остальным, свойственно ошибаться.

Другое дело, что у лидера право на ошибку не так безусловно, как у его коллектива или его партии. Лидер ведет за собой массы, отвечает за них, служит им. Цена ошибки в этом варианте громадна. Вспомним хотя бы о цене украинского Майдана.

Ошибка будет тем меньше, чем больше необходимых качеств будет у лидера. О многих из них мы уже говорили. В их числе не рассматривалось наличие глубоких, глубочайших специальных знаний по каждому направлению деятельности. Почему?

Потому что не требуется. Потому что это невозможно.

Петру Первому в его эпоху было жизненно необходимо явиться государству и мореплавателем, и плотником, и полководцем. Он умел многое, но достиг максимума возможного в конкретных исторических обстоятельствах лишь тогда, когда подобрал и воспитал плеяду государственников, управленцев, ученых, художников, ремесленников, мастеров, специалистов и, конечно же и прежде всего, единомышленников.

Как лидер вы не должны бояться брать в свою команду самых компетентных специалистов, людей глубоких знаний, нестандартного образа мыслей и действий. Дайте им свободу — и вы будете поражены результатом, ибо эти люди конкурируют не с вами, а с самими собой, они стремятся превзойти себя.

Никогда не будет надежным залогом успеха целевой подбор команды, все члены которой заведомо слабее лидера. Вспомним прекрасную работу Нортон Паркинсона «Пути прогресса, или Законы Паркинсона», где он саркастически описывал английский бюрократический стиль, когда каждый руководитель подбирает своих сотрудников исходя из того, что они должны обладать меньшим и худшим потенциалом, чем он сам, чтобы не стать конкурентами ему, руководителю. Таким образом деградирует вся структура кадров снизу доверху.

Руководителю гораздо важнее располагать набором качеств, необходимых для принятия решений высшей степени компетенции, он должен быть непревзойденным стратегом, видеть все проблемы во всей их полноте.

Руководитель — это системник-интегратор, объединитель и мотор совместных усилий.

Он должен планировать успех с точностью технолога, а свое время организовывать наиболее рациональным образом. Это аксиома. Припоминается случай, когда к успешному руководителю крупного предприятия пришел журналист и стал задавать элементарные вопросы о планировании рабочего дня, графике встреч, перечне нужных звонков. На большую часть этих вопросов мог бы компетентно ответить секретарь, но журналист продолжал «пытать» руководителя формальной, по сути, стороной его работы. В завершение интервью он задал совсем уж «неожиданный» вопрос: как руководитель заканчивает свой рабочий день.

Руководитель не без легкой насмешки дал «неожиданный» ответ: «Очень просто. Закрываю рот и ухожу».

Грамотное планирование рабочего дня — это всего лишь первое и очевидное действие руководителя. В десятки раз важнее организовать системную работу всей команды. Одними увещаниями этого не достичь. Трудно представить, какой замечательный эффект мы получили в нашем научно-производственном объединении, когда создали так называемый оперативный календарь нашей организации, предусматривающий обязательное исполнение всех государственных задач, отчетность, четкий график работы, своевременное составление и исполнение планов деятельности. В нашей фирме этот оперативный календарь стал буквально настольной книгой для руководителей всех уровней и для всех исполнителей. У каждого из нас была точная карта действий. Каждый знал свой маневр и действия коллег.

В книге «Куда подевались все лидеры» крупнейший американский бизнесмен Ли Яккока подчеркивает, что подчиненным надо давать не устные, а письменные указания. Казалось бы, мелочь, деталь. На самом деле письменное указание всегда более точное, чем устное, и к тому же не дает подчиненному никакой возможности сослаться на то, что он чего-то не понял.

Молодой лидер, переполненный энергией и желанием сделать все и сразу и получить результаты своей бурной деятельности здесь и сейчас, может упустить перспективу. Понятна радость от ощущения конкретных результатов своего труда, внутреннего восторга от правильного решения. Этот восторг сравним с глубоким эмоциональным чувством, которое испытывает творческий гений, создавший новое музыкальное произведение, написавший литературный шедевр, закончивший выдающееся живописное полотно. Природа вдохновения и творчества, радость сотворения новой сущности одинаковы в различных областях деятельности. И надо отметить, что состояние восторга всегда кратко, ибо существует нацеленность на перспективу.

Наличием такой нацеленности как раз и отличается лидер стратегического уровня от удачливого автора победы на промежуточном этапе.

Дело в том, что основная масса его коллег и подчиненных зачастую и не задумывается о перспективе. Вовлеченные в творческий процесс, они как бы перепоручают лидеру заботу о завтрашнем дне, о следующем шаге, об очередной цели. Это справедливое и естественное распределение ролей.

Объясню его на еще одном примере из личной практики. В зоне моего интереса, объясняемого давней любовью к земле, лежит в том числе и сельское хозяйство. Этот интерес я реализую в качестве руководителя одной сельскохозяйственной структуры, которую в короткие сроки удалось не только поставить на ноги, но и «вывести в люди», то есть получать здесь приличные урожаи зерновых. На первый взгляд, все идет как бы само собой: вспахивается и засеивается поле, вносятся удобрения, закупаются запасные части и топливо. Люди заняты каждый своим делом, а в сумме получается слаженная дружная работа. Но при этом руководитель, и только он, обязан думать о следующем годе, следующем хозяйственном и природном цикле, финансах, логистике и всем том, что не касается непосредственно исполнителей. На его плечах забота о решении всех вопросов, включая занятость и зарплату людей, перспективы развития хозяйства на годы вперед.

Логика забот, распределение функций, определение приоритетов, забота о настоящем и будущем, использования всего диапазона инструментов управления и прогнозирования процессов являются в известной мере типовыми для структур разного количественного уровня, решающих социально значимые задачи. И не случайно лучшие руководители формируются из практиков, а государственные мужи, пересевшие в министерские кабинеты из партийных редакций, всегда проваливают дело, что мы и видели в недавнем прошлом на примере гайдаровской компании.

В не столь уж далеком прошлом я, в порядке шутки, предложил номинировать меня на Нобелевскую премию за новую формулу работы нашего научно-производственного объединения: «произведение мысли на металл есть величина постоянная». (На место металла можно поставить бетон, пластмассу, урожай зерновых или надой молока — то есть овеществленный результат труда.) Смысл формулы в том, что оригинальное творческое решение сложной задачи, вложенная в решение интересная мысль потребуют намного меньше материальных затрат. И вопреки Карлу Марксу, который в свое время сказал, что наука не может представлять собой материальное измерение, наше время доказало обратное.

Вспомним великого русского инженера и конструктора Шухова, спроектировавшего многие прекрасные пространственные конструкции. Ставшая знаменитой и названная его именем телевизионная башня в Москве была символом прогресса в радиовещании, а впоследствии и в телевидении, оставаясь при этом примером блистательного инженерного решения. Она, при всех сопоставимых показателях, весит примерно в двадцать раз меньше Эйфелевой башни. Действительно, произведение мысли на затраты металла есть величина постоянная!

Очертив основные закономерности и предпосылки пути к лидерству и поддержанию лидерства, хотел бы предостеречь потенциальных лидеров от весьма

распространенной в России ошибки. Она связана с самыми первыми шагами на стезе лидерства и заключается в том, что вновь назначенный руководитель начинает свою деятельность с жаркой критики предшественника. Никогда не делайте подобных вещей, ибо такого рода критика не только не отвечает нормам отношения к прошлому и к другому руководителю, но и сразу же определит довольно невысокую цену, которую назначат вам подчиненные и коллеги.

Вспоминается ироничный анекдот советского времени, когда уволенный начальник передает своему преемнику три запечатанных конверта. Первый вскрой завтра же, сказал покидающий свой пост руководитель. Преемник так и сделал и прочитал: «Будут критиковать, вали все на меня. Когда перестанет действовать, вскрывай второй конверт».

Время второго конверта настало очень быстро. В нем была записка следующего содержания: «Кайся в недостатках и упущениях, проси время на исправление. Когда перестанет действовать, вскрывай третий конверт».

Время третьего конверта не заставило себя ждать. В нем находился листок с последним наставлением: «Готовь три конверта».

Грустная история — о ком? О двух псевдо-руководителях, о так называемой несменяемой обойме руководителей, которым безразлично, филармония или баня поручена их заботам. В конечном счете — о системе, которая не генерирует лидеров.

Расул Гамзатов, по-моему, сказал: «Если вы стреляете в прошлое из пистолета, то будущее вас расстреляет из пушки».

И еще одно пожелание: никогда не торгуйте своими принципами, не бойтесь проиграть, когда ситуация будет выше вашей способности ее преодолеть.

Помните: честь — никому. Сохранивший честь — сохранил себя. Вспоминается в связи с этим судьба великого китайского реформатора Дэн Сяопина, который в годы так называемой культурной революции был низвергнут со всех высоких постов, прошел суровую опалу и не только не сломался, но в свой срок возглавил Китай и осуществил беспрецедентно успешные и масштабные реформы.

Его гонители забыты, его имя — в истории Китая и всего мира. Высокая судьба!

Я предпринял эту работу исходя из глубокого понимания необходимости синтеза опыта и молодой энергии, нормального цивилизованного консерватизма и новых прорывных социальных технологий. России не на кого рассчитывать, кроме россиян, в особенности — молодого поколения. К нему я и обращаюсь.

Среди вас, дорогие мои друзья, и будущие президенты, и лидеры бизнеса, и влиятельные политики, и гениальные ученые и творцы. Все вакансии открыты, Россия ждет.

Будьте лидерами.

Содержание

На пороге Книги о власти. Авторское предисловие	3
Куда ведет нас власть и зачем нужна власть	8
Властители, уничтожавшие великую страну	23
Три жизни властителя	46
Николай II	62
Ленин	82
Сталин.....	101
Маленков	128
Хрущёв.....	136
Брежнев.....	167
Андропов	187
Черненко	196
Горбачёв и Ельцин.....	204
Ельцин и Горбачёв.....	228
Горький опыт. Трагические уроки. Грозные предупреждения	278
Реалии и предупреждения российской власти	297
Власть: цели. Действия. Команда. Результаты	315
Власть и Церковь	327
Власть в зеркале мифа	334
Власть и природа	341
Почему мельчают властители.....	381
Секреты лидерства.....	391

Научно-популярное издание

Лужков Юрий Михайлович

**ВЛАСТИТЕЛИ, УНИЧТОЖАВШИЕ ВЕЛИКУЮ СТРАНУ.
РОССИЯ. XX ВЕК.**

Корректор ***О.Б. Бубликова***

Дизайн, верстка ***Е.А. Бессонова***

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

Подписано в печать 19.08.2019. Формат 70 x 100 1/16.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

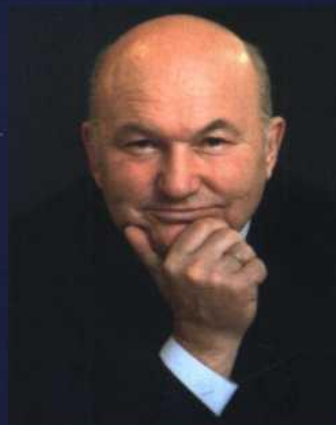
Печ. л. 26. Тираж 1500 экз. Заказ №0-2331.

Отпечатано в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Юрий Михайлович Лужков — видный российский политик, мэр Москвы в 1992 — 2010 годах. Прагматик и созидатель, поборник сильного государства с регулируемой многоукладной рыночной экономикой. Единственный в верхах российского властного истеблишмента непримиримый противник «гайдарономики», поддельного монетаризма и расхищения стратегических активов некомпетентными «эффективными менеджерами».

В истории нашей страны в XX веке её властителями были революционеры и консерваторы, созидатели и разрушители, государственники и псевдолибералы. Ни один из них не был последовательным продолжателем программы и действий предшественника, не у каждого были качества, необходимые для успешного властвования. Слишком часто и слишком круто менялся курс государства, пересматривались основы политики и хозяйствования, а в итоге расплачивался за ошибки вождей великий народ.

В новой книге Юрия Лужкова повествуется о роковых ошибках, недоработках, провалах и промахах властителей России в XX веке, об их месте в истории и памяти поколений, об их роли и вине в том, что Россия не заняла в мире того места, которое могло бы по праву принадлежать ей.

ISBN 978-5-4484-0689-8

9 785448 406898